

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

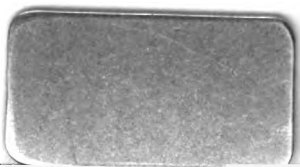
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P. 236.7

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

МАРТЪ

8245
98-21

1879

ДѢЛО

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

№ 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ВЪ ЧУЖОЙ СЕМЬѢ. Романъ.
(Часть I. Гл. VI—VII. Часть II. Гл. I—II). . . . . Н. СЕВЕРИНА.
2. ГАТУМ. Стихотвореніе. . . . . Н. К. БОБЫЛЕВА.
3. МАЮРША. Драма въ пяти дѣй-
ствіяхъ. . . . . Н. В. СПАЖИНСКАГО.
4. ИЗЪ МРАКА. Стихотвореніе . . . . . Н. К. БОБЫЛЕВА.
5. ОБЛАВА. Отрывокъ. . . . . Н. Ф. БАЖИНА.
6. КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ДЕМО-
НИЗМА. (т. третья). . . . . Л. И. МВЧИКОВА.
7. ТАЙНА БАЛЬДЫ. Романъ. (Глава
XXIV—XXXVI.) . . . . . А. МАТВЕИ.
8. БОЛѢЗНЬ ВѢКА. Стихотвореніе. . . . . С. М. АРХАНГЕЛЬСКАГО.
9. ГОСПОЖА АНДРЕ. Романъ. (Гл.
VIII—XVII.) . . . . . ЖАНА РИШЦЕНА.
10. СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВО НАКА-
НУНѢ СВОЕГО ЮБИЛЕЯ. . . . . С. С. ШАШКОВА.

(См. на оборотѣ.)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

11. МУЖИКЪ ВЪ САЛОНАХЪ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ. (Ст. первая.) . . . . . П. НИКИТОВА.

(По поводу романовъ, повѣстей и очерковъ изъ народнаго быта гг. Иванова, Златовратскаго, Вологодина и А. Потѣхина.)

12. ДѢТСКОЕ БЕЗВРЕМЯНЬЕ. . . . . Н. В. ШЕЛГУНОВА.

„Дѣтское чтеніе“, годъ десятый, томъ XIX и XX. Спб. 1878 г.—Педагогическій листокъ (для родителей и воспитателей). Приложение къ журналу „Дѣтское чтеніе“. Спб. 1878 г.

13. НОВЫЯ КНИГИ . . . . .

Желѣзнодорожныя трущобы. К. А. Лебедева. Спб., 1878. — **Красный фонарь.** Рассказъ для дѣтей. Н. Р. Вучетича. Спб., 1879. — **Третій червонецъ.** Сказка для дѣтей. А. Г. Лакидз. Спб., 1879. — **Сказка о пчелъ-мохнаткѣ.** Рассказъ для дѣтей. В. П. Аленариуса. Спб., 1879. — **Неунывающие россияне.** Рассказы и картинки съ натуры. П. А. Лейкина. Спб., 1879. — **Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи.** Вл. Михневича. Спб., 1879. — **Черногорія и ея война съ турками въ 1877 — 78 годахъ.** Изъ воспоминаній д-ра А. В. Щербака. Спб., 1879. (Выпускъ первый.)

14. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. . . . . П. Ш.

Циркуляръ министра народ. проsv. къ попечителямъ округовъ о помощи бѣднымъ ученикамъ.—Отчего усиливается наплывъ въ учебныя заведенія и отчего число бѣдныхъ учениковъ увеличивается?—Шаткость и неопредѣленность спроса и предложенія на интелектуальныя силы.—Можно-ли обойтись безъ благотворительности при настоящемъ экономическомъ положеніи?—Дѣятельность обществъ вспомошествованія и недостаточность ихъ помощи.—Невозможность разчета на правильную ихъ организацію.—Какъ организовать се въ новомъ видѣ—въ формѣ общежительствъ съ обязательнымъ налогомъ.

15. ОЧЕРКИ НОВОЙ ИРЛАНДІИ . . . . . С. С. Ш.

(New Ireland, by A. M. Sullivan, 2 v., Lond. 1878.)

16. КАЛЕЙДОСКОПЪ. Литературныя и общественныя замѣтки. . . . . П. МИЗАНТРОПОВА.

Что называется „внутренними вопросами“ и стоить-ли говорить о такихъ пу-стыякахъ?—Наглядный отвѣтъ на это въ образѣ угольной гостыи.—„Черная смерть“ или левантійская чума?—Лучше поздно, чѣмъ никогда.—Еще два слова объ астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ. Просаливаніе и уважованіе рыбы.—Купцы и сифились.—Санитарное усердіе городскихъ думъ.—Саратовскій пиръ во время чумы.—Московскіе женихи изъ ножевой линіи.—

О ПОДПИСКѢ
НА
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1879 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ издаваться въ 1879 году, при постоянномъ участіи прежнихъ его сотрудниковъ, въ томъ-же направленіи и по той-же программѣ, какъ и въ прошлыя двѣнадцать лѣтъ.

Годовое изданіе журнала „Дѣло“ состоитъ изъ *двѣнадцати* книгъ, отъ 30—32 листовъ каждая, большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛУ НА ГОДЪ:

безъ пересылки и доставки . . . . 14 р. 50 к.
съ дост. въ Петербургъ . . . . . 15 р. 50 к.
съ пересылкой иногороднимъ . . . 16 р. „

ЗА-ГРАНИЦУ ВО ВСѢ ГОСУДАРСТВА. . 19 р.

Подписку просить адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „Дѣло“, по Надеждинской ул., д. № 39.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было-бы адресовать прямо книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтового приѣма и отвѣтственного почтового учрежденія.

2) Когда книжка журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не приметъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же нумеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать двѣ почтовыхъ восьми-копеечныя марки за напечатаніе адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородній уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногородняго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресуются исключительно въ контору редакціи.

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получать отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ „Дѣло“, а равно и рукописи напечатанныхъ статей хранятся въ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются.

8) Высылка рукописей иногороднимъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. ЧАРЛЬСА ДАРВИНА. Перев. съ англ., подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Росселя Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Популярная гигиѣна. Настоящая книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое. 1878 г. Съ приложеніемъ „Военной гигиены“ д-ра Войнмана. Съ рисунками. Цѣна 2 руб.; съ пересылкой 2 руб. 30 к.

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 руб.; съ перес. 3 р. 30 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціей А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. В. Исарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Юг. Шерра. Историческій образъ событій въ 1818 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обомъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 30 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмцк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическія дѣятели. (Биографіи и характеристики) Э. Реклю (М. Триго). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ Иполита Ньево, перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 руб.; съ перес. 1 руб. 25 к.

Автобіографія Джона Стюарта Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 руб. 20 к.; съ перес. 2 р. 30 к.

Видъ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лягнева, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ, Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

Русскіе историческія женщины. (Женщины до-петровской Русь). Д. Л. Мордовцева. Цѣна 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 к.; съ перес. 70 к.

Сочиненія Ф. М. Толстаго. (Повѣсти и рассказы). Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Цѣна. 1 р. 50 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Н. Потехина. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Беллетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Цѣна 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Цѣна. 50 к.; съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антони Троллопа. Перв. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 20 к.

На ось вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „ДВЛО“ уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки.)

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

- Берегъ моря. Романъ изъ крымской
жизни, въ двухъ частяхъ. (Часть
I. Гл. VI—X.) . . . . . *Е. Л. Маркова.*
- Сибирское общество въ началѣ XIX
вѣка. (Окончаніе.) . . . . . *С. С. Шапкова.*
- Прекрасная могила. Стихотвореніе . . . . . *П. Я.*
- Въ чужой семьѣ. Романъ. (Часть I.
Гл. III—V.) . . . . . *Н. Северина.*
- Культурное значеніе демонизма. (Ст.
вторая.) . . . . . *Л. Мечникова.*
- Паукъ. Стихотвореніе. . . . . *П. Я.*
- Тайна Бальды. Романъ. (Гл. XIII—
XXIII.) . . . . . *А. Маттеи.*
- Клодь Бернаръ . . . . . *С. Подолинскаго.*
- Госпожа Андре. Романъ. (Гл. I—VII.) *Жана Ришэна.*
- Осенній сонетъ. Стихотвореніе . . . . . *С. А. Андреевскаго.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Испанская литература новаго вре-
мени. . . . . *Н. Басардина.*
- Новыя книги. . . . .
- Чума . . . . . *Д-ра А. Г. Полотебнова.*
- Англія и Авганистанъ . . . . . *В. Н. Исполатова.*
- Пермское земство. (Ст. вторая.) . . . . . *Ч. Н.*
- Внутреннее обозрѣніе. . . . . *Н. Ш.*
- Картинки общественной жизни . . . . . *Откровеннаго Писателя.*

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ.

Въ чужой семьѣ. Романъ. (Часть I. Гл. IV—VII. Часть II. Гл. I—II).	<i>Н. Северина.</i>
Fatum. Стихотвореніе	<i>Н. Бобылева.</i>
Маіорша. Драма въ пяти дѣйствіяхъ.	<i>И. В. Спажинскаго.</i>
Изъ мрака. Стихотвореніе	<i>Н. Бобылева.</i>
Облава. Отрывокъ	<i>Н. Ф. Бажина.</i>
Культурное значеніе демонизма. (Ст. третья.)	<i>Л. И. Мечникова.</i>
Тайна Бальды. Романъ. (Гл. XXIV— XXXVI.)	<i>А. Маттеи.</i>
Болѣзнь вѣка. Стихотвореніе	<i>С. М. Архангельскаго.</i>
Госпожа Андре. Романъ. (Гл. VIII— XVII.)	<i>Жана Ришпэна.</i>
Сибирское общество наканунѣ своего юбилея.	<i>С. С. Шашкова.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мужикъ въ салонахъ современной беллетристики. (Ст. первая.)	<i>Н. Никитина.</i>
Дѣтское безвременье	<i>Н. В. Шелунова.</i>
Новыя книги	
Внутреннее обозрѣніе	<i>Н. III.</i>
Очерки новой Ирландіи	<i>С. С. III.</i>
Калейдоскопъ. Литературныя и об- щественныя замѣтки	<i>Н. Мизантропова.</i>
Чума	<i>Д-ра А. Г. Полотебнова.</i>
Литературное мародерство	

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ Г. Е. ВЛАГОСВѢТЛОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.
1879.

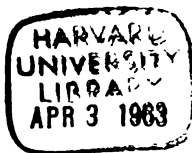
Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные годовые экземпляры „ДѢЛА“ за послѣдніе три года можно приобрѣсть въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1876 годъ съ пересылкою 7 р.

За 1877 годъ „ 10 р.

За 1878 годъ „ 12 р.

Отдѣльные номера журнала съ пересыл.
по 2 р.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 марта 1879 года.

ВЪ ЧУЖОЙ СЕМЬѢ.

(Посвящается Нинѣ Ивановнѣ Еремѣевой.)

РОМАНЪ.

VI.

Ртищевъ такъ привыкъ каждый вечеръ слушать игру и пѣніе панны Миленской, что, гдѣ-бы онъ ни былъ, его къ восьми часамъ вечера тянуло домой, къ тому мѣсту у забора, откуда не только было слышно, но даже видно то, что происходило въ домѣ сосѣдей.

Когда дурная погода не позволяла ему наслаждаться этимъ удовольствіемъ, онъ не зналъ, куда дѣваться отъ скуки, а съ наступленіемъ осени такіе вечера начали выдаваться все чаще и чаще. Она въ домѣ Миленскихъ затворялись раньше и наконецъ совершенно перестали отворяться. Иногда, возвращаясь въ сумерки домой съ прогулки или съ какого-нибудь официального, скучнаго обѣда, Ртищевъ встрѣчался съ прелатомъ, осторожно пробравшимся по тропинкѣ, протоптанной черезъ грязную улицу отъ его дома къ дому Миленскихъ. Они раскланивались, какъ люди, представленные другъ другу нѣсколько недѣль тому назадъ на званномъ завтракѣ у губернатора, и проходили каждый своей дорогой: Ртищевъ въ нижній этажъ пирожковскаго дома, а прелатъ къ своей хорошенькой ученицѣ. И весь вечеръ послѣ такой встрѣчи мерещилась Ртищеву домашняя обстановка интересныхъ сосѣдей: красавица Ксаверія за роялемъ, ея черная, сухая

мать у чайнаго стола въ сосѣдней комнатѣ, а рядомъ, въ рабочемъ кабинетѣ, молодой архитекторъ съ своими друзьями.

Обстановка эта была ему хорошо известна. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сюда переѣхалъ жить, ему нерѣдко случалось замедлять шагъ, проходя мимо оконъ Миленскихъ, и засматриваться въ нихъ. Теперь это было тѣмъ болѣе удобно, что, съ наступленіемъ темныхъ осеннихъ вечеровъ, яркій свѣтъ отъ двухъ стѣнныхъ лампъ и отъ свѣчей на роялѣ ярко пробивался сквозь прозрачную кисею и между широкими глянцевитыми листьями тропическихъ растеній, замѣняющихъ ставни у оконъ.

Однажды, пользуясь наступавшей темнотой и густымъ, сырнымъ туманомъ, заволакивавшимъ улицу, да мелкимъ дождичкомъ, гнавшимъ безъ оглядки домой рѣдкихъ прохожихъ, Ртищевъ даже позволилъ себѣ остановиться тутъ и подслушивать.

Ксаверія пѣла сольфеджіо, но онъ зналъ, что за сольфеджіо послѣдуетъ какая-нибудь арія изъ „Ченерентолли“ или изъ другой оперы. Онъ даже зналъ, что сольфеджіо она будетъ заниматься до тѣхъ поръ, пока Марихна не внесетъ зажженныхъ лампъ и свѣчей въ комнату, и терпѣливо ждалъ этой минуты.

Но сегодня появленіе Марихны почему-то замедлилось. Сольфеджіо кончилось, домъ не освѣщался и ни единого звука не вылетало изъ него.

Дождь продолжался и даже по временамъ кропиль сильнѣе. Толстое пальто Сергѣя Александровича начинало пропитываться сыростью, и легкая дрожь пробѣгала по его тѣлу, навѣвая смутныя воспоминанія о той ночной прогулкѣ по набережной, послѣ которой онъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вынесъ такую тяжкую болѣзнь. Однако, Ртищевъ продолжалъ стоять подъ окномъ и ждать.

А въ домѣ, у другого окна, молодая женщина съ густыми русыми косами и темно-сѣрыми глазами тоже ждала чего-то. Она прислонилась головой къ холодной рамѣ и, машинально вглядываясь въ темную, сырую даль, такъ и застыла въ этомъ положеніи.

Мысли унесли ее далеко. Она даже не слышала того, что говорилось въ двухъ шагахъ отъ нея у открытаго рояля, передъ которымъ панна Миленская сидѣла въ своей любимой позѣ, откинувшись на спинку стула, опустивъ руки на колѣни, и съ такимъ выраженіемъ въ глазахъ и въ улыбкѣ, какъ-будто звуки,

которые нѣсколько минутъ тому назадъ носились въ воздухѣ, еще не смолкли, и она продолжаетъ прислушиваться къ нимъ.

Прелать, по своему обыкновенію, прохаживался взадъ и впередъ по гостиной, внимательно во всему приглядываясь и прислушиваясь. Въ заднихъ комнатахъ гремѣли ложками и посудой, а по временамъ долетали отрывки разговора Марихны съ Маріей Казиміровной, стувъ отворяющейся двери съ задняго крыльца и поспѣшные шаги хлопотливой хозяйки. Наконецъ, прелать, остановившись у рояля и указывая движеніемъ головы на Наташу, проговорилъ съ усмѣшкой:

— Поджидаетъ мужа.

Ксаверія медленно повернула голову къ окну, у котораго стояла ея невѣстка, и, помолчавъ немного, замѣтила вполголоса и какъ-бы про себя:

— Только врядъ-ли она его дождется: Бронекъ сегодня у Хлопскаго.

— Опять у Хлопскаго?

— Да, они виѣстѣ ужинаютъ у Миленовича.

Прелать прошелся еще разъ по комнатѣ и, поровнявшись съ Наташей, оглянулъ всю ея фигуру съ ногъ до головы, остановился на минуту и выразительно сжалъ губы. Еслибы Наташа въ эту минуту обернулась, онъ, вѣроятно, сказалъ-бы ей, что она напрасно теряетъ время у этого окна, что мужъ ея вернется только ночью или утромъ, а, можетъ быть, даже нѣсколько дней сряду не заглянетъ домой, такъ-какъ у пана Хлопскаго всегда въ запасъ какая-нибудь экскурсія за городъ, охота, прогулка или визитъ въ сосѣднія помѣстья, фабрики и заводы, гдѣ всѣ управляющіе, арендаторы и старшіе мастера были ему друзья и пріятели.

Прелать всегда былъ очень внимателенъ къ молодой женѣ Миленскаго; въ его голосѣ и взглядѣ даже являлась извѣстнаго рода добродушная привѣтливость, когда онъ обращался къ ней. Но Наташа не обертывалась, и на этотъ разъ онъ прошелъ мимо, не сказавъ ей ни слова.

— Я вотъ чего не понимаю, начала Ксаверія, не переиѣняя своей лѣнивой и мечтательной позы, — почему-бы имъ не познакомиться съ мсье Ртищевымъ? Это было-бы много ближе къ цѣли, чѣмъ разузнавать объ его мысляхъ и намѣреніяхъ со стороны и по сплетнямъ.

— Да онъ-же самъ и стоитъ во главѣ той враждебной нашь партіи, замѣтилъ прелать, останавливаясь у рояля.

Ксаверія пристально посмотрѣла на него и засмѣялась.

— Тѣмъ больше причинъ перетянуть его на нашу сторону, замѣтила она съ улыбкой.

— Да, очень остроумно, панна Ксавера, очень! засмѣялся, въ свою очередь, прелать.

— Онъ долженъ быть порядочный господинъ, этотъ Ртищевъ, продолжала Ксаверія.

— Панна Миленская съ нимъ знакома? Давно-ли? шутливо придирался прелать.

— Нѣтъ, я съ нимъ не знакома, но мнѣ кажется, что я его знаю. Онъ ни съ кѣмъ здѣсь не сближается, и такъ любитъ музыку, что способенъ по цѣлымъ часамъ слушать мое пѣніе, сидя верхомъ на заборѣ. Согласитесь, что это рекомендація... для меня, по крайней мѣрѣ, прибавила она съ улыбкой.

— Его, можетъ быть, не одна музыка интересуесть въ вашемъ домѣ? спросилъ прелать все съ той-же тонкой усмѣшкой.

— Очень можетъ быть, равнодушно отвѣчала Ксаверія. — Тѣмъ болѣе слѣдовало-бы объяснить эти отношенія.

Дверь изъ корридора тихонько растворилась и въ нее просунулась голова Марихны въ бѣломъ чепцѣ съ пloidкой и съ огромнымъ лиловымъ бантомъ.

— Что тебѣ? Почему ты не подаешь свѣчей? оглянулась на нее Ксаверія.

— Сейчасъ, панночка; мнѣ надо кое-что передать его велебности.

И съ этими словами она подалась шага на три назадъ въ корридоръ, приглашая почтительнымъ жестомъ прелата слѣдовать за нею.

— Тамъ, подъ окномъ, ужъ давно стоитъ тотъ русскій панъ, знаете, что квартируетъ въ домѣ напротивъ, таинственно прошептала она.

— Добже, добже. Несите скорѣе лампу, отвѣчалъ довольно нетерпѣливо прелать. — Мы не можемъ запретить людямъ стоять на улицѣ, если имъ это нравится.

— О, разумѣется, вседже прелате! Я только думала... двойныя рамы еще не вставлены, и съ улицы все слышно и видно.

Я сейчасъ принесу свѣчи, поторопилась она прибавить, замѣчая выраженіе досады на его лицѣ, — прошу извиненія за безпокойство...

Однакожь, вернувшись въ гостиную, прелать довольно поспѣшно подошелъ къ окну, на которое указала Марихна; и съ большимъ вниманіемъ всматривался въ густыя тѣни, чернѣющія за стеклами, до тѣхъ поръ, пока Марихна, не внесла зажженныхъ свѣчей въ комнату. Тогда онъ поспѣшилъ отойти къ роялю и, помогая Ксаверіи уставлять ноты на пюпитръ, произнесъ вполголоса надъ ея ухомъ:

— Пойте громче, дитя мое, нашъ несчастный сосѣдъ мокнетъ подъ дождемъ въ ожиданіи концерта.

Она бросила бѣглый взглядъ на окно, съ усмѣшкой пожала плечами, развернула ноты и безъ всякой прелюдіи запѣла живую, полную беззаботной удали и отваги, балладу Мюнюшко.

Наташа вздрогнула и еще крѣпче прижалась головой къ рамѣ. Ей сегодня было ужасно тоскливо. Утромъ она получила письмо отъ матери: цѣлыхъ три страницы нравоученій, упрековъ, совѣтовъ и самыхъ мрачныхъ предсказаній.

Мать ея удивлялась, что она до сихъ поръ не умѣетъ занять приличное мѣсто среди новой обстановки, и напоминала ей, что никто не неволилъ ее избрать такую семью и такого мужа, какъ Миленскій, — сама захотѣла, предъстѣлась его паружностью, умомя, блестящимъ талантомъ, влюбилась, — однимъ словомъ, никакихъ резоновъ не хотѣла слушать.

Напоминанія эти ужасно раздражали Наташу. Развѣ она жаловалась на что-нибудь? Какое имѣютъ право ставить ей на видъ такъ жестко и неделикатно страданія, въ которыхъ ей жутко сознаваться даже передъ самой собой?

„Будь снисходительнѣе и не требуй отъ жизни того, чего она дать не можетъ“, писала г жа Свѣтлова.

Дальше шли совѣты не отдаляться отъ общества и вопросы съ восклицательными знаками:

„Неужели ты до сихъ поръ никому не сдѣлала визитовъ въ городъ?! Не была ни у губернаторши, ни у другихъ?! Это Богъ-

знаетъ на что похоже, тебя примутъ за женщину, не имѣющую понятія о приличіи! О чемъ только думаетъ твой мужъ и твоя belle mègè? Скажи имъ, что это насъ очень удивляетъ...”

Были и предостереженія въ родѣ того, что молодая женщина, неумѣющая быть любезной въ обществѣ, negliжирующая своимъ туалетомъ и своими обязанностями хозяйки дома, рискуетъ въ самомъ скоромъ времени надѣсть мужу и готовить себѣ самую печальную будущность.

„Все это не то, не то“! неотступно вертѣлось въ головѣ Наташи, и утромъ въ то время, когда она въ первый разъ читала это письмо, и теперь, когда она на досугѣ припоминала всѣ выраженія, заключавшіяся въ немъ. Мать не понимаетъ ея положенія. Еслибы она его понимала, она не стала-бы ей давать такіе совѣты. Они тамъ судятъ Бронислава и его семью по себѣ да по тѣмъ людямъ, которыхъ они знаютъ, а они здѣсь вовсе не такіе. У нихъ совсѣмъ другіе взгляды на жизнь, они совершенно иначе проявляютъ свои желанія, удовольствіе и неудовольствіе, угодить имъ ужасно трудно!.. Вотъ ужъ скоро годъ, какъ Наташа изучаетъ своего мужа, и до сихъ поръ не можетъ его понять, — между ними постоянно возникаютъ недоразумѣнія. Порой ей даже кажется, что, чѣмъ короче она съ нимъ знакомится, тѣмъ сознательнѣе чувствуетъ она невозможность сойтись съ нимъ. Мама все толкуетъ о снисхожденіи, какъ-будто здѣсь кто-нибудь нуждается въ снисхожденіи Наташи! Мужъ ея никогда не доставитъ ей случая проявить такое чувство, онъ никогда не забудетъ передъ нею ни словомъ, ни дѣломъ, онъ даже передъ самимъ собой никогда не забывается: то, что онъ подумалъ и сказалъ сегодня, то-же самое онъ повторитъ и завтра, и черезъ годъ, только еще тверже и упорнѣе. И всѣ они здѣсь такіе, всѣ они такъ хорошо и ясно знаютъ, чего хотятъ и къ чему идутъ!

Она начала припоминать свою жизнь въ родительскомъ домѣ и свои отношенія къ семейству. Ея отецъ и мать слыли замѣчательно-добрими, умными и хорошо воспитанными людьми, а, между тѣмъ, когда не было гостей, они такъ халатно вели себя передъ домашними, что она начала подмѣчать за ними слабости и недостатки съ той самой минуты, какъ стала понимать себя, и чѣмъ больше развивалась она умственно, тѣмъ мельче и проще

они ей казались, все ниже и ниже спускаясь въ ея глазахъ съ той высоты, на которую возвели ихъ общественное мнѣніе, родительская власть и авторитетъ.

Здѣсь совсѣмъ не то. Здѣсь ей многое не по душѣ, многое даже противно и враждебно, но она ни къ чему не можетъ отнестись критически, потому что за каждымъ дѣйствіемъ, за каждой мыслью чувствуется причина, таинственная и для нея непонятная, но такая могучая и твердая, что возмущаться противъ нея трудно. Тѣхъ пороковъ и слабостей, которые Наташа знала за своимъ отцомъ, братьями и, вообще, за весьма близкими ей людьми, у ея мужа совсѣмъ нѣтъ, а есть только странности такого рода, что для того, чтобы приноровиться къ нимъ, приходится ломать и коверкать не только умъ и характеръ, но также всѣ свои привязанности, вкусы и привычки.

Съ перваго-же дня, какъ Миленскій получилъ право называть ее *своею*, она почувствовала себя вполне и безвыходно въ его власти. Точно сътѣю опутывалъ очъ ее, съ каждымъ часомъ тѣснѣе и тѣснѣе, своею заботливостью, вниманіемъ и требованіями, требованіями безъ конца!

— Неужели я вамъ буду милѣе, когда отъ меня ничего не останется? спросила она у него однажды, недоумѣвая передъ этимъ систематическимъ стремленіемъ все въ ней разрушить, стереть и замѣнить новымъ.

Вопросъ этотъ былъ произнесенъ съ улыбкой и шутливымъ тономъ, но въ голосѣ дрожали слезы.

— Я васъ не понимаю, сухо отвѣчалъ онъ:—развѣ мои требованія несправедливы?

О! Въ томъ-то и дѣло, что противъ его требованій возражать было нечего! Развѣ онъ не былъ правъ, настойчиво совѣтуя ей заняться изученіемъ польскаго языка, пріучаться къ хозяйству подъ руководствомъ его матери, хотя-бы для того, чтобы умѣть отличать рубли отъ копеекъ, прибавлялъ онъ съ улыбкой.

Развѣ онъ не былъ правъ еще въ то время, когда, будучи женихомъ, онъ находилъ, что у нихъ какія-то странныя, распущенныя отношенія въ семьѣ, что между братьями и сестрами, дѣтьми и родителями не существуетъ никакого серьезнаго чувства, ни уваженія, ни любви, ни довѣрія, а есть только фамиллярность и извѣстнаго рода привычка каждый день встрѣ-

чаться въ назначенные часы и говорить другъ другу болѣе или менѣе непріятныя вещи.

Разумѣется, онъ и тогда, и теперь, и всегда будетъ правъ! Да и мать его права, когда она осуждаетъ Наташу за то, что она не умѣетъ одѣться и причесаться безъ помощи Дарюши, раскидываетъ свои шляпы и перчатки по всѣмъ комнатамъ дома, не знаетъ счета своему бѣлью и тратитъ деньги на такія вещи, безъ которыхъ можно легко обойтись. И Ксаверія права, когда она подсмѣивается надъ ея игрой на фортепьяно и надъ незнаціемъ такихъ элементарныхъ, по ея мнѣнію, вещей, какъ исторія искусства, напримѣръ.

Всѣ они правы, всѣ они знаютъ гораздо больше, чѣмъ она, всѣ они видѣли, слышали, изучали и испытали несравненно больше, чѣмъ тѣ люди, съ которыми она жила до сихъ поръ; у всѣхъ у нихъ, начиная съ прелата, который представлялся ей какою-то ходячей энциклопедіей всевозможныхъ человѣческихъ познаній, и кончая Марихной, умѣвшей всегда ловко и кстати выставить свое превосходство надъ Дарюшей, всѣ они имѣли полное право смотрѣть свысока на Наташу и относиться къ ней критически.

Для чего женился онъ на ней?

Послѣднее время вопросъ этотъ мучилъ ее настойчивѣе, чѣмъ когда-либо.

Она ему вовсе, вовсе не нужна. Когда они остаются вдвоемъ — теперь это случается весьма часто — имъ рѣшительно не о чемъ говорить другъ съ другомъ. Онъ продолжаетъ заботиться объ ея здоровьи, требуетъ, чтобъ она каждый день дѣлала большія прогулки пѣшкомъ, привозитъ ей наряды и настаиваетъ на томъ, чтобъ она рядилась въ нихъ. Онъ дѣлаетъ ей выговоры за то, что она не старается исправить свой почеркъ, мало читаетъ серьезныхъ книгъ, мало успѣваетъ въ изученіи польскаго языка, и обрываетъ каждый ея порывъ заговорить съ нимъ по душѣ шутливымъ, но настойчивымъ: прошу мувить по-польски!..

Господи, какъ Наташа ненавидитъ эту фразу!

Сегодня утромъ онъ такъ и ушелъ, не простившись съ нею и очень сердитый за то, что она не хотѣла повторить какія-то слова, которыя, по его мнѣнію, она произноситъ преотвратительно, какъ истая *москалька*.

Долго потомъ твердила она эти слова, стараясь припомнить каждое удареніе такъ, какъ онъ ее училъ, и чѣмъ больше насилывала она свою память, тѣмъ меньше она ее слушалась. А между тѣмъ, онъ ей сказалъ, что до тѣхъ поръ будетъ сердиться, пока она не прочтетъ ему правильно цѣлую страницу изъ той польской книжки, которую онъ принесъ ей ужъ почти недѣлю тому назадъ, и въ которую она еще не заглядывала. Ну, и пусть сердится! Вѣдь это даже и смѣшно, наконецъ, — развѣ она маленькая?.. Вотъ мама пишетъ, что надо выѣзжать... Это правда, тогда, можетъ быть, веселѣе будетъ. Дарюша тоже каждый день твердить: завели-бы вы, сударыня, своихъ гостей, — русскихъ здѣсь много, и хорошіе господа есть.

Но мамѣ и Дарюшѣ хорошо это говорить: онѣ не могутъ понять, до какой степени это трудно. Гдѣ-же ей принимать *своихъ* гостей? Въ той гостиной, гдѣ собирается ихъ общество?.. Но это общество до такой степени тѣсно сплочено, что чужому человѣку всегда тутъ будетъ неловко. Всѣ они такъ близки, такъ дружны между собою, такъ понимаютъ другъ друга даже взглядами и намеками... Языкъ ихъ Наташа успѣла изучить настолько, чтобы смущаться и оскорбляться каждымъ отзывомъ о Россіи.

Очень можетъ быть, что еслибы она понимала лучше польскую рѣчь, она не нашла-бы въ этихъ разговорахъ ничего презрительнаго. Вѣдь случалось-же ей слушать въ мастерской Саши, въ кабинетѣ отца, и даже въ гостиной матери, болѣе или менѣе свободныя разсужденія о неразвитости русскаго общества, о грубости и отсталости русскаго народа, но тамъ это нисколько не смущало ее. Почему-же здѣсь ей такъ больно и обидно слышать то-же самое отъ людей, имѣющихъ столько-же права, сколько и русскіе, обсуждать порядки, нравы и обычай того государства, къ которому они принадлежать?

И откуда взялась у нея такая неестественная, ревнивая любовь къ родинѣ? Почему не подозрѣвала она раньше присутствія этого чувства въ своей душѣ? И, наконецъ, что это такое — настоящее чувство или напускное? Какое счастье было-бы встрѣтиться съ человѣкомъ, которому можно-бы предложить всѣ эти вопросы, въ полной увѣренности, что онъ не отнесется къ нимъ ни враждебно, ни съ горькой ироніей!..

Съ такимъ человѣкомъ именно въ эту минуту шла оживленная бесѣда у входной двери ихъ дома. Ртищевъ такъ заслушался пѣнія Ксаверіи, что не замѣтилъ, какъ къ нему подошелъ панъ Хлопскій. Онъ очнулся только тогда, когда послѣдній дотронулся до его плеча.

— Сергѣй Александровичъ, что вы тутъ дѣлаете въ такую погоду?

— Слушаю, какъ видите, отвѣчалъ, немножко смутившись, Ртищевъ. — Изъ-за такого пѣнія стоитъ помолчать немножко... Чудный у этой госпожи голосъ, и какъ обработанъ!

Хлопскій обратился къ господину, сопровождавшему его.

— Слышите, Миленскій? Кланяйтесь и благодарите!.. Позвольте васъ познакомить, господа... Время и мѣсто для этого не совсѣмъ удобны, но что-жъ дѣлать!.. Сергѣй Александровичъ Ртищевъ, Брониславъ Феликсовичъ Миленскій, братъ той пѣвицы, изъ-за которой вы рискуете простудой.

— Еслибъ г-нъ Ртищевъ удостоилъ войти въ нашу домъ, ему было-бы много удобнѣе слушать сестру, проговорилъ съ сдержанной любезностью Миленскій.

— О, этого вы никогда не дождетесь, милѣйшій! вскричалъ Хлопскій, не давая Ртищеву времени поблагодарить за приглашеніе. — Сергѣй Александровичъ слишкомъ дорожитъ своею репутаціей нелюдима и серьезнаго человѣка... Онъ нигдѣ не бываетъ... Я знаю трехъ дамъ, которыхъ это приводитъ въ отчаяніе, но ему это рѣшительно все равно.

— Я не знаю, какія это дамы, про которыхъ такъ нескромно позволяеть себѣ сплетничать мсье Хлопскій, обратился Ртищевъ къ Миленскому, — но если позволите, я завтра-же явлюсь къ вамъ съ просьбой представить меня вашему семейству... Мнѣ давно хотѣлось поблагодарить вашу сестру за удовольствіе, которое доставляетъ мнѣ ея пѣніе.

— Почему-бы вамъ не сдѣлать этого сегодня? виѣшался въ разговоръ Хлопскій. — Что за церемоніи между такими близкими сосѣдями, — неправда-ли, Миленскій?

Брониславъ снова обратился къ Ртищеву съ легкимъ поклономъ и съ какой-то любезной фразой, приглашая его войти въ дверь, которую въ эту минуту отворила Марихна.

Сергѣй Александровичъ принялъ приглашеніе.

Когда онъ съ грязной, сырой и темной улицы, вошелъ въ гостиную Миленскихъ, его такъ и обдало свѣтомъ, ароматомъ и звуками. Вблизи комната эта оказалась еще уютнѣе и милѣе, чѣмъ казалась ему издали. Между отлично выдержанными растеніями бѣлѣлись какіе-то два цвѣтка, отъ которыхъ по всему дому разливался тонкій ананасный запахъ, такъ пріятно защекотавшій нервы Ртищева еще въ прихожей. Ксаверія, стоя у рояля и опустивъ одну руку на выдвинутую подставку для свѣчей, а другую прижимая театральнымъ и весьма граціознымъ жестомъ къ тому мѣсту у лифа, гдѣ предполагается находиться сердцу, допѣвала послѣдніе куплеты какой-то баркароллы. Вся ея стройная, красивая фигура отъ крошечной, изящно-обутой ножки, нечаянно выдвинувшейся изъ-подъ тяжелой темной юбки, и до пышнаго шиньона, спускавшагося длинными локонами на плечи, эффектно освѣщалась мягкимъ и ровнымъ блескомъ лампъ съ матовыми шарами.

Прелать аккомпанировалъ ей. Откинувшись на спинку стула, съ устремленнымъ вдаль взглядомъ полузакрытыхъ глазъ, онъ, точно наудачу, бралъ тихіе аккорды, удивительно звучно сливавшіеся съ голосомъ пѣвицы.

Его длинныя, бѣлыя пальцы, на одномъ изъ которыхъ сверкала тотъ перстень съ печатью, вырѣзанной на сафирѣ, къ которому такъ благоговѣнно прикладывались его духовныя дочери, — пальцы эти какъ-будто вели таинственную бесѣду съ душою Ксаверіи, такъ ловко и встаети умѣли они уловить именно тотъ моментъ, когда ей вздумается *ad libitum* прервать паузу, протянуть вздохъ или капризно ускорить темпъ.

Звонокъ Бронислава, а за нимъ стукъ отворяющейся двери и неизбежный шорохъ снимаемыхъ валозъ и промокшаго верхняго платья, вѣроятно, не достигъ до ихъ слуха, — по крайней мѣрѣ, Ксаверія продолжала все также страстно допѣвать свою баркароллу, не замѣчая трехъ новыхъ слушателей, остановившихся въ дверяхъ. Но Марихна уже успѣла предупредить свою хозяйку о приходѣ Бронька съ двумя гостями:

— Панъ Хлопскій и еще какой-то, совсѣмъ чужой.

Марья Казиміровна шумно засуетилась у чайнаго стола.

Познакомивши Ртищева съ матерью и съ сестрой, Брониславъ отправился наверхъ къ женѣ.

Наташа сидѣла за своимъ письменнымъ столикомъ и не обернулась, заслышавъ шаги мужа. Она съ досадою подумала, что онъ явился слишкомъ рано. Тотъ серьезный и рѣшительный разговоръ, который долженъ былъ произойти между ними, по ея мнѣнію, непремѣнно сегодня, еще не успѣлъ достаточно созрѣть и оформиться въ ея головѣ, а мысли ея еще больше запутались, когда онъ подошелъ сзади къ ея креслу и съ шутовой лаской закрылъ ей глаза рукой.

— Ты не сойдешь внизъ, Тота? У насъ гости, тотъ господинъ, помнишь, который все лѣто подслушивалъ пѣніе Ксаверія изъ пирожковскаго сада?.. продолжалъ Брониславъ, не дожидаясь отвѣта и наклоняясь черезъ ея плечо къ листику почтовой бумаги, на половину исписанному нетвердымъ, почти дѣтскимъ почеркомъ. — „Милая Катя, твое письмо..“ началъ онъ читать, но она не дала ему кончить и, отодвинувъ бюваръ въ сторону, подала письмо, полученное утромъ.

— Прочти лучше, что пишетъ мама, нерѣшительно проговорила она.

Первой его мыслью было отвѣчать ей, что въ настоящую минуту онъ вовсе не расположенъ читать какія-бы то ни было письма, что онъ очень усталъ и желалъ-бы скорѣе присоединиться къ тому обществу, которое кушаетъ чай въ столовой, но, бросивъ внимательный взглядъ на взволнованное и заплаканное лицо молодой женщины, Брониславъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, придвинулъ стулъ къ лампѣ, горѣвшей на письменномъ столѣ, и началъ читать поданное ему письмо.

Наташа съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдила за выраженіемъ его лица во время этого чтенія. Лицо это все больше и больше хмурилось, на губахъ появилась зловѣщая улыбка, отражавшаяся всегда въ его глазахъ такимъ холоднымъ блескомъ.

Теперь глаза его не отрывались ни на мгновеніе отъ письма, но Наташа знала, какъ онъ посмотритъ на нее потомъ, когда кончитъ свое чтеніе, и сердце ея болѣзненно сжималось отъ мучительныхъ предчувствій.

Однако, предчувствія эти не сбылись. Къ концу второй страницы, тамъ, гдѣ Елена Васильевна наставляла свою дочь въ обя-

занностяхъ хозяйки дома, морщины на его лбу разгладились, и онъ вдругъ совершенно неожиданно засмѣлся.

— Твоя мать очень умная женщина, по надо сознаться, что она въ нашей жизни и въ нашей обстановкѣ ничего не понимаетъ!.. Ея совѣты нигуда не годятся, продолжалъ онъ, поднимаясь съ мѣста и опуская письмо въ боковой карманъ. — Вы хорошо сдѣлали, пани Миленска, что показали мнѣ это письмо, на него слѣдуетъ отвѣчать обдуманно и разумно... Сегодня мнѣ эти дѣломъ заняться не когда, но, если позволите завтра, проговорилъ онъ остановившись у двери.

Этотъ шутиливый тонъ окончательно раздражилъ Наташу. На нее вдругъ напала большая храбрость, и, какъ всѣ нерѣшительные и робкіе отъ природы люди, она рѣшилась безотлагательно воспользоваться такимъ неожиданнымъ припадкомъ смѣлости.

— Завтра вы, вѣроятно, опять уйдете на цѣлый день, проговорила она довольно твердо, — пожалуйста, кончимъ этотъ разговоръ сегодня.

— Пожалуй, согласился онъ, притворяя дверь и возвращаясь къ прежнему мѣсту у стола. — Что-жъ вамъ, собственно, угодно отъ меня знать, пани Миленска?

— Перестань шутить, Брониславъ, вѣдь это очень серьезно...

— Неужели? А я тутъ ничего не вижу серьезнаго. Твоя мать пишетъ вздоръ, продолжалъ онъ съ возрастающею рѣзкостью въ голосъ, — она воображаетъ, что наше общество такъ-же мало всыскательно, какъ ваше, тамъ въ Петербургѣ, что стоять только явиться въ модной шляпкѣ, для того, чтобы заполучить въ немъ видное и почетное мѣсто... Но Елена Васильевна ошибается, мы строже относимся къ нашимъ женщинамъ, мы требуемъ отъ нихъ серьезнаго образованія, ума, талантовъ, а, за неимѣніемъ этого, способности къ какой-нибудь полезной дѣятельности, не говоря уже о тѣхъ элементарныхъ правилахъ общежитія, о которыхъ мы никакого понятія не имѣемъ.

И, не обращая вниманія на густую краску, выступившую пятнами по лицу его слушательницы, Миленскій неумолимо продолжалъ:

— Еслибы твоя мать поближе познакомилась съ моей матушкой и съ Ксаверой, она, вѣроятно, поняла-бы, что тебѣ невозможно играть роль хозяйки въ одномъ съ ними домѣ.

— Но вѣдь не вѣчно-же мы будемъ здѣсь жить? спросила Наташа.

— Разумѣется, не вѣчно, но что-жъ изъ этого? Наше общество вездѣ одно и то-же. Мы нигдѣ не отступаемъ отъ нашихъ традицій, прибавилъ онъ съ надменной усмѣшкой, — всѣ тебѣ это скажутъ, поразспроси у людей бывалыхъ.

— Мама пишетъ про здѣшнее русское общество, да и я тоже думаю.

— Тебѣ извѣстно мое мнѣніе о здѣшнемъ русскомъ обществѣ? прервалъ онъ ее, нетерпѣливо пожимая плечами. — Зачѣмъ ты заставляешь меня вѣчно повторять одно и то-же, — это очень скучно!

Наташа собралась съ духомъ.

— Но вѣдь я русская, вскричала она, съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ.

— Вы хоть-бы на-минуту дали мнѣ позабыть объ этомъ! вырвалось у него.

Взглядъ, полный горькаго изумленія и даже испуга, которымъ Наташа отвѣчала на эти слова, заставили его тотчасъ-же раскаться въ нихъ. Между ними часто происходили непріятные разговоры, и онъ не разъ говорилъ ей то-же самое, что сказалъ теперь, но въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ. Сегодня-же, онъ, дѣйствительно, зашелъ слишкомъ далеко и обмолвился слишкомъ грубо.

Наступило довольно продолжительное молчаніе. Наташа плакала, а онъ смотрѣлъ на нее съ какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ — не то жалости, не то досады.

Да, она была ему очень дорога, эта русская женщина, и онъ мысленно ругалъ себя за то, что не сумѣлъ во-время воздержаться, и такъ жестоко оскорбилъ ее. На губахъ его беззвучно шевелились какія-то слова, вырывавшіяся съ непреодолимой силой изъ самой глубины души, въ глазахъ теплилась нѣжность, а рука его раза два машинально протягивалась къ наклоненной передъ нимъ головкѣ, съ страстнымъ желаніемъ притянуть ее къ себѣ и приласкать.

Еслибы въ эту минуту Наташа взглянула на мужа, она, безъ сомнѣнія, бросилась-бы въ его объятія, — и кто знаетъ, — можетъ быть, они тогда поняли-бы и простили другъ другу!

Но этого не случилось: она все крѣпче и крѣпче прижимала платокъ къ лицу, а ему мало-по-малу удалось овладѣть своимъ волненіемъ и произнести очень холодно и спокойно:

— Какая ты нервная! И все оттого, что сидишь одна. Пойдемъ внизъ, пожалуйста.

Она отрицательно покачала головой.

— Ну, въ такомъ случаѣ, ложись скорѣе и постарайся заснуть. Я пришлю къ тебѣ Дарюшу.

И, слегка прикоснувшись губами къ ея горячему лбу, онъ успѣшно направился къ двери.

Спускаясь съ лѣстницы, Миленскій думалъ, что у жены его довольно сильный жаръ, и что если къ завтрашнему дню не будетъ легче, то надо будетъ сходить за докторомъ. Онъ всегда очень заботился объ ея здоровьѣ.

VII.

Въ столовой было очень весело. Возбужденный неожиданнымъ сближеніемъ съ семействомъ, цѣлыхъ полгода поддразнивавшимъ его любопытство, Ртищевъ былъ въ ударѣ. Даже люди, хорошо знакомые съ злымъ юморомъ его рѣчи, сознались-бы, что онъ сегодня превзошелъ себя въ мѣткихъ опредѣленіяхъ и ядовитыхъ сравненіяхъ, которыми онъ осмѣлывалъ городское общество. Марія Казиміровна громко хохотала, Ксаверія не переставала улыбаться, и даже на лицѣ прелата явилось такое выраженіе, какое не многимъ удавалось когда-либо подмѣтить у него: глаза его и губы смѣялись, — смѣялись настоящимъ смѣхомъ, а не той условно-нисходительной и вѣжливой улыбкой, которая у него всегда была на-готовѣ для всякаго.

Что-же касается пана Хлопскаго, то онъ такъ шумно и такъ заразительно весело проявлялъ свой восторгъ, что каждымъ своимъ восклицаніемъ, каждымъ вопросомъ и замѣчаніемъ подзадаривалъ гостя на новыя выходки.

Появленіе Бронислава навѣяло холодъ на бесѣду. Прелатъ тотчасъ-же обратился къ нему съ вопросомъ о Наташѣ и когда услышалъ, что она нездорова и не сойдетъ внизъ, его велебность сдѣлался очень серьезенъ и значительно переглянулся съ Ксаве-

рѣй, которая пожала плечами, какъ-будто желая сказать: „что-жъ мнѣ съ этимъ дѣлать?“

Панъ Хлопскій тоже смолкъ, а Марія Казиміровна, объявивъ во всеуслышаніе, что она идетъ навѣстить невѣстку, посадила дочь вмѣсто себя за самоваръ и вышла, громко ворча на молодой народъ, вѣчно хворающій неизвѣстными въ ея время болѣзнями.

— Выдунали нервы какіе-то, да мигрени...

Съ ея уходомъ сдѣлалось еще тише. Ксаверія заговорила вполголоса съ братомъ, прелать о чемъ-то глубоко задумался и совсѣмъ пересталъ улыбаться. Одинъ Хлопскій продолжалъ поддерживать разговоръ съ Ртищевымъ.

— Сергѣй Александровичъ находитъ, что здѣшнее общество весьма непривѣтливо относится къ прїѣзжимъ, обратился онъ къ Брониславу, пытаясь сдѣлать разговоръ общимъ.

Брониславъ съ большою готовностію отозвался на эту попытку.

— А вы хорошо знакомы съ здѣшнимъ обществомъ? спросилъ онъ у Ртищева.

— Я съ нимъ вовсе не знакомъ, да и не намѣренъ знакомиться, отвѣчалъ довольно неохотно Ртищевъ.

Какъ большая часть нервныхъ людей, онъ былъ болѣзненно воспрїимчивъ ко всѣмъ внѣшнимъ явленіямъ, и если достаточно было ничтожнѣйшей причины, чтобъ возбудить въ немъ лихорадочную дѣятельность ума, то, съ другой стороны, воодушевленіе его исчезало или внезапно принимало совершенно неожиданный оборотъ при появленіи, а иногда даже и при одномъ воспоминаніи о какой-нибудь не симпатичной личности. Такою личностію, съ первой-же минуты ихъ знакомства, оказался Миленскій. Присутствіе этого изящнаго и, во всѣхъ отношеніяхъ, приличнаго господина, съ холоднымъ, умнымъ взглядомъ и насмѣшливой улыбкой, просто леденило его.

— Здѣсь каждому прїѣзжему человѣку даютъ понять, что на него будутъ смотрѣть, какъ на подлеца, до тѣхъ поръ, пока ему не удастся на дѣлѣ доказать, что онъ человѣкъ порядочный, сказалъ онъ, умышленно выражаясь рѣзко и даже грубо передъ этимъ, по его мнѣнію, черезчуръ приличнымъ господиномъ.

— Мнѣ кажется, что вы приписываете слишкомъ много осторожности и практическаго смысла этому обществу, замѣтилъ Миленскій.

Ртищевъ довольно дерзко заглянулъ ему въ глаза.

— Вы изволите называть это практическимъ смысломъ? отчеканилъ онъ все съ той-же намѣренной рѣзкостью.— А по моему, это просто свинство!

Ксаверія переглянулась съ прелатомъ и оба засмѣялись, а Ртищевъ, не замѣчая неприятнаго блеска, сверкнувшаго въ глазахъ Миленскаго, продолжалъ:

— Не знаю, какъ другіе, но во мнѣ такое обращеніе всегда возбуждаетъ желаніе выказаться такимъ, какимъ имъ хочется меня представить... Сдѣлаться подлецомъ мнѣ было-бы трудно, даже въ угоду здѣшнему обществу, но быть съ нимъ слегка невѣжей, это я считаю совершенно вправѣ себѣ позволить, и признаюсь,—я пользуюсь этимъ правомъ при всякомъ удобномъ случаѣ, объявилъ онъ, засмѣявшись немножко надменной усмѣшкой.

А затѣмъ, обращаясь къ Ксаверіи, онъ спросилъ:

— Вы, вѣроятно, слышали, какъ меня здѣсь ругаютъ, даже въ тѣхъ домахъ, гдѣ меня никогда не видали?

— Еще-бы! Вы едва не разстроили здѣсь свадьбу! засмѣялась панна Миленская.

— Какъ? Вамъ извѣстно?.. Неужели мадамъ Дмитровская сама это рассказываетъ? вскричалъ Ртищевъ.

Ксаверія, не переставая смѣяться, утвердительно кивнула головой.

Глаза его заискрились отъ удовольствія.

— Ну, что-жь мнѣ дѣлать послѣ этого? Я всячески скромничаю, молчу, воздерживаюсь отъ искушенія рассказывать подробности моего неудавшагося подвига, а они сами... и, вѣроятно, въ извращенномъ видѣ, такъ-что мнѣ поневолѣ приходится возстановить истину...

Онъ подробно рассказалъ всѣ перипетіи знаменитаго вечера, проведеннаго у Тряпичкиныхъ, и въ заключеніе откровенно сознался, что хлопоты о разрывѣ сватовства, затѣяннаго г-жей Гвоздичкиной, такъ занимали его втеченіи цѣлаго мѣсяца, что ему было тогда почти весело въ городѣ. Теперь-же и подобнаго развлеченія у него нѣтъ, да и не предвидится...

— Еслибы не удовольствіе слушать по временамъ ваше пѣніе, прибавилъ онъ, любезно обращаясь къ Ксаверіи, — я давно повѣсилъ-бы подъ окнами мадамъ Пирожковой.

— А вы съ нею знакомы? спросилъ прелать.

— Очень не давно. И, признаться сказать, мнѣ очень жаль, что я не сдѣлалъ этого раньше.

Онъ вспомнилъ про Марочку и засмѣялся.

— Она гораздо интереснѣе, чѣмъ я предполагалъ.

— Чѣмъ-же г-жа Пирожкова васъ такъ заинтересовала? усмѣхнулся панъ Хлопскій.

„Ужъ тебѣ-то я этого не скажу“, подумалъ Ртищевъ.

— Разумѣется, не своими миліонами, прибавилъ онъ вслухъ.

И потому-ли, что ему пришлось не по вкусу пытливое любопытство, загорѣвшееся въ глазахъ пана Хлопскаго, или просто потому, что ему показалось неумѣстнымъ распространяться про семейство Любови Ивановны въ домѣ Миленскихъ, онъ обратился къ Ксаверіи съ просьбой участвовать въ концертѣ, который проектировался въ пользу открывающейся ремесленной школы въ городѣ.

— У нашего фантазера Синявина достааетъ духу пускаться на такое предпріятіе съ капиталомъ въ шесть рублей двадцать двѣ копейки!.. Разумѣется, въ самомъ непродолжительномъ времени несчастные мальчишки будутъ побираться съ сумками по улицамъ... Я ужъ намѣнялъ для нихъ цѣлыхъ десять рублей на грошики... Но если вы сжалитесь надъ ними и согласитесь пропѣть въ ихъ пользу одну изъ вашихъ баркароль... о! тогда ихъ дѣла значительно поправятся, тогда я обращу мои грошики на другія общественныя нужды, пожертвую ими, на примѣръ, на освѣщеніе губернаторской залы или на новый шиньонъ для дочери дивизионнаго генерала. Право, доставьте здѣшнему обществу случай васъ послушать. Результаты выйдутъ блестящіе, я вамъ за это ручаюсь! Говорятъ, музыка укрощаетъ дикихъ звѣрей;—кто знаетъ, можетъ быть, ваше пѣніе остановитъ дня на три, на четыре здѣшнія сплетни? Для такой цѣли стоитъ потрудиться, какъ вы думаете, г-нъ прелать?

Прелать объявилъ, что панна Миленская увѣзжаетъ мѣсяца черезъ три за-границу.

— Въ три мѣсяца можно устроить не только концертъ, но и

театръ съ живыми картинами. Въ особенности послѣднія удадутся великолѣпно, — у васъ здѣсь такая рѣдкая коллекція самыхъ разнообразныхъ чудовищъ! Я берусь ихъ разставить и освѣтить такъ эффектно, что любителямъ сильныхъ ощущеній будетъ истинный праздникъ... Надо только оговорить въ афишкахъ, что людямъ нервнымъ и барынямъ въ интересномъ положеніи входъ запрещается... во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, знаете... Но какую, напримѣръ, отличную картину „Видѣнія Макбета“ можно составить изъ мадамъ Антоновой и двухъ сестеръ Кудельниковыхъ въ роли вѣдьмъ! Или „Грѣхопаденіе перваго ченовѣка“ съ мадамъ Рипченко въ образѣ змѣя!

„Какой онъ злой, однакожь“, подумала Ксаверія.

Она начала изучать Ртищева съ той самой минуты, какъ онъ ей былъ представленъ, можетъ быть, даже раньше, можетъ быть, оканчивая послѣдніе куплеты своей баллады, ей бросился въ глаза восторженный взглядъ, съ которымъ онъ смотрѣлъ на нее, слушая ея пѣніе. Теперь даже, разговаривая съ Брониславомъ и съ прелатомъ, Ксаверія безпрестанно взглядывала на Ртищева, съ любопытствомъ слѣдя за выраженіями, быстро смѣняющимися на его лицѣ.

Онъ ей нравился. Такіе говорящіе глаза, такую выразительную улыбку, не только здѣсь въ З—скѣ, но даже въ Италіи и южной Франціи ей рѣдко удавалось встрѣчать. Голосъ его былъ подчасъ слишкомъ рѣзокъ, движенія слишкомъ порывисты, выраженія слишкомъ безцеремонны. Онъ жестикулировалъ руками, и порой съ его языка срывались такія слова, которыя не принято употреблять въ такъ-называемомъ *порядочномъ* обществѣ, но даже и это Ксаверія извиняла ему.

Слушая Ртищева, она невольно вспоминала то, что о немъ говорили въ городѣ, и особенно долго остановилась на мнѣніи одного изъ З—скихъ земскихъ дѣятелей, высказанномъ при ней нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, послѣ того знаменитаго засѣданія, на которомъ Сергѣй Александровичъ выступилъ въ первый разъ съ такой дерзкой, а, по мнѣнію многихъ, даже *насмѣй* рѣчью... „просто не вѣрится, чтобы изъ такой пигалицы могли вылетать такія слова“, сказалъ тогда про Ртищева этотъ дѣятель.

„Ну, какая же онъ пигалица?“ думала Ксаверія.

А между тѣмъ и ее тоже съ перваго раза поразила сила и страстность духа, пробивающаяся наружу изъ каждаго слова и взгляда этого шедущаго и молодеваго существа, съ блѣднымъ лицомъ и пронизательнымъ взглядомъ, но чѣмъ больше слушала она его и чѣмъ пристальнѣе всматривалась она въ него, тѣмъ неудачнѣе казалось ей сравненіе дѣятеля, и теперь она готова была утверждать, что Ртищевъ вовсе не малъ ростомъ и не худъ, что видъ у него не болѣзненный и что, вообще, мысль о какой-бы то ни было немощи и слабости, даже физической, просто несовѣстима съ энергіей и впечатлительностью его ума и характера.

— И Адамъ приличный отыщется, если поискать хорошенько, продолжалъ иронизировать Ртищевъ, — вотъ только подходящую Еву здѣсь трудно найти.

Ксаверія взглянула съ усмѣшкой на пана Хлопскаго, а затѣмъ, обращаясь къ Сергѣю Александровичу:

— Дождитесь пріѣзда мадамъ Чуваевой, сказала она.

— Помилуйте! какая-же это Ева? Она опытнѣе каждаго змѣя и къ тому-же у нея никогда не было ни невипности, ни любопытства... Нѣтъ, мадамъ Чуваева просится на другую картину... Помните „Данаю“ Тиціана? Изъ нея вышла-бы великолѣпная „Данаа!“

— Почему-же? спросилъ Брониславъ.

И, бросивъ украдкой взглядъ на Хлопскаго, онъ довольно не встаети прибавилъ:

— Панъ Хлопскій коротко знакомъ съ этой дамой. Она большая охотница кататься, а у пана такіе добрые кони!..

Ртищевъ вспомнилъ Марочкины рассказы про сестрицу Рансу Петровну.

„А! такъ это ты, голубчикъ, съ нею цѣлуешься?“ подумалъ онъ.

И, взглянувъ мелькомъ на своего усатаго сосѣда, онъ продолжалъ, не обращая вниманія на предупрежденія Миленскаго.

— Я не могу себѣ представить мадамъ Чуваеву иначе, какъ окруженную всяческими денежными знаками и атрибутами. На Данаю сыплется золотой дождь изъ тучи, за которую прячется Юпитеръ, помните? Ну, а мадамъ Чуваева...

— Вы хотите намекнуть этимъ на ея богатство? виѣшался въ разговоръ панъ Хлопскій, — но она вовсе не такъ богата,

какъ предполагають: отецъ далъ ей всего только пятьсотъ тысячъ. Согласитесь, что для женщины, привывшей къ идеѣ обладать миліонами, такой капиталъ не богъ знаетъ что? Въ тому-же Раиса Петровна—особа очень довѣрчивая, ее самымъ безсовѣстнымъ образомъ обобрали разные аферисты. Дѣла ея мнѣ очень хорошо извѣстны, вотъ ужъ два года, какъ я ими занимаюсь, а также имѣю общій надзоръ надъ имѣніями ея матери.

Онъ старался говорить какъ можно солиднѣе и равнодушнѣе, но голосъ его звучалъ неестественно, онъ черезчуръ пытливо заглядывалъ въ глаза Ртищеву. Въ умѣ его неотвязно мелькалъ вопросъ: знаетъ-ли жилецъ г-жи Пирожковой объ его отношеніяхъ къ мадамъ Чуваевой, и что именно знаетъ?

— Это рѣшительно все равно, продолжалъ подшучивать спокойно Ртищевъ,—есть много богатыхъ людей, отъ которыхъ вовсе не пахнетъ деньгами, но отъ Раисы Петровны до тошноты несетъ презрѣннымъ металомъ! Еслибъ я былъ живописецъ, я изобразилъ-бы ее въ видѣ Даная, но я бы не удовольствовался золотымъ дождемъ, а устроилъ-бы ей постель изъ асигнацій, набилъ-бы ей подушки пяти-процентными билетами и покрылъ-бы ее разноцвѣтнымъ одѣяломъ изъ акцій всѣхъ россійскихъ обществъ.

— Вы давно знакомы съ мадамъ Чуваевой? спросила Ксаверія.

— Я съ нею вовсе не знакомъ. До моего пріѣзда сюда мнѣ было извѣстно, какъ и всей Москвѣ, что у нея есть кольцо въ двѣсти тысячъ—вотъ и все. Колье это мнѣ показали въ театрѣ, я навелъ на него бинокль и довольно долго его разсматривалъ... Колье было надѣто на женщину,—вотъ все, что я могу сказать, потому что на нее никто не смотрѣлъ, смотрѣли только на ея брилліанты и я дѣлалъ то-же, что и всѣ.

— Напрасно, замѣтила Ксаверія, мадамъ Чуваева очень недурна собой и, кажется, весьма любезная и милая особа. Мы съ нею довольно часто встрѣчались дѣтми у м-лле де-Мартинъ, — учились вмѣстѣ французскому языку. Теперь ны видимся рѣдко, но м-г Хлопскій даже переписывается съ нею.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ, вѣроятно, извѣстно, что она скоро здѣсь будетъ? спросилъ Ртищевъ.

— Да, мнѣ это извѣстно, отвѣчалъ немножко обиженнымъ тономъ Хлопскій.

Онъ снова пытливо заглянулъ въ глаза Сергѣя Александровича, но и на этотъ разъ ему ничего не удалось въ нихъ прочесть. Глаза у Ртищева были очень выразительныя, но онъ при случаѣ отлично умѣлъ ими владѣть.

А Ксаверія, между тѣмъ, продолжала его поддразнивать.

— Мадамъ Чуваева отлично танцуетъ, сказала она, посятривая съ усмѣшкой то на Хлопскаго, то на Ртищева, — надо ее видѣть въ мазуркѣ съ паномъ Хлопскимъ, — прелесть!

Съ этими словами она совершенно неожиданно вскочила съ мѣста, шумно отодвинула свой стулъ отъ чайнаго стола и, приподнявъ кончиками пальцевъ платье настолько, чтобы выставить на показъ хорошенькую ножку, вылетѣла изъ комнаты.

Не прошло и минуты, какъ изъ гостиной раздались звуки захватской и мастерски-исполненной мазурки. За мазуркой послѣдовалъ ноктюрнъ Шумана, а тамъ вальсъ Шопена, а тамъ хватающая за душу пѣснь Мендельсона.

Прелатъ вынулъ изъ шкapa какую-то завѣтную рукописную тетрадь и разложилъ ее на юпитрѣ. То, что Ксаверія пѣла и играла изъ этой тетради, было такъ ново и прелестно, что даже Брониславъ развеселился. Онъ началъ обращаться съ Ртищевымъ совсѣмъ просто, какъ съ давнишнимъ и хорошимъ знакомымъ; очень тонко и остроумно вышучивалъ Хлопскаго, вызывая его на смѣшныя рассказы о барыняхъ и барышняхъ, за которыми панъ Хлопскій ухаживалъ и въ самомъ городѣ, и въ его окрестностяхъ.

А Прелатъ тѣмъ временемъ совершенно овладѣлъ Ксаверіей. Онъ не отходилъ отъ рояля, перевортывалъ листы въ нотахъ и, нагибаясь довольно низко надъ ея ухомъ, нашептывалъ ей, вѣроятно, очень пріятныя и интересныя вещи, потому что Ксаверія часто откидывала назадъ голову, чтобы не проронить ни одного слова изъ его рѣчей и при этомъ на губахъ ея блуждала такая счастливая улыбка!

Въ этотъ день Ртищевъ вернулся домой очень поздно и, ложась спать, подумалъ, что это первый вечеръ, который ему довелось провести вполне пріятно, съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ 3—скѣ.

VI.

— Съ почты принесли много пакетовъ и писемъ вчера, видѣли, что-ли? спросила однажды утромъ Авдотья Марковна, подавая своему барину чай.

— Подай ихъ сюда, сказалъ Ртищевъ.

Онъ началъ распечатывать одинъ за другимъ конверты и довольно разсѣянно пробѣгать находящіяся въ нихъ бумаги. Но между ними оказалась одна, которой онъ тотчасъ-же заинтересовался. Она попала ему въ руки послѣ всѣхъ, когда онъ допивалъ послѣдній глотокъ чая. Авдотья Марковна принесла ему шляпу и перчатки, но Сергѣй Александровичъ ей объявилъ, что онъ сегодня не выйдетъ и чтобъ послали за Петромъ Степанычемъ.

Вслѣдствіе доноса о поджогѣ, Ртищеву предлагали разслѣдовать дѣло о пожарѣ, случившемся въ прошломъ мѣсяцѣ на Пирожковской фабрикѣ. Строеііе было застраховано выше своей стоимости; въ поджогѣ обвинялся управляющій фабрикой, панъ Хлопскій.

Ртищевъ прошелъ въ кабинетъ и здѣсь еще разъ перечиталъ доносъ съ начала до конца съ большимъ вниманіемъ и подумалъ при этомъ, что получи онъ эту бумагу днемъ раньше, онъ провель-бы вчерашній день совершенно иначе и не просидѣлъ-бы весь вечеръ у Миленскихъ.

Ну, и хорошо, что запоздала, усмѣхнулся онъ.

Чѣмъ больше соображалъ онъ всѣ особености, которыми сопровождалось мѣсяцъ тому назадъ его первое знакомство съ семействомъ Миленскихъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что все вышло какъ-то само собою и во всѣхъ отношеніяхъ весьма кстати. Вѣдь онъ не искалъ этого знакомства, они сами почти силой затащили его къ себѣ, пользуясь его страстью къ музыкѣ и слабостью къ комфортабельно устроеннымъ домамъ. А потомъ они продолжали принимать его такъ радушно, что прекратить посѣщенія было-бы трудно даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ ему надобно это знакомство, а оно ему вовсе не надобно, совсѣмъ напротивъ!

Ему никогда не было скучно у Миленскихъ; каждый день от-

крываль онъ въ ихъ интимной жизни какой-нибудь новый уголокъ, подъ впечатлѣніемъ котораго долго ходилъ точно очарованный. Даже старуха Марья Казимировна, даже Марихна интересовала его въ этомъ домѣ. Ксаверія съ нимъ кокетничала, но такъ тонко, такъ умно, что ему часто приходило въ голову, что она не равнодушна къ нему, сама того не замѣчая, и мысль эта весьма пріятно щекотала его самолюбіе.

Съ прелатомъ онъ тоже сошелся довольно близко, и съ каждымъ разомъ находилъ его проще и добродушнѣе. Втеченіи послѣднихъ двухъ недѣль онъ три раза былъ въ домѣ его велебности; первый разъ подъ предлогомъ взглянуть на его коллекцію медалей, второй разъ, чтобъ попробовать какого-то венгерскаго, привезеннаго длинноусымъ пріателемъ Бронислава прямо изъ окрестностей Пешта, а въ третій разъ — это было вчера — чтобъ выслушать провѣтъ учрежденія католической семинаріи въ З — скѣ.

Приглашая его по этому случаю, прелать предварительно позаботился дать ему прочесть собственноручное письмо одного изъ высокопоставленныхъ петербургскихъ тузовъ, по инициативѣ котораго онъ будто-бы дѣйствовалъ.

Въ глубинѣ души Ртищевъ мало сочувствовалъ не только стариннымъ медалямъ и какимъ-бы то ни было семинаріямъ, но даже и такому вину, какъ венгерское, но тѣмъ не менѣе онъ провелъ время у его велебности очень пріятно. Его не тяготило то серьезное и немножко мистическое направленіе, подъ которое невольно настраивался каждый, кто переступалъ порогъ уютнаго и изящнаго эрмитажа прелата, онъ даже находилъ особенную прелесть въ его подчасъ педантическихъ, но всегда остроумныхъ и интересныхъ разсказахъ. Разказы эти переносили его въ тѣ блаженныя времена ранней юности, когда онъ съ такимъ восторгомъ слушалъ любимаго профессора, или самъ ораторствовалъ передъ товарищами, затрогивая одинъ за другимъ всѣ міровые вопросы, пожалуй, глупо, безцѣльно и безтолково, но за то дрожащимъ отъ волненія голосомъ, со слезами умиленія на глазахъ и съ бьющимся отъ безочетнаго восторга сердцемъ.

Почти такое впечатлѣніе производило на него пѣніе Ксаверіи, ея декламация и всегда живая, остроумная бесѣда.

Какъ у Миленскихъ, такъ и у прелата, кромѣ членовъ семьи и постоянного посѣтителя, шумнаго и веселаго пана Хлопскаго,

Ртищеву часто встрѣчались скромныя и безцвѣтныя личности, съ которыми его мимоходомъ знакомили, произнося скороговоркой, мудренныя и труднозапоминаемыя фамиліи. Личности эти выдвигались на сцену только на одно мгновеніе и тотчасъ-же ступивъ вывались, разминаясь по темнымъ угламъ гостиной, столовой и кабинета, рѣдко обмѣниваясь словомъ даже между собою и съ низкими поклонами принимая чашки чая и блюдечки съ вареньемъ изъ рукъ Маріи Казиміровны, которая зорко смотрѣла за тѣмъ, что-бы никто изъ гостей ея не былъ забытъ или обдѣленъ. Подъ конецъ вечера всѣ эти люди незамѣтно исчезали одинъ за другимъ, также тихо, быстро и безслѣдно, какъ китайскія тѣни въ волшебномъ фонарѣ.

Иногда изъ заднихъ комнатъ выходила на короткое время молодая женщина съ русыми волосами, задумчивымъ взглядомъ и застѣнчивыми манерами. Ртищевъ зналъ, что ее зовутъ Натальей Михайловной, что она жена Бронислава, вотъ и все. Всѣ обращались съ нею вѣжливо, а прелать и панъ Хлопскій даже съ изысканною внимательностью. Одна Марія Казиміровна не измѣняла для нея своего грубаго тона и, забывая присутствіе гостя, часто конфузила ее добродушными намеками и насмѣшками. Наташа, краснѣя, отшучивалась, какъ умѣла, большею частію неловко, обидчиво и не умно. Всѣ смотрѣли на нее немножко свысока, но ласково и снисходительно, какъ на ребенка, а Ртищевъ не обращалъ на нее никакого вниманія. Да и не мудрено,—въ ней ничего не было замѣчательнаго, и Брониславъ былъ вполне правъ, говоря, что въ ихъ домѣ ей нельзя претендовать ни на какую выдающуюся роль.

Хлопскій съ первой минуты ихъ знакомства показался Ртищеву хитрымъ и ловкимъ пройдохой, который отлично надуваетъ своихъ дураковъ-довѣрителей, разныхъ князей да генераловъ, поручающихъ ему, съ свойственною русскимъ людямъ безпечностью и довѣрчивостью, надзоръ за плутами-управляющими и мошенниками старостами.

Еслибъ не близость его къ семейству Миленскихъ, Ртищевъ былъ-бы, пожалуй, не прочь повѣрить доносу и допустить, что онъ способенъ на такое преступленіе, какъ поджогъ изъ корыстной цѣли. Въ доносѣ упоминалось также имя Миленскаго, но вскользь и съ явной цѣлью набросить свертную тѣнь на всѣхъ людей,

близкихъ къ Хлопскому. Говорилось о попойкахъ и кутежахъ на сгорѣвшей фабрицѣ, въ которыхъ будто-бы участвовалъ Брониславъ. Однимъ словомъ, клевета была въ глаза своею наглостью и неправдоподобностью.

Ртищевъ началъ припоминать городскіе толки о Хлопскомъ. Недавно еще Дмитровскій что-то рассказывалъ ему, но что именно—онъ теперь не могъ вспомнить.

— Не забыть-бы спросить, подумалъ онъ въ ту самую минуту, когда въ прихожей раздался звонокъ Петра Степановича.

Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Степановичъ женился—а женился онъ два мѣсяца тому назадъ и Ртищевъ былъ у него шаферомъ, а Гвоздичкина посаженной матерью—онъ сдѣлался еще мягче, деликатнѣе и добрѣе. Изъ Лизаньки вышла весьма приличная дама. Не находя въ томъ больше существенной надобности, она перестала жеманиться и засматриваться на офицеровъ, очень любезно угощала гостей и держала въ большомъ порядкѣ бѣлье своего мужа.

Молодые Дмитровскіе были очень счастливы и отъ счастья этого вѣяло такой непроходимой скукой, что всё оставили ихъ въ покоѣ. Про нихъ ни малѣйшей сплетни не ходило по городу. Одинъ Ртищевъ продолжалъ интересоваться ихъ судьбой, но ужъ далеко не съ тѣмъ умилятельно-добродушнымъ настроеніемъ, съ которымъ онъ къ ней отнесся во время болѣзни. Нѣтъ, по мѣрѣ того, какъ нервы его крѣпли и силы восстанавливались, возвращалась также и скептическая насмѣшливость Сергѣя Александровича и беспокойное стремленіе его отыскивать темныя пятна и затхлые уголки тамъ, гдѣ никто изъ окружающей среды ничего кромѣ полнѣйшаго благоденствія не находилъ.

Ужасно много такихъ пятенъ и уголковъ усматривалъ онъ въ семейной жизни Петра Степановича! Иногда ему было нестерпимо досадно встрѣчаться съ вѣчно сіяющимъ лицомъ своего бывшего пріятеля и онъ всячески старался вывести его изъ терпѣнія какой-нибудь дерзостью. Но Петръ Степановичъ былъ невозмутимъ.

Не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Чему вы улыбаетесь? Я сегодня не именинникъ и поздравлять меня не съ чѣмъ, сказалъ ему придирчивымъ тономъ Сергѣй Александровичъ.

— Сегодня день рожденія Лизаньки, добродушно отвѣчалъ Дмитровскій, — нѣ хотѣлось-бы, чтобъ вы меня поздравили и пожаловали къ намъ на пирогъ.

Ртищевъ терпѣть не могъ пироговъ и вообще всякая ѣда не во время разстроивала ему пищевареніе на нѣсколько дней; но чтобъ наказать себя за неудавшееся нападеніе на Петра Степановича, онъ не только принялъ приглашеніе, но даже привезъ Лизанькѣ конфектъ и цѣлыхъ десять минутъ любезничалъ съ ненавистной ему Татьяной Карповной.

Послѣ такой жертвы позволительно побаловать себя, — и онъ далъ себѣ слово, по крайней мѣрѣ, недѣли двѣ сразу избѣгать свиданій съ Петромъ Степановичемъ, а о Лизѣ и о ея подружкахъ даже вовсе не вспоминать.

Для чего послалъ онъ за нимъ сегодня утромъ?

Заслышавъ знакомый голосъ въ прихожей, Ртищевъ мысленно ругнулъ себя за неумѣстную поспѣшность и рѣшилъ, что сообщать Дмитровскому о полученной бумагѣ, да и вообще толковать съ нимъ сегодня про дѣла нѣтъ никакой надобности.

Петръ Степановичъ замѣшкался въ прихожей. Онъ, по обыкновенію, разговорился съ Авдотьей Марковной, которая, снимая съ него пальто, подробно расспрашивала о здоровьѣ его супруги и о его собственномъ, а затѣмъ свела рѣчь на разные хозяйственные вопросы, интересующіе одинаково ихъ обоихъ.

Съ Петромъ Степановичемъ было не только пріятно, но и полезно разговаривать. Онъ зналъ столько простыхъ и хорошихъ средствъ отъ всякихъ болѣзней и противъ такихъ житейскихъ напастей, какъ моль, напримѣръ, крысы или тараканы. Онъ выучилъ Марковну сохранять виноградъ до весны, развѣшивая его на бичевкахъ въ сухомъ мѣстѣ, заливать рябчиковъ въ маслѣ и такимъ образомъ предохранять ихъ неестественно долго отъ разложенія. Никто лучше его не зналъ, въ какое именно время выгоднѣе закупать дрова и прочіе запасы на зиму, въ какой лавкѣ брать чай и въ какой — сыръ, гдѣ можно всегда достать свѣжіе лимоны и гдѣ продается лучшая ветчина.

Онъ былъ большой охотникъ до прогулокъ раннимъ утромъ по рынку и приторговывался ко всякому товару, даже къ такому, въ которомъ ему не было да и не предвидѣлось никакой надобности, входилъ въ пріятельскія бесѣды съ лавочниками и ната-

живаль домою множество всякой всячины. Впрочемъ, всё покупки Петра Степановича отличались не только дешевизной, но и доброкачественностью, и не взирая на то, что теперь у него завелось и бабѣ въ домѣ въ лицѣ супруги и двухъ горничныхъ, и поварь, слышій довольно трезрымъ человѣкомъ—вѣроятно, на томъ основаніи, что болѣе трехъ разъ въ недѣлю не напивался пьянъ—и, наконецъ, не взирая на то, что у него былъ такой вѣрный слуга, какъ Николинъка, Петръ Степановичъ не измѣнялъ своей привычки похаживать на рынокъ...

Кстати о Николинкѣ. Онъ не только не покинулъ Петра Степановича послѣ его женитьбы, но даже вошелъ въ стачку съ Лизанькой и частенько училъ ее, какимъ образомъ добиться отъ супруга того-то и того-то и переупрямить его въ томъ-то и въ томъ-то. Эти невинныя хитрости и уловки не ускользали отъ наблюдательности Петра Степановича и бесконечно забавляли его. Иногда онъ притворялся пойманнымъ и уступалъ, но случалось это, разумѣется, только тогда, когда, по его мнѣнію, уступить и побаловать жену можно было. Въ большинствѣ-же случаевъ онъ настаивалъ на своемъ и такъ упорно оставался глухъ и слѣпъ къ ея гримаскамъ, ворчанью и даже слезамъ, что долго капризничать становилось утомительно.

Услышавъ шаги и голосъ Петра Степановича, Ртищевъ началъ придумывать предлогъ заговорить съ нимъ о Хлопскомъ и о Миленскихъ, не упоминая о полученной бумагѣ.

Петръ Степановичъ какъ-будто угадалъ это желаніе.

— Вашъ посланный отыскалъ меня въ судѣ, объявилъ онъ, опускаясь въ кресло передъ письменнымъ столомъ хозяина и осторожно ставя шляпу на ближайшій стулъ.

А затѣмъ, улыбнувшись шире обыкновеннаго, онъ спросилъ:

— Вчера вы, вѣрно, опять провели вечеръ у Миленскихъ? Я къ вамъ заходилъ и не засталъ дома.

И, помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Преприятная особа эта панна Ксаверія, такая красивая, умная и на фортепьянахъ отлично играетъ. Моя жена у нея училась, жаль только, что не долго... Я ей совѣтую опять начать, все-таки занятіе, а времени у нея такъ много, что часто отъ скуки не знаетъ, что и дѣлать... Дѣтей пока нѣтъ...

— А поеть-то какъ! прервалъ его Ртищевъ.

— Лизанька? Въ первый разъ слышу. Вамъ кто-же это сказалъ?

— Я говорю про панну Миленскую, а вовсе не про вашу Лизаньку, Петръ Степановичъ. У нея такой чудный голосъ, что помяните мое слово, если года черезъ два про нее не будутъ столько-же вричать, сколько про Патти.

— Что вы! А должно быть весело у нихъ проводятъ время... музыка, умные разговоры... Прелать очень ученый господинъ, Миленскій тоже... Намеднисъ онъ у вице-губернаторши про муміи египетскія рассказывалъ, очень занимательно, даже моя Лизанька заинтересовалась, цѣлый день потомъ повторяла: я изъ васъ, Петръ Степановичъ, мумію сдѣлаю, если вы прежде меня умрете... Шутить, разумѣется, ну, и я тоже смѣюсь: очень, говорю, нѣ лестно будетъ съ такой мыслью помирать... Да, презанимательный народъ эти поляки, такъ много путешествовали и съ такой пользой, все помять, что видѣли, все до послѣдней мелочи. На такіе поязи и денегъ не жаль тратить.

— А панъ Хлопскій? спросилъ со смѣхомъ Ртищевъ.

— Ну, этотъ совершенно въ другомъ родѣ, онъ больше по части ухаживанія за богатыми барынями; одну облапошить—за другую принимается, такъ у него это дѣло и идетъ безъ пережки, и послѣ каждой новой интриги имѣвіе приобрѣтаетъ. Но, кажется, такого крупнаго звѣря, какъ тотъ, за которымъ онъ теперь гоняется, ему еще ни разу не удалось затравить.

— Что такое, расскажите, пожалуйста! вскричалъ заинтригованный Ртищевъ.

— Извольте, тутъ секрета никакого нѣтъ,—весь городъ знаетъ, что дочка вашей домовой хозяйки, мадамъ Чуваева, съ помощью пана Хлопскаго, преисправно обираетъ свою мамашу, или, лучше сказать, того мальчика... Какъ онъ имъ приходится, ужъ я не знаю, право, подвидышь, что-ли, или приемышь?

— Рыболова? вскричалъ Ртищевъ,—они хотять обобратъ рыболова? И вы думаете, что это меня не касается? Помилосердуйте, Петръ Степановичъ! Да развѣ вы не знаете, какъ я имъ заинтересованъ, этимъ мальчикомъ? Я съ нимъ каждый день по три, по четыре часа возжусь!

— Скажите, пожалуйста! А мы съ Лизанькой думали, что вы дѣтей не любите!

— Терпѣть не могу! Но развѣ мой рыболовъ похожъ на ребенка?

— Очень уменъ для своихъ лѣтъ? полюбопытствовалъ Петръ Степановичъ.

— Какое! Иногда онъ мнѣ кажется идиотомъ, иногда съумасшедшимъ, но чаще всего просто дуракомъ и, кажется, я скоро окончательно останавлиюсь на этомъ послѣднемъ мнѣніи. Нѣтъ, продолжалъ онъ, помолчавъ немного, — у меня другія причины интересоваться этимъ ребенкомъ, и будь онъ еще глупѣе, я все-таки никому не дамъ его въ обиду.

„Вѣдь называютъ-же и тебя дуракомъ, а какой ты милый человекъ!“ прибавилъ онъ мысленно, съ улыбкой поглядывая на Петра Степановича.

— Почему вы его рыболовомъ зовете?

— Это длинная исторія, когда-нибудь расскажу въ другой разъ. Его зовутъ Марочка, то есть Маркъ, а по фамиліи Пирожковъ; онъ незаконный плодъ любви покойнаго супруга Любоми Ивановны съ какой-то... Я, право, не знаю, можно-ли вамъ сообщить мое предположеніе?

— Почему-же не сообщить? Предполагать что-бы то ни было никому не воспрещается; вотъ еслибы вы утверждали навѣрное!..

— Въ томъ-то и дѣло, что я это знаю почти навѣрное, и лучше ничего вамъ не скажу. Вѣдь вы теперь человекъ женатый, Петръ Степановичъ, вы составляете одну душу и одно тѣло съ Лизанькой, извините, съ Лизаветой Егоровной; стало-быть... вы сами должны понимать, что съ вами теперь нельзя быть откровеннымъ. Вы ей, вѣрно, все пересказываете?

Петръ Степановичъ улыбнулся. Онъ даже не считалъ нужнымъ оправдываться въ такомъ несообразномъ нареканіи.

— Мадамъ Чуваева и не подозрѣваетъ, что у Марочки такой могущественный защитникъ, замѣтилъ онъ.

— Да-съ, пусть она заготовитъ себѣ сообщника посерьезнѣе пана Хлопскаго, если вздумаетъ со мной бороться, отвѣчалъ Ртищевъ.

— А вамъ извѣстно, что она сегодня здѣсь будетъ?

— Не можетъ быть. Она всегда предупреждаетъ о своемъ пріездѣ депешей и моя Авдотья первая-бы объ этомъ узнала.

— Такая депеша была, да только не къ маменькѣ, а къ пану

Хлопскому и онъ уже выѣхалъ къ ней на-встрѣчу въ Малый Храпъ, имѣніе госпожи Пирожковой.

— Откуда вы все это знаете? не безъ зависти проговорилъ Ртищевъ.

— Промежь людей толкаюсь, Сергѣй Александровичъ. Опять-же и Лизанька по цѣлымъ днямъ съ разными барынями тары да бары, то про того, то про другого. Какъ-же тутъ всѣхъ новостей не узнать? Вотъ женитесь, Богъ дастъ,—сами испытаете!

— Слуга покорный! Женитесь для того, чтобъ узнавать городскія сплетни!

— Все не для этого, степенно возразилъ Петръ Степановичъ,—кому-же придется въ голову для этого жениться, помилуйте! Надо быть совсѣмъ пустымъ человѣкомъ...

— Тряпкой? Помните, какъ васъ тогда Лизавета Егоровна назвала?

Петръ Степановичъ улыбнулся.

— Помню. Но только она съ тѣхъ поръ во многомъ измѣнила свое мнѣніе обо мнѣ, и, надѣюсь, къ лучшему. А насчетъ сплетенъ я вамъ вотъ что скажу: вы относитесь къ этому слову свысока, и, дѣйствительно, слово не красивое, я не спорю, но въдѣ собственно непріятнаго одно только въ сплетнѣ—это если самъ въ нее попадешь, а про другихъ не только весело, но даже иногда очень полезно бываетъ кое-что стороной узнать, право! Я это сколько разъ самъ испыталъ, да и вы тоже.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

День пріѣзда госпожи Чуваевой ознаменовался для Сергѣя Александровича тѣмъ, что Марочка не явился къ нему изъ гимназіи.

А въ этотъ день Ртищевъ, какъ нарочно, поджидалъ его съ особеннымъ нетерпѣніемъ. Онъ даже вышелъ цѣлымъ получасомъ раньше изъ суда, чтобы скорѣе начать съ нимъ заниматься. Вчерашній разговоръ съ Дмитровскимъ такъ подзадорилъ его къ

борьбѣ съ Раисой Петровной и съ паномъ Хлопскимъ, что онъ почти всю ночь продумалъ надъ различными комбинаціями, одна другой затѣпливѣе и сложнѣе; но во всѣхъ этихъ комбинаціяхъ наступалъ такой моментъ, когда безъ участія самого Марочки никакъ нельзя было обойтись, а насколько рыболовъ былъ способенъ на такое участіе, это было необходимо выяснитъ какъ можно скорѣе и обстоятельнѣе.

Ртищевъ взглянулъ на часы,—половина третьяго: Марочка запоздалъ на цѣлыя полчаса,—этого никогда еще съ нимъ не случилось!..

Сергѣй Александровичъ приказалъ Марковнѣ тотчасъ-же сходить наверхъ и привести его сюда.

— Ему врядъ-ли можно отлучиться сегодня сверху-то... Сами знаете, сестрица Раиса Петровна пріѣхала, у нихъ, поди дымъ коромыслоу.

— Стало-быть, ему тамъ и подавно дѣлать нечего, рѣшили Ртищевъ,—ступай, скажи, что я зову и чтобъ сейчасъ-же шелъ, безъ разговоровъ!

Марковна отправилась. Ей и самой желательно было посмотреть, что дѣлается у Пирожковыхъ, да только до сихъ поръ предлога приличнаго не находилось. Ну, теперь самъ баринъ туда посылаетъ, чего-же лучше?

А наверху, дѣйствительно, стоялъ дымъ коромыслоу. Въ парадныхъ комнатахъ натирали паркеты, на двери и на окна вѣшали портьеры и занавѣси, со всей мебели стаскивались чехлы, во всѣ люстры и канделябры вставлялись свѣчи. По всему этажу шла невообразимая суета, бѣготня и толкотня, ни отъ кого ничего не добьешься, никто ничего не слушаетъ, ни на что не отвѣчаетъ.

— Вамъ кого? спросила Марковну мимоходомъ экономка, и убѣжала, не дождавшись отвѣта.

— Бариню? Некогда имъ теперь, объявилъ ей одинъ изъ лакеевъ.

— Марочку туда-же позвали и вызвать его оттуда никакъ нельзя, увѣрялъ ее тоже на бѣгу и торопливо другой лакей.

— Идите сами, намъ вашихъ порученьевъ исполнять некогда, оборвалъ ее бужетчикъ.

— Да и не нуждаюсь, пожалуйста, не беспокойтесь, я и сама

къ Любви Ивановнѣ ходъ знаю, кажется, не въ первый разъ... огрызнулась на всѣ стороны Марковна.

Она дошла до половины мадамъ Чуваевой. Трудно было воздержаться отъ искушенія заглянуть въ эти комнаты, всегда запертыя во время отсутствія молодой хозяйки и мебелированныя съ такою роскошью, что весь городъ гордился ими.

Марковна и не воздерживалась. Она, безъ дальнѣйшихъ церемоній, проникла въ пунцовую бархатную гостиную, прошла оттуда въ бѣлый атласный будуаръ, а затѣмъ вступила въ голубую спальню. Во всѣхъ этихъ комнатахъ, загроможденныхъ ящиками, чемоданами, картонками и множествомъ беспорядочно-раскиданныхъ принадлежностей дамскаго туалета, царствовалъ полнѣйшій хаосъ, но Марковна, какъ человекъ бывалый, съумѣла съ перваго взгляда оцѣнить стоимость всѣхъ этихъ предметовъ и сердце ея преисполнилось благоговенія къ счастливой обладательницѣ такихъ прелестей.

— Вы меня извините, душенька, ласково отвѣчала она на косой взглядъ, которымъ встрѣтила ея появленіе горничная г-жи Чуваевой, — меня мой баринъ Сергѣй Александровичъ Ртищевъ прислалъ къ баринѣ Любови Ивановнѣ. У васъ тутъ съ сегодняшняго утра такія перемѣны, что я не знаю, гдѣ ихъ отыскать...

— Старая барыня завсегда на своей половинѣ, гдѣ-же ей быть? довольно неохотно отвѣчала горничная.

— Скажите, пожалуйста! А я вотъ сюда забрела, продолжала Марковна, не трогаясь съ мѣста.

Ее, точно муху къ меду, притягивалъ къ себѣ прелестный вышитый пенъюаръ, который горничная со всевозможными предосторожностями вынимала изъ картонки затѣйливой формы, съ хитрыми переплетами. Пенъюаръ былъ покрытъ свѣтло-розовыми бантиками и каждый изъ этихъ бантиковъ былъ завернутъ въ тонкую бумажку.

— Вѣдь вотъ, начала послѣ небольшого молчанія Марковна, на какія нынче пустились хитрости! Такимъ манеромъ уложить, такъ ужъ ни одинъ бантикъ не сомнется.

Горничная снисходительно усмѣхнулась и бережно понесла выпутанный изъ бумаги и тесемочекъ нарядъ на широкую обитую атласомъ кровать. Потомъ она принялась распаковывать

длинный ящикъ съ чепцами и уборами и, выбравъ изъ него тотъ, которой долженъ былъ подходить къ пенъюару, она обратилась къ баулу съ туфлями.

И долго-бы продержала она Авдотью Марковну подъ обаяніемъ давно не испытаннаго наслажденія, еслибы самъ Марочка своимъ появленіемъ въ спальню сестрицы не напомнилъ ей, что баринъ прислалъ ее наверхъ вовсе не для того, чтобы любоваться нарядами мадамъ Чуваевой.

— Вы что-же нейдете учиться, батюшка? Баринъ давно васъ дожидаются, объявила она ему.

— Мнѣ никакъ нельзя, Марковна, сестрица Раиса Петровна то за тѣмъ, то за другимъ посылаетъ. Вотъ теперь имъ Людмила понадобилась... Идите скорѣе, Людмила, онѣ сердатся, обратился онъ къ горничной.

— Сойдите хоть на минутку, сударь, продолжала наставлять Марковна, — извинитесь сами, вѣдь нельзя-же такъ, Сергѣй Александровичъ можетъ обидѣться...

Марочка послѣдовалъ за нею внизъ.

Выслушавъ, по своему обыкновенію, очень терпѣливо и съ покорнымъ видомъ запальчивый выговоръ Ртищева, онъ очень солидно объявилъ, что придти раньше ему никакъ нельзя было. Онъ и въ гимназіи не былъ, — все утро прислуживалъ сестрицѣ.

— То то подай, то другое, то лакея позови, то горничную... А за завтракомъ завели онѣ съ мамашей разговоръ про тятенькины деньги и сейчасъ всѣхъ лакеевъ выслали, а мнѣ приказали тутъ быть. Онѣ думаютъ, я ничего не пойму, прибавилъ онъ съ какой-то неопредѣленной улыбкой.

— Да, разужьется, вы ничего и не поняли, гдѣ-же вамъ понять! замѣтилъ вызывающимъ тономъ Ртищевъ.

Марочка промолчалъ.

— Такъ вы сегодня и въ гимназіи не были? продолжалъ къ нему придирается раздосадованный Ртищевъ. — Вы, можетъ быть, воображаете, что вамъ такая штука пройдетъ даромъ? Нѣтъ, голубчикъ, за такія штуки васъ завтра на весь день засадятъ, да изъ поведенія нѣсколько балловъ сбавятъ. Ну, что-же вы стоите? Берите доску и пишите, — я васъ не для того позвалъ, чтобъ вы глаза на меня пучили.

Марочка отправился къ этажеркѣ, на нижней полкѣ которой

хранились его учебныя принадлежности, и, усѣвшись къ ломберному столу у окна, терпѣливо ждалъ, чтобы Сергѣй Александровичъ началъ диктовку. Прошло минуты три. Ртищеву было сегодня какъ-то особенно трудно отыскать подходящій текстъ въ книжкѣ, которую онъ нетерпѣливо перелистывалъ. Онъ думалъ о другомъ. Да и Марочка помышляла не о диктовкѣ, и въ ту самую минуту, какъ учитель открылъ ротъ, чтобъ произнести заглавіе выбранной, наконецъ, басни, ученикъ вдругъ поднялъ голову и объявилъ, что завтра его не накажутъ въ гимназіи.

— Мамаша послала директору записку, что я не здоровъ...

— Вотъ какъ! Кто-же ее этому надумилъ, сестрица вѣрно?

— Нѣтъ-съ, я самъ... Я видѣлъ, какъ другіе записки присылали, ну вотъ и я...

— Пишите, пожалуйста, оставьте ваши объясненія до другого раза, они меня вовсе не интересуютъ.

Началась диктовка, но сегодня имъ, видно, не суждено было спокойно заниматься. Не успѣлъ Марочка написать двухъ строчекъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздались голоса, дверь въ кабинетъ пріотворилась и въ нее просунулась голова Авдотьи Марковны.

— Раиса Петровна прислали за Марочкой, приказали, чтобъ сейчасъ шель наверхъ.

Ртищевъ порывистымъ движеніемъ приподнялся съ мѣста.

— Скажи отъ меня Раисѣ Петровнѣ, что Маркъ Петровичъ мнѣ нуженъ и что я отпущу его тогда, когда найду это удобнымъ, произнесъ онъ очень громко, отчеканивая каждое слово.

Глаза его сверкали, блѣдныя щеки вспыхнули.

Никогда еще Марочка не видѣлъ его въ такомъ гнѣвѣ. Искоса и весь съезжившись, поглядывалъ онъ на него, но во взглядѣ этомъ выражалось скорѣе любопытство, чѣмъ боязнь. Авдотья-же Марковна не на шутку смутилась, да и лакей, присланный мадамъ Чуваевой, такъ струсилъ, что убрался во-свояси, не дожидаясь возвращенія домоправительницы Ртищева.

Сергѣй Александровичъ продержалъ своего ученика дольше обыкновеннаго и приказалъ ему на слѣдующій день непременно идти въ гимназію.

— Никого не смѣйте слушаться, скажите, что я не велѣлъ вамъ пропускать классы.

— Сестрица говоритъ, что гимназія—это глупости, что меня надо...

— Не смѣйте повторять мнѣ слова вашей сестрицы, меня вовсе не интересуютъ ея сужденія, запальчиво прервалъ его Ртищевъ.— Вы точно старая баба-сплетница...

Марочка смолкъ. Раздражительность Сергѣя Александровича никогда не пугала и не оскорбляла его, а только приводила въ недоумѣніе. Обыкновенно онъ весьма терпѣливо и невозмутимо переживалъ окончанія кризиса, ни единымъ словомъ не возражая и не оправдываясь; только однажды, когда Сергѣй Александровичъ раскричался на него за непониманіе какой-то задачи до сильнаго припадка кашля, Марочка такъ опечалился, что рѣшился, въ свою очередь, сдѣлать ему замѣчаніе.

— Зачѣмъ вы такъ кричите?.. я все равно не пойму, а вамъ это вредно... того и гляди, задохнетесь.

Слова эти были сказаны такимъ наивно-прочувствованнымъ тономъ, что трудно было удержаться отъ смѣха.

Но у Марочки былъ тактъ. Сегодня онъ ни за что не рѣшился-бы такъ смѣло прерывать гнѣвные вспышки Ртищева и на всѣ его приказанія отвѣчалъ покорными кивками головы и почти-тельными молчаніемъ.

— Приходите ко мнѣ завтра прямо изъ гимназіи, слышите? повторилъ ему еще разъ Сергѣй Александровичъ на прощаніе.

И, къ величайшему его изумленію, приказаніе это было исполнено въ точности. На слѣдующій день Марочка явился цѣлымъ часомъ раньше обыкновеннаго, съ отличными отгѣтками и съ твердо вызубренными уроками.

— Ага! полувопросительно проворчалъ Ртищевъ,—вамъ, видно, вчера никто не мѣшалъ заниматься?

Марочка только лукаво усмѣхнулся на это. Онъ точно зарокъ себѣ далъ не заикаться о сестрицѣ; Ртищевъ тоже воздерживался отъ разспросовъ, да и Марковна остерегалась теперь упоминать о мадамъ Чуваевой; но забыть о присутствіи этой особы въ домѣ все-таки не было никакой возможности: съ каждымъ днемъ шумное оживленіе въ верхнемъ этажѣ усиливалось, ворота по цѣлымъ ночамъ не запирались; съ утра до вечера и съ вечера до утра по лѣстницамъ и по двору сновала прислуга, приносили изъ магазиновъ свертки, корзины, картонны, къ крыльцу

то-и-дѣло подѣзжали городскіе экипажи, начиная отъ старомодной кареты губернаторши и кончая щегольскими санками пана Хлопскаго. Санки эти подѣзжали къ Пирожковскому дому всегда въ одно и то-же время, подѣ вечерь; обладатель ихъ лихо выскакивалъ на крыльцо, молодецки постукивая каблуками, взлеталъ по лѣстницѣ и нѣсколько минутъ спустя сводилъ съ нея укутанную въ дорогіе мѣха Раису Петровну. Они ѣхали кататься. И какими-бы дѣлами ни былъ въ это время поглощенъ Ртищевъ, онъ всегда узнавалъ шаги Хлопскаго и топотъ его коня у подѣзда, даже скрипъ его саней по утопанному снѣгу различалъ онъ между сотнями другихъ топотовъ и скриповъ. При этомъ Сергѣй Александровичъ невольно взглядывалъ на часовую стрѣлку, а когда они возвращались, глаза его снова отыскивали эту стрѣлку, а въ головѣ неотвязно мелькалъ вопросъ: „гдѣ это они могли пропадать такъ долго?“

И Раиса Петровна, съ своей стороны, была не на шутку заинтригована Ртищевымъ. Съ перваго-же дня ея пріѣзда она попыталась вызвать его на объясненія и на ближайшее знакомство, присылая къ нему за Марочкой среди урока, но потомъ уступила ему окончательно всѣ свои права надъ мальчикомъ. Она была въ полной увѣренности, что уступка эта вызоветъ какое-нибудь выраженіе благодарности съ его стороны, и ошиблась: ничего подобнаго не предпринималъ Сергѣй Александровичъ. Онъ въ полномъ смыслѣ слова игнорировалъ Раису Петровну и это начинало бѣсить ее.

— Что это значить, что мсье Ртищевъ къ намъ глазъ не кажетъ съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхала? Вы мнѣ писали, что онъ послѣднее время навѣщалъ васъ довольно часто? спрашивала она почти каждый день у матери.

— Не знаю, Рачка; вѣдь онъ человекъ занятой, дѣла у него важныя...

— Какія глупости! Знаемъ мы ихъ дѣла, все вздоръ одинъ... Достаетъ-же у него времени возиться съ нашимъ дурачкомъ...

А такъ-какъ въ ту самую минуту дверь отворилась и на порогъ появился упомянутый дурачекъ, Раиса Петровна обратилась прямо къ нему съ такимъ приказаніемъ: когда мсье Ртищевъ обо мнѣ спроситъ, скажи ему, что мнѣ очень хотѣлось-бы съ нимъ познакомиться.

— Они объ васъ никогда не спрашиваютъ, наввно возразилъ мальчикъ.

— Ну, все равно, ты ему такъ скажи, не дожидаясь его вопросовъ.

— Я не смѣю, сестрица, они не приказали про васъ поминать.

Раиса Петровна вспыхнула и ноздри ея слегка надулись.

— Вотъ какъ!

И, громко расхохотавшись, она воскликнула:

— Скажите на милость! Это очень интересно, однакожь, не ожидала я такихъ шутокъ... Значить, онъ боится меня?

— Они никого не боятся, но только часто сердиты бываютъ, пояснилъ очень обстоятельно Марочка.

— Что-жь онъ говорить про меня? продолжала она настаивать.

Марочка пристально посмотрѣлъ на сестрицу и заговорилъ только послѣ минутнаго колебанія. — Они говорятъ, что на васъ не слѣдуетъ обращать вниманія, отчеканилъ онъ съ злой усмѣшкой.

— Ахъ, ты пострѣленокъ! Вотъ онъ чему тебя учить, хорошъ! Какъ ты смѣешь повторять такіа дерзости?

— Да вѣдь вы-же сами приказали, нахально возразилъ Марочка.

Раиса Петровна не на шутку разгнѣвалась на Ртищева, но послѣ каждой подобной сцены ея желаніе поближе познакомиться съ нимъ и высказать ему прямо въ глаза свои претензіи возрастало. Она разспрашивала про него всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, громко сѣтуя на его гордость и нелюдимость.

— Представьте себѣ, живемъ въ одномъ домѣ, однимъ, такъ-сказать, воздухомъ дышемъ и никогда не видимся. Я даже не могу представить себѣ его наружности, но за то характеръ свой онъ на каждомъ шагѣ проявляетъ. Это просто чортъ какой-то, а не человѣкъ! Дня не проходитъ, чтобы онъ не прислалъ мнѣ сказать какую-нибудь дерзость черезъ того мальчика, мамашинаго пріемыша, который живетъ у насъ въ домѣ.

Въ чужихъ людяхъ Раиса Петровна тщательно избѣгала называть Марочку братомъ.

— Надо только дивиться моему терпѣнію, вѣдь не отъ нужды-же мы отдаемъ въ наймы нашъ нижній этажъ,—это мамаша отъ

сжуки вздумала... надѣялась развлеченіе себѣ этимъ доставить, а между тѣмъ однѣ только непріятности нажила.

Разумѣется, всѣ эти рассказы, облетѣвъ весь городъ, достигали съ безчисленными комментаріями до ушей Сергѣя Александровича и невыразимо раздражали его. Еслибъ не Марочка, онъ непремѣнно переѣхалъ-бы на другую квартиру. Впрочемъ, въ домѣ Пирожковой его удерживало еще одно обстоятельство: совѣтъ Дмитровскаго бросить борьбу съ такой злой и ловкой бабой, какъ Раиса Петровна.

Петръ Степановичъ коротко зналъ нравственныя свойства этой особы отъ Лизаньки. Обѣ дамы окончили воспитаніе въ пансіонѣ m-ле де-Мартинъ и, не смотря на разницу въ общественномъ положеніи и въ состояніи, дружба между ними не прекращалась, онѣ даже вели довольно аккуратную переписку, и первый визитъ мадамъ Чуваевой, когда она пріѣзжала въ городъ З—скъ, всегда дѣлался Лизанькѣ.

Но кромѣ желанія доказать Петру Степановичу, что онъ не боится злыхъ бабъ, какъ-бы хитры и ядовиты онѣ ни были, Ртищевъ ощущалъ непреодолимую потребность поддерживать Любовь Ивановну въ борьбѣ, которую она, по его-же совѣту, затѣяла съ дочерью. Не больше, какъ дня три тому назадъ, Марочка съ таинственнымъ видомъ вручила ему записку отъ ма-маши.

„вы меня воеси Бросили, а тут из меня все жилы тннуть... не могу долше терпет“, изображала Любовь Ивановна веривъ и вкось крупными неуклюжими каракульками на листѣ сѣрой бумаги, оторванномъ изъ Марочкиной черновой тетради.

Каракули эти тронули Сергѣя Александровича превыше всякихъ словъ и жалобъ. Онъ понялъ, что только самая крайняя необходимость могла заставить Любовь Ивановну взять перо въ руки. Надо было только всмотрѣться въ эти буквы, выведенныя дрожащей рукой, въ трепетное очертаніе кривыхъ черточекъ и нехватки наставленныхъ точекъ, чтобы убѣдиться, какого труда стоило доброй старушѣ приложить къ практикѣ уроки, взятые лѣтъ сорокъ тому назадъ у какого-нибудь приходскаго дьячка или чернички.

Внизу, у самаго края листа, была приписка: „когда раички не будет“.

— Ну, разумѣется, когда Ранчен не будетъ, повторилъ съ улыбкой Сергѣй Александровичъ и, обернувшись къ Марочкѣ, который съ нескрываемымъ любопытствомъ слѣдилъ за выраженіемъ его лица во время чтенія записки, онъ прибавилъ: — Скажите мамашѣ, что я сегодня-же къ ней приду.

И въ тотъ-же вечеръ, какъ только мадамъ Чуваева уѣхала кататься съ своимъ наномъ, Ртищевъ поднялся наверхъ.

Любовь Ивановна ужасно ему обрадовалась и тотчасъ-же заторопилась излить передъ нимъ свои тревоги и печали. А ихъ за послѣднее время накопилось не мало, оставалось только удивляться стойкости Любви Ивановны, а также ея неустрашимости. Она говорила долго и много, но такъ непослѣдовательно и бессвязно, что надо было имѣть большую привычку къ безтолковымъ оборотамъ ея рѣчи, чтобъ уразумѣть самую суть дѣла, а именно то обстоятельство, что Ранса Петровна, въ совокупности съ наномъ Хлопскимъ, добиваются отъ нея всякими правдами и неправдами такой бумаги, которая предоставляла-бы все имущество, оставшееся послѣ покойнаго Петра Петровича, въ ихъ безконтрольное распоряженіе.

— Я все оттягиваю, говорю, что подумать надо, а они пристають, жаловалась со слезами Любовь Ивановна.—Вчера Ранчка даже такія слова выговорила: вы, мамаша, не упрямитесь лучше, на васъ, по вашему слабоумію, опеку слѣдовало-бы наложить...

— Вотъ оно куда пошло! процѣдилъ съвозъ зубовъ Ртищевъ.

— Что-же это будетъ тогда? продолжала старуха, утирая кончикомъ платка слезы.—Неужто есть такой законъ, чтобъ человѣка ни за что, ни про что капиталъ лишить. Вѣдь я, сами знаете, женщина темная, ничего въ этомъ не смыслю, я, пожалуй, съ дуру-то такую подмахну бумагу, что, чего добраго, Марочку по міру пушу.

— Не подписывайте ничего, непоказавши мнѣ, прервалъ ее Сергѣй Александровичъ, подымаясь съ мѣста.

Ему показалось, что санки пана Хлопскаго подѣхали къ крыльцу.

— И если станутъ къ вамъ приставать, сошлитесь на меня, скажите, что я вамъ не совѣтую рѣшаться на какое-бы то ни было дѣло, не переговоривши предварительно со мной.

— Благодарѣтель! завопила Любовь Ивановна, протягивая ему въ порывѣ благодарности обѣ руки.

Онъ ушелъ въ полной увѣренности, что борьба съ Раисой Петровной началась, что при первомъ нападеніи съ ея стороны Любовь Ивановна укроется его покровительствомъ, какъ каменной оградой и, ссылаясь на его слова, сама предложитъ дочери обратиться къ его виѣшательству, и тогда мадамъ Чуваевой ничего больше не останется дѣлать, какъ послѣдовать этому совѣту.

Такъ и вышло. Не прошло и трехъ дней, какъ одинъ изъ лакеевъ Раисы Петровны, красивый и рослый малый лѣтъ двадцати пяти, вручилъ ему записку отъ своей госпожи. У лакея была фizioномія пренахальная, ливрея новая, съ иголки, и препестрая. Записка, написанная на великолѣпной бумагѣ съ огромнымъ цвѣтнымъ гербомъ, была вложена въ такой-же конвертъ, почеркъ былъ свѣрхъ, выраженія дерзки: „Monsieur, прошу прѣйти ко мнѣ сейчасъ для того, что надо съ вами поговорить объ очень серьезномъ дѣлѣ.“

Раиса Чуваева“.

Былъ и постриптумъ. „Надѣюсь, вы будете вѣжливы, monsieur Rtischeff, и не заставитѣ ждать даму!“

Отъ этой пошлости крѣпко несло пачулями и Сергѣй Александровичъ насчиталъ въ ней четыре грамматическихъ ошибки. Адресъ на конвертъ былъ почему-то написанъ по-французски.

— Скажи, что приду, объявилъ онъ лакею.

— Приказали просить васъ сейчасъ, началъ было тотъ, глупо оскаливъ зубы, и нажѣревался еще что-то прибавить, но взглядъ Ртищева заставилъ его проглотить это продолженіе рѣчи и даже поперхнуться имъ, — онъ закашлялся и поспѣшно вышелъ вонъ.

— *Tel maitre, tel valet*, припомнилась Ртищеву пословица, а затѣмъ онъ сообразилъ, что желаніе Раисы Петровны его видѣть *сейчасъ* имѣетъ еще другую причину кромѣ понятнаго нетерпѣнія объясниться съ человѣкомъ, такъ безцеремонно ставившимся ей поперекъ дороги во всѣхъ ея алчныхъ замыслахъ: сумерки сгущались, черезъ часъ долженъ былъ прѣхать панъ Хлопскій въ своихъ санкахъ. Ртищевъ съ наслажденіемъ помышлялъ о томъ, что сегодня, благодаря ему, ежедневное ихъ ката-

нѣ состоится не во время, или вовсе не состоится, что рысагу пана Хлопскаго придется довольно долго потоптаться и пофыркать у крыльца, а хозяину его поскучать въ одной изъ неосвященныхъ залъ пирожковского дома, въ ожиданіи мадамъ Чуваевой, которую онъ, Ртищевъ, продержитъ по возможности дольше подъ градомъ дерзостей, болѣе или менѣе тонкихъ, смотря по тому, какой тонъ ей угодно будетъ придать разговору. Очъ поднялся на верхъ только минутъ сорокъ послѣ полученія ея записки съ приглашеніемъ явиться немедленно и велѣлъ доложить о себѣ мадамъ Чуваевой.

Его ввели въ знаменитый голубой будуаръ, о которомъ онъ слышалъ столько восторженныхъ отзывовъ въ городѣ; комната эта показалась ему поблекшей, вылинявшей и даже неопрятной. Можетъ быть, было время, когда кружевные украшения, опутывавшія мебель и стѣны, красиво и изящно драпировались на голу. бой шелковой ткани, но теперь все это пожелтѣло, покрылось копотью и пылью.

При его появленіи съ оттоманки приподнялась молодая женщина, очень маленькая и очень толстая, съ большими черными глазами на выкатъ. Она была одѣта въ блузу, довольно помятую и въ пятнахъ, изъ дорогой шелковой матеріи какого-то неопредѣленно песочнаго или пепельнаго цвѣта; шиньонъ ея поражалъ неестественной величиной и обиліемъ косъ, локоны были всевозможныхъ формъ и величинъ; съ жирной, короткой шеи спускалась золотая цѣпочка съ медальономъ, очень массивнымъ, украшеннымъ эмалью и жемчугомъ; толстыя ручки выставлялись, обнаженныя по локоть, изъ-подъ широкихъ рукавовъ. Ручки эти были прехорошенькія, съ ямочками, съ аппетитной складочкой у кисти, съ загнутыми назадъ кончиками розовыхъ пальчиковъ, но Ртищеву показалось, что ногти на этихъ пальчикахъ обгрызены и этого было достаточно, чтобъ возбудить въ немъ отвращеніе, даже въ предстаннымъ кольцамъ, которыми они были унизаны.

Представленіе, составившееся въ умѣ его о Раисѣ Петровнѣ, было такъ живо и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мало соответствовало дѣйствительности, что долго не могъ онъ слить во-едино этотъ воображаемый образъ съ тѣмъ существомъ во плоти и крови, которое въ настоящее время представлялось его глазамъ. А надо сознаться, что плотью и кровью мадамъ Чуваева обладала въ

почтенныхъ разиѣрахъ. Можно даже сказать, что этимъ добромъ она была одарена съ избыткомъ, если взять въ соображеніе невыгодное распредѣленіе жировыхъ наслоеній по маленькому, коротенькому тѣлу.

Глаза ея, очень крупныя и выразительныя, смотрѣли необыкновенно дерзко и настойчиво. По одному взгляду этихъ глазъ можно было составить себѣ весьма вѣрное и ясное понятіе о самонадѣянности, рѣшительности, настойчивости и ограниченности этой женщины. Чувственное очертаніе красиваго подбородка и рта, густой темный пушокъ надъ верхней губой и вдрагивающія ноздри немого вздернутаго носа окончательно досказывали и выясняли впечатлѣніе, производимое выраженіемъ глазъ.

Красивое животное, подумалъ Ртищевъ, опускаясь на низенькій пуфъ рядомъ съ оттоманкой, на который указала ему хозяйка.

Нѣсколько мгновеній Раиса Петровна безмолвно всматривалась въ его лицо.

— Съ чего это вы вздумали вмешиваться въ наши семейныя дѣла? вдругъ спросила она безъ малѣйшаго предисловія. — Это даже довольно странно: совсѣмъ посторонній человѣкъ и позволяетъ себѣ становиться между такими близкими людьми, какъ мать и дочь, продолжала она, не дожидаясь отвѣта.

Она проговорила все это очень скоро, безъ запинки, рѣзкимъ и громкимъ голосомъ, слишкомъ громкимъ. Ртищеву тотчасъ же пришло въ голову, что фразы эти, заранѣе приготовленныя, выпускаются не для него одного, что за дверью подслушиваетъ какой-нибудь панъ Хлопскій, или другой въ томъ-же родѣ.

Ну, и пусть слушаетъ на здоровье, подумалъ онъ, и прибавилъ вслухъ, тоже громко и явственно, вполнѣ въ тонъ своей собесѣдницѣ:

— Должно быть, ваша матушка ничего не находитъ страннаго въ моемъ вмешательствѣ, — она просила меня заняться ея дѣлами, да и самъ я въ такихъ дѣлахъ, что никому не обязанъ отдавать отчета въ своихъ поступкахъ...

— Согласитесь, однако, что вы дѣйствуете противъ моихъ интересовъ и что я вправѣ спросить и даже требовать...

Онъ прервалъ ее довольно безцеремонно.

— Бросьте, пожалуйста, этотъ тонъ, требованіями вы отъ

меня ничего не добьетесь, но просить меня объяснить тѣ изъ моихъ ноступковъ, которые лично васъ касаются, это вы можете, и я отвѣчу вамъ на-столько, на-сколько найду это удобнымъ, проговорилъ онъ, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

Его очень забавлялъ гнѣвъ Раисы Петровны. Она вся вспыхнула и губы ея раскрылись, изъ нихъ каждую минуту готовилось вылетѣть нѣчто весьма забористое и крѣпкое, но она во время сдерживалась, слова оставались невысказанными и до такой степени душили ее, что ноздри ея раздувались, губы вздрагивали и долго не хотѣли повиноваться ея усилію сложить ихъ въ презрительную усмѣшку. Наконецъ, усмѣшку эту ей удалось изобразить на своемъ лицѣ, ей даже удалось достичь большаго, — она расхохоталась, правда, натянутымъ, но тѣмъ не менѣе громкимъ смѣхомъ.

— Однако, вы господинъ съ характеромъ, мсье Ртищевъ!

Онъ поклонился, на-столько низко, на-сколько позволяло ему его сидячее положеніе на низенькомъ пуфѣ.

— Совершенно вѣрно изволили выразиться.

— Но вѣдь и я тоже упряма, продолжала она смѣяться.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Съ вами, какъ я вижу, надо говорить на чистоту. Скажите, пожалуйста, какая вамъ выгода отговаривать мою мать давать мнѣ денегъ? Еслибъ вы могли надѣяться получить эти деньги, тогда дѣло другое, но вѣдь вы на это рассчитывать не можете?

Она произнесла эту дерзость до-нельзя наивнымъ и простодушнымъ тономъ, съ пристальной наглостью заглядывая ему въ глаза; но Ртищевъ не отвертывался отъ этого взгляда; Раиса Петровна начинала не на шутку интересоваться его, онъ съ большимъ любопытствомъ и хладнокровіемъ изучалъ этотъ новый для него типъ.

— Меня очень легко вывести изъ терпѣнія, но вы не съ того конца за это принимаетесь, усмѣхнулся онъ; ваши намеки слишкомъ пошлы, я не могу ими оскорбляться.

— Неужели вы станете увѣрять, что вы хлопчете только для Марочки?

— Я рѣшительно ни въ чемъ не намѣренъ васъ увѣрять.

— Скажите, пожалуйста, какой благодѣтель выискался! продолжала она съ злой усмѣшкой.

— Пожалуй, что и благодѣтель. Ваша мать меня тоже называетъ благодѣтелемъ, да и не одна она... я еще не старъ, а ужъ успѣлъ-таки многимъ помочь, многихъ изъ бѣды выпутать.

— И все такими-же способами, какъ теперь, вмѣшиваясь въ чужія дѣла?

— Разумѣется, какъ-же иначе? Чтобъ помочь человѣку, надо прежде всего узнать его положеніе, а затѣмъ, стоять-ли онъ того, чтобъ хлопотать за него.

— Что-жъ вы такого интереснаго нашли въ Марочкѣ, чтобы во что-бы то ни стало лишать меня состоянія для него?

— Позвольте, въ Марочкиномъ дѣлѣ я выступаю столько-же за него, сколько и за справедливость. Состояніе вашего отца нажито было имъ, принадлежало ему, онъ имѣлъ полное право распорядиться имъ по своему усмотрѣнію. Онъ пожелалъ предоставить это состояніе не вамъ, а Марочкѣ, и всякій честный человѣкъ обязанъ, по мѣрѣ силъ и возможности, способствовать исполненію этого желанія,—и вотъ я способствую.

— Однако, согласитесь, что честныхъ людей на свѣтѣ много, а между тѣмъ до сихъ поръ никто не впутался въ это дѣло, да и не впутается, потому что—какая кому охота?..

— Мнѣ всегда охота впутываться въ такія дѣла, отъ которыхъ всѣ отвертываются. Это, по большей части, самыя интересныя дѣла.

— Мало у васъ своихъ дѣлъ, такихъ, которыми вы обязаны по вашей должности заниматься, за которыя вы жалованье получаете!

— Я ими и занимаюсь, но чисто изъ-за жалованья, какъ вы изволите выразиться, въ нихъ нѣтъ ничего интереснаго. Всѣ эти кражи, убійства, мошенничества, за которыя каждый день высылаютъ десятки людей на каторжныя работы, все это такой вздоръ передъ преступленіями, совершающимися каждый день на нашихъ глазахъ и противъ которыхъ нѣтъ ни судовъ, ни наказаній, къ которымъ даже общественное мнѣніе относится съ возмутительнымъ равнодушіемъ... вотъ противъ такихъ-то преступленій я и выступаю съ особеннымъ рвеніемъ... А въ особенности когда противникъ силенъ, когда у него и умъ, и хитрость, и осторожность...

— Какъ во мнѣ, напримѣръ?

— Васъ я еще мало знаю. До сихъ поръ вамъ приходилось дѣйствовать только съ маменькой, ее вамъ было легко заставить продать земли въ Оренбургской губерніи и лавки въ Ростовѣ; еще легче было выманить эти деньги себѣ, но теперь... Сознаться, продолжалъ онъ, помолчавъ немного, вамъ очень досадно, что продажа фабрики, о которой такъ усердно хлопоталъ цанъ Хлопскій все лѣто, не удалась до сихъ поръ? Теперь прозектъ этотъ встрѣтитъ не мало препятствій, вѣдь Любовь Ивановна ничего не подпишетъ безъ моего согласія.

— Да, мнѣ это очень досадно.

Она проговорила это тихо, какъ-будто про себя и отвертывая свое лицо отъ его пытливаго взгляда. По опущеннымъ ея вѣкамъ пробѣгалъ нервный трепеть, маленькая, пухленькая ножка въ открытой туфлѣ съ большими красными бантомъ нетерпѣливо постукивала каблучкомъ объ полъ. Постукиванья этого не было слышно, полъ былъ обитъ ковромъ, но Ртищевъ видѣлъ, какъ дрожала колѣвка подъ обтягивавшей ее тканью блузы.

Съ минуту времени длилось молчаніе. Она раза два взглядывала на него украдкой, бѣглымъ и пытливымъ взглядомъ, какъ-будто ожидая поощренія высказать нѣчто весьма рѣшительное, но Ртищевъ молчалъ и на лицѣ его кромѣ выжиданія ничего нельзя было прочесть. Наконецъ она рѣшилась.

— Вамъ, можетъ быть, угодно знать, для чего мнѣ эти деньги? спросила Раиса Петровна, останавливая на немъ довольно смущенный взглядъ. — Извольте, я вамъ скажу... деньги эти мнѣ нужны на разводъ, я желаю купить ими мою свободу.

— Какъ! съ притворнымъ ужасомъ вскричалъ Ртищевъ, вамъ еще мало той свободы, которой вы пользуетесь? А ужъ, кажется!..

Онъ выразительно развелъ руками.

— Я хочу выйти замужъ за человѣка, котораго давно люблю...

— И покончить со всѣми грѣхами юности, подсказалъ Сергѣй Александровичъ.

— Да, покончить со всѣми грѣхами юности, повторила она очень серьезно, не обращая вниманія на шуточный тонъ, съ которымъ принимались ея изліянія. Вѣроятно, для большого эффекта,

она не только опустила глаза, произнося эту послѣднюю фразу, но даже на минуту совсѣмъ закрыла ихъ и откинулась на спинку кресла.

Эта привычка закрывать глаза среди разговора очень шла къ ней; у нея были такія длинныя и густыя рѣсницы.

Ртищевъ пожалъ плечами.

— Никакой не вижу въ томъ надобности. Къ тому-же я долженъ вамъ сказать, что, вообще, разводамъ я не сочувствую... Бываютъ, конечно, случаи, когда мѣра эта необходима, но это исключеніе, а васъ ужь, конечно, подъ такое исключеніе подвести нельзя.

— Почему вы знаете? встрепенулась Раиса Петровна.

— Да потому, что я коротко знаю барона Риверса, Наумова конногвардейца, маленькаго Еремеева и многихъ другихъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, а здѣсь пана Хлопскаго...

— Вы, кажется, дали себѣ слово на все отвѣчать мнѣ дерзостями?

— Пеняйте на себя. Я спокойно сидѣлъ дома и занимался съ Марочкой, вдругъ отъ васъ записка. Я не просилъ васъ писать мнѣ пригласительныхъ эпистоль.

— Неужели вы такъ-таки рѣшили, что *все* папенькино состояніе должно достаться этому глупому мальчишкѣ, полудиоту? прервала она его, сжимая слегка брови и напирая на слово *все*.

— Это не я рѣшилъ, это Петръ Петровичъ, вашъ батюшка. Я только взялъ на себя трудъ разузнать его волю и въ точности исполнить ее, вотъ и все.

— Вы, вѣроятно, потому и занялись Марочкой, что онъ будущій миліонеръ?

— Именно такъ. Будь онъ бѣденъ, я, быть можетъ, оставилъ-бы его у пруда, съ его рыбой и червями. Бѣдному чловѣку позволительно предаваться такой неубыточной страсти, какъ рыбная ловля, но согласитесь, что будущему миліонеру необходимо кой-чему научиться, хотя-бы для того, чтобы оградить свои миліоны отъ расхищенія?

— Ну, какъ вы тамъ хотите, а право-же оттягать хотя-бы двѣсти, триста тысячъ у этого миліонера, мнѣ, законной дочери Петра Петровича, очень даже позволительно! Подумайте объ

этомъ хорошенько, мсье Ртищевъ, продолжала она, вставая съ мѣста и давая этимъ понять, что аудіенція кончена. Голосъ ея дрожалъ немножко, а взглядъ пылливѣе, чѣмъ когда-либо старался проникнуть въ его помыслы. — Не отвѣчайте мнѣ теперь ничего, не говорите *нѣтъ*... Обдумайте прежде... лучше худой миръ, чѣмъ добрая ссора, я готова на большія уступки, со мной столковаться можно...

— Да я-то вамъ ничего не уступлю, Раиса Петровна, засмѣялся Сергѣй Александровичъ.

— Не договаривайте, пожалуйста, мы не въ послѣдній разъ видимся... Я не за однимъ этимъ дѣломъ послала за вами, мнѣ давно хотѣлось съ вами познакомиться, — вы очень интересный господинъ, а здѣсь такъ мало интересныхъ людей!.. На будущей недѣлѣ у насъ костюмированный балъ, вы будете, да? И вотъ что еще, продолжала она, не дожидаясь отвѣта, — мнѣ нужно у васъ спросить про этихъ поляковъ, Миленскихъ. Вы съ ними знакомы и, вѣроятно, знаете жену Бронислава, Наталью Михайловну, такъ, кажется, ее зовутъ?

— Да, жену г-на Миленскаго зовутъ Натальей Михайловной. Вамъ что-же, собственно, угодно о ней знать?

— Мнѣ очень много говорилъ про нее Мандатовъ... Вы знаете Мандатова?

— Какъ его не знать! Развѣ онъ все еще здѣсь?

— Да, онъ остался для моего бала. Онъ зналъ мадамъ Миленскую въ Петербургѣ, въ домѣ ея родителей и тамъ-же очень часто встрѣчался съ Брониславомъ... мы всѣ зовемъ Миленскаго Брониславомъ не потому, чтобы были очень коротки съ нимъ, а такъ, имя такое эффектное, звучитъ такъ пріятно... Она урожденная Свѣтлова, очень хорошая фамилія, съ большими связями... Это очень странно, что здѣсь ея нигдѣ не видно... я хочу непременно ее вытащить на мой балъ; она, говорятъ, очень мила, не красавица, но очень, очень мила... Разумѣется, надо будетъ также пригласить сестру Миленскаго, эту учительницу музыки, Ксаверію, знаете? Впрочемъ, съ этой мы когда-то были очень коротко знакомы, вмѣстѣ учились у м-ль де-Мартинъ. Какъ вы думаете, пріѣдутъ онѣ, если я имъ пошлю приглашеніе?

— Не знаю, право, онѣ никуда не выѣзжаютъ. Но вы, вѣроятно, сдѣлаете имъ визитъ?

— Вы думаете, что я сама должна у нихъ быть? Что-жь, я поѣду, пожалуй... хотя по настоящему Брониславу слѣдовало-бы первому представить мнѣ свою жену. Онъ бывалъ въ Москвѣ на моихъ балахъ и здѣсь, какъ только узналъ о моемъ приѣздѣ, тотчасъ-же явился.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ всего ближе обратиться къ нему съ разспросами о Натальѣ Михайловнѣ.

— Ну, нѣтъ, съ этими поляками не очень-то обо всемъ разговоришься, — я пробовала завязать разговоръ объ его женѣ, ничего изъ этого не вышло... Вотъ тоже Мандатовъ: они встрѣтились въ клубѣ, узнали другъ друга и долго бесѣдовали, но какъ ни подѣзжалъ нашъ юристъ, чтобы его пригласили въ домъ Миленскихъ, никакого приглашенія не воспослѣдовало. Я пришла къ такому убѣжденію, что онъ долженъ быть очень ревнивъ, этотъ Брониславъ.

— Можетъ быть, согласился Ртищевъ, раскланиваясь у двери, до которой, сама того не замѣчая, проводила его мадамъ Чуваева.

II.

Визитъ Раисы Петровны и настоятельное ея требованіе, чтобы Наташа и Ксаверія приѣхали на ея костюмированный балъ, произвели не малый переполохъ въ домѣ Миленскихъ. Вѣроятно, панъ Хлопскій предупредилъ мадамъ Чуваеву, что только въ воскресенье утромъ можно застать все семейство въ сборѣ; она приѣхала именно въ такое время, просидѣла битый часъ, выпила двѣ чашки кофе, съѣла цѣлую тарелку печенья и натрещала такъ много, что привела все общество въ недоумѣніе. Тутъ, кромѣ Бронислава, его матери, сестры и жены, былъ и прелатъ и старичекъ ксендзь Робушь и многія другія незнакомыя ей личности, но такое многочисленное общество нисколько не смутило мадамъ Чуваеву; она тотчасъ-же со всѣми познакомилась и разговаривалась, начиная съ переконфуженной Наташи, которую она убѣдительно просила принять ея визитъ на свой счетъ, и кончая Марихной, которая такъ и застыла передъ нею съ подносомъ въ рукахъ, въ благоговѣйномъ созерцаніи великолѣпнаго наряда и бойкихъ ухватокъ словоохотливой гостьи.

Бронислава, за то, что онъ держитъ взаперти свою молодую жену, Раиса Петровна обозвала туркомъ, отъявленнымъ Отелло и принялась такъ безцеремонно его вышучивать, что скромные воскресные посѣтители Марьи Базиміровны сочли приличіе удалиться. Незамѣтно, одинъ за другимъ выбрались изъ комнаты чистенькій и облизанный старичекъ Адамъ Карловичъ съ внучкой своей, краснощеккой Розочкой, юный и молчаливый провизоръ Смулевичъ, тихая и печальная Каролина, сестра учителя музыки, Лисаневичъ, самъ Лисаневичъ и три скромныя и безобразныя дѣвицы изъ пансіона м-ль де-Мартинъ, которымъ Ксаверія давала уроки на дому.

Раиса Петровна продолжала разглагольствовать, не обращая вниманія на это повальное бѣгство.

— Я вамъ совѣтую возмутиться противъ деспотизма вашего мужа, Наталья Михайловна, и чѣмъ раньше подымете вы знамя возстанія, тѣмъ лучше будетъ. Неправда-ли, *monsieur le prêtre*? О! вы тогда узнаете, каково бороться съ молоденькой и хорошенькой женщиной, мсье Миленскій! Мы вамъ покажемъ... Считайте меня вашей союзницей, милая моя Натали!

И при этомъ она хватала Наташу за руки и похлопывала ее по плечу, точно старую и короткую пріятельницу, не замѣчая брезгливой гримаски, съ которой молодая женщина принимала эту непрошенную фамильярность.

— Вы, Ксаверія, всегда были синій чулокъ, съ вами и толковать не стоитъ, у васъ вмѣсто сердца тетрадь сольфеджіо, это всѣмъ извѣстно!.. Я помню, какъ мнѣ отъ васъ доставалось у м-ль де-Мартинъ... А пророз, что съ нею, съ этой милѣйшей особой? Приносить-ли она по-прежнему своимъ мадоннамъ и святымъ жертвоприношенія въ видѣ кондитерскихъ пирожковъ, фруктовъ и, вообще, всякой дряни, которую таскаютъ ей почтительныя ученицы? Помните Молаховскую? *Ce n'est pas pour vous, chère mademoiselle de Martine, c'est pour la bonne sainte Vierge!* тоненькимъ голоскомъ передразнивала Раиса Петровна одну изъ своихъ подругъ, а затѣмъ, обращаясь къ прелату, прибавила: — а ея обожаніе къ вамъ, *monsieur le prêtre*? Неужели все такъ-же пламенно, все такъ-же страстно?

Наташѣ было ужасно стыдно за мадамъ Чуваеву. При каждой пошлой выходѣ непрошеной гостыи жена Бронислава неволь-

но оглядывалась то на мужа, то на сестру его, то на прелата, стараясь угадать по выраженію ихъ лицъ, насколько они считаютъ ее солидарной съ этой представительницей русскаго общества, явившейся въ ихъ домъ для нея, какъ она имѣла безтактность объявить съ первыхъ-же словъ.

Но прочесть что-либо на этихъ лицахъ было трудно. Прелатъ снисходительно улыбался; Ксаверія очень остроумно и весело отшучивалась; Брониславъ иронически благодарилъ за наставленія. Одна Марья Казиміровна принимала въ сурьезъ легкомысленные намеки бойкой, нарядной дамы и, всячески стараясь понять ихъ, съ комическимъ изумленіемъ тарачила глаза и въ недоумѣніи то качала, то кивала головой.

— Позвольте васъ спросить, началъ Миленскій, подмигивя наконецъ въ тонѣ и въ выраженіяхъ мадамъ Чуваевой извѣстнаго рода ослабленіе, свидѣтельствующее объ истощеніи ея краснорѣчія, — изъ чего вы заключаете, что я не почту за большое счастье и величайшую честь повезти мою жену на вашъ балъ? Я, можетъ быть, только и ожидалъ вашего пріѣзда въ Э — сьѣ, чтобъ подъ вашимъ благосклоннымъ покровительствомъ ввести ее въ здѣшнее общество? Если я до сихъ поръ не имѣлъ чести представить вамъ мадамъ Миленскую, то единственно потому, что не зналъ, угодно-ли вамъ будетъ обратить на нее ваше благосклонное вниманіе.

Онъ, по своему обыкновенію, говорилъ насмѣшливо и немножко свысока, придавая ироническій оттѣнокъ тѣмъ словамъ и выраженіямъ, которыя въ устахъ всякаго другого показались-бы весьма почтительными и даже пониженными, но Райса Петровна осталась, повидимому, весьма довольна этимъ объясненіемъ, и, заручившись торжественнымъ общаніемъ увидѣть на своемъ балѣ Ксаверію съ Наташей, она шумно поднялась съ своего мѣста, наговорила всѣмъ кучу любезностей и, весело посмѣиваясь, выкатилась изъ гостиной. Въ прихожей она какъ-то вдругъ стихла и, обращаясь къ провожавшему ее Миленскому:

— У меня до васъ большая просьба, Брониславъ Феликсовичъ, и я серьезно прошу васъ не отказать мнѣ въ ней.

— Что прикажете? спросилъ онъ, взявъ изъ рукъ лакея бархатную шубку и помогая мадамъ Чуваевой надѣть ее.

Нѣсколько мгновеній она смотрѣла на него молча и съ ка-

кимъ-то неопредѣленнымъ выраженіемъ въ глазахъ, не то смущенія, не то мольбы.

— Что прикажете? повторилъ Брониславъ, немножко озадаченный неожиданной метаморфозой въ тонѣ и въ манерахъ бойкой дамы.

— Приходите къ намъ сегодня обѣдать, ровно въ шесть часовъ, пожалуйста...

Она проговорила слова эти, понизивъ голосъ и съ такою торжественностью и таинственностью, что Брониславъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Слушаю-съ, отвѣтилъ онъ, и съ комичною важностью поклонился ей.

Но Раиса Петровна не смѣялась и, протягивая ему еще разъ руку на прощаніе, такъ вѣрно пожала его пальцы и при этомъ такъ выразительно заглянула ему въ глаза, какъ-будто онъ дѣйствительно оказалъ ей очень важную услугу, принимая ее приглашеніе къ обѣду.

Когда Брониславъ вернулся въ гостиную, прелать объяснялъ Марьѣ Казиміровнѣ, что такое костюмированный балъ. О такой штукѣ въ 3—скѣ еще не слыхивали и когда старушка поняла въ чемъ дѣло, она пришла въ сильное негодованіе и объявила, что затѣвать такіа безобразныя развлечения—чистое безуміе.

— Тратить деньги на платье, которое годится только на одинъ разъ, якій грѣхъ, пане Боже! И что-жь потомъ, что дѣлать съ такимъ костюмомъ? На что онъ годится? Развѣ только проѣзжимъ комедіантамъ продать! Іезусъ Марія, какое глупство!

— Именно глупство, улыбнулась Ксаверія, поднимаясь навстрѣчу брата.

Она взяла его подъ руку и начала ходить съ нимъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Урывки изъ ихъ оживленнаго разговора долетали до Наташи только тогда, когда они приближались къ столу, за которымъ она сидѣла между прелатомъ и Марьей Казиміровной, но по урывкамъ этимъ можно было заключить, что рѣчь идетъ о панѣ Хлопскомъ и о мадамъ Чуваевой.

— У нихъ, видно, дѣло слаживается, сказала между прочимъ Ксаверія, это онъ прислалъ ее къ намъ.

А потомъ они заговорили о Ртищевѣ, о томъ, что онъ у нихъ давно не былъ и что не мѣшало-бы узнать причину такой перемѣны. Брониславъ совѣтовалъ сестрѣ съѣздить къ мадамъ Дмитровской.

— Онъ тамъ теперь почти каждый день бываетъ.

— Неужели? Мнѣ казалось, что они въ ссорѣ... Помнишь, какъ онъ смѣялся и надъ нимъ, и надъ нею?

— Никогда не были они въ ссорѣ. Ртищевъ надъ всѣми смѣется, у него манера такая... Но насмѣшливость его, такъ сказать, наружная, въ душѣ-же онъ далеко не презираетъ людей, напротивъ того, онъ всякаго дурака принимаетъ въ сурьезъ и до смѣшнаго дорожитъ общественнымъ мнѣніемъ... Тебѣ надо имѣть это въ виду, когда ты будешь говорить съ нимъ.

— Но я, право, не знаю, нужно-ли мнѣ съ нимъ прежде времени сталекиваться? Не лучше-ли подождать, чтобъ онъ самъ... Мнѣ что-то не вѣрится, чтобъ онъ могъ еще недѣлю прожить безъ моего пѣнія, продолжала она съ улыбкой. — Что-же касается до той исторіи... Знаешь что? Въ нее женщинѣ не слѣдуетъ впутываться, гораздо будетъ лучше, если ты самъ обратишься къ нему. Мнѣ кажется, надо захватить его врасплохъ и категорически спросить...

— Такъ онъ и скажетъ, дожидайся!

— Если онъ убѣжденъ, что это клевета—скажетъ, непременно скажетъ! А если нѣтъ... ну, въ такомъ случаѣ изъ его молчанія можно будетъ многое вывести...

Она говорила съ большимъ одушевленіемъ. Никогда еще Наташѣ не удавалось подмѣчать такого выраженія на лицѣ своей belle soeur; глаза ея сверкали, всегда блѣдныя щеки разгорѣлись, въ походкѣ и въ движеніяхъ появилась какая-то нервная порывистость.

Кажется, прелать тоже прислушивался къ разговору Бронислава съ сестрой; онъ все разсѣяниѣе и разсѣяниѣе отвѣчалъ Марѣ Казирировнѣ, а къ Наташѣ совершенно пересталъ обращаться съ вопросами. Наконецъ, онъ поднялся съ мѣста, подошелъ къ паннѣ Миленской и сказалъ такимъ тономъ, какъ-будто онъ все время участвовалъ въ ея бесѣдѣ съ братомъ:

— Совѣтую вамъ предоставить все это времени...

— Но какже мой паспортъ, всендѣ прелате? Если мое имя будетъ запутано въ эту исторію, мнѣ не выдадутъ паспорта.

Прелать слегка пожалъ плечами и съ покорнымъ видомъ поднялъ глаза къ потолку.

— Надо ждать, проговорилъ онъ, усаживаясь на прежнее мѣсто.

Всѣ смолкли. Марья Базиміровна вышла изъ комнаты и Наташа очень охотно послѣдовала-бы ея примѣру, но мужъ ея опустился на стулъ рядомъ съ нею и машинальнымъ движеніемъ придвинулъ ей подъ ноги скамеечку, стоявшую передъ опустѣвшимъ кресломъ его матери, а Ксаверія облокотилась на спинку ея стула. Уйти въ такую минуту, когда ей ничѣмъ не показывали, что она тутъ лишняя, было неловко.

Прелать прервалъ молчаніе, обращаясь прямо къ ней.

— Вамъ слѣдуетъ завтра же отдать визитъ мадамъ Чуваевой, сказалъ онъ, добродушно улыбаясь, — надо ее поблагодарить за ея вниманіе. Дѣйствительно, прелюбезная дама!

— Я думаю, что приглашеніе ея слѣдуетъ принять, замѣтилъ Брониславъ.

— О, конечно, конечно! торопливо согласился прелать.

— Ты тоже поѣдешь, Ксавера? спросилъ ее братъ.

— Я?

Она взглянула на прелата и прибавила, помолчавъ немного:

— Мнѣ, я думаю, нѣтъ никакой надобности тратиться на костюмъ, довольно и того, что Наташа поѣдетъ. Она тамъ увидится съ мсье Ртищевымъ и спроситъ у него, почему онъ у насъ не бываетъ.

И съ этими словами Ксаверія взяла обѣими руками Наташину голову, повернула ее къ себѣ лицомъ и, ласково заглядывая ей въ глаза:

— Какой-бы намъ только костюмъ придумать покрасивѣе и позфевтнѣе? проговорила она вполголоса.

— Да, вамъ необходимо быть, замѣтилъ прелать, — Наталья Михайловна... Онъ произносилъ это имя очень отчетливо, напирая на каждый слогъ. Наталья Михайловна, вѣроятно, не откажется сказать г. Ртищеву, какъ мы опечалены его отсутствіемъ и что вашъ мужъ... Вы у него были, Миленскій?

— Два раза и оба раза не заставалъ дома.

— Скажите ему и это, милая пани, продолжалъ прелать, ласково дотрогиваясь до ея руки.

— Непремѣнно, если онъ только подойдетъ ко мнѣ.

— О, можно-ли въ томъ сомнѣваться! Г. Ртищевъ такой вѣжливый и благоспитанный кавалеръ! Онъ непременно подойдетъ къ вамъ и непременно пригласитъ васъ танцовать.

— У пани Миленской недостатка въ кавалерахъ не будетъ на этомъ балѣ, усмѣхнулся Брониславъ, — ея появленія въ здѣшнемъ свѣтѣ ожидаютъ съ большимъ нетерпѣніемъ... я знаю одного молодого человѣка, пріѣзжаго изъ Петербурга, который всѣмъ рассказываетъ, что онъ отложилъ свой отъѣздъ отсюда единственно для того, чтобы видѣть мадамъ Миленскую.

— Кто-же этотъ молодой человѣкъ? лукаво прищурился прелать.

— Спросите у пани.

— Броня все шутитъ, пролепетала Наташа, краснѣя.

Она до сихъ поръ не могла привыкнуть къ саркастическому тону своего мужа и оскорблялась его шутками точно также, какъ въ первые дни замужества.

— Вы не знаете? Позвольте этому не повѣрить, продолжалъ усмѣхаться Миленскій, — вы не знаете, что одинъ изъ вашихъ многочисленныхъ обожателей, мсье Мандатовъ, здѣсь уже съ мѣсяцъ, что онъ былъ въ этомъ домѣ уже два раза и спрашивалъ васъ?

Мандатовъ!.. Сколько воспоминаній вызвало это имя въ умѣ Наташи! Родительскій домъ, какъ живой, предсталъ передъ нею, съ добрякомъ-отцомъ, съ холодной, но все-таки доступной пониманію, мамой, съ милымъ чудакомъ Мишей и забавнымъ энтузіастомъ Алешей. Даже Катя, хитрая, коварная Катя, представлялась ей теперь въ привлекательномъ свѣтѣ!

— Мсье Мандатовъ? Онъ здѣсь? вскричала она, забывая всякую сдержанность, всякое приличіе. — Но почему-же его не приняли? Мнѣ было-бы такъ пріятно его видѣть, услышать о нашихъ!..

— Вспомните, пожалуйста, что сказала сегодня мадамъ Чуваева, продолжалъ подсмѣиваться Брониславъ. — Надо сознаться, что это чистѣйшая правда, я очень ревнивъ... я такъ ревнивъ, что никому не желаю васъ показывать и способенъ при случаѣ по-

ступить съ вами точно такъ, какъ мсье Отелло съ мадамъ Дездемоной.

Разумѣется, онъ шутилъ, произнося эти слова. Ксаверія съ прелатою смѣялись, Наташа чувствовала, что и она должна слѣдовать ихъ примѣру, но тѣмъ не менѣе, когда, насмѣявшись вдоволь, она попыталась снова заговорить о Мандатовѣ и спросила, нельзя-ли дать ему знать, что она рада была-бы его видѣть, Брониславъ очень сухо оборвалъ ее 'на полусловѣ и съ видимымъ неудовольствіемъ отвернулся отъ нея.

Въ эту ночь Наташа опять долго продумала о томъ, что между всѣми членами ея семьи и даже между людьми, находящимися въ сношеніяхъ съ этой семьей, никогда не было ни одного человѣка, передъ которымъ она ощущала бы тотъ нравственный гнетъ, который заставляютъ ее переносить здѣсь, въ домѣ мужа.

Разумѣется, она никогда не смѣла возражать матери и молча выслушивала ея выговоры и наставленія, даже и тогда, когда внутренно возмущалась противъ нихъ; но за то, стоило только войти за дверь, и тотчасъ-же представлялся случай облегчить душу и встрѣтить сочувствіе не только въ братьяхъ, въ отцѣ, въ родственникахъ и знакомыхъ, но даже и въ учителяхъ, въ прислугѣ... Съ каждой прачкой, съ каждой судомойкой въ той квартирѣ на Васильевскомъ о—гѣ, на входной двери которой красовалась жѣдная дощечка съ надписью: Тайный Совѣт. Мих. Свѣтловъ, Наташѣ легче было заговорить по душѣ, чѣмъ съ тѣмъ человѣкомъ, который вотъ сейчасъ войдетъ въ ея коннату, безъ церемоніи начнетъ при ней раздѣваться и ляжетъ съ нею рядомъ на кровать... съ человѣкомъ, который называется ея мужемъ и долженъ ей быть ближе всѣхъ на свѣтѣ. А между тѣмъ, еслибъ ей теперь предложили вернуться въ родительскій домъ, согласилась-ли бы она на это?

— О, нѣтъ! Этотъ годъ, проведенный въ чужой средѣ, съ которой такъ трудно, такъ невозможно сойтись и сродниться, этотъ годъ порвалъ въ ея душѣ всякую связь съ роднымъ гнѣздомъ! Она далеко не была довольна своимъ настоящимъ положеніемъ, она жаждала переменъ, но *туда*, домой, къ Свѣтловымъ... нѣтъ, ее туда вовсе не тянуло.

Къ чужимъ не пристала, отъ своихъ отстала. Да еще какъ отстала-то!

Сегодня утромъ ей, дѣйствиельно, сдѣлалось досадно, когда Брониславъ отнесся такъ презрительно къ ея желанію видѣть мсье Мандатова и поговорить съ нимъ о *своихъ*, но теперь чѣмъ больше думаетъ она объ этомъ, тѣмъ больше находитъ оправданій мужу. Мандатовъ такой глупый и чванный господинъ, да и нахаль къ тому же, ничѣмъ не лучше мадамъ Чуваевой. Брониславъ его отлично знаетъ, онъ знаетъ, что пусти его разъ въ домъ, онъ начнетъ таскаться каждый день и всемъ надобѣсть своими глупыми разсказами о Свѣтловыхъ хуже Дарюши...

Дарюша давно уѣхала.

Еще осенью она объявила своей молодой барынь, что ей здѣсь жить не въ моготу, что всякая каторга лучше.

— Тамъ, по крайности, съ людьми водишься, а здѣсь, съ этими *цоканками* совѣмъ одурь возметь, право ей-богу! Ничего-то у нихъ не поймешь, все-то у нихъ не по-людски, все шиворотъ на выворотъ... Одна чистота ихняя христіанскую душу заѣсть до смерти можетъ. Каждый день все окна въ домѣ моютъ— ну, гдѣ это видано, скажите на милость? Какъ поднимется это Марихна ихняя до солнышка, да почнетъ скребстись, да тереть, да плескаться... взяла-бы ее со всеми ея тряпочками, щетками да лоханками, взяла-бы ее да и вытолкала въ три шеи, куда ни на есть подальше, чтобъ никогда не видѣть и не слышать...

— Да вѣдь онѣ тебя къ своей работѣ не принуждаютъ, заиѣтила Наташа.

— Не принуждаютъ, сударыня, не могу я такого грѣха на душу брать—сказать, что принуждаютъ. Да вѣдь не камень-же я безчувственный, прости Господи, чтобъ всехъ этихъ прииѣровъ ихнихъ не понимать. Ну, вижу я, что вымыла она чисто-на-чисто стекла, и въ гостиной, и въ столовой, и у барышни. Барыня-то старая, Марья Касимовна, та сама все у себя дѣлаетъ, засучить рукава, подоткнетъ юбки, да такъ-то орудуешь, что твоя судомойка изъ самыхъ ловкихъ, частенько и въ кухнѣ-то подотретъ, когда Марихна чѣмъ-нибудь занята къ спѣху, или услана куда. Ну, вижу все это, и какъ-же мнѣ тутъ, сложа ручки, болваномъ сидѣть? Никакъ этого нельзя. Онѣ не то что въ парадныхъ комнатахъ, а даже и въ прихожей и во всехъ уголочкахъ такъ высоблять, что доскомъ доснится, что-жъ я за

свинья, чтобъ вашу-то комнату точно такимъ-же манеромъ не прибрать?

— Неужели-же это такъ трудно, Дарюша?

— Не трудно оно, сударыня, а сухотно. Ужь такъ сухотно, что и сказать нельзя. Вѣдь вамъ, матушка, всего не видать, вамъ ихъ порядки на счетъ всякой мелочи совсѣмъ даже неизвѣстны. Вы свое дѣло сдѣлали, одѣлись, покушали, да и къ сторонкѣ, а я тамъ цѣльный день хоровожусь у нихъ на кухнѣ, всѣмъ ихъ затѣямъ потрафлять должна. Вѣдь онѣ, ироды эдакіе, чашки чая не дадутъ мнѣ выпить безъ шкелки! У нихъ кажинному блюдечку, кажинной ложечкѣ свое мѣсто намѣчено и Боже сохрани на другое поставить! Той-же минутой весь шеапъ вверхъ дномъ перевернуть, чтобъ доказать тебѣ, какая ты дура безмозглая! У нихъ на каждую вещь и мѣсто и часъ намѣченъ: платье чистить — выноси въ сѣни, сапоги — въ чуланчикъ, гдѣ и вакса и всѣ принадлежности, пальто выбивай на галдарейкѣ. На кажинную вещь своя щетка, своя метелка, своя тряпочка. Стара я, матушка Наталья Михайловна, ко всѣмъ этимъ ярлыкамъ привыкать, путаюсь въ нихъ, словно оглашенная, съ утра до вечера да и только, ничего не могу надъ собой подѣлать, хоть тресни! Да и то сказать, съ какой такой неволи стану я на старости лѣтъ свою душу и все нутро ломать? Слава-Богу, всю жизнь у заправскихъ господъ выжила и ничего себѣ окромѣ благодарности не видала. Хоша-бы вотъ и у насъ, какого еще лучше дома найтить? Самый что ни на есть благородный. Порядокъ и обычай во всемъ барскіе. Кажется, не то что въ Чернолѣсовѣ да въ Петербургѣ, а даже въ самой столицѣ Москвѣ никто про нашъ домъ не можетъ сказать, чтобъ беспорядокъ въ немъ или неопрятность какая водилась, даромъ что окна только къ празднику моютъ, парветы разъ въ недѣлю натираютъ, а пыль со шаповъ когда-то когда сотрутъ!

Уѣхала Дарюша. И надо сознаться, что Наташа почти обрадовалась ея отъѣзду. Она написала матери, что Дарюша слишкомъ стара и упряма, чтобъ привыкнуть къ порядкамъ такого дома, какъ домъ Миленскихъ, что ея неживчивый характеръ и постоянныя ссоры съ Марихной всѣмъ надоѣли, а ей въ особенности...

Письмомъ этимъ Елена Васильевна осталась очень довольна.

Наташа выказывала въ немъ столько благоразумія и такта, гораздо больше, чѣмъ можно было ожидать отъ такой молоденькой и неопытной барыни.

Конечно, мама одобрила-бы поступокъ Бронислава съ Мандатовымъ, подумала Наташа, дойдя въ своихъ воспоминаніяхъ о Дарюшѣ до письма, которое мать написала ей вскорѣ послѣ отъѣзда старушки-няни изъ Э — ска. Но только зачѣмъ всѣ эти шутки на счетъ ревности ея мужа... неужели онъ въ самомъ дѣлѣ ревнивъ?

Она улыбнулась при этой мысли.

Разумѣтся, ей никогда не представится случая убѣдиться въ этомъ. Кто-же рѣшится ухаживать за женой такого господина, какъ Брониславъ Миленскій? До сихъ поръ ей еще ни разу не удавалось встрѣтить человѣка, надъ которымъ онъ не имѣлъ-бы перевѣса во всѣхъ отношеніяхъ—по уму, по характеру, по таланту, по умѣнью обращаться съ людьми. Она даже и наружностью находила его лучше всѣхъ. Вотъ, говорятъ, Ртищевъ красивъ, Ксаверія увѣряетъ, что интереснѣе личности трудно встрѣтить. Она, кажется, немножко занята имъ. Какъ ласково погладила она по головкѣ Наташу сегодня утромъ, когда прелать просилъ ее спросить у Сергѣя Александровича, почему онъ пересталъ у нихъ бывать! Но развѣ можно сравнить ея мужа съ Ртищевымъ,—разумѣтся, нѣтъ. Когда они вмѣстѣ, Брониславъ вѣчно смотритъ на него сверху внизъ, вѣчно беретъ нотой выше его. Ртищевъ постоянно доказываетъ, а Брониславъ всегда утверждаетъ. Что имъ нужно отъ этого Ртищева? Онъ такой насмѣшникъ, злой, несимпатичный, постоянно хвастаетъ своими дерзостями, продолжала думать Наташа, невольно припоминая черты лица того человѣка, вокругъ котораго вертѣлись ея мысли.

Комната, гдѣ она лежала съ открытыми глазами, устремленными на дверь, въ которую долженъ былъ войти ея мужъ, освѣщалась лампадой, горящей передъ маленькимъ кіотомъ. Тутъ, среди прочихъ образовъ, стоялъ образъ Спасителя въ золотой ризѣ, украшенный вѣнкомъ fleur d'orange. Лайковые бутоны и цвѣтки были еще очень свѣжи и бѣлы, — Наташа, по совѣту матери, надѣла ихъ на золотой вѣничикъ съ острыми иглами, вернувшись изъ церкви послѣ вѣнца. Съ тѣхъ поръ прошло только восемнадцать мѣсяцевъ, но она успѣла много переимѣниться,

много постарѣть за это время. Не только о Брониславѣ, но и обо всѣхъ окружающихъ судила она теперь довольно холодно и безпристрастно, безъ всякой примѣси досады, горечи и глупой экзальтаціи. Она давно уже перестала ревновать мужа въ его довѣріи и привязанности къ сестрѣ, мирилась съ мыслью, что между ними всегда будутъ такіе интересы, которыхъ они съ нею дѣлать не будутъ, и находила это весьма естественнымъ,

Еслибъ въ настоящую минуту Елена Васильевна могла заглянуть въ душу своей дочери, она осталась-бы ею очень довольна. Да и не одна Елена Васильевна, даже Ксаверія говорила на дняхъ прелату, что Наташа гораздо умнѣе, чѣмъ она предполагала и что со временемъ изъ нея выйдетъ порядочная женщина. Самъ Брониславъ не могъ не сознаться, что жена его удивительно быстро усваиваетъ себѣ тотъ складъ ума и поведенія, который ему было желательно въ ней видѣть. Наташа не могла не замѣчать перемены въ его обращеніи съ нею. Такія сцены, какъ сегодня по поводу Мандатова, повторялись все рѣже и рѣже и отъ нея зависѣло, чтобъ ихъ никогда не было, она это отлично знала. Впрочемъ, она съ каждымъ днемъ дѣлалась терпѣливѣе, уступчивѣе и благоразумнѣе. Марьѣ Казиміровнѣ приходилось даже порой умѣрять ея рвеніе, когда она принималась помогать ей по хозяйству или подъ ея руководствомъ приводить въ порядокъ бѣлье въ домѣ. Замѣнить Дарюшу другой горничной Наташа на отрѣзъ отказалась.

— Ни у сестры твоей, ни у матери нѣтъ горничной, сказала она мужу, когда онъ заговорилъ о томъ, что надо найти дѣвушку въ подмогу Марихнѣ.

— Но онѣ привыкли сами управляться, а ты нѣтъ.

— И я привыкну, вотъ увидишь, не смѣйтесь только надо мною первое время.

И она такъ скоро къ этому привыкла, что никому и не пришлось смѣяться.

Теперь жизнь ея текла очень мирно и спокойно. Съ каждымъ днемъ проникалась она сознательнѣе и сильнѣе тѣмъ духомъ постояннаго труда и нравственной независимости, которымъ жило окружающее ее семейство. Съ нею не откровенничали, это правда, ее не допускали ни въ какіе тайники души, она знала изъ прошедшаго Ксаверіи и Бронислава только то, что всѣ знали, изъ

ихъ плановъ на будущее ей повѣряли самую малость—только то, что отъ нея, какъ отъ жены, нельзя было скрыть, но за то и отъ нея ничего не требовали, ничего не добивались. Она могла устроить себѣ какую угодно внутреннюю жизнь, никто не позволялъ себѣ этимъ интересоваться. Одна Марья Казиміровна частехонько довольно-таки грубо будила извѣстныя струны въ душѣ своей невѣстки, но кто-же могъ сердиться на Марью Казиміровну? Наташа давно поняла ее и привыкла къ грубой и черствой оболочкѣ, подъ которой свекровь ея такъ старательно скрывала свое любящее, горячее сердце. Прошло то время, когда онѣ безпрестанно оскорбляли другъ друга; теперь Марья Казиміровна частехонько бранилась съ сыномъ изъ-за невѣстки и увѣряла всѣхъ и каждаго, что Господь послалъ имъ сущій кладъ въ лицѣ Наташи.

Дѣ, жизнь Наташи устроилась очень хорошо, холодно только немножко, но она и къ холоду этому надѣялась привыкнуть со временемъ, какъ привыкла къ одиночеству, къ выплакиванью всякихъ печалей, къ обсужденію всякихъ недоразумѣній наединѣ сама съ собою. Ей теперь часто казалось, что ко всему можно привыкнуть...

Н. Северинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

FA T U M.

Жизнь жалкая! Зачѣмъ еще страдать,
Когда сложилось убѣжденье,
Что въ жизни нечего намъ будетъ забывать
И глупо ждать отъ узъ освобожденья!
Новаторовъ безхитростная рѣчь
Прислушалась, какъ спичи на обѣдѣ;
Намъ не о чемъ жалѣть и нечего беречь,—
Мы узники въ вааловой побѣдѣ!
Мы кажемся средь римлянъ развращенныхъ
Германцевъ скованной, суровою толпой,
На жертву цирку обреченныхъ,
Съ звѣрями хищными на бой...
Чего намъ ждать? Далекі отъ народа,
Лелѣя впереді недостижимый міръ,
Гдѣ царствуютъ и трудъ, и правда, и свобода —
Намъ жалокъ кажется растлѣнной жизни пиръ.
Къ чему-же намъ на этотъ пиръ смотрѣть,
Трескъ фразы слушать безучастно?
Нѣтъ, преждевременно нестрашно умереть,—
Жить преждевременно ужасно!

Н. Вобылевъ.

МАІОРША.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Посвящено А. Ѳ. Писемскому).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Максимъ Гавриловичъ Териховъ, маіоръ въ отставкѣ, достаточный помѣщикъ.
лѣтъ за 50.

Григорій Петровичъ Волининъ, двоюродный племянникъ его, молодой человѣкъ,
художникъ.

Сергій Дмитріевичъ Сладневъ, помѣщикъ, сосѣдъ Терихова, пожилой.

Андрей Филатовичъ Карягинъ, лѣтъ 30, арендаторъ мельницы Терихова.

Прасковья Павловна, жена его.

Авдотья Ивановна, мать ея.

Феня (Федосья Игнатьевна), молодая дѣвушка изъ семьи Карягина.

Тихонъ Степановичъ Любавинъ, чиновникъ уѣзднаго казначейства, юноша.

Анна Захаровна, мать его, мелкопомѣстная дворянка.

Архипъ, слуга Терихова, ровесникъ ему.

Иванъ Хохуля, парень

Провъ Безуглый, старикъ } работники Карягина.

Дѣйствіе въ подгороднемъ селѣ Удеревѣ, въ усадьбѣ Терихова и на мельницѣ
его, тамъ-же.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена: горница въ домѣ Карягина. Двери: въ задней стѣнѣ и направо. На лѣво окно. У правой стѣны простой столъ, накрытый цвѣтною бумажною салфеткою. У лѣвой сундукъ, покрытый ковромъ. Въ лѣвомъ углу шкафъ, верхняя половина котораго стеклянная. На полкахъ видна посуда. Нѣсколько простыхъ стульевъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Авдотья Ивановна.

Авдотья Ивановна (съ черепушкой въ рукахъ, изъ которой бросаетъ за окно кормъ). Ципа-ципъ-ципъ!.. Ш-шу, проклятая! Аксютка, отгони Камагорку-то; хорошенько ее, хорошенько!.. Всѣхъ циплять распугала, хохлатая... У-у ты!.. Ципинька—ципъ-ципъ! Кляйте, батюшки, кляйте... Опять! (Святываетъ палочку и машетъ ею въ окно) Ш-шши! пропасти на тебя нѣтъ, шши!.. Ну, и курица! (Выбрасываетъ изъ черепка остатки корма.) Гляди-же, Аксюта, чтобъ куры не забѣжали, да пересчитай циплять-то. Коршунъ, смотри, не унесъ-бы, не зѣвай, дѣвка, по намеднишнему (отходить отъ окна.) Изъ-подъ носа ципленка уволокъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Авдотья Ивановна и Карягина.

Карягина. Маменька, какъ-же Феня-то наша?

Авдотья Ивановна. А что?

Карягина. Да какъ-же... Прежде, бывало, изъ шалости къ маюру бѣгала, а теперь вотъ ужъ третьи сутки живетъ у него. Развѣ такъ можно? Слышно, хозяйничать остается.

Авдотья Ивановна. Пускай себѣ.

Карягина. Прилично-ли дѣвушкѣ ко вдовому въ домъ? Губить она себя.

Авдотья Ивановна. Ишь вѣдь что! Себя береги лучше, Паша. Ой, гляди въ оба, мать моя, въ оба гляди! Какъ-бы Федосья Игнатьевна тебѣ поперегъ горла не стала!

Карягина. И что Андрей Филатычъ скажетъ, какъ вернется, а ея нѣтъ?

Авдотья Ивановна. Вотъ что! Да я ему въ безстыжіе глаза за нее плюну, посмѣй что сказать! О женѣ думай, жену жалѣй...

Карягина. Развѣ-жь онъ меня не любитъ, маменька? Богъ съ вами! Онъ и ласковъ со мною, и не таятъ отъ меня ничего.

Авдотья Ивановна. Рассказывай!

Карягина. И не за что ему обижать меня... Никто его больше моего любить не будетъ. Нельзя больше... Какъ уѣзжалъ онъ на прошлой недѣлѣ, обнялъ меня и говорить: „ну, Паша, деньковъ на десять я изъ дому, по помѣщикамъ хлѣбъ буду скупать. Не случай и чтобы у васъ безъ меня ладно да мирно все было. Съ Феней не вздорьте“...

Авдотья Ивановна. Вотъ это пуще всего.

Карягина. „Помни: сирота она, а сироту грѣхъ обижать“...

Авдотья Ивановна. Безъ него забыли!

Карягина. „Пустяковъ въ голову не набирай. Я тебя, любя моя, ни на кого не промѣняю“. И поцѣловалъ онъ меня, въ губы и въ глаза поцѣловалъ. И еще говорилъ, маменька, такъ хорошо! Когда ласковъ, что у него за голосъ! и взглядъ какой ясный да хорошій тогда! Потомъ снялъ картузъ, перекрестился, кудрями встряхнулъ... Волосы-то у него, что шелкъ, золотомъ отливаютъ. Пошелъ. Статный да сильный... Любо глядѣть, какъ ходитъ онъ, маменька. Я его шаги издали признаю. Вороной у сарая его дожидался. И конь къ хозяину подобранъ—картина! По шею его потрепалъ, сѣлъ въ телѣжку, кивнулъ мнѣ, ударилъ возжей и покатилъ,—только нылъ звилась.

Авдотья Ивановна. Покатилъ, да недалече отъѣхалъ. За амбаромъ ракиту на плотинѣ знаешь? Отсюда ея не видать.

Карягина. Ну?

Авдотья Ивановна. Подъ ракитой другое у Андрея Филатыча прощанье-то было.

Карягина. Что вы, маменька... Богъ съ вами! Ну, зачѣмъ!..

Авдотья Ивановна. Правду зачѣмъ говорить? А хоть-бы зачѣмъ, мать моя, чтобы ты не въ конецъ одурѣла. Подъ ракитой Фенька его дожидалась, да. Ту-то онъ вотъ какъ обнялъ... отъ земли приподнялъ, слету!

Карягина. Перестаньте, маменька...

Авдотья Ивановна. Какъ завидѣлъ ее, изъ телѣжки, словно ошпаренный, выскочилъ; а она вскинула руками-то, да какъ обовѣсть, какъ вопьется!

Карягина. Маменька, полно-же вамъ... (Плачетъ). Вѣдь муза!

Авдотья Ивановна. Ага, вотъ-те и не промѣнялъ ни на кого! Лукавилъ онъ, Паша, глаза тебѣ отводилъ, какъ прощался да цѣловалъ-то въ нихъ.

Карягина (рыдаетъ). За что-же такъ? Зачѣмъ?.. Лучше-бъ не то, что ласкать, а ругалъ, да билъ-бы меня... Такъ-бы и знать,

что постыла я стала... Ну, горе, такъ горе, съ нимъ и вѣкъ коротать, одно-бы... А такъ-то на двое... хуже такъ, маменька, тяжко!

Авдотья Ивановна. Перестань, Прасковья, не плачь. Береги слезы-то. Плачь, когда нужно, въ цѣну слезы ставь, не то больно дешево стануть. Слеза во время—сила, а безъ времени—докука, мать моя. Особенно при мужѣ этого не забудь. Тебѣ-бы все спроста: на, молю, какова есть—вся тутъ. Въ дуракъ и свѣкуешь.

Карягина. Что дѣлать! а по другому я не могу. Ни хитрить, ни лукавить—куда мнѣ! Да что и за радость такая? Такъ-то вздохнуть никогда не придется. На двое душу подѣлать надобно. Не тяжко развѣ, не измаешься?

Авдотья Ивановна. Кто говорить—легко! По себѣ, мать моя, знаю. Молода была, тоже по-твоему жить хотѣлось. На вотъ, гляди, молю, мнѣ въ душу, что въ рѣчку чистую: до дна видать. Да въ скорости примѣтила, что дѣло-то дрянъ выходитъ. И не спохватись я въ то время, не начни себя на разные лады вазать, да умолю петли закидывать, не такъ-бы мы, Паша, съ отцомъ твоимъ прожили. Такъ-то, дитятко! А что Федосья къ маюру ушла, да слава те Господи! Пусть-бы не ворочались только. Зла я на нее теперь, ненавистна мнѣ стала.

Карягина. А какъ вы любили-то ее, маменька, и я... Не грѣшно-же ей послѣ этого?..

Авдотья Ивановна. Негодница, подкидышь дрянной! Издохла-бы, если-бъ я изъ лѣсу ее не взяла. Окоченѣла вся, терникомъ изодралась, еле нашла живсоньку. Вотъ и выходила пострѣленка! Какъ дочь холила; отъ тебя ей отлички не было ни въ чемъ. А заботъ съ нею привала куда больше, чѣмъ съ тобой. Такая озарница дѣвченка была—разбой кричи. Бывало, что ни шагъ, то бѣда. И чего только съ ней не случалось! Съ качелей разъ со всего размаху сорвалась кубаремъ. Обмерла я. Подбѣгаю, гляжу—Фенька моя пластомъ лежитъ. Ну, думаю, кончено! Отживѣла, какъ ни въ чемъ. Подъ лошадьми была, въ колодезь влетѣла, въ прорубь съ горы выстѣ съ салазками угодила, пострѣлъ! Шустрая дѣвченка была, что и говорить! Крестный души въ ней не чаялъ. Ты, бывало, чужой кто придетъ, въ уголокъ забьешься, а она сейчасъ на глаза, такъ языкомъ-то и рѣжетъ. — Тѣфу ты, шугнешь ее, типунъ тебѣ на языкъ, пошла! — „У меня, маменька, языкъ не таковский, не сядетъ“. (Добродушно смѣется).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Феня.

Феня (входитъ бойко и весело). Здравствуйте! (Старуха отвертывается). Паша, здравствуй!

Паша (не глядя на нее). Здравствуй!

Феня. Что не ласковы, иль мнѣ не рады?.. а?.. Ну, какъ знаете. А я соскучилась по васъ, опять домой пришла. (Пашѣ тихо). За что мать сердита?

Паша (потупляется). Не знаю.

Феня (вспыльчиво и презрительно). Ну да, не у тебя толку спрашивать!

Авдотья Ивановна. У Федосьи Игнатьевны. У нея толку и на другихъ черезъ край хватить.

Феня. Хватить.

Авдотья Ивановна. „Маюршей“ прослыть хватило, на что лучше!

Феня. Ха-ха-ха! такъ вы за это? Спасибо. (Цѣлуетъ Авдотью Ивановну въ щеку, что принимается неохотно). Брани меня, мать, за волосы оттрепи, руки расцѣлю... Такъ ужь „маюрша!“

Авдотья Ивановна. Чѣмъ не величанье! Съ такимъ ярлыкомъ у всѣхъ на виду, всякъ пальцемъ ткнетъ. Тамъ-бы ужь и сидѣть, откуда клочка взялась.

Феня (глядя на старуху изъ подлобья). „Тамъ и сидѣть“. Пони-маю!

Авдотья Ивановна. Мельникъ на мельницѣ живетъ, кузнецъ у кузницы, всякъ у себя, конечно.

Феня (рѣшительно, вызывающимъ тономъ). А я гдѣ вздумаю. Андрей Филатычъ не пріѣзжалъ?

Паша (съ усмѣшкою). Андрей Филатычъ!

Феня. Иль тебя ужалило, Паша?

Паша. Ваше дѣло.

Феня. Наше дѣло?! Какія-жь такія дѣла у насъ съ нимъ, что у тебя зубы заскрипѣли, да пятна по лицу пошли? Ну-ка, скажи!

Авдотья Ивановна. Полно вамъ... по пустому. (Фенѣ.) Прасковья ничего тебѣ не сказала; если сама ты про „дѣла“ говорить начала, тебѣ про нихъ и знать, а намъ не требуется.

Паша (раздражительно). На ворѣ шапка горитъ.

Феня. Что-о?

Авдотья Ивановна. Прасковья!

Феня. Ну, теперь совсѣмъ поняла.

Авдотья Ивановна (въ замѣшательствѣ). Говорю — пустое. Феня. Нѣтъ ужь, пожалуйста... дуру-то изъ меня не стройте. (взглянувъ на Пашу). И безъ меня ихъ довольно. Такъ вотъ что! „Маюрша“ -то выходитъ—отводъ, зацѣпка одна, а на самомъ дѣлѣ вся штука въ Андреѣ Филатычѣ! Ха, ха, ха, такъ-бы и сказали! Зачѣмъ, мать, хитрить? Вѣдь я тебя насквозь вижу. Какъ вошла, да взглянула на васъ, сразу поняла, за что мнѣ привѣтъ такой ласковый. Къ маюру-то вы давно меня сбыть хотѣли и обѣими крестились, что ушла я отъ васъ. Ты, мать, сама мнѣ въ этомъ потакала, потому что опасна я здѣсь, душу мутить стала. А теперь говоришь, что всякъ на меня пальцемъ указываетъ и сама за это гонишь меня! Такую-то причину тебѣ и Андрею Филатычу выставить можно; а вотъ про *наши съ нимъ дѣла*, какъ Прасковья Павловна выболтнула, попробуй-ка, скажи! Такъ я-же теперь *сама* ему про это скажу. Пока не дождусь, не уйду отсюда.

Авдотья Ивановна. Полно, кто тебя гонит!

Феня. Нѣтъ, матушка, теперь на понятный зачѣмъ-же? Я дѣло на чистоту поведу. Если у маюра я трое сутокъ была, такъ дурного въ этомъ нѣтъ ничего. Я за нимъ, за больнымъ ходила. А всталъ онъ, я—вотъ она. Да, съ маюромъ у меня свои счеты. И вправду, если-бъ „маюршею“ стала, Прасковья Павловна обо мнѣ ни печаль, ни забота. Мнѣ-ли за себя заступки да береженья просить! За нее ты вотъ выступила, да промахнулась. Примѣтила ты, что Андрея Филатыча тянетъ ко мнѣ, а того понять не хотѣла, что берегла я твою Прасковью Павловну.

Паша. Эхъ, Феня, зачѣмъ обманывать! Не ты-ли съ нимъ подъ ракиною цѣловалась?

Феня. Об-ма-ны-вать? Зачѣмъ-бы я стала обманывать, если-бъ мужа твоего любить хотѣла? Съ чего ты взяла! Да я-бъ тебя въ прахъ стерла, я-бъ ему при тебѣ ноги велѣла свои цѣловать, и цѣловаль-бы и ты-бы ткнуть не смѣла. Обманывать! Такимъ вотъ, какъ ты, обманывать нужно, а мнѣ... Суди, ряди меня, какъ знаешь, да если я такъ хочу, такъ мнѣ толки-то эти, что пузырь водной. Обманывать! Я его подъ ракиною, можетъ, за то цѣловала, что съ тобою онъ ласковъ сталъ, послушалъ меня, въ награду его цѣловала...

Паша. Не красна любовь мужа за такіе выкупы.

Феня. Ну, такъ добудь-же ее ты безъ нихъ. Я посмотрю! (Уходитъ вправо).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ-же безъ Фени.

Авдотья Ивановна. Эхъ, напрасно, Паша, задѣла ее! Остерегала вѣдь... Не говорить-бы мнѣ лучше... Дура я, дура!

Паша. Пусть ее, маменька! Въ ногахъ у нея валяться не стану. Пускай они съ Андреемъ Филатычемъ... какъ хотятъ. Пусть цѣлуетъ его, такъ цѣлуетъ, чтобы ласки мои и не вспоминались ему. Пусть, милуясь, надо мною смѣются, воли любо имъ это. Я отойду, горе въ себѣ схороню.

Авдотья Ивановна. Не дури, Прасковья. Ни вѣсть какой твой Андрей-отъ Филатычъ, и къ нему подойти умѣючи можно. Простоту, да блаженничанье брось. Меня слушай.

Паша. Гдѣ ужъ мнѣ! По моему, лучше горю въ глаза смотрѣть, нежели въ прятки играть съ нимъ. Такъ-то, маменька. (Уходить въ заднюю дверь).

Авдотья Ивановна. Ишь, вѣдь! Ну, мать моя, поддаваться—бѣду навливать. — Сердита Федосья теперь, приступа нѣтъ. (Подходить къ правой двери). Потолковать развѣ съ нею? (Отходить). Нѣтъ, пусть-ка остынетъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

Авдотья Ивановна и Архипъ.

Архипъ (входя). Гдѣ она у васъ тутъ?

Авдотья Ивановна. Кого тебѣ, батюшка?

Архипъ. Да эта гдѣ, умница-то ваша?

Авдотья Ивановна. Умница? Какой ты нынче сердитый, Фомичъ! Вошелъ, хоть-бы здравствуй сказалъ.

Архипъ. Да ужъ нечего, нечего! Гдѣ? говорю.

Авдотья Ивановна. Да кто? Въ толкъ не возьму.

Архипъ (съ удареніемъ). *Маюрша*. Кого-жь намъ еще? Теперь окромя намъ никого не требуется. Всѣ худы стали, въ дураки всѣ попали, н-да! Погибель намъ безъ маюрши пришла. Ни дать, ни взять, какъ въ домѣ умалишенныхъ быва-еть, видали? Ходятъ тамъ такіе-то, да блажать.

Авдотья Ивановна. Кто-же блажить-то, баринъ твой, что-ли?

Архипъ. Вѣдь стыдно, Авдотья Ивановна, срамъ! Всякаго понятія о себѣ рѣшиться надо и субординацію всякую позабыть. Поймите вы это. Что, скажутъ, такое на старости лѣтъ съ Максимомъ Гаврилычемъ приключилось? Ну-ка, Фомичъ, отлепอร์ตуй. А мнѣ что сказать? Зудъ, молъ, други милые, его обуялъ, зудъ. Тьфу!

Авдотья Ивановна. Какой-же такой зудъ, Архипъ Фомичъ? растолкуй ты мнѣ, батюшка.

Архипъ. А вотъ какой: мѣста себѣ человекъ не найдетъ, пить, ѣсть пересталъ, по ночамъ зудъ этотъ ворочаетъ, ворочаетъ его съ боку-то на-бокъ, ажъ злость возьметъ. На глазахъ она—ничего; чуть отвернулась: „Архипъ! гдѣ Феня?“... „Архипъ, куда Фенюшка ушла?“.. Тьфу! Хворалъ вотъ, три дня въ постели вылежалъ. Отчего? Думаете правдашная болѣзнь прикрутила? Ни Боже мой! Тотъ-же все зудъ: ссора вышла—цѣловаться вздумалъ.

Авдотья Ивановна. Правда?

Архипъ. А какъ-бы вы думали! За то и взбучили-жь его!

Авдотья Ивановна. Федосья?

Архипъ. О-о! Выскочилъ ко мнѣ красный, точно изъ бани съ полка.—Что, моль, сударь, попробовалъ?.. Тьфу!

Авдотья Ивановна. Вотъ дѣла-то какія... Никакъ Федосья идетъ. (Уходить въ заднюю дверь).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Архипъ и Феня.

Феня. Тебѣ что?

Архипъ. Максимъ Гаврилычъ прислалъ.

Феня. Зачѣмъ?

Архипъ. Извѣстно—за вами. Мало ругали его, еще хочется.

Феня. Точно, что мало. Такъ ты своему Максиму Гаврилычу и скажи.

Архипъ. Н-да!

Феня. Я думала путный опъ человекъ. Живеть, вижу, въ грязи, ѣсть Богъ знаетъ какъ, во всемъ у васъ безпорядокъ...

Архипъ. Тьфу!

Феня. Ты чего?

Архипъ. Непорядокъ. А дальше-то что?

Феня. Да все то же. Одиной. Отчего, думаю, не помочь старику? Сжалилась, отскребла, отчистила васъ съ нимъ, а онъ чортъ знаетъ что вздумалъ...

Архипъ. За вами прислашли. Вѣрно. Слушайте-ка. Въ сорогъ девятомъ году мы съ Максимомъ Гаврилычемъ въ венгерскую компанію ходили. Было страженіе. Вотъ одинъ черномазый возьми да и всади ему саблю въ это самое мѣсто (указываетъ выше лопатки). Ну, не вынеси я Максима Гаврилыча на себѣ, тамъ-бы ему и косточки сложить. Агъ вынесъ, и святыя Анны съ бантомъ ему повѣсили.

Феня. Такъ что-же?

Архипъ. А то-же, что никакой при насъ женщины въ то время не состояло, одни управлялись и по сю пору—слава те Господи,—живы. Грязь у насъ точно завелась, когда чистить стали, и безпорядокъ пошелъ, когда порядки вводить начали. Только всего. А вы пожалуйста, потому Максимъ Гаврилычъ приказалъ привести.

Феня. Пошелъ вонъ!

Архипъ (опѣшилъ). То-есть какъ-же такъ?

Феня. Значить, уходить. Ступай!

Архипъ. Что-же я ему скажу? Эдакъ придешь, неравно чубукомъ огладить. Нѣтъ ужъ вы, Федосья Игнатьевна.

Феня. Работниковъ кликнуть, чтобъ вытолкали тебя? Пошелъ!

Архипъ (пятится къ двери). Хмъ, командеръ какой! А вы вотъ что...

Феня (топаеъ). Вонъ!

Архипъ. Тьфу! (Быстро вывертывается за дверь).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Феня и Авдотья Ивановна.

Феня. Придете еще, наклоняетесь!

Авдотья Ивановна (входитъ). Никакъ ты выгнала Фомича-то?

Феня. Выгнала.

Авдотья Ивановна. Звать, что-ли, приходилъ?

Феня. За мною.

Авдотья Ивановна. Рехнулись они тамъ съ маіоромъ, право!

Феня. Мать, не лукавь. „Маіорша“ я—къ маіору мнѣ и уйти.

Авдотья Ивановна. Ну вотъ!.. Зачѣмъ не дѣло говорить, Феня?

Феня. Не лукавь, говорю. Сказаннаго не воротишь и къ маіору я уйду. Не потому уйду я, что вы съ Пашею этого хотѣли,—лебеду выполоть, да выбросить легко, а объ меня руки, пожалуй, поколешь. Такъ не поэтому; а помню я, мать, ласку и заботу твою, помню, что ты меня, подвидыша, въ дочери къ себѣ приняла...

Авдотья Ивановна (подходить съ ласками). Фенюшка, милая моя, развѣ-жь я тебя не люблю!..

Феня (отстраняется). Нѣтъ, оставь это, теперь оставь. Я все помню и что нынче вышло у насъ—не забуду. Слушай-же. Ради добра твоего, я отъ васъ уйду. Какъ устроюсь—не ваша забота. Но Андрея Филатыча по прежнему гнать отъ себя не стану; стыдить его, жену ему выхвалять тоже не стану. Это ужъ теперь

ваше дѣло будетъ. Такъ ты и Прасковья Ивановнѣ отъ меня скажи. (Идетъ къ задней двери, но встрѣчается съ Териховымъ.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Феня, Авдотья Ивановна и Териховъ.

Феня. Вы зачѣмъ?

Териховъ. Я?.. (Осмотрѣлся.) Авдотья Ивановна, здравствуй!
Авдотья Ивановна (съ поклономъ). Здравствуйте, бабушка.

Териховъ. Я-то?

Феня. Ну да, вы-то.

Териховъ. Архипа посылалъ...

Феня. Съ чѣмъ ушелъ вашъ Архипъ, съ тѣмъ и вамъ отправляться. (Заглянула въ окно.) Мать, тебя Провъ на крыльцѣ дожидается.

Авдотья Ивановна. Пойду, матушка, пойду. (Уходитъ.)

Феня. Ну?

Териховъ. За тобою я, Феня.

Феня. За мною? Въ умѣ вы, иль нѣтъ?.. Поцѣловщикъ, ха-ха-ха!

Териховъ. Опять свое!

Феня. Конечно. Съ чего-жъ вы это взяли-то? Иль старина вспомнилась, когда любовь силою бралась, да прихотью барскою? Слышали про васъ рассказы хорошіе, ха-ха! А я-то вамъ въ какія-жъ далась?

Териховъ. Позволь, Феня...

Феня. А то можетъ *прельститъ* меня вздумали?

Териховъ. Довольно тебѣ, довольно... Вѣдь было... Что съзнавать начинать! Ну, впередъ... не того... не стану. Ты вотъ такая хорошая, что какъ и бранить-то меня?

Феня. Хорошая?

Териховъ. Говорилъ, знаешь...

Феня. Какъ-же, какъ-же! Такая хорошая, что вамъ дурить похвально? Резонъ. А потому что?

Териховъ. А ты меня пожалѣй, хоть крошечку пожалѣй... Какъ-же тутъ быть, если я... вотъ не могу безъ тебя, не могу—и баста. Нѣтъ тебя—все не такъ, ну, не глядѣль-бы... Да что толковать! (Садится.)

Феня (лукаво глядитъ его по головѣ). Бѣдненькій! не можетъ!

Териховъ (схватываетъ ея руку). Голубушка!

Феня (бьетъ его по рукѣ). Опять! (Отходитъ.) Вотъ бѣдненькій-то! Какъ-же, значитъ, Феня отовсюду глядитъ на васъ, куда ни

посмотрите? Закрылъ глаза—опять Феня. Заснулъ — Феня-же ластится, и нѣжить-то, и голубить, ды-шесть, какъ слышно, а?!

Териковъ. Ахъ, не говори! лучше не говори!

Феня. Ха-ха-ха!.. Хорошо! дрожь пробираетъ, душ-шно! А проснулся, глядь: въ ногахъ лежить старый пестъ, трубка возлѣ валяется, бабушка съ портрета глядитъ, какъ яблочко печеное сморщилась! Только всего. Вотъ-те и Феня!

Териковъ. Слушай, Феня. Я одинокій. Иди ко мнѣ, все твое будетъ.

Феня (сумрачно сдвинувъ брови). Посулы!

Териковъ. Не посулы... а все-же годится. Человѣкъ я не бѣдный... Хорошо тому и оставить, кого любишь. Иди, Феня. Госпожа, хозяйка будешь полная.

Феня. Какая-жь я у васъ буду хозяйка? Родня я вамъ, что-ли? Хозяйка-то въ домъ—жена. А за васъ кто пойдетъ? Ишь сидитъ какой, хорошъ!

Териковъ. Жена... Жена-то хороша, когда мужа любить.

Феня (серьезно). Если выйдетъ, такъ будетъ любить. (Лукаво на него смотреть.) Ха-ха-ха!

Териковъ. Ну вотъ, тебѣ все смѣшно!

Феня. Конечно! Вдругъ такой-то мужъ, да ластится. Мѣсяцъ взойдетъ (треплетъ его по лысинѣ) — макушка свѣтится; займется заря—жену румянить, у мужа—морщины считать, ха-ха-ха! (Рѣшительно.) Ну, Максимъ Гаврилычъ, вставай! пойдѣмъ!

Териковъ. Со мной?!

Феня. Я вѣдь... жа-лост-ли-ва! Такъ ужъ и быть!

Териковъ. Голубушка, пойдѣмъ! Вотъ утѣшила!

Феня. Стой, стой! Мы вотъ какъ пойдѣмъ (проворно надѣваетъ ему на голову платокъ косыночкой), вотъ какъ. Не смѣть трогать, ни-ни!

Териковъ. Что за дурачество! (Сдергиваетъ платокъ.)

Феня (отходить, сухо). Идите.

Териковъ. А ты?

Феня. И не подумаю.

Териковъ. Какъ! ты-же хотѣла?..

Феня. А теперъ не хочу. Отправляйтесь.

Териковъ. Полно, Феня!

Феня. Не хочу.

Териковъ. Э-э, упрямство! Не хорошо. То—иду, то вдругъ...

Феня. Я иди, навѣчайся съ вами — пріятно! А вамъ въ пу-стывахъ трудно по моему сдѣлать?

Териковъ. Но вѣдь это-же вапризь, смѣшно, наконецъ.

Феня. Смѣшно, и ступайте.

Териховъ. Изъ-за глупаго платка... Ребячество. (Оглядывается.) Ну на... (подасть ей платокъ) если тебѣ такъ ужь хочется... на, надѣвай!

Феня. Нѣтъ, теперь сами надѣньте.

Териховъ. Фу ты! сами!.. Очень это будетъ красиво!.. сами!.. (Оглядывается.) Глупо! (въ нерѣшительности, надѣтъ аль нѣтъ.) Маскарадъ какой выдумала!.. Ну! (надѣваетъ платокъ. Феня хохочетъ.)

Авдотья Ивановна (вошла изъ задней двери, всплеснула руками въ сторону.) Мать моя!

Феня. Гляди, мать: не маіоръ, а баба, ха-ха! (Сдергиваетъ съ него платокъ.) За то я къ нему и пойду. (Беретъ его подъ руку.)

Авдотья Ивановна. Федосья, ты это куда?

Феня. Прощайте, лихою не поминайте, и къ намъ съ Максимомъ Гаврилычемъ милости просимъ въ гости. А Андрей Филатычъ и безъ зова придетъ. (Уходитъ съ маіоромъ въ заднюю дверь.)

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Авдотья Ивановна, Паша и Иванъ Хохуля.

Авдотья Ивановна. Ну, дѣвка! Не шута, знать, дѣло задумала.

Паша (входитъ). Маіоръ былъ?

Авдотья Ивановна. Какъ-же. Федосья бабою его обрядила. Вмѣстѣ ушли. На новоселье звала.

Паша. Неужли, маменька, она въ самомъ дѣлѣ жить у него будетъ?

Авдотья Ивановна. Того натворить, что всѣхъ удивить. Какъ вздумается ей, такъ и свертитъ Максима Гаврилыча.

Хохуля (входитъ). Хозяинъ ѣдетъ.

Авдотья Ивановна. Правда?

Паша. Видѣлъ? Откуда?

Хохуля. Отъ Виногорова, надо быть. Только изъ дѣвкина яра выѣзжать сталъ, я и примѣтилъ.

Паша (въ волненіи). ѣдетъ!.. Маменька!..

Авдотья Ивановна (торопливо достаетъ изъ шкафа чайную посуду). Нечего попусту метаться-то, стой! (Хохуль.) Самоваръ, чай, поспѣлъ? Тащи-ка, Иванъ, поживѣе! (Хохуля уходитъ.) А ты, Паша, бѣги, сливки носи.

Паша. Сливки-то?.. Сейчасъ... Нѣтъ ужь, маменька, я лучше встрѣчать побѣгу. Вы тутъ сами...

Авдотья Ивановна. Да стой, онагѣлая, куда? Онъ еще за версту.

Хохуля (вносит самоваръ). Еще далече.

Паша. Шибко ѣдетъ?

Хохуля. Таеъ и валить.

Паша. Нѣтъ, ужъ я побѣгу. За плотиною встрѣчу. (Порывается къ двери.)

Авдотья Ивановна. Помни, Прасковья, на плотинѣ-то ракета стоитъ. (Паша медленно притворяетъ распахнутую ею дверь и тихо отходить.) Иванъ, возьми ключъ! (подаетъ ключъ.) на погребѣ сливки въ желтомъ кувшинѣ собраны; принеси. (Хохуля уходитъ.) Что призадумалась? Ну, лети на-встрѣчу-то, висни на шею! Чего-же? Ты его цѣловать, а онъ по сторонамъ глядѣтъ: не видать-ли гдѣ Фени, не ждетъ-ли, какъ намедни, опять подъ ракетой.

Паша. Маменька, лучше-ли вы дѣлаете, или хуже? Ужъ и не знаю. Все я забыла, какъ услышала, что ѣдетъ онъ; все забыла, освѣтилось въ душѣ, сердце забилося. въ глазахъ онъ, какъ живой, стоитъ; а вы однимъ взмахомъ, словомъ однимъ все вышибли. Лучше развѣ? Увидаль-бы, какъ рада ему, какъ ждала, по лицу-бы прочель. Если и не нужно ему это, то все-же чего-нибудь стоитъ, и стыдно-бы стало, что не моя ему встрѣча желанна. Онъ добрый, и ласка моя такая, какъ есть, сердечная, да хорошая, въ душу ему пробралась-бы. А вы... подъ корень рѣжете... (Забывъ мужа въ окно, вспыхнула, встрепенулась.) Вотъ онъ! Во дворъ въѣзжаетъ! Андрюша! (Бросается навстрѣчу въ заднюю дверь.)

Авдотья Ивановна. Полетѣла! Не жалѣй себя, въ грошъ и онъ не поставитъ. (Сумрачно смотреть въ окно. Хохуля вноситъ сливки и уходитъ.) Ишь повисла!.. (Отходить.) Эхъ, простота!

ЯВЛЕНИЕ X.

Авдотья Ивановна, Андрей Нарягинъ и Паша (за нимъ).

Андрей. Ну, какъ васъ тутъ Богъ милуетъ? Здравствуй, ма-тушка. (Подаетъ ей свертокъ.) Вотъ тебѣ изъ города гостинець. А это, Паша, тебѣ. (Даетъ свертокъ женѣ. Въ рукахъ у него еще свертокъ. Оглядѣлся и молча кладетъ его на стулъ.)

Паша (цѣлуя Андрея). Спасибо тебѣ, милый! Вспомнилъ.

Авдотья Ивановна. И меня, старую, не забылъ. Благодаримъ покорно. Обѣдать станешь, или чайку?

Андрей (садится). Нѣтъ, чаю давайте. Обѣдать. (Оглядѣлся еще разъ. Жена проворно наливаетъ и подаетъ ему чай.) Такъ все благополучно?

Авдотья Ивановна. Слава-богу!

Андрей. И на мельницѣ?

П а ш а. Дожди были. Воды прибыло, всё поставки работают, — завёзу много.

А н д р е й (пьёт чай съ молокомъ въ прикуску). Ну, и ладно. А я дѣлишки обдѣлалъ — ничего. Денегъ въ банкѣ дали. Пшеницу закупили выгодно, по восьми съ полтиною, а то и дешевле. Съ Баландинымъ по семи съ полтиною кончилъ. Жена у него модница; какъ ни какъ, только денегъ давай — наряды шить; а въ земельный платить подойдутъ сроки — не забота. Продадутъ землю, какъ Богъ святъ. На нѣтъ съѣдутъ, какъ другіе прочіе господа. Кривогузовъ въ городѣ на ихній хуторъ не даромъ нацѣливается. Напалъ онъ этой дворянской земли страсть сколько. — Ну-ка, Паша, стаканчикъ еще... Да. Къ Сладневу Сергѣю Дмитричу заѣзжалъ. Маіору нашему пріятель. (Оглядывается опять. Молчитъ. Нахмурился.)

А в д о т ѣ я И в а н о в н а. У Сладнева тоже пшеничку купилъ?

А н д р е й (уже недовольнымъ тономъ). Какая у него пшеница! Ширь одинъ, и тотъ скотина повытолка. Господинъ Сладневъ не нынче — завтра совсѣмъ пропадетъ. Лѣсъ проѣлъ, земли добрую половину проѣлъ, крохи теперь доѣдаетъ. Не нашему маіору чета. Уже сколько я къ этому изъ-за мельницы подѣзжалъ и деньги давалъ хорошія — уперся. Кражистъ, шутъ его возьми! (Озирается.) А что-же Фени не видать?.. Чего молчите?

А в д о т ѣ я И в а н о в н а (отходя зачѣмъ-то къ шкафу). Къ маіору ушла.

А н д р е й. Къ маіору?!.. Какъ-такъ ушла?!

А в д о т ѣ я И в а н о в н а. Совсѣмъ ушла, жить.

А-а! (Встаетъ и сверкающими глазами обводитъ жену и тещу.) Спровадили?!

А в д о т ѣ я И в а н о в н а. Не маленька она, свой разумъ есть.

А н д р е й (гнѣвно ударяетъ по столу). Спровадили, говорю!! (Молчаніе.) Знаю, въ чемъ дѣло. Склады бабьи, сплетни, раздоръ — вотъ это что! (Женѣ.) Не говорилъ я, какъ уѣзжалъ, чтобы ссоръ безъ меня не заводили? Не приказывалъ, чтобы ладно, да смирно все было у васъ? Ну?

П а ш а (робко). Мы не ссорились... сама она...

А н д р е й. Лжешь! Ступай, ворота. Чтобы сейчасъ съ тобскою домой шла. Иди!

П а ш а. Не посылай ты меня, Андрей Филатичъ, ради Господа! Пошли другого кого.

А н д р е й (схватываетъ ее за руку и бросаетъ къ двери). Нѣтъ, ты! Сейчасъ иди! Ну!

Авдотья Ивановна. Иди, Паша. Пусть люди скажутъ, что мужъ жену за любовницей посылаетъ.

Андрей (на старуху). Молчать!.. О-о, такъ-то вы! (Паша плачетъ.) Хорошо! (Зоветь въ окно.) Иванъ, подь-ка сюда! (Ходитъ большими шагами.) Хо-ро-шо!

Авдотья Ивановна. На что лучше!

Паша (подбѣгаетъ къ матери). Маменька перестаньте! Что вы?

Авдотья Ивановна (отстраняясь). Твое дѣло ревѣть.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же и Иванъ.

Андрей. Иванъ! Сходишь сейчасъ къ маіору, къ Федосьѣ Игнатьевнѣ... Скажи, молю, пріѣхалъ Андрей Филатычъ и приказываетъ ей домой идти. *Приказываетъ*, такъ и скажи. Противиться будетъ, волокомъ тащи. Безъ нея ворочаться не смѣй.

Иванъ. Слушаю.

Андрей. Скажи—сраму на свой домъ я не потерплю и безчестить себя не дамъ, потому изъ моей она семьи, а не чортъ-вѣсть откуда.

Авдотья Ивановна. Полно, о томъ-ли забота, Андрей Филатычъ?

Андрей. Ка-акъ?!

Паша. Маменька, да молчите вы, ради-Бога!

Андрей (Ивану). Иди! Исполнить въ точности. Не то, скажи, я маіорское гнѣздо въ пухъ разнесу. Такъ и скажи. Коли самъ за нею приду, маіору дюжины реберъ не досчитаться. Слышалъ? Противиться будетъ, тащи волокомъ. Ну, живо! (Иванъ уходитъ.) А васъ, васъ я за эту штуку проберу по-своему.

Авдотья Ивановна. Въ томъ вся наша вина, что насъ-же ты обидѣлъ.

Андрей. Смутницы вы, выдумщицы! На срамъ дѣвку толкнули... чтобъ васъ!.. (Женѣ.) Худое что видала за нами, что приревновала-то къ ней? Говори! (Старухѣ.) Какая-жь она мнѣ любовница! Кто что знаетъ?.. Ну, докажи! А я клеветнику-то ротъ зажму, такъ зажму, что онъ своими-же зубами языкъ свой откусить поганый. Знаешь ты это?

Авдотья Ивановна. Твоя воля срамиться, Андрей Филатычъ. Пожалуй, бей меня и жену за одно. И маіору ребра пересчитай. Ужь бить, такъ бить, чтобъ по всему околотку гремѣло да вой шелъ. За что? скажутъ люди.—Чего раскодилъ такъ Андрей-отъ Филатычъ? А вотъ за что: жена, по дурости, его любить.

а Федосья, отъ ума, любить не желаетъ, къ маюру ушла. На что лучше причина!

А н д р е й. Брешешь ты, старая! Не выжили вы ее, ну?

А в д о т ѣ я И в а н о в н а. И, Андрей Филатычъ! Кто ее выжи-
валъ! Прежде-то она къ маюру не бѣгала, что-ли, при тебѣ-то?
Ты, вотъ, кипишь, а дѣло уразумѣть не желаешь. А просто оно.
Вѣрь мнѣ—не вѣрь, какъ угодно, а мѣтить Федосья Игнатьевна
тебѣ въ *хозяйки*, въ заправскія маюрши попасть. По уши въ
нее маюръ-то. А она ему развѣ такъ волю дастъ? Женись...
И женить, скорешенько. А ты, на что ты ей нуженъ, чужой
мужъ?..

А н д р е й. Ну, ну, ну! Говори, да не заговаривайся! (Женѣ.)
Прасковья, по волѣ Федосья къ маюру ушла? Правду говори,
не то...

П а ш а. Она у него три дня кряду жила... Я маменькѣ го-
ворила... Потомъ пришла, хотѣла тебя дожидаться...

А н д р е й. Ну?

А в д о т ѣ я И в а н о в н а (въ сторону). Проврется, того и гляди.
(Карягину.) За нею маюръ гонца, а слѣдомъ и самъ припожало-
валъ.

А н д р е й. Самъ!.. Ну?

А в д о т ѣ я И в а н о в н а. Вмѣстѣ и ушли, только всего.

А н д р е й (вспыхнулъ съ новою энергіей). А чего-жь вы не удер-
жали ее? Зачѣмъ пустили?

А в д о т ѣ я И в а н о в н а. Теперь въ этомъ виновны. Эхъ, Гос-
поди! А самъ-бы ты удержалъ? Ну-ка! Не знаешь развѣ, какова
Федосья въ хотѣньи своемъ? Чудно, право!

(Иванъ боязливо выставляется въ двери.)

А н д р е й (Ивану). Что-жь ты!.. Одинъ? Да входи!

И в а н ъ (входитъ). Ничего не подѣлаешь съ нею, Андрей Фи-
латычъ. Сталъ ей все это говорить, какъ приказывали, а она, знай,
хохочетъ-те, заливаешься...

А н д р е й. Чортъ! Сказано силою привести!

И в а н ъ. Я было того... ухватилъ, значить, ее, а она ляскъ
меня (показываетъ на щеку), вывернулась, да утекать... Стала на
крыльцѣ, да кричить мнѣ: „скажи, поди, Андрею Филатычу“...

А н д р е й. Ну?

И в а н ъ. Да я не смѣю.

А н д р е й. Говори, не то!..

И в а н ъ. „Скажи, молъ, ему, что онъ меня“...

А н д р е й. Чтò „меня“, чтò?

И в а н ъ. Хмъ! да... „*прозвалъ*“.

(Картина: Карягинъ отвертывается и сумрачно глядитъ въ подлюбья. .

Папа боязливо засматриваетъ ему въ лицо. Старуха, отвернувшись, усмѣхается. Иванъ съ плутовскою рожей почесываетъ затылокъ.)

З а н а в ѣ с ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Сцена: комната въ домѣ Терихова, съ простою, но опрятною обстановкою. Три двери: по бокамъ и въ задней стѣнѣ).

ЯВЛЕНІЕ I.

Лю б а в и н ѣ (входитъ при поднятіи занавѣса, робко озирается и шепчетъ въ рукахъ форменную фуражку). Ахъ!.. Всѣ-то у васъ теперь въ казначействѣ, по мѣстамъ, а я? Бывало до города версту въ четверть часа промахнешь, раньше городскихъ явишься. А теперь!.. Приѣдетъ казначей, Иванъ Павлычъ, гдѣ—спросить—Любавинъ? Ахъ! здѣсь Любавинъ, вотъ гдѣ... Какое ужъ тутъ казначейство! Намедни сѣлъ за кассовую книгу, да вмѣсто дѣла сталъ Федосьѣ Игнатьевнѣ стихи сочинять. Увидалъ бухгалтеръ. Бѣжитъ. „Это что? какая-такая Федосья у тебя тутъ?!“ Хохотъ, срамъ! Всѣ теперь „Федосьей“ зовутъ. Проходу нѣтъ... Маменька женить собирается. „Какъ женю, говоритъ, такъ всю эту дурь по Федосьѣ Игнатьевнѣ, какъ рукой сниметъ! Какъ-же, дурь! Да я женить и не дамъ. Чтѣ она, въ самомъ дѣлѣ! (Конфузливо пятится при входѣ маюра).

ЯВЛЕНІЕ II.

Любавинъ, Териховъ и потомъ Феня.

Т е р и х о в ѣ . Ты? Отчего не на службѣ? Сегодня какой день? Праздникъ развѣ? Что ты въ самомъ дѣлѣ баклушничаетъ!

Лю б а в и н ѣ . Я... я нездоровъ-съ.

(Феня входитъ. Любавинъ не видитъ ее).

Т е р и х о в ѣ . Нездоровъ? А сюда бѣгать здоровъ? Иди-ка, въ свое казначейство, маршъ!

Ф е н я . Оставьте его! Пойдемъ, Тиша, малину со мной обирать. На столѣ тамъ корзинка стоитъ (указываетъ на правую дверь). Принесите. (Любавинъ бросается за корзинкой).

Т е р и х о в ѣ (вспыльчиво). Что за глупости, Феня! (Повертывается на каблучкахъ и уходитъ въ лѣвую дверь. Феня провожаетъ его насмѣшливымъ взглядомъ).

Любавинъ (входитъ съ корзиною въ рукахъ и, потупая, по-даетъ ее). Не идти-ли ужь мнѣ? Максимъ Гаврилычъ маменьгѣ скажетъ.

Феня. А по малину со мной не хотите?

Любавинъ. Ахъ, Боже мой! Не только малину, я все, все хочу съ вами, Федосья Игнатьевна!

Феня. А на службу зачѣмъ не ходите, а? (деретъ его за ухо). Вотъ-же вамъ, вотъ!

Любавинъ (схватываетъ ее руку и покрываетъ поцѣлуями). Ахъ... что-жъ это! Я... я съ ума сойду...

Териховъ (входитъ.) Кхмъ! (Любавинъ вспыхнулъ и не знаетъ, куда дѣваться). Для жены моей, Федосья Игнатьевна, такъ неприлично-съ, прямо скажу—неприлично. Надо это понять-съ. И если я женился на васъ, такъ это... это не шутка-съ.

Феня (взглянула на мужа и протягиваетъ Любавину руку). Цѣлуйте, я позволяю. (Любавинъ жнется.) Какой вы! цѣлуйте! (Любавинъ смущенно и неловко цѣлуетъ ее руку).

Териховъ. Изъ рукъ вонъ! (опять круто поворачивается на каблукахъ и съ трескомъ уходитъ въ лѣвую дверь).

Феня. Ха-ха-ха!

Любавинъ (съ тяжелымъ вздохомъ). Нѣтъ, ужь я лучше пойду-съ...

Феня. Куда мнѣ вздумается. (Зоветъ.) Максимъ Гаврилычъ! (За дверью выразительный кашель.) Идите-же, если зову!

Териховъ (входитъ сердитый и взволнованный). Ну-съ?

Феня. Я съ Тихономъ Степанычемъ пойду не въ садъ, а въ рошу, подальше отъ васъ.

Териховъ. Да-съ!

Феня. Гулять мы будемъ долго, рука-объ-руку. За ручей пойдемъ. Тихонъ Степанычъ перенесетъ меня черезъ ручей на рукахъ.

Териховъ. Да-съ!

Феня. Вернемся не скоро. Вы отправляйтесь съ Архипомъ въ садъ и наберите намъ малины (подаетъ ему корзину).

Териховъ. Малины-съ!

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ-же и Архипъ (выглядываетъ въ дверь.)

Феня. Я вамъ за это принесу мухоморъ. (Териховъ сильно бросаетъ корзину).

Архипъ (въ сторону). Съѣлъ!

Феня (Любавину, который бросился поднимать корзину.) Не тро-

гайте. Максимъ Гаврилычъ подниметь. Поднимите, Максимъ Гаврилычъ.

Териховъ. Я... я... я не китайскій болванчикъ, замѣтите! Феня. Поднимите.

Териховъ. Поднять не трудно, но я... Это глупо, дурачество!

Феня. И поднимите, если не трудно.

Териховъ (быстро поднявъ корзинку и съ трескомъ ставятъ ее на столъ). Вотъ-съ! (уходитъ въ лѣвую дверь).

Архипъ (входитъ). Тьфу!

Феня (равнодушно оглянулася на Архипа, и Любавину лѣнливо и холодно). А вы, пенчикъ, ступайте въ свое казначейство.

Любавинъ. А какъ-же въ рошу-ту?

Феня. Э, надоѣли вы мнѣ! (Уходитъ въ правую дверь).

Архипъ (внезапно наступаетъ на Любавина). А въ карцеръ на хлѣбъ на воду не желательнѣе? Въ рошу! Тоже облизывается, финтикъ этакій! Въ наше-то время такихъ, какъ вы, начальство къ стульямъ безъ сапогъ привязывало.

Любавинъ (отступая). Оставь ты...

Архипъ (наступаетъ). Н-да! А вамъ тутъ нечего. Маршъ на службу-то, лодарь! Постой,—мать увижу—отлепортую... (Любавинъ, отчаянно махнувъ фуражкой, уходитъ). Поводился!.. (Глядитъ на дверь маюра.) Вотъ ужъ какъ, мухоморъ!..

ЯВЛЕНИЕ IV.

Архипъ, Териховъ (проходитъ мимо Архипа съ трубкой, не глядя на него и садится) и потомъ Феня.

Архипъ (помолчалъ, сумрачно глядя на маюра). Какъ-же, Максимъ Гаврилычъ... (подходить). Значить, теперича (значительно) въ мухоморы попали?

Териховъ. Отвяжись!

Архипъ. Н-да! Вотъ и дожили! Женились и дождались! Вотъ онъ зудъ-то довелъ до чего. Водили насъ, водили, пока подъ вѣнецъ не угодили. Въ мухоморы и попали теперь, хе-хе! (Териховъ показываетъ ему кулакъ.) А въ бывшее-то времячко! (подмигиваетъ и прищелкиваетъ языкомъ.) Бывало, эти самыя барыни для насъ все равно, что тринь-трава. Ужъ какія-раскакія бывали, фу-ты, ну-ты, хе-хе!.. Только глазомъ, бывало, мигнешь, да ужъ такъ-то закрутимъ, ехха!—Готово. Въ 49 году въ Венгерскую кампанію ходили, помните, Максимъ Гаврилычъ, на простыняхъ-то со втораго этажа спустили одну? Мужикъ—шасты!.. „Архипъ, какъ быть, выручи!“

(Любовно притрогивается къ плечу маіора.) Сейчасъ мой Архипъ протыни, хе-хе-хе!.. Ищи, шарь теперича!

Териховъ. Что-жь, пожили, братецъ, правда.

Архипъ. И какъ пожили-то!

Феня (входитъ, покрывшись кисеей, и останавливается въ дверяхъ незамѣченная).

Архипъ (наклоняясь къ маіору, таинственно, наставительно и сурово.) А вы, сударь, много Федосьѣ Игнатьевнѣ воли даете, н-дасть! Вотъ она въ мухомор...

Феня. Что-о? (Териховъ и Архипъ расходятся сконфуженные въ разныя стороны. Архипу.) Ты, совѣтчикъ, другъ закадычный, кому воли-то много дано, а?

Архипъ. Это мы такъ... промежь себя...

Териховъ. Глупости, Феня... (садится и закрывается газетой.)

Феня. Чего-жь отъ Архипа умнаго ждать!

Архипъ (оправившись). Тьфу!

Феня (на него презрительно). Грымза ты этакая! (Архипъ, косясь на нее, продвигается къ двери. Маіору.) Что спрятался, видно, совѣсть зазрила?

Архипъ (въ дверяхъ грозится на Феню, въ сторону). Погоди! (быстро вывертывается.)

Териховъ. Ничего, а... Не читаль еще... Новости...

Феня. То-то „новости!“ (Уходитъ въ заднюю дверь.)

Териховъ (кладетъ газету и тяжело вздыхаетъ). И что за дуралей этотъ Архипъ! Подведетъ, всякій разъ подведетъ, какъ нарочно! Нѣтъ, я ужь какъ-то съ толку сбился совсѣмъ. Не то такъ мнѣ съ ней повернуть, не то этакъ... не приладишься... Похудѣлъ даже... Все будто сдѣлать мнѣ что-то нужно, не сидится, не терпится... Будто вотъ бѣгаетъ отъ меня Феня, а я за ней, я за ней... (Взглянулъ на дверь.) Кого еще тамъ принесло? (Закрывается газетой.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Териховъ и Сладневъ.

Сладневъ. Максимъ Гаврилычъ, здравствуй, душа!

Териховъ. А-а, Сергій Дмитричъ! здравствуй.

Сладневъ. Что ты будто разстроены, другъ любезный, а?

Териховъ. Да читаль вотъ... Хотя въ руки газетъ не бери! Тамъ земство проворовалось, здѣсь банкъ обокрали, тому черепъ разнесли... (Пожинаетъ плечами.)

Сладневъ. А-а! (садится.) Не говорилъ я тебѣ, не говорилъ? (воодушевляется). Эхъ, Максимъ Гаврилычъ, помнишь-ли, топ сего,

то чудное время, еще въ началѣ? Помнишь, когда, какъ сказала поэтъ, порвалась та великая цѣпь, которая ударила однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику?

Териховъ. Ты опять свое! Знаемъ!

Сладневъ. О, что за время! Тогда и я всѣ силы, всего себя отдалъ... Да, я вводилъ, устраивалъ... Помнишь меня посредникомъ?.. Сближалъ интересы и раздѣлялъ... О, mon cher! Лучшіе люди земли шли тогда, и какъ шли! То была дружная рать, провозвѣстники, свѣточъ, свѣточъ, душа моя!

Териховъ. Не мало набѣдокурили. Особенно ты, когда посредничалъ, да либеральничалъ на чужой счетъ. Спасибо. Я, братъ, тебѣ свою „уставную“ никогда не прощу.

Сладневъ. Ну вотъ видишь, видишь! И такъ-то вы всѣ. И это благодарность за тотъ порывъ, за тотъ нравственный подъемъ!.. Мы приняли заушеніе, оплеваніе, пострадали, но ушли съ сознаниемъ, да, mon cher, съ сознаниемъ, что послужили... Мы ушли со скорбію за судьбы, да, со скорбію, и событія не заставили себя ждать! И вотъ началось... Боже мой, что началось! Кто насъ смѣнилъ? Оглянись, mon cher, оглянись и вникни.

Териховъ. Не раздражай ты меня, Сергѣй Дмитричъ. Я плачу и больше ничего. Земство деретъ—плачу, страховка—плачу, школы, попечительства разныя—плачу и плачу! Натѣ и отвяжитесь. Ясно? Съ меня вотъ десять разъ какія-то „грунтовыя“ становой выскиваетъ. Поясните-же, говорю, наконецъ, что это такое? — „А вотъ-съ, предписано“, предъявляетъ бумагу. Ну, и плачу!

Сладневъ. Да, все это: и становые, и пристава, разные нотаріусы, письмоводители судей... Боже мой, что за тонъ и какая ужасная, оскорбительная откровенность! Представь, вчера является письмоводитель нашего прелестнаго судьи. Бархатный пиджакъ, рinсе-pez и... и сивушный запахъ! Arlomb, руку швыряетъ вотъ такъ, и это рукопожатіе!.. И я послѣ вымылся... Мало того—подмигиваетъ... Нѣтъ, ты представь—подмигиваетъ!

Териховъ. Э, говорю—оставь! Знаю, все знаю. Волостной старшина на дворъ,—у меня поросенка рѣжутъ и сейчасъ за водкой въ кабакъ. И довольно. Ради Бога, не раздражай! Карягинъ вотъ съ мельницей пристааетъ. И продашь. Надо-же чѣмъ платить и платить. Да что! (Махаетъ рукой.)

Сладневъ. Eh bien, что наша прелестная Федосья Игнатьевна? (Потираетъ руки.) Ха-ха-ха! медовый мѣсяцъ, mon cher? Откровенно скажу: завидую. Что хочешь, но очарованъ. (Цѣлуетъ кончики пальцевъ.) Я много видѣлъ, испыталъ, жилъ... да, жилъ... Женщина, про которую въ Аннѣ Корениной такъ удивительно сказано,

что она—„винтъ, на которомъ все вертится“, я знаю, что такое женщина, о!.. Но этотъ дичекъ, эта—извини меня—Феня съ мельницы распустилась въ такой роскошный цвѣтокъ, съ такою изящною, пластическою красотою, съ такимъ одурѣвающимъ ароматомъ страсти...

Териховъ. Что ты заврался.

Сладневъ. Нѣтъ, позволь. Ты, mon cher, не понимаешь... Ты циникъ, сатиръ, ха-ха!.. Тебѣ недоступно то обаяніе, тотъ художественный восторгъ красоты, который доводитъ до экзальтации, до галлюцинаціи, до... до...

Териховъ. До вранья.

Сладневъ. Ну, ясно, что не понимаешь, ясно! Ахъ, душа моя!.. знаешь ты это? (напѣваетъ драблмъ фальцетомъ.)

„Изъ-подъ бровки твоей полукруглой

„Смотритъ бойко лукавый глазокъ“...

Потомъ этотъ ротикъ! свѣжій, какъ лепестки розы, пышный, трепещущій... Ахъ, душа моя, прелестно, восхитительно! Ты положительно счастливецъ. Стань гибкій, изящный, очерченъ такими роскошными формами.. (Ударяетъ маюра по плечу.) Ну, пентюхъ-же, варваръ ты, положительно, варваръ!

Териховъ. Какъ? что такое?

Сладневъ. Ну да! Развѣ ты чувствуешь, развѣ ты въ силахъ ощущать то... Э, Боже мой! Ну вотъ: прошелъ дождь; роскошный розовый кустъ напоенъ и облитъ свѣжими брызгами; по немъ рассыпались солнечные лучи и... и дрожать алмазами на трепещущихъ лепесткахъ. Вотъ какое чувство, вотъ это что!..

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ-же и Феня (изъ задней двери).

Сладневъ. Ахъ! (бросается къ Фенѣ) Очаровательная!.. (схватываетъ и въ засосъ дѣлуетъ ея руки.) Пре... пре... прелестная!

Феня (снимая съ головы кисейное покрывало). Что съ вами?

Териховъ (сдвинувъ брови). Въ угарѣ.

Сладневъ. Ну вотъ, какое грубое толкованіе!

Феня. Похоже.

Сладневъ (ей). И вы? (Укоризненно качаетъ головою.)

Феня. Я первая. Какъ ваша жена поживаетъ? Поздоровѣла?

Сладневъ. Ахъ, Зоя!.. Нѣтъ, все мигрени, эти вѣчные мигрени и нервы, mon dieu!.. Есть души... Ну вотъ: вы входите въ старый домъ, заброшенный и... и тамъ стоитъ фортепьяно. Вы подходите, открываете пыльную крышку и берете аккордъ. Боже мой! жалкіе, болѣзненные, дрожащіе звуки и полная дисгармонія.

Вы бѣжите прочь. Но представьте, что звуки эти — за вами, не умолкають, не перестаютъ. Представьте, что это не фортепьяно, а живой человѣкъ, который неотвязно, неотступно при васъ, а съ нимъ и эта ужасная музыка. Mais c'est horrible!.. Вотъ вамъ Зоя и...

Териховъ. Нѣтъ, Сергѣй Дмитричъ, ты сегодня совсѣмъ зарাপортовался.

Сладневъ. Э, топ cher, это, наконецъ, вульгарно!

Феня. Не хитра-же ваша барыня! Съ васъ и балалайки довольно.

Сладневъ. Что вы хотите сказать? балалайки!

Феня. Ха-ха-ха! (Беретъ изъ угла гитару и настраииваетъ.) Дудочки-сопѣлочки за глаза, на что музыка немудреная... Ну-ка, Сергѣй Дмитричъ, плясовую. Утѣшьте! (Играетъ на гитарѣ плясовую.)

Сладневъ. Ха-ха, что вы!

Феня. Смотрите на меня. Вотъ такъ встаньте: грудь впередъ, бровью подморгните, вотъ такъ плечемъ, плечемъ поведите-ка, ну!

Сладневъ. Любуюсь, Федосья Игнатьевна, любуюсь!

Феня. Чтобъ ретивое заговорило. И я полюбуюсь. Ну! (играетъ.)

Сладневъ. Заговорить, заговорить!

Феня. Разверните-ка удалъ молодецкую.

Сладневъ (пожимая плечами въ тактъ плясовой). Охъ пойду, ой пойду!

Феня. Ишь какой, смотрѣть люблю! Ну-ка съ присвистомъ, въ ширь, дробью, да въ присядку, и меня чтобъ охота взяла кругомъ павой обхаживать, да лаской приваживать. Ну!

Сладневъ. Ласкою... ухъ! (Пожимаетъ плечами.)

Феня. Вихремъ вокругъ меня взвейтесь, заверчусь сама, головкой побѣдоносной склонюся... Ну! (Играетъ. Сладневъ приплясываетъ сначала понемножку, потомъ расходится. Феня смѣется тихо, потомъ громче и громче.)

Териховъ. Сергѣй Дмитричъ, опомнись!

Сладневъ (помахивая платочкомъ.) Л-лихо.

Феня. Ха-ха-ха!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Териховъ, Сладневъ, Феня и Нарягинъ.

Нарягинъ (неожиданно отворяя дверь). Хорошо, баринъ! (Сладневъ останавливается пораженный. Феня перестаетъ играть.) Дайте и намъ посмотрѣть. Мы такихъ видовъ не видывали. Ужъ очень занятно.

Сладневъ (отдуваясь и обмахиваясь платкомъ). Э, мой милый, ты не понимаешь. Что за „занятно!“ что такое „занятно?“

Карягинъ. Какъ Федосья Игнатьевна камедию строить себѣ на потѣху. Шутка-ли! чуть не горами качаетъ. Ваша милость на что грузны, а и то перышкомъ завертѣлись.

Териховъ (Сладневу). И по дѣломъ тебѣ, и по дѣломъ!

Сладневъ. Но позвольте, господа...

Феня. Слушайте, я что скажу. Перво-на-перво — здравствуй, Андрей Филатичъ. Хозяевамъ поклонъ, а тамъ ужъ и говори.

Сладневъ. Вотъ это такъ! Вѣжливости поучить не мѣшаетъ, не мѣшаетъ.

Карягинъ (съ поклономъ). Здравствуйте, Федосья Игнатьевна. За поклономъ, какъ и за рѣчью, дѣло не станетъ. (Кланяется Терихову.) Максиму Гаврилычу! Не осудите. Невѣжа я и мужикъ. Барыня научить за то, какъ быть намъ напредки.

Феня. И спасибо дождется. Садись теперь, гостемъ будешь. Сказалъ ты, умный человекъ, потѣху себѣ я устроила. Что Сергѣемъ Дмитричемъ тѣшиться? Сергѣй Дмитричъ человекъ добрый, веселились мы по-просту и сама-бы я съ нимъ въ плясъ пошла. Есть потѣха другая, и ужъ точно, что потѣха! Ходить человекъ — высоко голову носить, поверхъ глядеть всѣхъ. И силенъ-то онъ, и пригожъ, не бабымъ умомъ живетъ, и подходы къ намъ, дурамъ, у него молодецкіе. Такого возьмемъ, Андрей Филатичъ. А расходится если — дубы ворочаетъ, что твой медвѣдь. Гдѣ, кажется, и совладать съ такимъ? Вѣрно? А глядишь: пробьютъ кольцо въ морду Мишеньки, на цѣпь применить и будетъ онъ, съ козой деревянною, передъ бабой-же подъ гудокъ плясать въ присядку. Вотъ ужъ это такъ потѣха!

Сладневъ (аплодируя). Bravo, bravo! Ха-ха-ха!

Феня. А вамъ, Сергѣй Дмитричъ, послѣ трудовъ закусить не мѣшаетъ. Максимъ Гаврилычъ, угостите. Вотъ ключи. (Даетъ ключи.)

Териховъ. А ты, Андрей Филатичъ?

Карягинъ. Нѣтъ-съ, благодаримъ покорно.

Сладневъ. Апетить отбило, ха-ха-ха!

Териховъ. А то приходи. (Уходитъ въ лѣвую дверь.)

Сладневъ. Подбодримъ, хе-хе-хе! (Уходитъ за маюромъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Феня и Карягинъ.

Карягинъ (сумрачно и молча наблюдаетъ Феню, не обращающую на него никакого вниманія.) А кому-же это кольцо пробьютъ, да подъ гудокъ-съ? Позвольте полюбопытствовать.

Феня. Не знаешь?

Карягинъ. Нѣтъ, не знаю-съ. (Молчаніе.) Что-же молчите, Федосья Игнатьевна?

Феня. Жду, что ты скажешь.

Карягинъ. Наши рѣчи мужицкія теперь вашей милости неравно не въ угоду будутъ.

Феня. Глупыя — не въ угоду. Намедни припелъ научить тебя, какъ челомъ бить, просишь, въ холопы покорныя набиваешься. Нынче—опять. Все то-же, и толку нѣтъ. Иль у тебя на мельницѣ дважды ту-же муку перемальвать стали? Чтѣ съ возу упало, то пропало. Нѣтъ-ли новенькаго чего, Андрей Филатычъ?

Карягинъ. Сказаль-бы я... Много про вашу честь припаслось у меня...

Феня. Ну-ка, что? Первое—отъ Паши поклонъ... (Андрей встряхиваетъ волосами и съ подавленнымъ вздохомъ принимаетъ на руку.) Поклонъ и *спасибо*. Отъ матери тоже—поклонъ и опять-же *спасибо*. Отъ Андрея Филатыча...

Карягинъ (вахмурившись, быстро обертывается къ пей и прерываетъ.) Что-съ?

Феня. Ха-ха! Скажи, чтѣ — узнаемъ. Припасено не мало, да въ горлѣ застряло. Бываетъ этакъ-то.

Карягинъ (встаетъ въ сильномъ волненіи). Не тревожь ты меня, Федосья Игнатьевна (ударяетъ себя въ грудь), не тревожь! (Отходить въ дальній уголъ.)

Феня. Же-на успо-ко-ить!

Карягинъ. Жена!

Феня. Еще какъ! „Соколы мой ясный, ненаглядный Андрюшенька“, скажетъ.—„Взгляни ты мнѣ въ очи любовныя, поцѣлуй! обниму, на грудь свою бѣлую кудри твои молодецкія размечу, уба-ю-ка-ю!“

Карягинъ (медленно подходившій, вдругъ схватываетъ ее за руку, глухо). Замолчи ты!

Феня. О-о-о! (Сильно вырываетъ руку.) Близко подошелъ, Андрей Филатычъ! (Встаетъ.)

Карягинъ (задыхаясь). Зачѣмъ-же ты, змѣенышъ, въ душу ко мнѣ заползла? Зачѣмъ ты взглянешь, бывало—искры изъ глазъ твоихъ сыпятся? Зачѣмъ между мной и женой усмѣшка твоя глумливая черной кошкой проскакивала? А подъ ракитой? Зачѣмъ ты меня словно полымемъ охватила? Я, какъ шальной, потомъ мыкался, покоя не звалъ, и домой-то летѣлъ, точно ураганомъ несло меня въ твою сторону!

Феня. Вотъ это любо! Хороша твоя рѣчь и стоитъ тебя за нее еще подъ ракикою поцѣловать разокъ; ужъ не за Пашу те-

перь... забылъ ты, какъ дѣло-то было... а за эту самую рѣчь. Да жаль, одного нѣтъ...

Карягинъ. Чего нѣтъ-то?

Феня. О-хо-ты! (Уходитъ въ лѣвую дверь.)

Карягинъ. Какъ-же... значитъ, силы на мнѣ ты пытала? Иль того ради, чтобъ на цѣпь да подь гудокъ предъ тобою въ присядку? Ой, Федосья Игнатьевна, остерегись! Пока гнется — не ломится, а коль сломится... (Заканчиваетъ выразительнымъ жестомъ и хочетъ уйти. Его задерживаетъ Сладневъ.)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Карягинъ и Сладневъ (входитъ слѣва, пережевывая и отирая салфеткой жирныя губы.)

Сладневъ. А, душа моя! на пару словъ.

Карягинъ. Чего вамъ?

Сладневъ. Ха-ха! чего всѣмъ нужно, мой милый, и что такъ трудно достать, — денегъ.

Карягинъ. Какъ?

Сладневъ. Понимаешь-ли, я скоро отдамъ... или хлѣбомъ возьмешь... Только пожалуйста, братецъ...

Карягинъ. У меня про васъ денегъ нѣтъ и не будетъ-сь.

Сладневъ. Ну, вздоръ какой, ха-ха! У тебя-то?

Карягинъ. Вѣрно-сь. Да на что проще: попросите у Федосьи Игнатьевны. Онѣ теперь денежны. Опять-же выпляску передъ ней задаете; вотъ и должна дать.

Сладневъ. Послушай, любезный, ты... ты, однако, не забывайся!

Карягинъ. Хмъ! эхъ, баринъ! (Уходитъ).

Сладневъ. Грубиянъ!.. мужикъ!.. скотъ!.. Разжирѣли на нашъ счетъ, грабители, и... и... Помилуйте! на что это похоже? Куда мы идемъ?

ЯВЛЕНИЕ X.

Сладневъ и Териховъ.

Сладневъ. Нѣтъ—я тебя спрашиваю—куда мы идемъ?

Териховъ. А что?

Сладневъ. Представь, сейчасъ этотъ Андрей Филатычъ...

Териховъ. Ты вѣрно денегъ просилъ?

Сладневъ. Ну да-а, но... понимаешь-ли...

Териховъ. А онъ тебя обругалъ.

Сладневъ. Хуже! Онъ... онъ посылаетъ меня къ твоей же-

нѣ, къ женщинѣ! У хорошенькой женщины просить денегъ! (Пожимаетъ плечами).

Териховъ. Не въ диковинку.

Сладневъ. Положимъ, теперь не стѣсняются и берутъ именно тамъ, гдѣ меньше шансовъ встрѣтить отказъ. Но это... на что это похоже? Помилуй! Я краснѣю, мнѣ стыдно! Представь, племянникъ мой Lucien Сойминъ у своей Варбе, такой душки, увезъ... увезъ брилiанты! Ну... ну, скажи на милость, развѣ такъ можно? Взять—понимаешь-ли—любовь... шутка сказать: любовь!.. и... и еще брилiанты! (Пожимаетъ плечами).

ЯВЛЕНИЕ XI.

Тѣ-же и Анна Захаровна.

Анна Захаровна. Здравствуйте-съ!

Териховъ. А, сосѣдка!

Анна Захаровна. Шалопай-то мой у васъ, что-ли?

Сладневъ. Ха-ха! вы про Тишу?

Анна Захаровна. Да-съ.

Сладневъ. Pauvre garçon! онъ... онъ у ногъ нашей красавицы Федосьи Игнатьевны.

Анна Захаровна (громко). Да-съ! (Зоветь). Ти-ша!

Териховъ. Да нѣтъ его здѣсь, нѣтъ. Утромъ былъ и ушелъ.

Анна Захаровна. Максимъ Гаврилычъ, что-жъ это такое? (Плачетъ). Я мать. Малый отъ руки отбился; сейчасъ сказывали, опять въ казначействѣ не былъ; службой манкируетъ, вздохи да ахи, не ѣсть, не пьеть, того и гляди, либо на осину, либо камень на шею да въ воду.

Сладневъ. Полно, Анна Захаровна, что вы!

Анна Захаровна. Оставьте меня, Сергѣй Дмитричъ, вы не мать!

Сладневъ. Конечно, mon Dieu, но...

Анна Захаровна. Ну, и оставьте. (Всхлипываетъ). Только вотъ сидѣлъ передъ тобою, глядь—ахнулъ, ужъ нѣтъ! Искать. Туда-сюда—нѣтъ! По саду-то, иль по роцѣ шныришь—шныришь, да все обмираешь. Такъ и мерещится, что виситъ онъ на деревѣ, голубчикъ мой, языкъ высунуль...

ЯВЛЕНИЕ XII.

Сладневъ, Териховъ, Анна Захаровна и Феня (входитъ изъ лѣвой двери).

Феня. Что за голосъба?

Анна Захаровна. Вотъ она, прелестница! Ты что, суда-

рыня, съ моимъ Тишею сдѣлала? Гдѣ онъ? Подай его, подай сейчасъ, подай! (Подступаетъ къ Фенѣ чуть не съ кулаками).

Сладневъ (удерживая ее). Тише, тише, Анна Захаровна!

Анна Захаровна (вырывается сильнымъ движеніемъ плечъ). Я мать! Мало тебѣ Андрея Филатыча твоего, мало?!

Териховъ (вспынувъ). Что та-ко-е? вы!

Анна Захаровна. Какъ что такое? Ну, и амурничай она съ нимъ, благо мужъ-старикъ не доглядываетъ.

Териховъ (кричить). Я т-тебя!! (Наступаетъ вѣ себя на Анну Захаровну).

Сладневъ (пятитъ ее къ двери). Съума вы сошли! Уйдите!

Анна Захаровна (упираясь). Въ головѣ еще онъ, слава-те Господи, да! А съ Тишею я эти пассіи разыгрывать не позволю. Я мать!

Териховъ (едва сдерживаетъ себя). Уведи ее, уведи, ради Бога!

Сладневъ (забираетъ Анну Захаровну и протаскиваетъ ее въ дверь). Тсъ! тсъ! (Уходятъ вѣстѣ).

Анна Захаровна (за сценой). Да ужъ не позволю! Младенца губить выдумала! Срамница! Мельничиха!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Териховъ и Феня.

Феня (все время спокойно наблюдавшая, что происходило). Ха-ха-ха-ха!

Териховъ. Что это она... про Карягина?

Феня. Какъ?

Териховъ. Слышали?

Феня. Слышала. Ну?

Териховъ (гнѣвно). Что-жь, наконецъ, правда это, или?..

Феня. А вы какъ думаете?

Териховъ. Я... я ничего такого не думалъ. Я спрашиваю, и вы должны дать мнѣ отвѣтъ. Я требую!..

Феня (презрительно). Че-го?

Териховъ. Любите вы этого Карягина? Любовникъ онъ вашъ?

Феня. Захочу—будеть.

Териховъ. Какъ?!

Феня. Да вы не бойтесь, Максимъ Гаврилычъ. Подушками душить васъ не стану. Зачѣмъ? Брошу васъ, если на то пойду, какъ пылинку съ себя страхну. Неужели-жь, думаете, хорониться, да таиться отъ васъ стала-бы? Подъ шумокъ, въ кустахъ ми-

лаго цѣловать, а потомъ мужа стараго? Чего ради? Изъ маіорства, иль денегъ? Ха-ха! иль по робости, страшны вы мнѣ, чтоли? Нѣтъ для меня ни цѣпей, ни запоровъ, и господинъ надо мной не народился еще. Не обмыслили вы этого, Максимъ Гаврилычъ, опростоволосились хуже бабы!

Териховъ. Феня... зачѣмъ такъ?.. Ты не сердись... Прости, если... (Хочетъ взять ея руку).

Феня (отдергиваетъ руку). Нѣ-ѣтъ, теперь подальше, маіоръ! Было, да слыло. Цѣнить не умѣлъ, не вѣрилъ—и баста!

Териховъ. Полно-же, пожалуйста!

Феня (отступаетъ). Нѣтъ, кончено. Меня назадъ не откаташь. Не поняли этого, такъ узнайте теперь. Теперь въ домѣ у васъ только хозяйка, а жены больше нѣтъ. (Энергично уходитъ въ правую дверь).

Териховъ (стоитъ, разведя руками, потерянный). Какъ-же такъ? Что-же теперь?.. (Смотритъ на дверь, въ которую вышла Феня, и начинаетъ всхлипывать). Я... я... не могу... жестоко... (ослабляетъ галстукъ) не могу...

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Териховъ, Архипъ (важно продвигается въ дверь въ унтеръ-офицерскомъ сюртукѣ, который ему тѣсенъ, съ крестомъ и двумя медалями на груди) и потомъ **Волжинъ**.

Архипъ. „Грымза!“ (Значительно). Кха!

Териховъ. Ты?.. ты зачѣмъ? (Тычетъ его въ грудь.) Это что? зачѣмъ?

Архипъ. Кавалеръ, унтеръ—видите, а не „гримза!“ Пустышка Федосья Игнатьевна взглянетъ. Грымза! Ну-ка, крикни теперь, ругни-ка!

Териховъ. Ахъ ты, каналья!.. Кавалеръ! (Схватываетъ чубукъ). Барыню учить вздумалъ! Пракалія! (Съ разсвирѣпѣвшимъ лицомъ замахивается на Архипа, который подъ громомъ и внезапною нападенія растерялся и почти присѣлъ на полъ у двери. Въ этотъ моментъ дверь распахивается и появляется Волжинъ, въ дорожномъ платьѣ. Маіоръ роняетъ чубукъ, на мгновеніе стоитъ пораженный, потомъ съ раскрытыми объятіями бросается къ Волжину). Батюшки! Гриша!

Волжинъ. Извините, дядя, я, кажется, помѣшалъ.

Архипъ (приглаживая волосы). Покорно благодарю, Григорій Петровичъ! (Кланяется). Какъ разъ на безобразіе наше Господь васъ принесъ.

Териховъ (отталкиваетъ Архипа). Убирайся ты! (Архипъ съ внушительнымъ видомъ поднимаетъ чубукъ). Ахъ, Гриша! вотъ не ожидалъ! Откуда?

Волжинъ. Прямо изъ Итали, дядя.

Териховъ. Слышалъ, слышалъ! Въ газетахъ про картину твою читалъ. Батюшки, какъ хвалили! Талантъ... золотыя медали, чего-чего!.. Архипъ, скажи-поди Федосьѣ Игнатьевнѣ, кого намъ Богъ послалъ.

Архипъ. Скажу-съ! (Поставивъ чубукъ въ уголъ, уходитъ въ левую дверь).

Териховъ (усаживаетъ Волжина и еще обнимаетъ его). Ну, утѣшилъ!.. А мать-то твою Господь взялъ, да!.. Что дѣлать, всѣ подь Богомъ... Праху поклонись... Спасибо, что вспомнилъ, спасибо. Чай, куда-то тянуло?

Волжинъ. Да. Хотѣлось на родныя мѣста взглянуть.

Териховъ. Какъ-же, какъ-же! Помню, какъ ты такимъ еще карапузикомъ бѣгалъ здѣсь. Ахъ ты, молодецъ! (Архипу, который входитъ съ врачнымъ видомъ). Ну что?

Архипъ. Да ничего-съ.

Териховъ. Какъ ничего?! Вотъ бѣситъ меня сегодня!

Архипъ. Точно. Тьфу!

Териховъ. Что сказала-то, говори ты! (Архипъ плутовски почесываетъ за ухомъ и молча смотритъ на маюра).

Волжинъ. Да это, дядя, кто?

Архипъ (наклоняется къ Волжину и подмигиваетъ на маюра). Вы, сударь, проказъ-то нашихъ не знаете. Кххмъ! мы вѣдь жеманты!

З а н а в ѣ с ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена: въ глубинѣ часть пруда, съ берегомъ, поросшимъ камышемъ. Слева фасадъ дома Карягина, съ крылечкомъ (безъ навѣса). Передъ домомъ садикъ, въ которомъ двѣ-три цвѣточныя клумбочки и нѣсколько небольшихъ плодовыхъ деревьевъ. Садикъ обнесенъ изгородью сади и справа, спереди-же (къ зрителямъ) остается открытымъ. Въ боковой сторонѣ изгороди калитка. Правѣ изгороди лужайка, обрамленная справа деревьями. Подъ однимъ изъ нихъ большой жерновый камень.

ЯВЛЕНІЕ I.

Паша (сидитъ на крылечкѣ) и Провъ Безуглый (чинитъ рыболовную сѣть.)

П а ш а. Все-то ты знаешь, дѣдушка. Люблю я рассказы твои слушать.

Провъ. Много гдѣ бываль, хозяйюшка, много чего видалъ. Отъ Бѣломорья изъ Соловокъ вплоть до Афонской горы край-отъ прошелъ. Изъ моря въ море уперся. Былъ ходокъ; а теперь видишь, каковъ сталъ! Согнуло, да скрючило... Только и мочи, что на ребятъ ворчать, помоль-бы не воровали у Андрея Филатыча, да отъ дѣла-бъ не бѣгали.

Паша (разсѣянно слушая его). Вотъ что, дѣдушка Провъ. Знаешь-ли ты, что горемъ-тоской называется?

Провъ (усмѣхаясь). Во-на, какъ этого не знать!

Паша (воодушевляясь, съ горечью). Знаешь-ли, какъ по ночамъ оно глазъ не смыкаетъ; какъ къ утру, забудешься если, разбудить, да въ сердце ударить тебя? Голову-то, что свинцемъ нальеть... свѣту не радъ!.. (Закрываетъ лицо руками).

Провъ. Эхъ, матушка, гдѣ его, этого горя, нѣту? И есть, и было оно. Приникни-ка ты къ сырой землѣ, поспрошай, да послушай, что станеть она тебѣ, многотерпная, только рассказывать. Терпитъ она все, все въ себя принимаетъ. Что могилъ на ней понакопано, что гробовъ! Въ ней и счастію, и несчастію вдосталь мѣста есть; и враждѣ и злодѣйству въ ней сприта добрая. О-охъ-охъ, добрая сприта! Горемъ она, матушка, полнымъ полна, кровью вездѣ улита, а слезами ужъ такъ-то смочена!.. Вотъ что, хозяйюшка! А ты не грусти. Я те на другой ладъ расскажу про ту-же самую землю. Не все въ ней горе, а много у ней добра всякаго, и злата, и серебра, и камней дорогихъ, на Божіи храмъ, на вѣнцы царей и людямъ на украшеніе. Тѣ, матушка, что какъ жаръ горятъ — слезки-то людей праведныхъ; тѣ, что краснѣются — изъ крови честной, мукой пролитой, въ тѣхъ, что синѣются — синева небесь, въ золотѣ—солнышко, въ серебрѣ—мѣсяцъ ясный во сырой землѣ свѣтять спрятавшись. (Встаетъ, собирая сѣтъ.) А вотъ и сѣти мои готовы.

Паша. Стой-ка. Про горе ты сказывалъ. А ну, дѣдушка Провъ, скажи, какъ сдѣлать надобно, чтобъ легче стало?

Провъ. Сердца своего слушай! Какъ тебѣ Господь на душу положить, такую и будь.

Паша. А мать вотъ не такъ учила. Разумомъ, говорить, больше живи.

Провъ. Знаю, про что ты, хозяйюшка, молвишь, про горе какое и все... И вотъ тебѣ сказъ мой, болѣзная, коли слушать меня, старика, въ такихъ дѣлахъ вздумала. Хитрымъ разумомъ въ иномъ дѣлѣ только напортишь, воль дѣло-то не разумомъ однимъ, а вмѣстѣ и душою живеть. Правда всегда перетянетъ, матушка; а если иной разъ желаннаго и не дасть, все-же худа не сдѣлаеть никакого. Правда—человѣку береженъе. Отъ горя ни она и нието,

кромя Господа, не оборонить; но не то горе, что отъ людей, а то, что отъ себя, матушка. Сама ты права—совѣсть покойна, ничто тебя не сосеть и не точить. А это первѣе всего. Такъ-то-съ. Ну, я пойду теперь. (Уходитъ съ сѣтями черезъ калитку вправо.)

П а ш а. По-моему дѣдушка разсудилъ. (Задумывается.)

ЯВЛЕНИЕ II.

Паша и Андрей (выходить изъ дома.)

А н д р е й (добродушно). Что нось повѣсила?

П а ш а. Ахъ ты? (встаетъ.) Задумалась... такъ про себя...

А н д р е й. Не веселая какая, а? (Садится на скамью подъ деревомъ и указываетъ ей сѣсть рядомъ.)

П а ш а. Нѣтъ, я ничего, Андрей Филатычъ... О чемъ мнѣ? (Садится.) Все слава Богу.

А н д р е й. Эхъ, Паша!.. Лучше ругай ты меня. Легче! Не вижу, думаешь, какъ ты слезы хоронишь? Не гляжу я—горюешь. глянулъ — веселю окажешься. Легко развѣ тебѣ радость-то эту являть, когда на сердцѣ... Ну-ка, Люба, скажи? (Обнимаетъ ее за плечи.)

П а ш а (низко опускаетъ голову). Право-же, Андрей Филатычъ...

А н д р е й. Нѣтъ, ты скажи!.. Эхъ, Паша, жаль мнѣ тебя!

П а ш а. Вотъ... и спасибо.

А н д р е й. Есть за что!.. Сердце болить, какъ посравнишь, поразмыслишь, да... замолчить въ тебѣ камень этотъ. И люба ты мнѣ станешь и жалка! (кладетъ ее голову себѣ на плечо и ласкаетъ).

П а ш а. Развѣ не спасибо за это, Андриюша? (Обнимаетъ и вѣжно цѣлуетъ его.) Милый ты мой!

А н д р е й. А увидишь ту, Феню... (Паша осторожно отстраняется и потупляется опять.) Взглянетъ она этакъ искоса, усмѣхнется, ну и подымется въ тебѣ, забурлитъ, и самъ ужъ не знаешь: ненавистна-ль она, или мила, такъ мила, что все за нее, и душу отдать готовъ. (Пауза. Энергично проведъ по лицу рукой.) Инымъ чело-вѣкомъ станешь... смѣется, да дразнить, какъ слышишь... Эхъ, отлечи меня. Паша, отворижи! Забери ты меня всего, какъ есть, съ себя забери, чтобъ только и думы, что ты, тебя-бы миловать, да въ твою только-бъ душу глядѣть мнѣ хорошую!

П а ш а. Рада-бы... да видно... (Плачетъ.)

А н д р е й. Что, голубушка, ну?

П а ш а (рыдаетъ). Силь... моихъ... мало... (Обрываетъ рыданія и быстро отираетъ глаза.) Да обо мнѣ ты не думай, Андриюша (встаетъ), не думай, хорошій мой! Одно только, ради Господа: милый,

береги ты себя! Тебѣ-то горьше, чѣмъ мнѣ; твою-то душу на ключья рветъ, мутить въ ней, мутить... чернѣе омота въ иной часъ она; и на себя ты тогда не похожь, и ужь вотъ тогда-то мнѣ тяжело, Андрюша, охъ, какъ тяжело!.. (Обвиваетъ его склоненную голову. Тихо, таинственно.) А ты молись, милый. У Него всего много. И силъ, и спокойствія дать, только молись. (Нѣжно цѣлуетъ его въ голову.)

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Паша въ началѣ, Андрей, Феня (подошедшая сзади къ забору при послѣднихъ словахъ Паши) и Любавинъ.

Феня. То-ли дѣло, какъ мужъ-то съ женою да ладно жить! (Андрей встаетъ. Паша торопливо идетъ къ дому.) Паша, здравствуй!

Паша (обертывается въ дверяхъ). Здравствуй, Феня! (Уходитъ.)

Феня. Было въ гости къ вамъ шла... (Входящему Любавину.)

Ну, птенчикъ, Григорія Петровича видѣли?

Любавинъ. Нѣтъ-съ,

Андрей (стоя у забора). Милости просимъ, Федосья Игнатьевна, коли вспомнили насъ. (Отворяетъ ей калитку.)

Феня. Успѣется. (Отходитъ. Андрей захлопываетъ калитку и уходитъ въ домъ.) Ну, птенчикъ, нынче совсѣмъ вы кислятина. (Садится на жерновъ.)

Любавинъ. Маменька...

Феня. То-то „маменька“! Намедни маменька ваша того наболтала у насъ, что будь она чуточку поумнѣй—досталось-бы ей отъ меня на память добрую. Все за васъ, птенчикъ вы неразумный. А я чѣмъ виновата, что неразумный-то вы?

Любавинъ. Я... я несчастный, Федосья Игнатьевна, ужь такой-то несчастный, что другаго, какъ я, и на свѣтъ нѣтъ. Базначей, Иванъ Павлычъ, вчера-съ призвалъ, пудрилъ-пудрилъ!.. Тутъ маменька... настоящій она коршунъ, такъ вотъ и вьется вокругъ, съ глазъ тебя не спускаетъ... Архипъ вашъ, и тотъ... Пошелъ было я къ вамъ... Прямо-то не смѣлъ, въ садъ черезъ заборъ лѣзу, думаю — гуляете вы, такъ хоть-бы глазкомъ... Только перелѣзъ, а Архипъ, какъ изъ земли выросъ. „Ты зачѣмъ? кричить. — Отъ матери твоей знаешь, какой приказъ? Какъ явился, сейчасъ-те за шиворотъ, да крапивою“... Что-жъ это, Господи! Да все-бы еще ничего. А то хуже. Когда-бишь?.. Ну да, въ среду... повезли меня, Федосья Игнатьевна, въ городъ, къ отцу-протопопу Анципетрову.

Феня. Что за бѣда?

Лю б а в и н ъ. Ахъ! у него дочь...

Ф е н я. Хорошенькая?

Лю б а в и н ъ. Хмъ... хорошенькая только одна-съ... только вы-съ...

Ф е н я. А поповна?

Лю б а в и н ъ. Полнолуніе въ календаряхъ изображается какъ, знаете? Ну такъ вотъ-съ. И все-то она ѣсть, только и дѣла, что ѣсть. Посадили насъ рядомъ, разговаривать оставили вдвоемъ... Она мнѣ стручья гороховые вывалила изъ кармана—ѣшьте, говорить; а сама-то хряпъ-хряпъ! „Вѣдь вы, говорить, мой женихъ“ и придвигается. Палить отъ нея, точно отъ печки. Я—дралки. Только въ дверь, а маменька: „ку-да!“ Повернула, да назадъ (дополняетъ жестомъ). А тетеха Андипетрова (жеманно): „какой вы, говорить, конфузливый!“ и придвигается. Боже мой! Озлился я тутъ. Увезли. Дорогою маменька и объявляетъ, что черезъ недѣлю наша свадьба... Такъ вотъ-съ... (Становится возлѣ на колѣни и плачетъ.) Прощайте, Федосья Игнатьевна, прощайте!..

А д р е й (выходитъ изъ дома и останавливается у крыльца, про себя Комедія!

Ф е н я. У, срамъ какой! (Кладетъ голову плачущаго къ себѣ на колѣни и гладитъ, какъ ребенка.) Перестаньте, полно-же, полно!..

Лю б а в и н ъ (съ рыданіемъ). Да вѣдь я... не дамся... Они—какъ хотятъ, а я... Прощайте! (Цѣлуетъ ей руки, захлебываясь отъ слезъ.)

А н д р е й (выходитъ изъ калитки). Тихонъ Степанычъ, васъ маменька ищетъ.

Лю б а в и н ъ (вскакивая въ испугъ). Мам... Гдѣ? гдѣ она? (Вѣ-жить вправо.) Скажите—не видѣли, не былъ я здѣсь, никто меня не видалъ! (Убѣгаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Феня, Андрей (въ началѣ) и потомъ Волиминъ.

А н д р е й. Ну, зачѣмъ мучаешь малаго, вѣдь не любишь!

Ф е н я. А если люблю?

А н д р е й. Ты-то? Никого ты не любишь, не таковская; а играешь ты, Федосья Игнатьевна, тѣшишься. Любо тебѣ людей мутить, да дураковъ строить.

Ф е н я. Любо.

А н д р е й. То-то. Да не ожгись, смотри!

Ф е н я. Не отъ тебя-ль? ха-ха-ха!

А н д р е й. Ладно! Мы тоже зрячіе. (Мрачно взглянулъ на Феню и уходитъ вправо.)

Ф е н я. Чтожъ это, ни матери, ни Паши... (Встаетъ.) Попрыгались!

(Идетъ къ калиткѣ. Слѣва входитъ Волжинъ съ папкою въ рукѣ.) Григорій Петровичъ, гдѣ были?

Волжинъ. На томъ берегу, возлѣ кургана.

Феня. Рисовали?

Волжинъ. Набросалъ кое-что. Оттуда видъ не дуренъ.

Феня. Покажите-ка! (Сама беретъ у него папку, раскрываетъ и смотритъ рисунокъ.) Ахъ, мельница наша! Какъ хорошо!.. Вотъ Андрея Филатича домъ, кузница... Похоже. (Бойко и кокетливо.) Нарисуйте меня, Григорій Петровичъ, такъ, чтобы я, какъ живая, глядѣла. Хотите? (Отдаетъ папку.)

Волжинъ. Я портретовъ не пишу.

Феня. А какъ-же я у васъ видѣла разныя лица нарисованы, мужчины и женщины?

Волжинъ. Ахъ, это этюды!

Феня. Ну, вотъ такъ и нарисуйте.

Волжинъ. Вы не подходите. Для этюда художникъ беретъ такія лица, въ которыхъ есть что-нибудь особенно привлекательное, или вѣриѣ, характеристичное.

Феня. Кому что нравится, конечно! Да и зрячими еще не всѣ бываютъ, ха-ха-ха!.. Ну, мельничиху нашу нарисуйте. Красавица!

Волжинъ. Не красавица, но въ ея лицѣ много тепла и свѣта. Цвѣта тоже хороши. Линіи рта даже изящны.

Феня. У меня хуже.

Волжинъ. Не вглядѣлся. Вообще, мельничиха довольно типична и особенно, когда грустна. Брови тогда у нея очень выразительны и складочка на лбу ложится—прелесть! Такія отмигтинки владеть скорбь только хорошей души.

Феня. А когда она нюни распустишь, не видали? Вотъ полюбуйтеся. Тогда ужъ прямо ее на картину.

Волжинъ. А вы никогда не плачете?

Феня. Конечно, никогда.

Волжинъ. То-то у васъ такой сухой блескъ въ глазахъ.

Феня. Не хорошо?

Волжинъ (съ улыбкой). „Кому что нравится“. (Идетъ вправо.)

Феня. Куда-же вы?

Волжинъ. А видите—Провъ съ бреднемъ меня дожидается. Хотѣлъ рыбу ловить. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Феня и Паша.

Феня. Злитъ! И на него, и на себя досадно.

„Дѣло“, № 3, 1879 г.

П а ш а (выходя из калитки.) А я думала — къ намъ зайдешъ, Феня. И мать дожидаетъ.

Ф е н я. Ужь не рады-ль мнѣ будете? Такъ-ли-сякъ, шла было, да Григорій Петровичъ заговорилъ. (Оглядывается на прудъ вправо.) Вовъ они, рыболовы!

П а ш а. Хорошій какой этотъ Григорій Петровичъ!

Ф е н я (береть ее подъ руку). Чудной онъ, Паша. Заглядится на прудъ, на деревья, на то, какъ тростникъ вѣтеръ качаетъ, гуси плывутъ какъ, и лицо станеть у него доброе, взглядъ ласковый, улыбается, словно близкаго человѣка завидѣлъ.

П а ш а. Да, онъ добрый.

Ф е н я (досадливо). Только ни до кого ему дѣла нѣтъ. На тебя смотреть, съ тобой говорить, а замѣтно что дума совсѣмъ о другомъ, да и видить-то онъ тебя будто не видить.

П а ш а. Что мудренаго! Не такихъ, какъ мы, видываль. Въ насъ, поди, и замѣтнаго для него нѣтъ ничего.

Ф е н я. Ой-ли! Мельничиха, говорилъ, такая-то у васъ раскрасавица, хотъ сейчасъ пиши!

П а ш а. Ну-у... для себя хороши, а тамъ смѣйся-не-смѣйся—какое дѣло!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Феня (вначалѣ), Паша и Андрей (незамѣтно входитъ справа и слушаетъ).

Ф е н я (вспыльчиво). Э, съ тобой говорить—все равно, что талки мотать. Смиренища! Я вотъ такъ не могу. Иное слово въ ухо влетить — всю тебя взбаломутить, кровь въ лицо бросится; на языкъ отвѣтъ просится, такой отвѣтъ, чтобъ ожгло имъ, даромъ, что виды видываль, да не такихъ, какъ мы — деревенщины, въ памяти держать... Ну, я къ матери пойду. (Быстро уходитъ въ домъ.)

А н д р е й. Чего она? Иль поссорилась?

П а ш а. Нѣтъ. Такъ вспыхнула, досадуетъ.

А н д р е й. На кого?

П а ш а. Да на Волжина, Григорія Петровича.

А н д р е й. Ну?

П а ш а (съ улыбкою). Не дивимъ мы его. Сказала ей: ему, молъ, въ насъ и примѣтить нечего—вспыхнула.

А н д р е й (значительно сдвинувъ брови.) Отъ того. Такъ.

П а ш а (робко). Да вѣдь къ слову пришлось про Волжина-то, Андрей Филатичъ. Она и прежде была неспокойна.

А н д р е й. Будеть!

П а ш а. На нее какъ найдеть, самъ знаешь... (Застѣнчиво.) Опять-же, насъ вмѣстѣ видѣла... приласкалъ ты...

А н д р е й (съ горечью). Нужны мы ей, какъ-же! (Паша испуганно смотреть на мужа.) Нѣтъ, Прасковья, у меня пелена-то съ глазъ спадать стала. Видѣлъ я вчера-съ, какъ Федосья Игнатьевна господина Волжина въ лодкѣ по пруду катала, сама гребла. Взмахнетъ веслами—грудь на выкатѣ, сама извивается, брызгами его обдаеть, да смѣется. Пѣсню потомъ затынула. И пѣла-жь! По водѣ понеслось, въ лѣсу откликалось, въ тростникахъ замирало, заслушаться надо! А выплыла на стремнину, какъ вскочить, да ну лодку качать, ну качать! „Утоплю, кричить. Что, боитесь?! Бойтесь меня, Григорій Петровичъ, бойтесь: я страшная!“—Это что-жь будетъ такое, какъ думаешь, а?.. Нѣтъ, Паша, у меня на эти дѣла глазъ зорокъ. (Отходить и смотреть на прудъ.)

П а ш а (про себя). Господи, опять бѣда!.. Какъ говорилъ-то! (Печальная тихо идетъ къ калиткѣ.)

А н д р е й. Паша!

П а ш а (останавливаясь.) А?

А н д р е й. Волжинъ съ Провомъ сюда гребуть. Чай пить позову. Накрой-ка скорѣе въ саду. Федосья у матери?

П а ш а. Къ ней пошла.

А н д р е й. Ну, такъ живѣе. (Паша уходитъ въ домъ.) Сюда гребите, ко мнѣ! Берегъ крѣпкій, не вязко.

ЯВЛЕНИЕ VII.

А н д р е й, Волжинъ и Провъ (подѣзжаютъ на лодкѣ). Паша и Иванъ Хохуля.

А н д р е й. Накатались? (Киваетъ на бредень въ лодкѣ.) Иль рыбу ловили?

В о л ж и н ъ. Нѣтъ, Прова рассказы слушалъ.

(Андрей помогаетъ Волжину выйти на берегъ. Паша выходитъ изъ дома съ чайнымъ приборомъ на подносѣ и скатертью. За нею Хохуля несетъ самоваръ.)

П а ш а. Пособи-ка, Иванъ. Такъ. Стульевъ изъ горницы вынеси.

(Приготавливаетъ чай. Хохуля уходитъ въ домъ.)

А н д р е й. Старикъ у насъ мастеръ рассказывать. Милости просимъ, Григорій Петровичъ, чайку попить съ нами. А ты, Провъ, пригляди-ка на мельницѣ. Виноградскіе, видѣлъ я, возы сейчасъ подвезли.

П р о в ъ. Пойду, батюшка. (Привязавъ лодку, уходитъ.)

А н д р е й. Мужикъ добрый. Про что-жь онъ вамъ?

В о л ж и н ъ. Все про курганъ.

А н д р е й. Вонъ энтотъ (указываетъ черезъ прудъ влѣво). Кости-

нымъ мы его прозвали. Каждый годъ около него по овражкамъ страсть сколько костей вымываетъ. Просимъ покорно. (Идутъ съ Волжинымъ къ калиткѣ.) Сѣча въ татарщину была тутъ великая. (Пропускаетъ Волжина въ калитку.) Пожалуйте! По веснѣ нынче си-
неиный кувшинчикъ съ монетками вымыло, да копей.

П а ш а (на поклонъ Волжина). Здравствуйте, Григорій Петровичъ!

А н д р е й (Ивану, выносящему стульа). А Федосья Игнатьевна? Проси чай, молъ, кушать. И матушку зови. (Иванъ уходитъ. Подавая Волжину стуль.) Просимъ покорно. (Пашѣ.) Искрестилъ баринъ нашъ прудъ вдоль и поперегъ, всѣ мѣста, чай, спозналъ. Вчера-съ съ маюршею нашей... (Волжину) то, бишь, тетинькой вашей выходить... кататься изволили?

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Андрей, Волжинъ, Паша, Феня и Авдотья Ивановна.

Ф е н я (въ дверяхъ, съ распущенными волосами). Каталась. Глядите, какова. (Встряхиваетъ головой.) Точно русалка.

А в д о т ъ я И в а н о в н а (входитъ). Велѣла мнѣ, старухѣ, волосы себѣ расчесывать, хе-хе! (Волжину.) Здравствуйте, баринъ!—Съ измальства это любила. Нѣтъ-нѣтъ, да скажетъ, бывало: ну-ка, мать, возьми гребень, побалуй. (Обѣ садятся къ столу. Феня рядомъ съ Волжинымъ. Паша проворно наливаетъ и подаетъ чай.)

А н д р е й. Такъ-то пригляднѣе будетъ.

Ф е н я (Волжину). Правда, на русалку похожа?

В о л ж и н ъ (улыбаясь). Не совсѣмъ.

Ф е н я. А какія-же русалки бываютъ?

А в д о т ъ я И в а н о в н а. И, матушка, кто ихъ видалъ!

Ф е н я. Да Григорій Петровичъ первый тебѣ. Говорить, я не похожа, значить, настоящихъ выдывалъ. Григорій Петровичъ чего-чего не видалъ! ты, мать, только его поспроси.

В о л ж и н ъ (разсѣянно слушавшій, вынимаетъ сигару; старухѣ). Курить позволяется?

А в д о т ъ я И в а н о в н а. Кури, батюшка, кури. Мы не старой вѣры. (Волжинъ закуриваетъ.)

А н д р е й. Ха! (Волжину.) Только было Федосья Игнатьевна разошлась, про русалокъ вамъ, пригожа-ль табъ, а вы... ха-ха! о табакѣ!

П а ш а (робко). Между дѣчью-то отчего-жь? (Андрей сурово взглянулъ на жену.)

Ф е н я (Пашѣ). Заступка не къ мѣсту, что въ косу дурманъ.

Авдотья Ивановна (съ ироніей). Да тебѣ, матушка, въ косу-то теперь ничего не воткнешь: расплетеная, хе-хе-хе!

А н д р е й (съ ироніей). Что-жь, и отъ ума, матушка, обмолвка случается. На-ка, Паша, налей. Григорій Петровичъ, сливочекъ не угодно-ли? Федосья Игнатьевна... Просимъ покорно. Въ старину рассказывали, когда русалки эти водились, сидятъ въ тростникахъ онѣ, волосы зеленые чешутъ, на мѣсяцъ глядятъ, пѣсни поютъ заунывныя, да молодца, что пройдетъ иль проѣдетъ, къ себѣ поджидаютъ. А завидѣли—хохотъ, игра пойдетъ у нихъ, плещутся, зовутъ молодца къ себѣ въ рѣку идти. Тѣломъ-то, что молодого бѣлы, изумрудами очи горятъ, красивы на диво. А не стерпитъ молодецъ, кинется,—ко дну, какъ топоръ, пойдетъ. Больше не надобенъ. Вотъ каковы эти русалки, Федосья Игнатьевна, были. Можетъ, и нонѣ между насъ онѣ водятся, не въ водѣ живутъ только. Знали такихъ-то, Григорій Петровичъ? (Выразительно взглянувъ на Феню и пить чай.)

В о л ж и н ъ. Да или нѣтъ — не интересно. А за рассказъ спасибо. Хорошъ.

Ф е н я (смотреть передъ собою, облокотившись на руки). Хорошъ, да неполонъ. Про то, какъ цѣлуютъ, да милуютъ русалки молодца умолчалъ Андрей Филатычъ. А затѣмъ онъ имъ, молодецъ этотъ, и надобенъ.

А н д р е й (вспыхнулъ, но сдержался и глухо). Такъ и знать будемъ.

Авдотья Ивановна (значительно). Отъ лишняго знанья разумомъ будешь богаче, Андрей Филатычъ.

П а ш а (съ мольбой и укоромъ). Маменька!

В о л ж и н ъ (съ недоумѣніемъ). Странно, господа, почему этотъ разговоръ о русалкахъ повліялъ на васъ какъ-то... особенно?

А н д р е й (злобно взглянувъ на Феню). И вамъ, Григорій Петровичъ, слово въ немъ выпало хорошее, да вы не примѣтили, иль примѣтить не захотѣли. А вѣдь это обида.

В о л ж и н ъ. Кому? Что вы! Вотъ ужъ далекъ отъ всякой обиды!

П а ш а (подавая ему чай, ласково). И, полноте, шутки все. Шутить Андрей Филатычъ.

А н д р е й. Шучу я, Федосья Игнатьевна?

Ф е н я (кусая губы, гнѣвно). Вздоръ мелешь! (Сильнымъ движеніемъ руки отбрасываетъ волосы назадъ, проворно собираетъ ихъ и закалываетъ въ косу.)

А н д р е й. Ха-ха! и русалкой вамъ быть не охота больше!

П а ш а (въ смущеніи наклоняется къ мужу). Перестань, Андрюша.

А н д р е й (досадливо). Постой! (Фенѣ.) Волосы-то скрутили. И зачѣмъ, если не требуется, хе-хе! Не къ мѣсту если!

Ф е н я (поблѣднѣла, вскочила и стала въ грозную позу). Андрей! Волжинъ (вставая, Фенѣ). Что съ вами?

Ф е н я. Оставьте. (Отходить. Андрею.) Къ мѣсту или не къ мѣ-сту—не твоего ума дѣло.

А н д р е й. Моего вышло, коль вашу честь съ мѣста под-няло.

Ф е н я. Каковъ-бы онъ ни былъ тамъ, умъ-то твой, все-же выше головы своей ты не прыгнешь, дальше круга своего не за-ѣдешь. Твое—все тутъ! (Киваетъ на Пашу, робко опустившую голову.) И больше тебѣ взять нечего. Вотъ какъ: еслибъ въ тебѣ демонъ сидѣлъ, такъ и тотъ объ меня рога обломаетъ.

А н д р е й. Та-акъ-съ! (Порывисто всталъ и шагнулъ къ Фенѣ. Паша въ испугѣ схватываетъ его за руку. Онъ такъ трахнулъ ею, что Паша падаетъ.)

П а ш а. Ой!

Волжинъ (бросается къ ней и заботливо помогаетъ ей встать) Ушиблись?.. Больно?..

П а ш а (оправляется и отрицательно качаетъ головой). Нѣтъ... Я сама... оступилась... Ничего.

А в д о т ѣ я И в а н о в н а (подходя къ Пашѣ, Андрею). Звѣрь!

Ф е н я. Ха-ха-ха! Поди, вонъ жерновъ подъ дубомъ лежитъ, поди, Андрей Филатычъ, свороти его хорошенько; а жена вѣдь хрупка. Ха-ха-ха! Григорій Петровичъ, пойдемъ-ка домой по добру, по здорову, а то здѣсь колья изъ забора повывлетать, стекла зазвенять, черепки полетать, кости трещать начнутъ. Пойдемте, Какъ расходится Андрей Филатычъ-Бова, всѣ лягушки въ болотѣ со страху попрячутся. Ха-ха-ха! (Уходитъ черезъ калитку. За нею! пожавъ плечами, слѣдуетъ Волжинъ. Андрей, сжавъ кулаки и стиснувъ зубы, смотреть на уходящихъ. Авдотья Пвановна около Паши, которая горько плачетъ.)

З а н а в ѣ с ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена: комната второго акта, но приспособленная къ помѣщенію Волжина. Теперь въ ней спальный диванъ, ломберный столъ, замѣняющій туалетный и письменный. Волкъ, на стулѣ, закрытая полотномъ картина. По положенію вещей Волжина видно, что онъ собирается въ дорогу.

ЯВЛЕНІЕ I.

Волжинъ (затягиваетъ ремни сакъ-вояжа) и Архипъ.

Архипъ. Дайте, сударь, я помогу-сь. Сами безпокоиться изволите.

Волжинъ. Спасибо. Я всегда самъ.

Архипъ. А то позвольте. Ужь если „маіоршѣ“ служимъ, такъ вамъ, барину природному, и Богъ велѣлъ. (Молчаніе.) Григорій Петровичъ!

Волжинъ. Что, милый?

Архипъ. Какъ полагаете, кто такая наша „маіорша“ будетъ?

Волжинъ. Какъ „кто!“ Дядина жена, конечно.

Архипъ. Жена!.. Жена-то она жена, да что она за птица-сь?

Волжинъ (затянулъ сакъ и отодвигаетъ его къ сторонѣ). Это меня не касается и ты отлично сдѣлаешь, братецъ, если птицъ оставишь въ покоѣ.

Архипъ (ворчливо, про себя). Ни пава она, ни ворона. (Молчаніе. Волжинъ кое-что перебираетъ на столѣ.) Григорій Петровичъ!

Волжинъ. Что?

Архипъ. Вы дяденьку своего любите?

Волжинъ. Люблю.

Архипъ. И жалѣете?

Волжинъ. Положимъ. Что-же дальше?

Архипъ. Какъ по вашему — на человѣка онъ тепереча походить, какъ быть должно?

Волжинъ (съ усмѣшкою). На кого-же по твоему?

Архипъ. Да на ту, вотъ, самую „гримзу“, н-да! И всему этому „маіорша“ причиной.

Волжинъ. Ха-ха-ха! Ты, Архипъ, врешь жестоко. Нехорошо, любезный.

Архипъ. Да ужь вѣрно-сь. Спервоначала онъ все еще индюкомъ оволо нея обхаживаль,—нѣтъ, нѣтъ, да крылья-то распустить... (подражаетъ индюку, когда тотъ шуршитъ распущенными до

земли крыльями) чужь! фрррр!.. Ну, и расхорохорится, случалось. А теперь—ни гу-гу! Хвостикшка поджалъ, какъ собаченка — знаете? Тьфу! А на меня рычить, злющій такой сталъ, у-у-у! (Молчаніе.) Григорій Петровичъ, ноньче вы отъ насъ ѣдете. Увезите насъ съ собою-съ.

Волжинъ. Васъ? ха-ха-ха! Что ты, Архипъ!

Архипъ. Сказано: „бѣгай злаго“. А „маюрша“ пусть себѣ здѣсь въ одиночку куражится...

Феня (за сценой). Архипъ!

Архипъ (съежился). Эхъ! (Проворно приглаживаетъ волосы и оправляется.) Иду-съ! (Убѣгаетъ въ правую дверь.)

Волжинъ. Хмъ, оба вы съ дядюшкой хороши. Да, „маюрша“ ой-ой! Карягинъ не вамъ чета, друзья мои, а какъ она съ нимъ!.. (Подумавъ.) Но во всемъ этомъ будто драма какая-то кроется. Что-то есть въ воздухѣ, будто передъ грозою... (Вдохновенно.) Тишина, душно, все замерло. Вдругъ рванула буря, взвились тучи пыли, бушуетъ и крутитъ въ деревьяхъ, такъ-что съ трескомъ вѣтви летятъ; вода почернѣла, всплывала волнами...

ЯВЛЕНИЕ II.

Волжинъ и Анна Захаровна.

Анна Захаровна. Здравствуйте-съ!

Волжинъ (удивленно). Здравствуйте...

Анна Захаровна. Тиши моего здѣсь нѣту?

Волжинъ. Какого Тиши?!

Анна Захаровна. Сына моего-съ. Я Тишина мать.

Волжинъ. Извините, я никакого Тиши не знаю... и здѣсь никого посторонняго нѣтъ.

Анна Захаровна (съ плачемъ). Да гдѣ-же онъ, батюшка, гдѣ? Я, Григорій Петровичъ, вашу маменьку знала и васъ самихъ маленькихъ помню... Куда-же мой Тиша дѣвался? Прямехонько изъ города я. Привезли ихъ было вѣнчать: Тишу и Андипетрова, отца протопопа, дочь... Народу полна церковь. Только къ аналою-то ихъ подвели, а онъ, Тиша мой, шаферу своему... ихній-же, казначейскій: „голубчикъ, говоритъ, ради Христа, стань ты вмѣсто меня“... Господи! Становиха Перевертайлова все мнѣ это рассказывали. „Вертится, говоритъ, мечется—срамъ глядѣть“. Казначей Иванъ Павличъ, дай ему Богъ царствіе небес... тьфу! то-бить доброе здравіе... ужъ пригрозилъ. Начали вѣнчать. Только начали, а онъ, сударь мой, какъ ахнетъ изъ церкви-то, какъ дастъ стрелкача!.. „Держи! держи!“ Куда-те,—и слѣдъ простыл!.. Осрамилъ онъ меня, въ конецъ осрамилъ... (Плачетъ, закрывъ глаза платкомъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Волжинъ. Анна Захаровна и Териховъ.

Териховъ (входя). Вы зачѣмъ-съ?

Анна Захаровна. Батюшка, Максимъ Гаврилычъ, Тиша-то мой изъ-подъ вѣнца сбѣжалъ...

Териховъ. Ни до васъ, ни до Тиши никакого мнѣ дѣла нѣтъ-съ. Какъ вы осмѣлились!..

Анна Захаровна. Я мать! Пропалъ вѣдь онъ, батюшка, искали, искали...

Териховъ. Опять свое! (Наступаетъ.) Да какъ вы смѣли носъ сюда показать!..

Волжинъ (удерживая его). Дядя, дядя, что вы!

Териховъ. Да знаешь ты, кто она, эта женщина, знаешь?

Волжинъ. Не знаю. Но какъ-же можно...

Териховъ. Нѣтъ, позволъ. Она сплетница, каверзница, колотырка! У нея на языкѣ шило наточишь!

Анна Захаровна (грубо). Что-жь языкъ-то мой — брусокъ, что-ли, по вашему?

Териховъ. Вонъ! сейчасъ... или я... (Наступаетъ.)

Волжинъ (опять удерживаетъ). Дядя, да полно-же вамъ!

Анна Захаровна. Хорошо, когда такъ! Только-бъ мнѣ Тишу найти... Уже будутъ у тебя дегтемъ ворота вымазаны!

Териховъ (рванулся). Ахъ ты!..

Анна Захаровна (вылетая въ заднюю дверь). Будутъ, будутъ! Провалиться, если не вымажу!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Волжинъ и Териховъ.

Териховъ (въ изнеможеніи опускается на диванъ). Охъ, проклятая!

Волжинъ. Какъ можно такъ выходить изъ себя! Успокойтесь, пожалуйста. Не дать-ли вамъ чегонибудь... хоть воды съ сахаромъ?..

Териховъ. Воды съ сахаромъ! Какая тутъ, другъ мой, вода съ сахаромъ... эхъ!.. „Дуракъ ты, дядя, — думаешь — дуракъ!“ Правда, Гриша?

Волжинъ. Вздоръ какой!

Териховъ. Нѣтъ, вѣрно. Я самъ себѣ опостылѣлъ. Ты Архипа спроси... (Волжинъ отвергивается, чтобы скрыть улыбку.) Эта бестія въ глаза мнѣ такіа истины высказываетъ... Да я самъ, самъ чувствую... А ты, мой милый, рѣшительно ѣдешь сегодня?

Волжинъ. Да, дядя.

Териховъ. Экій ты, чтобы еще погостить!.. Да нѣтъ, я знаю—тебѣ не нравится... тебѣ все здѣсь не нравится.

Волжинъ. Что скажете! Вотъ это ужь совсѣмъ нехорошо, дядя.

Териховъ. Послушай, а... а Феня?

Волжинъ. Что-же?

Териховъ. Ну, какъ... какъ она... какова?.. и... и... словомъ, что ты про нее скажешь?

Волжинъ. Кромѣ хорошаго ничего.

Териховъ (тяжело вздохнулъ). Эхъ, Гришуха!.. (Встаеъ, обнявъ Волжина одною рукою, хотѣлъ что-то сказать, но хлипнулъ и поспѣшно утеръ рукавомъ слезу.) Пойдемъ. Отъ матери твоей кой-какія бумаги остались. Возьми. Волосики твои берегла покойница, какъ лень бѣленькіе, каракульки твои—все цѣло. Пойдемъ. (Обнявшись, идетъ съ нимъ къ лѣвой двери, но задерживается.) Гриша! когда умирать стану, позову тебя, не откажи...

Волжинъ. Ахъ, дядя, что вы только говорите сегодня!

Териховъ. Не за горами, другъ,—близко! (Уходить.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Феня и Сладневъ.

Феня (тихо входитъ справа и озирается). Собрался. (Подходить къ картинѣ, задумчиво откинула полотно, взглянула; опустивъ полотно, отходитъ.) Уѣзжай, уѣзжай... (Садится и задумывается.)

Сладневъ (выходитъ изъ задней двери). Ma belle! (Цѣлуетъ ея ручки.) Что можетъ быть пріятнѣе, если сразу найдешь, кого ищешь! Ёду сюда—думаю о васъ. Вхожу—вы первая...

Феня. (прерываетъ). А что, если намъ взять, да въ Москву прокатиться, Сергѣй Дмитричъ?

Сладневъ (озадаченъ). Въ Москву!.. А что-бы вы думали, вотъ мысль! (прищелкнувъ пальцами) вотъ блестящая мысль! Знаете-ли, я просто въ восторгѣ.

Феня. Очень рада.

Сладневъ. Да, да!..

„Москва! Какъ много въ этомъ звукѣ

„Для сердца русскаго слилось!“

Возьмите—эта, эта маститая старина соборовъ. Какія воспомина-нія! Тутъ Василій Блаженный. Что за главы, что за поразитель-ныя главы! Спасскія ворота, въ которыя нѣкогда вѣзжалъ Пожар-скій и на которыхъ премило играютъ куранты. И какъ разъ—лобное мѣсто, гдѣ рубили, рубили и рубили! Тамъ сундучный рядъ,

пирожки—объединение, и что за квасъ!.. Блескъ и великолѣпные дворцовы. Малахитъ, бронзы, мраморы, и вездѣ орлы, на рѣшеткахъ, на башняхъ орлы!.. Видъ на Замоскворѣчье приводитъ въ восторгъ... Тамъ пыhtятъ фабрики, здѣсь свистятъ и снуютъ пароходы. Впрочемъ, это по Невѣ, хе-хе! Но и въ Москвѣ—что ни шагъ, то чудо. Прелесть, прелесть! Я вамъ все покажу, все. Передъ вами упадетъ та занавѣса, за которую скрываются тайны природы и искусства. Театры, музеи, галереи—все, все! Я буду вдыхать въ себя ароматъ вашихъ впечатлѣній, буду наблюдать, какъ душа ваша раскроетъ объятія новому міру и... и буду блаженствовать.

Феня. Будемъ блаженствовать. Но Максимъ Гаврилычъ надеется.

Сладневъ. Онъ? Пустяки! Ужъ это было-бы такъ глупо, такъ глупо!.. Конечно, онъ не понимаетъ. Между нами, онъ-таки порядочный пентюхъ.

Феня. Вотъ какъ. А еще другомъ его называетесь.

Сладневъ. Ну да, я другъ, конечно, но что онъ не умѣетъ цѣнить, не можетъ возвыситься до... до того отношенія къ обожаемому существу, какъ *vous autres*, которые *умѣли* служить, такъ это я въ глаза ему говорю. О, мы... мы умѣли! Чары прекрасной вдохновляли насъ героизмомъ. Мы росли и выростали... да, выростали въ богатырей, въ гигантовъ... А для чего? Чтобы заслужить тотъ райскій цвѣтокъ жизни, который называется любовью и сорвать, достойно сорвать его. Однако, мнѣ пора. Я Максиму Гаврилычу скажу, и все будетъ устроено. Будьте покойны. *Je s'ennuie le mot* (цѣлуетъ ея руку), и все, все устроится, какъ нельзя лучше.

Феня. Куда-же торопитесь-то?

Сладневъ. А-а... знаете-ли, хлопоты по части финансовъ, сборы и все... Съ женщинами объ этомъ не говорятъ, нѣтъ, нѣтъ! И если женщины стали теперь такъ матеріальны, что даже самому Купидону вручили счета, и записную книжку... бѣдный божокъ!.. то въ этомъ виноваты мы сами и вѣкъ, нашъ грубый, отвратительный вѣкъ желѣза, крови и денегъ. Но я уйду. (Въ сторону.) Махну къ Карягину.

Феня. Пойдите. Я, можетъ, еще не поѣду.

Сладневъ. Какъ такъ?

Феня. Да право. Капризна я стала, какъ ребенокъ больной.

Сладневъ. О-о, прелестная моя! Какъ это дивно идетъ къ женщинѣ! (Цѣлуетъ ея ручки.) Очаровательно!.. Въ такомъ случаѣ, поѣдемъ хоть изъ каприза, но только поѣдемъ. *C'est fini*. (Быстро идетъ къ двери и грузно наталкивается на входящаго Волжина.) Ахъ!.. *pardon, cher ami!*.. Какая неловкость, Боже мой! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Феня и Волжинъ.

Феня. Уѣзжаете?

Волжинъ. Да.

Феня. Скучно у насъ?

Волжинъ. Мнѣ нигдѣ не скучно.

Феня. И всегда вы такой... со всѣми?

Волжинъ. Какой?

Феня. Ну вотъ такой... словно одни вы, и нѣтъ около васъ никого.

Волжинъ. А искусство?

Феня. Полотно-то, да краски ваши?

Волжинъ. Не полотно и краски, Федосья Игнатьевна, а это нѣчто такое, передъ чѣмъ ничтожна душа человѣка со всѣми силами и любовью своею. Такъ необъятна передъ художникомъ красота природы и обаятельны ея тайны. Но все-таки онъ живетъ ея жизнью, всѣмъ, что проникаетъ въ душу его и не можетъ предаться одному, женщинѣ, на примѣръ, будь она само совершенство. Каждое новое явленіе занимаетъ художника, но не поглощаетъ ни одно. Поэтому правда, что художникъ одинокъ и что будто „около меня нѣтъ никого“. Такъ и быть должно.

Феня (встряхнувъ головою). Не надо-же! (Рѣзко.) Уѣзжайте, когда такъ. Никто не заплачетъ. Уѣзжайте. (Быстро уходитъ.)

Волжинъ. Смѣшная! Красива у нея эта смѣна выражений: то свѣтъ, то тѣни; то свергнуть глаза, то смѣются и дразнятъ, то разомъ потухнуть, будто вся жизнь въ ней отхлынетъ глубоко, глубоко и тамъ притаится. Для портрета оригиналь самый неудобный. (Взявъ со стула картину и папку съ рисунками, уходитъ въ заднюю дверь.)

Феня (входитъ). Что мнѣ въ немъ? Пусть себѣ ѣдетъ... залетный!.. Какъ онъ сказалъ-то? Увидалъ человѣка—и мимо... На минутку занятень, а тамъ другіе, еще и еще... Точно облако за облакомъ мимо по вѣтру, а онъ будетъ только посматривать, весь въ себѣ, никому ничего, ни для кого ни съ мѣста... Эка цапа, сокровище какое! Злость разбираетъ. Охъ, ужъ и замутила-бы! Вотъ какъ хочется! Такъ-бы замутила, чтобы въ душу-то ему ясную тучу вогнать, чтобы почернѣло въ ней, да молніей по сердцу жгло, жгло!.. Ахъ, тогда носъ-бы повѣсилъ! А повѣсилъ — не нуженъ, самъ мимо иди, а ужъ я буду посматривать.

Волжинъ (входитъ и собираетъ всѣ остальные вещи).

Феня (глухо). Вы въ Москву?

Волжинъ. Да.

Феня. Жить тамъ будете?

Волжинъ. Первое время тамъ.

Феня. Тамъ. А-а... (отвертывается) если я приѣду, рады мнѣ будете? (Молчаніе. Быстро поворачивается къ нему и почти прикрикиваетъ.) Говорите-же: рады или нѣтъ?.. Наказанье!

Волжинъ. Отчего-же... Но зачѣмъ вамъ въ Москву?

Феня. „Отчего-же“, „зачѣмъ“!.. Вотъ что: хорошо, что картину вашу убрали, не то—быть-бы ей въ клочкахъ. (Отходить къ двери).

Волжинъ. Вотъ это прекрасно!

Феня. Глупо... еще-бы! какъ глупо-то! (хотѣла уйти, но задерживается, не оставяя двери.) Такъ я-же приѣду... (громко) Слышите вы?

Волжинъ. Приѣзжайте.

Феня. Хоть для того...

Волжинъ (съ улыбкой). Чтобъ изорвать картину.

Феня. Да перестаньте меня бѣсить!.. Эхъ!.. (безпомощно опускаетъ руки и голову.) Развѣ-жь не видите?.. Подите сюда. (Волжинъ подходитъ.) Глядите мнѣ въ глаза, въ глаза!.. (Беретъ его руку, шепчетъ, закусивъ губы, въ своихъ рукахъ и отбрасываетъ.) Нѣтъ!.. А я все-таки приѣду. (Быстро уходитъ.)

Волжинъ (стоитъ молча подъ глубокимъ впечатлѣніемъ). Нѣтъ, отъ тебя подальше. Опасна!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Волжинъ, Архипъ, Териховъ и Феня.

Архипъ (входитъ). Лошади готовы, сударь.

Волжинъ. Вотъ и отлично. (Надѣваетъ черезъ плечо сумку.) Забери-ка, голубчикъ, вотъ это. (Архипъ, забравъ сакъ и свертокъ въ ремняхъ, уходитъ.) Кажется, все. (Осматривается.)

Териховъ (входитъ изъ лѣвой двери). Совсѣмъ?

Волжинъ. Готовъ, дядя. Прощайте, милый! (Обнимаются.) Желаю вамъ всего, всего хорошаго.

Териховъ. И ты... будь счастливъ, здоровъ... А Феня? Простился? (Зоветь.) Феня!

Феня (входитъ изъ правой двери, спокойная, холодная.) Что?

Териховъ. Уѣзжаетъ нашъ Гриша. Проститесь съ тобою...

Волжинъ (пожимая ея руку). Прощайте, Федосья Игнатьевна.

Феня (холодно). Прощайте.

Т е р и х о в ь. Да развѣ такъ? Родной, вѣдь... Богъ знаетъ, когда увидитесь.

Ф е н я (медленно поворачивая голову къ мужу). Что-же?

Т е р и х о в ь. Гриша, ну!.. (Волжинъ въ замѣшательствѣ.) Ахъ, какой ты!.. Феня!

Ф е н я (съ усмѣшкой пожимаетъ плечами). Гмъ!

В о л ж и н ь (поспѣшно цѣлуетъ ея руку). Прощайте.

Т е р и х о в ь. Какой ты не смѣлый! Да вы по родственному поцѣлуйтесь-же.

В о л ж и н ь (обнимаетъ маіора). Прощайте, дорогой мой! (Торопливо уходитъ.)

Т е р и х о в ь (Слѣдуя за нимъ). Чудакъ! (Уходитъ.)

Ф е н я. Цѣловаться меня заставляють... съ нимъ-то! ха-ха-ха! (Уходитъ въ правую дверь.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Т е р и х о в ь и С л а д н е в ь (изъ задней двери).

Т е р и х о в ь. Проводилъ, въ Москву проводилъ.

С л а д н е в ь. Ахъ, братецъ, знаешь-ли: мы съ Федосьей Игнатьевной въ Москву ѣдемъ.

Т е р и х о в ь. Вы?!... въ Москву?!. Перекрестись!

С л а д н е в ь. Ну да, да, въ Москву. Что-же въ этомъ удивительнаго? Она хочеть, она давно хотѣла и ты... неужели и ты будешь перечить? Смѣшно, глупо, нелѣпо, преступно даже!

Т е р и х о в ь. Ахъ, да постой! Трещетка. Откуда ты взялъ Москву, когда я слова отъ Фени не слыхалъ?

С л а д н е в ь. И не услышишь. Совершенно естественно. Какъ ты... какъ ты не хочешь понять, что женщина изъ одной гордости не станетъ говорить о подобномъ, потому что *comprends-tu?* для этого нужны, вѣдь, деньги, *mon Dieu!* Какъ ты до сихъ поръ не постигнешь, что, дѣлая женщинѣ угодное, можно добиться всего? Вѣдь ты вотъ рядомъ грубыхъ ошибокъ чего добился? Что съ тобою сухи, больше, ха-ха! гораздо больше и... и тебѣ вѣдь скверно, *mon cher*, очень... *очень* скверно! А кто виноватъ! Ну, эта ревность, подозрительность... вѣдь все это оскорбительно, унижительно... За это—знаешь?—за это вотъ что... (Показываетъ рожки.) И я это понимаю и... и одобряю, мой милый, вполне.

Т е р и х о в ь. Что и доказалъ своимъ поведеніемъ относительно жены. Знаемъ!

С л а д н е в ь. Но... но послушай, кто-же виноватъ? Если Зоя, когда я былъ вѣренъ, *sans tache*, если она ревновала меня къ стѣнамъ, къ какой-нибудь Апроскѣ, отъ которой разить коровьимъ ма-

словъ и... и... Кто виноватъ? я тебя спрашиваю. Ну, и пошло и...

Т е р и х о в ъ. Понесъ! Не о томъ разговоръ.

С л а д н е в ъ. Ахъ, да! Наша гордая, недоступная красавица, наша...

Т е р и х о в ъ (съ досадою). Да хорошо!.. Ты говоришь—въ Москву и съ тобою. Хорошо. Но отчего не съ мною?

С л а д н е в ъ. Ха-ха-ха! отчего не съ нимъ. Это прелестно. И, пожалуй, еще съ Архимомъ! ха-ха-ха!.. (Териховъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе.) Новое недоувѣріе—новое оскорбленіе, милый мой. Какъ ты этого не хочешь понять! Pardon, или ты... можетъ быть, ревнуешь ко мнѣ?

Т е р и х о в ъ. Ну, ты не опасенъ.

С л а д н е в ъ. Я... я, конечно, но знаешь, что сказалъ Пушкинъ?

Порой... власы сѣдые
Въ воображенъе красоты
Влагаютъ страстныя мечты...

А!.. Наконецъ, опытъ, mon cher, главное—опытъ. (Маюръ насильливо магаетъ на него рукой.) Но... но я твой другъ, и—c'est tout.

Т е р и х о в ъ. Другъ или прелестникъ—мнѣ все равно. Поѣзжайте, если ужъ ей загорѣлось,

С л а д н е в ъ. „Загорѣлось!“ Нѣтъ, извини меня, но ты положительно бурбонъ. Ты знать не хочешь, что такое молодая силы, какая жажда любознательности и все... Тебѣ нужно, чтобы жена, молодая женщина, торчала при тебѣ, какъ твой Архимъ, чубукъ и я не знаю что!

Т е р и х о в ъ (встаетъ). Э, ничего я не хочу! Поѣзжайте себѣ.

С л а д н е в ъ. Да, но... mon cher, на землѣ все такъ глупо устроено, что прежде всего надо схватиться за карманъ и... и если онъ пустъ...

Т е р и х о в ъ. Другими словами, ты намѣреваешься прокатиться на мой счетъ?

С л а д н е в ъ. Фи, вздоръ какой! Ты меня обижаешь. Можно ли быть матеріальнымъ до такой степени! Стыдись, Максимъ Гаврилычъ!

Т е р и х о в ъ. Но денегъ-то все-таки дать?

С л а д н е в ъ. Денегъ?.. Видишь-ли, cher ami, я хотѣлъ добыть самъ. Былъ сейчасъ у Карягина, у этого архи-плута, и предлагалъ... свою мельницу.

Т е р и х о в ъ. Что-же онъ?

С л а д н е в ъ. Ты, вѣдь, знаешь, какъ эти купцы... Имъ все изъ алтына полтину выгадать хочется. — „Зачѣмъ мнѣ, говорить,

ваша мельница! Въ ней и воды-то курицѣ по колѣно*. Представь!

Т е р и х о в ъ. Что-жь, правду сказалъ.

С л а д н е в ъ. Ну, какъ такъ, помилуй!.. Какую-же правду, если я въ своемъ пруду купаюсь, а тутъ вдругъ курица!

Т е р и х о в ъ. Значить, денегъ-то дать?

С л а д н е в ъ. Взаимы, конечно... да, Максимъ Гаврилычъ, ты-бы очень меня одолжилъ, очень.

Т е р и х о в ъ. То-то. А Федосья Игнатьевнѣ, скажи, много на Москву денегъ понадобится?

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ-же и Феня (вошла при послѣднихъ словахъ).

Ф е н я. Ни копейки.

С л а д н е в ъ. Да-а?!

Т е р и х о в ъ. Отчего-же, Феня... я готовъ... Сергѣй Дмитричъ говорилъ—ты въ Москву хочешь... Я готовъ, съ удовольствіемъ... и денегъ...

Ф е н я. Денегъ не нужно. У меня свои есть.

Т е р и х о в ъ. Зачѣмъ свои... и какія?.. Ты меня обижаешь.

С л а д н е в ъ. Прекрасно, Максимъ Гаврилычъ, прекрасно.— Не хорошо отказываться, Федосья Игнатьевна. Это дѣйствительно обида.

Ф е н я. Никакой. Есть деньги, зачѣмъ-же мнѣ брать?

Т е р и х о в ъ. Какія у тебя могутъ быть деньги!

Ф е н я. Есть. Крестный подарилъ. Въ банкѣ лежать.

Т е р и х о в ъ. Какъ хочешь, какъ хочешь... А я-бы душой радъ... Дѣлать нечего! Но отчего ты раньше не сказала? Вотъ Гриша поѣхалъ, вмѣстѣ-бы...

Ф е н я. Скучный вашъ Гриша, прескучный. Или съ Сергѣемъ Дмитричемъ поѣду, или одна.

С л а д н е в ъ. Зачѣмъ однѣ! Вы со мной, со мной... Я даже сейчасъ (за шляпу). Сборы и все... чтобы по первому вашему слову летѣть не только въ Москву, на край свѣта. (Цѣлуетъ ея ручки.) Мм... мм... ну, восторгъ! Максимъ Гаврилычъ, до свиданья, душа. Благодарю. (Выразительно трясетъ его руку.) Понимаешь-ли, я при первой возможности...

Т е р и х о в ъ. Да, хорошо.

С л а д н е в ъ. Au revoir. Лечу! (Быстро къ двери, но на порогѣ обертывается.) Представьте, моя Зоя... Нѣтъ, вы только представьте, что у насъ будетъ по поводу Москвы, ха-ха-ха! Au revoir. (Уходить.)

ЯВЛЕНИЕ X.

Териховъ и Феня.

Т е р и х о в ъ. Феня, отчего-же ты не хочешь взять денегъ?
(Береть ей руку, которую она освобождаетъ и отходить.)

Ф е н я. Сказано отчего.

Т е р и х о в ъ. И какъ у тебя скоро... вдругъ ѣхать! Поѣзжай, поѣзжай. (Подходить.) Я нисколько не противъ, поѣзжай. Ты видишь—я все готовъ для тебя... (опять беретъ ей руку, которую та опять освобождаетъ) а ты...

Ф е н я (насиѣшливо). А я за это должна съ вами нѣжничать, такъ, что-ли?

Т е р и х о в ъ. Но право-же, Феня, я не такъ виноватъ, можетъ-быть, и совсѣмъ не виноватъ. Помнишь, какъ все это вышло? Эта Анна Захаровна... (Вспыльчиво.) Сегодня она кубаремъ отъ меня выватила, сплетница гадкая! (Въ прежнемъ тонѣ.) Я вѣдь только спросилъ. (Подходить.) Будто ужъ это такая вина?

Ф е н я. Вина не вина, а повернуло меня за это отъ васъ, Максимъ Гаврилычъ. Характеръ у меня такой. Не угадали вы. Потерпите. Впередъ видно будетъ. Можетъ, и опять къ вамъ повернетъ. (Уходить съ лукавой улыбкой.)

Т е р и х о в ъ. Ахъ! „потерпите“, (Садится.) А пожалуй, Сладневъ и правъ: любить бабы, чтобы по ихъ дудѣй плясали. Этой перечь, не перечь,—все равно по своему сдѣлаетъ, только себѣ навредишь. Пусть ѣдетъ, пусть. (Задумался.) Архипъ!

ЯВЛЕНИЕ XI.

Териховъ и Архипъ.

А р х и п ъ. Чего изволите?

Т е р и х о в ъ. Трубку! (Архипъ подаетъ трубку на длинномъ чубукѣ и даетъ зажженный лоскутокъ бумаги закурить. Отошелъ къ двери.) Ты здѣсь?

А р х и п ъ. Уйти прикажете?

Т е р и х о в ъ. Торчи, чортъ съ тобой!

А р х и п ъ. Благодаримъ покорно.

Т е р и х о в ъ (помолчавъ и не глядя на Архипа). Барыня въ Мосеву собирается.

А р х и п ъ. Н-да-съ.

Т е р и х о в ъ. Ну, такъ вотъ собирается она, братецъ...

А р х и п ъ. Такъ что-же?

Т е р и х о в ъ. Ахъ, Боже мой, ну собирается, и все тутъ. Безтолочь!

Архипъ. Гмъ! (Глубокомысленно.) Что-жъ, отпустить ее, пускай ѣдетъ.

Териховъ. Дуракъ! Тебя спрашивали? (Встаетъ.) Ты ракалия, радъ выпроводить, радъ!

Архипъ. За что-же ругаетесь-то?

Териховъ! Молчать!

Архипъ. Тьфу!

Териховъ. Радехонекъ.

Архипъ. И она рада отъ васъ отвязаться.

Териховъ. Пшелъ вонъ! (Архипъ выскакиваетъ). Вотъ грубая бестія! (Садится и курить молча). Архипъ!

Архипъ (выставляется въ дверь). Че-го-съ?

Териховъ. А... ступай... къ барынѣ. Можетъ, распоряженія какія насчетъ отъѣзда дать...

Архипъ Я юбки гладить не умѣю-съ. (Хочетъ уйти).

Териховъ. Стой! Тебѣ говорить, болванъ, спросить,—не прикажетъ-ли чего? Когда ѣдетъ и какъ.

Архипъ. Объ этомъ вамъ самимъ спросить надобно.

Териховъ. Ну, пошелъ вонъ! (топаетъ). вонъ, когда такъ!

Архипъ. Д: вы, сударь, не очень...

Териховъ. Ка-акъ?

Архипъ. Да такъ. Уѣдетъ „маюрша“ и я отъ васъ уйду, если на то пошло. Что это, въ самомъ дѣлѣ, за манера: ракалия, бестія, дуракъ, дубина! Тьфу! Уйду и оставайтесь себѣ одни здѣсь посвистывать.

Териховъ (грозитъ кулакомъ). Я те... я те—уйду! (Уходитъ въ лѣвую дверь).

Архипъ. Н-да! Видишь какой! Теперь шляндать пошелъ. У насъ ужъ манера такая: какъ сдуримъ, сейчасъ шапку на затылокъ и ну бродить, пока дурь не выходитъ. Нынче бродить ему до ночи.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Архипъ (въ началѣ), Андрей и Феня.

Андрей. Сладневъ, Сергѣй Дмитричъ, у васъ будетъ?

Архипъ. Уѣхалъ.

Андрей. А Максимъ Гаврилычъ у себя?

Архипъ. Гулять пошли. Дома маюрша. Кхмъ! (Уходитъ).

Андрей. Намъ и на руку.

Феня (входитъ справа, намурилась). Ты?!

Андрей (глухо, глядя въ землю). Я.

Феня. Ну мѣдный-же у тебя лобъ, если пришелъ послѣ намеднишняго! (Хочетъ уйти).

Андрей. Постой, Федосья Игнатьевна. Уйти успѣется. Дай сказать дѣло, какъ вышло. (Феня останавливается у двери). Былъ сейчасъ у меня г. Сладневъ.

Феня. Не денегъ-ли просить?

Андрей. Угадала.

Феня. Охъ, ужъ этотъ Сергѣй Дмитричъ!

Андрей. Взгомозился онъ въ Москву и присталъ: дай да подай ему денегъ; мельничешку его возьми, что хочешь возьми, только дай. Вижу, у барина совсѣмъ голова на выворотъ. Спровадилъ. Да ужъ какъ уходитъ и сболтни онъ, что не одинъ ѣдетъ, а и ты виѣсть... слѣдомъ за Григоріемъ Петровичемъ въ Москву собираешься.

Феня. А что мнѣ Григорій Петровичъ!

Андрей. По мужу племянникъ покажѣсть, а тамъ чѣмъ будетъ—не знаю.

Феня. Такъ ты за этимъ? (Хочетъ уйти).

Андрей. Да нѣтъ-же, дай кончу. Ну, думаю, если такъ, если Феня поѣдетъ, а ты въ провожатые нуженъ, такъ бери, Сергѣй Дмитричъ, сколько требуется. Взялъ, счелъ и вотъ (достаешь пачку денегъ) привнесъ. (Подаетъ деньги). Отдашь?

Феня. На твои деньги Сергѣй Дмитричъ со мной не поѣдетъ.

Андрей (въ сторону). Знаю, что не возьмешь. (Ей). Воля твоя. (Прячетъ деньги). Пусть на Максима Гаврилычева ѣдетъ. Своихъ у него не водится, да и были когда — карманъ позабылъ. А для тебя я хотѣлъ...

Феня. Добрый человекъ! Мало того, что пускаетъ, еще денегъ несетъ, ха-ха-ха!

Андрей. Мужъ если пускаетъ, такъ я-то тутъ что-жь? Да какъ тебѣ отъ насъ и не ѣхать! Здѣсь что?—мелюзга люди, драць. Взять хоть Любавина—теленокъ, какъ есть; либо Сергѣя Дмитрича нашего—тоже слюнтай, воробья стараго стоитъ; либо меня—опять-же не дороже и *оренья*. Твое-жь прозвище. Ну, а въ Москвѣ развѣ то? Тамъ и силу показать есть надъ чѣмъ. Тамъ такой вихрь вокругъ-то себя взовьешь, что въ глазахъ зарябитъ и у самой неравно головка закружится. Всего одного мы изъ столичныхъ-то видѣли, а и тотъ у насъ—мало людей—*русалокъ*, и тѣхъ потревожилъ.

Феня (съ дрожью негодованія). Кончилъ ты?

Андрей. За тебя кончилъ, за себя — нѣтъ. Да ты на меня не гнѣвись, Федосья Игнатьевна. Зачѣмъ напоследѣдахъ ссориться? Можетъ, и не увидимся больше.

Феня. Ой, заплачу!

А н д р е й. Сбрось съ себя это, сбрось. Взгляни на меня подушеви́й. Муку вѣдь я принялъ великую, Федосья Игнатьевна даромъ, что орепей тебѣ. Глубоко ты въ семьѣ моей зачерпнула, изъ души моей выгребла все и принять тебѣ отъ насъ ношу тяжелую, Федосья Игнатьевна... Не то, что отъ мужа, отъ Максима Гаврилыча немного осталось, потому онъ съ дороги твоей и сошелъ такъ смиренхонько. Я побогаче. Мнѣ поперегъ пути твоего есть что поставить. И своего, и Пашина горя я передъ тобой, что изъ камней тяжелыхъ, намечу гору цѣлую. Перейдешь, иль... споткнешься?

Феня. Слушай. Прудить рѣки ты мастеръ. Плотину заведешь такую, что вода рвись — не рвись, а только и ходу ей, что на твои-же колеса. Но по моей дорогѣ, Андрей, не вода въ берегахъ течеть, а стремить вѣтеръ вольный. Задержи его, намечи гору-то!

А н д р е й. Ладно, ладно! Силенъ-же твой вѣтеръ, коли гору мою пушиной взовьеть, силенъ! (Поникаетъ головой.)

Феня. Такъ-то, Андрей. И слушать-бы мнѣ тебя незачѣмъ. Да добрѣе я стала... Слушаю, можетъ, и жалѣю тебя.

А н д р е й. Жалѣешь! Еслибъ все, что я вытерпѣлъ, что накопило во мнѣ, на тебя да на Волжина глядячи, что за Пашу мою сердечную переболѣло во мнѣ, еслибъ вся эта мука и скорбь, словно вѣдмы, впились-бы въ меня и на глазахъ у тебя задушили-бы, ты... ты пожалѣешь и мимо пройдеши, за своимъ, своего искать... ха-ха! Что-жь, иди, Феня... Только простишься... простишься со мною, какъ я попрошу. Немногого прошу у тебя. Помнишь, было это подъ тою ракиitou...

Феня. Гдѣ обняла-то тебя?

А н д р е й. Мѣсто мнѣ это завѣтное, пока живъ, помнить буду... Тамъ-бы намъ и проститься.

Феня. И опять, что-ль, обнять?

А н д р е й. Это... на то твоя воля, Федосья Игнатьевна. Только не откажи, приди. Наканунѣ, какъ тебѣ ѣхать, придеши съ домашними моими проститься... Еще увидите-ли! А потомъ подъ ракиту. Въ этомъ и вся моя просьба. Не откажи! (Феня молчитъ.) Иль, можетъ, боишься?

Феня. Я? Чего я боюсь! Зачѣмъ, Андрей, подковыривать? Сказано: добрѣе я стала. Жди.

А н д р е й (съ трудомъ подавляя волненіе). Вѣрно?

Феня. Вѣдь я сказала, не кто другой! Иль тебя здѣ-ѣсь обнять? (Было раскрыла объятія и съ лукавой усмѣшкой.) Нѣтъ, лучше подъ ракитой. (Уходитъ.)

А н д р е й. Ну, теперъ вымучила до послѣдняго. Тутъ (судо-

рожно третъ себѣ грудь) словно камнемъ скипѣлось, давить, тяжело! Разступись теперь земля подо мною, какъ глыба сорвусь, какъ въ воду топоръ, и не страшно, и не больно, тутъ-ли, тамъ—все равно. Одно осталось: проститься съ тобою. Федосья Игнатьевна; на самомъ томъ мѣстѣ проститься, гдѣ забава твоя—поцѣлуй меня въ сердце ударила; на краю того пруда, гдѣ ты Волжина своего въ лодкѣ катала, „утоплю“ грозилась, а потомъ, разметавъ волосы по русалочьи, при всѣхъ говорила, какъ цѣлуютъ-милуютъ онѣ... Приходи! (Уходить.)

З а н а в ѣ с ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Сцена: въ глубинѣ наискось возвышается плотина, на которой справа мукомольный амбаръ съ наливными колесами, частью замаскированными растущими внизу, по сю сторону плотины, деревьями. Слѣва, на самой плотинѣ, развѣсистая ракета. Вода, спадающая съ колесъ и выходящая ручейкомъ къ зрителямъ, замаскирована тростниками. Ручей сворачиваетъ направо, въ лѣсную чащу. За амбаромъ, вдали, высится курганъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Провъ и Иванъ (сидятъ внизу на камняхъ).

Иванъ. Дяденька, сказывали нынче ночью изъ Костянаго бугра бочки съ деньгами выкатывали.

Провъ. Съ какими такими деньгами?

Иванъ. А татарскими. Дядя Лявонъ сказывалъ. Завсегда, говорить, какъ бѣдѣ быть, загудитъ-загудитъ эта въ курганѣ и ну бочку за бочкой оттолъ выпирать.

Провъ. Ну?

Иванъ. Ну и выпреть ихъ рядышкомъ цѣлыхъ двѣнадцать бочекъ, дяденька, деньгами-то полнымъ-полны. Вотъ они и стоятъ. Подступиться ни-ни! Костяки стерегутъ. И по всему-то какъ есть кургану разсядутся они, ажъ побѣлѣетъ весь. Рыла у нихъ безглазныя, на головахъ ермолки татарскія, ребра на перечеть, одно слово—смерть. Сидятъ они, дяденька, да зубами-то щелкъ-щелкъ! ляскъ-ляскъ! Страсти! А только, значить, пѣтухъ закричить, сейчасъ опять загудеть-загудеть, костяки, стало быть, взмечутся, а бочки эти дружка за дружкой—назадъ. Глядь-поглядь и нѣтъ ничего. Какъ видѣнъ таперь этотъ бугоръ съ мельницы, такимъ и стоятъ.

Провъ. Ладно. Коль-бы дядя Левонъ винища поменьше лопалъ и ты, парень, пустяковъ-бы не вралъ,

Иванъ. Не одинъ Лявонъ, и другіе видали. А еще, дяденька, сказывалъ онъ — кладъ у насъ тутотка гдѣ-то зарытъ, бо-ольшуцій.

Провъ. Что мудренаго: отъ татарвы прятали. А ты-бы, Иванъ, откопалъ.

Иванъ. Ишь ты! Я-бы радъ, да вѣдь онъ, дяденька, съ зароконъ кладѣнъ.

Провъ. Вотъ то-то, другъ, и обида, что съ зароконъ. Слышь-ка, что я те про кладъ расскажу. Какъ ходилъ я лѣтось въ Ке-евъ, мѣсто одно мнѣ указывали—пустырь, бурьянъ, тернъ корявый растеть и слѣда не видать человѣчьяго. Въ старину мѣсто-то людьми, что муравейникъ, кишѣло, а теперь гадюки тамъ, да ящерики только одиѣ. Послѣднимъ изъ рода, слово, жилъ тамъ князь богатѣйшій. И былъ онъ столь-же богатъ, сколько лютъ. Жилъ тотъ князь—кровь людскую деньгою копилъ, слезы горькія жемчугомъ низалъ и богатства такъ-то собралъ чуть не царскія. Люди мрутъ—у князя сундуки полнятся. Какъ полонъ сундукъ, онъ его въ землю. Люди всѣ примерли, всѣ сундуки полными въ землю пошли, остался всего одинъ сундукъ. Только открылъ князь этотъ сундукъ, какъ поднимется оттуда вой, крики, плачь, скрежетъ зубонный! Тò поднялось, что не взвидѣлъ князь свѣта бѣлаго и въ сундукъ ничкомъ палъ. Только упалъ онъ туда, крышка сама за нимъ тутъ-же захлопнулась и пошелъ этотъ сундукъ въ землю самъ и сталъ съ живымъ книземъ съ прежними къ радъшну. Сотни лѣтъ съ того время прошли, а князь все живымъ въ сундукѣ лежитъ и муку терпитъ лютейшюю. И до тѣхъ поръ ему не помереть, пока все то горе людское, что въ сундукѣ его само накопилось, собою онъ не отмучаетъ. А горю тому, бають люди, ни конца, ни краю нѣтъ. Поди, ты охочь искать, поди, откопай, малый, князя-то!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Андрей (вдругъ выходитъ на плотину слѣва).

Андрей. Эй, что тутъ разсѣлись!

Иванъ (вскакивая). Охъ, испужалъ! (Провъ медленно поднимается.)

Андрей. Провъ, сходи сейчасъ на село къ Левану Лахину, скажи, чтобы завтра непремѣнно везъ осьмину ржи, что по веснѣ занималъ. Скажи, что добрые люди не берутъ безъ отдачи и что, молъ, Андрей Филатичъ воловодиться съ тобою не станеть.

Провъ (уходя). Вотъ-те, Леванъ, и бочки татарскія!

А н д р е й. А ты, Иванъ, садись сейчасъ на чалаго, поѣзжай въ Виноградье къ бондарю Хряку, спроси скоро-ль мы отъ него посуды дождемся? Кончалъ-бы, да везь. Кабакъ, молъ, не уйдетъ. (Иванъ пошелъ.) Слушай! (Останавливается) ты воронъ-то не считай, сейчасъ поѣзжай, куда велѣно, а то будешь до завтра сбираться.

И в а н ъ. Зачѣмъ! я сейчасъ, Андрей Филатычъ; какъ, значить, обратаю яво, чалаго-то, сейчасъ и махну.

А н д р е й. То-то!

И в а н ъ. Я духомъ. (Въ притруску уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ III.

А н д р е й. Эхъ, потемнѣло, туча какая заходитъ! (Смотритъ влѣво.) Не видать еще... Чтобы мнѣ сдѣлать такое? Мочи нѣтъ такъ дожидаться. Словно земля подъ тобою горить. Ухъ! тяжело... Давно-ли подъ этою самой ракитой обожгла ты меня, опалила... а-ахъ... Ну, Григорій Петровичъ, не къ добру ты унасъ побывалъ. Какъ ни тяжело до тебя было — терпѣлось. Ну, вырвалась она, ушла отъ меня, все-же на глазахъ оставалась. Мужа, какъ башмакъ сбросила, только случай ей выпалъ и стала ничья, хоть не моя, да ничья! И стерегъ-бы я ее, такъ-бы стерегъ, какъ низамкамъ, ни мужьямъ не устеречь никогда. А ты пришелъ, Григорій Петровичъ, ничего брать не хотѣлъ, а выхватилъ все! Эхъ, миновать-бы тебѣ нашу сторонку!.. Да, видно, чему быть, того не минуешь... (Опять смотритъ влѣво.) Все нѣтъ! Ужь не обойти-ль меня вздумала, Федосья Игнатьевна? Тогда-а!.. Фу, душно какъ!.. Не должно того быть. Къ моимъ—самъ видѣлъ—прошла... (Разстегиваетъ воротъ.) Уфъ, точно смола въ груди варится! (Словно подъ тяжестью, опускается на плотину и судорожно закрываетъ руками лицо.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Андрей и Феня (тихо входитъ слѣва на плотину и останавливается подъ ракитою).

Феня. Ну, вотъ я и пришла.

Андрей (вскакиваетъ въ мгновение). Пришла!

Феня (весело). Да.

Андрей (почти задыхаясь). Пришла... проститься?!

Феня. Обѣщала и пришла.

Андрей. Проститься?!

Феня. Какой ты! Ну, даже—да. Заладилъ одно.

Андрей. Въ Москву?.. Ёдешь?.. завтра?

Феня. Въ Москву.

Андрей (тономъ мольбы). Феня, не ёзди!.. Знаю, зачёмъ.. Брось это, брось!.. Не ёзди!

Феня. Хмъ! Самъ-же въ путь меня снаряжалъ, денегъ приносилъ... Что ты? Аль не знаешь меня? Что задумаю — не отду-маю. Не въ новость тебѣ.

Андрей. Эхъ, не ёзди ты, ради Господа! Отдумай!

Феня. Пустое говоришь, Андрей.

Андрей. Ну, коли такъ, коль назадъ у тебя сверту нѣту, такъ вотъ-же что: ёдемъ со мной.

Феня. Ты дома нужнѣе.

Андрей. Слушай! Все брошу: жену, домъ, хозяйство, — все! Не плеваа стоить мнѣ бросить Пашу. Совѣсть грызть будетъ. Да я задую эту совѣсть, все подъ тебя пригну, будешь и въ мн-слахъ, и въ душѣ моей ты одна!

Феня. Вотъ какъ! ха-ха-ха! Теперь, чай, поймешь, про кого было сказано, что на цѣпь привннуть, да въ плясъ передъ ба-бою пустять. А потѣхи этой я не искала, Андрей. Самъ напро-сился; нужень-ли мнѣ, нѣтъ-ли — только возьми. А думаешь—*нужень?* Ха-ха! Пашу свою „сердечную“ и ту бросить хочешь. Шут-ка-ли! И позволь я — тѣмъ-же орешемъ пристанешь, какъ тебя называла; прицѣпишься и волочи я тебя куда какъ хочу—не от-цѣпишься, бѣдный. Вотъ такъ любя, значить, ха-ха-ха! А все-таки... прощай! Слышишь? И проститься съ тобой „подъ ракитою“ я не сробѣла. (Указываетъ на ракету.) Знакома? И мѣсто это не простое, слышно — „завѣтное“. Правда? Ну... и прощай!

Андрей (поблѣднѣвъ, глухимъ голосомъ). Стой-ка (береть ее за руки и привлекаетъ къ себѣ): мѣсто точно „завѣтное“, и куда-куда, а съ *Москвою* съ нею тебѣ нѣтъ дороги. (Вдругъ схватываетъ ее въ объятія.) Зачёмъ! За Волжиннымъ даромъ!

Феня (рвется, испуганно). Что ты!.. Пусти!.. Пусти, говорю!

Андрей. За Волжиннымъ не къ чему! Русалка ты и... ступай въ воду! (Сбрасываетъ ее съ плотины въ прудъ. Всплескъ.)

Феня. Ай! Помогите! помогите!! (Андрей, скрестивъ руки, молча смотритъ на нее.)

ЯВЛЕНИЕ V и ПОСЛѢДНЕЕ.

Андрей, Феня и Паша (въ испугѣ вбѣгаетъ на плотину слѣва.)

Паша. Что здѣсь?! (взглявуда на прудъ, въ ужасъ.) Феня!

Феня. Тону! По-мо-ги...и!..

Паша. Андрей, ты?

А н д р е й. Я.

П а ш а (схватываясь за голову, какъ безумная). Господи!.. Опомнись! Прыгай въ воду, спасай! Утонеть! Плавать не умѣеть... Спасай! (Андрей молчитъ, глядя на прудъ.) Господи, что-жь это! (Вѣжнѣ по плотинѣ къ амбару.) Провъ! Иванъ!

А н д р е й. Усланы, нѣтъ никого.

П а ш а. Охъ, горе мое! (Бросается мужу въ ноги.) Спаси ее, Андрюша, хоть ради меня, голубчикъ!

А н д р е й (все глядя на прудъ). Руки вскинула, бьется...

П а ш а (вскакиваетъ). Такъ я-же сама! (Хочетъ броситься въ прудъ, Андрей ее схватываетъ.) Пусти! ради Христа, пусти! (Рвется.) Я плавать умѣю, вытащу! (Рвется сильнѣе.) Пу-усти!.. (Послѣ тщетныхъ усилій.) Охъ-охъ-охъ!

А н д р е й. Пузыри пошли. Конечно. (Освобождаетъ жену и понижаетъ головой.)

П а ш а (припадая къ нему). Что ты надѣлалъ, родной мой! О-охъ-охъ-охъ!

А н д р е й (быстро поднявъ голову, на моментъ съ ужасомъ оглянулся на прудъ, схватился за голову, слегка качнулся и отступилъ отъ жены. Упавшимъ, дрожащимъ голосомъ). Не стерпѣлъ, Паша... Погубилъ... и тебя, и себя погубилъ... Прости.

П а ш а Охъ, Андрюша! (Въ рыданіяхъ бьется у него на груди.)

З а н а в ѣ с ѣ.

И. Спажинскій.

ИЗЪ МРАКА.

Есть минуты,—встаютъ вереницы
Исполнскихъ, могучихъ видѣній,
Раскрываются духа зеницы
И невольно читаютъ страницы
Изъ невѣдомыхъ міру твореній.

Сквозь столѣтій свинцовыя волны,
Будто голосъ мнѣ слышится милый,
Воплъ, и страсти, и ужаса полный,
Воплъ призывный! Стою я безмолвный,
Покоря вниманью всѣ силы...

Ничего. Все безмолвьемъ объято.
Холодъ, мракъ и тоска ожиданья!
Въ тѣмѣ времянь ни пути, ни возврата.
Все забыто! Тамъ жилъ я когда-то
Теплой жизнью любви и страданья.

И никто тотъ хаосъ необъятный
Никогда не пойметъ, не изучитъ.
Точно музыки міръ благодатный
Душу силой своей непонятной
Онъ томить, и ласкаетъ, и мучить.

Но и въ этомъ мятежномъ просторѣ
Грудь людская покоя не просить,
И надъ безднами счастья и горя
Своенравной фантазіи море
Наши страсти безъ усталы носить

Н. Вобыловъ.

ОБЛАВА.

(Отрывокъ.)

I.

Небольшая почти квадратная комната, безъ оконъ, если не считать маленькое круглое окно, выходящее въ темный коридорчикъ и завѣшанное зеленымъ коленкоромъ. Теплящаяся лампадка краснаго стекла передъ двумя образами въ серебряныхъ ризахъ, съ позолоченными вѣнчиками. Вдоль одной стѣны—одна кровать, вдоль другой—другая, а между ихъ изголовьями—круглый столикъ, покрытый длинною, бѣлою вязанною салфеткою, почти касавшеюся пола своими четырьмя углами. Изъ верхней квартиры слабо доносились сюда звуки кадрили, разыгрываемой на фортепьяно, должно быть, ребенкомъ, и въ тактъ этимъ отрывистымъ звукамъ тихо постукивала ногою молоденькая дѣвушка, сидѣвшая на низенькомъ сундукѣ, накрытомъ старымъ ковромъ. Обѣими руками она опиралась на колѣни, лѣвою ладонью подпирала щеку, а кончиками пальцевъ правой машинально, первно водила подъ глазами и по своимъ нахмуреннымъ бровямъ, какъ дѣлають иногда дѣти, собирающіяся заплакать. Противъ нея на кровати лежала маленькая, худенькая пожилая женщина въ черномъ платьѣ и окутанная чернымъ-же шерстянымъ платкомъ вокругъ шеи, плечъ и груди.

— Что станешь дѣлать, Нина? Въ прошломъ году я безпре-
станно хворала,—вспомни. Нынче опять пошло тоже самое: съ
крещенья я была больна цѣлую недѣлю, потомъ, немного спустя,

опять простудилась, тамъ, еще неуспѣвши поправиться, какъ слѣдуетъ, опять и опять, говорила старушка, сначала довольно внятно, но потомъ все болѣе и болѣе глухо, такъ что, наконецъ, послѣднія ея слова вышли похожи скорѣе на крикъ осипшей птицы, чѣмъ на человѣческой голосъ.

— Ой, мама, что это вы какъ смѣшно кричите, проговорила дѣвушка пѣвучимъ и ласковымъ голосомъ, отведя въ сторону пальцы, прикрывавшіе ея глаза, и съ улыбкой посмотрѣвъ на мать. — Пейте скорѣе чай, покуда горячій.

— Что станешь дѣлать, Нина! продолжала старушка, прихлебывая чай изъ чашки. — Мое несчастье въ томъ, что всю мою жизнь судьба баловала меня и вотъ теперь, избаловавъ въ конецъ, отвернулась отъ меня. Возьми, наприимѣръ, хоть нашъ старый домъ. Твой отецъ самъ составлялъ его планъ вмѣстѣ съ архитекторомъ, самъ наблюдалъ за постройками, самъ выбиралъ и устанавливалъ на свое мѣсто каждую вещь, самъ сажалъ деревья на дворѣ и въ саду, постоянно заботясь, чтобы было хорошо и мнѣ, и вамъ, дѣтямъ...

— Мама, кто-же еще у насъ отнял его, нашъ домъ? спросила Нина.

— Домъ? Нѣтъ, домъ сгорѣлъ. Когда отца перевели сюда, онъ поручилъ домъ брату Николаю, твоему дядѣ, а Николай въ то время сильно пьянствовалъ и сжегъ его чуть не со всѣмъ своимъ семействомъ. Домъ такъ и пропалъ, хотя твой отецъ аккуратно высылалъ деньги Николаю, но когда пришелъ срокъ перестраховки, то оказалось, что Николай ихъ прожилъ самъ и не внесъ въ общество.

— Ну, и что-же? нетерпѣливо допрашивала Нина.

— Домъ такъ и пропалъ, а земля была не наша, а арендована у города.

— Но что-же дядя?

— Что-же съ нимъ было дѣлать? Тогда онъ, разумѣется, писалъ раздирательныя письма, проклиналъ и себя, и свою несчастную судьбу, по милости которой онъ вѣчно безъ гроша денегъ... Объяснялъ, что въ то время, когда онъ получилъ наши деньги на перестраховку, его обстоятельства были такъ плохи, что приходилось хоть лѣзть въ петлю, потому онъ и рискнулъ обернуться нѣкоторое время нашими деньгами... Что-же съ нимъ было

дѣлать? Твой отецъ такъ и написалъ ему, что дѣлать нечего — сгорѣвшаго не воскресить...

— Но вѣдь теперь онъ богатъ?! воскликнула дѣвушка.

— Говорять, что богатъ. Первая жена у него умерла, онъ женился на другой съ довольно хорошимъ приданымъ, получилъ видное мѣсто, остепенился... Я ему писала три или четыре раза, а онъ мнѣ отвѣчалъ, что средства его ограничены, что собственное его семейство очень многочисленно и требуетъ большихъ расходовъ, что относительно сгорѣвшаго дома у нихъ будто-бы были впоследствии какіе-то денежные расчеты съ твоимъ отцомъ, но что, впрочемъ, по мѣрѣ силъ своихъ, онъ всегда будетъ готовъ служить намъ... отъ времени до времени...

— Подлецы! тихо воскликнула дѣвушка.

— Ни горя, ни заботъ, ни недостатковъ, ни даже хлопотъ по хозяйству, я ничего не знала въ моей жизни, продолжала старушка, размѣшивая ложечкою малиновое варенье въ своей чашкѣ.— Все для меня было готово, всѣ мои желанія и прихоти не только исполнялись, но даже какъ-будто предугадывались; всѣ люди относились ко мнѣ съ уваженіемъ... Миръ, тишина, счастье, — и вдругъ такой неожиданный переворотъ! Твой отецъ скоропостижно надаетъ мертвымъ во время ужина; я заболѣваю горячкой; вы — почти еще дѣти и ничего не знаете... все вокругъ насъ грабятъ, тащатъ, разворовываютъ... и вотъ мы разомъ оказываемся въ этой нищетѣ, въ холодѣ и въ сырости, всѣми покинутые... Одни сторонятся отъ насъ потому, что у нихъ нечиста совѣсть; другіе боятся, что мы будемъ надѣдять имъ своими просьбами и жалобами; третьи намекаютъ на то, что не можетъ быть, чтобы у насъ не было припрятано капиталовъ на черный день; иными мы теперь ненужны; иные даже рады, что и намъ пришлось отвѣдать горя...

— Подлецы, подлецы! повторила Нина, нервно ломая пальцы.

— Что станешь дѣлать, Нина! Еслибы я была помоложе, по-сильнѣе и не такъ избалована, я, можетъ быть, легче перенесла-бы эту неожиданную переменъ всей жизни и со временемъ привыкла-бы... Къ тому-же, я думаю, на мнѣ до сихъ поръ отзывается горячка, которою я заболѣла послѣ смерти твоего отца. Люди говорятъ, что послѣ горячки чѣловѣкъ дѣлается еще здоровѣе, чѣмъ былъ, — вѣтъ, я не знаю: я съ тѣхъ поръ, какъ будто-бы,

не была ни одного дня здорова совершенно, — все что-нибудь да скрипить...

Очевидно, старушка рассказывала всю эту исторію единственно для того только, чтобы нѣкоторымъ образомъ объяснить и извинить свои безпрестанныя прихварыванія. Въ ея голосѣ не слышалось ровно ничего, кромѣ глубокой и сдержанной печали о счастливомъ прошломъ, невозвратно погибшемъ. Она не жаловалась на кого-бы то ни было, она не обвиняла рѣшительно ни одного человѣка, она нисколько не возмущалась тѣмъ, что ее обобрали, бросили и забыли — и тѣмъ болѣе гнетущее впечатлѣніе производили ея слова. Выходило такъ, что какъ-будто-бы по ея глубокому убѣжденію даже и ждать отъ людей чего-нибудь другаго никогда не слѣдуетъ, потому что зло и подлость совершенно въ порядкѣ вещей. Повуда человѣкъ не нуждается ни въ комъ — всѣ окружающіе его люди будутъ для него добрыми и преданными друзьями; но когда онъ упадетъ — его никто не подниметъ; когда онъ будетъ звать на помощь, — всѣ будутъ нарочно отходить какъ можно дальше и дальше; если онъ погибнетъ, — пусть погибаетъ. „Что станешь дѣлать, — такъ устроенъ свѣтъ!“ казалось, говорила мать Нины и, не протестуя, не волнуясь, безпрекословно покорялась заведенному порядку вещей и ложилась своимъ дряхлымъ тѣломъ подъ тяжелую колесницу жизни.

II.

Когда мать напилась чаю и задремала, Нина взяла лампу и тихонько перешла въ другую комнату — длинную, низенькую, съ двумя окнами на улицу, съ старенькою мебелью, крытою красною шерстяною матерією, и съ бѣлымъ щелеватымъ поломъ. Дѣвушка поставила лампу на столъ и присѣла на диванъ, хмурясь, кусая губы и опять потирая концами тонкихъ пальцевъ углы глазъ и брови. Потомъ она тяжело вздохнула и встала. Надъ самою ея головою раздались звуки какой-то русской пѣсни, разыгрываемой на фортепьяно и сопровождаемой притоптываніемъ и какъ-будто гиканьемъ; мимо оконъ прошелъ кто то, наигрывая на гармоникѣ и неровно ступая ногами по громко хрустѣвшему свѣгу; съ визгомъ полозьевъ и звономъ бубенчиковъ пронеслись

по улицѣ сани, должно быть, запряженныя тройкою, слѣдомъ за ними еще и еще, и еще... Нина вспомнила, что сегодня началась масляница, и почти еще дѣтское сердце дѣвушки болѣзненно дрогнуло при воспоминаніи о тѣхъ минувшихъ временахъ, когда эти дни всегда бывали для нея днями самого широкаго и беззаботнаго веселья, представлявшагося ей еще болѣе свѣтлымъ по сравненію съ тѣмъ, что окружало ее теперь. Въ третьемъ и прошломъ году на это время, по крайней мѣрѣ, пріѣзжалъ братъ и какъ-будто освѣщаль и согрѣвалъ своимъ появленіемъ все въ домѣ, а нынче онъ не показывался и на Рождество, не пріѣдетъ и теперь. Нынѣшній годъ, какъ видно, не особенно счастливъ и для него, хотя онъ ни на что не жалуется въ своихъ письмахъ и пишетъ только, что много дѣла. По всей вѣроятности, онъ тоже сидитъ себѣ теперь одиноко въ своей бѣдной комнатѣ, среди праздничнаго шума большого университетскаго города и гнетъ свою спину или надъ срочной работой, или надъ лекціями и книгами, усердно наверстывая время, потерянное въ ходбѣ по урокамъ и въ поискахъ за насущнымъ кускомъ. Да, вотъ тоже! Нужно учиться, нужно кормить самого себя и нужно еще отъ времени до времени высылать кое-что и сюда, „на ботинки Нинѣ“, „на теплыя валопы мамѣ“, на платья „на лѣтнюю шляпку“, „на крошечную мантильку или на что-нибудь въ этомъ родѣ“... Нужно жить самому и нужно поддерживать на своихъ плечахъ еще два существа, безсильныя, жалкія, презрѣнныя!.. Милый, милый! Когда-же я освобожу тебя хоть отъ половины этой ноши? Когда-же я найду въ себѣ хоть немного силы, чтобы идти одной, не опираясь на тебя и не путаясь тебѣ подъ ноги?

Горькая слеза скатилась по щекѣ Нины. Она отерла ее и, скрестивъ на груди руки, кусая губы, чтобы удержать новныя и новныя слезы, рвавшіяся изъ ея глазъ, ходила взадъ и впередъ по комнатѣ все быстрѣе и быстрѣе, все тверже и тверже ступая по полу каблучками своихъ ботинокъ.

Вдругъ она разомъ остановилась и съ гримасой отвращенія на лицѣ нервно передернула плечами и, зажавъ руками уши, сѣла подальше, въ кресло. Дѣло въ томъ, что, какъ-бы въ отвѣтъ на ея шаги, въ сосѣдней комнатѣ, до сихъ поръ совершенно тихой, тоже послышался стукъ шаговъ и затѣмъ раздалось

какое-то странное бормотанье, похожее не то на бредъ больного, выдающаго дурной сонъ, не то на заунывное причитанье. Это причиталъ ихъ жилецъ, нѣкто Трубный, служившій чѣмъ-то вродѣ помощника бухгалтера въ земской управѣ, но истинное влеченіе чувствовавшій только къ театру и поэтому посвящавшій часы своего досуга на разучиваніе различныхъ героическимъ ролей — большею частью про себя, но иногда, въ особенно патетическихъ мѣстахъ, и вслухъ. Нина почти ненавидѣла этого человѣка, слишкомъ усердно ухаживавшаго и слѣдившаго за нею. Стоило ей только, какъ теперь, задуматься и начать ходить по комнатѣ, неосторожно шума платьемъ или постукивая каблуками, чтобы за дверью сейчасъ-же послышались шаги Трубнаго. Стоило ей замечтаться, увлечься и запѣть, чтобы изъ сосѣдней комнаты зазвучало отвѣтное заунывное пѣніе ея сосѣда. Стоило ей приняться читать матери вслухъ какую-нибудь книгу, какъ немедленно въ двери показывалось бѣлое, толстое лицо Трубнаго, и онъ спрашивалъ, не позволить-ли Нина Васильевна и ему послушать ее, затѣмъ садился и не спускалъ глазъ съ нея. „Онъ не можетъ жить безъ меня, это ясно“, насмѣшливо говорила Нина своей матери, — „и еслибы за мной было тысячъ шесть капитала, еслибы мое приданое было въ порядкѣ, и еслибы еще вы согласились жить отдѣльно, на свои собственные средства, тогда онъ, безъ сомнѣнія, сейчасъ-же предложилъ-бы мнѣ свою руку“. Ее возмущало, что, несмотря на свою молодость, онъ уже такъ жиренъ, практиченъ и до такой степени лишенъ всякой тѣни юношескаго увлеченія, что, напримѣръ, при всей своей слабости къ театру, способенъ холодно разсуждать и взвѣшивать, что карьера актера очень невѣрная, положеніе его въ обществѣ довольно сомнительное. тогда-какъ служба, въ особенности государственная, совсѣмъ другое дѣло, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Однажды она увидѣла, какъ Трубный битыхъ четверть часа простоялъ въ снѣгу на морозѣ передъ санями встрѣтившагося ему предѣдателя управы и все это время придерживалъ свой цилиндръ довольно высоко надъ головою, которую ему понемножку убѣляло и убѣляло снѣгомъ. „Однако, вы рискуете на-смерть простудить свою драгоценную голову!“ насмѣшливо сказала она ему, когда онъ потомъ вытиралъ платкомъ свои волосы. Въ другой разъ Трубный написалъ довольно злую статейку о первой драматической актрисѣ мѣст-

наго театра, но когда эта опытная особа сейчас-же пригласила его къ себѣ на вечеръ, онъ ночью побѣжалъ въ типографію и, хотя заплатилъ деньги за оконченный уже наборъ его произведенія, однако, взялъ его обратно. „Ну, я не думала, что вы такого скромнаго мнѣнія о своемъ перѣ, что продадите его за чашку чая и за благосклонное рукопожатіе!“ почти съ презрѣніемъ объявила она своему поклоннику.

— Нина, Нина, да вѣдь онъ совсѣмъ загрызетъ насъ! почти съ отчаяніемъ восклицала въ подобныхъ случаяхъ ея мать, даже всплескивая руками.

И, дѣйствительно, Трубный, когда онъ усматривалъ, наконецъ, что ему не оказываютъ подобающаго вниманія и уваженія, становился ужасенъ. „Сдѣлайте такое одолженіе, чтобы впредь въ моей комнатѣ не было подобныхъ пятенъ и цѣлыхъ гнѣздъ ни ли!“ начиналъ онъ неумолчно гремятъ на оторопѣлую кухарку. „А это что? А это? Да не здѣсь, а вотъ, на карнизѣ! Не забывайте также, пожалуйста, я вамъ сто разъ твержу, чтобы у меня каждая спичка оставалась на томъ самомъ мѣстѣ, куда я ее положу. Мнѣ лучше знать, гдѣ у меня должны находиться мои вещи. Вы не умничайте! Вы заботьтесь лучше о томъ, чтобы все дѣлалось въ то самое время, когда я назначаю, а не „сейчасъ“ и не „сію минуту“. Вонъ сторы съ основанія города не мыты, а на самоварѣ не сегодня-завтра выростутъ грибы... Гадость какая!“

А въ сосѣдней комнатѣ, прислушиваясь къ глухимъ раскатамъ этого чиновнаго грома, испуганно и печально куталась въ платокъ Марья Федоровна, какъ-будто старааясь спрятаться въ кресло, и съ удивленіемъ шептала Нинѣ, что сторы всего только недѣлю назадъ повѣшены свѣжія, а самоваръ чищенъ не дальше, какъ третьяго дня.

— А вотъ что, мама, я сейчасъ пойду къ нему сама, говорила Нина, блѣдная, какъ полотно, и съ сверкающими глазами, — и скажу, что это мерзко ломаться и показывать какую-то власть надъ нами, и приважу, чтобы онъ убирался вонъ отъ насъ! И я ударю его, мнѣ кажется, если онъ посмѣетъ мнѣ сказать хоть слово! Довольно.. будетъ... всякому терпѣнію есть, наконецъ, границы!..

Старушка съ умоляющимъ видомъ поднимала свои руки, схва-

тывала ее за рукавъ, за плечо и, крѣпко сжимая въ своихъ пальцахъ, тихонько принималась плакать.

III.

Въ низенькую входную дверь вошелъ, сильно нагнувшись, тучный пожилой человѣкъ въ длинномъ пальто-халатѣ, плотно охватывавшемъ его толстое брюхо, далеко выходящее впередъ, и въ высокой барашковой шапкѣ, похожей по формѣ на монашескій клобукъ. Это былъ нѣкто Гаевъ, тоже „дядя Гай“, „опричникъ“, „лысый чортъ“, „сѣдой скomorохъ“ и проч., и проч. Года два назадъ онъ кое-какъ все еще держался въ гимназiи на мѣстѣ учителя математики, нѣкогда занимаемомъ имъ съ честью и даже съ нѣкоторою славою; но уже и тогда онъ являлся на уроки единственно за тѣмъ только, чтобы спать на кафедрѣ, вытянувъ подъ нее ноги, свѣсивъ съ кресла руки и откровенно откинувшись головой къ черной доскѣ, висѣвшей за его спиной. Скоро Гаевъ спился до того, что оказался не въ состоянiи дѣлать и этого. Жена уѣхала отъ него; дѣтей, которыхъ у нихъ было трое, они размѣстили по различнымъ казеннымъ заведенiямъ, и „дядя Гай“ почувствовалъ себя совершенно свободнымъ человѣкомъ. Сегодня онъ неразлучно ѣздилъ, пилъ, ѣлъ, игралъ на бильярдѣ и „чудесилъ“ съ однимъ заматавшимся богатымъ человѣкомъ, завтра — съ другимъ, послѣ завтра втирался въ какую-нибудь цѣлую компанiю загулявшихъ людей. Такую жизнь онъ велъ почти полтора года и, наконецъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, оказавъ какую-то услугу нѣкому Соймину, начальнику одной изъ конторъ желѣзной дороги, неожиданно для самого себя оказался на постоянномъ мѣстѣ, — чѣмъ-то вродѣ домашняго секретаря у этого Соймина. Сначала новое положенiе нѣсколько стѣсняло Гаева, но потомъ онъ увидѣлъ, что оно не только не хуже его старой жизни, но во многихъ отношенiяхъ даже лучше ея. Сойминъ тоже пилъ, слѣдовательно, онъ оказывался для Гаева своимъ человѣкомъ. Сойминъ былъ семейный человѣкъ, но жена его постоянно жила за границей, — слѣдовательно, и въ этомъ отношенiи Гаевъ могъ смотрѣть на него, какъ на „своего брата“. Сойминъ бралъ его

иногда съ собой во время своихъ разъѣздовъ по линіи, но и съ этимъ Гаевъ скоро свыкся, потому что все его дѣло заключалось въ томъ, чтобы пить во всѣхъ попутныхъ буфетахъ, а во время дороги или спать, или развлекать пресыщеннаго жизнью, и поэтому нѣсколько меланхолическаго, Соймина своими рассказами. Правда, Гаеву приходилось писать иногда пять-шесть писемъ въ недѣлю, повѣрять расходныя книжки прислуги, ѣздить на почту и на телеграфную станцію, исполнять разныя порученія Соймина или его сестры, но „дядя Гай“ могъ утѣшать себя тѣмъ, что онъ все-таки еще на землѣ, гдѣ полного блаженства повуда не существуетъ, а не въ раю... Онъ пилъ, ѣлъ, толстѣлъ и, смотря съ признательностью на меланхолическаго Соймина, изыскивалъ всѣ средства, чтобы, въ свою очередь, послужить ему по мѣрѣ силъ своихъ.

Затворивъ за собой входную дверь, онъ отыскалъ рукою стѣну и, придерживаясь за нее, направился въ глубь совершенно темнаго коридора, гдѣ находилась дверь въ комнату хозяевъ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, кроткимъ голосомъ проговорилъ онъ, достигнувъ до нея и постукивая въ нее суставомъ своего толстаго указательнаго пальца.

Нина молча отперла и отворила дверь.

— Аминь слѣдуетъ говорить, дитя мое, аминь, наставительно сказалъ Гаевъ, снимая обѣими руками свою высокую шапку и затѣмъ почтительно согнувъ свою спину настолько, насколько могъ при своей толщинѣ.

Онъ опустился въ подвинутое ему кресло, отеръ платкомъ свою голову, лысую посрединѣ и покрытую короткими полусѣдыми волосами на вискахъ, отеръ мясистый лобъ и отвисшія щеки, поправилъ всклокоченную короткую бороду и все это время не сводилъ съ лица Нины своихъ небольшихъ, холодныхъ, но пронизательныхъ глазъ.

— Холодно сегодня? спросила Нина.

— Владыко живота моего! произнесъ онъ тихо, какъ-бы въ назиданіе самому себѣ.— Попомянетъ и разгорится румянцемъ — кажется, что нѣтъ ея краше! Побыднѣетъ и похудѣетъ, какъ въ настоящую минуту, — еще лучше! Бровки смотрятъ тоненькими змѣйками, черненькіе глазки мечутъ молніями, розовыя губки дышатъ гнѣвомъ и проклятіями, въ голосѣ ледъ полярный, а,

между тѣмъ, взглянетъ на нее человѣкъ и только будетъ въ состояніи сказать: „радость ты моя!“

— Сегодня, кажется, холодно на дворѣ? повторила Нина.

— Я слышалъ, говорили двѣнадцать градусовъ... Здоровье Марьи Федоровны? заговорилъ Гаевъ, разомъ переходя въ другой, совершенно простой и приличный тонъ, сообразно съ которымъ измѣнилось и выраженіе его лица.

— Мама не совсѣмъ здорова сегодня.

— Вѣроятно, опять простуда... Ну, да, я такъ и зналъ, потому что это совершенно въ порядкѣ вещей. Видите ли, Нина Васильевна, если вы помните, я имѣлъ честь бывать у васъ въ домѣ еще въ тѣ времена, когда былъ живъ вашъ батюшка. Помните, вы жили тогда на Театральной площади въ домѣ Банкова? Квартира у васъ была тогда одна изъ лучшихъ въ городѣ, комнаты большія, свѣтлыя, полы паркетные и устланные коврами; кушаньемъ у васъ завѣдывалъ, если не ошибаюсь, Саловъ, поваръ не изъ плохихъ... Не можете ли вы мнѣ сказать, — давно-ли все это было? Пять, шесть, семь лѣтъ?

— Нѣтъ, три года съ небольшимъ...

— Только три года? Какъ хотите, рѣзкій, рѣзкій, до жестокости крутой переход! говорилъ Гаевъ, тихо обводя глазами по окружающей его обстановкѣ. — Живете вы теперь въ полу-подвалѣ, потому что окна вашей квартиры, кажется, вѣдь наравнѣ съ улицей, съ полу дуетъ, воздуха мало, свѣта тоже, зимой холодно, а лѣтомъ сыровато. Однихъ уже этихъ условій, не говоря о всемъ прочемъ, было совершенно достаточно, чтобы изъ красивой и веселой женщины, какою я знавалъ вашу матушку три года назадъ, сдѣлать... такое жалкое созданіе...

Нина слегка отвернулась и какъ-будто спряталась отъ него въ темномъ углу дивана. Ея гость смотрѣлъ задумавшимся и тихо барабанилъ по столу, устремивъ глаза на концы своихъ пальцевъ.

— Петръ Петровичъ! заговорила Нина изъ своего темнаго угла.

— Что прикажете?

— А я на васъ рассчитывала несравненно больше, когда вы общали, что будете отъ времени до времени доставлять мнѣ

работу для конторы. Я думала, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь серьезное, а то... оказалось... какіе-то случайные клочки... день-другой въ цѣлый мѣсяцъ... Неужели больше нѣтъ для меня ничего?

— Да за кого-же вы считаете меня, дитя вы мое?! съ нѣкоторою горечью воскликнулъ Гаевъ, снова переходя въ иной тонъ.—Что такое я?! Погибшій человекъ, который пропилъ все, что у него было,—талантъ, семью, знанія, образъ человѣческой,—все, до самой послѣдней крохи своего внутренняго богатства, „опричникъ“, котораго напоятъ пьянымъ и потомъ пошлютъ вышибить плечомъ дверь или сбросить человека съ лѣстницы, „сѣдой скomorохъ“, которому стоитъ только раскрыть ротъ, чтобы всѣ начали хохотать, напередъ зная, что онъ непременно скажетъ или кощунство, или какую-нибудь сальность! Это все вотъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, говорилъ мнѣ въ глаза вашъ братецъ—и былъ совершенно правъ. Что-же такое я могу сдѣлать? Что? Скажите!

Нина вздохнула и, тихо поднявшись съ дивана, прошла нѣсколько по комнатѣ.

— Такъ ничего? спросила она задрожавшимъ голосомъ.

— Почти-что ничего, потому что я самъ теперь ничто, нуль, отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами.—Но знаете-ли, Нина Васильевна, въ то время, когда вы съ сердечною болью обращаете ваши глаза направо и налево и доходите даже до того, что адресуетесь съ просьбами ко мнѣ, ничтожному „сѣдому скomorоху“, мнѣ больно, мнѣ обидно за васъ. Отъ какихъ такихъ вашихъ ближнихъ вы ожидаете участія или сочувствія? Полноте, дитя вы мое! Я, прошедшій сквозь огонь и воду, имѣлъ удовольствіе изучить до послѣдней мелочи всѣхъ этихъ ближнихъ и уже рассказывалъ вамъ о жизни и о подвигахъ большей части ихъ. Плюньте вы на нихъ, отвернитесъ отъ нихъ, потому что хотя, изъ этихъ грязныхъ дурачковъ и возможно вить какія-угодно веревки, но не вашими руками, ибо онѣ слишкомъ чисты и нѣжны для подобной работы... Куда ужъ вамъ, Нина Васильевна! Мечтать — это вы можете; стремиться осчастливить дорогихъ вамъ людей — это тоже свойственно вашему сердцу; но осуществить ваши мечтанія и стремленія на дѣлѣ — гдѣ ужъ вамъ! Это будетъ уже житейская практика, требующая и извѣстнаго знанія человѣческаго

сердца, и умѣнья воспользоваться людскими слабостями и способностями „сизать“ во-время необходимых колесъ, и мало-ли чего...

— А мнѣ, по вашему мнѣнію, только и остается, что ложиться и умирать? нѣсколько насмѣшливо и какъ-будто обиженно спросила Нина.

— Нѣтъ, зачѣмъ умирать, Господь съ вами! Будете себѣ жить, какъ живете въ настоящее время, будете отъ времени до времени получать кое-какіе уроки, кое-какія конторскія работы отъ меня грѣшнаго, будете, наконецъ, ожидать, что, авось, братецъ вашъ, съ божіею помощію, окончитъ года черезъ два, черезъ три свой университетскій курсъ и, авось, порасчиститъ всѣмъ вамъ житейскую дорогу.

— А тѣ, другія, вспыхнувъ прервала его Нина, — которыя умѣютъ вить веревки изъ людей?

— Тѣ — другое дѣло, Нина Васильевна. Вамъ, напримѣръ, давно извѣстно, что мой уважаемый патронъ, Сойминъ, сильно увлеченъ вами, но васъ это нисколько не интересуетъ. Во-первыхъ, вы ни капельки не любите его — это разъ. Во-вторыхъ, вы съ братомъ составили себѣ о немъ совершенно-вѣрное понятіе, что онъ человѣкъ наглый, пьяный, воображающій, что ему чуть-ли не все позволительно, и все сойдетъ съ рукъ—это два. Вслѣдствіе всего этого вы упорно сторовитесь отъ него и, разумѣется, прекрасно дѣлаете, — ибо что-же между вами общаго? А тѣ, другія, о которыхъ вы изволите спрашивать, тѣ подошли-бы къ Соймину поближе, хотя, безъ сомнѣнія, все-таки на извѣстное разстояніе, и, конечно, дѣлали-бы изъ этого дурака все, что хотѣли. Мало-ли что можно подѣлать черезъ него! Вѣдь онъ въ нѣкоторомъ родѣ владѣтельный князь, держащій въ своихъ рукахъ чуть не тысячи человѣческихъ существованій, — богачъ, заводчикъ, вліятельный человѣкъ и проч., и проч. Только гдѣ ужъ вамъ, Нина Васильевна, этакія тяжести ворочать! Тяжело-съ!

Онъ махнулъ рукой, оглянулся на часы и всталъ. Потомъ заложилъ большіе пальцы рукъ за поясъ своего пальто-халата и, поникнувъ головою, задумался.

— Ахъ, бѣдная, бѣдная Марья Федоровна! произнесъ онъ. — Всего только три года, и изъ этакой красоты вотъ что осталось!..

Онъ опять задумался, прошелъ раза два по комнатѣ отъ стѣны до стѣны, машинально повертывая въ рукахъ свою огромную шапку, наконецъ вдругъ остановился передъ Ниной и уставился на нее своими маленькими, умными глазами.

— Знаете что, Нина Васильевна... послушайте вы меня, старика, заговорилъ онъ убѣдительно и какъ-будто нѣсколько взволнованнымъ голосомъ, положивъ ей на плечо свою тяжелую, огромную руку:—дайте вы при первой возможности какую-нибудь крошечную взятку... „смазать колеса“... воспользуйтесь первымъ представившимся случаемъ, *покуда еще не поздно...* лучше будетъ! Лучше, право, лучше будетъ!

IV.

— Нина, Нина!.. Да что-же это такое! Посвѣтите кто-нибудь! послышался почти отчаянный призывъ въ глубинѣ коридора, около входной двери.

Высокая, довольно красивая и въ высшей степени нарядно одѣтая молоденькая женщина запуталась бахромою платка, накинутаго на ея голову, за какой-то крючекъ или гвоздь въ двери и чѣмъ больше старалась освободиться, тѣмъ сильнѣе запутывалась.

— Помилосердите, Нина! жалобно и раздражительно говорила она. — Какая-то дверца съ улицы, я не знаю зачѣмъ, потому сейчасъ-же ступеньки внизъ; дальше другая дверь, а за ней какія-то полки, богъ-знаетъ что, и вездѣ темень, такая темень...

— Путь добродѣтели трудень, Ольга Ивановна, важно замѣтилъ Гаевъ, распутывавшій ее.

— Путь добродѣтели! Вотъ весь платокъ изорвала; каждый разъ непременно надѣлаешь себѣ снѣжковъ на колѣняхъ и еще внутренно благодаришь Бога, что отдѣлалась такъ дешево...

Нина, прислонясь плечомъ къ стѣнѣ коридора, свѣтила Гаеву и, казалось, вся поглощенная его работой, не слышала жалобъ своей гостьи.

— Ты, Оля, въ такомъ случаѣ ужъ вовсе не рисковала бы навѣщать меня, сказала она, наконецъ, какимъ-то страннымъ, не то печальнымъ, не то усталымъ голосомъ;—въ случаѣ-же крайней нужды, приходила бы за свѣтло.

Гаевъ окончилъ, наконецъ, свою работу, не особенно легкую для него при его толщинѣ. Онъ уфнулъ, кашлянулъ и затѣмъ, обратившись къ обѣимъ женщинамъ, объявилъ имъ, что честь имѣеть кланяться.

— Уфъ, я измучилась, какъ не знаю кто! воскликнула Ольга Ивановна, бросаясь въ кресло, откидывая назадъ голову и съ закрытыми глазами лѣниво разстегивая свою бархатную шубку, опущенную соболями. — Чаю, чаю хочу, милая Ниночка, какъ въ пустынь! Ты не можешь себѣ представить, что я, по крайней мѣрѣ, три-четыре часа пробыла на каткѣ, и, нужно сказать, сегодня тамъ было прелесть, какъ хорошо, просто не ушла-бы. Ты только вообрази, что вокругъ всего катка, и даже надъ нимъ, во всѣхъ направленіяхъ, фонари, фонари, фонари, — красные, голубые, малиновые, зеленые, гирляндами... а между фонарями — разноцвѣтные флаги и на низенькихъ древекахъ, и на высокыхъ, точно на мачтахъ... Два оркестра музыки... Танцевали кадрили на льду, какъ на балу; потомъ откуда-то взяли факелы и, выстроившись цѣпью, начали кататься съ факелами; какіе-то молодые люди вздумали пѣть хоромъ, а народу, народу, народу вокругъ насъ — бездна, такъ и вырисовываются по временамъ изъ полумрака цѣли стѣнны головъ и головъ. „Браво, кричатъ, браво!“ когда мы цѣпью и съ факелами покатымся мимо нихъ.

Ольга Ивановна была подруга Нины еще по гимназiи. Въ то время она жила у своей тетки, скупой, ворчливой и злой старой дѣвы; потомъ, по окончаніи курса, перебивалась кое-какъ изодна-въ-день, то случайными уроками, то шитьемъ, то вязаніемъ, но года полтора назадъ ей удалось какими-то судьбами открыть своего дальняго родственника въ лицѣ одного стараго, богатаго доктора, недавно овдовѣвшаго и оставшагося съ цѣлою кучею дѣтей на рукахъ. Сначала Ольга Ивановна поселилась у него въ роли гувернантки, потомъ скоро забрала въ свои руки все и всѣхъ въ домъ, — и ея звѣзда засіяла полнымъ блескомъ. Ольга Ивановна начала одѣваться у лучшей портнихи въ городѣ. Ольга Ивановна постоянно бывала въ клубъ, въ театръ, въ циркъ, на всѣхъ концертахъ и лекціяхъ. Ольга Ивановна, говорили злые языки — усердно экономила кое-что на черный день изъ тѣхъ расходныхъ денегъ, которыя постоянно шли черезъ ея руки. Ольга Ивановна все выше и выше поднимала голову и понемно-

гу прекратила всякія сношенія со своими прежними скромными знакомыми. Изю всѣхъ ихъ она не отдалась отъ одной только Нины и даже навѣщала ее все чаще и чаще. Когда у Ольги Ивановны случалось какое-нибудь горе, она немедленно сѣвшила къ Нинѣ, чтобы выплакаться передъ нею, пожаловаться ей и, вообще, „отвести душу“. Когда-же, напротивъ, въ жизни Нины приходили минуты болѣе тяжелыя и горькія, чѣмъ обыкновенно, ее подруга, казалось, втихомолку радовалась этому и внутренно наслаждалась тѣмъ, что „вотъ пришелъ и на нашу улицу праздникъ! Когда я жила у своей тетки, какъ какая-нибудь приставшая и нелюбимая собаченка, за тобою всѣ ухаживали, тебя лѣляли, тебя не знали какъ нарядить и какими нѣжными именами называть! Вотъ теперь попробуй и ты осушить до дна эту горькую чашу, которую я пила столько лѣтъ. Теперь я ни въ комъ не нуждаюсь, а ты нуждаешься во всѣхъ; теперь я окружена постоянно обществомъ и удовольствіями, а ты томишься въ своемъ сыромъ и мрачномъ подвалѣ; теперь я весела и счастлива, а ты только потому и не плачешь, что привыкла скрывать и глотать свои слезы!“

Если иногда, въ особенно трудныя времена, Нинѣ приходилось попросить у своей подруги нѣсколько рублей займа на недѣлю, на двѣ, Ольга Ивановна дѣлала всегда такое задумчивое, озабоченное, страдальческое лицо, казалась до такой степени испуганной за участь своихъ денегъ, что Нина почти всегда сѣвшила взять обратно свою просьбу. Если по временамъ, когда здоровье Марьи Федоровны внушало почему-нибудь особенно сильныя опасенія Нинѣ, она обращалась къ своей подругѣ съ просьбою дать ей записку къ какому-нибудь изъ ее хорошихъ знакомыхъ докторовъ, Ольга Ивановна опять-таки задумывалась, становилась почти суровою и холодною и нехотя отвѣчала, что старикъ, ее родственникъ, давно уже не занимается практикой, такой-то самъ боленъ и никуда не выѣзжаетъ, съ такимъ-то она нѣсколько поссорилась и къ такому-то ей не хотѣлось-бы обращаться. Въ этомъ отношеніи Ольга Ивановна была скупа до крайности. Но когда ей случалось обзавестись какими-нибудь обновками, когда она была въ какомъ-нибудь особенно блестящемъ концертѣ или собраніи, когда она возвращалась съ какой-нибудь очаровательной прогулки за городъ на пароходѣ, на лодкахъ,

на тройкахъ, Ольга Ивановна сама спѣшила подѣлиться съ Ниной своими впечатлѣніями и не жалѣла красокъ на яркое описаніе ихъ. Она наслаждалась внутренно, мечтая, что хоть капельку яда да вольетъ-же она въ сердце своей подруги. Прежде она почти болѣзненно завидовала Нинѣ, пусть-же и Нина, въ свою очередь, узнаетъ, что такое ядъ зависти.

Сегодня она была особенно въ ударѣ разсказывать и, прихлебывая чай, передавала Нинѣ исторію за исторіей: какъ одѣта была такая-то, и откуда она достаетъ тѣ громадныя деньги, которыя тратитъ на наряды, на лошадей, на обстановку; какъ хорошо катается на конькахъ такая-то, и до какой степени она умная женщина, — вывела въ люди своего дурака-мужа, доставила ему видное положеніе, уплатила всѣ долги по его имѣнію и даже, говорятъ, покупаетъ еще новое; была такая-то, но, разумѣется, не каталась, а только посидѣла въ павильонѣ, потому что она святая женщина и всѣ свои силы посвящаетъ благотворительности, которая, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ ей богатѣть и богатѣть какими-то несповѣдимыми путями... такъ... изъ ничего... за ея доброе сердце... Пошелъ слухъ, что въ городскомъ банкѣ неожиданно открылись какія-то просто невѣроятныя вещи относительно веденія дѣлъ, такъ-что его можно считать уже несуществующимъ, и сотни людей потеряютъ послѣднія крохи, сбереженныя ими на черный день; какой-то старый конторщикъ на желѣзной дорогѣ повѣсился, будто-бы изъ-за того, что его уволили отъ должности, чтобы освободить его мѣсто для другого...

Вдругъ въ это самое время наверху, откуда давно доносился оживленный говоръ, шумъ и смѣхъ, раздались звуки кадрили, послышался грохотъ разомъ отодвинутыхъ стульевъ, стукъ каблучковъ, топотъ, нѣсколько жалобный скрипъ пола. Ольга Ивановна тоже вскочила, оттолкнувъ свое кресло, подобрала платье и весело принялась продѣлывать первую фигуру. Нина вздрогнула, какъ-будто хотѣла куда-то броситься, но сейчасъ-же опять опустилась и, закусивъ дрожащую губу, стиснувъ пальцами виски, зажала ладонью глаза.

— Что ты?! Что съ тобой?! вскричала Ольга Ивановна.

— Господи! Да что-же это они дѣлаютъ съ мамой! Что они дѣлаютъ?!

Но на самомъ дѣлѣ все собралось вмѣстѣ въ сердцѣ дѣвушки: и нездоровье матери, и весь этотъ веселый праздничный шумъ, болѣзненно рѣзавшій ея напряженные нервы, и гордое самолюбіе, задѣтое „сѣднмъ скоморохомъ“, и рассказы гостыи, опять вызвавшіе передъ ея глазами всю ту-же безотрадную картину бездушнѣй, грязной, низменной жизни, гдѣ зло и подлость совершенно въ порядкѣ вещей, гдѣ существуетъ одинъ только Богъ— это деньги.

— Я совсѣмъ забыла... видитъ Богъ забыла! шопотомъ воскликнула Ольга Ивановна, почти испуганно глядя на блѣдное, мертвенно-блѣдное лицо своей подруги, употреблявшей всѣ силы, чтобы сдержать, остановить слезы, рвавшіяся изъ ея глазъ.

V.

На другой день утромъ къ Нинѣ пришла аристократически-просто одѣтая немолодая женщина съ спокойными манерами, съ спокойнымъ полнымъ лицомъ, съ спокойными-же безцвѣтными глазами. Это была Травина, сестра Соймина. Ей не было ни малѣйшей охоты видѣть какую-то дѣвочку, заинтересовавшую ея брата, ее нисколько не занимали его планы насчетъ этой иной особы; къ тому-же Травина была лѣнива, и поэтому, когда Гаевъ присталъ къ ней, что она должна пойти туда-то и снести бумаги, она лѣниво повернулась къ нему спиной.

— Вотъ очень нужно, сказала она. — Куда я тамъ пойду и чего не видала? Съ какой это стати стану я таскаться съ вашими бумагами?..

Но когда ея братъ, пившій кофе, проговорилъ нѣсколько повелительно: „ступай, ступай, Лиза!“ она сказала: „о, Господи!“ и, поднявшись съ кушетки, на которой лежала, пошла одѣваться. Лиза боялась брата. Нѣкогда она имѣла свое собственное довольно большое состояніе, но все его прожила съ своимъ покойнымъ мужемъ и, въ концѣ-концовъ, принуждена была опять возвратиться подъ отчій кровъ почти нищею. Ея братъ не любилъ стѣсняться съ кѣмъ-бы то ни было изъ тѣхъ людей, которые въ чемъ-либо зависѣли отъ него, поэтому онъ не стѣснялся и съ нею, и если она заводила какую-нибудь рѣчь не во-время, онъ лако-

нически говорилъ: „молчи, пожалуйста“; если она входила въ его комнату въ недобрую минуту, онъ коротко произносилъ: „пошла, пошла прочь!“ Лиза рѣдко унывала, но иногда даже и ей казалось, что ея братъ бываетъ по временамъ ужъ черезчуръ грубъ.

— Ну, что-же я тамъ буду дѣлать? спросила онъ, появившись совсѣмъ одѣтою, и, въ ожиданіи инструкцій, опустила въ кресло и сложила руки на колѣняхъ.

Гаевъ подробно описалъ ей домъ и квартиру, которую ей приходилось разыскать, напомнилъ, что она, Лиза, уже встрѣчалась гдѣ-то съ Ниной и ея матерью, объяснилъ сущность работы, посылаемой „этой дѣвочки“ и, наконецъ, съ особеннымъ удареніемъ внушилъ, что Травина должна обойтись съ нею какъ можно ласковѣе, но осторожнѣе, главное, осторожнѣе.

— Сохрани васъ Боже напугать ее чѣмъ-бы то ни было, преувеличенною-ли ласковостью или излишнею сухостью! Пусть она не боится и подойдетъ поближе, поближе, а тамъ ужъ... наше дѣло, прибавилъ онъ, обращаясь къ Соймину и показывая, что внезапно хватаетъ кого-то за руку.

Сойминъ апатично продолжалъ пить кофе, точно ничего не видѣлъ и не слышалъ, а Лиза застегнула пуговку на перчаткѣ и, зѣвнувъ, проговорила: „ну, пойду!“ и лѣнивою поступью направилась къ двери.

Заданную ей роль она выполнила безукоризненно. „Гаевъ хотѣлъ самъ доставить работу Нинѣ Васильевнѣ, но ему пришлось немедленно ѣхать куда-то на линію“; ей, Лизѣ, все-равно нужно было проѣзжать по этой улицѣ, поэтому она съ удовольствіемъ взялась исполнить порученіе „старика“. Мимоходомъ она совершенно искренне упомянула о своей непростительной лѣности; вспомнила, что когда-то встрѣчалась и съ матерью Нины, и съ нею самою, но въ особенности съ ея отцомъ; поговорила о немъ, поговорила и о своемъ мужѣ; добродушно рассказала, что когда-то была тоже богата, но потомъ раззорилась и сидитъ теперь на шеѣ у брата. Голосъ у нея былъ симпатичный, взглядъ спокойный, въ каждомъ словѣ слышалась безыскусственная правда, и, въ-концѣ-концовъ, Лиза не могла не произвести своего особаго впечатлѣнія женщины облѣнившейся и простосердечной, какою она, пожалуй, была и на самомъ дѣлѣ.

Вечеромъ, часовъ въ семь, она опять, еще болѣе неожиданно, навѣстила своихъ новыхъ знакомыхъ и, смущенная, переконфуженная плохо скрытымъ удивленіемъ и Нины, и Марьи Федоровны, безпрестанно извиняясь въ своей странной фантазіи, объявила, что ей непремѣнно захотѣлось увезти съ собой Нину Васильевну на часъ, только на одинъ часъ, чтобы на нее хоть немножко повѣяло свѣжимъ воздухомъ. „За городъ, черезъ рѣку, на большой трактъ до Быстрицъ и потомъ сейчасъ-же назадъ, нигдѣ не останавливаясь даже на одну минуту“.

— Ну, пожалуйста! Ну, милочка! Ну, позвольте мнѣ доставить себѣ это маленькое удовольствіе! добродушно умоляла она то Нину, то ея мать, закутанную въ платокъ, слабую, усталую. Настъ будетъ всего только четверо: Гаевъ—кучеромъ, я, братъ и вы... милочка вы моя! Поѣдемте!

По тѣлу Нины все сильнѣе и сильнѣе пробѣгала лихорадочная дрожь, какъ въ ту рѣшительную минуту, когда передъ челоуѣкомъ возникаетъ вопросъ „быть или не быть“. „Вотъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, о которыхъ говорилъ вчера Гаевъ, советуя пользоваться ими! думалось ей. — Вотъ когда онъ будетъ имѣть полное право повторить свое вчерашнее: „куда ужъ вамъ“ и „гдѣ ужъ вамъ!“ Все шло само собою, все складывалось какъ въ сказкѣ, и какъ въ сказкѣ-же все можетъ уйти изъ-за одного слова, изъ-за каприза, изъ-за упрямства, потому что не даромъ-же старикъ говорилъ вчера, что „будетъ поздно“.

— Мама, я поѣду, тихо сказалъ она наконецъ.

Но такъ-какъ мама никогда, кажется, даже и не подозрѣвала въ себѣ своей собственной воли, то Нина скользнула въ другую комнату и черезъ нѣсколько минутъ вышла одѣтая въ шубку, закутанная въ платокъ, изъ котораго рѣзко выдѣлялось ея блѣдное личико, тонкія, черныя брови съ случайно набѣжавшею морщинкою между ними и лихорадочно блестящіе глаза. Лошади подъ окномъ нетерпѣливо позвякивали бубенчиками и коловольчниками.

— Ну, ѣдемъ, ѣдемъ! радостно произнесла Лиза.

„Сѣдой скоморохъ“, сидѣвшій въ кучерскомъ кафтанѣ на высокихъ козлахъ, низко, низко снялъ свою огромную шапку передъ „хорошею барышнею“. Сойминъ, неподвижно прятавшійся въ своей шубѣ, при появленіи изъ калитки стройненькой и легкой фигуры

Нины, выпрыгнувъ изъ саней съ такою поспѣшностью, съ какою ему, вѣроятно, до крайности рѣдко приходилось двигаться. Онъ кланялся и благодарилъ, усердно бродилъ по снѣгу вокругъ рѣшетчатыхъ вырѣзныхъ саней и поправлялъ ковры, доставалъ пледы и застегивалъ полость. Наконецъ, усадивъ женщинъ, онъ усѣлся самъ, и Гаевъ тронулъ лошадей.

Съ самаго утра нинѣшняго дня „сѣдой скоморохъ“ столько разъ твердилъ объ „осторожности“ и „какъ можно большей осторожности“, что, наконецъ, Соймину и самому стало страшно, чтобы казимъ-нибудь нечаяннымъ словомъ или взглядомъ не испугать дѣвушку. Поэтому онъ говорилъ немного и сдержанно: о лошадяхъ и о снѣжныхъ заносахъ на желѣзныхъ дорогахъ, о волкахъ и о боѣ быковъ въ Мадридѣ, куда онъ ѣздилъ чуть-ли не единственно затѣмъ только, чтобы видѣть этотъ бой. Лиза говорила больше о пѣвцахъ и славно спѣла русскую пѣсню, съ тѣмъ умѣньемъ пѣть, которымъ она даже славилась среди знавшихъ ее любителей. Гаевъ скоморошничалъ: свисталъ, заунывно покрикивалъ на лошадей, называя ихъ то „добрыми“, то „поколѣлыми“, то „голубыми“, то „поросятами“ и, наконецъ, добился того, что даже Нина засмѣялась. Одинъ только случай нѣсколько испортилъ ровное впечатлѣніе этой прогулки. Гаевъ не доглядѣлъ, что въ одномъ мѣстѣ дорога пошла на двѣ стороны и съ размаху наѣхалъ прямо на острый клинъ между ними. Сани высоко поднялись кверху, потомъ сразу нырнули внизъ и, наконецъ, раскатились въ сторону съ такою силою, что Сойминъ почти вылетѣлъ изъ нихъ, едва-едва удержавшись на ногахъ.

— Ты совсѣмъ пьянъ, старый дуракъ?! въ бѣшенствѣ закричалъ онъ.

Гаевъ заговорилъ что-то о томъ, что темно, въ полѣ все бѣло.

— Молчать! крикнулъ Сойминъ.

Наступило неловкое молчаніе. Но, выждавъ время, „сѣдой скоморохъ“ поежился, почесалъ затылокъ и, какъ-бы про себя, заговорилъ, что „вотъ, ѣдишь — ѣдишь, возишь — возишь всю жизнь и на лодкѣ, и по желѣзной дорогѣ, и на лошадяхъ, а никогда не дослужиться до того, чтобы люди съ удовольствіемъ позволяли себя вывалить или опрокинуть; сейчасъ — недоволь-

ны!..“ Сойминъ, уже успѣвшій опомниться и даже испугаться за свою выгоду, отвѣтилъ шуткой, и набѣжавшая тучка скоро прошла мимо.

Почти ровно черезъ часъ, какъ было сказано, Нина возвратилась домой. Съ разгорѣвшимися щеками, съ яркимъ блескомъ въ глазахъ, вся полная и волненія, и проблесковъ какого-то смутнаго страха, и думъ, надеждъ, мечтаній, — она тихо проходила изъ темной комнаты, гдѣ переодѣвалась, въ другую, и вдругъ увидѣла Трубинаго. Онъ стоялъ въ дверяхъ, засунувъ обѣ руки въ карманы, такъ-что изъ нихъ торчали только его большіе пальцы, и усердно, очень усердно кланялся ей.

— Что вы? спросила она, невольно отшатнувшись.

Первая ея мысль была та, что Трубинъ пьянъ. Дѣйствительно, помощникъ бухгалтера былъ въ этотъ вечеръ не совсѣмъ трезвъ, но еще сильнѣе вина въ немъ говорила ревность, потому-что, какъ-бы тамъ ни было, а онъ все-таки любилъ Нину.

— Поздравляю васъ, Нина Васильевна, поздравляю! говорилъ онъ, по-прежнему продолжая сгибаться и разгибаться, какъ заведенный автоматъ.

— *Меня* поздравляете? Съ чѣмъ? спросила она, и вдругъ вся вспыхнула до кончиковъ своихъ ушей.

— Съ новою карьерою поздравляю васъ, Нина Васильевна! нѣсколько дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ Трубинъ. — Дай вамъ Господи, чтобы и „счастливые случаи“ представлялись вамъ какъ можно чаще, и чтобы всѣ нужныя колеса были во время „смазаны“, и чтобы „взятки“ ваши не пропадали понапрасну. А когда вы устроитесь совершенно на вашемъ новомъ пути и будете въ великой силѣ, то не забудьте при случаѣ и меня, вашего преданнаго, маленькаго слугу...

Нина остолбенѣла и съ помертвѣвшимъ лицомъ прижалась къ стѣнѣ, не понимая, откуда онъ могъ услышать все это, не понимая, кажется, даже кто онъ, зачѣмъ пришелъ, какое ему дѣло...

— Мама, да что-же это такое? съ отчаяніемъ воскликнула она наконецъ.

Но Трубинъ еще разъ поклонился, отступивъ шагъ назадъ, притворилъ за собою дверь и ушелъ въ свою комнату.

VI.

Братъ Нины ходилъ въ нѣкоторомъ волненіи изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ, а около стола сидѣлъ одѣтый въ халатъ пожилой человѣкъ съ полусѣдыми, коротко остриженными волосами, съ ясными голубыми глазами, полный, бѣлый, опрятный и безконечно благодушный. Это былъ сосѣдъ молодого человѣка, жившій какъ разъ внизу подъ нимъ. Однажды, какъ-то онъ совершенно случайно разговорился съ братомъ Нины на дворѣ по поводу какого-то уличнаго происшествія, зашелъ къ нему въ мезонинъ, просидѣлъ часа три, и съ тѣхъ поръ рѣдко пропускалъ день безъ того, чтобы не зайти къ своему сосѣду хоть на десять минутъ. Старикъ открылъ для себя своего рода Америку. Ему доставляло неисчерпаемое удовольствіе завести разговоръ именно о такомъ предметѣ, который задѣвалъ-бы за живое, волновалъ или, еще лучше, возмущалъ горячаго и мечтательнаго юношу. И чѣмъ больше онъ волновался, чѣмъ сильнѣе было его негодованіе, чѣмъ пламеннѣе становились его рѣчи, и чѣмъ выше заносился онъ въ своихъ розовыхъ или мрачныхъ мечтаніяхъ и ожиданіяхъ, — тѣмъ довольнѣе и блаженнѣе былъ старикъ. Онъ торопливо набивалъ себѣ новую трубку табаку, поспѣшно запахивалъ халатъ и торопливо усаживался поудобнѣе на стулѣ, чтобы безъ всякой помѣхи слушать, слушать, слушать, подзадоривать своего собесѣдника, задавать ему нѣкотораго рода шпоры и затѣмъ смѣяться, безъ конца смѣяться надъ его юношескою горячностью и мечтательностью. Верхомъ-же наслажденія было для старика, когда братъ Нины отъ времени до времени, хотя, къ сожалѣнію, очень рѣдко, съ ожесточеніемъ набрасывался на него самого и принимался его громить за его эгоизмъ, безсердечіе, лицемеріе въ области религіи, рабство мысли, апатію къ общественнымъ интересамъ и проч., и проч. Тогда у старика просто захватывало духъ отъ восторга, и онъ чувствовалъ себя неизмѣримо выше, чѣмъ на седьмомъ небѣ. Сегодня братъ Нины смотрѣлъ разсѣяннымъ и невеселымъ, поэтому старикъ, наконецъ, самъ началъ горячиться, чтобы хоть сколько-нибудь оживить его.

— Да что вамъ, Константинъ Васильевичъ? приставалъ онъ. —

Вамъ-то что до всего этого? Тѣ идутъ своею грязною дорогою, какъ вы изволите говорить, а вы идите своею, чистою, не обращающа на нихъ вниманія. Тѣ дѣлаютъ свое дѣло, какое оно ни на есть, а вы творите свое, — проходите науки, учитесь, приготавливайтесь себѣ спокойно.

— Да вѣдь, къ сожалѣнiю, вижу я, слышу я, чувствую я, — вотъ въ чемъ горе? Еслибы можно было не видѣть, не слышать, и еслибы сердце еще не стучало отъ времени до времени въ груди, какъ молотъ, — ну, тогда, конечно, было-бы покойнѣе.

— Охъ ты, Господи, съ этимъ сердцемъ своимъ! волновался старикъ, видя, что его собесѣдникъ какъ-то все больше и больше уходитъ въ себя. — Ну, шли вы... ну, видѣли вы, что его столкнули съ лѣстницы... ну, голову онъ себѣ раскровенилъ... да вѣдь они всѣ, подлцы, каждодневно и вездѣ продѣлываютъ эти штуки. Прежде его обмѣряютъ, скупая товаръ, потомъ обчисляютъ при расплатѣ... нарочно надаютъ ему цѣлую шапку мѣдныхъ денегъ, чтобы труднѣе было ихъ сосчитать, а когда онъ станетъ говорить, что деньги не всѣ — обругаютъ, прибьютъ, вытолкаютъ. Всѣ вѣдь. говорю вамъ... вездѣ... не настучитесь вы на все своимъ сердцемъ, не хватать его.

Братъ Нины задумчиво остановился у неуклюжей кирпичной печи, опершись на нее плечами, заложивъ руки за спину и свѣсивъ голову.

— Знаете что, Валерьянъ Александровичъ? сказалъ онъ съ замѣтною горечью, — совершенно напрасно мы споримъ съ вами объ этомъ предметѣ. Все дѣло въ томъ, что я вижу, а вы уже устали видѣть; я еще слышу, а вы уже устали слушать, и ухо ваше притупилось; я, такъ-сказать, еще съ свѣжаго воздуха вошелъ въ жизнь, а вы уже давно въ ней и совершенно свыклись съ ея атмосферою. Подождите, — придетъ время, когда и мое сердце успокоится, когда и я не буду ни слышать, ни видѣть, ни волноваться... Повремените...

Кто-то поднимался къ нимъ по узенькой и темной лѣстницѣ. Молодой человекъ, не прерывая рѣчи, растворилъ пошире дверь, чтобы освѣтить дорогу. Вошелъ почтальонъ и подалъ два письма.

— Отъ вашихъ? спросилъ старикъ.

— Одно отъ Нины, а другое... машинально отвѣчалъ Константинъ Васильевичъ и не договорилъ, погрузившись въ чтеніе.

Другое было отъ Трубнаго. „Мамѣ лучше, хотя она все-таки такая слабая и хилая, что жалко смотрѣть на нее, писала Нина. — Скучно, скучно, до смерти скучно, Костя мой! Ахъ, съ какимъ восторгомъ бросилась-бы я къ тебѣ на руки, цѣловала, цѣловала, безъ конца цѣловала-бы тебя и плакала, плакала, тоже безъ конца плакала-бы!“

Безпокойное сердце Константина Васильевича билось все быстрѣе, сильнѣе, тоскливѣе, сгоняя всю краску съ его худоцаваго лица, и когда, наконецъ, онъ прочиталъ и другое письмо, почему-то пугавшее его, у него побѣлѣли даже губы, глаза смотрѣли просто страшными, а рука, опустившая почтовый листокъ, задрожала такъ сильно, что забарабанила по столу.

— Христось съ вами! Что такое! вскричалъ старикъ.

Константинъ Васильевичъ всталъ, опершись руками на столъ, потомъ опять сѣлъ, какъ-будто задыхаясь.

— Константинъ Васильевичъ! Что съ вами, родной мой? вскричалъ старикъ, бросившись къ нему.

Константинъ Васильевичъ тихо отстранилъ его рукою.

— Да ничего, ничего! съ усиліемъ проговорилъ онъ.

— Сердце только бьется „молотомъ“, прибавилъ онъ съ страннымъ удареніемъ, — и ноги дрожать... да еще голова идетъ кругомъ... Тамъ на Нину устроили цѣлую облаву, знаете-ли, какъ за оленемъ, котораго окружать со всѣхъ сторонъ и гонять, гонять безошадно и прямо подъ пулю или въ стаю собакъ. Въ сущности, ничего особеннаго, потому что вездѣ такъ бываетъ.

VII.

Въ воскресенье вечеромъ Константинъ Васильевичъ совершенно неожиданно вошелъ въ комнату своей матери, которая до такой степени была потрясена этимъ нечаяннымъ сюрпризомъ, этою великою радостью, что и заливалась слезами, и весело смѣялась, прерывая свой смѣхъ всхлипываніями.

— Мама, гдѣ Нина? спросилъ онъ, нѣсколько успокоивъ старушку.

Совсѣмъ оживившись при этомъ вопросѣ, мать начала рассказывать, что Нинѣ повезло, наконецъ, необыкновенное счастье, что она познакомилась съ Сойминными, что у нея теперь пропасть работы, а скоро будетъ и постоянное мѣсто, что сестра Соймина такая простая и безхитростная женщина...

— Мама, она у Сойминыхъ теперь? какимъ-то странно протяжнымъ и, вообще, нѣсколько удивившимъ старушку голосомъ спросилъ онъ, безпокойно и безостановочно ходя изъ угла въ уголъ.

— Да, да, Нина у Сойминыхъ, отвѣчала она. — Лизавета Николаевна цѣлый часъ упрасивала ее поѣхать къ нимъ проводить масляницу.

Константинъ Васильевичъ тяжело вздохнулъ и постоялъ нѣсколько минутъ у окна, отстранивъ стору и глядя на улицу. Потомъ опять сталъ ходить. Наконецъ остановился, надѣлъ пальто и взялъ шляпу.

— Мама, я пойду... Мнѣ необходимо нужно увидѣть Нину, сказалъ онъ.

Марья Федоровна начинала беспокоиться все больше и больше и тревожно спрашивала: „Зачѣмъ?“ „Что такое случилось?“ „Скажи-же, Костя!..“ Но онъ молча постоялъ передъ нею, отвернувъ голову въ сторону и какъ-будто прислушиваясь, не идетъ-ли Нина, потомъ ушелъ.

Выйдя на улицу, онъ столкнулся съ Трубнымиъ.

— Вы за нею? спросилъ замѣтно взволнованный помощникъ бухгалтера. — Они всѣ поѣхали на тройкахъ въ вокзалъ... двѣ тройки... Всѣ пьяны... Гаевъ на дорогѣ велѣлъ остановиться и считалъ по пальцамъ, не свалился-ли ктонибудь и не потерялся-ли... А она аплодировала ему и хохотала...

Константинъ Васильевичъ вликнулъ извозчика.

Прошло одиннадцать часовъ, когда онъ подъѣхалъ къ слабо освѣщенному вокзалу желѣзной дороги, чернѣвшему среди пустынного бѣлаго поля. У подъезда стояли всего только одиѣ сани, запряженные дремавшею тройкою. Сонный сторожъ, хмуро выслушавъ объясненіе брата Нины, что онъ нарочный съ завода, экстренно посланный къ Соймину, повелъ его изъ коридора въ коридоръ, изъ залы въ залу, изъ комнатъ на платформу и наконецъ остановился.

— Вонъ, гдѣ огонь! сказалъ онъ, указывая на освѣщенныя окна, закрытыя сторами.

Константинъ Васильевичъ отыскалъ дверь и постучался въ нее.

— Какой тамъ дьяволъ? послышался черезъ нѣсколько времени хриплый голосъ Гаева.

— Нарочный съ завода!.. отвѣчалъ Константинъ Васильевичъ.

— Это еще что за дьявольщина? вполголоса проворчалъ „сѣдой скomorохъ“ и потомъ принялся вертѣть ключъ.

Онъ только немного пріотворилъ дверь и хотѣлъ самъ выйти на платформу, но братъ Нины бросился на него и втолкнулъ его обратно въ комнату, ворвавшись въ нее вмѣстѣ съ нимъ.

Ошеломленный Гаевъ, удержавшійся за ручку двери, ударился головою о стѣну и смотрѣлъ на него красными, округлившимися глазами, очевидно, ничего еще не понимая. Лиза, лежавшая на кушеткѣ и лѣниво курившая папиросу, съ несвойственною ей быстротою спустила на полъ ноги и сѣла, глядя во всѣ глаза. Въ глубинѣ комнаты поднялась съ дивана Нина и, выдергивая свою руку изъ руки удерживавшаго ее Соймина, рвалась къ брату, блѣдная, съ полураспустившимися волосами, качаясь изъ стороны въ сторону.

— Уведи меня, Костя, уведи меня! Звала она, вырываясь.

Ея братъ ударилъ Соймина въ лицо, еще, еще, скрипя зубами и грозя ножомъ старому „опричнику“, грузно и трусливо бродившему вокругъ него то съ одной стороны, то съ другой.

— Подлецы, подлецы!..

Н. Вакингъ.

КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ДЕМОНИЗМА.

Мы видѣли, какъ неразрывно, на первыхъ ступеняхъ культуры, сливается человекъ съ окружающей его природой, какъ неотразимо она дѣйствуетъ на его дѣтскую фантазію, возбуждая въ немъ пассивный, всеподавляющій страхъ передъ ея загадочными и таинственными явленіями. Отражаясь въ несовершенно еще проснушемся отъ животнаго одѣпенія мозгу, природа порождаетъ въ немъ какую-то смутную фантазмагорію, обильно пропитанную какими-то кровавымъ паромъ. Естественное и мистическое, божественное и демоническое, духовное и животное свиваются въ одинъ нестройный хаосъ, и только длиннымъ рядомъ постепеннаго отрезвленія мы научаемся расчленять эти понятія и объяснять ихъ противорѣчія. Изъ сказаннаго на предыдущихъ страницахъ, мнѣ кажется, достаточно выясняется, что мы не должны искать въ первобытныхъ мифологіяхъ духа зла, противоположаемаго духу добра. Но только въ нашихъ современныхъ представленіяхъ существуетъ нѣкоторая спиритуалистическая градація между существами различнаго порядка, что безразлично и хаотически смѣшивается въ фетишистскомъ міровоззрѣніи. Бытіе камня для насъ рисуется совершенно инымъ, чѣмъ органическое бытіе. Въ самомъ органическомъ мірѣ мы возвышаемъ животную жизнь надъ растительною, а человѣческую надъ тою и другою. Наконецъ, духовное бытіе рисуется намъ, какъ нѣчто существенно отличное отъ бытія всѣхъ другихъ перечисленныхъ категорій. Ничего подобнаго нѣтъ въ томъ младенческомъ мірѣ, котораго своеобразную демонологию мы изслѣдовали въ этомъ очеркѣ. Для фетишиста бытіе тѣни, соннаго видѣнія рисуется столь-же реальнымъ, столь-же веществен-

нымъ, какъ и его собственное бытіе. Во всемъ міросозданіи онъ ясно и опредѣленно различаетъ свое я, отъ всего, что не я, считая оба эти представленія за совершенно сходныя и равнозначащія. Все, лежащее внѣ его я, интересуетъ его исключительно въ той мѣрѣ, въ какой оно для него можетъ служить непосредственнымъ источникомъ удовольствія или горя. Между я и не я онъ допускаетъ всего только одинъ доступный ему возможный рядъ воздѣйствій: вся природа, по его представленію, реагируетъ на него также, какъ и онъ реагируетъ на весь внѣшній міръ, т. е. стремясь подчинить его своему личному побужденію, хотѣнію, капризу. Всѣ различія, послѣдовательно добываемыя опытомъ и умозрѣніемъ, долго еще тонуть для него въ этомъ основномъ единствѣ. Сверхъестественное существо, духъ, конечно, представляется ему снабженнымъ нѣкоторыми атрибутами, отличными отъ тѣхъ, которые онъ замѣчаетъ въ тигрѣ, львѣ или другомъ извѣстномъ ему дикомъ звѣрѣ. А между тѣмъ, совершенно ясно, что эти духовныя существа, тѣни или призраки, которыя, по мнѣнію душепоклонниковъ всѣхъ странъ, наполняютъ весь міръ, гнѣзятся во всѣхъ пригонахъ, выжидая запоздалаго или отсталаго путника, чтобы высосать изъ его сердца столь любезную имъ горячую, живую кровь, — приближаются гораздо ближе къ дикимъ звѣрямъ, чѣмъ къ нашему представленію о духовномъ. Самъ дикарь ежечасно смѣшиваетъ существа низшія, наилучше ему знакомыя, съ своими представленіями о высшемъ существѣ. Не зная предѣловъ естественнаго могущества ни своихъ, ни чужихъ силъ, онъ не можетъ разграничить ихъ въ своемъ смутномъ воззрѣніи на окружающій его міръ.

На первоначальныхъ порахъ развитія, человѣкъ вовсе не выдѣляетъ себя изъ животности и не возвышаетъ себя надъ ней. „Человѣкъ, говоритъ Вуттке въ своей *исторіи язычества*, — первоначально не различаетъ себя отъ животнаго, и считаетъ себя психически совершенно равнымъ ему“. Это отношеніе сохранилось еще и до сихъ поръ у множества народовъ, которыхъ нельзя назвать первоначальными, даже въ очень относительномъ смыслѣ этого слова. Не говоря о гоголевскомъ Селифанѣ, готовомъ по цѣлымъ часамъ разговаривать по душѣ съ „чубарымъ“ и съ „засѣдателемъ“, Миддендорфъ въ своемъ путешествіи въ Таймырскій край находилъ, что тамошніе самоѣды относятся къ бѣлымъ медвѣдямъ, какъ къ совершенно

подобному имъ, но гораздо болѣе могущественному, племени. Многіе другіе путешественники подтверждаютъ то-же самое о самыхъ разнообразныхъ народахъ. Не мало уже было говорено о томъ, что негры считаютъ обезьянъ за совершенно подобныхъ себѣ людей, и даже за болѣе смышленныхъ. Малайскіе пираты увѣрены, что акулы не могутъ имъ дѣлать зла, потому что онѣ тоже морскіе разбойники и пираты считаютъ ихъ за союзниковъ. Американскіе краснокожіе воздаютъ чуть не божескія почести убиваемому ими на охотѣ медвѣдю, чтобы умилостивить его маниту. Негры точно также относятся къ убиваемымъ слонамъ. Нѣкоторыя африканскія племена платятъ правильную дань львамъ дѣвушками и дѣтьми и твердо увѣрены, что эти животныя не будутъ имъ дѣлать вреда, пока они честно исполняютъ принятое ими на себя обязательство. Малайцы воздаютъ тиграмъ божескія и вѣщствъ царскія почести, а нѣкоторые другіе народы видятъ въ крокодилахъ строгаго, но справедливаго своего повелителя. Народы сѣверной половины Тихаго океана, сахалинскіе и японскіе айны, курилы и алеуты считаютъ себя потомками совокупленія какой-то принцесы со псомъ. Алеуты гордятся своимъ происхожденіемъ отъ собаки и увѣряютъ, будто люди долго ходили на собачьихъ ногахъ, и только за грѣхи лишены этого почетнаго наслѣдства. Почти всѣ краснокожія американскія племена ведутъ свой родъ отъ какого-нибудь звѣря. Крайне-любопытна мифологія колошей острова Ванкувера и прежнихъ русскихъ владѣній въ Америкѣ, записанная г. Хлѣбниковымъ, состоявшимъ на службѣ нашей американской компаніи, и напечатанная въ прибавленіяхъ къ „Мірскому Вѣстнику“ 1863 года. Это смѣлое и, относительно, развитое племя считаетъ создателемъ вселенной ворона, которому, однако, оно не воздаетъ никакихъ особенныхъ почестей. Среди нихъ существуетъ, однакожъ, довольно многочисленная секта, считающая создателемъ вселенной не ворона, а волка. Обѣ эти секты ведутъ между собою упорную и ожесточенную войну. Прародитель племени колошей разрѣзалъ нарывъ на лапѣ у ворона и въ благодарность за это получилъ даръ сѣдять баснословное количество жирной пищи. Сами колоши считаютъ себя за полубоговъ, а бѣлыхъ, т. е. русскихъ, испанцевъ и американцевъ, они признаютъ за полныхъ боговъ; только это отнюдь не мѣшало имъ торговаться съ пришельцами, а при

случаѣ даже убивать ихъ со всею утонченною жестокостію сѣвероамериканскихъ туземцевъ. Замѣтимъ кстати, что, по свидѣтельству Прескота, мексиканцы точно также обоготовили первыхъ испанскихъ пришельцевъ, но что они гораздо выше этихъ бѣлокожихъ боговъ ставили лошадей, которыхъ увидѣли при этомъ въ первый разъ.

Впрочемъ, не одни только колоши приписываютъ созданіе свѣта какому-нибудь животному. Но мы спѣшимъ кончить, а потому замѣтимъ вкратцѣ, что, по непонятному для насъ извращенію мыслительныхъ принциповъ, созданіе вселенной вовсе не представляется дикарю доказательствомъ сверхъестественнаго могущества. Мы уже видѣли, что, по понятіямъ камчадаловъ, свѣтъ созданъ кучкою, самымъ дряннымъ божкомъ изъ всего ихъ незатѣдливаго Олимпа. Многіе народы утверждаютъ, что свѣтъ созданъ первымъ человѣкомъ, а иные островитяне южнаго моря говорятъ, будто онъ созданъ ихъ царьками, которые хоть сейчасъ могутъ создать другой такой-же. Изъ этого можно-бы заключить, что, по ихъ представленіямъ, родъ людской существовалъ раньше мірозданія. Но фетишистская логика тѣмъ-то и отличается, что она, отправляясь, напримѣръ, отъ довольно распространенной данной, будто свѣтъ стоитъ на трехъ китахъ, на четырехъ слонахъ, на одномъ драконѣ и тому подобное, выводитъ изъ этого всѣ мельчайшія и отдаленнѣйшія умозаключенія, съ глубокомысліемъ и послѣдовательностью, вполне достойными самоновѣйшихъ и ученѣйшихъ мудрецовъ. Одного только она не приняла въ расчетъ: да на чемъ-же стоятъ сами киты или слоны, или что выигрываетъ мы, отсылая такимъ образомъ неразрѣшенный вопросъ во вторую, все предрѣшающую, инстанцію? Съ нѣкоторыхъ поръ ученые натуралисты, въ томъ числѣ Валласъ, котораго имя такъ недавно еще считалось навсегда связаннымъ съ дарвинизмомъ, накопляя разнообразнѣйшіе научные факты, способные подорвать довѣріе къ такъ-называемой эволюціонистской гипотезѣ, ссылаются, между прочимъ, и на то, что мозгъ дикарей, вообще говоря, очень похожъ на мозгъ цивилизованныхъ людей, но ихъ умственные процессы очень различны отъ нашихъ. Связь между анатомическимъ строеніемъ мозга и психическими процессами слишкомъ еще неяснена, да я и не думаю рѣшать здѣсь этотъ вопросъ, нуждающійся, во всякомъ случаѣ, еще во многихъ специальныхъ разслѣдовапіяхъ. Я только

хочу замѣтить, что демонологія первобытныхъ народовъ съ тѣхъ поръ, какъ въ ней является анимизмъ, разоблачаетъ повсюду такую интенсивную головную работу, которая возможна не иначе, какъ на подкладкѣ довольно совершеннаго мозгового вещества. Въ головоломности эта кровавая чертовщина нашего историческаго младенчества, служащая неизмѣннымъ фономъ всѣхъ демоническихъ вѣрованій и суевѣрій дальнѣйшихъ вѣковъ, не уступаетъ самымъ плодотворнымъ и свѣтлымъ порожденіямъ человѣческаго творчества, а, пожалуй, и превосходитъ ихъ. Вся бѣда только въ томъ, что младенческая мысль роковымъ образомъ направляется на такіа терниста тропинки, которыя только и ведутъ къ могильному склепу и его мрачной обстановкѣ.

Въ чемъ-же культурный смыслъ и значеніе этой безобразной фантазмагоріи?

— Пока еще только въ томъ, что она подстрекаетъ сонную мысль дикаря интересоваться тѣми сторонами природы, къ которымъ онъ навѣки оставался-бы глухъ и слѣпъ, еслибы не успѣлъ увѣрить себя, что онъ служитъ гнѣздилищемъ чудовищныхъ духовъ, ежечастью готовыхъ броситься на него и мучительно высосать мозгъ изъ его костей, выпить послѣднюю каплю крови изъ его сердца. Дикарь не наблюдалъ бы звѣздъ, если-бы не полагалъ, что тѣмъ или другимъ сочетаніемъ ихъ управляется его судьба, а астрологи очень послѣдовательно и естественно развились изъ первоначальнаго анимистскаго міровоззрѣнія. Не забудемъ, что колдуны и вѣдьмы до сихъ поръ въ очень недалекихъ отъ насъ краяхъ не кабинетными побужденіями направляются на путь, ведущій къ естествознанію.

Свѣтъ божій втеченіи двухъ послѣднихъ вѣковъ извѣзженъ весьма основательно по всѣмъ направленіямъ. Повсюду предприимчивые изслѣдователи находятъ еще непочатые углы дикости, невѣжества, отупѣнія. Нигдѣ, однакожъ, не встрѣчено до сихъ поръ такого племени, которое застыло-бы на исходной точкѣ культурнаго развитія такъ, чтобы его можно было назвать первобытнымъ въ сколько-нибудь строгомъ значеніи этого слова. Какъ ни отстающими кажутся намъ какіе-нибудь дикари Борнео, Цейлонскіе Ведзы, жители Сендоманскихъ острововъ и т. п., мы все-же должны признать, что человѣчество переживало въ неизвѣстныхъ намъ времена еще болѣе низменную ступень развитія; что и мы сами

ведемъ свой родъ отъ предковъ, еще болѣе отсталыхъ, хоть, быть-можетъ, и одаренныхъ значительно вышею культурною способностью. Мало-мальски спокойное изученіе насущной дѣйствительности убѣждаетъ насъ, что отъ этихъ то отдаленнѣйшихъ предковъ мы получили родовое наслѣдство суевѣрныхъ представленій и демоническихъ обрядовъ, играющихъ еще и въ современной нашей жизни иногда замѣтную роль. Печальное наслѣдство это способно принимать крайне разнообразныя формы и видоизмѣненія безъ конца; но оно неизмѣнно пребываетъ вѣрнымъ своему фетишистскому и анимистскому корню, а корень этотъ кроется въ такихъ тайникахъ, гдѣ мы рѣшительно не можемъ изучать его наглядно, съ полною научною достовѣрностью. Мифологія самыхъ передовыхъ народовъ рѣзко помѣчена печатью самаго грубаго, самаго ребяческаго фетишизма и анимизма; но за то, съ другой стороны, мы не встрѣчаемъ такихъ народовъ, которыхъ религіозныя представленія ограничивались-бы фетишизмомъ и анимизмомъ во всей первобытной чистотѣ этихъ младенческихъ воззрѣній на явленія и силы природы. Та наука, которую нѣмцы остроумно назвали *Völker-Psychologie* (народная психологія) и которой интереснѣйшую часть составляютъ изслѣдованія о суевѣрныхъ и демоническихъ представленіяхъ различныхъ народовъ, выступила на свойственную ей этнографическую почву еще очень не давно, а потому ея настроеніямъ и опредѣленіямъ еще очень существенно недостаетъ надлежащей точности, ясности и простоты. Фетишизмъ и анимизмъ, конечно, явленія, не вовсе тождественныя между собою и психологическое содержаніе ихъ обоимъ недостаточно еще выяснено; а между тѣмъ, на этомъ психологическомъ содержаніи основана вся, употребительная въ настоящее время въ наукѣ, классификація мифологій и суевѣрно-метафизическихъ системъ. Нагляднымъ изображеніемъ фетишистскаго отношенія къ природѣ я выше привелъ бесѣды и игры нашихъ дѣтей съ куклами и деревянными лошадками: здѣсь впечатлѣніе воспринимается вполне цѣлостно; ни о какой двойственности духовнаго и физическаго міровъ здѣсь еще не начинается даже и рѣчи. Анимистъ-же повсюду за видимою и неосязаемою внѣшностью предполагаетъ скрытую сущность, — духъ или маниту. На первый взглядъ легко можетъ показаться, что оба эти воззрѣнія взаимно исключаютъ другъ друга; а между тѣмъ, по Тайлору оказалось-

бы, что фетишизмъ есть только частный случай анимизма, а по Огюсту Контю и его послѣдователямъ выходитъ совершенно наоборотъ. Для насъ совершенно безразлично принять ту или другую терминологию. О фетишизмѣ и анимизмѣ я старался дать читателю возможно опредѣленное понятіе на предъидущихъ страницахъ. Здѣсь мнѣ остается только замѣтить, что анимизмъ, въ сущности, есть ничто иное, какъ фетишистское отношеніе къ тому, что мы видимъ не во внѣшней природѣ, а въ нашихъ собственныхъ сонныхъ видѣніяхъ или галлюцинаціяхъ. Въ этомъ смыслѣ оба они, дѣйствительно, принадлежать одному младенческому возрасту умственнаго развитія.

За этимъ первоначальнымъ періодомъ суетврной эволюціи въ прогрессивной лѣстницѣ французскихъ позитивистовъ является новая ступень — многобожіе, или политеизмъ, къ которому мы теперь и перейдемъ. Политеистическихъ мифологій на свѣтѣ существуетъ много; но мы возьмемъ за образецъ пресловутый пантеонъ классической Греціи, которымъ втеченіи послѣднихъ трехъ вѣковъ такъ много восторгались поэты, художники и даже ученые мыслители всей просвѣщенной Европы. Благодаря эпохѣ возрожденія, оставившей на всемъ нашемъ современномъ развитіи столь многочисленныя и плодотворныя слѣды, мы едва ли можемъ считать себя окончательно изжившими интересный періодъ пластическаго греческаго политеизма. Недаромъ-же страницы лучшихъ нашихъ литературныхъ произведеній всевозможныхъ родовъ испещрены именами олимпійскихъ боговъ, полубоговъ и героевъ. Сатурны, Меркуріи, Венеры, Вулканы, Нептуны, нимфы, сатиры и т. п. живы еще на страницахъ даже всякихъ химическихъ, геологическихъ, астрономическихъ, медицинскихъ и др. учебниковъ, неговоря уже о нашихъ музеяхъ и художественныхъ выставкахъ, гдѣ они, съ беззащитностью чуждаго намъ времени, выставляютъ на показъ свою гармоническую наготу, къ которой мы рѣшительно уже неспособны относиться по-перикловски или даже по-алкивиадовски. Конечно, втеченіи послѣднихъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, классическое направленіе въ наукѣ и въ искусствѣ уже отзывается запахомъ археологической пыли. Но даже и тогда, когда мы вовсе отдѣлаемся отъ него, мы еще далеко не вправѣ будемъ сказать, будто мы все покончили всѣ свои счеты съ этими пластическими и гран-

діозними порожденіями цивілізації, исторически погребенной около 1,500 лѣтъ тому назадъ. Вліяніе классическаго политеизма пустило во всемъ нашемъ современномъ міросозерцаніи сотни или тысячи рязностороннихъ корней, которые тѣмъ живучѣе, чѣмъ они менѣе замѣтны, чѣмъ они болѣе всосали въ себя лучшихъ соковъ блестящаго научнаго и умственнаго движенія, начавшагося, какъ извѣстно, съ страстнаго обращенія къ греческому многобожію даже католическихъ папъ и самыхъ черствыхъ схоластовъ. Не пытаюсь и перечислять здѣсь всѣ эти многообразнѣйшія и надолго еще живыя вліянія, считаю нелишнимъ обратить вниманіе только на ту сторону этого дѣла, къ которому почему-то серьезнѣйшіе умы нашего времени привыкли относиться презрительно. Я имѣю въ виду то эстетическое значеніе образцовъ греческаго искусства, о которомъ уже такъ много было писано и говорено, что самое слово *эстетика* невольно возбуждаетъ зѣвоту во всякомъ, не замариновавшемъ себя въ пріянномъ соку академической или салонной рутинѣ. А между тѣмъ, невозможно отрицать, что соображенія о красотѣ, т. е. о правильномъ, гармоническомъ развитіи нашего тѣла, далеко не лишены живого, практическаго смысла, если только взглянуть на это дѣло съ антропологической точки зрѣнія. Перенимая у классическаго міра его созданія, его формы, мы какъ-то странно съумѣли упустить изъ виду тотъ духъ, который одушевлялъ и порождалъ эти заманчивыя образцы, и чисто греческое, языческое положеніе, что здравый духъ можетъ обитать только въ правильно, т. е., гармонически или красиво развитомъ тѣлѣ, для насъ все еще сдается школьною, мертвенною сентенціею. Разнымъ условіямъ и разному времени соотвѣтствуютъ и различныя понятія о красотѣ; но вездѣ нашъ взглядъ съ любовью и наслажденіемъ останавливается на формѣ, наилучше приспособленной служить вмѣстѣлищемъ тому, что мы сами считаемъ за идеаль относительно каждаго даннаго случая. Красоту лошади или вола мы мѣряемъ нною мѣркою, чѣмъ красоту ребенка или женщины. Китаецъ, негръ, древній римлянинъ и современный европеецъ имѣютъ или имѣли каждый свое особое представленіе о человѣческой красотѣ; и это очень легко объясняется тѣмъ, что и ихъ понятія о назначеніи челоуѣка также очень различны. Эта тема далеко не нова; но тѣмъ болѣе, мнѣ кажется, мы не вправѣ упускать изъ вида, что до сихъ поръ идеалы физической

красоты современныхъ европейцевъ мѣряются, вообще говоря, греческою классическою мѣркою. Принимая во вниманіе то, совершенно первостепенное, значеніе, которое приписывается новѣйшими біологами половому подбору въ сознаниі органическихъ формъ, мы невольно должны-бы остано­виться передъ вопросомъ: какое морфологическое вліаніе оказали образцы классическаго искусства, популяризируемые вездѣ, гдѣ только правительство или общество прилагаютъ какую-нибудь заботу о процвѣтаніи изящныхъ искусствъ на физическій складъ современныхъ европейцевъ? О томъ-же, что этотъ физическій складъ тѣсно обусловливаетъ всю внутреннюю, духовную и умственную жизнь субъекта, излишне было-бы и распространяться, какъ о слишкомъ избытой истинѣ. Интересный вопросъ этотъ, однакожъ, насколько мнѣ извѣстно, не былъ еще до сихъ поръ изслѣдованъ антропологически съ надлежащей обстоятельностью и полнотою. Мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что въ странахъ, гдѣ образцы классическаго искусства встрѣчаются на каждомъ шагу, — какъ, напримѣръ, въ Италіи, — на площадяхъ, въ многочисленныхъ и легко доступныхъ церк­вахъ, музеяхъ и т. п., мы и въ дѣйствительности на каждомъ шагу встрѣчаемъ живыхъ Венеръ, Діанъ, Адонисовъ, Антиноевъ и т. п. Въ странахъ-же, гдѣ изящныя искусства распространены гораздо менѣе или гдѣ они приняли направленіе, существенно отличное отъ классическаго, самый типъ народонаселенія поражаетъ всякими непропорціональностями и уклоненіями глазъ, привыкшіи любоваться только размѣрами, выразившими человѣческой идеаль Праксителей, Апелесовъ и ихъ ближайшихъ послѣдователей и преемниковъ. Когда только-что поставленный выше вопросъ будетъ разрѣшенъ сколько-нибудь научно, только тогда мы увидимъ, въ какой мѣрѣ боги языческаго Олимпа до настоящаго времени еще лѣпятъ насъ самихъ по своему классическому образу и подобию. То-же самое научное разрѣшеніе этого вопроса послужитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и антропологическою подкладкою для цѣлаго ряда интересныхъ изслѣдованій вродѣ того примѣръ, въ какой мѣрѣ различные передовые народы успѣли перерости древне-греческій критеріумъ красоты и установить свои собственные мѣрки гармоническаго, т. е. идеальнаго, по ихъ мнѣнію, развитія человѣческаго типа? Со временъ Винкельмана всѣмъ хорошо извѣстно, что греки не считали хорошо

развитую по нашимъ современнымъ понятіямъ голову за неизбѣжный атрибутъ красоты: ихъ Венеры, Діаны, Аполоны, Антинои и т. п. обладали такимъ маленькимъ черепомъ, при которомъ они должны были близко граничить съ совершеннымъ идиотизмомъ. Вездѣ въ Европѣ мы встрѣчаемъ въ просвѣщенныхъ классахъ населенія сознаніе, что физическая красота рѣзко встрѣчается рядомъ съ умомъ. Это уже можетъ служить прямымъ указаніемъ на то, что наша эстетическая требовательность, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, переросла древне-греческіе шаблоны, но еще не успѣла выработать своихъ. Тому, кто посѣщаль международныя художественныя выставки, не могло не броситься въ глаза, что пластическія искусства повсюду очень замѣтно начинаютъ уклоняться отъ древне-греческихъ образцовъ, сохраняя въ этихъ уклоненіяхъ свой особый національный характеръ. Мало-мальски опытный взглядъ уже легко можетъ различить даже по одному очерку обнаженной фигуры, женской или мужской, нарисованной даровитымъ художникомъ, нѣкоторыя особенности возрѣнія на природу вообще и на человѣка въ частности, господствующія въ обществѣ, воспитавшемъ этого художника. Такъ, напримѣръ, каульбаховскія героини такъ и выглядятъ добродѣтельными матронами, самую природою предназначенными для увѣсистыхъ объятій геркулесовъ, испорченныхъ въ своемъ развитіи кирасирскими ботфортами и солдатскою амуницией. Одинъ тотъ фактъ, что французскіе артисты сосредоточиваютъ весь свой талантъ почти исключительно на изображеніи голыхъ женскихъ формъ, уже съ разу поясняетъ намъ, что ихъ представленія о красотѣ слишкомъ односторонне уклонились въ сторону граціозной чувственности болѣе съ клубничнымъ, чѣмъ съ семейственнымъ или героическимъ отѣнкомъ. За то эти французскіе художники, кажется, одни до сихъ поръ въ цѣлой Европѣ успѣли выработать самостоятельный и своеобразный физическій типъ женщины, столь-же отличный отъ классическихъ Венеръ и Діанъ, какъ и отъ сухопарыхъ Рахилей и Мадонъ Альберта Дюрера. Типъ этотъ, отличающійся преувеличеннымъ развитіемъ того, что можно считать вторичными половыми признаками женщины, механически, такъ сказать, пропагандируется на всю Европу не одними только артистами, но и модистками: какъ туго зашнурованный корсетъ, сжимающій съ

очень ранняго возраста грудную кѣтку нашихъ египтянъ, бабушекъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе оказалъ, наконецъ, замѣтное вліяніе на анатомическое строеніе тѣла европейскихъ женщинъ, такъ точно и новыя французскія моды указываютъ ихъ физическому развитію искусственный предѣлъ, придуманный не чьимъ-бы то ни было необузданнымъ воображеніемъ, но созданный цѣлымъ строемъ медленно и непримѣтно слагавшагося возрѣнія на природу, на человѣка, на женщину; а этотъ предѣлъ, въ свою очередь, черезъ чисто механическое дѣйствіе всякихъ корсетовъ, повязокъ, юбокъ, сжимающихъ колѣни, какъ въ мѣшкѣ, и т. п., не можетъ остаться безъ вліянія на антропологическій складъ дальнѣйшихъ поколѣній...

Я хотѣлъ только показать, что эпоха классическаго многобожія вовсе не такъ безповоротно и окончательно пережита нами, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Мы слишкомъ много заботились о классицизмѣ, объ эстетикѣ, основанной на неизмѣнной подкладкѣ древне-греческихъ представленій о красотѣ и т. п. Мы упустили изъ вида только тѣ, довольно многочисленныя, стороны, которыми это дѣло можетъ еще представлять для насъ въ настоящее время живой, насущный, а не археологическій, кабинетный интересъ. Впрочемъ, изучили-ли мы, по крайней мѣрѣ, основательно греческое многобожіе, хотя бы только съ чисто археологической, книжной стороны? Это еще вопросъ. Не далѣе, какъ въ началѣ нынѣшняго года, Дешармъ (Deschamps) издалъ о греческой мифологіи новый и довольно полный трактатъ, встрѣченный, по крайней мѣрѣ, французскою публикою весьма сочувственно. Это одно уже показываетъ, что французское образованное общество, одно изъ наилучше воспитанныхъ на классицизмѣ, считаетъ, однакожъ, нелишнимъ расширить свой запасъ свѣденій даже по этой части. Однако, во всякомъ случаѣ, греческая мифологія извѣстна намъ все-же гораздо лучше другихъ политеистическихъ религій, равнозначащихъ съ нею въ смыслѣ общаго культурнаго развитія; она менѣе другихъ отвлечетъ насъ отъ насущной дѣйствительности въ археологическую даль и глушь, а потому мы и изберемъ ее здѣсь за образецъ того возраста общечеловѣческаго самосознанія, котораго характернѣйшимъ порожденіемъ можно признать суевѣрно-метафи-

развитую

окрещенное прозвищем многобо-

чно

621

лучай замѣтить, что въ исторіи развитіи
 ныхъ представленій народы, крайне-отдален-
 ные другъ и обставленные крайне-различно въ смыслѣ
 овій, приходятъ въ извѣстномъ возрастѣ своего са-
 къ порожденіямъ вполне однороднымъ, а часто и вовсе
 лвеннымъ. Національныя и другія особенности оказываются
 ко различіемъ въ раскрытіи образовъ; создаваемыхъ въ разное
 время нашею фантазіею подъ влияніемъ мало еще разслѣдова-
 ныхъ универсальныхъ законовъ. Такою національною особенностью
 грековъ было ихъ восторженное и эпикурейское поклоненіе кра-
 сотѣ, отнимавше у всего ихъ суевѣрно-метафизическаго развитія
 всякій характеръ аскетизма и сподвижничества. Во всемъ гре-
 ческомъ пантеонѣ не было ни одного божества, которое можно
 было-бы назвать національнымъ въ строгомъ значеніи этого слова,
 т. е. которое не было-бы заимствовано изъ источника, доступнаго
 также и другимъ народамъ. Главнѣйшіе обитатели и повелители
 ихъ Олимпа были только дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ тѣхъ
 первоначальныхъ мифовъ, которыми общіе индо-европейскіе предки
 поклонялись еще до своего распадѣнія и до эмиграціи ихъ въ
 Европу. Самыя имена ихъ измѣнились мало, или даже вовсе не
 измѣнились: Дивъ или Діеусъ такъ и остался Зеусъ-питеромъ,
 т. е. небомъ-отцемъ; Веруна сталъ Ураномъ и т. п. А между
 тѣмъ, эти-же самыя суевѣрно-метафизическія представленія въ
 браминской Индіи привели къ созданію мифовъ замѣчательно
 безобразныхъ, ужасающихъ и подавляющихъ,—мифовъ дѣйствительно
 демоническихъ на нашъ взглядъ, хотя-бы съ ними и не связыва-
 лась демоническая спеціальность зла и разрушенія. Поклоненіе
 этимъ уродливо-чудовищнымъ богамъ, неимѣющимъ въ себѣ рѣшитель-
 но ничего человѣческаго, привело очень естественно индѣйцевъ къ
 чудовищной теократіи, сковавшей и задавившей все ихъ даль-
 нѣйшее умственное и общественное развитіе. Грекъ-же, вообра-
 жая себѣ своихъ боговъ не только человѣкоподобными, но и, сра-
 внительно, гораздо болѣе человѣчными, приближался къ нимъ безъ
 особаго ужаса самъ, не вуждаясь въ неисчисленномъ количествѣ
 посредниковъ, заставляющихъ азіатскихъ аріидцевъ еще и до сихъ
 поръ дорого платить себѣ за свои фиктивныя услуги. Точно так-

же, заимствуя безобразные и отвратительные мифы у египтянъ, финикянъ и карфагенянъ, греки облагораживаютъ и очеловѣчиваютъ ихъ. Эта національная особенность древнихъ грековъ въ высшей степени драгоценна и замѣчательна.

Со времени Гумбольдтова „Космоса“ эту замѣчательную гуманизирующую способность древнихъ грековъ принято объяснять, главнымъ образомъ, рѣдкою красотою и роскошью природы Элады. Это объясненіе въ значительной степени подтверждается еще и тѣмъ, что греческія политеистическія порожденія не вездѣ отличались равною красотою и гуманностью: въ Фессалии и Аркадіи, наприимѣръ, гдѣ природа замѣтно бѣднѣе и суровѣе, чѣмъ на югѣ, и суевѣрныя представленія отличались характеромъ мрачнымъ, грубымъ, подавляющимъ. Отсюда распространились на всю Европу разнообразныя колдовства и волшебства, часто вполне людоедскаго свойства. Фессалійскія чаровницы учили и римлянъ времени имперіи готовить всякіе адскіе напитки и приворотныя снадобья изъ крови невинныхъ младенцевъ, печенки или сердца убитыхъ людей и т. п. Аркадія-же, какъ выше уже было замѣчено, можетъ считаться родиною по-преимуществу повѣрій въ упырей, оборотней, вампировъ и т. п. Однакожь, Пешель, по моему мнѣнію, совершенно правъ, замѣчая, что одними географическими условіями мѣстности невозможно объяснить различный характеръ религиозныхъ и суевѣрныхъ представленій развившихся въ ней народовъ. Онъ (въ послѣднемъ изданіи своей „Völker-Kunde“) ссылается на очень краснорѣчивый примѣръ Мексики, гдѣ климатическія и почвенныя условія исключительно благопріятны, но гдѣ, между тѣмъ, цивилизація прививается плохо и гдѣ политеистическія вѣрованія анахуаковъ отличались выходящими даже изъ ряда чудовищностью и безобразіемъ. Бокль, какъ извѣстно, хорошо сознавалъ пробѣлъ гумбольдтовскихъ воззрѣній и пытался разслѣдовать вліяніе, оказываемое на суевѣрно-метафизическія воззрѣнія и представленія разныхъ народовъ пищею. Ему удалось подмѣтить нѣсколько не безинтересныхъ аналогій и совпаденій въ этомъ отношеніи. Такъ, наприимѣръ, онъ устанавливаетъ, что народы, питающіеся исключительно растительною пищею, отличаются особенною склонностью къ аскетизму и мистицизму. Однакожь, въ цѣломъ его попытка едва-ли можетъ быть названа удачною. Не имѣя возможности вдаваться въ тщательное

изслѣдованіе этого вопроса, я замѣчу только, что вышеупомянутый пластическій и гуманный характеръ греческой мифологіи можетъ легко быть объясненъ не одними только географическими особенностями ихъ страны, также не тѣмъ только, что древніе греки питались мясною пищею и не были исключительно вегетарианцами, какъ браминистскіе индійцы, а всѣмъ складомъ греческой жизни. Древнему греку, особенно, смышленому и щедро одаренному природою афивянину, вообще говоря, жилось хорошо, и потому онъ не ощущалъ ни малѣйшаго побужденія вообразить себя своихъ боговъ палачами человѣческаго рода. Индусъ, вѣчно терзаемый голодомъ, болѣзнями, безпощадными кшатріями и браминами, смотрѣлъ на жизнь, какъ на каторгу. Блаженство или, по крайней мѣрѣ, отсутствіе горя и страданія онъ не могъ себя вообразить иначе, какъ въ формѣ небытія. Если все это злополучное племя не самоистребилось поголовно, то единственно потому, что анимистскія суевѣрія убѣждали его, что смерть не есть конецъ личнаго бытія. Безсердечные боги, или демоны браминизма, заставляютъ cadaго, освободившагося смертію изъ этой юдоли плача, начинать свое земное странствованіе вновь въ какой-нибудь новой формѣ (метампсихоза, аватегръ). Избавиться отъ этого, вѣчно возобновляющагося мученичества, можно не иначе, какъ снискавъ себя особую благосклонность и милость этихъ жестокихъ божествъ; они-же не разумны, не справедливы, они только причудливы, мелочны и капризны. Одни только брамины знаютъ съ точностію ихъ нравы, только они одни могутъ указать путь ко спасенію, т. е. къ конечному уничтоженію, — путь, обставленный тысячами бессмысленныхъ, безобразныхъ обрядностей.

Конечно, и древніе греки не благоденствовали заурядъ, и они знали болѣзни, нужду, горе, страданія, но въ общемъ они мирились съ землею жизнью и не только не боялись возобновленія ея послѣ смерти, но даже не считали нужнымъ придумывать себя какія-нибудь загробныя утѣшенія. Лучше этой земной жизни они не воображали себя ничего и сосредоточивали, главнѣйшимъ образомъ, свое вниманіе на томъ, чтобы изъ нея извлечь лучшій ея цвѣтъ, а это возможно не иначе, какъ при соблюденіи во всемъ мѣры, гармоніи, ритма. Переходя за извѣстный предѣлъ, даже наслажденіе, физическое и духовное, переходитъ въ страданіе; слѣдовательно, все дѣло только въ предѣлѣ. Вотъ почему они

не придумываютъ спеціальныхъ боговъ зла даже тогда, когда нравственное разграниченіе понятій и чувство справедливости развиваются у нихъ до высокаго уровня. Добро и зло исходятъ изъ одного корня, они относительны. Одно и то-же божество можетъ быть добрымъ ко мнѣ и злымъ къ моему сосѣду, приятелю или врагу. Боги греческаго Олимпа такіе-же люди, какъ и мы, но только они уравновѣшеннѣе, грандіознѣе, красивѣе. Не находя въ природѣ ничего красивѣе хорошо сложеннаго человѣческаго тѣла, древній грекъ одѣваетъ своихъ боговъ этимъ тѣломъ, которое онъ усиливается вообразить себѣ совершенно освобожденнымъ отъ всякихъ несовершенствъ, неизбѣжно встрѣчающихся въ живой дѣйствительности. Такимъ образомъ, греки первые въ Европѣ и во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря возвысили понятіе о своихъ богахъ надъ животными и изселили свой Олимпъ одними только человѣкоподобными существами, да и то идеализированными, усовершенствованными. Животныя встрѣчаются еще въ классическомъ пантеонѣ, но они уже неравноправны богамъ; между тѣмъ, какъ у египтянъ, служившихъ учителями грекамъ во многихъ отношеніяхъ, быкъ Аписъ, рожденный отъ дѣвственной коровы, получаетъ еще божескія почести отъ своихъ поклонниковъ. Однакожь, и греки, даже на высшей ступени своего развитія, не дошли еще до представленія о божествѣ, какъ о чемъ-то абсолютно-сверхъестественномъ и возвышенномъ: и къ боги, точно также, какъ и люди, и все существующее подчинены какой-то таинственной космической необходимости — *аманге*, но это сбивчивое понятіе не играетъ въ ихъ суевѣрной эволюціи никакой роли и можетъ быть всецѣло отнесено къ области чисто-метафизическихъ порожденій.

Въ греческой мифологіи демонизму, собственно говоря, не находилось мѣста. Они завѣщали намъ, правда, цѣлый контингентъ противниковъ божества — титановъ, громоздившихъ Пеліонъ на Оссу для того, чтобы добраться до небо-громовержца и отнять у него верховную власть. И по греческимъ понятіямъ, олимпийцы не были существами настолько справедливыми и благими, чтобы возстаніе противъ нихъ заслуживало провѣтія, отверженія, неизгладимаго клейма позора и зла. Греческіе титаны такъ-же грандіозны, такъ-же красивы, какъ и сами боги; титанъ-же Прометей, олицетворяющій въ себѣ все, что способно въ человѣкѣ возму-

щаться несправедливостію и злою, безспорно больше отвѣчаетъ нашимъ современнымъ представленіямъ о добродѣтели, чѣмъ самъ громовержецъ Зевсъ, осудившій его на жестокія муки за его смѣлый и свѣтлый протестъ. А между тѣмъ, не одинъ только Байронъ, но и нѣкоторые другіе поэты отрицательнаго направленія нашего вѣка смѣшиваютъ Прометея съ сатаномъ, Каиномъ и т. п. Рядомъ съ титанами мы находимъ въ классическомъ мірѣ множество другихъ мифовъ, повліявшихъ болѣе или менѣе существенно на общеевропейскія представленія о чертяхъ. Таковы, напримѣръ, кабіры, т. е. адскія божества, заимствованныя изъ Финикіи, Египта; таковы фуріи, гарпіи и т. п. Но всѣ они играютъ слишкомъ второстепенную роль. Вообще, греческому міровоззрѣнію чужда идея проклятаго отверженнаго міра. Страданіе, зло, по ихъ понятіямъ, представляются необходимымъ, законнымъ элементомъ природной гармоніи. Оно въ значительной степени смягчается, скрашивается покровомъ пластическаго гармонизма, величія и красоты, который древне-греческое воображеніе накидывало на всѣ свои созданія. Сами греки до такой степени сжумѣли провинуться этимъ своимъ типическимъ міровоззрѣніемъ, что даже спартанскіе отроки, истязуемые у алтаря кровожадной Артемизы, сосредоточивали всю свою энергію только на томъ, чтобы, подъ вліяніемъ страданія, не опозорить себя безобразнымъ движеніемъ или негармоническимъ крикомъ.

Но мы слишкомъ долго остановились на той сторонѣ греческаго политеизма, которою онъ отличается отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ политеизмовъ. Гуманизирующій, гармоническій элементъ, свойственный, вообще, греческому національному строю, породилъ на политеистической почвѣ явленія, въ высшей степени знаменательныя и привлекательныя; но мы должны запясться здѣсь самою этою почвою, которая для всѣхъ народовъ одна и которая только подъ вліяніемъ совершенно исключительныхъ условій порождала обворожительныхъ Венеръ, стройныхъ Діанъ, сладострастныхъ нимфъ и тому подобныя первоклассныя образы. Почти всѣ политеистическія мифологіи отличаются, совершенно напротивъ, уродствомъ, чудовищностью и карикатурностью своихъ порожденій. Конечно, въ очень многихъ случаяхъ эта карикатурность, это уродство языческихъ идоловъ можетъ быть объяснено просто техническою неумѣlostью живописцевъ и скульпторовъ, изготов-

ляющихъ для вѣрующихъ ихъ изображенія. Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ изваянія языческихъ боговъ кажутся намъ безобразными, но это не мѣшаетъ имъ выражать, быть можетъ, идеалы красоты по понятіямъ народовъ, поклоняющихся этимъ изваяніямъ. Но и то, и другое будетъ только частнымъ случаемъ; вообще же говоря, въ представленіяхъ о божествѣ политеистическихъ народовъ изображенія красоты играютъ такую-же ничтожную роль, какъ и соображенія о добродѣтели или справедливости. Та сбивчивость или неразграниченность понятій божественнаго, демоническаго, человѣческаго и скотскаго, которую мы замѣтили въ низшемъ фетишистскомъ періодѣ, долго еще замѣчается и въ мифологіяхъ этой второй и сравнительно высшей формаціи. Но намъ уже давно пора заняться вопросомъ: гдѣ-же начинается собственно многобожіе или политеизмъ, въ чемъ заключается его сущность и чѣмъ отличается онъ отъ низшихъ фетишистскихъ и анимистскихъ порожденій?

Французскіе позитивисты, въ томъ числѣ и упомянутый уже выше Жираръ де Ріаль, избравшій своею спеціальностью сравнительное изученіе мифологій всѣхъ народовъ, даютъ на эти вопросы категорическій и вполне удовлетворительный отвѣтъ. Сущность многобожія, по ихъ опредѣленію, заключается въ томъ, что въ этомъ новомъ періодѣ своего умственнаго развитія человѣчество уже начинаетъ понимать божество или духъ, какъ нѣчто отличное отъ матеріи, остающееся внѣ ея и управляющее ею. Дѣло, слѣдовательно, заключается не въ количествѣ почитаемыхъ божествъ или демоновъ, а въ качествѣ того представленія о божественности и духовности, которое составляютъ себѣ поклонники какого-нибудь языческаго пантеона. Мы знаемъ множество низшихъ религіозныхъ системъ, гдѣ весь видимый міръ представляется населеннымъ неисчислимымъ количествомъ духовъ, или геніевъ, гдѣ пантеонъ, слѣдовательно, еще многочисленнѣе греческаго, египетскаго или браминскаго, но по мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей, эти системы духопоклонничества или обожанія геніевъ, не заслуживаютъ названія политеистическихъ, потому что представленія объ этихъ геніяхъ слишкомъ еще грубо, вещественно, не достаточно метафизично. Прекраснымъ примѣромъ такой низшей религіозной системы можетъ служить національная японская религія, или гинтоизмъ, сохранившаяся отчасти и до нашего вре-

мени, хотя и значительно видоизмѣненная буддйскимъ и конфуцйскимъ вліаніемъ. Въ этой системѣ имѣется спеціальныи геній рѣшительно для каждаго разряда явленій не только вещественныхъ, но и отвлеченныхъ, не только природныхъ, но и искусственныхъ. Такъ, напримѣръ, существуетъ особенный геній или духъ, обитающій въ каждомъ отхожемъ мѣствѣ и особенно преслѣдующій женщинъ въ пору мѣсячныхъ очищеній; особенные геніи живутъ въ колпакахъ и въ плащахъ, въ пищѣ, въ слезахъ, въ изверженіяхъ человѣческаго тѣла и т. п. Дѣйствительно, подобныя чувствєнныя воззрѣнія могутъ имѣть мало общаго съ пластическимъ пантеизмомъ классической Греціи и служить памятниками міровоззрѣнія очень еще ребяческаго, а потому и понятно, что французскіе изслѣдователи не считаютъ ихъ даже за религіи, а всецѣло относятъ къ области фетишизма. Съ этнографической точки зрѣнія, однакожъ, всѣ эти тонкія подраздѣленія могутъ имѣть только очень мало значенія. За исключеніемъ очень немногихъ, особенно рѣзкихъ, примѣровъ, мы на каждомъ шагу будемъ встрѣчать самыя серьезныя затрудненія, если вздумаемъ классифицировать извѣстныя намъ суевѣрно-метафизическія системы отсталыхъ народовъ по шаблонамъ Огюста Конта. Затрудненія эти вытекаютъ не только изъ невозможности собрать всѣ необходимыя подробнѣйшія свѣденія объ отношеніяхъ различныхъ отсталыхъ народовъ къ своимъ богамъ, но еще, и гораздо болѣе существеннымъ образомъ, изъ того, что самому первобытному анимизму свойственна уже извѣстная, довольно сложная метафизика, а всѣ метафизическія представленія до крайности растяжимы, а такъ какъ наша собственная метафизика идетъ изъ того-же самаго источника, то мы на каждомъ шагу рискуемъ понимать и толковать различныя религіозныя системы дикарей по нашему, а не по ихнему. Когда мы узнаемъ, напримѣръ, что остатки събуютъ своихъ боговъ, провинившихся чѣмъ-нибудь передъ ними, то мы совершенно вправѣ заключить, что они пребываютъ въ періодѣ самаго ребяческаго фетишизма; но если намъ приходится дѣлать оцѣнку или классификацію не на основаніи положительныхъ фактовъ, то построенія наши непременно будутъ ошибочны или, по крайней мѣрѣ, произвольны. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые ученые лѣзутъ изъ кожи вонъ, чтобы доказать, будто китайское поклоненіе Тянь, т. е. небу-отцу, или оплодотворяющему, мужескому и эфирному началу, должно быть

отнесено къ чистѣйшему фетишизму, другіе, столь-же авторитетныя ученые, никакъ не могутъ согласиться въ этомъ съ ними. Я, съ своей стороны, могу только замѣтить, что китайское представленіе о небѣ, чуждое всякаго антропоморфизма, гораздо отвлеченнѣе, метафизичнѣе греческаго Зевса даже позднѣйшей эпохи. Въ моихъ глазахъ важно, впрочемъ, не распредѣленіе мифологій по контовскимъ рубрикамъ или кадрамъ, но интересно прослѣдить, какимъ образомъ человѣчество, начавъ съ животно-соннаго отношенія къ реальному міру, приходитъ къ созданію болѣе или менѣе стройныхъ и цѣлостныхъ фиктивныхъ міровъ, населенныхъ призраками и демонами; эти суевѣрные созданія, не существующія нигдѣ кромѣ, какъ въ воображеніи своихъ поклонниковъ, оказываютъ, однакожъ, гораздо болѣе вліянія на матеріальное благосостояніе и умственное развитіе народовъ, чѣмъ многія реальнѣшія и существеннѣшія географическія и иныя условія.

Выше мы уже видѣли, какъ возникаютъ въ дѣтскомъ невѣжественномъ мозгу представленія фетишистскія и анимистскія, которыя, въ силу косности или атавизма, доживаютъ до самыхъ высшихъ предѣловъ осуществленнаго до сихъ поръ культурнаго развитія, переплетаясь на каждомъ шагѣ съ созданіями несравненно-высшаго порядка, побуждая цѣлыя группы человѣчества ко множеству непослѣдовательныхъ поступковъ и нарушая внутреннюю гармонію и цѣлостность нашего позднѣйшаго міросозерцанія. По нашему мнѣнію, весь многовѣковой прогрессъ заключается только въ послѣдовательномъ исчезновеніи этихъ призраковъ, созданныхъ запуганнымъ воображеніемъ въ пору перваго пробужденія человѣческаго самопознанія среди неизслѣдованной еще опытою и наукою природы. Прогрессъ этотъ осуществляется чрезвычайно медленно и идетъ вовсе не прямымъ путемъ, а ежечасно уклоняясь во всевозможныя околныя трущобы и дебри. Суевѣрно-метафизическія представленія совершенствуются, т. е. приходятъ къ самоотрицанію, не въ силу присущаго имъ самимъ прогрессивнаго начала, а только подъ постороннимъ руководящимъ вліяніемъ опыта и знанія. Дикарь могъ-бы безъ конца приносить кровавыя жертвоприношенія своему очагу и все-таки не замѣтить, что огонь этого очага тождественъ съ огнемъ очага всѣхъ его сосѣдей. Но когда опытою и наблюденіемъ онъ дошелъ уже до признанія этого тождества, то ему самому кажется ребячествомъ его поклоненіе своему очагу:

онъ начинаетъ поклоняться генію всѣхъ очаговъ; такимъ образомъ, неисчислимое количество фетишей каждаго очага сливается въ лицѣ одного генія всѣхъ очаговъ, а слѣдовательно, и исчезаетъ цѣлый рядъ ребячески-суевѣрныхъ порожденій. Исчезаетъ онъ, къ сожалѣнію, не безслѣдно, такъ какъ порожденные имъ обряды остаются еще на долгое время, отчасти приноровившимся къ новымъ суевѣрнымъ воззрѣніямъ, отчасти въ формѣ волшебства или колдовства, отчасти-же, наконецъ, въ совершенно бессмысленной формѣ.

Но опытъ и наблюденія болѣе или менѣе скоро приводятъ дикаря къ сознанію, что огни всѣхъ очаговъ не только тождественны между собою, но тождественны также и со всѣми извѣстными ему огнями. Тогда онъ начинаетъ собирать геніевъ всѣхъ огненныхъ явленій въ одну группу, которую онъ не замедлитъ снабдить соціальною іерархією, совершенно сходною съ устройствомъ общества, въ которомъ онъ самъ живетъ на этомъ свѣтѣ. Какой-нибудь особенно грозный геній или демонъ будетъ провозглашенъ царемъ этой группы, а остальные ея члены низведутся на второстепенную роль слугителей и подручныхъ, которымъ вскорѣ и вовсе перестанутъ приносить всякія жертвы, сосредоточивая все свое вниманіе на томъ, чтобы ублажить ихъ повелителя. Когда этотъ новый процессъ обобщенія дойдетъ до своего конца, тогда цѣлый новый рядъ геніевъ исчезнетъ, поглощенный въ лицѣ одного повелителя всѣхъ огней, который уже не составляетъ частицы каждаго огня, а распоряжается всѣми огненными явленіями въ мірѣ, т. е. отвѣчаетъ контовскому опредѣленію мифа политеистической или многобожной системы. Но въ исторіи этотъ процессъ объединенія совершается чрезвычайно медленно; многіе народы, по недостатку-ли культурнаго инстинкта или по другимъ, плохо извѣстнымъ намъ, причинамъ, застреваютъ на различныхъ его ступеняхъ. Многіе народы, достигшіе значительно высшихъ предѣловъ развитія, переживали различные фазисы или ступени этого процесса уже въ историческую эпоху. Мы обыкновенно говоримъ о мифологіи египтянъ, грековъ и т. п., какъ о чемъ-то цѣлостномъ, неподвижномъ и законченномъ. Въ дѣйствительности-же это было далеко не такъ: каждый изъ вышеупомянутыхъ народовъ оставилъ намъ достовѣрные памятники своего прохожденія по разнымъ ступенямъ этой лѣстницы, причемъ онъ

на каждую высшую ступень возносилъ съ собою цѣлые грузы хлама, нажитаго имъ еще на первой ступени этого восходящаго шествія.

Достигнувъ того предѣла, который по новой научной терминологіи составляетъ характерную сущность многобожія, это прогрессивное движеніе не останавливается и не измѣняетъ своего направленія: при каждомъ новомъ успѣхѣ въ способности обобщенія, цѣлые сонмы мифовъ начинаютъ группироваться вокругъ одного какого нибудь царька или архонта и постепенно поглощаются имъ. Явленія, которыя ребячески-неопытному уму представляются совершенно разнородными, неизмѣющимися между собою ничего общаго, при сколько-нибудь зрѣломъ ихъ разслѣдованіи, оказываются порожденіемъ одной общей имъ всѣмъ причины. Человѣкоуподобляющее представленіе этой причины становится сперва главноуправляющимъ, а потомъ и единственнымъ мифомъ всего этого разряда явленій, а слѣдовательно, и становится менѣе вещественнымъ, а болѣе приближается къ отвлеченному, метафизическому понятію міровой силы. Нельзя не замѣтить одного, что выборъ названій, придуманныхъ позитивистами для обозначенія трехъ намѣченныхъ ими этаповъ, крайне неудачный. Такъ, напримѣръ, періодъ многобожія тѣмъ отличается на первый взглядъ отъ фетишизма, со включеніемъ въ этотъ разрядъ и первоначальнаго анимизма и сравнительно высшаго поклоненія гениямъ, что въ немъ суевѣрно-метафизическихъ построеній оказывается гораздо *меньше*. Однакожь, въ самомъ умѣренномъ политеистическомъ пантеонѣ боговъ все еще такъ много, что необходимы цѣлые вѣка и громадная способность безостановочнаго прогрессивнаго развитія для того, чтобы достигнуть тѣхъ предѣловъ, которые въ исторіи язычества пожѣчены религіею Зароастра, признающаго во всемъ мірозданіи только два мифа: добро и зло, — Магомета — плохо-ли, хорошо-ли — сводящаго и эти два мифа къ міровому единству и, наконецъ, Будды Сакья-Муни, котораго религія, по словамъ Бюрнуфа, Бартелини де Сэнт-Илера и пр., атеистична, т. е. которые стремятся свести всѣ мифы къ нулю, а слѣдовательно, и вывести своихъ послѣдователей изъ области суевѣрно-метафизическихъ построеній вообще и демонизма въ частности, которую я намѣревался обозрѣть на этихъ обглыхъ страницахъ. Маздеизмъ и буддизмъ начинаютъ оба съ очень возвышеннаго идеала, но они развились

изъ браминства, а слѣдовательно, и пережили низшія стадіи въ немъ. Мусульманство, какъ извѣстно, заимствовало щедрою рукою свои построения у евреевъ, тоже прошедшихъ, по свидѣтельству священнаго писавія, періодъ поклоненія фетишамъ, которыхъ Рахиль похищала у своего отца, слѣдуя за Іаковомъ, золотныя тѣльцамъ и пр. Греческая мифологія представляется намъ особенно интересною еще и въ томъ отношеніи, что она (какъ и египетская) пережила цѣлый долгій рядъ послѣдовательныхъ превращеній отъ ребяческаго фетишизма временъ Гомера до возвышеннаго единобожія Клеонта и Сократа. Намъ, собственно, все равно, съ какихъ-бы поръ мы ни вздумали считать греческую мифологію за политеистическую, а не за фетишистскую систему. О многочисленныхъ остаткахъ грубѣйшаго фетишизма, сохранившихся у грековъ даже въ самую цвѣтущую пору ихъ исторіи, выше уже было говорено. Замѣтимъ, что у грековъ не только первоначально, но даже и въ позднѣйшую пору, имѣется множество отдѣльныхъ божествъ для совершенно однородныхъ явленій. Солнце весною, когда оно пріятно грѣетъ и оплодотворяетъ новые посѣвы, управляется, по ихъ понятіямъ, совершенно инымъ божествомъ, чѣмъ солнце осеннее, жгучее, страстное, вливающее въ виноградные грозды живительную кровь титана Діонисона. Солнце на зенитѣ и солнце, появляющееся утромъ на горизонтѣ, почитаются также въ видѣ двухъ, совершенно равноправныхъ и различныхъ, божествъ. Мало-по-малу скромная Аврора становится служанкою Аполлона, открывающею ему небесныя ворота, когда онъ побѣдоносно выѣзжаетъ на своей колесницѣ, запряженной ретивыми конями и т. д. Это объединеніе и подчиненіе цѣлыхъ сонмовъ болѣе вещественныхъ и человѣкоподобныхъ мифовъ сравнительно меньшему числу метафизическихъ, отвлеченныхъ божествъ совершается далеко неодновременно у различныхъ народовъ греческой федераціи. Разные слои народонаселенія одного и того-же народа ежечасно отстаютъ другъ отъ друга въ этомъ прогрессивномъ шествіи. Протагоръ уже ввозглашаетъ свое знаменитое пишепапошепа, что значитъ, что олимпійскіе мифы суть только различныя названія, придуманныя для обозначенія невѣдомой причины явленій, кажущихся разрозненными только на невѣжественный взглядъ, а его сограждане еще вѣрятъ въ реальное бытіе этихъ мифовъ, и власти изгоняютъ оскорбителя боговъ изъ родного города. Точ-

но также въ браминской Индіи мудрецы уже споконъ-вѣка додумались до того, что Агни, Индра, Вишну и т. п. — только разные названія единого вѣчнаго начала, а браминство и до настоящей минуты остается религіею политеистическою въ строжайшемъ значеніи этого слова. Когда мы разсуждаемъ о какой-нибудь религіозно-метафизической системѣ, то необходимо принимать во вниманіе не тѣ высшіе предѣлы, до которыхъ добрались немногіе избранныки. Культурное значеніе этихъ системъ не въ ихъ метафизическихъ утонченностяхъ, а въ ихъ способности примирять съ постоянно измѣняющимся духомъ времени первобытныя фетишистскія порожденія умовъ, неспособныхъ къ логическому мышленію.

Труды и изслѣдованія по сравнительной мифологіи приобретаютъ въ нашихъ глазахъ интересъ по мѣрѣ того, какъ они представляютъ на видѣ читателя эту существеннѣйшую сторону суевѣрно-метафизической эволюціи, возможно меньше путаясь и теряясь во всевозможныхъ подробностяхъ, утомляющихъ вниманіе и заводящихъ насъ въ археологическую глушь. Къ сожалѣнію, изъ довольно уважительнаго количества сочиненій, появившихся за послѣдніе годы на разныхъ европейскихъ языкахъ по этой части, мы знаемъ только „Les Origines de la Religion“ Жюля Бессака, гдѣ эта руководящая нить намѣчена вѣрно и смѣлою рукою. Въ особенности французскому писателю удалось очень хорошо показать, какимъ образомъ мистическая или суевѣрная эволюція не только не руководитъ общимъ культурнымъ развитіемъ, но постоянно отстаётъ отъ него, противопоставляя ему всю силу инерціи или атавизма, стремящуюся на-вѣки приковать человѣка къ фетишизму, т. е. къ ребячески бессмысленной обрядности. Мы уже видѣли, что въ политеистическую эпоху сонмы божествъ іерархически группируются вокругъ одного какого-нибудь повелителя, который мало-по-малу поглощаетъ въ себѣ ихъ всѣ. Точно также между отдѣльными группами устанавливается своего рода іерархія: одни языческіе народы отдають рѣшительное предпочтеніе богамъ земнымъ (хтонійскимъ); другіе — богамъ небеснымъ или звѣзднымъ; третіе — огненнымъ и т. д. Ж. Бессакъ показываетъ намъ, что этимъ предпочтеніемъ руководятъ не какія-нибудь племенные особенности, а общій культурный строй данной эпохи, дѣйствующій у самыхъ разнообразныхъ народовъ съ замѣчатель-

нымъ однообразіемъ. Такъ, напримѣръ, пока народы остаются въ періодѣ гетеризма, т. е. общности женъ, т. е. пока каждый знаетъ только свою мать, а не можетъ знать отца, иногда и въ мифологіи преобладаетъ образъ хтонійскихъ божествъ, сосредоточивающихся вокругъ „матери земли“, т. е. всепорождающей богини безъ всякаго оплодотворенія. Эта „всемирная мать“ воображается иногда въ видѣ дѣвственницы, но чаще въ образѣ божественной блудницы, — обширное лоно, которое всегда готово къ воспринятію каждаго сѣмени. Въ этомъ періодѣ зарождается культъ женскихъ половыхъ органовъ (*ктайсз*), котораго слѣды открыты и въ современной Франціи, и который недавно запрещенъ правительствомъ въ Японіи. Но нравы измѣняются: общность женъ, составлявшая прежде законъ, становится исключеніемъ, нарушеніемъ гражданского закона, проституціею. Тогда мифологія принимаетъ ее подъ свое, болѣе или менѣе могучее, покровительство, и эта суевѣрная проституція долго еще носить общественный характеръ послѣ того, какъ семья уже образовалась подъ главенствомъ отца. Только послѣ упорной и продолжительной борьбы, хтонійская мать съ своимъ причомъ уступаетъ первенство „небу-отцу и кормильцу“ (*Dianp-piler*)... Ж. Вэссакъ не оставляетъ въ насъ никакого сомнѣнія какъ насчетъ универсальности этого первобытнаго культа, такъ и насчетъ его тѣсной связи съ поклоненіемъ небу и землѣ. Въ особенности-же въ его сочиненіи собрано много интересныхъ фактовъ относительно того вліянія, которое лингвистическія представленія оказали на культурное развитіе и на мистическія воззрѣнія Европы...

До сихъ поръ мы разсматривали суевѣрно-метафизическую эволюцію такъ, какъ-будто человѣкъ стоялъ непосредственно лицомъ къ лицу съ природою; какъ-будто между нимъ и нею не существовало никакихъ посредниковъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы придать его ребяческой запуганности и умственной несостоятельности опредѣленное направленіе. Первоначально, дѣйствительно, такіе посредники не должны были существовать, и предположеніе, будто человѣчество наведено на мысль суевѣрно-метафизическихъ порожденій какими-нибудь злонамѣренными или своекорыстными шарлатанами и обманщиками, не выдерживаетъ никакой

критики. Вся удумливая и головоломная путаница фетишистских и анимистских хитросплетеній есть роковой продуктъ отраженія реальности въ сонномъ, неосвѣщенномъ знаніемъ и цѣлесообразнымъ мышленіемъ мозгу; всё-же повдвѣйшія суевѣрно-метафизическія построенія, включая въ ихъ число и утонченнѣйшій спиритизмъ и т. п. чертовщину новѣйшаго времени, суть только дальнѣйшія метаморфозы этихъ-же самыхъ хитросплетеній, — продуктъ болѣе или менѣе удачнаго и сознательнаго стремленія примирить современныя представленія разумности и причинной связи явленій съ атавистскими вѣрованіями и обрядами темныхъ ребаческихъ временъ.

Мы знаемъ народы, у которыхъ не замѣчено вовсе никакихъ жрецовъ, волхвовъ, вудесниковъ и т. п. посредниковъ между простымъ смертнымъ и обожаемыми имъ фетишами или гениями. Само собою разумѣется, что мы при этомъ имѣемъ въ виду не только тѣ совершенно отсталые народы, у которыхъ не замѣчено даже до сихъ поръ никакихъ суевѣрій и обрядовъ. Но, напримеръ, въ китайской исторіи нѣтъ никакого упоминанія о жрецахъ или колдунахъ, по крайней мѣрѣ, до V столѣтія до Р. Х., т. е. до тѣхъ поръ, пока не распространилось въ странѣ мистическое ученіе Лао-дзе (такъ-называемая секта даосовъ), ведущее свое начало, по мнѣнію европейскихъ изслѣдователей, отъ браминства. А между тѣмъ, китайцы, по меньшей мѣрѣ за тысячу или полторы тысячи лѣтъ передъ тѣмъ, знали уже семью, устроенную подъ главенствомъ отца, знали земледѣліе, гидравлическія работы, съемку плановъ и свойства прямоугольнаго трехугольника; имѣли календарь, письменность, т. е. никовъ образомъ не могли считаться за дикарей, хотя бы въ очень условномъ и относительномъ смыслѣ этого слова. Замѣчательно, что въ то-же самое время они никакъ не могли считаться отсталыми въ суевѣрно-метафизической эволюціи, такъ-какъ они имѣли уже сохранившійся до сихъ поръ культъ предковъ и цѣлыхъ сонмовъ гениевъ земныхъ и небесныхъ, которымъ приносились жертвы, въ честь которыхъ справлялись таинственные обряды. Они уже успѣли подчинить земныхъ духовъ одному отвлеченному, метафизическому женскому началу, которое воображали себѣ уже не въ человѣкоподобной формѣ „хтонійской матери“, а въ видѣ очень сложной абстракціи, совмѣщавшей въ себѣ представленія мрака, косности, бездѣйствія,

слабости матеріи. Точно также духи небесные были уже подчинены началу мужскому, дѣятельному, лучезарному, эфирному, движущему, согрѣвающему и оплодотворяющему. Небо, т. е. Тянь, было какъ-бы тѣломъ или вмѣстилищемъ этого мужскаго начала, ему одному приносились жертвы, какъ отцу и кормильцу вселенной, т. е. Діаусъ-Патеру, воображаемому, однакожь, гораздо менѣе фетишистскимъ образомъ, чѣмъ у азіатскихъ арійцевъ и у грековъ. Что китайцы дошли до этого предѣла не сразу, а перейдя по всѣмъ промежуточнымъ ступенямъ, по которымъ проходили и другіе народы, — за это можно поручиться не только на основаніи апіористическаго положенія, что законы развитія тождественны вездѣ, но еще и потому, что мы встрѣчаемъ и у китайцевъ остатки *лимаизма*, т. е. поклоненія половому отношенію, какъ символу того мистическаго процесса, которымъ небо оплодотворило землю, — сила матерію, — а заставила и породить вселенную. Слѣдовательно, у китайцевъ не было недостатка ни въ суевѣріяхъ, поглотившихъ значительную долю ихъ національнаго творчества на свое отрѣшеніе отъ первобытной фетишистской вещественности и грубости, ни въ жертвоприношеніяхъ и обрядахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки не было у нихъ ни жрецовъ, ни кудесниковъ. Каждый отецъ семейства приносилъ за себя и за семью жертвы домашнимъ богамъ; князь приносилъ урочныя жертвы Тянь за всѣхъ своихъ васаловъ, пока, наконецъ, императоры, подчинивъ себѣ удѣльныхъ князей, не сдѣлали жертвоприношенія Тянь отъ лица всего народа своею исключительною привилегією.

Точно также обходились безъ жрецовъ и волхвовъ японцы, пока они держались исключительно своего національнаго культа, хотя они тоже имѣли довольно сложные обрядники, справляли всевозможныя очистительныя жертвоприношенія (*харай*, т. е. „внѣтрянніе скверны“), процесіи, очень сходныя съ тѣми, которыя и до сихъ поръ справляются въ Италіи, Испаніи и во Франціи, а на похоронахъ своихъ вождей избивали десятки и сотни невольниковъ и женъ, не считая всякой домашней живности. Но и у нихъ, какъ у сосѣднихъ китайцевъ, всякій обращался къ гениямъ или духамъ самъ за себя, за своихъ женъ, дѣтей и домочадцевъ. Жители болѣе сѣверныхъ острововъ Тихаго Океана, отставшіе отъ китайцевъ и японцевъ въ своемъ

развитіи, точно также не знают ни жрецовъ, ни кудесниковъ, хотя многіе изъ нихъ, напримѣръ, Аино-ни-Йезо и на Сахалинѣ, отличаются большою набожною, но только отцы семействъ справляютъ сами свои обряды въ честь медвѣдя или въ честь *камы* или *камуи*, т. е. гатовъ, а старшины или князьки отдѣльных родовъ священнодѣйствуютъ за все подвластное имъ народонаселеніе. Въ этихъ случаяхъ невозможно даже предполагать, что свѣтскіе вожди первоначально были жрецами и, благодаря своему жречеству или кудесничеству, успѣли забрать силу въ свои руки, т. е., что въ нихъ свѣтская власть слилась съ духовною и поглотила ее въ себѣ. Подобныя примѣры тоже встрѣчаются въ этнографіи, но про Китай, напримѣръ, мы съ достовѣрностью знаемъ, что въ немъ императоры присвоили себѣ исключительное право приносить жертвоприношенія небу за весь свой народъ уже послѣ того, какъ въ ихъ рукахъ была сосредоточена свѣтская власть въ очень значительной степени. Отсталые народы вообще склонны обращаться къ власти имущему съ чисто-фетишистскимъ поклонничествомъ, а потому у многихъ народовъ какъ Старога, такъ и Новаго Свѣта свѣтскій глава есть вмѣстѣ съ тѣмъ и лицо изъ ихъ анимистскаго или фетишистскаго пантеона; но эти примѣры мало имѣютъ отношенія къ вопросу о возникновеніи и развитіи жрецовъ и кудесниковъ, какъ отдѣльнаго сословія, пользующагося большою или меньшею властью и почетомъ въ обществѣ. Китайскій богдыханъ—сынъ неба и одаренъ нѣкоторыми сверхъестественными атрибутами; японскій микадо—преемникъ богини солнца и можетъ причинять землетрясеніе своимъ безпокойствомъ; французскіе короли излѣчиваютъ золотуху своимъ прикосновеніемъ и т. д. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ суевѣрные атрибуты не служатъ опорой власти, а являются только ничтожными ея придатками. Мы не можемъ смотрѣть на только-что помянутыхъ монарховъ, какъ на коронованныхъ жрецовъ, а на практикѣ это развитіе чрезвычайно важно: теократіи, т. е. жреческія царства, всегда и повсюду отличались крайнею исключительностью и жестокою нетерпимостью; а въ Китаѣ и Японіи всякая религіозная пропаганда споконъ вѣку пользовалась замѣчательною свободою. Желая уяснить вопросъ: какими побужденіями руководится человѣчество, отдавая повсемѣстно дань типу лучшихъ плодовъ своего труда свою свободу, семью и нерѣдко самихъ себя въ без-

контрольное распоряженіе людей, необлеченныхъ никакою властью, неказывающихъ своимъ сограждамамъ никакихъ вещественныхъ услугъ?— Мы не можемъ извлечь изъ вышеприведенныхъ примѣровъ ничего поучительнаго и вынуждены обратиться къ другимъ разрядамъ явленій.

Докторъ Онимюсъ, лучшій электропатъ въ настоящее время въ Парижѣ, наживаетъ своею практикою по нѣскольку сотъ тысячъ франковъ въ годъ и еще имѣетъ время писать брошюры о психіатрическомъ состояніи героевъ драмъ Шекспира. Д-ръ Онимюсъ очень образованный человекъ, и электричество—дѣйствительная, реальная сила, способная оказывать медицинѣ большія услуги и до сихъ поръ эксплуатируемая по большей части шарлатанами весьма низменнаго порядка. Но большинство публики имѣетъ самое сбивчивое понятіе объ электричествѣ вообще, а въ особенности о его роли въ нашей органической экономіи. Въ глазахъ этого большинства, послѣ нѣсколькихъ замѣчательныхъ случаевъ излѣченія нѣкоторыхъ болѣзней электричествомъ, само медицинское электричество становится таинственнымъ фетишемъ, обладающимъ способностью изгонять всѣ наши болѣзни, а д-ръ Онимюсъ и нѣсколько другихъ извѣстныхъ электропатовъ— жрецами этого фетиша, и про нихъ уже слагаются цѣлыя легенды; страдающіе всѣхъ странъ торопятся покупать себѣ ихъ услуги, нещадно повышая цѣну этихъ услугъ своею ревнивою конкуренціей. Но здѣсь мы еще видимъ такой примѣръ, въ основѣ котораго лежитъ нѣчто реальное, непротиворѣчащее законамъ разума и требованіямъ цѣлесообразности. А что сказать, напримѣръ, о гомеопатіи, исходящей изъ того мудраго положенія, что $\frac{1}{10,000,000}$ больше 1; о матеопатіи, вновь изобрѣтенной раззорившимся итальянскимъ кутилою и исходящей единственно изъ того руководящаго начала, что поправлять разстроенное состояніе пріятно всякими средствами; о магнетизмѣ, спиритизмѣ и т. п. возрожденіяхъ первобытнаго фетишизма, имѣющихъ громадный успѣхъ въ самыхъ просвѣщенныхъ столицахъ и передовыхъ центрахъ новѣйшей цивилизаціи? Можно сказать одно: въ человѣчествѣ во всѣ времена живетъ неудержимая потребность отдѣлаться какими-бы то ни было мѣрами, *per fas* и *nefas*, отъ подавляющихъ и развѣдающихъ его золь. Не видя разумнаго выхода, оно, съ поспѣшностью испуганнаго стада, бросается во всѣ, открываемыя передъ

нишъ, ворота, усиливаясь само заглушить въ себѣ слабый голосъ здороваго скептицизма и обрушиваясь съ слѣпою яростью на добросовѣстнаго смѣльчава, который вздумаетъ предостеречь его отъ табунаго ослѣпленія. „Обмани меня, но скажи, что ты меня любишь!“ восклицаетъ сентиментальный шиллеровскій любовникъ, убѣдившись въ измѣнѣ своей возлюбленной. Слова эти можно-бы избрать девизомъ ко всей изслѣдуемой нами здѣсь суетвѣрно-метафизической эволюціи; но только болѣе человѣчная, чѣмъ шиллеровская коварная кокетка, цѣлая группа всякихъ колдуновъ, знахарей, волшебниковъ, метагиртовъ, жрецовъ и т. п., тронутая этимъ отчаяннымъ воплемъ, соглашается обмануть съ такою услужливостью, что обманываетъ при этомъ, и, можетъ-быть, всѣхъ прежде, самое себя, тѣмъ болѣе, что для нея этотъ самообманъ служитъ источникомъ очень выгодной спекуляціи.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что крайне-многочисленное и разношерстное сословіе эксплуататоровъ человѣческихъ суетвѣрій имѣетъ чисто-утилитарное происхожденіе. Фетишисту и анимисту точно также не хочется болѣть и умирать, какъ и самому просвѣщенному скептику или самому пламенному идеалисту. Но болѣзнь и смерть, по его представленіямъ, ничто иное, какъ несвоевременная или слишкомъ продолжительная отлучка души изъ его тѣла. Стоитъ только эту праздношатающуюся душу „изловить и водворить“, и все устроится ко всеобщему благополучію. Но какъ совершить эту ловлю?—ни самъ больной, ни иной простой смертный этого не вѣдаетъ. Понятно, что первый, предлагающій свои услуги вѣдунъ будетъ принятъ съ распростертыми объятіями. И дѣйствительно, мы видимъ, что одинъ изъ первѣйшихъ и наиболѣе распространенныхъ видовъ колдуновъ и волшебниковъ, фетишистскихъ жрецовъ и т. п.—лѣкаря, они-же и воскресители мертвыхъ. Даже тамъ, гдѣ въ лицѣ одного волхва или шамана сосредоточивается множество разнообразнѣйшихъ специальностей, лѣкарскіе атрибуты преобладаютъ на-столько, что американцы называютъ шамановъ своихъ краснокожихъ „medicine men“. Римскіе авгуры, какъ извѣстно, не могли смотрѣть другу другу въ лице безъ смѣха, т. е. знали очень хорошо, что они плуты, безъ зазрѣнія совѣсти собирающіе доходъ съ тупости и невѣжества своихъ ближнихъ. Многіе путешественники и этнографы старались наблюдать, не такъ-ли точно смотрятъ на себя

всѣ шаманы, заклинатели духовъ и иные анимистскіе исцѣлители плотскихъ недуговъ чловѣчества? Почти всѣ приходятъ къ заключенію, что сознательный обманъ не играетъ въ этомъ дѣлѣ существенной роли. Добрицгоферъ, такъ прекрасно описавшій нѣкоторыя южно-американскія племена, положительно утверждаетъ, что тамошніе *пьяйе*, или *караибы*, прежде всѣхъ другихъ вѣрятъ въ дѣйствительность своихъ чаръ; а Добрицгоферъ самъ іезуитъ и, слѣдовательно, вполне компетентный судья въ этомъ дѣлѣ. Пешель приводитъ доказательство, что и папуасскіе колдуны относятся къ своему ремеслу добросовѣстно и съ полною вѣрою въ дѣйствительность продѣлываемыхъ ими кривляній. Это нисколько не удивляетъ насъ относительно того періода, когда уже образовался цѣлый, болѣе или менѣе сложный, ритуаль, обставленный всевозможными таинственными и дѣйствующими на воображеніе подробностями. Шаманъ, научившійся этимъ обрядамъ часто съ большимъ трудомъ, подвергавшійся мучительнымъ и даже опаснымъ для его жизни искусамъ, весьма естественно склоненъ смотрѣть на всю эту фантастическую чепуху, какъ на науку, и совершенно добросовѣстно преувеличивать ея значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ. Но какъ возникли и сложились эти первые шаманскіе или колдовскіе обрядники? Этотъ вопросъ кажется намъ очень еще мало выясненнымъ психологически.

Ограничимся на первый разъ областью анимистскаго лѣченія болѣзней и смерти, такъ какъ она составляетъ одну изъ главнѣйшихъ и повсемѣстно распространенныхъ сторонъ колдовства, шаманства и жречества всевозможныхъ отгѣнковъ. По своему общественному положенію жрецы очень многихъ отсталыхъ народовъ всего болѣе приближаются къ нашимъ жарочнымъ зубнымъ врачамъ и шарлатанамъ, которые и до сихъ поръ еще продаютъ на торговыхъ площадяхъ южно-европейскихъ городовъ при фантастической, нерѣдко шутовской обстановкѣ, *симпатическія* лѣкарства отъ всякихъ болѣзней. Можно предположить, что первоначально въ какомъ-нибудь дикомъ обществѣ выздоровленіе больного сопровождалось совершенно случайнымъ обстоятельствомъ, почему-либо обратившемъ на себя вниманіе окружающихъ. По своей фундаментальной неспособности улавливать причинную связь явленій, дикари эти должны, весьма естественно, впасть въ очень распространенную даже въ высшихъ сферахъ логическую ошибку: „post ergo propter“

тер нос", т. е. воображать себя, будто больной выздоровѣлъ именно вслѣдствіе этого чисто случайнаго, обстоятельства, несостоявшаго съ его болѣзью или выздоровленіемъ рѣшительно ни въ какой связи. Всякій другой больной при этомъ непремѣнно захочетъ и на себя испытать это средство но на немъ оно уже можетъ оказаться неэффективнымъ. Это сейчасъ-же вызываетъ длинные толки и пересуды: да точно-ли средство во второй разъ было употреблено точно такъ-же, какъ и въ первый? Можетъ-быть, щука, оказавшаяся подлѣ постели выздоровѣвшаго отъ желтухи, была не въ кругломъ, а въ овальномъ, не въ глиняномъ, а въ деревянномъ сосудѣ, и т. п.? Можетъ-быть, слова, которымъ приписывается выздоровленіе перваго больного, были произнесены въ иной послѣдовательности, съ иною интонаціею, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Обо всемъ этомъ считаютъ нужнымъ справиться у кого-либо изъ присутствовавшихъ при первомъ выздоровленіи и знающихъ доподлинно всѣ его подробности. Такимъ образомъ, одинъ изъ чисто-случайныхъ близкихъ свидѣтелей перваго выздоровленія будетъ призываться къ постели каждаго заболѣвающаго и тщательно воспроизводить у нея все то, чему приписывается выздоровленіе перваго больного. Если изъ десяти новыхъ больныхъ послѣ подобныхъ продѣлокъ выздоровѣетъ еще одинъ, то въ дѣйствительности цѣлебнаго средства не останется уже никакого сомнѣнія. Девять несчастныхъ случаевъ будутъ приписаны всевозможнымъ фиктивнымъ причинамъ, или-же вовсе ускользнуть отъ вниманія. Случайный знахарь обратится въ цѣховаго, присяжнаго; къ нему придутъ учиться другіе; самъ онъ передастъ свою премудрость ближайшимъ наслѣдникамъ. Случай, породившій это колдовство, давно уже исчезнетъ изъ памяти и знахарей, и ихъ паціентовъ, а самое средство тщательно сохранится и дойдетъ до отдаленнѣйшаго потомства, быть-можетъ, значительно украшенное и искаженное фантастическимъ творчествомъ позднѣйшихъ вѣковъ, опутанное всеми хитросплетеніями фетишистской обрядности и анимистской метафизики. Этотъ случайный элементъ несомнѣнно игралъ очень важную роль въ возникновеніи колдовства и шаманства у всѣхъ народовъ. Имъ однимъ могутъ быть очень удобно объяснены всѣ тѣ причудливыя средства, которыми столь богата знахарская и симпатическая медицина всѣхъ странъ. Но при сколько-нибудь внимательномъ изученіи демоническихъ и во-

обще суевѣрныхъ обрядовъ различныхъ народовъ насъ всего болѣе поражаетъ замѣчательное однообразіе шаманскихъ приемовъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Сибирскіе шаманы, ведущіе, какъ извѣстно, свой родъ отъ индѣйскихъ *грамана* и нерѣдко официально считаемыя принадлежащими къ буддѣйской вѣрѣ, *medicine-men*, подъ разными мѣстными названіями встрѣчающіеся въ обѣихъ Америкахъ, отъ Канады до Огненной земли, лапландскіе знахари и волшебники Индо-Китаю, попуасскіе колдуны и люди-фетиши нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ, — прибѣгаютъ всѣ въ излѣченіи болѣзней и заклинаніи смерти къ такимъ сходнымъ средствамъ, что это уже никакъ не можетъ быть объяснено однимъ только случайнымъ совпаденіемъ, о которомъ сейчасъ было говорено.

Наиболѣе распространенные приемы суевѣрной медицины легко могутъ быть отнесены къ двумъ разрядамъ: изловленіе и водвореніе души, покинувшей тѣло больного или мертваго пациента, и изгнаніе болѣзни, воображаемой тоже, какъ особое духоподобное существо. Душу, какъ выше уже было замѣчено, ловятъ, какъ шмеля или бабочку, шапками, подолами, лукошками, сопровождая эту ловлю особыми причитаніями. Болѣзнь выгоняютъ неистовыми криками, пляскою, музыкою, трещетками и т. п., или тоже причитаніями и даже угрозами. Все это такъ ребячески-просто и такъ непосредственно вытекаетъ изъ общей анимистской теоріи, что невольно недоумѣваешь, почему-же всякій вѣрующій не производитъ этого самъ для себя и для своихъ близкихъ, а прибѣгаетъ къ помощи посредниковъ, заставляющихъ всюду дорого платить себѣ за свои сомнительныя услуги и лежащихся повсюду тяжелымъ бременемъ на экономическое и общее культурное развитіе человѣчества? Отвѣтъ, мнѣ кажется, очень простъ: даже на низшей степени культурнаго развитія въ среднемъ человѣчествѣ живетъ струнка скептицизма и здраваго смысла настолько, что онъ не вѣритъ вполне въ возможность остановить смерть заклинаніемъ или прогнать лихорадку трещоткою. Но этотъ скептицизмъ въ немъ такъ слабъ, что передъ лицомъ перваго изувѣра, заморившаго въ себѣ эту скептическую жилку, онъ робко прячется, говоря: „ну, такъ ты и попробуй“. И изувѣръ, дѣйствительно, пробуетъ; не стѣсняясь никакою застѣнчивостію, не замѣчая никакихъ самыхъ вопіющихъ противорѣчій, онъ дѣлаетъ

изъ анимистскихъ данныхъ всѣ тѣ неожиданныйшіе выводы и заключенія, къ которымъ только способенъ ослѣпленный фанатизмомъ или нервно-истерическимъ разстройствомъ мозгъ. Въ ста случаяхъ его пробы дадутъ самый печальный результатъ; но вѣра его въ себя этимъ не можетъ быть поколеблена ни на волосъ, слѣдовательно, и скептицизмъ другихъ передъ нимъ также робокъ и безотвѣтенъ. Замѣчательно, напримѣръ, что большая часть остальныхъ народовъ до сихъ поръ еще не считаютъ смерть естественнымъ удѣломъ всего живого, а неизмѣнно приписываютъ ее недостаточному искусству собственныхъ своихъ знахарей или непреодолимой силѣ чаръ враждебнаго колдуна. Но если хоть въ одномъ случаѣ кудеснику удалось продѣлать свои причитанія надъ пациентомъ, который въ послѣдствіи выздоравливалъ, то скептицизму остается только молчать подъ опасеніемъ навлечь на себя самыя мрачныя и далеко уже не фиктивные послѣдствія. Почти повсюду, гдѣ жреческое сословіе не захватило еще въ свои руки свѣтскую власть, оно внушаетъ къ себѣ гораздо больше страха и презрѣнія, чѣмъ уваженія и благоговѣнія. Въ нормальномъ состояніи дикарь по большей части чуждается общенія съ нимъ и встрѣчу съ нимъ на дорогѣ считаетъ обыкновенно для себя печальнымъ предзнаменованіемъ. Совершенно иное дѣло, когда страданіе, опасность или горе ослабили его неустойчивый внутренний строй: тогда онъ готовъ отдать послѣднюю крупичу своего зерна за слабую надежду исцѣленія, предлагаемую ему шаманами, заклинателями, продавцами талисмановъ и т. п.— И они жадно сторожатъ его въ эти тяжелыя и критическія для него минуты его существованія, являясь неизмѣнными спутниками болѣзней, смерти, опасности, всякихъ домашнихъ и общественныхъ бѣдствій, съ которыхъ они взимаютъ повсюду обильную дань. Толпами странствуютъ они по ярмаркамъ и инымъ люднымъ сборищамъ, привлекая къ себѣ толпу своимъ причудливымъ костюмомъ, своими, въ глаза бросающимися, ухватками, не пренебрегая никакою мелочною подробностью, могущею произвести на зрителей потрясающее впечатлѣніе. Если мы ихъ всѣхъ не можемъ поголовно считать за обманщиковъ и злостныхъ насадителей самыхъ пагубныхъ суевѣрій, составляющихъ ихъ наслѣдственный вертоградъ, то единственно потому, что сословія кудесниковъ, шамановъ, жрецовъ и волхвовъ являются повсюду какъ-бы поли-

клиникою всёх одержимыхъ падучею болѣзнью, разнообразнѣйшими видами чисто-нервнаго разстройства. Сибирскіе шаманы избирають преимущественно своимъ адептами эпилептическихъ мальчиковъ, также точно поступаютъ и очень многіе сродные съ ними жрецы и волшебники другихъ странъ. Почти повсемѣстно въ этомъ сословіи распространено употребленіе всякихъ одуряющихъ напитковъ, а во многихъ странахъ для той-же самой цѣли прибѣгаютъ къ неистовымъ тѣлодвиженіямъ, крикамъ, круговой пляскѣ и т. п. Чтобы еще болѣе отчудить свое сословіе отъ массы простыхъ смертныхъ, сознательные или искренніе эксплуататоры народныхъ суевѣрій подвергаютъ себя всякимъ мучительнымъ или стѣснительнымъ искусамъ, постамъ, воздержанію, нерѣдко опасному увѣчью.

Чѣмъ сложнѣе общественная жизнь, тѣмъ разнообразнѣе услуги, которыхъ наивное человѣчество можетъ ожидать отъ людей, увѣренныхъ въ своею сверхъестественномъ могуществѣ и тѣсною сближеніемъ съ духами и фетишами. Впрочемъ, и на низшихъ ступеняхъ культуры роль ихъ не ограничивается однимъ только лѣченіемъ тѣлесныхъ недуговъ. Земледѣльческія племена, котораго Самюэль Бекеръ встрѣчалъ на верхнемъ бассейнѣ Нила, смущали этого почтеннаго пастора своимъ скептицизмомъ. Они, въ самомъ дѣлѣ, представляются намъ замѣчательно свободными отъ разнообразныхъ анимистскихъ и фетишистскихъ суевѣрій. Такъ-какъ они въ то-же время вовсе не воинственны, то и пользуются довольно значительною гражданскою свободою. Но для удачнаго всхода своихъ посѣвовъ они нуждаются въ дождѣ и твердо вѣрятъ, что нѣкоторые избранники способны вызывать дождь по своему усмотрѣнію. Процедура вызыванія дожда самая ничтожная, но тѣмъ не менѣе дѣлатель дожда является рѣшительнымъ царькомъ этихъ интересныхъ народцевъ. Правительство ихъ можетъ быть названо чистою теократіею, такъ-какъ свѣтская власть имѣетъ единственною своею опорою предполагаемую способность побѣдителя давать своимъ подданнымъ дождь въ полезное для ихъ посѣвовъ время. Какъ скоро окажется, что царекъ въ этомъ дѣлѣ плохъ, его тотчасъ же низвергаютъ съ престола и даже убиваютъ, замѣняя другимъ и не стѣсняясь никакими соображеніями наследственности. Изъ описанія Бекера можно заключить, что эти дѣлатели дожда—сознательные плуты. Въ Лоанго король

не только дѣлаетъ дождь, но и располагаетъ по своему усмотрѣнію всѣми атмосферическими явленіями, за что и взимаетъ съ своихъ подданныхъ обременительные налоги и пользуется крайне-деспотически своею верховною властью. У Бенджаровъ жреческое значеніе царя еще обширнѣе: его сверхъестественное вліяніе не имѣетъ предѣловъ, но за то, если окажется, что нѣчто непріятное для его подданныхъ произошло безъ его вѣдома, злополучнаго правителя колотятъ палками до полусмерти. Однакожь у большинства отсталыхъ народовъ жрецы или шаманы называютъ своимъ согражданамъ самыя разнообразныя услуги, не переставая быть бродячими шарлатанами, живущими только добротными даяніями вѣрующихъ и непользующихся чрезмѣрнымъ уваженіемъ и почетомъ. Кромѣ врачебнаго искусства, загнанія мертвыхъ душъ въ нарочно устраиваемыя ими для этого куклы, кромѣ изготовленія дождя и вѣдра они болѣе или менѣе повсемѣстно имѣютъ свою специальностью предсказанія и гаданія всякаго рода. Эта отрасль жреческаго искусства очень логически вытекаетъ тоже изъ общей анимистской теоріи, уже изложенной мною на предъидущихъ страницахъ. Посредствомъ какихъ-либо опьяняющихъ напитковъ или особыхъ тѣлодвиженій, иногда-же просто только продолжительнымъ воздержаніемъ отъ пищи и т. п., жрецъ приводитъ себя въ изступленное или безчувственное состояніе. На языкѣ фетишистовъ это значитъ, что онъ изгналъ свою душу изъ собственнаго тѣла и отправилъ ее, конечно, въ ту область, гдѣ она можетъ наглядно почерпнуть требуемыя свѣденія о предметѣ гаданія или предсказанія. Вѣра въ магнетическое ясновидѣніе, столь распространенная повсюду въ Европѣ, представляетъ замѣчательный образчикъ фетишистскаго и анимистскаго порожденія, сохранившагося во всей первобытной своей чистотѣ, несмотря на то, что теорія, изъ которой оно возникло и развилось, для насъ уже отжита, и мы не можемъ привести въ пользу нашего посѣщенія разныхъ ученицъ г-жи Ленорманъ даже тѣхъ аргументовъ, на которые опирается вѣра всѣхъ дикарей въ ихъ изступленныхъ или сонныхъ оракуловъ. Передавать какія-либо этнографическія особенности объ этой предвѣщательной или гадательной специальности жрецовъ различныхъ народовъ я считаю совершенно излишнимъ, такъ-какъ нѣтъ того ев-

ропейскаго города, гдѣ-бы читатель не могъ наблюдать самъ это фетишистское порожденіе непосредственно.

Какъ на частный случай гадательной и предвѣщательной способности шамановъ, слѣдуетъ указать на ордалии, т. е. на примѣненіе этой-же самой способности къ разысканію виновнаго по какии-бы то ни было тяжбыи дѣламъ и уголовнымъ процессамъ. Въ настоящее время въ Европѣ очень еще нерѣдки обращенія къ ворожеѣ или къ ясновидящей при всякомъ воровствѣ, но только наша юриспруденція уже не довольствуется добытыми этимъ путемъ указаніями. Очень недавно, однакожь, испытанія и такъ-называемыя „Божьи суды“ служили главнѣйшею основою судебныхъ приговоровъ по самымъ важнымъ дѣламъ, какъ это и теперь еще дѣлается почти повсемѣстно въ Африкѣ, гдѣ колдуны или жрецы при всякихъ уголовныхъ дѣлахъ замѣняютъ собою и присяжныхъ, и судей. Чаще всего колдуны готовятъ со всякими наговорами ядовитый напитокъ и заставляютъ подсудимаго выпить его; или-же они принуждаютъ его вынуть голыми руками змѣю изъ горшка, и т. п. Если онъ умретъ отъ яда, то признается виновнымъ; въ противномъ-же случаѣ оправдывается. Нельзя не замѣтить, что этотъ способъ дознанія юридической истины все-же гораздо, менѣе нелѣпъ, чѣмъ тотъ, въ которому прибѣгали у насъ въ инквизиторскихъ процессахъ, гдѣ обвиняемый въ колдовствѣ признавался невиннымъ только тогда, когда онъ погибалъ при испытаніи; если-же паче чаянія выходилъ изъ него невредимымъ, то это значило, что дьяволъ ему помогъ, и онъ обрекался на сожженіе.

У нѣкоторыхъ народовъ всѣ перечисленныя выше специальности сосредоточиваются въ лицѣ одного и того-же волшебника или жреца; у другихъ-же существуютъ разнообразныя классы жрецовъ для каждой отдѣльной специальности. Для насъ важно замѣтить, что втеченіи очень долгаго времени между жрецами и волшебниками не существуетъ никакого различія. Кудесникъ, обладающій способностью исцѣлять одного больного, совершенно естественно предполагается способнымъ также ниспосылать эту самую болѣзнь своему недругу, или, вообще, другому лицу, не купившему по условной цѣнѣ его къ себѣ благорасположенія. Волшебники или жрецы враждебнаго племени а ргіогі предполагаются злостными, и американскіе краснокожіе распоряжаются съ ними точно также, какъ

недавно инквизиторы обращались съ колдунами и вѣдьмами въ Европѣ; да и дѣйствительно, все колдовство и волшебство нашихъ знахарей сводится почти исключительно на возрожденіе обрядовъ побѣжденныхъ, вытѣспенныхъ послѣдними завоеваніями и историческою борьбою культовъ. Въ какой мѣрѣ эта темная сторона нашего прошлаго уцѣлѣла еще въ современномъ быту, можно судить не столько по примѣру русскихъ степныхъ деревень, сколько, напримѣръ, по многолюднѣйшимъ и просвѣщеннѣйшимъ департаментамъ Франціи, гдѣ судьямъ и въ настоящее время ежедневно приходится то разбирать жалобы по обвиненію такого-то въ волхвованіи, то преслѣдовать крестьянъ, варварски убившихъ какого-нибудь старика или бабу за чародѣйство. „По легкому сочетанію идей“, говоритъ Жиранъ де-Ріаль на стр. 226 своей сравнительной мифологіи, „французскіе крестьяне, считая католическихъ священниковъ присяжными врагами колдовства, въ то-же самое время смотрятъ на нихъ, какъ на особаго рода чернокнижниковъ и чародѣевъ. Въ Оверни распространено повѣрье, будто грозовныя и градовныя тучи суть души умершихъ абатовъ и канониковъ, которымъ и при жизни приписывается власть посылать грозу или градъ. Какъ дикарю естественно удѣлять своимъ фетишамъ лучшіе куски своего обѣда, — будетъ-ли онъ состоять изъ плодовъ, рисовой каши или члѣвческаго мяса, чтобы этою подачкою обезпечить себѣ пользованіе остальнымъ, — такъ-же точно онъ стремится подѣлиться съ ними всѣми своими другими наслажденіями, считая въ особенности почетнымъ и палезнымъ для себя и для потомства вступитъ съ своимъ божкомъ въ общность какъ женъ, такъ и пищи. Мы знаемъ, что даже у народовъ, достигшихъ замѣчательной высоты гражданскаго развитія и особенно цѣнившихъ чистоту семейныхъ отношеній и брачнаго ложа, — напримѣръ у римлянъ, — фаллическимъ божествамъ предоставлялось право очень сходное съ *droit du seigneur* или съ *jus primae noctis* феодальнаго строя. Но заботливость язычниковъ о половыхъ наслажденіяхъ своихъ фетишей не ограничивается этою подачкою. Фетиши, по мнѣнію своихъ поклонниковъ, не прочь попользоваться насчетъ чужихъ женъ, но они хотятъ также имѣть и своихъ собственныхъ женъ, за нравственностью которыхъ они ревниво слѣдятъ. Для божествъ этолійскихъ, воображаемыхъ большею частью въ видѣ женщинъ, точно такъ-же устраиваются цѣлыя гаремы мужчинъ,

обязанныхъ строго сохранять свою непорочность для ласкъ богини. Очень часто, чтобы вполне оградить ихъ отъ искушенія, ихъ подвергаютъ кастраціи, какъ галловъ и метагиртовъ... Отчужденные отъ дѣйствительной жизни, они живутъ въ досужей созерцательности среди исключительной атмосферы выпитъ, пропитанной одуряющими куревами, направляя свою болѣзненную экзальтацію на мистическіе предметы и создавая своеобразный фетишизмъ словъ, до котораго нормальное человѣчество никогда не доработалось-бы собственнымъ умомъ. Этотъ фетишизмъ словъ до конца остается непонятнымъ для непосвященнаго человѣчества, но самая его непонятность придаетъ ему сугубо-потрясающій и подавляющій колоритъ и упрочиваетъ его влияние на умы, недисциплинированные критикою и знаніемъ.

Мнѣ кажется, что я уже достаточно указала тѣ разнообразныя стороны, которыми шаманы, колдуны и т. п. эксплуатеры народныхъ суевѣрій, отправляясь отъ площадной и часто даже вовсе неприбыльной роли уличныхъ жонглеровъ и площадныхъ шарлатановъ, захолустныхъ знахарей и гадателей, мало-по-малу охватываютъ всю домашнюю и общественную жизнь дикихъ народовъ.

И. Мечниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ТАЙНА БАЛЪДЫ.

РОМАНЪ

А. МАТТЕИ.

АВТОРА „МЕСТИ КЛОДИОНА“

ГЛАВА XXIV.

СЕКУНДАНТЫ.

Роберъ, говорившій до сихъ поръ сидя и съ презрительнымъ хладнокровіемъ, теперь всталъ и бросилъ на Можирона гордый, строгій взглядъ.

Можиронъ, дрожа отъ злости, почувствовалъ всю сокрушающую силу этого взгляда.

— Хорошо, промолвилъ онъ, — рисуйтея гениемъ, вы увидите, что въ поединкѣ гений ничего не значить.

— Вы увидите, отвѣчалъ Роберъ, — что въ поединкѣ на шпагахъ храбрость что-нибудь да значить.

Однако, во все время разговора ни одинъ изъ нихъ не вышаль голоса громче, чѣмъ обыкновенно говорятъ въ оживленной бесѣдѣ, и ихъ ссора не могла дойти до гостинной, такъ-какъ всѣ присутствующіе замерли отъ волненія и ожиданія. Только инстинктивно Люсьенъ съ Маржеводемъ и тремя или четырьмя друзьями сталъ за Роберомъ, а племянникъ министра, виконтъ Гекторъ и восьмеро или десятеро завсегдатаевъ Тюльери окружили Можирона.

— А когда мы увидимъ на дѣлѣ эту храбрость? спросилъ Можиронъ; — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, не правда-ли?

— Конечно, отвѣчалъ Роберъ, — и чтобы сократить предварительные переговоры, я увѣренъ, что Люсьенъ Сержи и Люи Маржеволь не откажутся быть моими секундатами.

— А я думаю, произнесъ Можиронъ, — что Леопольдъ дю-Плесси и виконтъ де-Клерванъ сдѣлаютъ мнѣ честь быть моими.

Племянникъ министра и виконтъ молча поклонились въ знакъ согласія.

— Господа, сказалъ Люсьенъ, — я полагаю, что намъ скорѣе и проще сейчасъ-же все порѣшить. Но прошу лицъ, неучаствующихъ въ этомъ совѣщаніи, выйти отсюда поочередно небольшими группами и вернуться въ гостиную, чтобы не обратить на себя общаго вниманія.

Присутствующіе стали удаляться по два и по три человѣка. Въ предпоследней группѣ вышелъ изъ курительной комнаты Можиронъ, а въ послѣдней — Роберъ.

Когда Можиронъ былъ уже въ дверяхъ, Роберъ сказалъ громко Люсьену:

— Я прошу только, чтобы секунданты назначили дуэль завтра утромъ.

Можиронъ обернулся.

— И, пожалуйста, пораньше, сказалъ онъ, — у меня въ двѣнадцать часовъ очень важное дѣло.

Секунданты, наконецъ, остались вчетверомъ. Совѣщаніе ихъ, впрочемъ, не могло быть продолжительнымъ: имъ предстояло только рѣшить матеріальныя подробности дуэли.

— Въ которомъ-же часу мы соберемся? спросилъ виконтъ.

— Прежде надо выбрать мѣсто, сказалъ Люсьенъ,

— Я нанялъ на это лѣто дачу въ Сен-Жерменѣ, сказалъ Маржеволь, — она къ вашимъ услугамъ.

— Сен-жерменскій лѣсъ прекрасное мѣсто, замѣтилъ Леопольдъ дю-Плесси, — только мы туда не доберемся ранѣе девяти или десяти часовъ.

— Такъ въ десять часовъ на терасѣ? идетъ?

— Идетъ, отвѣчалъ виконтъ. — Теперь, господа, вопросъ оружія; вы избрали шпаги, позвольте намъ ихъ привезти.

Люсьенъ посовѣтовался вполголоса съ Маржеволемъ.

— Мы можем согласиться только на такое условіе, сказалъ онъ:—каждый привезетъ свою шпагу, и мы бросимъ жребій.

— Хорошо, принимаемъ, отвѣчали секунданты Можирона послѣ краткаго совѣщанія.

Затѣмъ всѣ четверо вернулись въ гостиную.

Люсьень прямо направился къ Роберу и сообщилъ ему о томъ, что они порѣшили. Роберъ попросилъ его подойти вмѣстѣ къ Люся. Они усѣлись подлѣ молодой дѣвушки, и если Люсьень былъ немного разсѣянъ, то Роберъ разговаривалъ весело и съ обычнымъ жаромъ.

Предупрежденный виконтомъ объ условіяхъ дуэли, Можиронъ тотчасъ всталъ и пошелъ къ дверямъ въ переднюю. На порогѣ его встрѣтила Бальда, дававшая какія-то приказанія слугамъ.

— Вы уѣзжаете? спросила она.

— Да, отвѣчалъ онъ,—мнѣ надо завтра рано встать. А вы сегодня, прибавилъ онъ, понижая голосъ, — были очень любезны съ г. Роберомъ.

— Я не могу вмѣшиваться въ ваши ссоры. Я его пригласила обѣдать въ будущій четвергъ.

— А! Не рассчитывайте на него.

— Отчего?

— Въ будущій четвергъ его не будетъ въ живыхъ. Завтра я дерусь съ нимъ на дуэли.

— На пистолетахъ?

— Нѣтъ, на шпагахъ, да это ничего. Я немного увлекся, но, однажды ставъ съ нимъ лицомъ къ лицу, я ему докажу, что со мной не шутать. Но я васъ задерживаю. До завтра, графиня.

Онъ поцѣловалъ ея руку и удалился.

Анжелина была въ эту минуту на противоположномъ концѣ гостиной и не могла слышать этого разговора, но она слѣдила за каждымъ словомъ Можирона своими огненными глазами, словно отгадывая, въ чемъ дѣло.

Роберъ уѣхалъ однимъ изъ послѣднихъ. Онъ простился съ Люся и съ Бальдой, не обнаруживая ни малѣйшаго волненія. Люсьень проводилъ его до дверей и шепнулъ ему на ухо:

— Я буду у тебя въ восемь часовъ.

У дверей, почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Можиронъ раз-

говаривалъ съ Бальдой, Робертъ встрѣтилъ Анжелину. Она подошла къ нему и остановилась. Онъ взялъ ее за руку.

— Прощайте, мой маленькій другъ, сказалъ онъ съ улыбкой.

Она жадно посмотрѣла на него своими большими, глубокими глазами, молча кивнула головой и отошла. Когда онъ удалился, она сѣла въ кресла и оставалась неподвижной, съ устремленными въ пространство глазами, пока не уѣхали всѣ гости. Бальда была принуждена, наконецъ, напомнить ей, что пора уходить.

— Ну, Анжелина, сказала она, — что ты тамъ дѣлаешь? Уже поздно. Пойдемъ наверхъ.

Анжелина встала, выпрямилась и пошла по лѣстницѣ, не говоря ни слова и не слушая матери, которая весело болтала о Луси и о гостяхъ. Очутившись въ комнатѣ Бальды, она также молча опустилась на диванъ.

Тогда только Бальда замѣтила ея необыкновенную блѣдность. Она взяла ее за руку. Рука была холодна, какъ мраморъ.

— Анжелина! воскликнула она.

Молодая дѣвушка была безъ чувствъ.

ГЛАВА XXV.

Бальда узнаетъ свою кровь.

Обморокъ Анжелины былъ очень страненъ; онъ произошелъ не отъ изнеможенія или упадка силъ. Нѣтъ, напряженность нервовъ и излишекъ энергической воли мгновенно парализовали въ ней сознание. Она не лежала безъ чувствъ на диванѣ, а сидѣла, вытянувшись прямо, какъ окаменѣлая.

Бальда никого не позвала на помощь, подбѣжала къ своему туалету, взяла, что было нужно, намочила виски Анжелины мелисовой водой и дала ей понюхать спиртъ.

Мало-по-малу молодая дѣвушка пришла въ себя и устремилась на мать все еще дикіе, блуждающіе глаза.

— Милая моя, голубушка, наконецъ ты очнулась! Узнаешь ты меня?

— Да, узнаю.

— Гдѣ у тебя болитъ? Что съ тобою?

— Что со мной? сказала Анжелина, совершенно очнувшись, — ты спрашиваешь, что со мной? Ты знаешь, что случилось.

— Нѣтъ. Что случилось?

Анжелина приподнялась съ негодованіемъ.

— Ты знаешь. Я *видѣла*, что твой Можиронъ все тебѣ сказалъ.

— Какъ! воскликнула Бальда съ изумленіемъ, — ты говоришь о докторѣ Роберѣ?

— А о комъ же? Они завтра дерутся. Ты это знаешь.

— И ты знаешь?

— Еще бы.

— А кто тебѣ сказалъ?

— Я сама слышала. Я стояла за портьерой курительной комнаты. Я ничего не видѣла, но все слышала. О! какъ страшно, унижительно былъ побить твой Можиронъ. Это былъ настоящій, прекрасный поединокъ. Докторъ Роберъ сначала поднялъ его на смѣхъ, потомъ смѣшалъ съ грязью и, наконецъ, какъ архангелъ Михаилъ, уничтожилъ, превративъ его въ прахъ. О, я только слышала, но это было все равно, что видѣть. Какъ онъ былъ хорошъ, какъ великолѣпенъ!

— Что ты говоришь! воскликнула съ испугомъ Бальда. — Анжелина, дочь моя! У тебя горячка! Ты бредишь!

— Нѣтъ, я въ полномъ разумѣ. Повторяю, я все слышала. Но это не все. Этотъ подлый Можиронъ завтра въ другой дуэли можетъ взять верхъ. Онъ сказалъ, что убьетъ Робера. Я держу пари, что онъ повторилъ это и тебѣ. Эта дуэль не можетъ, не должна состояться. Ей надо помѣшать, слышишь, ее надо остановить.

— Что же я могу сдѣлать? сказала Бальда; — ты, вѣжета, съ ума сошла, мой милый ребенокъ! Я понимаю, что ты питаешь къ Люси преданную и даже пламенную дружбу, но ты идешь слишкомъ далеко. Если Люси имѣетъ, какъ я полагаю, слабость къ доктору Роберу, то это еще не причина тебѣ раздѣлять ея капризы. Во всякомъ случаѣ, если съ докторомъ Роберомъ и случится несчастье, какое мнѣ до этого дѣло? Зачѣмъ ты говоришь съ матерью этимъ тономъ?

— Зачѣмъ? Потому что ты всемъ руководишь. Можиронъ только рука, а голова — ты.

— Вотъ еще!.. Дѣйствительно, Можиронъ говорилъ мнѣ о своей неприязни къ г. Роберу, объ ихъ ссорахъ, и, кажется, если я не ошибаюсь, о могущей произойти между ними дуэли. Но я отказалась и слушать вещи, которыя мнѣ совершенно чужды. Я ему запретила прикаснуться, хотя пальцемъ, до Люсьена, потому что Люсьенъ принадлежитъ къ нашему семейству; но впѣ этого дома я не имѣю никакихъ правъ и возможности помѣшать Можирону дѣйствовать согласно его желанію. Если онъ даже будетъ драться съ человѣкомъ, котораго я видѣла всего три раза въ жизни, то по какому праву я вмѣшаюсь въ ихъ дѣло?

— Еще разъ повторяю, ты устроила эту дуэль, ты ее и разстрой.

— Ты заблуждаешься! Я тутъ не при чемъ, я не могу ничего сдѣлать и не сдѣлаю.

— И ты позволишь этому подлому разбойнику зарѣзать честнаго, благороднаго человѣка? воскликнула Анжелина съ отчаяніемъ;—если ты это сдѣлаешь, то...

Анжелина встала, крѣпко сжала дрожащую руку матери и, смотря ей прямо въ лицо, сказала взволнованнымъ, отрывочнымъ голосомъ:

— Ты помнишь, какъ ты мнѣ рассказала смерть моего отца и ту жгучую ненависть и жажду мести, которыя овладѣли съ тѣхъ поръ тобою. Я была ребенкомъ, когда ты мнѣ все это рассказала, я тогда не все поняла. Я тебя сожалѣла, но находила, что ты была несправедлива, и твоя злоба слишкомъ жестока и преувеличена, но сегодня я тебя понимаю. Да, я понимаю то, что ты чувствовала, я понимаю все, что терзало, волновало и ожесточало твое сердце. У тебя отняла моего отца и бросила его убитымъ къ твоимъ ногамъ отдаленная родственница. Но вѣдь ты моя мать! Ты знаешь, какъ я тебя люблю, но если онъ умретъ... я тебя возненавижу.

Бальда вскрикнула отъ ужаса.

— Ты меня возненавидишь?.. Да, несчастный ребенокъ, ты, значить, его любишь?

— Не знаю, не думаю. Его любить Люси и онъ ее любить. Я знаю, чувствую и говорю одно: если ты его убьешь, я тебя возненавижу, и если онъ умретъ, то и я умру.

Она выпустила руку матери и упала въ изнеможеніи на диванъ.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ Бальда стояла, какъ пораженная громомъ. Потомъ она провела рукою по лбу, собираясь съ мыслями.

Вдругъ сцена измѣнилась. Она упала на колѣни передъ дочерью, обнимала ее колѣни, прижимала ее къ своей груди, цѣловала у нея глаза, щеки, лобъ.

— Дитя мое! лепетала она. — Анжелина! Ангель мой! Не отчаивайся, не падай въ обморокъ, не мучай себя и меня! Ты права, я не знала, что дѣлала, мнѣ надо было отгадать, понять. Но и ты таилась. Отчего ты не довѣрила мнѣ своей тайны? Вѣдь я твоя мать!

— Я сама не знала, воскликнула рыдая Анжелина.

— Да, правда, ты не понимала сама своего чувства, мой бѣдный, невинный ребенокъ! Я во всемъ виновата. Какъ теперь загладить сдѣланное мною зло?

— О! воскликнула съ ужасомъ Анжелина; — неужели ты не можешь помѣшать этой ужасной дуэли?

— Успокойся! сказала съ жаромъ Бальда; — это трудно, но нѣтъ ничего невозможнаго. Вѣдь, если я не помѣшаю этой дуэли, то ты меня возненавидишь, злая дѣвочка?

— Я тебя ужасно ненавиждѣла-бы, потому что я тебя люблю, и насколько я тебя люблю, настолько... Нѣтъ, лучше убей меня.

— Не тревожься, сказала съ улыбкой Бальда: — все устроится. Положись на меня. Эта дуэль не состоится. Я тебѣ обещаю, я дамъ тебѣ клятву.

— Ты убѣждена, что ей можно помѣшать? Ты за это ручаешься?

— Да, ручаюсь. Я не знаю еще, какъ я это устрою, мнѣ будетъ очень трудно: нелегко справиться съ людьми, когда дѣло идетъ объ ихъ чести. Но ты не ошиблась, я имѣю вліяніе на Можирона. Онъ долженъ мнѣ уступить. Въ случаѣ крайности, я заставлю вмѣшаться... Но какой-бы то ни было цѣною твое желаніе будетъ исполнено.

— О. мама! воскликнула Анжелина, бросаясь къ ней на шею: — какъ ты добра! Прости меня! Я тебя люблю!

— Нѣтъ, тебѣ надо меня простить, и лучшее прощеніе — твоя любовь, отвѣчала Бальда.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ мать и дочь оставались въ объятіяхъ другъ друга.

— Мама, сказала, наконецъ, Анжелина, нѣжно освобождаясь изъ рукъ Вальды; — ты помнишь, что дуэль назначена рано утромъ завтра или, лучше сказать, сегодня.

— Да, помню, произнесла съ улыбкой Вальда.

— Ты рѣшила, какъ поступить?

— Да. Только теперь ночью ничего нельзя сдѣлать. По счастью, лѣтомъ свѣтасть очень рано. Будте спокойны, барышня, спозаранка все будетъ сдѣлано.

— Я тебѣ говорила, что ты можешь все сдѣлать, когда захочешь.

— Для тебя, да. Но, чтобы мнѣ опять не сдѣлать глупости, будь всегда откровенна со мною. Открывай мнѣ свое сердце, и я буду читать въ немъ лучше тебя самой. Еслибъ я знала, я многого-бы не сдѣлала... Но ничего не испорчено, и все можно еще исправить. Моя цѣль и мой планъ измѣнены, — вотъ и все.

Анжелина смотрѣла на мать съ безпокойствомъ.

— Милая мама, сказала она нѣжно, — помни, что я у тебя прошу помѣшать этой дуэли и болѣе ничего. Когда этотъ кризисъ пройдетъ благополучно, то, я думаю, лучше тебѣ болѣе не виѣшиваться и не руководить событіями. Это накликаеть только несчастье.

— Предоставь мнѣ дѣлать все, что я знаю, отвѣчала Вальда съ улыбкой; — какъ можешь ты знать жизнь, когда ты не знаешь своего сердца? Мать всегда считаетъ свою дочь ребенкомъ. Я забыла, что ты такая же бразильянка, какъ я, и что я еще моложе тебя полюбила твоего отца. Я не могла быть счастливой, но ты будешь счастлива. Хотя ты и не сознаешь сама, но я вижу, что ты любишь доктора Робера.

— Мама, отвѣчала серьезно Анжелина, — я сожалѣю, что у меня невольно сорвались съ языка эти слова, если ты прежде ничего не знала. Но я этому не вѣрю. Тебѣ извѣстно гораздо болѣе, чѣмъ ты признаешься. Не будемъ скрывать другъ отъ друга правды. А правда заключается въ томъ, что докторъ Роберъ любитъ Люси, и она любитъ его.

— Но если она выйдетъ замужъ за Можирона?

— Она никогда не выйдет за него.

— Ты ничего не знаешь и не можешь знать! воскликнула Балда; — я скажу тебѣ, въ свою очередь, не мѣшай естественному теченію событій. Докторъ Робертъ, кажется, всегда говорить съ тобой очень любезно.

— О, да! отвѣчала Анжелина съ восторгомъ; — онъ только-что уходя, сказалъ мнѣ: „Прощайте, мой маленькій другъ“. Онъ очень добръ ко мнѣ, продолжала она со слезами, — онъ меня уважаетъ и питаетъ ко мнѣ большое довѣріе, и онъ правъ. Онъ мнѣ разъ сказалъ: „Вы восхитительная дѣвушка, вы соединяете въ себѣ граціозную прелесть ребенка и возвышенное сердце женщины“.

— Онъ тебѣ это сказалъ! воскликнула радостно Балда; — о, тогда все можетъ устроиться. Я думаю... что онъ меня не очень любитъ... да это все равно. Я его люблю, потому что онъ тебя любитъ. Если Люси выйдетъ за другого, то ничто не можетъ помѣшать ему жениться на тебѣ. Ты во сто разъ лучше этой куклы! Да, да, не зажимай мнѣ рта, я всегда скажу, что ты красавица. Онъ цѣнитъ тебя по твоимъ достоинствамъ, и ты можешь этимъ гордиться. У него также возвышенное сердце. Ты будешь счастлива, я этого хочу. И еслибъ я сама была этому преградой, то это долго не продлится. Такъ легко умереть.

— Умереть? Тебѣ? воскликнула Анжелина; — умереть ради меня? Не говорю такихъ ужасовъ!

— Конечно, объ этомъ не стоитъ говорить, отвѣчала Балда. — Отдавая тебѣ мою жизнь, я тебѣ не принесла-бы большой жертвы. Но оставишь этотъ разговоръ. Мнѣ надо все обдумать и начать дѣйствовать на разсвѣтѣ. Пойди теперь въ свою комнату и, ради-бога, ради твоей любви ко мнѣ, успокойся, спи безмятежно и положиись на меня. Жизнь человѣка, котораго любитъ моя дочь, для меня священна.

ГЛАВА XXVI.

Безпokoйная повѣда.

Люсьенъ вѣстѣ съ Марвежомъ пріѣхалъ къ Роберу ровно въ восемь часовъ. Они нашли его совершенно готовымъ и очень

спокойнымъ. Онъ писалъ адреса на двухъ письмахъ. Поздоровавшись съ Люсьеномъ, онъ отвелъ его въ сторону.

— Не думай, что я беспокоюсь, сказалъ онъ, отдавая Люсьену запечатанный конвертъ; — но никогда нельзя знать, что можетъ случиться. Я написалъ свою послѣднюю волю. У меня нѣтъ семейства, а ты богатъ. Я назначаю тебя моимъ душеприказчикомъ и оставляю все, что у меня есть, различнымъ ученымъ и общественнымъ учрежденіямъ. Кромѣ того, я прошу тебя отнести письмо съ извѣстной суммой денегъ одной кліенткѣ. Если Можиронъ меня убьетъ, то я, по крайней мѣрѣ, заглажу одну изъ его низостей.

Люсьень вздрогнулъ.

— Не бойся, онъ меня не убьетъ, продолжалъ Робертъ съ улыбкой; — все это только простая предосторожность, и я иду на дуэль съ полной надеждой на побѣду.

— Я принесъ вѣстѣ со шпагами и рапиры, сказалъ Люсьень, — не хочешь-ли пофехтовать, чтобы набить руку.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Робертъ, — я фехтовалъ только четыре раза въ жизни и хочу положиться совершенно на свой истинный самохраненія.

Робертъ и Люсьень вернулись къ Марвежолю.

— Мы не возьмемъ съ собою доктора? спросилъ Марвежоль.

— Я написалъ сегодня утромъ одному изъ моихъ товарищей, Демату, отвѣчалъ Робертъ; — но онъ не можетъ отправиться съ нами и прійдетъ по желѣзной дорогѣ. Но не пора-ли намъ собираться?

— Поѣдемъ, сказалъ Люсьень, — но у меня отличныя лошади, и мы всегда успѣемъ во-время.

По дорогѣ Робертъ принималъ участіе въ общемъ разговорѣ и не былъ нисколько взволнованъ, но, конечно, сохранялъ серьезный видъ чловѣка, рискующаго жизнью.

Карета остановилась у дачи, нанятой Марвежолемъ, маленький садъ которой выходилъ прямо въ Сен-Жерменскій лѣсъ.

Было рѣшено, что Марвежоль одинъ пойдетъ на терасу за Можирономъ, его секундантами и докторомъ, чтобы не возбудить вниманія гуляющихъ въ паркѣ.

Онъ прежде отвелъ Робера и Люсьена на маленькую лужайку на опушкѣ лѣса, которая была очень уединенна и, вѣстѣ съ

тѣнь, не очень удалена отъ дачи Марвежоля. Друзья должны были тамъ ожидать его возвращенія вмѣстѣ съ противниками.

Онъ явился на терасу ровно въ десять часовъ. На ней уже находился докторъ, котораго онъ узналъ по описанію Робера. Онъ подошелъ къ нему и въ ту-же минуту увидалъ приближавшихся Можирона и его секундантовъ. Сказавъ имъ нѣсколько словъ, онъ отправился вмѣстѣ со всѣми ими къ лужайкѣ.

Поровнявшись съ Роберомъ и Люсьеномъ, они остановились. Соперники молча поклонились другъ другу.

— Вы согласны выбрать это мѣсто для поединка? спросилъ Марвежоль у секундантовъ Можирона.

— Конечно, отвѣчалъ виконтъ.

— Мы теперь бросимъ жребій, какими именно шпагами драться, сказалъ Люсьенъ.

— Господа, сказала Леопольдъ дю-Плесси, останавливая Люсьена; — маркизъ Можиронъ прежде всего желаетъ что-то сказать.

Можиронъ сдѣлалъ два шага впередъ. Онъ былъ немного блѣденъ, но держалъ себя съ достоинствомъ, и голосъ его былъ довольно твердъ.

— Всѣмъ вамъ, господа, извѣстно, началъ онъ, — что я дрался на дуэляхъ не разъ, и что я всегда имѣлъ тяжелую руку. Въ первой моей дуэли на шпагахъ я опасно ранилъ моего противника; въ пяти дуэляхъ на пистолетахъ я ранилъ трехъ и убилъ двухъ. Эти несчастія даютъ мнѣ теперь грустное право сказать, что я доказалъ на дѣлѣ свою храбрость, и потому когда я дѣйствительно виноватъ, то могу въ этомъ публично признаться, не навлекая на себя обвиненія въ трусости.

Роберъ и его друзья переглянулись съ удивленіемъ.

— Г. Роберъ, продолжалъ Можиронъ, — я торжественно заявляю, что ни одно изъ произнесенныхъ мною словъ по неосторожности и въ раздраженіи не могли бросить тѣнь на вашу честь, которая выше всякихъ подозрѣній и оскорбленій.

Можиронъ остановился, и Люсьенъ воскликнулъ:

— Маркизъ, дуэль вызвана не сдѣланными вами инсинуаціями, которыя не оскорбили и не могли оскорбить доктора Робера.

— Я перехожу теперь къ оскорбленію, которое я лично нанесъ г. Роберу, и беру мои слова назадъ, выражая глубокое сожалѣніе, что они вырвались у меня въ минуту гнѣва и отъ пла-

меннаго желанія вызвать съ его стороны такую-же оскорбительную выходку, послѣ чего дуэль была-бы неизбѣжной необходимостью.

— Вы только объясняете свое поведеніе, замѣтилъ Льюсень.

— Я никогда не останавливаюсь на полдорогѣ, отвѣчалъ Можиронъ; — я не только, господа, объяснилъ вамъ мою оскорбительную выходку, по прошу за нее извиненія у г. Робера.

Наступило молчаніе. Роберъ ожидалъ, что Можиронъ потребуетъ, чтобъ и онъ взялъ назадъ свои оскорбительныя для маркиза слова. Но Можиронъ ничего не прибавилъ.

— Вы кончили, маркизъ? спросилъ Льюсень.

— Кончилъ.

— Если благородное заявленіе маркиза Можирона, сказалъ Леопольдъ дю-Плесси, — покажется недостаточнымъ для г. Робера, то онъ къ его услугамъ; но вы согласитесь съ нами, что вся отвѣтственность за могущія произойти несчастія падеть на него.

Въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, и потому, помѣнявшись взглядами съ Роберомъ и Марвежолемъ, Льюсень отвѣчалъ:

— Мы совершенно удовлетворены, и г. Роберъ принимаетъ извиненіе маркиза Можирона. Только, въ виду присутствія при оскорбленіи большого числа свидѣтелей, мы напишемъ протоколъ о результатахъ этой дуэли. Будьте такъ добры, пожалуйста ко мнѣ въ три часа.

— Хорошо, отвѣчалъ виконтъ.

Всѣ холодно поклонились другъ другу и разстались. Можиронъ съ своими друзьями пошелъ къ терасѣ, а Роберъ съ своими на дачу Марвежоля.

— Что это значить? воскликнулъ Льюсень, оставшись наединѣ съ Роберомъ, — что случилось?

— Я задаю себѣ эти вопросы съ изумленіемъ, сказалъ Роберъ; — ты видѣлъ, что я не былъ безпокоенъ передъ дуэлью, но теперь я очень безпокоюсь.

ГЛАВА XXVII.

Условія Можирона.

Что-же случилось?

Льюсень и Роберъ имѣли полное основаніе тревожиться, задавая себѣ этотъ вопросъ.

Въ семь съ половиною часовъ утра, въ ту самую минуту, когда Люсьенъ отправлялся къ Роберу, Бальда вошла въ комнату Анжелины, которая не спала всю ночь, несмотря на просьбу матери. Молодая дѣвушка ходила взадъ и впередъ отъ нетерпѣнія и безпокойства.

— Ну? воскликнула она, увидавъ Бальду.

— Я исполнила свое обѣщаніе, милое дитя: дуэль не состоится. Они отправятся на указанное мѣсто; но тамъ Можиронъ попроситъ извиненія у г. Робера.

— А вѣрно-ли это?

— Совершенно вѣрно.

— Благодарю, мама, воскликнула Анжелина, бросаясь на шею къ матери.

— Да, да, благодари меня, отвѣчала съ улыбкой Бальда, — дѣло было нелегкое.

— Такъ оно тебѣ стоило много труда?

Бальда рассказала дочери, что она сдѣлала, кое-что отъ нея скрыла, но все, сказанное ею, было истинной правдой.

— Когда ты ушла отъ меня, то я подумала, что мнѣ будетъ трудно дѣйствовать одной, и что личное вмѣшательство графа Сержи было необходимо. Но онъ сначала выразилъ упорное сопротивленіе. По его словамъ, вмѣшательство въ дуэль Можирона было страннымъ и ничѣмъ неоправдываемымъ шагомъ. Я ему говорила, что ссора произошла въ его домѣ, что Можиронъ былъ зачинщикомъ, что Люсьенъ секундантъ своего друга и что если дуэль кончится несчастьемъ для Робера, то свадьба Можирона и Люси встрѣтитъ новыя преграды. Я, наконецъ, убѣдила графа поѣхать со мною сегодня утромъ къ Можирону. Я чувствовала, что мое присутствіе необходимо, и что одна я могла предугадать все и отпарировать удары. И хорошо я сдѣлала, что сама поѣхала.

— Милая мама! промолвила Анжелина, снова цѣлуя Бальду.

— Графъ приказалъ Жерому заложить карету къ шести часамъ, и въ четверть седьмого мы были у Можирона. Онъ спалъ, какъ Тюренъ; слуга его разбудилъ, и наши шекотливые переговоры начались. Оказалось, что дѣло было скандальнѣе, чѣмъ я думала. Ты мнѣ не передала, что Можиронъ назвалъ д-ра Робера подлецомъ. Чтобъ отмѣнить дуэль, Можиронъ долженъ былъ

просить извиненія у Робера, но на это онъ не хотѣлъ ни за что согласиться. Онъ предлагалъ, что нанесетъ легкую рану Роберу или дозволить ему себя ранить, но такая сдѣлка мнѣ казалась сомнительной и опасной.

— Еще-бы! воскликнула Анжелина.—Роберъ дрался-бы серьезно, и потомъ развѣ послѣ такого оскорбленія можно довольствоваться царапиной?

— Я такъ и думала. Я настаивала вмѣстѣ съ графомъ, чтобъ онъ взялъ назадъ свои слова и загладилъ нанесенное имъ оскорбленіе. Наконецъ, онъ уступилъ; но только требовалъ, и мужъ мой находилъ его требованіе справедливымъ, чтобы г. Роберъ, въ свою очередь, взялъ назадъ свои оскорбительныя выраженія.

Анжелина вскочила съ испугомъ.

— О, Боже мой! воскликнула она, — и Можиронъ настоялъ на этомъ условіи? Но Роберъ не возьметъ назадъ своихъ словъ, и все дѣло погублено. Говори, говори.

— Нѣтъ, успокойся. Рѣшено, что Можиронъ извинится съ своей стороны, но ничего не потребуетъ отъ г. Робера изъ боязни получить отказъ. Въ такомъ положеніи дѣла дуэль невозможна, такъ-какъ г. Роберъ и его секунданты вѣдь не сдѣлали бы шагу назадъ. Но за то Можиронъ поставилъ одно условіе.

— Какое?

— Онъ сказалъ графу Сержи: „Вы отъ меня требуете ужасной уступки, вы это сами понимаете, и чтобъ мнѣ оправдать себя передъ своей совѣстью и моими секундантами, вы должны сказать — да на предложеніе, сдѣланное мною вашей дочери, и на которое вы еще не дали мнѣ рѣшительнаго отвѣта. Тогда мои друзья поймутъ, что вашъ будущій зять долженъ былъ пожертвовать всѣмъ, чтобъ избѣгнуть дуэли съ человѣкомъ, принятомъ у васъ въ домъ, какъ другъ, секундантомъ котораго вашъ сынъ“.

— Что-же отвѣчалъ графъ Сержи?

— Онъ старался отложить окончательный отвѣтъ; но онъ долженъ былъ, наконецъ, уступить передъ настоятельнымъ упорствомъ Можирона.

— Онъ сказалъ...

— Да.

— Но, воскликнула Анжелина, — это ужасно для Люси, а для того, кто ее любить, ужаснѣе самой дуэли.

— Можетъ быть, отвѣчала спокойно Бальда, — но что-же мнѣ было дѣлать?

— И ты не участвовала въ этомъ неожиданномъ результатѣ?

— Нѣтъ, я тутъ была не при чемъ. Какъ только вопросъ перевели на эту почву, я предоставила говорить Сержи и Можирону; я сама не произнесла ни слова. Но еслибы ты не была ребенкомъ, Анжелина, то поняла-бы, что этотъ результатъ совершенно естественный и даже необходимый. Я ничего тутъ не сдѣлала и не могла сдѣлать, къ этому результату привела простая логика вещей.

ГЛАВА XXVIII.

Новыя мины.

Хорошій полководецъ, составивъ планъ сраженія, часто измѣняетъ его при видѣ дѣйствій непріятели, и новыя импровизированныя распоряженія бывають иногда лучше прежнихъ глубоко обдуманыхъ. Такъ и Бальда, изумленная неожиданнымъ открытiемъ, что ея дочь любитъ Робера, мгновенно измѣнила свою тактику и самую цѣль своихъ усилій. Жизнь Робера, какъ она сама сказала Анжелинѣ, стала для нея священной. Теперь Люсьенъ, и особенно Люси, преграждали ей дорогу, и устраненіе этой преграды стало цѣлью всѣхъ ея стремленій.

Анжелина инстинктивно чувствовала, что мысли ея матери приняли этотъ роковой оборотъ. Она знала Бальду и потому страшилась за Люси. Но какъ было сказать матери, что она боялась ее? Какъ было внушить Люси, чтобъ она остерегалась ея матери?

Однако, она вспоминала съ ужасомъ, какое впечатлѣніе произвела на нее откровенная исповѣдь Бальды относительно смерти ея отца. Какъ она ни была молода въ это время, но это впечатлѣніе никогда не изгладилось изъ ея памяти. Бальда могла отказаться отъ своего желанія внушить дочери ненависть къ сильнымъ и счастливымъ міра сего, отъ желанія сдѣлаться своимъ союзникомъ въ войнѣ, объявленной ею обществу и чело-

вѣчеству, но отказалась-ли она отъ мести? Анжелина этого не думала и вотъ почему она дрожала отъ страха.

На застѣнчивый вопросъ ея, будетъ-ли мать придерживаться нейтральной роли, которую она, по ея-же словамъ, разыгрывала въ отношеніи женитьбы Можирона на Люси, Бальда отвѣчала спокойной улыбкой:

— Я до сихъ поръ не вмѣшивалась въ это и впредь не буду. Но, во всякомъ случаѣ, не забывай, что мое вмѣшательство за или противъ совершенно бесполезно. Событія сами собою сложатся, и будетъ-ли это въ твою пользу или нѣтъ, я останусь спокойной зрительницей.

— Что ты разумѣешь подъ словами: „сложатся-ли обстоятельства въ мою пользу или нѣтъ?“

— Очень просто,—если Люси выйдетъ замужъ за другого, то Роберъ будетъ свободенъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Анжелина,—я этого не хочу, не хочу!

— Хорошо,—значить и я этого не хочу. Но, еще разъ повторю, ни ты, ни я не можемъ ничего сдѣлать, наши желанія и намѣренія безпомощны.

Бальда говорила правду, и Анжелина не могла ничего болѣе добиться отъ матери.

Она спросила, хотѣлъ-ли графъ Сержи немедленно объявить дочери о согласіи, данномъ Можирону.

— Графъ предоставилъ себѣ право объявить о своемъ рѣшеніи, когда онъ найдетъ удобнымъ и не ранѣе нѣсколькихъ дней, отвѣчала Бальда.

— Такъ онъ не скажетъ ни слова Люси?

— Вѣроятно, не сейчасъ.

— Но, чтобъ избавить ее отъ неожиданнаго удара и дать ей возможность приготовиться, не могу-ли я передать ей эту грустную вѣсть?

— Дѣлай, какъ хочешь, отвѣчала она, наконецъ, — графъ Сержи не запретилъ мнѣ говорить объ этомъ, и я тебѣ не запрещаю. Но хорошо-ли ты сдѣлаешь, терзая Люси понапрасну и преждевременно?

— Ты права, сказала Анжелина грустно,—быть-можетъ, мнѣ лучше сказать объ этомъ Люсьену или г. Роберу?

— Особенно г. Роберу, сказала съ жаромъ Вальда, — я не могу тебѣ помѣшать принести себя въ жертву и быть ангеломъ.

Она произнесла эти слова съ странной улыбкой, при видѣ которой Анжелина лихорадочно вздрогнула.

Въ чемъ состоялъ планъ Вальды? Какую тайную западную представляла она бѣдной Люси? Анжелина этого не знала и должна была отгадать. Она дала себѣ слово, что отгадаетъ.

Она не могла обличить матери, и ей приходилось только энергично охранять свою подругу.

ГЛАВА XXIX.

НОВЫЯ КОНТРА-МИНЫ.

Анжелина не ждала этого дня, чтобы принять мѣры предосторожности, такъ какъ она уже давно беспокоилась насчетъ тайныхъ ковъ Вальды противъ Люси.

Секретное бюро Вальды отпиралось маленькимъ стальнымъ ключемъ съ зарубкой. Анжелина недѣлю передъ тѣмъ купила себѣ шкатулку, съ такимъ-же точно ключемъ и положила въ нее свои деньги, драгоценности и письма матери и Люси. Потомъ черезъ два дня она показала видѣ, что потеряла ключъ, долго искала его, притворно сердилась на горничную и только черезъ сутки нашла его.

— Я не хочу быть вторично въ такомъ же неловкомъ положеніи, сказала она горничной:—я слѣлаю второй ключъ.

На слѣдующее утро, пока мать спала, она вышла изъ дома съ Терезой подъ какимъ-то предлогомъ и заказала слесарю въ улицѣ Сент-Онорэ новый ключикъ, приказавъ при себѣ снять слѣпокъ съ стараго. Черезъ два дня слесарь принесъ ей ключъ.

— Ну, теперь я буду спокойна, сказала она.

Но этотъ двойной ключъ былъ не отъ ея шкатулки, а отъ секретнаго бюро; она взяла его на полчаса изъ портмоне матери. Она могла теперь открыть бюро во время отсутствія Вальды и узнать заключавшуюся въ немъ тайну.

Анжелина хотя и не знала намѣренія своей матери, но почувствовала, къ чему она стремилась: она хотѣла предоставить ей принести себя въ жертву, разыграть прекрасную роль, и, успѣвъ

тѣмъ или другимъ путемъ устранить Люси, довести Робера до брака съ своей дочерью.

Поэтому Анжелина рѣшилась сообщить не Роберу, а Люсьену вѣсть о согласіи, данномъ графомъ Сержи Можирону на бракъ съ Люси.

Она подождала его возвращенія изъ Сен-Жермена. Къ тому-же, несмотря на слова матери, она хотѣла еще убѣдиться, что Роберъ былъ вѣд опасности.

— Ну, спросила она Люсьена, выбѣжавъ къ нему на-встрѣчу въ сѣни, — что-же дуэль?

— Дуэли не было, отвѣчалъ Люсьень, смотря на нее съ удивленіемъ, — но откуда вы знаете о дуэли?

Анжелина не желала, чтобъ Роберъ узналъ, какою цѣною она спасла ему жизнь, онъ никогда не простилъ-бы ей этого вмѣшательства.

— Мнѣ все рассказала тетка, слышавшая объ этомъ отъ графа Сержи, отвѣчала она; — но вы не знаете, что графъ Сержи потребовалъ отъ Можирона отказа отъ дуэли съ другомъ своего сына, а Можиронъ, въ вознагражденіе за эту услугу, добился формальнаго согласія графа Сержи на его бракъ съ Люси.

— О, предчувствія Робера его не обманывали! воскликнулъ Люсьень.

— Предупредите его объ этомъ, г. Люсьень, и скажите ему, что ему велѣлъ это сказать его маленькій другъ. Относительно Люси дѣлайте, что хотите.

— Развѣ отецъ ей не скажетъ своей воли?

— Кажется, явѣтъ, по крайней мѣрѣ, не ранѣе нѣсколькихъ дней.

— Въ такомъ случаѣ, я полагаю, ей лучше ничего не говорить; она, пожалуй, сдѣлала-бы какуюнибудь неосторожность. Но я поѣду къ Роберу, какъ только буду въ состояніи, а теперь позвольте мнѣ отъ его имени поблагодарить васъ, Анжелина.

Дѣйствительно, Люсьень долженъ былъ ждать у себя секундантовъ Можирона. Они явились въ назначенный часъ и не дали ему никакого предлога къ разрыву, за который онъ, можетъ быть, теперь и радъ былъ-бы ухватиться; они просили его написать протоколъ и подписали его вмѣстѣ съ Можирономъ, не сдѣлавъ ни малѣйшей поправки.

Какъ только освободился, Люсьенъ поѣхалъ къ своему другу. Робертъ былъ пораженъ, но не удивленъ роковымъ извѣстіемъ.

— Что дѣлать? воскликнулъ Люсьенъ.

— Ничего до официального объявленія своей воли графомъ Сержи, отвѣчалъ Робертъ,— только будемъ на-сторожѣ.

— Ты, очевидно, не можешь болѣе драться съ Можирономъ, сказалъ Люсьенъ, — меня, слава богу, ничто не удерживаетъ. И все равно, убьетъ ли онъ меня или я его, прибавилъ Люсьенъ съ улыбкой,—ему тогда не жениться на Люси.

— Нѣтъ, не дѣлай этого, воскликнулъ съ жаромъ Робертъ,—не играй легкомысленно въ такую игру.

Робертъ болѣе, чѣмъ когда-либо опасался Вальды; Люсьенъ, дѣйствительно, самъ того не сознавая, входилъ въ тотъ роковой кругъ, который она начертила.

Послѣ долгихъ убѣжденій Робера, Люсьенъ, наконецъ, далъ ему слово ничего не дѣлать безъ его совѣта. Потому друзья рѣшили сохранить все втайнѣ отъ Люси до-поры, до-времени.

Послѣ ухода Люсьена, Робертъ тотчасъ написалъ записку г-жѣ Марусѣ, спрашивая, можетъ-ли она принять его вечеромъ.

Она отвѣтила, что его ждетъ, такъ-какъ Можиронъ велѣлъ ей сказать, что придетъ только на другой день, и она никого другого не приметъ.

На этотъ разъ Робертъ заплатилъ Октави откровенностью за откровенность. Онъ рассказалъ ей все, чего она не знала и что ей было такъ необходимо знать: его любовь къ Люси, соперничество съ Можирономъ, несостоявшуюся дуэль и даже согласіе, данное графомъ Сержи на бракъ Можирона съ своей дочерью.

Октави слушала его съ ужасомъ и изумленіемъ, но твердо, мужественно.

— Какой выводъ должна я сдѣлать изъ вашей запоздалой исповѣди, докторъ? спросила она послѣ минутнаго размышленія, когда Робертъ кончилъ свой рассказъ.

— Не угодно-ли вамъ самимъ сдѣлать этотъ выводъ, отвѣчалъ Робертъ.

— Одинъ касается меня, другой васъ. Во-первыхъ, я должна найти въ приведенныхъ вами фактахъ поводъ и силу къ прямому и окончательному разрыву съ этимъ человѣкомъ.

— Хорошо! сказалъ Робертъ, крѣпко пожимая ее руку.

— Во вторыхъ, я должна сдѣлать упрекъ и вамъ, и себѣ. Какъ могли вы рисковать дуэлью съ нимъ, не предупредивъ меня? Я помѣшала-бы этой дуэли гораздо вѣрнѣе и не такой дорогой цѣной, какъ графъ Сержи. Но это также и моя вина. Я вамъ не все сказала и не увѣрила васъ, что ваше благородное вмѣшательство въ мои дѣла не могло васъ подвергнуть никакой опасности.

— Успокойтесь, вы уже мнѣ на это намекнули, отвѣчалъ съ улыбкой Робертъ, — но я не хотѣлъ этого понять. Я только не понимаю, отчего Можиронъ не опасается васъ болѣе, зная, что вы можете сдержать его дурные поступки.

— Нѣтъ, я могу сдѣлать и лучше, и хуже, — я могу его погубить. Но онъ этого не знаетъ. Притомъ, я не злая женщина, и орудіе противъ него такъ страшно, что я прибѣгну къ нему только въ послѣдней крайности, напримѣръ, для вашего спасенія.

ГЛАВА XXX.

ПОРВАННЫЕ УЗЫ.

На слѣдующій день, передъ обѣдомъ, Можиронъ заѣхалъ къ Октави и она приняла его такъ холодно, что онъ задумался. При его входѣ она кивнула головой старому слугѣ, какъ-бы прося что-то не забыть, и онъ отвѣчалъ безмолвнымъ знакомъ: „будетъ исполнено“.

— Тысячу разъ виноватъ, сказалъ Можиронъ, — я уже три дня не былъ у васъ; но я былъ очень занятъ. Пожалуйста, простите меня.

— Вашъ нечего извиняться, отвѣчала Октави, — я знаю, что вы вчера были заняты. Но впредь вамъ не придется себя беспокоить визитами ко мнѣ. Я рѣшительно уѣзжаю изъ Парижа. Я наняла на конецъ сезона дачу съ прекраснымъ садомъ близъ Манта.

— Близъ Манта! воскликнулъ Можиронъ, — но вѣдь туда цѣлое путешествіе. Вы мнѣ говорили о Бель-вю или Виль-д'Оврѣ.

— Но вы мнѣ объявляли, что даже и туда вамъ нельзя часто ѣздить, а сельскій воздухъ необходимъ для моего сына. Я сегодня по телеграфу наняла дачу, а завтра переѣзжаю.

— Завтра! воскликнулъ Можиронъ.

— Да, завтра. Теперешній вашъ визитъ будетъ прощальнымъ.

— Что вы говорите? произнесъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ Можиронъ, — если вы не жалѣете человека столь занятаго, прибавилъ онъ съ улыбкой, — то что-же дѣлать, я буду ѣздить въ Мانتъ.

— Нѣтъ, не трудитесь, отвѣчала Октави съ большимъ достоинствомъ, — вы меня видите сегодня въ послѣдній разъ.

— Октави! воскликнулъ Можиронъ злобно.

Онъ былъ не прочь бросить женщину, которая ему надоѣдала, но не любилъ, чтобъ его прогоняли.

— Что вамъ угодно, маркизъ? спросила гордо г-жа Марусъ.

— Извините, отвѣчалъ онъ, — но я пораженъ изумленіемъ и горемъ. Вы мнѣ объявляете формальный разрывъ такъ внезапно и холодно.

— Развѣ это васъ, дѣйствительно, удивляетъ? Вы должны понять, что для нашего обоюднаго достоинства намъ слѣдуетъ разстаться.

— Что-же вы знаете?

— Я знаю, сказала Октави, смотря ему прямо въ лицо, — что васъ занимаетъ дѣло, которое отнять у васъ не только много времени, но все ваше время въ будущемъ. Я ничего болѣе не знаю, но этого, я полагаю, довольно.

— Кто вамъ сказалъ? воскликнулъ Можиронъ: — вашъ докторъ Роберъ, котораго вчера я пожалѣлъ и не убилъ, какъ собаку.

— Вамъ лучше было-бы объявить мнѣ это самимъ, чѣмъ дожидаться, чтобы я узнала стороною. Но кто-бы мнѣ ни сказалъ, а я знаю, — и этого довольно.

— Дѣло въ томъ, что только вчера утромъ было нѣчто похожее на серьезное обязательство...

— Я узнала объ этомъ только вчера вечеромъ, перебила его Октави, — и вы видите, что я знаю немногое. Но я все-же тотчасъ рѣшилась первать съ вами всякія отношенія. Еще разъ, маркизъ, простимся безъ укоровъ, безъ объясненій. Эго лучше и для васъ, и для меня.

Октави хотѣла встать, на онъ удержалъ ее.

— Выслушайте меня, умоляю васъ, сказалъ онъ: — ваша

неожиданная рѣшимость, повидимому, вамъ ничего не стоитъ. Я-же до сихъ поръ не могу помириться съ мыслью потерять васъ. Вотъ почему я молчалъ. Но кто вамъ говоритъ, что мой планъ осуществится? Много преградъ мѣшаетъ его осуществленію, и почему вы знаете, можетъ быть, главное затрудненіе — мое колебаніе, моя нерѣшительность, мои сожалѣнія!

— Я понимаю ваше безпокойство, сказала Октави съ горькой улыбкой: — вы не увѣрены въ своемъ успѣхѣ и спрашиваете себя, хорошо-ли мѣнять вѣрное на невѣрное.

— О! вы слишкомъ жестоки! воскликнулъ Можиронъ, выходя изъ себя отъ пронизательности Октави: — еслибы вы видѣли, что дѣлается въ моемъ сердцѣ...

Г-жа Марусэ ничего не отвѣчала и, протанувъ руку къ колокольчику, позвонила.

— Вы звоните? спросилъ съ удивленіемъ Можиронъ.

— Не обращайтесь вниманія и продолжайте.

— Я говорилъ, продолжалъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ Можиронъ, — что еслибъ вы видѣли борьбу, происходящую въ моемъ сердцѣ, то поняли бы, что меня останавливаетъ... меня терзаетъ... любовь къ вамъ. Да, я васъ люблю по-старому!

Октави встала.

— Такъ, значитъ, я васъ болѣе не люблю, отвѣчала она твердымъ, рѣшительнымъ тономъ; — пусть я виновата во всемъ и разстанемся безъ скандала.

— Нѣтъ! воскликнулъ Можиронъ, — я не могу съ вами разстаться, я...

Въ эту минуту дверь отворилась и слуга ввелъ въ комнату маленькаго сына г-жи Марусэ.

— Вотъ и Поль пришелъ кстати, спокойно сказала Октави, лаская ребенка, — вы можете проститься и съ нимъ.

Можиронъ поблѣднѣлъ. Онъ понялъ, что все было кончено.

— Такъ прощайте, сударыня, сказалъ онъ холодно: — я только сожалѣю, что вамъ придется еще услышать обо мнѣ, какъ о вашемъ должникѣ.

— Вы рассчитываетесь, маркизъ, когда угодно и въ какіе желаете сроки, отвѣчала просто Октави.

Онъ поклонился. Она отдала ему поклонъ, и онъ вышелъ изъ комнаты, съ затаенной злобой въ сердцѣ.

— Ну, корабли сожжены! сказалъ онъ самъ себѣ, сходя съ лѣстницы; — бракъ съ дочерью графа Сержи теперь необходимъ. Онъ долженъ совершиться какой-бы то ни было цѣною!

ГЛАВА XXXI.

Отъѣздъ.

Слѣдующій четвергъ былъ послѣднимъ пріемнымъ днемъ графини Сержи, сезонъ былъ оконченъ и все свѣтское общество разъѣжалось изъ Парижа. Роберъ обѣдалъ у графини Сержи, а Можиронъ пріѣхалъ только вечеромъ.

Графъ Сержи ничего еще не сказалъ Люси, и ея братъ боялся, что онъ объявитъ о данномъ имъ словѣ Можирону при всѣхъ на вечерѣ.

Но онъ объявилъ только, что уѣзжаетъ черезъ три дня со всѣмъ семействомъ въ свой замокъ Эстурвиль, въ Нормандіи, гдѣ намѣренъ дать рядъ блестящихъ праздниковъ, на которые и приглашалъ всѣхъ своихъ друзей.

Вальда желала этого отъѣзда и съумѣла устроить такъ, что и мужъ ея пожелалъ того-же. Она намѣревалась въ замкѣ Эстурвиль сѣиграть послѣдній актъ драмы, завязка которой такъ искусно была ею подготовлена.

Графъ Сержи не сообщалъ ни сыну, ни дочери о своей внезапной рѣшимости ѣхать въ Эстурвиль. Даже Вальда не сказала объ этомъ Анжелинѣ, и когда молодая дѣвушка, оставшись съ нею на единѣ, спросила съ удивленіемъ причину такого неожиданнаго отъѣзда, Вальда отвѣчала, что она сама ранѣе не слышала объ этомъ ни слова отъ мужа.

Роберъ, Люсьенъ и Люси были очень встревожены этимъ извѣстіемъ. Что оно могло значить? Люсьена невозможно было разлучить съ сестрой и онъ вездѣ и всегда оставался ея защитникомъ, а потому, по всей вѣроятности, хотѣли разлучить Люси съ Роберомъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ опаснымъ совѣтникомъ слабохарактернаго Люсьена.

Роберъ еще болѣе изумился, получивъ на другой день письмо отъ графини Сержи. Она просила его какъ можно скорѣе пріѣхать въ Эстурвиль, говоря, что ему будетъ готова комната рядомъ съ

Люсьеномъ. „Такъ-какъ вы всегда были братомъ Люсьена“, прибавляла она, „то должны считать себя сыномъ нашего дома“.

Что все это значило? Роберъ далъ Люсьену прочесть письмо, а тотъ познакомилъ съ его содержаніемъ сестру.

Никто изъ нихъ не подозрѣвалъ, какую роль играла въ этомъ Анжелипа. Гордая, смѣлая Бальда ничего не дѣлала вполнину, ничего не боялась и никого не избѣгала. Она рассчитала, что любезно обращаясь съ Роберомъ, она не только обезоружитъ его, но въ его присутствіи Люсьень и Люси будутъ менѣе подозрительными и сдержанными.

Роберъ не могъ колебаться; вопросъ о жизни и смерти для него и для той, кого онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ, долженъ былъ рѣшиться въ Эстурвилѣ. Поэтому онъ отвѣчалъ Бальдѣ, что принимаетъ съ благодарностью ея приглашеніе.

Дѣйствительно, бѣдной Люси были необходимы союзники. Она жила въ постоянной тревогѣ, удивляясь, что отецъ не заговаривалъ съ нею о предложеніи Можирона, и не зная, радоваться-ли этому или печалиться. Дѣло было въ томъ, что графъ Сержи только откладывая до послѣдней минуты объясненіе съ дочерью по совѣту Бальды; онъ-же самъ давно разрѣшилъ роковой вопросъ.

Можиронъ перевернулъ верхъ дномъ землю и небо, важное финансовое предпріятіе было пущено въ ходъ и графъ Сержи обѣщаль взять акцій на условленную съ его будущимъ зятемъ сумму. Ему обѣщано было мѣсто директора новой компании и онъ рассчитывалъ утроить, если не удесатерить, свое состояніе въ этомъ дѣлѣ, обѣщавшемъ сдѣлаться величайшей спекуляціей декабрьской имперіи.

Какъ-бы то ни было, только наканунѣ отъѣзда въ Эстурвилъ онъ выбралъ минуту, когда Люси была одна и заговорилъ съ нею о Можиронѣ.

Только-что отзавтракали. Люсьень куда-то уѣхалъ, Бальда съ Анжелиной ушла къ себѣ наверхъ, а графъ Сержи читалъ письма въ гостиной. Люси вошла въ комнату, чтобъ спросить что-то о приготовленіяхъ къ отъѣзду. Отецъ отвѣчалъ на ея вопросъ и потомъ прибавилъ:

— Мнѣ еще есть кое-что тебѣ сказать, дитя мое, и очень важное. Я тебѣ уже передалъ, что Можиронъ просилъ твоей руки.

— Да, отвѣчала Люси, стараясь казаться спокойной; — но такъ-какъ вы болѣе не возвращались къ этому предмету...

— Я теперь къ нему возвращаюсь, дитя мое. Я тогда, какъ тебѣ извѣстно, не далъ ему рѣшительнаго отвѣта. Теперь-же, послѣ здраваго размышленія, я далъ ему слово и надѣюсь, что ты также согласна.

— Не надѣйтесь, отвѣчала рѣзко и живо Люси.

— Не торопитесь такъ скоро отвѣчать, молодая дѣвушка. По крайней мѣрѣ, подумайте серьезно и возьмите въ соображеніе всю важность воли и слова вашего отца.

Графъ Сержи произнесъ эти слова тѣмъ гордымъ, повелительнымъ тономъ, передъ которымъ всегда преклонялась его первая жена. Но Люси далеко не походила на свою мать.

— Я очень сожалѣю, отецъ, сказала она спокойно, — что вы дали слово, не спросивъ прежде моего согласія. Но чтобъ не причинить вамъ послѣдствіи тяжелаго разочарованія, я прямо объявляю, что я никогда не выйду замужъ за маркиза Можирона.

— Довольно на сегодня, дочь моя, отвѣчалъ графъ Сержи, вставая; — повторяю, что я объявилъ вамъ свою волю, а не спрашивалъ вашего мнѣнія. Мы будемъ продолжать этотъ разговоръ, когда наступитъ необходимая къ тому минута. Но, будьте увѣрены, это мое послѣднее слово — что я заставлю васъ исполнить мою волю и вы будете женою маркиза Можирона.

— Будьте увѣрены, что я скорѣе умру, отвѣчала Люси.

Она поклонилась и вышла изъ комнаты.

Внѣ себя отъ злобы, графъ Сержи отправился прямо къ Балдѣ и, отведя ее въ сторону, передалъ ей свой краткій, но бурный разговоръ съ дочерью.

— Она должна подчиниться моей волѣ! сказалъ онъ, грозно махая рукой; — мы увидимъ... въ Эстурвилѣ.

Когда онъ удалился, Балда, въ свою очередь, рассказала обо всемъ Анжелинѣ.

— Ты видишь, мама, я была права, воскликнула она: — никогда Люси не выйдетъ замужъ за Можирона.

— Да, да, отвѣчала Балда, — она говоритъ, что скорѣе умретъ.

Анжелина съ ужасомъ замѣтила, что на губахъ ея матери

играла странная улыбка и что въ ея голосѣ скорѣе звучало удовольствіе, чѣмъ печаль.

ГЛАВА XXXII.

ПРАЗДНЕСТВА ВЪ ЗАМКѢ.

Празднества въ замкѣ Эстурвиль начались уже съ недѣлю. Еще не произошло ничего важнаго, но все явно клонилось къ результату, мысль о которомъ приводила въ отчаяніе Люси.

Въ замкѣ царило сильное оживленіе и гостей было много: старые друзья дома, нѣсколько политическихъ дѣятелей и финансистовъ, свѣтскія дамы и хорошенькія, молодыя дѣвушки. Виконтъ, распорядитель придворныхъ котильоновъ, былъ, по необходимости, одинъ изъ приглашенныхъ. Роберъ и Можиронъ прибыли прежде всѣхъ.

Замокъ Эстурвиль принадлежалъ первой женѣ графа Сержи и послѣ ея смерти достался на долю Люси, но графъ пользовался доходами съ этого помѣстья до выхода замужъ дочери. Впрочемъ, оно уже было предназначено въ продажу для увеличенія капитала на великое финансовое предпріятіе и, по всей вѣроятности, семья графа жила въ немъ въ послѣдній разъ. Среди приглашенныхъ находился и будущій покупатель этого стариннаго замка, построеннаго при Людовикѣ XV.

Несмотря на некрасивую архитектуру, зданіе было обширное и хорошо расположенное внутри. Въ немъ было тридцать комнатъ для приѣма гостей, кромѣ покоевъ, занятыхъ хозяевами.

Анжелина желала-бы помѣститься рядомъ съ Люси, но Вальда не хотѣла разставаться съ дочерью и отвела ей комнату подлѣ своей спальни, а Люси—между комнатой брата и кабинетомъ графа Сержи.

Погода была прекрасная и позволяла устраивать пикники, прогулки и завтраки въ лѣсу. Эстурвильскій паркъ былъ очень обширный и густой, такъ что графъ могъ охотиться цѣлый день съ пріятелями, не выходя изъ своихъ владѣній. Въ ожиданіи большого бала, на который приглашенія были посланы даже въ Парижъ, по вечерамъ танцевали на лужкѣ передъ домомъ и импровизировали концерты въ гостиной. Однимъ словомъ, въ замкѣ очень веселились.

Если мы говоримъ, что въ Эстурвилѣ очень веселились, то это относится до гостей и постороннихъ, а у хозяевъ сердце сжималось отъ горя и безпокойства.

Однако, графъ Сержи еще не представлялъ блестящему обществу, наполнявшему его домъ, Можирона, въ качествѣ своего будущаго зятя. Вальда придумала, или скорѣе побудила его придумать, нѣчто лучшее: онъ объявлялъ всѣмъ и каждому наединѣ о предстоящей свадьбѣ Люси; тоже было разрѣшено и Можирону, который, не церемонясь, хвастался своимъ блестящимъ бракомъ.

Это было тяжелой пыткой для Люсьена и особенно для бѣдной Люси. Всѣ считали своей обязанностью поздравлять ихъ. Что имъ было говорить въ отвѣтъ?— „Еще ничего не рѣшено... это извѣстіе не вѣрное...“ Но друзья, услыжавъ эту новость отъ самого графа Сержи, Вальды или Можирона, конечно, не придавали никакого значенія опроверженіямъ брата и сестры.

Правда, Люси обходилась съ Можирономъ очень холодно и гордо, почти съ презрѣніемъ, а Люсьенъ никогда съ нимъ не говорилъ и даже не кланялся, но это странное поведеніе объяснялось дружеской интимностью съ человѣкомъ, котораго уже считали членомъ семейства.

Такимъ образомъ, „весь Парижъ“ зналъ о предстоящемъ бракѣ маркиза Можирона и дочери графа Сержи, а репортеры бульварныхъ газетъ, процвѣтавшихъ во времена второй имперіи, почти открыто говорили объ этой свадьбѣ, описывая празднества въ замкѣ Эстурвилѣ.

Люсьенъ выходилъ изъ себя отъ этихъ ложныхъ сплетенъ и Роберъ едва могъ удержать его отъ публичнаго скандала.

Но Роберъ не зналъ, будетъ-ли онъ въ состояніи все время оставаться въ замкѣ. Два раза его вызывали въ Парижъ къ опаснымъ больнымъ. По счастью, станція желѣзной дороги была не далеко отъ Эстурвила и въ четыре часа онъ могъ достигъ Парижа, такъ что съ ночнымъ поѣздомъ онъ всегда возвращался къ своему другу, который, такимъ образомъ, не оставался долѣе дня безъ его поддержки.

Во вторую свою поѣздку Роберъ улучилъ минуту заѣхать въ Мантъ къ Октави, здоровье которой очень поправилось. Она была совершенно спокойна и счастлива съ своимъ сыномъ.

Живя въ Эстурвилѣ, Робертъ не спускалъ глазъ съ Люсьена и Бальды, хотя по совершенно противоположнымъ побужденіямъ. Въ сущности, Робертъ и Бальда были настоящіе противники и страшная, еще до сихъ поръ тайная, борьба велась ими. Бальда руководила всей игрой, хотя, повидимому, ни во что не вмѣшивалась, а Робертъ, какъ-будто сосредоточившій все свое вниманіе на графѣ Сержи и Мсжиронѣ, только слѣдилъ за Бальдой.

Она, по прежнему, была съ нимъ чрезвычайно любезна; но онъ, несмотря на всѣ усилія, не могъ побороть своей антипатіи къ этой женщинѣ, и держалъ себя съ нею очень холодно и даже строго. Анжелина это замѣчала и ей было очень горько.

Еслибъ не терзавшее ее безпокойство, эта молодая дѣвушка была-бы очень весела. Она видала теперь Робера каждый день, почти каждый часъ, а такъ какъ Робертъ не могъ открыто ухаживать за Люси, то онъ почти постоянно находился въ обществѣ Анжелины. Она была для него маленькимъ другомъ и союзницей; онъ обращался съ нею по-братски, танцевалъ съ нею и любилъ разговаривать. Ея дѣтская болтовня забавляла его, а пламенная преданность Люси трогала его сердце.

Такимъ образомъ, Анжелина жила въ какомъ-то странномъ снѣ, полу-раѣ, полу-адѣ.

ГЛАВА XXXIII.

МАТЬ ПРОСВѢЩАЕТЪ ДОЧЬ.

Бальда зорко наблюдала за своей дочерью, казавшейся въ одно и то-же время счастливой и тревожной.

— Ты, повидимому, очень счастлива, милое дитя мое, сказала она однажды вечеромъ, пристально смотря на нее.

— Да, я очень счастлива, отвѣчала Анжелина и горько расплакалась.

— Ну, дитя мое, намъ надо объясниться, воскликнула Бальда.

— Я очень рада, отвѣчала Анжелина.

Бальда посадила дочь къ себѣ на колѣни.

— Голубушка моя, сказала она, цѣлуя ее, — ты счастлива и вмѣстѣ съ тѣмъ страдаешь. Я этого не хочу; ты должна знать

въ жизни только одну радость. Что тебя печалитъ? Знаешь-ли ты причину твоихъ слезъ?

— Кажется, знаю, отвѣчала наивно Анжелина: — г. Робертъ со мною очень добръ и нѣженъ, а съ тобою всегда говоритъ церемонно, холодно. Почему это? Я не хочу, чтобъ кто-нибудь смѣлъ не любить моей матери. Онъ, вѣроятно, сердится на тебя, думая, что ты поощряешь ухаживаніе Можирона и дѣйствуешь противъ него. Я боюсь, что онъ въ этомъ правъ и мнѣ очень горько.

— Неужели по этой только причинѣ онъ такъ открыто мнѣ не сочувствуетъ? возразила Бальда, качая головой; — во всякомъ случаѣ, дитя мое, антипатія, чувствуемая имъ ко мнѣ, не мѣшаетъ ему, слава богу, питать къ тебѣ очень дружескія чувства. Въ настоящую минуту я ничего большаго отъ него не требую. Если впоследствии мои надежды исполнятся, если онъ почувствуетъ къ тебѣ болѣе нѣжную страсть... дай мнѣ кончить... то повторяю, я никогда не буду помѣхой счастью моей дочери, а съумѣю удалиться, или, въ случаѣ крайности, исчезнуть съ лица земли.

Анжелина со страхомъ ждала мать въ своихъ объятіяхъ.

— О! воскликнула она, — пожалуйста, не говори этого! Ты меня не утѣшаешь этими словами, а только мучишь и пугаешь.

А въ глубинѣ своей души она сказала себѣ: „мать для себя приготовила этотъ яд“.

— Будь спокойна, трусиха, воскликнула Бальда съ улыбкой, — до такой крайности дѣло не дойдетъ. Въ настоящее время я ничего не могу сдѣлать ни въ пользу, ни противъ Робера. Графъ Сержи считаетъ, что его личное достоинство замѣшано въ этомъ дѣлѣ. Еслибъ я захотѣла, то не могла-бы уговорить его взять назадъ свое слово, онъ даже самъ, еслибъ перемѣнилъ свое мнѣніе, не могъ-бы нарушить своего общанія. Передъ необходимостью должна преклониться и его воля. Поэтому, ты видишь, что Люси обязана покориться и выйти замужъ за Можирона.

— А если она не покорится? Если она предпочтетъ лучше смерть, какъ она сама тебѣ сказала, помнишь?

— Да, да, я даже повторила ея слова графу Сержи и Можирону, но они только засмѣялись. Мужчины не вѣрятъ такимъ

женскимъ угрозамъ, а иногда онѣ бывають очень серьезны. Ты, кажется, хорошо-бы сдѣлала, предупредивъ объ этомъ Робера и Люсьена. Что-же касается меня, повторяю, не я могу, если-бы и хотѣла, помочь Люси.

— А если-бы могла, ты захотѣла-бы помочь ей?

— Я отвѣчу чистосердечно: нѣтъ. Я не могу колебаться въ выборѣ между Люси и моей дочерью.

— О нѣтъ, не можетъ быть и рѣчи о борьбѣ между мною и Люси.

— Это невозможно для тебя, но не для меня. Ты говоришь все обо мнѣ, поговоримъ, и о тебѣ. Ты не сознаешь-же, мое бѣдное дитя, что творится въ твоемъ сердцѣ. Я твоя мать и должна просвѣтить тебя! Хочешь, мы прочтемъ вмѣстѣ въ твоемъ сердцѣ, какъ въ книгѣ?

— Хочу, отвѣчала рѣшительно Анжелина.

— Если-бы ты могла устроить обстоятельства по своему, что-бы ты сдѣлала?

— Очень просто, воскликнула Анжелина, поднимая на мать свои ясные, свѣтлые глаза: — я-бы сдѣлала такъ, чтобъ Роберъ немедленно женился на Люси.

— О! ангель мой! отвѣчала Бальда, — какъ ты заслуживаешь, чтобъ этого не случилось! Но пойдѣмъ далѣе, до конца: твое желаніе исполнилось, Роберъ женился на Люси. Они счастливы, ты любишь ихъ счастьемъ... ну, а ты, что будетъ съ тобою?

— Со мною? сказала Анжелина нетвердымъ голосомъ, — видя ихъ счастье и я буду счастлива.

— Хорошо, и когда придетъ минута, ты, въ свою очередь, выйдешь замужъ.

— Никогда! воскликнула Анжелина.

— Никогда, отчего?

— Во-первыхъ, въ моемъ положеніи, кто полюбитъ меня? Кто женится на мнѣ?

— Ты обижаешь меня, сама того не сознавая, замѣтила грустно Бальда.

— Да, ты права, прости меня! воскликнула Анжелина, цѣлуя мать: — вѣдь ты обѣщала сдѣлать меня богатой и счастливой, я вѣрю въ твою силу, вѣрю, что ты исполнишь свое слово. Но я... никого никогда не полюблю. Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу выходить

замужь! Я останусь съ тобою всю мою жизнь. Я нигдѣ не могу быть столь счастливой.

— И поэтому ты блѣдна! поэтому у тебя руки дрожатъ, поэтому ты плачешь! Нѣтъ, ты страдаешь не отъ того, что докторъ Робертъ холоденъ съ твоей матерью!

— Да, я страдаю! да, я плачу! воскликнула Анжелина, снова рыдая, и сама не знаю отчего. — Я не знаю причины моего горя. Я не понимаю, что я чувствую, но нѣчто ужасное.

— Что-же было-бы, еслибъ къ твоему горю не примѣшивалась слабая тѣнь надежды? сказала съ жаромъ Вальда: — что было-бы съ тобою, еслибъ Люси уже называла Робера своимъ мужемъ?

— Ты думаешь? Но вѣдь это было-бы дурно, недостойно. О, я поборола-бы такую слабость.

— Нѣтъ, тебѣ это не удалось-бы и твои теперешнія страданія только усилились-бы

— Ты думаешь? повторила Анжелина внѣ себя отъ волненія: — о, это было-бы невыносимо! И тѣ страданія продолжались-бы долго?

— Всю жизнь, мой ангелъ! Вся твоя жизнь была-бы одна страшная пытка отъ горя и ревности.

— Ты думаешь? произнесла въ третій разъ Анжелина, схватившись за голову.

— Я думаю, я вижу, я увѣрена. Посмотри въ свое разбитое, страдающее сердце и ты увидишь, что я не ошибаюсь.

— Да, сказала Анжелина, мрачно устремивъ глаза въ пространство, — я начинаю думать, что ты права.

— Вотъ почему, еслибъ я и могла, я не помѣшала-бы предположенной свадьбѣ Люси съ Можирономъ, сказала Вальда: — Ты теперь понимаешь меня. Но ни мнѣ, ни тебѣ... а главное тебѣ... не надо ни во что виѣшиваться. Ты совершенно въ сторонѣ. Если ты и принимала участіе въ исторіи, которая здѣсь разыгрывается, то твоя роль была свѣтлая, полная благородства и самопожертвованія. Ты понимаешь меня, не правда-ли?

— Да, я понимаю, что не могу быть счастливой иначе, какъ цѣною жизни моей подруги или моей матери.

— О! нѣтъ, ты преувеличиваешь. Твое счастье не будетъ стоить такъ дорого.

— Хорошо, сказала Анжелина прежнимъ грустнымъ тономъ, — пусть все будетъ какъ будетъ.

ГЛАВА XXXIV.

ЧЕГО СТОИТЬ ПРИДАННОЕ.

Бальда сказала правду: она теперь уже не могла остановить машину, которую сама пустила въ ходъ, и довольствовалась пассивной ролью наблюдательницы, готовая, какъ тигрица, броситься въ послѣднюю минуту на свою жертву и покончить дѣло неожиданнымъ ударомъ.

Однажды вечеромъ Можиронъ отвелъ ее въ сторону и сталъ ей жаловаться на обращеніе съ нимъ Люсьена.

— Еслибъ онъ только выказывалъ ко мнѣ холодность и не обращалъ на меня никакого вниманія, точно онъ со мною не знакомъ, я бы это охотно перенесъ. Но онъ открыто презираетъ и оскорбляетъ меня. Сегодня утромъ, когда все общество отправилось на прогулку въ лѣсъ, я случайно былъ принужденъ заговорить съ нимъ, — видитъ Богъ, я этого старательно избѣгаю. Онъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и молча отвернулся. При этомъ было около десяти постороннихъ лицъ и, конечно, все улыбнулись. Мнѣ ужасно хотѣлось вымѣстить на комъ-нибудь мою злобу, но я удержался, чтобъ не сдѣлать скандала.

— Вы правы, отвѣчала Бальда, — дуэль съ однимъ изъ пріятелей Люсьена была-бы очень неприятной помѣхой вашей свадьбѣ, но ссора съ нимъ самимъ, — не забывайте этого, — привела-бы къ окончательному разрыву.

— Но онъ поэтому и ищетъ со мной ссоры.

— По той-же причинѣ вы не должны ему подавать къ тому ни малѣйшаго повода.

— Я такъ и поступаю, но это не легко, когда я цѣлый день въ постоянныхъ съ нимъ столкновеніяхъ. Докторъ Робертъ гораздо благоразумнѣе, и я вижу, что онъ, насколько возможно, сдерживаетъ воинственный пылъ моего будущаго шурина, но онъ не всегда здѣсь, и, право, пора принять какія-нибудь мѣры. Не могли-ли-бы вы, какъ хозяйка дома, попросить г. Люсьена, чтобъ онъ обходился приличнѣе съ однимъ изъ вашихъ гостей.

— Увѣрены-ли вы, что мое вмѣшательство не приведетъ къ совершенно иному результату? спросила Бальда съ своей двусмысленной улыбкой.

— Вы могли-бы поговорить съ нимъ отъ имени графа Сержи.

— Но для этого надо, чтобъ графъ меня попросилъ.

— Позвольте мнѣ объяснитьсь съ нимъ по этому предмету.

— Хорошо. Но, любезный маркизь, я вамъ совѣтую, не ищите посторонней помощи въ этомъ щекотливомъ положеніи. Разсчитывайте лучше на одного себя, на свое благоразуміе.

Въ послѣднихъ словахъ звучала саркастическая нота, и Можиронъ это замѣтилъ.

— На свое благоразуміе! повторилъ онъ съ горечью:—дорого мнѣ стоять это благоразуміе!

— Значить, не слѣдуетъ терять плода своихъ жертвъ. Чѣмъ нахальнѣе и презрительнѣе будетъ обращаться съ вами этотъ сорванецъ, тѣмъ вы будьте спокойнѣе и осторожнѣе. За каждый его шагъ впередъ вы дѣлайте шагъ назадъ.

— Назадъ, назадъ! вскричалъ Можиронъ:—вы не понимаете, какъ это трудно.

— Понимаю, отвѣчала Бальда тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ, — по вѣдь малѣйшая неосторожность вамъ будетъ стоять дороже... цѣлыхъ два миліона.

Разговоръ ихъ прекратился, и Можиронъ вышелъ изъ комнаты очень задумчивый.

На слѣдующій день его благоразуміе подверглось еще болѣе тяжелому испытанію. Послѣ завтрака мужчины гуляли по аллеямъ сада, кура сигары. Случайно Можиронъ, идя подъ руку съ виконтомъ, встрѣтился съ Люсьеномъ, разговаривавшимъ съ однимъ изъ своихъ пріятелей.

— Дайте намъ огня, сказалъ виконтъ, обращаясь къ Люсьену.

Молодой человекъ подаль ему свою сигару, но когда Можиронъ такъ-же протянулъ руку, онъ отдернулъ сигару съ нетерпѣніемъ. Можиронъ вздрогнулъ отъ удивленія.

— Извините, маркизь, сказалъ Люсьенъ, — Жюль д'Асти мнѣ только-что сообщилъ новость, относительно которой я желалъ-бы съ вами объяснитьсь. Вы ему сказали, что женитесь на моей сестрѣ?

— Да, отвѣчалъ Можиронъ:—я сказалъ, что графъ Сержи далъ согласіе на мой бракъ. Вы сами знаете, что это такъ.

— Нѣтъ, я ничего не знаю, отвѣчалъ рѣзко Люсьенъ:—по-

ка графъ Сержи не заявитъ объ этомъ фактѣ публично и официально, никто не можетъ знать или говорить о немъ... а вы, милостивый государь, послѣдній имѣли бы на это право.

— Я представлю два доказательства справедливости своихъ словъ, продолжалъ Можиронъ:—во-первыхъ, я не отвѣчаю, какъ-бы слѣдовало, на вашъ вызывающій тонъ, понимая, что между нами не можетъ быть никакой ссоры и что если вамъ угодно оскорблять меня, то вы одни и несете за это отвѣтственность. Во-вторыхъ, я тотчасъ буду просить графа Сержи объявить публично то, чего, я съ вами согласенъ, мнѣ не слѣдовало преждевременно разглашать. Я надѣюсь, что графъ исполнитъ мою просьбу завтра, въ день бала, на который прѣдетъ много гостей изъ Парижа.

Можиронъ поклонился и прошелъ далѣе съ виконтомъ.

Роберъ видѣлъ эту сцену издали и, поспѣшно подойдя къ Люсьену, побранилъ его за легкомысленную пылкость.

— А я не понимаю твоего терпѣнья! воскликнулъ Люсьенъ;— на что ты надѣнешься? Чего ты ждешь?

— Я надѣюсь на средство, которое, не подвергая твоей жизни опасности, приведетъ къ хорошему результату, отвѣчалъ Роберъ.— Я жду окончательнаго кризиса, чтобъ прибѣгнуть къ этому средству.

— Хорошо, сказалъ Люсьенъ, — такъ я берусь ускорить кризисъ.

ГЛАВА XXXV.

П л а н ъ в ы т в ы .

Отойдя отъ Люсьена, Можиронъ былъ очень не въ духѣ. Отправившись къ графу Сержи, онъ разсказалъ ему о случившемся.

— Графъ, прибавилъ онъ, — позвольте мнѣ замѣтить вамъ, что я не могу долѣе оставаться въ этомъ двусмысленномъ положеніи; вы признаете меня за жениха своей дочери, а она и ея братья меня открыто отвергаютъ.

— Маркизъ Можиронъ, гордо отвѣчалъ Сержи, — одинъ отецъ значитъ что-нибудь въ этихъ дѣлахъ, по древнему, святому праву, которое теперь только мы, аристократы, и признаемъ.

— Конечно, для насъ нѣтъ другого закона, сказалъ Можиронъ, — но законъ новый, революціонный, вы знаете, требуетъ согласія дочери, и не виѣстъ съ согласіемъ отца, а еще прежде.

— Я признаю не то, что законно, а то, что нравственно, сказалъ Сержи: — я далъ вамъ слово и моя дочь будетъ вашей женою. Если она выкажетъ сопротивленіе, будьте увѣрены, я съумѣю принудить ее къ повиновенію. Что-же касается оппозиціи моего сына, то я даже не желаю обращать на нее вниманія.

— Я совершенно полагаюсь на васъ, графъ. Но пока я добьюсь согласія вашей дочери, я полагаю, было-бы полезно объявить официально хоть о нашемъ согласіи. Вы и графиня Сержи полагали, что лучше дѣло повести тихо, сначала довести до свѣденія вашей дочери мое предложеніе, потомъ ваше согласіе и, наконецъ, послѣ продолжительнаго промежутка времени объявить публично о нашемъ бракѣ. Но, кажется, что этотъ промежутокъ уже довольно длится, ваша дочь имѣла много времени одуматься и привыкнуть къ этой мысли. Не пора-ли теперь объявить ей официально вашу волю, противъ которой врядъ-ли она рѣшится открыто возстать.

— Я съ вами согласенъ, отвѣчалъ Сержи, — и, вѣроятно, графиня будетъ того-же мнѣнія.

— Я уже съ нею говорилъ объ этомъ и мы оба полагали, что всего удобнѣе было-бы публично заявить эту новость завтра, въ день большого бала, въ присутствіи многочисленныхъ гостей изъ Парижа. Я даже позволилъ себѣ, быть можетъ, нѣсколько преждевременно, объявить объ этомъ вашему сыну.

— Вы отлично сдѣлали; я такъ и поступлю. Вашъ другъ Дюплесси, навѣрно, сказалъ вамъ, что его дядя, министръ, принялъ мое приглашеніе и пріѣдетъ завтра на балъ?

— Да, графъ. Министру необходимо уѣхать ночью съ особымъ поводомъ въ Парижъ, но онъ непременно пріѣдетъ.

— Такъ я представлю передъ всѣми министру моего зятя.

— Благодарю васъ! сказалъ Можиронъ, крѣпко пожимая руку Сержи: — теперь мнѣ только остается надѣяться, что вашъ сынъ до того времени не погубитъ всего дѣла какимъ-нибудь скандаломъ.

— Я-бы желалъ видѣть, какъ онъ осмѣлится! воскликнулъ графъ.

— А я не желалъ-бы этого видѣть, отвѣчалъ, смѣясь, Можиронъ, — лучше предупрежденіе, чѣмъ кара. Еслибы вы были такъ добры и сказали ему слово или попросили графиню, какъ хозяйку, поговорить съ нимъ...

— Отличная мысль! сказала Сержи: — женщины гораздо лучше разрѣшаютъ такіе щекотливые вопросы. Что-же касается меня, то я боюсь, что дамъ волю своему гнѣву и зайду слишкомъ далеко. Пойдемте вмѣстѣ къ графинѣ и попросимъ ее помочь намъ.

Дѣло въ томъ, что Сержи боялся не столько своего гнѣва, сколько необходимости стать лицомъ къ лицу съ Люсьеномъ. Онъ чувствовалъ, что ему будетъ нелегко отвѣчать гордому юношѣ, который явился-бы защитникомъ своей сестры. Ему пришлось-бы прибѣгнуть къ насилию, а это было опасно. Люсьень теперь уже не былъ несовершеннолѣтнимъ отрокомъ, котораго онъ могъ послать въ ссылку, онъ пользовался совершенной независимостью и былъ богатъ. Поэтому онъ могъ вступить съ отцомъ въ борьбу и, быть можетъ, общественное мнѣніе высказалось бы за него.

По всѣмъ этимъ причинамъ графъ Сержи предпочелъ, чтобъ Бальда объяснилась съ Люсьеномъ вмѣсто него, хотя Люсьень всегда держалъ себя на приличномъ разстояніи отъ нея, но все-же обращался съ нею, какъ съ женою отца, очень учтиво и почтительно.

Отправившись къ Бальдѣ, графъ и Можиронъ передали ей все, что случилось и что они рѣшили.

— Такъ все будетъ кончено завтра? спросила она.

— Да, отвѣчалъ ея мужъ.

— Завтра! повторила она задумчиво, и слегка поблѣднѣла.

Рѣшительная минута наступила. Конечно, она была готова, но до сихъ поръ она, сама того не сознавая, всегда откладывала роковой кризисъ. Но она не могла долго колебаться.

— Хорошо, завтра, сказала она рѣшительно. — Теперь намъ надо сговориться. Терять время и мѣшкать уже нельзя, необходимо идти прямо и быстро къ цѣли. Вы сказали, другъ мой, что возлагаете на меня щекотливое порученіе... Какое-же?

— Поговорить съ Люсьеномъ, отвѣчалъ графъ, и объяснилъ, почему онъ самъ не считалъ удобнымъ объясняться съ сыномъ.

— Это порученіе трудное и непріятное, сказала Бальда, — но если вы желаете непременно...

— Да, умоляю васъ, не откажите.

— Хорошо, я повинуюсь, но прошу васъ, дайте мнѣ подробную инструкцію, отъ которой я не отойду ни на шагъ. Потомъ, если я буду говорить съ вашимъ сыномъ, то вы сами переговорите съ дочерью.

— Да, конечно, отвѣчалъ графъ Сержи, чувствовавшій себя гораздо храбрѣе съ женщинами, чѣмъ съ мужчинами.

— И вамъ надо это сдѣлать, какъ можно скорѣе. Вотъ что: я поговорю съ Люсьеномъ завтра утромъ, а до тѣхъ поръ Можиронъ долженъ благоразумно избѣгать его, даже ему лучше было-бы сегодня посидѣть въ своей комнатѣ подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Вечеромъ на балу графъ объявить о бракѣ своей дочери, а послѣ бала, когда всѣ разойдутся и прежде, чѣмъ Люси успѣетъ повидать кого бы то ни было, онъ удалится съ нею въ маленькую гостиную и тамъ произойдетъ между ними необходимое объясненіе.

— Все это отлично придумано, сказалъ Сержи, — вы были-бы первокласснымъ политикомъ, графиня.

— Я только вашъ ученикъ и подражатель, отвѣчала Бальда.

ГЛАВА XXXVI.

Последнія мѣры.

Наступила рѣшительная минута привести въ исполненіе долго задуманный и искусно подготовленный планъ; Бальда собрала всѣ свои умственные силы, зная, что одинъ ложный шагъ, одна забытая предосторожность — и все погибло. Она удивительно ловко рассчитала и счастливо исполнила ударъ, нанесенный графинѣ Сержи, по теперь ей предстояло въ одинъ день и разомъ погубить и Люсьена, и Люси.

Она, дѣйствительно, не сдѣлала ни одного промаха, если не считать ошибкой то, что она обращала вниманіе только на непріятели. Она мало спала въ эту ночь, все обдумывая, все взвѣшивая, каждое слово, каждый шагъ.

На слѣдующее утро, здороваясь съ Анжелиной, она замѣтила,

что молодая дѣвушка была блѣднѣе и грустнѣе обыкновеннаго, но всѣ ея мысли были сосредоточены на другомъ. Съ своей стороны, и Анжелина мало говорила съ матерью. Она казалась или совершенно равнодушной или смиренно покорившейся судьбѣ. Даже съ Люси она едва обмѣнилась нѣсколькими словами и стала молча помогать ей въ уборкѣ комнатъ цвѣтами для бала.

Между тѣмъ, Балда послала просить къ себѣ на минуту графа Сержи. Онъ тотчасъ явился.

— Намъ необходимо условиться, сказала она, — въ какихъ выраженіяхъ мнѣ объясняться съ Люсьеномъ. Я хочу буквально исполнить вашу инструкцію.

— А я совершенно полагаюсь на васъ, милая Балда, отвѣчалъ ей мужъ; — я увѣренъ, что вы сдумаете быть твердой и осторожной. Я желалъ-бы быть настолько-же увѣреннымъ въ себѣ относительно моего объясненія съ Люси.

— Да, я боюсь, что вы встрѣтите въ ней такое сопротивленіе, какого вы не ожидаете.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я вамъ сейчасъ все объясню. Вы простите мнѣ, что я ранѣе этого не сдѣлала, и поймете, какъ мнѣ претило выдать тайну Люси, какъ-будто изъ мести за мнѣнія или даже обвиненія, которыя она могла ставить противъ меня. Но долѣе молчать я не могу. Вамъ необходимо знать причину сопротивленія, которое она окажетъ вашей волѣ, и имѣть въ рукахъ орудіе, которое заставитъ ее подчиниться.

— Говорите, говорите, другъ мой; вы меня пугаете; въ чемъ дѣло?

— Она любитъ.

— Люси? Не можетъ быть!.. Но кого-же?

— Доктора Робера.

— Это очень серьезно! воскликнулъ графъ; — но увѣрены-ли вы въ этомъ?

— У меня есть письменныя доказательства.

— Письма?

— Да, письма доктора Робера, — очевидно, отвѣты.

— Можете вы мнѣ ихъ показать?

— Подъ однимъ условіемъ: что вы у меня не спросите, отъ

ного я ихъ достала. Они писаны годъ тому назадъ, но я ихъ получила очень недавно.

Говоря это, Бальда хорошо понимала, что она бросала подозрѣніе на бѣдную Анжелину, но ей надо было дѣйствовать быстро, не теряя ни минуты, и потому она утѣшала себя мыслью, что всегда съумѣетъ оправдать дочь въ глазахъ графа.

— Хорошо, я у васъ ничего не спрошу. Но письма, дайте мнѣ эти письма!

— У меня только копіи, но одно въ оригиналѣ, и это самое важное.

Бальда прочла мужу это важное письмо и выдержки изъ другихъ, помѣченныя заранѣе карандашомъ.

Графъ Сержи вышелъ изъ себя отъ гнѣва. Онъ не видѣлъ, и не хотѣлъ видѣть, сколько возвышеннаго, чистаго и благороднаго было въ этой любви молодыхъ людей. Его бѣсилъ тотъ тонъ, которымъ, вѣроятно, Люси говорила въ своихъ письмахъ о Бальдѣ, ибо иначе Робертъ не выражался-бы такъ въ своихъ отвѣтахъ. Ясно было, что онъ, сожалея и утѣшая Люси, старался успокоить и сдержать ее. Сержи былъ оскорбленъ, какъ отецъ и мужъ. Люси, осуждая свою мачиху, смѣла критиковать его выборъ, а оплакивая и осыпая похвалами свою мать, она косвенно обвиняла его.

Бальда съ трудомъ успокоила его и удержала отъ немедленнаго скандала.

— Вы правы, всегда правы, сказалъ онъ, — это обстоятельство, создавая преграду, дастъ намъ и орудіе, чтобъ ее преодолѣть. Мы должны вѣтъ воспользоваться. Я теперь измѣню свою тактику, и Люси въ этомъ скорѣе убѣдится. Вы также, другъ мой, можете, даже должны говорить съ Люсьеномъ гордыми, вызывающимъ тономъ. Онъ стоитъ на нетвердой почвѣ. Мы дѣйствовали всегда правильно, законно, Можиронъ открыто просилъ руки моей дочери и я открыто далъ ему свое согласіе. А они тайлись. Я знаю, — она говоритъ въ своихъ письмахъ, что вела себя такъ потому, что не имѣла матери и боялась меня. Но вѣдь такія причины свѣтъ не признаетъ правильными. Люсьенъ былъ общникомъ своего друга и компрометировалъ честь своей сестры.

— И онъ еще болѣе ее компрометируетъ, сопротивляясь открытому и честному предложенію Можирона. Я васъ понимаю и

все это передамъ Люсьену, какъ умѣю. Будьте спокойны, а его смирю.

— Остается еще рѣшить, что намъ дѣлать въ отношеніи доктора Робера?

— Ничего, повѣрьте, мой другъ, ничего, по крайней мѣрѣ сегодня. Докторъ Роберъ человѣкъ очень достойный и съ нимъ нельзя обойтись, какъ съ первымъ встрѣченнымъ. Нѣтъ, это дѣло надо покончить семейно, между вами и вашими дѣтьми.

Графъ, какъ всегда, согласился съ женою и они разстались.

Бальда добилаь всего, чего хотѣла. Она особенно была довольна, что Роберъ остался въ замкѣ. Для нея было необходимо, чтобъ никто не могъ заподозрить ее въ желаніи удалить его изъ дома хоть на минуту.

Но она была очень удивлена, когда лакей подаль ей письмо отъ Робера, который увѣдомлялъ ее, что онъ, къ сожалѣнію, долженъ былъ уѣхать съ раннимъ поѣздомъ въ Парижъ, куда его вызывали по важному дѣлу. Однако, онъ надѣялся, что успеетъ вернуться къ балу.

„Конечно, лучше, чтобъ его здѣсь не было, подумала Бальда, — хорошо, что не я его удалила“.

Роберъ, дѣйствительно, уѣхалъ и предупредилъ объ этомъ Люсьена. Но онъ отправился не въ Парижъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

БОЛѢЗНЬ ВѢКА.

На словахъ бороться,
Звать на битву смѣло,
На бумагѣ плакать—
Это наше дѣло.

Сколько фразъ цвѣтистыхъ
То и дѣло льется
Всюду, гдѣ возможно
Всюду, гдѣ придется:

На могилѣ друга,
Въ клубахъ и собраньяхъ
И на ежегодныхъ
Разныхъ засѣданьяхъ

Мы разимъ пороки
Громкими словами
И о бѣдныхъ братьяхъ
Говоримъ съ слезами.

О добрѣ и правдѣ
Горячо толкуемъ,
На пустыя фразы
Громко негодуемъ.

Кажется, готовы
Мы въ огонь и въ воду,
Чтобъ доставить людямъ
Счастье и свободу.

Но едва придется
Показать на дѣлѣ

Тоже, что на фразахъ,—
Сразу мы осѣли.

Мы совсѣмъ не знаемъ.
Какъ за дѣло взяться,
Намъ и лѣнь, и тошно
Дѣломъ заниматься.

Мы опять за фразы,
Позабывъ о дѣлѣ:
„Мы и не готовы,
Мы и не созрѣли!“

На словахъ бороться
Мы готовы смѣло:
Мы сильны на фразы,
Но... слабы на дѣло.

С. М. Архангельскій.

ГОСПОЖА АНДРЕ.

РОМАНЪ

ЖАНА РИШПЭНА.

ГЛАВА VIII.

Вакаціи окончились, студенты возвратились въ Латинскій кварталъ.

Пьеръ Фресонъ окончилъ курсъ и сдалъ экзамены; онъ только ждалъ новаго года, чтобъ поселиться въ своемъ родномъ городѣ Ландри, въ департаментѣ Эны. Поэтому, пользуясь свободнымъ временемъ и возвращеніемъ товарищей, онъ рѣшился достойно отпраздновать свой выходъ изъ университета и познакомить Люсьена съ тѣми удовольствіями, которыя, по его словамъ, долженъ знать каждый молодой человѣкъ.

Онъ самъ, несмотря на свою хваленую опытность, зналъ эти удовольствія только по внѣшности, какъ евнухи знаютъ красоту гарема. Онъ былъ работающимъ студентомъ и аккуратно посѣщалъ лекціи, клиники, анатомическіе театры; весь его разгулъ состоялъ въ обѣдѣ въ ресторанѣ Табурэ, въ трубкѣ и партіи въ вистъ. Пять или шесть разъ въ году онъ позволялъ себѣ принимать участіе въ оргіи, какъ онъ называлъ пріятельскую попойку, посѣщеніе маскарада или ужинъ съ кокотками. Помимо своего романа, т. е. связи съ Фелиси, онъ знавалъ только такую любовь, которую продаютъ публичныя женщины. Онъ по временамъ приносилъ себя въ жертву своей плоти, но какъ докторъ

вполнѣ гигиенически и притомъ онъ также акуратно держалъ въ порядкѣ то, что служило вмѣсто сердца, какъ и свое бѣлье.

— Ты знаешь, говорилъ онъ Люсьену, — я не кутила и не считаю, что единственное занятіе человѣка бѣгать по кабакамъ и возиться съ развратницами. Но я въ то-же время не святой. Полезно немного повеселиться и отвѣдать сладострастія хоть для того, чтобъ узнать его вкусъ и имѣть право удерживать отъ него людей, слишкомъ ему предающихся. Потомъ, въ качествѣ доктора, я долженъ испытать на практикѣ дѣйствіе знаменитаго правила сапернской школы: „Ruege bis in hebdomade, ebriagi semel in mense“. Черезъ это надо пройти, чтобъ быть человѣкомъ. Если хочешь, то мы вмѣстѣ станемъ хоронить мою юность.

И онъ принялся хоронить, увѣренный, что она когда-то жила, эта несчастная, мертворожденная юность. Впрочемъ, эти похороны были очень скромны, чисто третьяго класса. Онъ заключался въ томъ, что друзья пили безконечное количество кружекъ пива, обѣдали у Файо или Маньи, возвращались отъ Бюлле, распѣвая какую-нибудь глупую пѣсню и оканчивали день въ какомъ-нибудь учрежденіи, служащемъ веселію и любви. Общество Фресона состояло изъ добродушныхъ провинціаловъ, пріѣхавшихъ повеселиться въ Парижъ, но всѣ они были самаго буржуазнаго пошиба, и, несмотря на ихъ молодость и желаніе вазаться молодыми, въ нихъ сквозили будущіе нотариусы, прокуроры и вообще золотая посредственность. Ихъ бороды казались фальшивыми, подъ которыми скрывались чисто-выбритые подбородки. Однимъ словомъ, для похоронъ юности Фресона нельзя было подыскать лучшихъ погребальщиковъ.

Но все это было новостью для Люсьева и удовольствіе жить — такъ велико, что онъ находилъ даже прелесть въ этой искусственной жизни. Не обращая вниманія на пошлую сторону этихъ удовольствій, онъ предался имъ со всѣмъ пыломъ нервнаго темперамента и пламеннаго воображенія. Его умъ и веселость пробудились, подстрекаемые грубымъ смѣхомъ товарищей. Онъ потерялъ свою застѣнчивость въ кофейняхъ. Легко увлекаемый и мягкій, какъ воскъ, онъ вскорѣ по внѣшности сталъ походить на людей, съ которыми онъ вращался и мало-по-малу вывѣтрѣлась утонченность его чувствъ. У него были четыре любовницы кряду и Пьеръ Фресонъ не сдѣлалъ ему ни малѣйшаго упрека, такъ-какъ самую

любимую изъ нихъ онъ держалъ лишь двѣ недѣли. Благодаря его красотѣ и туго набитому кошельку, онъ пользовался большою популярностью между женщинами Латинскаго квартала, гдѣ молодежь сходится и расходится съ дьявольскою быстротою. Двѣ или три изъ мѣстныхъ знаменитостей влюбились въ него и онъ даже доставилъ себѣ удовольствіе отказать одной во взаимности. Такииъ образомъ, онъ привыкъ къ тому, что не онъ ухаживалъ, а за нимъ ухаживали и сталъ выказывать крайнее презрѣніе къ женщинамъ.

— И прекрасно, говорилъ ему Фресонъ, — по крайней мѣрѣ, ты знаешь теперь жизнь. Чортъ возьми, мнѣ кажется даже, что ты ее слишкомъ серьезно изучаешь.

— Фуй! отвѣчалъ Люсьенъ, — это долго не продлится. Я скоро кончу свои дебюты. Признаюсь, я немного пересолилъ мудрое правило салернской школы. Но за то я совсѣмъ выдѣлился отъ моихъ прежнихъ глупыхъ идей.

— Я-же тебѣ говорилъ.

— И ты былъ правъ. Тошно подумать, что я позволялъ себя водить за носъ и игралъ въ платоническую любовь съ женщиной, которая годилась-бы мнѣ въ матери. И какъ она ломалась, какъ гордо маневрировала бровями! Какой прикидывалась невинной, когда я смотрѣлъ ей прямо въ глаза! Сколькихъ почтительныхъ поклоновъ мнѣ стоилъ поцѣлуй ея руки! А какъ она разгнѣвалась, когда я чмокнулъ ее въ губы!

— И безъ меня, мой бѣдный Люсьенъ, ты попался-бы въ ея сѣти.

— Не будемъ объ этомъ говорить. Мнѣ стыдно за себя, что я былъ такъ глупъ.

Дѣйствительно, они все рѣже и рѣже даже въ шутку упоминали о г-жѣ Андре. Она нисколько ихъ не занимала. У нихъ было множество другихъ предметовъ разговора. Люсьенъ хотѣлъ сдѣлаться литераторомъ и раздѣлялъ съ Фресономъ свои надежды на успѣхъ. А Фресонъ рассказывалъ ему о предстоявшей ему жизни въ Ландри, объ его быстромъ обогащеніи и выгодной женитьбѣ. Оба они считали себя очень практическими людьми, отлично знавшими жизнь. Уѣзжая изъ Парижа, Фресонъ торжественно сказалъ, пожимая руку своему другу:

— Любезный Люсьенъ! ты теперь человекъ и я ниѣмъ право этимъ гордиться.

Еще бы! Въ сердцѣ Люсьена мѣсто г-жи Андре заняла Мари, по прозвищу Обирала, и Нина, по прозвищу Прыгунья.

ГЛАВА IX.

Впродолженіи цѣлаго года Люсьенъ велъ эту кабачную жизнь. Наконецъ, она ему надоѣла. Онъ, въ сущности, не былъ созданъ для того общества умственныхъ посредственностей, въ которое его ввелъ Фресонъ. Въ первое время увлеченія этими удовольствіями онъ предавался имъ со страстію и начиналъ походить на товарищей, участвовавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ оргіяхъ, но потомъ мало-по-малу убѣдился въ ихъ пустотѣ и пошлости. Подъ лоскомъ молодости, придающей уму какую-ту дьявольскую красоту, онъ открылъ въ нихъ мѣщанскую тупость. Конечно, между ними были добрые малые и не всѣ отличались одинаковой глупостью. Многие изъ нихъ могли сдѣлаться порядочными адвокатами или докторами; но никто не былъ одаренъ тѣмъ истиннымъ умомъ, которому доступны всѣ идеи, всѣ искусства. Ихъ философскія и литературныя знанія ограничивались крошками классицизма, подобранными въ школѣ, и плохо переваренными немногими романами, изъ которыхъ лучшимъ была „Жизнь Богемы“, и сочиненіями Мюссе, прочтенными ради моды, но совершенно непонятными. Самые любознательные изъ нихъ ежедневно питались газетами, принимая за здоровую пищу искусственную стряпню, обманывающую умъ, но неутоляющую его голода. Въ музыкѣ они съ перваго взгляда, казалось, болѣе понимали и даже выдавали себя за серьезныхъ любителей. Въ этомъ отношеніи они были настоящими провинциалами, которые хвалятся, что знаютъ весь репертуаръ, потому что не разъ слышали аріи всѣхъ оперъ и оперетокъ. Но ихъ знаніе было знаніемъ попугая. Эти истыя шарманки не имѣли никакого музыкальнаго чутья. Что-же касается живописи и пластическихъ искусствъ, то тутъ они совсѣмъ пасовали. Люсьенъ, любившій инстинктивно все хорошее и художественное, чувствовалъ себя одинокимъ въ этой средѣ. Всѣ разговоры вертѣлись на сплетняхъ Латинскаго квартала, воспоминавіяхъ о родицѣ и

политикѣ. Самые жаркіе споры возбуждались прошедшимъ экзаменомъ, будущими парламентскими выборами и всего чаще сомнительнымъ ходомъ въ пикетъ. Если Люсьенъ случайно начиналъ разговоръ о литературномъ или художественномъ предметѣ, ему отвѣчали такими глупостями, что онъ даже не имѣлъ храбрости отвѣчать на нихъ. Это его заставило мало-по-малу охладѣть къ своимъ товарищамъ, тупости которыхъ онъ не хотѣлъ подчинить свой умъ.

Къ этому чисто-умственному отвращенію присоединилось и физическое утомленіе. Разыгрывая роль фанфарона разврата, онъ разстроилъ свое здоровье. Онъ оставилъ свой свѣжій цвѣтъ лица на днѣ пивныхъ кружекъ и на губахъ продажныхъ красавицъ. Безсонныя ночи, наводненіе желудка пивомъ и отягощеніе его капустой испортили пищевареніе, ослабили грудь, отуманили голову.

Поэтому онъ съ удовольствіемъ привѣтствовалъ наступленіе ваканцій, которыя могли его освободить на время отъ ложныхъ, пошлыхъ удовольствій, которыя утомили его. Но, съ другой стороны, онъ должны были возвратить его самому себѣ, а одиночества онъ боялся. Ему нужно было толкаться въ толпѣ и чувствовать близость людей. Естественно, что онъ прибѣгнулъ къ помощи своего друга Фресона, съ которымъ находился въ постоянной перепискѣ. Въ отвѣтъ онъ получилъ приглашеніе пріѣхать на „подножный кормъ“ въ Ландри на одинъ или на два мѣсяца.

Ландри главный городъ одного изъ округовъ верхней Пикардіи. Окружающая страна очень плоская, прекрасно обработанная, но не живописная, самый городъ еще плоше, а жители и того плоше. Это провинціальная труппа во всемъ своемъ печальномъ уродствѣ, безъ общества, удовольствій и развлеченій. Впрочемъ, Фресонъ не имѣлъ и времени посѣщать общество. Онъ проводилъ цѣлый день въ кабриолетѣ, навѣщая своихъ пациентовъ, разсѣянныхъ по десяти или двѣнадцати селеніямъ. Вечеромъ онъ возвращался домой усталый и, пообедавъ, ложился спать около девяти часовъ. Поэтому Люсьенъ нашель Ландри очень скучнымъ и своего друга Фресона нисколько не забавнымъ. Докторъ сталъ еще тяжелѣе и торжественнѣе. Прежде, несмотря на приготовленіе къ экзамену, онъ читалъ и зналъ, что дѣлается на свѣтѣ. Воспи-

танный въ Парижѣ и имѣвшій столкновенія съ идеями и умными людьми, онъ могъ тогда поддерживать разговоръ съ Люсьеномъ. Но теперь все это кажущееся превосходство исчезло. Люсьенъ это замѣтилъ съ первыхъ дней и убѣдился, что Фресонъ, влиянію котораго онъ такъ добродушно подчинился, не могъ даже его понять. А потому онъ и не пытался объяснить ему одолевшую его скуку, а только сказалъ, что разстроилъ себѣ здоровье. Самъ Фресонъ ничего другого не замѣтилъ въ Люсьенѣ и, любя его по-своему, испугался, увидавъ передъ собою человѣка, столь постарѣвшаго, измѣнившагося и поблѣднѣвшаго въ одинъ годъ.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ, — ты слишкомъ веселишься. У тебя легкія еще не тронулись, но надо ихъ не запускать. Ты не Геркулесъ, мой бѣдный Люсьенъ, и тринадцатый трудъ Геркулеса тебѣ не подъ силу.

И онъ началъ серьезно проповѣдывать молодому человѣку о нравственности съ точки зрѣнія гигиены, приводя въ подтвержденіе своихъ словъ анекдоты, случаи изъ своей практики и т. д. Люсьенъ слушалъ его терпѣливо, но онъ уже уѣхалъ изъ Парижа съ отвращеніемъ къ тѣмъ удовольствіямъ, которыя Фресонъ старался выставить съ дурной стороны.

Онъ самъ зналъ, что они приносили ему вредъ и уже рѣшился бросить жизнь, которую онъ находилъ столь-же глупой, сколько утомительной. Онъ жаждалъ отъ Фресона не подобныхъ совѣтовъ, а искренняго утѣшенія и поддержки. Въ сущности, онъ главнымъ образомъ страдалъ отъ неопредѣленнаго сплина, овладающаго молодыми людьми двадцати лѣтъ, которые вкусили первыя наслажденія и предугадываютъ послѣдующія горечи. Ему необходимъ былъ совершенно иной совѣтникъ, который лѣчилъ-бы его недугъ словами надежды, а не слабительными.

Тогда онъ вспомнилъ о г-жѣ Андре. Она одна была-бы въ состояніи его понять и утѣшить. Воспоминаніе о прелестныхъ вечерахъ, проведенныхъ съ нею, воскресло и заблестѣло, какъ звѣзда въ его сердцѣ, затемненномъ трактирной жизнью. Онъ теперь думалъ о ней безъ злобы и безъ сладострастныхъ желаній. Онъ только жаждалъ ея нѣжной, покровительствующей привязанности, столько необходимой ему, хотя и молодому, но уже разочарованному и одинокому человѣку. Передъ его глазами возставала маленькій домикъ въ Аблонѣ, словно дорогое его сердцу

жилище, въ которомъ онъ провелъ дѣтство, и онъ думалъ о г-жѣ Андре, какъ о прелестной доброй матери, которой уже давно лишился.

ГЛАВА X.

Воротившись въ Парижъ, Люсьенъ имѣлъ въ головѣ одну мысль, одно желаніе — отыскать г-жу Андре. Онъ хотѣлъ смиренно просить у нея прощенія, объяснить ей, какъ онъ одинокъ, какъ нуждается въ поддержкѣ, умолять ее скалиться надъ нимъ и выразить согласіе на всѣ условія, лишь-бы она только возвратила ему хоть малую долю той драгоцѣнной привязанности, которую онъ не сумѣлъ сохранить.

Прежде всего онъ сѣздалъ въ Аблонъ, хотя и безъ большой надежды на успѣхъ своихъ поисковъ, такъ-какъ время было зимнее и врядъ-ли г-жа Андре оставалась такъ долго на дачѣ. Но если она и не жила въ немъ, быть можетъ, новыя обитатели могли сообщить ея адресъ. Дача была по-прежнему пуста. На воротахъ красовалось объявленіе: *„продается или отдается съ наемъ“*. Люсьенъ списалъ адресъ домовладѣльца и отправился къ нему, но тотъ не могъ сообщить никакихъ свѣдѣній о г-жѣ Андре.

Подстречаемый еще болѣе неудачей и отсутствіемъ всякаго слѣда или указанія, Люсьенъ началъ настоящую скачку съ препятствіями по всему Парижу. Это сдѣлалось главнымъ его занятіемъ и наполнило всю его жизнь. Онъ проводилъ весь день на улицѣ, устроясь отыскивать тавія мѣста, гдѣ, по его мнѣнію, скорѣе всего онъ могъ встрѣтить г-жу Андре. Вечеромъ онъ посѣщалъ нѣсколько театровъ, появляясь на балконѣ то съ одной стороны, то съ другой и пытливо оглядывая въ бинокль всѣ ложи и бенуары. Онъ проводилъ цѣлые часы передъ дверями извѣстныхъ модныхъ магазиновъ и жадно слѣдилъ за постоянными приливомъ и отливомъ женщинъ. Въ прекрасную погоду онъ дежурилъ въ публичныхъ садахъ, гдѣ маленьки гуляли съ своими дѣтьми. Часто ему казалось, что онъ видитъ въ толпѣ г-жу Андре, но каждый разъ ему приходилось сознаться въ своей ошибкѣ. Впрочемъ, однажды онъ дѣйствительно ее видѣлъ. Она садилась въ карету на улицѣ Монмартръ. Онъ бросился впередъ,

набѣжалъ на толстаго господина, уронилъ шляпу, нагнулся ее поднять, попалъ въ давку, а въ это время карета удалилась неизвѣстно въ какую сторону. По крайней мѣрѣ, онъ теперь былъ убѣжденъ, что г-жа Андре въ Парижѣ, и онъ удвоилъ свою энергію.

Чѣмъ болѣе онъ искалъ, тѣмъ болѣе упорствовалъ въ своихъ поискахъ. Сначала онъ чувствовалъ только сильное желаніе найти, теперь же имъ овладѣла ненасытная жажда, безумная страсть. Онъ доходилъ до бѣшенства. Думая только о г-жѣ Андре, онъ постоянно жилъ среди воспоминаній о ней, которыя съ каждымъ днемъ становились все живѣе и опредѣленнѣе, подстрекая въ немъ сожалѣніе объ ея потерѣ, укоры совѣсти и надежду на примиреніе, которое возвратило-бы прошлое счастье. Люсьенъ искренно воображалъ, что онъ желалъ только приобрести материнскую дружбу доброй женщины. Но невольно, безсознательно любовь снова наполняла сердце. Въмѣсто того, чтобъ являться передъ нимъ отдаленнымъ, милымъ сердцу образомъ, г-жа Андре казалась яркимъ, жгучимъ солнцемъ, безъ котораго онъ не могъ жить. Онъ искалъ ее съ трепетомъ магнита, потерявшаго свой полюсъ.

Онъ понялъ, какъ пламенно ее любилъ только въ тотъ день, когда ее нашелъ.

Это было въ Люксембургѣ. Онъ смотрѣлъ съ терасы на группу дѣтей, игравшихъ въ пескѣ. Маленькая дѣвочка взлѣзла на скамейку и прыгала по ней съ веселымъ смѣхомъ.

— Генріета, Генріета. Ты упадешь! Берегись!

Это былъ голосъ г-жи Андре, тотъ голосъ, который нѣкогда говорилъ Люсьену:

— Г. Люсьенъ! берегитесь! Мы набѣжимъ на лодку.

Кадка съ померанцовымъ деревомъ заслоняла г-жу Андре. Люсьенъ всталъ и увидѣлъ ее. Онъ долженъ былъ схватиться за балюстраду—ноги его подкашивались.

Это была дѣйствительно она. Какъ только дѣвочка соскочила со скамейки, г-жа Андре продолжала читать книгу. Прислонившись спиною къ кадкѣ съ померанцовымъ деревомъ и поставивъ ноги на перекладинку стула, она сидѣла, наклонивъ голову. Книга лежала у нея на колѣняхъ, и губы ея шевелились по временамъ. Ея чудные черные волосы, гладко причесанные, блестѣли какъ уголь подъ легкой вуалью. Ея матовое лицо было слегка зарумянено вечерними лучами солнца. Она сидѣла къ Люсьену

профилемъ и на ея макушкѣ колыхались отъ вѣтра тѣ соблазнительные волосики, которые такъ долго тревожили во снѣ Люсьена.

Онъ неподвижно любовался, тѣша свои глаза, опяняя свое сердце. Онъ не смѣлъ сойти съ терасы и подойти къ ней. Какъ сказать ей все, что онъ хотѣлъ, тутъ, при всѣхъ, въ публичномъ саду? Какъ поклониться? Съ чего начать? Имѣлъ-ли онъ право къ ней подойти? Онъ не признавалъ за собою этого права и у него не хватило-бы на это мужества. Напротивъ, онъ боялся, чтобы она его не замѣтила и спрятался за урну съ цвѣтами, чтобы на свободѣ и незамѣтно слѣдить за нею. Ему казалось, что онъ не заслужилъ даже этого счастья и не осмѣливался желать большаго.

Однако, когда г-жа Андре встала, онъ послѣдовалъ за нею издали, любуясь ея прекрасной таліей, граціозной походкой, и роскошнымъ, сладострастнымъ покачиваніемъ бедръ, прикосновеніе которыхъ онъ ощущалъ нѣкогда, идя съ нею подъ руку. Одно это зрѣлище опяняло его, подобно тому, какъ человѣкъ, проспавшись отъ пьянства, снова напивается пол-рюмкой воды. Возвратясь домой съ адресомъ г-жи Андре, онъ былъ весь въ огнѣ. Эта женщина, которую онъ хотѣлъ прежде забыть, а потомъ отыскивалъ какъ друга, какъ мать, теперь была просто любовницей, которую онъ обожалъ и жаждалъ ея какъ безумецъ.

ГЛАВА XI.

На слѣдующее утро онъ всталъ утомленный, больной, его трясла лихорадка. Всю ночь онъ мечталъ о г-жѣ Андре и мысленно воспроизводилъ послѣднюю сцену въ Аблонѣ, доводя ее уже теперь до конца. Если-бъ онъ послушался своего перваго влеченія, то на разсвѣтѣ уже стоялъ-бы подъ окнами г-жи Андре. Но онъ чувствовалъ, что послѣ сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него сценой въ Люксембургѣ и столь тревожной, мучительной ночи онъ былъ не въ состояніи предпринять ничего благоразумнаго, рациональнаго. Онъ вышелъ на улицу, чтобы освѣжиться и успокоить свои возбужденные нервы. Дѣйствительно, чистый воздухъ и движеніе возстановили его силы и, возвратясь домой, онъ могъ зрѣло обсудить, что ему слѣдовало дѣлать.

Прежде всего не надо было напугать г-жу Андре возвращеніемъ въ воинственномъ настроеніи. Онъ долженъ былъ во что-бы то ни стало скрыть отъ нея свою любовь, на которую она уже имѣла основаніе сердиться. Новая вспышка оскорбила-бы ее еще болѣе. Необходимо было поступить очень тонко и дипломатично, чтобъ снова открыть себѣ доступъ въ ея домъ. Пресловутое знаніе женщинъ, которымъ Люсьенъ такъ кичился, не послужило ему ни къ чему въ этомъ случаѣ. Онъ съ удовольствіемъ сыгралъ-бы роль ловкаго, хитраго оболъстителя. Но это было ему не по силамъ. Онъ не зналъ, какъ взяться за дѣло съ такой женщиной. Тщетно придумывалъ онъ одинъ планъ искуснѣе другого, — все было неисполнимо. И онъ кончилъ тѣмъ, что написалъ письмо, очень наивное и простое, а потому стоявшее всѣхъ хитростей и злоумышленныхъ плановъ.

Онъ прямо высказалъ всю правду, скрылъ только слишкомъ пламенную и физическую сторону своей страсти. Онъ объяснилъ, что послѣ долгихъ поисковъ встрѣтилъ ее накануне и прослѣдилъ до ея дома, что онъ былъ одинокъ, несчастенъ, не имѣлъ друга и что воспоминаніе объ ея прелестныхъ, чисто-материнскихъ бесѣдахъ составляло его утѣшеніе и горе, что онъ вѣчно будетъ благодаренъ ей за испытанное имъ нѣкогда блаженство и никогда не проститъ себѣ, что лишился его по своей винѣ. Онъ рассказывалъ свою жизнь послѣ разлуки съ нею, не скрывалъ сдѣланныхъ имъ глупостей и грубыхъ удовольствій, среди которыхъ онъ думалъ забыться. Онъ краснорѣчиво описалъ ту скуку и отвращеніе къ этой жизни, которыя имъ вскорѣ овладѣли. Онъ указалъ, какъ необходимо было для него, чтобъ кто-нибудь его поддержалъ, утѣшилъ, образумилъ и пожурилъ. Все его письмо дышало искренностью. Оно было полно признаній, раскаянія, укоровъ совѣсти и слезъ, но все это было высказано просто, чистосердечно, безъ громкихъ фразъ, безъ лицемѣрія, безъ хитрости. Эта откровенная исповѣдь была по-истинѣ трогательна и ничто не могло болѣе ея повліять на такую благородную женщину, какъ г-жа Андре.

Она, дѣйствительно, была тронута и, отличаясь природной добротой, не сочла нужнымъ заглушить произведенное на нее впечатлѣніе. Къ тому-же, Люсьенъ писалъ такъ почтительно, такъ благородно, съ такой сыновней нѣжностью, что никакая дурная

мысль не могла и войти ей въ голову. Она думала, что достаточно уже наказала его за первую глупость и, конечно, онъ никогда не сдѣлаетъ второй, что положеніе этого юноши заслуживало жалости, что было слишкомъ жестоко мстить ему за минутное безуміе, въ которомъ онъ искренно раскаявался, и что, наконецъ, она чувствовала себя достаточно сильной, чтобъ не отказать себѣ въ удовольствіи быть второй матерью этому бѣдному мальчику. Поэтому она отвѣчала Люсьену и, платя за искренность великодушіемъ, дозволила ему придти къ ней.

Между тѣмъ, Люсьенъ, отправивъ письмо, сталъ упрекать себя за слишкомъ искренній его тонъ и уже называлъ себя дуракомъ, когда получилъ отвѣтъ. Столь быстрый успѣхъ изумилъ его. Въ первую минуту онъ очень возгордился и почувствовалъ легкое презрѣніе къ г-жѣ Андре. Она казалась ему не столь достойной уваженія и страха послѣ этой уступки его первой просьбѣ. Онъ не могъ не подумать, что она была довольна его возвращеніемъ и даже желала этого. Такое настроеніе дало ему храбрость отправиться на свиданіе, котораго онъ такъ боялся наканунѣ, и возвратило всю умственную энергію, необходимую при тонкой, политической игрѣ. Г-жа Андре, повидимому, бросалась къ нему на шею и онъ даже подумалъ, не взять-ли приступомъ любовь, которая представлялась теперь столь легкой въ достиженію. Благодаря этому фатовству, онъ не выказалъ при свиданіи ни слишкомъ пламенной радости, ни слишкомъ большой застѣнчивости, которыя одинаково могли-бы обнаружить его любовь, а казался нѣжнымъ и сдержаннымъ, что лучше всего успокоило г-жу Андре и уничтожило въ ней всякую тѣнь подозрѣнія.

Онъ только разеказалъ ей, что ужасно скучалъ и твердо рѣшился работать. Она его утѣшала и поощрала къ труду съ той нѣжной добротой, которая придавала чарующую прелесть каждому ея слову. Она его немного пожурила за то, что онъ предался первымъ попавшимся на его дорогѣ грубымъ удовольствіямъ, но поздравила отъ души, что онъ самъ отъ нихъ отвернулся. Она общала быть его преданнымъ другомъ, замѣнить ему - потерянную семью и окружить его совѣтами, утѣшеніями, даже баловствомъ, въ которыхъ онъ, по его словамъ, такъ нуждался. Серьезный тонъ Люсьена совершенно соблазнилъ ее, а почтительное смиреніе, наивная исповѣдь и грустное одиночество тронули ея сердце.

Поэтому она безъ всякаго ложнаго стыда сразу возвратила ему прежнюю привязанность. Когда-же онъ хотѣлъ снова выразить свое раскаяніе и просить прощенія за нанесенную ей обиду, она зажала ему ротъ, говоря, что все старое забыто.

— Вы теперъ человѣкъ, сказала она, — и я не хочу, чтобъ вы краснѣли за дѣтскую глупость. Забудемъ ее, не станемъ о ней никогда упоминать.

И она дружески пожала ему руку.

Ихъ прежнія, столь очаровательныя отношенія тотчасъ возобновились и они оба нашли въ нихъ такую-же прелесть, какъ въ Аблонѣ. Конечно, благодаря возрасту Люсьена, къ которому уже не шли дѣтскія манеры, и требованіямъ парижской жизни, они не могли быть такъ свободны въ своей дружеской интимности, какъ на дачѣ. Къ тому-же сдержанность, выказанная съ первой минуты Люсьеномъ и отъ которой онъ не могъ отстать, не возбуждая подозрѣнія, воспрещала ему всякій шагъ, могущій служить признакомъ любви. Такимъ образомъ, обстоятельства заставляли его терпѣливо ждать и онъ черпалъ въ этомъ силу укротить свои желанія. Съ другой стороны, благородство, великодушіе и нѣжная привязанность г-жи Андре быстро поставили ее на прежній пьедесталъ, который было поколебался отъ ея слишкомъ послѣдней уступчивости. Какъ ни вліяла ея красота на его страсти, но ея умъ могущественнѣе дѣйствовалъ на все его существо, и Люсьенъ вполне подчинялся ея власти, несмотря на сладострастные желанія и поползновенія на фатовство. Новыя ихъ отношенія, исключавшія всякую мысль о жгучей страсти, держались въ границахъ чисто-умственной и нравственной дружбы. Бѣшеный потокъ былъ сдержанъ плотинами и превратился въ прекрасную рѣку, мирно катившую свои воды.

ГЛАВА XII.

Люсьенъ общалъ г-жѣ Андре, что онъ будетъ работать, и принялся за дѣло. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ научиться какому-нибудь ремеслу. Онъ имѣлъ твердое намѣреніе сдѣлаться литераторомъ, но до тѣхъ поръ его любовь къ изящнымъ искусствамъ была скорѣе капризомъ, чѣмъ настоящимъ призваніемъ. Съ первой попытки онъ понялъ, какъ далеко онъ былъ непод-

готовленъ и какое большое различіе существуетъ между дилетантствомъ и производительнымъ трудомъ. Конечно, ему случилось по временамъ написать нѣсколько удачныхъ стиховъ, но онъ не могъ не сознаться, что они были, въ сущности, только подражаніемъ. То, что онъ принималъ въ первую минуту за идею, было только воспоминаніемъ когда-то имъ прочитаннаго. Особенно труденъ ему показался процессъ творчества, когда онъ принялся за романъ и драму; ясно было, что для созданія чего-нибудь живого у него недоставало знанія жизни. Онъ сообщилъ г-жѣ Андре о своемъ горькомъ разочарованіи.

— И этотъ дуракъ Фресонъ, прибавилъ онъ, — увѣрялъ, что знаетъ жизнь, и вбилъ мнѣ въ голову, что и мнѣ она близко знакома.

— Не жалуйтесь на это незнаніе жизни, отвѣчала г-жа Андре. — Жизнь узнаютъ только живя и эта наука — плодъ старости. Вѣрьте мнѣ, любезный Люсьенъ, откажитесь на время отъ попытки писать о томъ, чего вы не знаете. Довольствуйтесь переводомъ своихъ мечтаній на бумагу. Вы будете впоследствии драматургомъ и романистомъ. Будьте теперь поэтомъ.

Но если г-жа Андре могла давать Люсьену добрые совѣты насчетъ общаго строя его ума, то онъ не могъ полагаться на нее для вѣрной критической оцѣнки его поэтическихъ трудовъ. Онъ думалъ, вопреки увѣреніямъ самихъ художниковъ, что въ искусствѣ женщины не компетентны, вопросы поэтической формы и эстетики — для нихъ алгебраическія формулы, и онѣ вдохновляютъ поэта только, какъ розы, вполне бессознательно. Какъ всѣ творческіе умы, онъ жаждалъ обсужденія теорій, горячей критики, а это, по его мнѣнію, онъ могъ найти только въ обществѣ равныхъ себѣ. Г-жа Андре поняла его сомнѣнія.

— Я могу восхищаться вашими произведеніями, сказала она, — но я не сумѣю растолковать того, что я чувствую. Я не си- ній чулокъ. Если вы хотите работать съ пользою, вамъ надо знаться съ людьми одного съ вами ремесла; они будутъ вашими судьями и руководителями. Къ тому-же и для вашего вдохнове- нія вамъ не хорошо жить исключительно въ обществѣ одной женщины. Выдайтесь съ людьми. Это поуживаетъ вамъ обабить свой умъ.

Люсьенъ сталъ снова посѣщать кофейню Табура, куда онъ нѣкогда ходилъ съ Фресономъ. Она служила средоточіемъ кружка молодыхъ писателей. Эта кофейня не веселая и далеко не походить на шумныя пивныя Латинскаго квартала, хотя и находится въ самомъ центрѣ студенческаго населенія, рядомъ съ Одеономъ. Она состоитъ изъ большой залы, гдѣ дозволяется курить только послѣ двухъ часовъ дня, и маленькой комнаты, называемой по провинціальному курительней. Первая сохранила внѣшній видъ старинныхъ кофейенъ реставраціи. Стулья массивныя, столы завалены газетами самаго серьезнаго содержанія и журналами. Царяція въ немъ трезвая, буржуазная роскошь и полусонная тишина придаютъ этой кофейнѣ видъ кабинета для чтенія, куда сходятся спать старики. Лавки служатъ медленно, безмолвно, съ очевидной неохотой. Въ то время, когда ее посѣщалъ Люсьенъ, пиво подавалось въ маленькихъ бутылкахъ, а не кружками. Несмотря на все это, кофейня Табура знаменита. Это литературная кофейня. Въ ней перебивало нѣсколько поколѣній писателей. Здѣсь положено основаніе славы Понсара. Здѣсь ораторствовалъ Боделаръ. Здѣсь еще по временамъ появляется Барбе д'Оревилли. Въ дни первыхъ представленій въ Одеонѣ сюда приходятъ въ антрактахъ, чтобы критиковать пьесу и злословить автора. Однимъ словомъ,—это кофейня, гдѣ болѣе говорятъ, чѣмъ пьютъ.

Люсьенъ нашелъ въ маленькой комнатѣ, вокругъ камина, тоже литературное общество, которое онъ видалъ тутъ и во время посѣщеній кофейни съ Фресономъ. Съ полдюжины молодыхъ людей поддерживали литературную славу дома. Это были, большею частію, поэты и нѣкоторые изъ нихъ уже пользовались извѣстностью. Отъ времени до времени приходили сюда живописцы, два или три музыканта и старые товарищи, проложившіе себѣ дорогу и промѣнявшіе поэзію на журналистику или театръ. Они возвращались въ этотъ дружескій кружокъ, чтобъ узнать его мнѣнія о своихъ успѣхахъ. Люсьену было не трудно войти въ это общество, для котораго онъ былъ созданъ. Если онъ и не могъ являться иначе, какъ ученикомъ въ дѣлѣ творчества, то онъ отличался знаніемъ, вкусомъ, стремленіями, которыя дѣлали его критикомъ и замѣчательнымъ собесѣдникомъ по вопросамъ искусства. Благодаря этому, онъ сразу занялъ видное мѣсто въ литературныхъ бесѣдахъ кофейни Табура.

— Это не филистимлянинъ, сказалъ о немъ Жакъ Наржо, — онъ нашъ.

Съ Жакомъ Наржо Люсьенъ сошелся всего скорѣе. Съ обычнымъ инстинктивнымъ сознаниемъ своей слабой природы, онъ поддавался обольщенію повелительнаго тона этого могучаго представителя богемы, который къ тому-же пользовался въ кружкѣ преобладающимъ вліяніемъ, благодаря его выходкамъ, часто очень саркастическимъ. Жакъ Наржо считался гениемъ и, быть можетъ, онъ былъ дѣйствительно гений, хотя оставался самымъ невѣдомымъ изъ членовъ кружка. Во всякомъ случаѣ, это была оригинальная, своеобразная личность даже въ этомъ обществѣ, гдѣ ни одинъ человекъ не былъ обыкновеннымъ, площаднымъ писакой. Его умъ былъ глубокой, обширный, утонченный; его воображеніе беспорядочное, разчлененное, гибкое, какъ клоунъ. Онъ отличался блестящими парадоксами и лирической ироніей. Онъ сыпалъ идеями и образами съ расточительностью умственнаго миліонера. Но онъ весь расходовался импровизаціями и говорилъ то, что долженъ былъ-бы писать. Впрочемъ, можетъ быть, для писанія у него не доставало внутренняго равновѣсія. Онъ былъ калейдоскопомъ по неожиданности эффектовъ и блеску красокъ, но такъ-же и по беспорядочности представленій. Голова его кишѣла словами и мыслями, которыя вѣчно бродили не находя опредѣленной, конечной формы. Говоря, онъ ослѣплялъ слушателя умственнымъ фейерверкомъ. Это былъ удивительный собесѣдникъ. Большого роста, сухой, блѣдный, съ длиннымъ носомъ, маленькими, лихорадочно сверкавшими глазами, чистымъ лицомъ, постоянно нервно подергиваемымъ, длинными черными, гладкими волосами и фигурой, находившейся въ вѣчномъ движеніи, онъ разыгрывалъ свои рѣчи, неистово подпрыгивая на трамплинѣ фразъ. Ему было за тридцать лѣтъ и онъ жилъ, питаясь гордостью и нищетой. Онъ вѣчно былъ наканунѣ изданія въ свѣтъ своего произведенія и никогда не издавалъ. Онъ самъ въ этомъ сознавался, но съ гордостью.

— Я начинатель, говорилъ онъ, — я нахожу звѣзды, но мнѣ скучно дѣлать изъ нихъ украшенія. Я похитилъ небесный огонь, какъ Прометей, но не умѣю пользоваться имъ, чтобы зажечь лампу.

Люсьенъ былъ прельщенъ этимъ очарователемъ, проповѣдни-

вомъ лѣни и мечтателемъ, осуждавшимъ энергичную дѣятельность.

— Можно быть поэтомъ только двоею, говорилъ Наржо: — или какъ факиръ, или какъ Неронъ. Если вы Неронъ или Геліогабалъ, то вы производите живую поэзію, оды сладострастія, драмы разгула и лиризмъ, усыпанный цвѣтами. Въ противномъ случаѣ, будьте факиромъ и мечтайте о томъ, чѣмъ вы не можете быть. Что мы такое на свѣтѣ? Мы бѣдняки. Поэзія не цвѣтетъ на почвѣ нищеты. Люди, утверждающіе противное, богатые дураки. Развѣ свѣтъ можетъ блестять изъ грязи? Поэтъ рожденъ богачемъ. Для него необходимы роскошь, блескъ, право и возможность исполнять всѣ свои фантазіи. Онъ не можетъ дышать въ иной средѣ. Неограниченное богатство — вотъ нашъ кислородъ. Лишенія заставляютъ насъ задыхаться. Чтобы работалъ умъ, желудку не обязательно быть пустымъ. А у насъ всѣхъ желудки пусты. Кто въ настоящую минуту богатъ? Ротшильдъ — оборванецъ безъ сапоговъ. Онъ работаетъ болѣе меня, бѣднякъ, и не можетъ достичь всего, чего желаетъ. Въ сущности, онъ столько-же безъ гроша, сколько и другіе. Человѣкъ, тщетно желающій чего-нибудь, тотъ-же нищій. Значитъ, намъ остается быть факиромъ. Я, дѣйствительно, факиръ. Я смотрю на кончикъ моего носа и нахожу всемогущество. Мнѣ достаточно закрыть одинъ глазъ, чтобы быть повелителемъ всего свѣта. Какая книга стоитъ моихъ мечтаній? Я жилъ на солнцѣ. Я почивалъ съ луною. Я пилъ ослиное молоко, производимое млечнымъ путемъ. Я гладилъ хвостъ кометы и Венера меня называла уменьшительнымъ именемъ. Я былъ Адамомъ. Я могу сдѣлаться дьяволомъ или богомъ. Чувствуете вы въ себѣ геній? Дѣлайте тоже, что я. Мечтайте! Вотъ верховная красота.

Люсьенъ старался ему отвѣтить, распространяясь о славѣ и о необходимости для генія, заставитьъ всѣхъ признавать себя.

— А вы еще далѣе не пошли, возражалъ Наржо; — неужели вы буржуа, какъ Шекспиръ или Наполеонъ? Какое мнѣ дѣло до мнѣнія другихъ! Солнце плюетъ на то, что мы думаемъ о немъ. А, такъ вы работаете для другихъ, для стада ословъ! Но что же у насъ общаго съ ними? Мы не одной породы. Когда я говорю, что дважды два пять, они меня не понимаютъ. Они не знаютъ даже, что наши слезы — бриліанты, а смѣхъ — раскатъ

грома. Моисей съ своими лучами свѣта кажется имъ быкомъ. Откройте передъ ними сердце, они увидятъ только полость желудка. Глаза ихъ отуманены пометомъ. Не стоитъ имъ давать соловьиныхъ языковъ. Имъ надо салатъ изъ клоповъ. Это не люди. Неужели вы примете за уста глаголящія отверстія, находящіяся у нихъ подъ носомъ и въ которое они суютъ мясо? Неужели вы не знаете, что у нихъ головной мозгъ тамъ, гдѣ у курицы яйцо? Люди—это мы. Если у васъ есть геній, то не мечите его передъ свиньями. А для меня не надо и твореній, я вижу геній и такъ. Къ чему-же писать? Для кого? Верти крылья, вѣтряная мельница, растирай зерна, раздавливай жерновами звѣзды и капли своей крови! Ты готовяешь муку людямъ, которые не ѣдятъ твоего хлѣба. О! Чортъ возьми, брось лучше эту гнусную землю, страхни прахъ съ своихъ ногъ. У тебя есть крылья, но не для того, чтобы молотъ хлѣбъ, а чтобы летѣть въ лазуревую высь. Будь птицей и лети въ область мечтаній.

Люсьенъ молчалъ, убаюкиваемый этой фантастической, чарующей рѣчью.

— Всѣ мечты живутъ, продолжалъ Наржо;— слова, бросаемыя мною—смена. Образы, создаваемые мною, сияютъ гдѣ-нибудь. Только факты вымираютъ. Идеи живутъ вѣчно. То, что во мнѣ, не можетъ прекратить своего бытія. Я создаю. Вотъ единственная и настоящая слава. Да, я, Жакъ Наржо, попивая пиво, курия трубку и болтая съ вами, знаете, что я творю? Фразы? Нѣтъ, вотъ вздоръ! Я творю живыя существа. Я наполняю пространство и время. Моя повелительница — вѣчность. Безпредѣльность скрыта въ каждой каплѣ моей слюны. Я плюю—и спячятъ міры.

Люсьена опьяняло это странное, дикое, но могучее краснорѣчіе, въ которомъ перемеживались восторги эпической оды и сарказмы памфлета. Онъ не имѣлъ времени анализировать и критиковать эти увлекательныя мысли. Онъ поддавался имъ и онѣ его увлекали. Громкія фразы, которыя въ чтеніи показались-бы ему непонятными, получали смыслъ въ устахъ Жака, благодаря его глубокимъ взглядамъ, убѣжденному тону, пламенному и вдохновенному голосу. Его слова ослѣпительно блестяли, какъ лезвіе кинжала, и онъ вонзалъ его въ умъ собесѣдника ударъ за ударомъ.

Жакъ естественно имѣлъ большое вліяніе на Люсьена; недостатокъ энергіи располагалъ его къ лѣни и онъ былъ очень радъ видѣть, что лѣнь возводилась въ систему. Ему опротивѣлъ трудъ прежде, чѣмъ онъ серьезно его извѣдалъ. Въ то-же время онъ возгордился и также думалъ, что онъ гений, которому предназначено сіять во мракѣ, въ области мечтаній. Но онъ не былъ одаренъ безпредѣльнымъ воображеніемъ Жака и среди своей праздности чувствовалъ скуку и безпомощность. Онъ ощущалъ то, что случается иногда съ куряльщиками опіума, которые, выкуривъ первую трубку, не только не видятъ великолѣпныхъ сновидѣній, но чувствуютъ головную боль и тошноту. Сердце у него было не довольно крѣпко, чтобы вдыхать эти пары безумія.

ГЛАВА XIII.

Только въ обществѣ г-жи Андре Люсьенъ отдыхалъ и набирался силъ послѣ шумныхъ эстетическихъ преній и пламенныхъ рѣчей Жака. Легкій, остроумный разговоръ г-жи Андре былъ для него освѣжающей и укрѣпляющей ванной. Иногда онъ даже сердился на себя, что такъ скоро забывалъ опынявшія его разглагольствованія Жака, и ставилъ въ упрекъ г-жѣ Андре, что она возвращала ему спокойствіе, разсѣявая облака гордости, заволакивавшія его чело. Однажды онъ ей это прямо высказалъ:

— Вы, женщины, сказалъ онъ, — не имѣете вовсе лирической струны.

Этотъ упрекъ очень позабавилъ г-жу Андре и она признала, что въ немъ была доля правды.

— Вы правы, отвѣчала она, — мы не имѣемъ ничего возвышеннаго въ нашихъ мысляхъ. Изъ нашей среды не выходятъ пророки. Но страсть такъ-же возвышенна, какъ искусство. Мы думаемъ сердцемъ.

Онъ отвѣчалъ ей парадоксами во вкусѣ Жака, потому что уже научился этому странному, метафорическому языку. Г-жа Андре ничего не поняла въ наплывѣ звучныхъ фразъ и громко размѣялась.

— Дѣйствительно, во мнѣ нѣтъ ничего лирическаго, произнесла она саркастически, — а вы, мой другъ, уже слишкомъ великій лирикъ. Съ какого Сяная вы сошли? На какого Баруха вы

натолкнулись? Все, что вы говорите, для меня непостижимая та-рабарщина. Вы бросаете мнѣ въ глаза какую-то ослѣпляющую пыль. Сжальтесь надъ ослѣвленной вами женщиной.

Эти насмѣшки тѣмъ болѣе укололи Люсьена, что онъ чувствовалъ, какъ былъ смѣшонъ, но съ дѣтскимъ упорствомъ, заставляющимъ настаивать на глупости только потому, что признаешь ее глупостью, онъ не хотѣлъ уступить и сталъ съ горечью распространяться о прозаическомъ умѣ женщинъ, объ идеяхъ, теоріяхъ и философскомъ гениіи Жака.

— Вотъ, прибавилъ онъ, — на какого Баруха я наткнулся. Но Синай, который онъ разверзъ передо мною, не созданъ для всѣхъ.

Эти дерзости несколько не разсердили г-жу Андре. Она только улыбнулась и назвала Жака сумасшедшимъ, отказываясь придавать серьезное значеніе этому трагичному пророку, этому пивному метафизику. Она саркастически назвала его *пьянящейся Сибилой*.

Разговоры Люсьена и г-жи Андре часто вертѣлись на этомъ предметѣ. Сначала онъ искренно поддерживалъ парадоксы своего друга, къ которому онъ питалъ слѣпую вѣру. Г-жа Андре опровергала ихъ только легкими шутками. Она знала, что его умъ былъ слишкомъ здравый, чтобъ долго тѣшиться такими теоріями. Онъ, дѣйствительно, мало-по-малу отъ нихъ отвернулся и вскорѣ уже поддерживалъ ихъ только изъ самолюбія, чтобы не уступить доводамъ женщины. Конечно, по-временамъ онъ все еще возвращался къ этимъ теоріямъ послѣ жаркой бесѣды съ Жакомъ, но, въ сущности, онъ не былъ созданъ для той странной жизни, которую велъ этотъ могучій, но беспорядочный умъ. Искусственный энтузіазмъ, переданный ему яркимъ представителемъ богемы, естественно ступшевался. Онъ вполне созналъ, что не могъ быть апостоломъ безумной фантазіи, а обладалъ живымъ умомъ, хорошо уравновѣшеннымъ воображеніемъ и нѣжнымъ поэтическимъ даромъ. Онъ снова подчинился вліянію г-жи Андре, которая болѣе подходила къ его наклонностямъ и стремленіямъ. Онъ теперь упрекалъ себя, что несправедливо называлъ площаднымъ ея утонченный, здравый смыслъ, и не только съ удовольствіемъ, но и съ полнымъ довѣріемъ сталъ слушать ея совѣты. Онъ вновь принялся за бромевный трудъ, находя могучую поддержку въ утѣшительныхъ рѣчахъ г-жи Андре, которая говорила ему о надеждѣ, о славѣ. Какое-то внутреннее довольство овладѣло имъ

и оно было гораздо сладостнее чувства бесплодной гордости. Такъ обожженный алкоголемъ ротъ находить необыкновенную прелесть въ водѣ.

За это мужество его вознаграждали вполне нѣжныя, добрыя попеченія г-жи Андре. Мало-по-малу совершенно нечувствительно возстановилась ихъ прежняя дружеская интимность. Каждый день послѣ завтрака онъ отправлялся съ г-жею Андре и Генриетой гулять въ Люксембургъ. Маленькая дѣвочка, теперь двухъ съ половиною лѣтъ, обожала своего взрослого товарища, который игралъ съ нею, дѣлалъ пироги изъ песку и водилъ ее къ бассейну любоваться на кораблики. Г-жа Андре была очень благодарна за это Люсьену и все болѣе и болѣе предавалась нѣжнымъ изліаніямъ дружеской привязанности.

Тогда возникли въ головѣ Люсьена старыя мечты о сладостной, общей жизни. Гуляя въ Люксембургѣ подъ руку съ г-жею Андре и играя съ Генриетой, онъ чувствовалъ въ своемъ сердцѣ такое спокойное блаженство, что оно возбуждало въ немъ желаніе вкусить мирнаго благополучія семейнаго очага. Онъ забывалъ различіе лѣтъ между нимъ и этой, все еще красивой, свѣжей, женщиной. Впрочемъ, это различіе не рѣзало глазъ непріятнымъ образомъ. Онъ часто покупалъ пирожки для Генриеты и торговцы принимали его за мужа г-жи Андре, которая казалась молодой женщиной. Она смѣялась надъ такой ошибкой. Онъ-же радовался и черпалъ въ этомъ надежду. Что-же было невозможнаго въ подобномъ бракѣ? Не достигалъ-ли онъ этимъ бракомъ вполне обезпеченнаго счастья? Г-жа Андре была именно такая жена, въ какой онъ нуждался, столь-же добрая, умная и образованная, сколько прелестная, — однимъ словомъ, настоящая жена и другъ. Онъ рисовалъ себѣ мысленно картину своей семейной жизни съ подобной подругой. Онъ былъ-бы литераторомъ и мирно работалъ-бы въ своемъ угольѣ, поддерживаемый и понятный здравымъ, практически умомъ жены, любимый ея преданнымъ сердцемъ, приглубленный ея прелестными ручками, которыя нѣжными ласками заставляли-бы его забывать о тяжеломъ трудѣ и усталости. Онъ создавалъ себѣ такимъ образомъ очаровательное, убаюкиваемое прозябаніе, вполне согласовавшееся съ его лѣнью и слабымъ характеромъ. Онъ находилъ въ г-жѣ Андре въ одно и то-же время и любовницу, и руководителя.

— Что это вы обабились? воскликнул однажды Жакъ, — а васъ встрѣтилъ вчера въ Люксембургѣ съ дамою и маленькой дѣвочкой. Вы имѣли совсѣмъ супружескій видъ. Глаза у васъ были масляныя, какъ у вѣффилдскаго пастора. Солнце стало кружкомъ сыра.

Люсьенъ, покраснѣвъ, отвѣчалъ, что это была его родственница.

— Юноша, продолжалъ Жакъ, — вы влюблены, я это вижу. У васъ на щекахъ пятна отъ малиноваго варенья. То-же варенье смазало и ваше сердце. Вы стали сахарнымъ. Вы погибли. Страсть — гасильникъ разума. Только буржуа влюбляется. Онъ себя утѣшаетъ, увѣряя, что у него сердце, за недостаткомъ ума. Но мы, имѣющіе умъ, должны признавать только одну жену — идею. Теперь, когда вы вдругъ почувствуете жажду парить къ небу, то увидите надъ собою не небо, а занавѣси кровати. Вы прогнѣвали лучезарный ореолъ на ночной колпакъ. Прощай, геній! Полюбить человѣку все-равно, что броситься въ море!

ГЛАВА XIV.

— Это я; я пріѣхалъ за тобой, воскликнулъ Фресонъ, входя однажды утромъ совершенно неожиданно въ комнату Люсьена.

Уже давно молодой человѣкъ не писалъ своему старому другу, о которомъ онъ, по правдѣ сказать, очень рѣдко вспоминалъ.

— Я тебя увезу въ Ландри, продолжалъ Фресонъ, — я женюсь и ты будешь моимъ шаферомъ. Но прежде всего ты отправишься со мною покупать все, что нужно для свадебной корзинки. Я хочу съ тобою посоветоваться, какъ съ художникомъ. Вѣдь должны-же вы, поэты, годиться на что-нибудь?

Фресонъ былъ очень веселъ и сыпалъ короткими, оживленными фразами, что представляло странный контрастъ съ его обыкновенной, натянуто-серьезной рѣчью. Его можно было принять за ворону, разыгрывавшую роль коноплянки.

— Такъ ты влюбленъ? спросилъ Люсьенъ.

— Что ты, съ ума сошелъ? отвѣчалъ докторъ. — Нѣтъ, не влюбленъ, но очень доволенъ своей женитьбой. Это великолѣпная афера, любезный другъ. Моя невѣста самая богатѣйшая партія во всемъ окологдѣ. А какой у нея домъ! Я просто схожу отъ

него съ ума. Да ты его знаешь: на большой площади, съ балкономъ и воротами, украшенными лѣвной работой. Это первый домъ въ городѣ.

— А твоя будущая жена? Ты о ней не говоришь.

— Какже, я тебѣ сказалъ, что это царица богатыхъ наследницъ Ландри. Между нами, она не такъ хороша, какъ ея домъ. Но я не понимаю женитбы на хорошенькой. За то ужъ партія, могу похвастаться, блестящая. Мое положеніе въ Ландри будетъ великолѣпное. Вотъ почему я такъ веселъ.

Дѣйствительно, матеріальный интересъ вліялъ на него такъ-же могущественно, какъ на другихъ любовь. Онъ говорилъ съ такою одушевленіемъ, точно дѣло шло не о воротахъ и балконѣ, а о любимой женщинѣ.

Люсьенъ не могъ отказаться быть у него шаферомъ и отправился на свадьбу.

Она была отпразднована съ чисто-провинціальной роскошью, которая, однако, слишкомъ бросалась въ глаза, какъ-будто хотѣли въ-очію доказать, что это бракъ изъ-за денегъ. Невѣста принадлежала къ старинной буржуазной семьѣ, и потому Люсьенъ имѣлъ случай любоваться всѣми именитыми гражданами Ландри. Прежде всего тутъ былъ мэръ, богатый аристократъ-землевладелецъ, разбогатѣвшій свекло-сахарными заводами и потому вѣчно говорившій о промышленности, давая чувствовать, что онъ оказалъ ей честь, удостоивъ прикосновеніемъ своихъ дворянскихъ рукъ. Потомъ обращалъ на себя вниманіе худоцавый, длинный господинъ, считавшійся умнѣйшей головой въ окологдѣ и глубоко-мысленно сказавшій Люсьену: „Да, милостивый государь, я былъ въ одной семинаріи съ Ренаномъ; я очень хорошъ съ нимъ, это малый способный“. Только одного человѣка слушали почти съ такимъ-же уваженіемъ, какъ этого идиота, именно, графа Прессера, знаменитаго археолога, отрывшаго, что лагерь Цезаря находился близъ Ландри. Это былъ маленькій старичекъ, въ золотыхъ очкахъ, весь въ морщинахъ, какъ черносливъ, и испещренный желтыми пятнами, какъ обрѣзъ старинныхъ книгъ. Онъ говорилъ дрожащимъ, едва слышнымъ голосомъ, махалъ руками, какъ маріонетка, и смотрѣлъ на васъ тупыми глазами съумасшедшаго. На каждомъ шагу онъ перебивалъ общій разговоръ какимъ-нибудь историческимъ или географическимъ фактомъ, который пов-

торялся всѣми очень почитательно. Постояннымъ его собесѣдникомъ былъ разбогатѣвшій торговецъ суровскимъ товаромъ, открывшій самый громадный магазинъ въ окрестной странѣ. У него было очень доброе, пріятное лицо. Съ перваго взгляда васъ невольно располагала къ нему его любезная улыбка. Но очень скоро вы убѣждались, что эта улыбка вѣчно оставалась неподвижно прикованной къ губамъ, которыя никогда не произносили ни одного разумнаго слова. Этотъ старикъ съ такой пріятной, располагающей въ его пользу фізіономіей, былъ просто дуракъ, прозябавшій въ какомъ-то болѣзненномъ состояніи умственнаго разложенія. Однако, никто не замѣчалъ его глупости, словно глупость была нормальнымъ состояніемъ всѣхъ гражданъ Ландри. Впрочемъ, тамъ и сямъ видѣлись невзрачныя, но хитрыя лица. Среди этого сборища воловьихъ, телачьихъ и бараньихъ головъ встрѣчалось нѣсколько мордъ лисицъ, но только одно или два человѣческихъ лица. Фресонъ нисколько не выдѣлялся на этомъ фонѣ. Онъ былъ смѣшонъ до-нельзя. Въ этотъ день болѣе, чѣмъ когда-либо, въ немъ олицетворялся его божокъ — здравый смыслъ, и это придавало ему въ высшей степени тупое и педантичное выраженіе. Бѣлый галстухъ и крѣпко-накрахмаленный воротничекъ гильотинировали его пошлую голову, а черный фракъ, очень дурно сшитый, висѣлъ на немъ мѣшкомъ, но такъ подходилъ къ его фигурѣ, что онъ казался рожденнымъ на свѣтъ въ этомъ фракѣ. Онъ цвѣлъ своей буржуазной уродливостью и сіялъ тупостью, готовый лопнуть отъ пошлой важности. Его невѣста, старая дѣва съ восковымъ лицомъ, покрытымъ красными пятнами, походила на свѣчу, опущенную въ банку съ вареньемъ. Но эта свѣча была прекрасна въ глазахъ Фресона, потому что она находилась въ золотомъ канделябрѣ, и этотъ жадный пожиратель приданнаго безъ всякаго стыда и даже съ гордостью смотрѣлъ на нее, какъ на свой фельдмаршальскій жезлъ.

Люсьенъ ясно видѣлъ всю нелѣпность этихъ господъ, и припоминать не одну кровожадную фразу Наржо противъ филистимлянъ. Однако, онъ былъ введенъ въ обманъ ихъ довольнымъ и счастливымъ видомъ. Къ тому-же, онъ видѣлъ въ этомъ бракѣ поощреніе къ его собственной женитбѣ. Дѣйствительно, жена Фресона была старше его и никто не находилъ это неблагоразумнымъ. Люсьенъ невольно чувствовалъ снисхожденіе къ людямъ,

которые бессознательно оправдывали заранее его предполагаемый поступокъ. Однако, онъ не посмѣлъ воспользоваться этимъ аргументомъ, чтобы прямо поговорить съ Фресонемъ о своемъ планѣ жениться на г-жѣ Андре. Онъ только попробовалъ вывѣдать его мнѣніе, заведи разговоръ вообще о бракахъ между людьми разнаго возраста. Хотя онъ и сознавалъ, что Фресонъ былъ самый дюжинный человекъ, котораго онъ не могъ не презирать, но обстоятельства побуждали его спросить его совѣта и жадать его одобренія.

— Ты блистательно женился, сказалъ онъ, — поздравляю тебя отъ всей души. Твоя жена, кажется, достойная особа и ты будешь съ нею счастливъ.

— Я въ этомъ увѣренъ, отвѣчалъ Фресонъ, — моя жена старше меня, но это не мѣшаетъ семейному счастью. Главное только, чтобы жена не очень походила на твою мать.

— Какъ г-жа Андре въ отношеніи меня? замѣтилъ Люсьенъ съ улыбкой.

— Нѣтъ, она, въ сущности, не вполнѣ походила на твою мать. Она была красивая женщина, гораздо красивѣе моей жены. Но отчего ты заговорилъ о г-жѣ Андре, развѣ ты имѣешь о ней извѣстія?

— Нѣтъ, я ее не видалъ, отвѣчалъ Люсьенъ.

— Тѣмъ хуже, продолжалъ Фресонъ; — ты знаешь, что послѣ здраваго обсужденія я отказался отъ своихъ предубѣжденій противъ нея. Впрочемъ, она на повѣрку совсѣмъ не та женщина, какой я ее себѣ воображалъ. Я теперь убѣжденъ, что она не имѣла никакихъ безчестныхъ расчетовъ на тебя. Она питала къ тебѣ искреннюю привязанность. Очень жаль, что ты ее не отыскалъ. Она доставила-бы тебѣ не только пріятное и полезное общество, но, такъ-сказать, семейный очагъ. А ничего нѣтъ на свѣтѣ лучше семейнаго очага.

— Да, очень жаль, что г-жа Андре не моложе на десять лѣтъ, произнесъ небрежно Люсьенъ.

— Это правда, отвѣчалъ Фресонъ; — съ ея молодавымъ видомъ она тогда составила-бы прекрасную партію. Это было-бы для тебя отличнымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что у нея есть деньги.

Во всякое другое время послѣднія слова Фресона оскорбили-

бы Люсьена, такъ отъ нихъ несло практическимъ цинизмомъ. Но теперь онъ только радовался, что Фресонъ, очевидно, поощрялъ его планъ. Къ тому-же онъ находился въ такой пошлой атмосферѣ, что его чувства невольно теряли свою утонченность. Онъ даже не замѣтилъ, что неожиданная переимѣна во мнѣніи Фресона о г-жѣ Андре объяснялась однимъ эгоизмомъ. Если Люсьенъ искалъ въ свадьбѣ друга поощренія своему плану, то и Фресонъ находилъ оправданіе своего поступка въ сожалѣніи молодого человека о г-жѣ Андре. Они поэтому были очень довольны другъ другомъ и разстались еще большими друзьями. Нѣкоторые изъ низкихъ инстинктовъ Люсьена слишкомъ согласовались съ этой дружбой, чтобъ узы ея когда-нибудь порвались. Желаніе жить въ хорошей обстановкѣ, въ чемъ онъ ранѣе не смѣлъ даже сознаться самому себѣ, сильно окрѣпло при видѣ этого цвѣтущаго прозябанія, среди вполнѣ удовлетворенныхъ грубыхъ, матеріальныхъ интересовъ.

ГЛАВА XV.

Люсьенъ не могъ не высказать г-жѣ Андре свою вновь пробудившуюся склонность къ браку. Остроумно насмѣхаясь надъ видѣнными имъ провинціальными типами, онъ, однако, ступевалъ свои насмѣшки похвалами. Вообще, провинціалы, по его словамъ, вели жизнь пріятную, спокойную и если отказались отъ участія въ борьбѣ идей, то, быть можетъ, потому, что счастье нельзя купить иной цѣной. Что же касается Фресона, то онъ не жалѣлъ его съ внѣшней стороны и нарисовалъ его портретъ очень комичный, но въ нравственномъ отношеніи возвеличилъ его.

— Въ сущности, это славный-малый и не дуракъ, сказалъ онъ, — его умъ здравый, уравновѣшенный, практическій.

— Это вы его такъ хвалите! воскликнула со смѣхомъ г-жа Андре. — Неужели вы заразились буржуазной лихорадкой въ Ландри? Что подумаетъ вашъ другъ Наржо, еслибъ онъ слышалъ ваши похвалы практическому уму.

— Боже мой, отвѣчалъ Люсьенъ, — мой другъ Наржо великій мечтатель и фантастическій метафизикъ. Но вѣдь вы сами мнѣ часто говорили, что онъ немного рехнулся, а Фресонъ чловѣкъ благоразумный.

— Сознаюсь, продолжала г-жа Андре, — что хотя я не одарена лиризмомъ, но предпочитаю вашего съумасшедшаго друга гораздо разумному. Они находятся на противоположныхъ полюсахъ, но крайность одного имѣетъ въ себѣ что-то благородное, а крайность другого низка и подла. Женитьба Фресона, я знаю, освящена не однимъ примѣромъ и кажется многимъ очень естественной. Но я, несмотря на свое буржуазное воспитаніе, нахожу его поступокъ безчестнымъ. По вашимъ-же словамъ, это бракъ изъ-за денегъ въ его самой отвратительной формѣ. Фресонъ женился на женщинѣ старше его и нисколько не привлекательной только ради ея богатства. Вашъ другъ Наржо никогда бы этого не сдѣлалъ.

— Конечно, Наржо отвергаетъ не только бракъ изъ-за денегъ, но и всякій бракъ: онъ не допускаетъ, по крайней мѣрѣ, для гениальнаго человѣка союза съ женщиной. Онъ это считаетъ умственнымъ самоубійствомъ.

— Онъ ошибается. Но его ложная теорія, обнаруживающая, по крайней мѣрѣ, возвышенную гордость, мнѣ кажется гораздо привлекательнѣе мудрости Фресона.

— Странно, замѣтилъ съ нѣкоторой горечью Люсьенъ, — что вы, женщина благоразумная по-преимуществу, возстаете противъ пракческаго здраваго смысла доктора.

— Но здравый смыслъ доктора ужъ черезчуръ практиченъ, отвѣчала г-жа Андре; — вы знаете, любезный другъ, что я не люблю парадоксовъ. Но самые безумные парадоксы мнѣ болѣе нравятся, чѣмъ площадной эгоизмъ. Еслибъ я была поэтессою, какъ вы, то изобразила-бы различіе между вашими друзьями очень образно. Энтузіазмъ Наржо мнѣ представляется птицею, исчезнувшей въ небѣ, на которомъ разразилась гроза, а практичность Фресона походить на свинью, барахтающуюся въ грязи. Я предпочитаю птицу.

Люсьенъ не хотѣлъ согласиться съ этими логическими доводами. Онъ бѣшено отстаивалъ доктора. Г-жа Андре не подозрѣвала, что, защищая Наржо и падая на Фресона, она говорила противъ себя. Она не знала, что одинъ старался отвести Люсьена отъ женитьбы, а другой бессознательно поощрилъ его къ этому. Поэтому она не понимала, отчего молодой человѣкъ, столь недавно раздѣлавшій крайнія идеи безумнаго энтузіаста, теперь такъ выхвалялъ пресловутую практичность доктора. Же-

лая побороть вредное вліяніе Фресона, она приняла открыто сторону Наржо и клеймила ироническими насмѣшками мѣщанскія теоріи.

— Послушайте, воскликнулъ наконецъ Люсьенъ, выведенный изъ терпѣнія и истощивъ всѣ свои аргументы, — хотите знать, почему я такъ защищаю здравый смыслъ доктора? Еслибъ я на васъ женился, Фресонъ одобрилъ-бы мой поступокъ, а Наржо назвалъ-бы меня дуракомъ.

— И Наржо былъ-бы правъ, спокойно отвѣчала г-жа Андре; — что-же касается Фресона, то я, право, не понимаю, какъ онъ при всемъ своемъ здоровомъ смыслѣ выразилъ-бы вамъ одобреніе. Это не было-бы бракомъ изъ-за денегъ, такъ-какъ все состояніе принадлежитъ моей дочери и я только временно имъ пользуюсь. Къ тому-же, вы сами имѣете средства и вамъ не для чего гоняться за приданнымъ. Наконецъ, вы женились-бы на женщинѣ гораздо васъ старше и наложили-бы на себя тяжелыя оковы.

— Но, пламенно воскликнулъ Люсьенъ, — вы умалчиваете о многихъ выгодахъ, которыя я имѣлъ-бы отъ этого брака. Я нашелъ-бы необходимую поддержку, семью и домашній очагъ, для которыхъ я созданъ, и обезпеченіе спокойной, счастливой жизни. Всѣ эти блага Наржо презираетъ; Фресонъ ихъ цѣнитъ, а я цѣню еще болѣе его.

Увлекаемый своей пламенной рѣчью и пользуясь удобнымъ случаемъ высказать то, что уже давно жгло ему губы, Люсьенъ вылилъ передъ г-жею Андре всѣ свои надежды. Онъ ее всегда любилъ и не могъ жить безъ нея; ему недостаточна была простая дружба: онъ жаждалъ семейной жизни, которая только одна могла удовлетворить всѣмъ его желаніямъ и осуществить всѣ его мечты. Онъ уже не былъ ребенкомъ и вскорѣ долженъ былъ сдѣлаться совершеннолѣтнимъ, а слѣдовательно, полнымъ распорядителемъ своей судьбы. Онъ зналъ, что дѣлалъ, и здраво все обдумалъ. Различіе лѣтъ существовало только на бумагѣ, а не во внѣшнемъ видѣ ихъ обоихъ, что въ этомъ случаѣ главное. Г-жа Андре останется всегда красавицей: она принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыя остаются молодыми до пятидесяти лѣтъ. Сколько разъ Люсьена принимали за ея мужа, — значитъ, въ этомъ бракѣ не было ничего невозможнаго, а слѣдовательно,

онъ долженъ былъ состояться, если только она была согласна. Онъ умолялъ ее согласиться; она была слишкомъ добра и великодушна, чтобъ отвернуться отъ искренней любви, которая на ея глазахъ возникла, развилась и окрѣпла долгимъ, терпѣливымъ ожиданіемъ.

Люсьенъ говорилъ очень твердо, обдуманно и серьезно; его теперешнія слова не имѣли ничего общаго съ его прежней дѣтской вспышкой. Однако, подъ его благоразумной сдержанностью проглядывала страсть. Г-жа Андре была глубоко тронута его любовью и мужественнымъ, рѣшительнымъ тономъ. Она поняла, что на этотъ разъ имѣла дѣло не съ легкомысленнымъ капризомъ, а съ глубокимъ, серьезнымъ чувствомъ. Это открытіе тѣмъ болѣе ее испугало. Она давно любила Люсьена, хотя не смѣла въ этомъ сознаться даже самой себѣ, и теперь опасалась, чтобъ признаніе въ этой любви не вырвалось у нея помимо ея воли. Любовь ея была своеобразная, безъ восторженнаго пыла, почти безъ страстныхъ желаній. Она любила болѣе умомъ и сердцемъ, чѣмъ тѣломъ, и охотно довольствовалась-бы нѣжной дружбой. Болѣе того, она никакъ не могла примириться съ мыслью принадлежать ему. Ей казалось естественнымъ и отраднымъ принести себя въ жертву для его блага, но ей было стыдно отдаться этому юношѣ, котораго она все еще считала ребенкомъ. Она видѣла въ этомъ что-то чудовищное, противъ чего возставала вся ея честная натура.

Всѣ эти мысли толпились въ ея головѣ, пока говорилъ Люсьенъ, и она отвѣчала очень серьезно. Главное ея возраженіе было различіе лѣтъ. Что-бы ни говорилъ Люсьенъ, она была старше его на четырнадцать лѣтъ и никакими аргументами нельзя было пополнить этой бездны. Правда, она была моложава на взглядъ, но это не могло продлиться, и черезъ десять лѣтъ она будетъ старухой, а Люсьенъ тогда еще не достигнетъ зрѣлаго возраста. Бракъ съ нею тогда сдѣлается помѣхой всей его жизни, онъ будетъ несчастливъ и станетъ раскаяваться. Лучше теперь перенести временное горе, чѣмъ рисковать счастьемъ цѣлой жизни. Гораздо лучше было имъ остаться друзьями по старому; она не отказывала Люсьену ни въ своемъ времени, ни въ попеченіяхъ, ни въ совѣтахъ, ни въ нѣжной привязанности, ни въ преданности. Она созналась даже, что его любовь дѣлала ее вполнѣ

счастливой, но она не могла, не должна была согласиться выйти за него замужъ. Еслибъ она на это согласилась, то причинила-бы несчастье Люсьену и позоръ себѣ. Этотъ бракъ былъ нелѣпный, опасный и немислимый. Преступно было даже о немъ думать.

Они долго разсуждали, но пламенная логика Люсьена не могла побороть благоразумной привязанности г-жи Андре. Онъ былъ въ одно и то-же время тронуть и разсерженъ ея упорствомъ. Его сердила ея чувственная холодность, которую онъ сначала принялъ за холодность сердца, и его глубоко тронуло послѣдующее сознаніе, что эта благородная женщина его дѣйствительно любила и не хотѣла быть его женою только изъ благородной, утонченной любви.

Поэтому онъ не призналъ себя побѣжденнымъ отъ неудачи перваго приступа и сталъ повторять свои попытки все съ новой и новой энергіей. Увѣренность въ ея любви придавала ему мужество. Съ другой стороны, сопротивленіе подстрекало его умъ и разжигало его страсти, которыя придавали его краснорѣчію пламенный, непреодолимый характеръ. Рядомъ съ картинами спокойнаго, почти буржуазнаго счастья вырывались у него слова, обжигавшія, какъ поцѣлуемъ, и ласкавшія ее сладострастной истомой. Подъ вліяніемъ такихъ вспышекъ г-жа Андре невольно вздрагивала и ея холодность мало-по-малу таяла. Еще немного терпѣнія,—и онъ уже предвидѣлъ ту минуту, когда этотъ холодный мраморъ превратится въ горячую, страстную женщину.

ГЛАВА XVI.

Люсьенъ теперь ждалъ только своего совершеннѣтїя, чтобъ одержать побѣду, въ которой онъ былъ уже совершенно увѣренъ. Онъ съ нетерпѣніемъ считалъ дни, отдѣлавшіе его отъ той минуты, когда, располагая совершенно своей личностью и состояніемъ, онъ могъ взять приступомъ крѣпость, все слабѣе и слабѣе защищавшуюся. Страшный неожиданный ударъ пробудилъ его отъ этого чуднаго сна накануне его осуществленія.

Фердоль оставилъ своему сыну въ наслѣдство только капиталъ, заключавшійся въ акціяхъ, облигаціяхъ и фондахъ, большою

частью на имя предъявителя; недвижимая его собственность состояла лишь въ дачѣ въ Аблонѣ, купленной за двадцать тысячъ франковъ, но стоявшей гораздо менѣе. Люсьенъ, очень мало смыслившій въ дѣлахъ и аккуратно получавшій въ назначенные сроки слѣдуемый ему доходъ, предоставлялъ своему опеуну полное завѣдываніе своими дѣлами, для чего и выдалъ необходимыя уполномочія. Онъ имѣлъ полное довѣріе къ этому человѣку, который время отъ времени присылалъ ему, кромѣ опредѣленной ренты, еще добавочныя суммы, вырученныя отъ выгодныхъ денежныхъ операцій. Поэтому онъ былъ пораженъ какъ громомъ, получивъ въ отвѣтъ на просьбу представить отчетъ о положеніи его дѣлъ извѣстіе, что его опеунъ послѣ рискованныхъ операцій потерялъ все состояніе свое и Люсьена, объявилъ себя банкротомъ и скрылся, не оставивъ по себѣ ни единого сентима.

Люсьенъ былъ разоренъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ погибла и надежда на бракъ съ г-жею Андре. Теперь онъ уже безъ подлости не могъ и думать о женитьбѣ. Онъ вспомнилъ съ отвращеніемъ намекъ Фресона на деньги г-жи Андре и съ ужасомъ понялъ, что, упорствуя въ своей любви, онъ рисковалъ прослыть за искателя богатаго приданого. Несмотря на то, что онъ былъ пропитанъ нѣкоторыми буржуазными инстинктами, онъ не обладалъ крѣпкимъ желудкомъ практическихъ людей, которые перевариваютъ всякія низости, ненарушающія внѣшнихъ приличій, и особенно облизываются при мысли о бракѣ изъ-за денегъ. Ему надо было тотчасъ и безъ всякаго колебанія отказаться отъ плана, такъ долго ему улыбававшегося. Онъ даже имѣлъ деликатность скрыть отъ г-жи Андре причину его неожиданной сдержанности, доходившей даже до холодности.

Г-жа Андре была очень смущена этой странной пережвѣной. Въ ту минуту, когда она начинала чувствовать себя побѣжденной и готовой уступить, вполне убѣдившись въ серьезномъ характерѣ его любви, она вдругъ была изумлена мгновеннымъ уничтоженіемъ этого глубокаго, пламеннаго чувства. Но она вскорѣ убѣдилась, что только обращеніе Люсьена измѣнилось, но не его сердце. Всякая женщина легко узнаетъ, любима-ли она по-прежнему, судя по тому, какъ смотритъ на нее любимый человѣкъ. А несмотря на свою твердую рѣшимость, Люсьенъ не могъ скрыть своихъ чувствъ, которыя тѣмъ яснѣе выражались, что онъ ста-

рался их заглушить очень неловко. Такъ вода изъ дурно заткнутого фонтана бьетъ еще съ большей силой. Г-жа Андре поняла, что причины этой неожиданной переменъ должны быть внѣшнія. Она была искусна, какъ всѣ женщины, на вывѣдываніе тайны и къ тому-же обладала еще проникательностью, которую придаетъ встревоженная любовь. Съ другой стороны, Люсьенъ не обладалъ энергіей, необходимой для того, чтобъ герметически скрыть свое горе отъ любопытныхъ глазъ. Преслѣдуемый ловкими вопросами и пойманный врасплохъ, онъ невольно проговорился настолько, что г-жа Андре догадалась, въ чемъ дѣло. Его случайныя полупризнанія открыли ей, что надъ его головой разразилось финансовое несчастье. Тогда она, не подавая ему ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію, стала собирать справки и пока онъ былъ убѣжденъ, что ей ничего неизвѣстно, она узнала все. Теперь ей стала ясной неожиданная въ немъ переменъ. Она поняла благородныя побужденія, заставившія Люсьена вдругъ принять на себя маску холодности. Она почувствовала къ нему еще большее уваженіе и любовь, и это открытіе окончательно побѣдило ее, и она всецѣло отдалась своей страсти.

Кромѣ того, она очень сожалѣла о бѣдномъ юношѣ, судьба котораго возбуждала въ ней тревожныя опасенія. Воспитанный въ довольствѣ, даже въ роскоши и привыкнувъ никогда не думать о матеріальныхъ условіяхъ жизни, онъ теперь долженъ былъ зарабатывать себѣ хлѣбъ въ потѣ лица. Она его знала близко, знала, что, обладая блестящими способностями замѣчательнымъ умомъ и, быть можетъ, крупнымъ талантомъ, онъ не имѣлъ болѣе скромныхъ, но полезныхъ и необходимыхъ для практической жизни качествъ. У него не доставало терпѣнія, порядка, послѣдовательности, а главное — силы воли. Онъ не отличался энергичной, упорной стойкостью, которая приводитъ къ однажды поставленной себѣ цѣли. Онъ былъ склоненъ къ унынію, къ отчаянію. Въ своемъ новомъ положеніи, безъ денегъ, безъ ремесла, безъ семейства, брошенный безпомощнымъ среди жизненнаго водоворота, онъ могъ выйти побѣдителемъ изъ борьбы, еслибъ былъ созданъ изъ желѣза или стали, а не изъ воска. Конечно, этотъ воскъ былъ перваго сорта, великолѣпный, душистый и могъ сдѣлаться прелестнымъ свѣточемъ въ закрытой комнатѣ, вдали отъ

вѣтра и непогоды, но готовъ былъ растаять подъ дуновеніемъ нищеты или отъ пламени борьбы.

Г-жѣ Андре казалось, что было-бы подло его бросить въ такую минуту, въ виду подобныхъ опасностей. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо онъ нуждался въ поддержкѣ, въ утѣшеніи. Ему необходимо было еще большее, именно, — счастье, полное счастье, которое заставило-бы его забыть неожиданное горе. Она не могла не признать, что простая дружба уже была недостаточна. Нужны были пламенные ласки взаимной любви, чтобы убавлять это молодое сердце и придать ему мужественную силу. Такимъ образомъ, честность и добродѣтель г-жи Андре, которыя до сихъ поръ были единственными ея орудіями противъ пламенной страсти Люсьена, побуждали ее теперь къ удовлетворенію его желаній. Въ этомъ отношеніи она нисколько не колебалась. Но бракъ былъ-ли теперь мыслимъ между ними? Предлагая Люсьену жениться на ней, не встрѣтила-ли бы она стойкаго отпора, основаннаго на открытыхъ ею благородныхъ побужденіяхъ? Ее такъ радовала эта возвышенная деликатность, что она не хотѣла его оскорбить. Она рѣшилась отвѣчать на его благородство еще большимъ великодушіемъ и пришла къ тому убѣжденію, что долгъ повелѣвалъ ей отвѣтить на его любовь.

Съ этой минуты ея поведеніе было удивительно по своему высокому самопожертвованію. Эта искренняя, серьезная женщина стала кокеткой; ея холодная натура превратилась въ сладострастную. Она окружила Люсьена соблазнительными нѣжностями, двусмысленными обѣщаніями и разжигавшими его страсть ласками. Ей надо было одержать трудную побѣду. Люсьень, все еще преслѣдуемый мыслью о женитьбѣ, и полагая, что г-жа Андре думала о томъ-же, не хотѣлъ поддаться овладѣвшей ею сладострастной истомѣ. Онъ боролся съ своими чувствами, сдерживалъ свои желанія и отвертывался отъ прелестныхъ губъ и роскошныхъ объятій, манившихъ его къ себѣ.

Впервые въ жизни онъ испыталъ эту внутреннюю страшную борьбу, въ которой человѣкъ имѣетъ противникомъ самого себя. То онъ находилъ, что нелѣпо отказываться отъ счастья, столь давно желаннаго и теперь возможнаго, то онъ упрекалъ себя въ подлой слабости, которая могла довести его до покупки этого счастья цѣною постыдной сдѣлки съ совѣстью. Эта борьба его

доводила до бѣшенства и онъ терялъ голову. Тогда г-жа Андре становилась еще вѣжливѣе, еще обворожительнѣе, и ея пламенные ласки ясно говорили, что она ему отдавалась.

Тяжело было Люсьену устоять противъ этого растлѣвающего соблазна. Онъ, наконецъ, призналъ себя побѣжденнымъ и упалъ въ объятія г-жи Андре съ истерическими рыданіями.

— Нѣтъ, нѣтъ, воскликнулъ онъ вдругъ, дѣлая послѣднюю попытку сопротивленія, — я не могу, я не долженъ на васъ жениться. Это было-бы подло. Я не Фресонъ...

Онъ хотѣлъ сознаться, что разоренъ, но г-жа Андре не допустила до этого. Она понимала, что подобное признаніе возбудило-бы продолжительный споръ, который отложилъ-бы надолго желанное разрѣшеніе вопроса. Къ тому-же она смутно чувствовала, что это уясненіе его финансовъ могло рано или поздно привести къ неприятымъ столкновеніямъ. Она мгновенно довела дѣло до развязки геройскимъ самопожертвованіемъ. Она бросилась на шею Люсьену, говоря:

— Я тебя люблю. Я хочу быть твоей. Не говори *нѣтъ*... Возьми меня...

ГЛАВА XVII.

Продавъ дачу въ Аблонвѣ за двѣнадцать тысячъ франковъ, Люсьенъ уплатилъ мелкіе долги и пополнилъ свой гардеробъ, послѣ чего у него осталось чистыми деньгами восемь тысячъ франковъ. Съ обычнымъ юности легкомысліемъ, онъ не имѣлъ мужества сразу переимѣнить свою житейскую обстановку и безопасно продолжалъ прежній образъ жизни. Впрочемъ, онъ былъ такъ счастливъ, что не имѣлъ времени думать о будущемъ, даже очень близкомъ, когда стали истощаться его послѣднія средства. Г-жа Андре безпокоилась объ этомъ болѣе его. Но она должна была разыгрывать роль, что ничего не знаетъ, а потому не могла совѣтовать ему быть экономнымъ и благоразумнымъ. Впрочемъ, въ характерѣ такихъ людей, какъ Люсьенъ — жить только въ настоящемъ и не принимать никакихъ мѣръ противъ рокового теченія обстоятельствъ. Правда, настоящее было очень соблазнительно. Никогда Люсьенъ не знавалъ такого блаженства. Г-жа Андре была пре-

лествѣйшей изъ любовницъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшимъ изъ друзей. Она окружала его пламенными ласками любовницы, преданной дружбой сестры и нѣжными попеченіями матери. Никогда не приходила ему въ голову мысль объ ея лѣтахъ. Она была также молодода наружностью, какъ и сердцемъ. Нѣсколько остывъ отъ сладострастнаго пыла, обнаруженнаго ею для одержанія побѣды надъ Люсьеномъ, она снова отличалась тѣми особенными прелестями холодныхъ женщинъ, которыя, не отказывая вамъ ни въ чемъ, все, кажется, возбуждаютъ въ васъ новыя, еще неудовлетворенныя желанія. Люсьенъ любилъ ее съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

Она была свободна и потому вскорѣ отказалась отъ стѣсненій тайной связи, предпочитая быть прямо, открыто любовницей Люсьена. Къ чему было стѣснять его лицемерными приличіями? Отдавшись ему, она не признавала никакихъ ограниченій и устроила такъ, что они вскорѣ зажили совершенно по-супружески.

Люсьенъ подчинился безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти этой новой комбинаціи, которая введена была не вдругъ, а мало помалу, совершенно нечувствительно. Онъ все еще сохранилъ за собою свою квартиру, бывалъ въ ней очень рѣдко, настолько лишь, чтобъ о немъ не говорили, что онъ живетъ на ея хлѣбахъ. Онъ иногда обѣдалъ съ своими пріятелями, но большую часть времени проводилъ у г-жи Андре, не чувствуя ни малѣйшаго стыда, такъ-какъ у него всегда были въ карманѣ деньги и онъ ихъ расходовалъ только на нее. Онъ ѣздилъ съ нею въ театръ и за городъ, покупалъ игрушки ея дочери и дѣлалъ ей маленькіе подарки, но такъ деликатно, что она не могла ихъ не принимать. Мало-по-малу онъ принялъ въ ея домѣ всѣ замашки хозяйна и очень охотно, въ одинъ прекрасный день, согласился на предложеніе г-жи Андре окончательно порвать съ своей холостой жизнью. Г-жа Андре переѣхала на другую квартиру и очень просто, какъ будто они объ этомъ уже давно условились, объявила, что онъ долженъ поселиться вмѣстѣ съ нею и перевезти всѣ свои вещи. Онъ, не возражая, исполнилъ ея желаніе. Общая жизнь потекла мирно.

Люсьенъ вкусилъ у домашняго очага все то блаженство, о которахъ онъ такъ давно мечталъ. Наслаждаясь спокойной, счаст-

ливой жизнью, поддерживаемый благоразумными совѣтами, искусно подстрекавшими его самолюбіе, онъ принялся серьезно за работу. Къ тому-же онъ теперь чувствовалъ непреодолимую жажду выразить въ стихахъ ощущаемыя имъ возвышенныя чувства и нравственное благополучіе. Эта потребность высказать то, что чувствуешь, создаетъ истинныхъ поэтовъ, а Люсьенъ тѣмъ охотнѣе поддался своему желанію, что г-жа Андре постоянно его подстрекала къ поэтическому труду. Впродолженіи полугода онъ изо дня въ день писалъ собраніе маленькихъ поэмъ, очень изящныхъ по формѣ и дышавшихъ юной, свѣжей любовью. Онъ назвалъ свое первое произведеніе „Скромными радостями“.

Г-жа Андре была въ восторгѣ. Въ поэзіи Люсьена она слышала эхо тѣхъ утонченныхъ чувствъ, которыя она сама ощущала, и ей нравился мелодичный, изящный ритмъ его стиха. Она поняла талантъ своего любовника, что съ женщинами бываетъ очень рѣдко, и гордилась имъ.

— Надо тотчасъ напечатать твои поэмы, говорила она. — Онѣ тебя прославятъ. Я не хочу одна тобою восхищаться. Но прежде всего тебѣ слѣдовало бы ихъ прочесть твоимъ пріятелямъ, компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ судьямъ, которые съумѣютъ тебѣ дать совѣты лучше моихъ.

Она не знала, что гораздо легче написать, чѣмъ напечатать книгу, и, несмотря на знаніе свѣта, она не подозрѣвала, какой обильный источникъ зависти скрывался въ умахъ тѣхъ компетентныхъ судей, къ которымъ она посылала Люсьена.

Съ перваго шага поэтъ увидѣлъ, какъ трудно найти издателя. Онъ былъ молодъ и неизвѣстенъ, поэтому четверо или пятеро издателей, къ которымъ онъ постучался, безъ всякой церемоніи захлопнули двери передъ его носомъ. У всѣхъ было слишкомъ много изданій на рукахъ, такъ что не нашлось-бы и минуты прочесть его рукопись; къ тому-же никому теперь не нужно было поэзіи. Онъ даже принужденъ былъ выслушать нѣсколько презрительныхъ, грубыхъ дерзостей, которыя дали ему почувствовать, какъ онъ былъ наивенъ.

Пріемъ товарищей былъ совершенно иной. Маленькое общество, собиравшееся въ кофейнѣ Табурэ и принимавшее его такъ любезно, пока онъ былъ только любителемъ, теперь поднялось на дыбки, почуя въ немъ соперника. Его попытки прочесть или пе-

редать рукопись пріятелямъ встрѣтили въ однихъ открытую ледяную холодность, а въ другихъ строгія критическія замѣчанія, словно онъ былъ ученикъ, подвергаемый учителями выговору за дурное сочиненіе. Обманутый своимъ самолюбіемъ и похвалами г-жи Андре, Люсьенъ ждалъ восторженнаго энтузіазма, а услыхалъ едва нѣскольکو сочувственныхъ словъ.

Одинъ Жакъ Наржо выразилъ искреннее восхищеніе.

— Вы знаете, что я не понимаю таковой поэзіи, сказалъ онъ;— мнѣ нуженъ плачь, въ которомъ звѣзды были-бы слезами. Еслибъ я унизился до стиховъ, то мой ритмъ былъ-бы пульсомъ безконечности. А въ вашей поэзіи бьется пульсъ двадцатилѣтняго человѣческаго сердца. Для меня все это дребедень, какъ, напримеръ, стихи Гейне. Но въ этомъ родѣ ваши поэмы — совершенство. У васъ есть стихи, блестящіе какъ планета. Вы — свѣтящійся червякъ, но, какъ свѣтящійся червякъ, вы превосходны. Ваша книга мнѣ нравится.

Эти похвалы, какъ ни была странна и своеобразна ихъ форма, немного утѣшили Люсьена и онъ разсказалъ Жаку то непріятное впечатлѣніе, которое произвели на него отзывы другихъ поэтовъ.

— Вы, я вижу, еще вѣрите въ справедливость товарищей, отвѣчалъ онъ; — вамъ надо поскорѣе отдѣлаться отъ этой дѣвственности, мой другъ. Здѣсь всѣ ненавидятъ другъ друга. Насущный хлѣбъ литераторовъ — зависть. Говорятъ, что отъ зависти худѣютъ,— это неправда: отъ зависти толстѣютъ. Посмотрите на Перинья.

Люсьенъ былъ изумленъ. Перинья высказалъ къ молодому поэту менѣе антипатіи, чѣмъ другіе. Слушая „Скромныя радости“, онъ улыбался и сдѣлалъ лишь нѣскольکو довольно мягкихъ комментариевъ. Это былъ маленькій, толстенный человѣчекъ, очень любезный, слышій за острака и пользовавшійся извѣстностью журналиста.

— Перинья! воскликнулъ Люсьенъ,— я не могу на него жаловаться и не думаю, чтобъ онъ былъ злымъ человѣкомъ.

Жакъ покотился со смѣху.

— Да что у васъ вареньемъ замазаны глаза? произнесъ онъ;— разсмотрите хорошенько этого царька ложныхъ добряковъ. Онъ маленькаго роста. Это шавка, жирная шавка, самая злая, самая скверная. Глаза у него, какъ у обезьяны, маленькіе, блестящіе,

фальшивые, полускрытые очками ученаго педанта. А ротъ! Ротъ у этого животнаго—самая замѣчательная черта. Горланъ и развратникъ, онъ долженъ-бы имѣть толстыя губы, готовны брызнуть кровью, какъ у добряковъ-кутилъ. Но посмотрите, у него вовсе нѣтъ губъ. Его ротъ, какъ у гадовъ, еле раскрывается и изъ едва замѣтной щели выпускаетъ жало всевозможныхъ гадостей. Не обманывайтесь этой полнолуной рожей, залитой саломъ. Помните, у него нѣтъ губъ и его ротъ походить на разрѣзъ ножемъ въ толстомъ огузкѣ.

Въ эту минуту до Люсьена, прислушивавшагося, несмотря на разговоръ съ Наржо, къ тому, что говорилось невдалекѣ, въ группѣ поэтовъ, обружавшихъ Перинья, ясно долетѣлъ конецъ фразы этого любезнаго, вѣчно улыбавагося, жирнаго человѣчка:

— Онъ такъ скромны, что никто о нихъ и не услышитъ.

Наржо продолжалъ разглагольствовать, махая руками, и снова Люсьенъ слышалъ, какъ безгубый ротъ Перинья произнесъ вполголоса:

— Посмотрите, Наржо посвящаетъ его въ поэты. Это таинство муропомазанія.

Всѣ громко расхохотались. Люсьенъ поблѣднѣлъ отъ злости, слыша, что надъ нимъ смѣются за спиною. Наржо замѣтилъ его блѣдность и тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Держу пари, сказалъ онъ, быстро обращаясь къ товарищамъ,—что Перинья сказалъ какую-нибудь злость насчетъ Фердоля. Онъ отпустилъ порцію битыхъ сливокъ, отравленныхъ мышьякомъ на два сантима! Я вижу, еще капли дрожатъ на лезвѣ бритвы, служащей ему вмѣсто губъ. Но вы, юноша, прибавилъ онъ съ пламеннымъ презрѣнiемъ и убійственной иронiей,—низко поклонитесь. Если Перинья васъ ругаетъ,—значить, у васъ талантъ. Онъ хвалитъ только дураковъ... Это эгоистъ.

(Продолженiе слѣдуетъ).

СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВО НАКАНУПЪ СВОЕГО ЮБИЛЕЯ.

(Посвящается редакціи газеты „Сибирь“).

Дщерь Азіи, богато надѣлена,
По статнымъ и дороднымъ раменамъ
Бобровою порфирой облечена,
Съ собольими хвостами по грудямъ:
Царевна, сребренный вѣнецъ носяща
И пестрой наснью камней блестяща,
Славянь наперсница, ордь грозныхъ магь,
Сибирь, тебя мнѣ любо вспоминать!

*Изъ оды по случаю открытія то-
больскаго намѣстничества въ 1782 г.*

Скоро исполнится триста лѣтъ, какъ Ермакъ съ своею казачьей шайкою перевалилъ черезъ Уралъ и пошелъ громить жалкаго царька Кучума. Каждый сибирякъ не можетъ не порадоваться, что этотъ трехсотлѣтній юбилей предположено ознаменовывать открытіемъ сибирскаго университета, о которомъ и мечтать даже лѣтъ десять назадъ считалось въ Сибири, съ одной стороны предосудительнымъ, а съ другой—опаснымъ. Но измѣнить-ли и университетъ населеніе Сибири? Сибирское общество представляетъ собою до того жалкую картину болотной жизни, что невольно возникаетъ сомнѣніе, обожутъ-ли самыя реформы, о которыхъ мечтаютъ лучшіе изъ сибиряковъ, свое благотворное дѣйствіе на это общество, пробудятъ-ли онѣ его къ новой жизни. Вотъ что говорить, напримѣръ, „Сибирь“, подводя итоги прошлаго 1877 г.: „Какіе шаги и въ какомъ направленіи сдѣлала Сибирь въ этомъ году? Какими начинаніями отмѣтили мы истекшій годъ въ своей исторіи? Ничѣмъ мы не ознаменовали этотъ счастливый, повидимому, годъ, не подвинулись мы ни на шагъ впередъ по пути прогресса, понимаемаго, какъ усовер-

шенствованіе, какъ улучшеніе въ различныхъ отрасляхъ жизни и дѣятельности. На что тратили мы свой умъ, свои таланты, свои капиталы и свое умънѣе? Въ какой отрасли народной дѣятельности сдѣлано какое-нибудь замѣтное движеніе къ лучшему? Народное образованіе движется по установленному шаблону, и Богъ вѣсть, куда приведетъ насъ установившаяся система. Мы не видимъ ни увеличенія числа учебныхъ заведеній, ни особенныхъ улучшеній въ самыхъ школахъ. Напротивъ, школы исчезаютъ, какъ исчезли школы въ енисейской губерніи къ началу прошлаго года. Посторонніе наблюдатели замѣчаютъ упадокъ нравственности въ учащихся, которые, учась плохо, дозволяютъ себѣ на улицахъ разныя грубыя шалости. Учительскій персоналъ, несмотря на двѣ учительскія семинаріи въ восточной Сибири, чрезвычайно слабъ. Отовсюду жалуются, какъ, вѣроятно, замѣтили читатели, на недостатокъ учителей и на невыдержанность существующихъ. Тамъ ученая братія попадаетъ въ полицію, въ другомъ мѣстѣ смотрителя выносятъ изъ театра на рукахъ... Ни въ наукѣ, ни въ публицистикѣ вы не встрѣтите имени сибирскаго учителя (за исключеніемъ одного). Ни учительскихъ сѣздовъ, ни педагогическаго общества здѣсь не существуетъ. Существуетъ только чиновничье отношеніе и формалистика. И вотъ по-прежнему число грамотныхъ у насъ измѣняется единицами, приходящимися на тысячи безграмотныхъ. И мракъ по-прежнему царствуетъ надъ умами... Гдѣ и въ чемъ отразилась еще наша умственная жизнь? За исключеніемъ скромной дѣятельности здѣшняго отдѣла географическаго общества, изысканія котораго, правду сказать, менѣе всего интересуютъ самихъ сибиряковъ, — на что можно указать, какъ на признакъ умственного движенія? Мы не откликнулись на призывъ къ участию въ открытіи сѣверныхъ путей, мы не отозвались ни единымъ звукомъ на приглашеніе содѣйствовать устройству воднаго сообщенія по Сибири. Никто даже не говорилъ объ этомъ, никто, кромѣ присяжныхъ членовъ, не былъ на чтеніи объ этомъ предметѣ! На самый живо-трепещущій университетскій вопросъ мы откликнулись лишь запоздалымъ и робкимъ ходатайствомъ за Томскъ. Ни литературныхъ чтеній, ни оживленныхъ толковъ о явленіяхъ текущей литературы и вопросахъ современной жизни здѣсь вы не услышите. Мертвое царство и глубоко-спящіе люди! Театръ, клубъ и собраніе? Но развѣ

эти учрежденія даютъ какую-нибудь умственную пищу, развѣ шевелить мозги и заставляютъ размышлять? Развѣ въ театрѣ у насъ ходить учиться? Просмотрите репертуаръ любимыхъ пиесъ и вы увидите, чему мы поучаемся въ нашемъ храмѣ музъ. А затѣмъ? Затѣмъ, читатель, мы должны сказать, что если прогрессъ понимать просто, какъ поступательное движеніе по тому пути, по которому шелъ человѣкъ прежде, то, быть можетъ, окажется, что мы и очень далеко ушли. Да, мы во многомъ и многомъ ушли очень далеко, даже впечатеніи одного года. Спросите медиковъ, до какихъ цифръ доходить у насъ проституція? Какое право гражданства, какой почетъ пріобрѣло у насъ это ремесло и до какого цинизма дошли жрецы и жертвы этого губительнаго порока? Спросите у протоколистозъ и журналистозъ, до какихъ ужасающихъ цифръ дошли входящія и исходящія бумаги? Вы испугаетесь этой цифры и преклонитесь передъ этой египетской работой сибирскихъ сизифовъ, доходившихъ до того, что они пишутъ предписанія даже самимъ себѣ. Спросите у солидныхъ торговцевъ, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ дошли комерческія аферы и сдѣлки? Въ умѣнъь всякими, честными и нечестными, путями зашибить копейку, въ умѣнъь убить праздно свои силы, свое здоровье, свое время, уронить нравственное свое достоинство. убить будущее своихъ дѣтей своимъ примѣромъ и влияніемъ, въ лице мѣрн, во лжи, въ холопствѣ, въ формалистикѣ, прикрывающей пустоту ума и безчестность поступковъ... о, во всемъ этомъ мы ушли далеко, далеко!.. Гдѣ вы, наши свѣточки, указывающіе дорогу къ счастливому будущему? Гдѣ наши дѣятели, облегчающіе время тяжелаго труда въ борьбѣ съ неблагоприятной сибирской природой, изобрѣтатели новыхъ орудій труда, открыватели тайвъ природы? Гдѣ наши мыслители, вѣщіе пѣвцы и художники? Уважите на нихъ! Ихъ не родятъ наши матери; имъ не родъ, не житье среди растлѣвающей среды черствыхъ, холодныхъ обитателей нашей страны, живущихъ одними животными инстинктами и знающихъ только одно — наживу, утоленіе физическихъ нуждъ и борьбу съ холодомъ и голодомъ. Кто разбудить это спящее царство? Откуда раздастся звонъ и громъ, способные прервать этотъ вѣковой сонъ? Жизнь не ждетъ, проходитъ годъ за годомъ, одно поколѣніе смѣняетъ другое. И все тотъ же мертвый сонъ, все также, какъ и инфузоріи въ стоячей водѣ, копошатся люди въ темномъ житейскомъ омутѣ, ни о чемъ не помышляя, только

борясь и поѣдая другъ друга въ жалкой борьбѣ за существованіе“ (1878 г., № 1).

При такомъ состояніи сибирскаго общества для него-же самого литература обязана демонстрировать его внутренніе недуги и безобразія, которыхъ оно не только не сознаетъ, но даже любить хвастать многими мнимыми достоинствами, даже своимъ либерализмомъ и якобы умственнымъ развитіемъ! Мнѣ хочется показать, многить-ли выше это общество тѣхъ Лоскутовыхъ, на которыхъ оно часто негодуетъ; не приходится-ли сродни туземный черноземъ тому навозу, надъ которымъ любить поострить сибирякъ; не ближе-ли Сибирь по своему характеру къ сосѣднему Китаю, чѣмъ къ далекой Америкѣ, съ которой ее сравниваетъ сибирскій либераль.

„Какъ велика Сибирь — этого не знаетъ никто, говоритъ Гартвигъ. Приблизительно, впрочемъ, полагаютъ, что она обнимаетъ пространсто въ 250,000 кв. миль, между тѣмъ, какъ вся Европа — только 180,000. Какъ обильна Сибирь естественными богатствами, этого тоже никто не знаетъ, хотя всѣ убѣждены, что чрезвычайно обильна. Сколько народа въ состояніи Сибирь пріютить, прокормить, обувать, одѣвать, — тоже никто не знаетъ, но полагаютъ, что миліоновъ сто въ состояніи, а, можетъ быть, и 200,000,000. Между тѣмъ, Сибирь, которой скоро придется праздновать трехсотлѣтній юбилей своего присоединенія къ Россіи, имѣетъ всего 3,500,000 жителей, — она, въ которой прекрасно могло-бы помѣститься и устроиться 100,000,000! Впродолженіи трехъ вѣковъ было только два европейски - образованныхъ сибирскихъ инородца — Банзаровъ и Валихановъ, но оба они погибли въ молодости жертвами той-же „цивилизаци“, которая просвѣтила ихъ: Банзаровъ умеръ отъ водки, а Валихановъ отъ чахотки, нажитой въ Петербургѣ, благодаря гусарскому разгулу. Да и относительно вымиранія инородческихъ племенъ Сибирь не далеко ушла отъ Америки. Если русскіе и не истребили такого множества инородцевъ, какъ испанцы, то это зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, во-первыхъ, что сибирскихъ туземцевъ было несравненно меньше, чѣмъ американскихъ, во-вторыхъ, сибирскіе почти всѣ были бродячими и имъ было легче, чѣмъ американцамъ, скрываться и убѣгать отъ завоевателей, между тѣмъ, какъ въ Америкѣ многія племена стояли на высокой степени куль-

турн, жили въ городахъ и селахъ и испанцамъ по этому удобнѣе было разорять и истреблять ихъ. Русскіе тоже, подобно испанцамъ, не разъ истребляли цѣлыя племена. Русскіе промышленники систематически избивали туземцевъ острововъ Восточнаго океана, чтобы, уменьшивъ численность ихъ, ослабить остальныхъ и сдѣлать своими покорными рабами. Въ половинѣ XVIII вѣка Иркутская провинціальная канцелярія формально предписывала командамъ Камчатки и охотскаго края инородцевъ „всѣхъ побить и въ конецъ разорить за ихъ непостоянства и замерзѣлыя издревле злодѣйства“. Команды усердно принялись истреблять дикарей, но „всѣхъ побить“ были рѣшительно не въ состояніи по своей малочисленности и слабосилію, такъ-какъ они то и дѣло голодовали, болѣли и даже въ походы отправлялись нагишомъ, а главный начальникъ сибирскихъ войскъ, ген. Киндерманъ, въ то же время проектировалъ „убѣгая казны Ея И. В. ущерба, продовольствовать ихъ вмѣсто хлѣба толченою березовою корою“... Но если завоеватели были не въ состояніи истребить инородцевъ огнемъ и мечомъ, то дикари тѣмъ не менѣе гибли отъ разоренія и голода, отъ кабалы, злоупотребленій и произвола чиновниковъ, отъ сифилиса и эпидемій. Многія племена давнымъ давно уже вымерли, а въ настоящее время хотя наиболѣе многочисленные инородцы, буряты и якуты, размножаются, за то, съ другой стороны, камчадалы, ломуты, коряки, юкагиры, олюторцы, тунгусы, сайоты, самоѣды, остяки, барабинскіе татары, вогулы быстро вымираютъ.

Кромѣ инородцевъ во многихъ мѣстахъ вымираетъ или вырождается вмѣстѣ съ ними даже русское населеніе. Возьмемъ, напр., нижнекалымскій край. Климатъ чрезвычайно суровый, но за то здѣсь такое обиліе рыбы и дичи, что при мало-мальски раціональномъ хозяйствѣ мѣстные жители не только могли бы свободно пропитываться, но и вести обширную торговлю ими. Между тѣмъ, туземецъ здѣсь живетъ до сихъ поръ не лучше медвѣдя. „Самое жилище туземца носитъ характеръ медвѣжьей берлоги, говоритъ священникъ Аргентовъ. Таковы юрты сѣверныхъ кочевниковъ, изъ которыхъ иные довольствуются сѣннымъ шалашомъ, по-якутски *хар*—*балаганъ*. Иные живутъ въ погребкахъ, въ мрачныхъ подвалахъ. Не угодно ли будетъ взглянуть на картину изъ домашняго быта въ человѣческой берлогѣ крайняго сѣвера? На пространствѣ одной квадратной сажени усѣлось на олень-

ихъ шкурахъ семь человѣкъ дѣтей, женщинъ, мужчинъ, въ числѣ которыхъ и пишущій эти строки, — всѣ до-нага раздѣтые по поясу. Сидимъ въ большомъ чукотскомъ пологу и потѣемъ. Вверху подоткнуты бубенъ, штаны, рукавицы для просушки. Въ переднемъ углу черная лаханка и неугасаемый ночникъ, наполненный ворванью, гдѣ свѣтильною служить мохъ. Дымящійся *товак* — *койнны* ходитъ по-рукамъ, и хозяинъ затагивается первый, т. е. съ наслажденіемъ глотаетъ изъ трубки высосанный дымъ, который потомъ черезъ минуту, иногда черезъ двѣ выпускается колечкомъ. Въ пологѣ сплошное облако табачнаго дыма. Этотъ хозяинъ хлѣбосоль. По его распоряженію подали беремя оленьихъ ногъ, только-что освѣжавныхъ животныхъ. На долю мою досталась бычачья нога, еще не совсѣмъ остывшая. Принялись мы свѣжевать, т. е. буквально драть когтями — ногтями, пилить ножами, глотать зубами. Эта живая картина туземнаго быта мнѣ всегда казалась поразительною. При тускломъ мерцаніи ночника въ вучку собрались нагіе люди и гложутъ сырую кость: живое подобіе полярнаго медвѣдя въ семейной медвѣжьей берлогѣ. Таковъ полярный человѣкъ. Его характеризуетъ постоянная борьба на жизнь и на смерть за кусокъ насущнаго хлѣба. Климатъ, болѣзни, частію самый общественный бытъ придавили туземца. Племена вымираютъ, и только счастливая беззаботность о дальнемъ будущемъ спасаетъ оставшихся "... Двѣсти лѣтъ живутъ здѣсь русскіе и до сихъ поръ не дошли до мысли обезпечивать себя на случай рыбныхъ неулововъ заготовленіемъ въ прокъ рыбы и дичи, которыхъ въ обыкновенные годы здѣсь такое множество, что хватило-бы на продовольствіе чуть-ли не всей Сибири. Неуловы здѣсь не рѣдкость, и за каждымъ изъ нихъ слѣдуютъ голодъ, потомъ голодная горячка, а за нею смертоносный тифъ. Во время голода народу выдается по 3—5 фунтовъ на человѣка въ мѣсяцъ казенной, гнилой, смѣшанной съ рѣчнымъ иломъ, муки. Корь, оспа, элѣфантіазисъ, сифилисъ губятъ множество народа. Периодическія голодовки постоянно ведутъ за собою тифъ. Во время тифа, говоритъ Аргентовъ, свирѣцтвуетъ голодъ. Народъ изнуренъ невольнымъ постомъ, мерзлая земля тверда, какъ свинець, копать могилу некому да и нечѣмъ. Зараженные трупы умершихъ хоронятся только что не поверхъ земли. При такомъ порядкѣ мертвые изъ могилы грозятъ живымъ. Бому удалось залечь

поглубже, тотъ грозитъ потомству. На глубинѣ 2—3 аршинъ земля мерзла постоянно, холодная температура не измѣняется, трупы не разлагаются, покуда ихъ не выростъ жадный медвѣдь, или черезъ 100 — 200 лѣтъ подмоетъ забытую могилу рѣка. Тогда зараженный трупъ разлагается и портитъ воду и воздухъ. Населеніе вымираетъ. Большая партія казенныхъ поселенцевъ, присланная туда въ прошломъ столѣтїи, вымерла. Добровольно водворившіеся бѣлыя, называемыя *кочи*, вольница, промотавшіеся торгоши, — наличные представители чисто-русскаго племени, силою вещей черезъ 200 лѣтъ превратились въ жалкихъ кочевниковъ. въ рыболововъ, звѣрелововъ. Русскіе давно уже превратились здѣсь въ кочевое племя, потому только не бродячее, что у нихъ нѣтъ другого скота, кромѣ собакъ. Русскій туземецъ лишился здѣсь даже существенной, основной черты характера культурнаго человѣка — предусмотрительности, заботливости о будущемъ. „Тяжелъ строй житья-бытья нижне-колымскаго, говоритъ тотъ-же наблюдатель, но туземецъ не унываетъ, отчаяніе — не его удѣлъ. Безпримѣрная безпечность, — вотъ что поддерживаетъ бѣдняка. Беззаботность обратилась въ характеръ туземца. Онъ ничего не ищетъ, голодень и едва прикрытъ кожаномъ, но онъ не унываетъ, „буатъ лисичку Богъ дастъ“, думаетъ онъ, танецъ *андыку*, и при первой *оказїи* превесело поетъ и пляшетъ на вечеринкѣ. Туземную жизнь характеризуютъ: кочевка, быстрые переѣзды, семикратное въ зимній день отопленіе дома, что очень освѣжаетъ жильцовъ“. О страшномъ вырожденїи русскаго племени свидѣтельствуетъ и языкъ, и счетъ. Многіе изъ туземныхъ женщинъ отличаются очень слабымъ понятїемъ о числахъ. Разговорчивы, любезны, а считать не умѣютъ. Иныя не въ состоянїи отличить трехъ отъ пяти... Не умѣтъ отличить трехъ отъ пяти значитъ дойти до уровня первобытнаго дикаря, который считаетъ только до трехъ, а дальше у него идетъ только неопредѣленное *много*... Даже горожане здѣсь не лучше кочевыхъ инородцевъ.

Едва-ли есть на землѣ города болѣе глухіе и всѣмъ обдѣленные, чѣмъ Замиверскъ и Нижнеколымскъ. Въ Замиверскѣ всего 4 дома и 11 ч. жителей. Въ Нижнеколымскѣ всего около 30 лачугъ, крытыхъ дерномъ и древесной корой; въ окнахъ вмѣсто стеколъ бумага или налимья кожа, а зимой ледяная пласти-

на; вмѣсто печи деревянный инородческій каминъ, смазанный глиной; пекарныя печи имѣются только домахъ въ трехъ. Въ каждомъ домѣ на каминѣ или огнѣ лежитъ небольшой хлѣбъ, посыпанный солью для *сусѣдки*, или домового. Потеря какой-нибудь вещи, напр., ключей, приписывается непременно шуткѣ или гнѣву сусѣдки и немедленно обращается вниманіе на то, есть-ли у него хлѣбецъ; если нѣтъ или засохъ, то немедленно пекутъ новый и ставятъ на опредѣленное мѣсто, приговаривая: „сусѣдушко, сусѣдушко, хорошенькій, добренькій сусѣдушка, не сердись, не шути, отдай мнѣ ключи, вотъ тебѣ булочка“... Школы ни одной, и въ 1870 году Нейманъ во всемъ краѣ на 2,000 жителей нашелъ только 4-хъ грамотныхъ. Интеллигенцію города составляютъ колдуны. Единственное начальство — выборный „частный командиръ“, завѣдующій сборомъ податей, запасными магазинами и т. д. Во время періодическихъ голодѣвокъ горожанамъ много помогаютъ богатые оленями чукчи. Но нижеколымцы, говоритъ Трифоновъ („Зап. Сиб. Отдѣла Геогр. Общ.“), поступаютъ съ чукчами безсовѣстно. Понадобилось нижеколымцу мясо, онъ беретъ топоръ или какую-нибудь желѣзную подѣлку и ѣдетъ къ знакомому чукчѣ, который убиваетъ для него известное количество оленей. Русский, отправляясь домой, непременно постарается украсть привезенную имъ вещь и съ нею-же ѣдетъ къ другому знакомому чукчѣ. Здѣсь онъ опять кормится даромъ и снова получаетъ оленей за ту-же вещь. Нижеколымцы считаютъ подобныя выходы удалствомъ и готовы повторять ихъ на каждомъ шагу. Чукча, если замѣтитъ, что вещь украдена тѣмъ самымъ русскимъ, которымъ привезена, то въ слѣдующій прїѣздъ русскаго только выскажетъ ему шутками, желая сконфузить его и предупредить его на будущее время, но нижеколымецъ постарается оправдать себя да еще поругаетъ чукчу, а потомъ самъ-же и на мировую, чтобы не потерять въ чукчѣ друга и благодѣтеля. И въ такомъ положеніи находится весь крайній сѣверъ Сибири, всѣ эти края — колымскій, вилюйскій, туруханскій, нарымскій, обдорскій, березовскій. При рациональномъ народномъ хозяйствѣ эти мѣстности могли-бы одѣвать всю Сибирь своими мѣхами и кормить своей рыбой и дичью, теперь-же и онѣ находятся точно въ такомъ-же положеніи, какъ и нижеколымскій округъ. Всѣ жители туруханскаго края, напр., должны казнѣ за выдаваемый имъ

хлѣбъ. Для взисканія этихъ долговъ невозможно даже описывать имуществъ, потому что его нѣтъ, и поэтому большую часть должниковъ казна отрываетъ отъ хозяйства, отдавая въ наймъ на золотыя прінски, гдѣ значительная часть ихъ и погибаетъ, а ихъ семейства остаются жалкими нищими, скудно питаемыми казеннымъ хлѣбомъ. Периодическія голодовки доводятъ туруханцевъ до ужаснаго положенія. „Намъ однажды, говоритъ Третьяковъ, — пришлось встрѣтить трехъ остацкихъ вдовъ и при нихъ шесть малолѣтнихъ дѣтей, которыя, будучи нагими, со вздутыми животами и коростами, образовавшимися на груди отъ постояннаго пребыванія близъ огня, глодали ивовую кору. Одна изъ женщинъ лежала больная, а остальные, изнеможенные, походили на привидѣнія“. Голодовки доводятъ людей до крайняго положенія. Однажды, на Нижней Тунгузкѣ казаки, сторожившіе запасной хлѣбный магазинъ, во время продолжительной весны, прекратившей всякое сообщеніе съ жилыми мѣстностями, съѣли всѣ запасы и даже оленьи кожи, наконецъ, во избѣжаніе голодной смерти, рѣшились съѣсть, по обоюдному согласію, одного изъ товарищей, на котораго выпадеть жребій. Обреченный на съденіе спасся только тѣмъ, что, выйдя изъ зимовья съ намѣреніемъ обмытъ передъ смертью свое тѣло, увидѣлъ вблизи стоявшаго оленя, котораго голодающіе тотчасъ-же и убили. Солдаты, проходившіе въ Туруханскъ, отъ недостатка пищи и движенія всѣ заболѣвали цынгой и ежегодно умирали въ количествѣ 50%. Для излеченія ихъ заставляли бѣгать, сажали въ холодную воду, нѣкоторымъ даже втыкали спицы въ ноги, — но ничто не помогало, и начальство, предвидя подобныя случаи, устраивало къ осени зимовникъ, т. е. довольно обширную яму, закрытую сверху досками, въ которую втеченіи зимы и накидывалось до 40 солдатскихъ труповъ. Вредное вліяніе пищи еще усиливается скверными жилищами, сравнительно съ которыми остацкая юрта съ ея превосходною вентиляціей — верхъ совершенства. Въ туруханскомъ краѣ большинство русскихъ живетъ въ зимовьяхъ, которыя такъ описываются Третьяковымъ. „Вступая въ зимовье, путешественникъ сначала спускается въ яму, потомъ, согнувшись въ три погибели, входитъ въ сѣни, — онѣ столь низки, что приходится идти сторбившись. По бокамъ сѣней находятся низкіе бревенчатые амбарушки съ дверками, на подобіе небольшого ставня; въ одной изъ амбарушекъ находятся

собаки; тамъ онѣ спятъ на ледяномъ полу, образовавшемся изъ ихъ мочи. Повидимому, собачье жилище никогда не очищается и ледъ тамъ едва-ли совершенно растаиваетъ лѣтомъ. Какое-же тутъ должно быть зловоніе въ теплое время! Другая амбарушка служить кладовою для домашняго скарба. Внутренность избы, сложенной изъ толстаго лѣса, который отъ дыма весь почернѣлъ, вовсе не привлекательна. Отъ плиты съ рыбьимъ жаромъ и горящей въ ней свѣтильни больше смрада и копоти, чѣмъ свѣта. Небольшая, сбитая изъ глины, печь стоитъ безъ трубы; надъ челою ея, на подкладахъ сушатся дрова. Въ окнахъ вмѣсто рамъ вставлены льдины, отъ таянія которыхъ идетъ сырость и стекаетъ постоянно вода. Къ самому потолку на шестахъ развѣшаны для сушки сѣти. Вотъ печь затопляется, внутренность избы наполняется дымомъ, который не успѣваетъ выходить въ отверстіе, сдѣланное въ потолкѣ. Изъ непривыкшихъ глазъ текутъ потоки слезъ. Къ тому-же въ верхней половинѣ избы становится такъ жарко, что разгорается голова. Смола, разогрѣвшаяся на потолкѣ, начинаетъ капать вмѣстѣ съ сажею. Изъ стѣнъ, плохо проконопаченныхъ, ужасно дуетъ“. Оспа, тифъ, цынга, сифилисъ свирѣпствуютъ здѣсь также, какъ и на низовьяхъ Колымы, истребляя нерѣдко поголовно всѣхъ жителей нѣкоторыхъ мѣстностей, какъ было, напр., во время оспы 1851 и 1852 г. „Между инородцами, рассказываетъ Третьяковъ, — дѣйствіе оспы было ужасное. Безъ всякаго пособія, даже безъ главнаго спутника въ жизни инородца — огня, въ холодной куртѣ или шалашѣ, занесенномъ снѣгомъ, среди вонючихъ отрепьевъ лежитъ убогое семейство остяка. На обнаженныхъ частяхъ тѣла этихъ несчастныхъ кожа во многихъ мѣстахъ отъ непрерывнаго чесанья ободрана; по сторонамъ видны кровавыя пятна и слѣды кровавой харкотины, слизанной голодными собаками. Всклокоченныя густыя пряди волосъ, отдѣлившіяся у многихъ вмѣстѣ съ кожей отъ головы, лежатъ въ беспорядкѣ. Картина медленной смерти, нарушаемая по временамъ глухими стонами и кашлемъ, завываніемъ собаки и свистомъ вѣтра, невыразимо печальна въ суровой пустынѣ... Въ то-же время встрѣчаются иныя картины смерти. Инородцы, устрешенные оспою и уже ощущая въ себѣ ея дѣйствіе, бросаютъ родной чумъ и стремятся на своихъ быстроногихъ оленяхъ въ самыя отдаленныя мѣста съ надеждою избѣгнуть неминуемой смерти; но смерть пре-

слѣдуетъ ихъ по пятамъ, и бѣглецы умираютъ на пути, сидя въ санкахъ“. Апатія — общая черта инородцевъ. Остякъ, напрямѣрь, только тогда принимается за промыселъ, когда ему рѣшительно ѣсть нечего и голодъ начинаетъ мучить его до невыносимости. Вялость характера доходитъ до того, что здѣсь, какъ и всюду въ сѣверной Сибири, почти вовсе нѣтъ преступленій. Русскіе въ туруханскомъ краѣ сильно смѣшиваются со всякими инородцами посредствомъ брака и наложничества, даже поповны выходятъ за остяковъ, поповичи женятся на тунгузкахъ и т. д. Вся жизнь русскихъ получаетъ инородческій отпечатокъ. „На низу Енисея, говоритъ Шаповъ („Записки Сиб. Отдѣла“, 1872), русскіе придерживаются инородческихъ суевѣрій; за образами, напр., держатъ инородческихъ истуканчиковъ, или божковъ, и занимаются вмѣстѣ съ инородцами шаманствомъ. Въ 1863 г. на Носовскомъ станкѣ крестьянинъ Простокішинъ шаманилъ вмѣстѣ съ юракомъ и они пришаманили зарыть въ землю живую дѣвушку лѣтъ 8. Передъ началомъ весенняго рыболовства иногда шаманиать съ остяками и русскіе рыболовы... На низу Енисея русскіе почти вовсе и не говорятъ по-русски“. Здѣшніе русскіе крестятся и молятся на чиновниковъ, какъ на образа, и подходятъ къ нимъ подъ благословеніе, какъ къ попамъ. Изолированность отъ густонаселенныхъ мѣстностей привела за собою совершенное одичаніе русскаго населенія. Одинъ крестьянскій старшина получилъ приказаніе явиться въ Туруханскъ, гдѣ онъ отъ роду не бывалъ. Долго уклонялся онъ отъ этой поѣздки, наконецъ долженъ былъ отправиться. Жена завyla голосомъ, провожая его, какъ покойника; крестьяне, встрѣчавшіеся по дорогѣ, провожали его также съ сожалѣніемъ. Пріѣзжаетъ староста въ городъ и влается каждому встрѣчному чуть не въ поясъ, лицо его блѣдно и вся фигура выражаетъ робость; но не прошло и двухъ дней, какъ этотъ-же самый человѣкъ свободно разговаривалъ и такъ громко хохоталъ, что, глядя на него, и другіе невольно смѣялись. Взглянемъ теперь еще на Камчатку и Охотскій край. Климатъ здѣсь сравнительно умѣренный; превосходныя пастбища могутъ прокормить громадныя стада всякаго скота, а между тѣмъ, у жителей нѣтъ ни коровъ, ни лошадей. Соболей, лисицъ, песцовъ, морскихъ бобровъ, китовъ, дичи, рыбы, ягодъ — баснословное множество. „Въ одно лѣто, говоритъ американскій путешественникъ Кеннанъ — жителя

могли-бы наловить и засушить столько рыбы, что ея хватило-бы на три года, но вмѣсто этого они запасаютъ себѣ продовольствіе только на одну зиму, рискуя на слѣдующую умереть съ голода. Ни тяжелый опытъ, ни болѣзни, ни страданія не дѣлаютъ ихъ предусмотрительнѣе. Даже если они видятъ, что голодъ неизбеженъ, они не предпринимаютъ никакихъ мѣръ, чтобы нѣсколько предупредить и облегчить его, пока, наконецъ, не уничтожится послѣдняя крошка пищи⁴. Хлѣбъ употребляется здѣсь, какъ лакомство, и иногда его не привозится по нѣсколькѣ лѣтъ сряду. Отъ голододовокъ, эпидемій и сплошного сифилиса камчадалы, думуты, коряки почти уже всё вымерли и недалеко то время, когда исчезнутъ послѣдніе потомки этихъ нѣкогда многочисленныхъ племенъ. Русскіе тоже страшно вырождаются и ни въ умственномъ, ни въ физическомъ отношеніи не стоятъ выше инородцевъ.

Таковы крайній востокъ и сѣверъ Сибири; но въ культурномъ отношеніи стоятъ не выше и другія мѣстности, если мы возьмемъ гораздо южнѣе и западнѣе, напримѣръ, областной городъ Якутскъ. Большинство русскихъ жителей ведетъ здѣсь совершенно одинаковую жизнь съ якутами, „въ лачугахъ и юртахъ, говоритъ врачъ Пѣтуховъ, наполненныхъ смрадомъ и нечистотой. Всѣ такія лачуги и юрты обыкновенно завалены навозомъ и всякаго рода нечистотами. Въ 1868 году отъ ливней дворы и улицы покрыты были лужами, поэтому почва подъ лачугами и юртами въ высшей степени была пропитана водой; подполья въ этихъ жилищахъ были полны водой, пресыщенной органическими веществами, цѣлое лѣто и осень—до замерзанія почвы. Можно себѣ представить теперь воздухъ въ этихъ жилищахъ и могли-ли-бы проживать въ нихъ безнаказанно даже животныя? Весьма естественно, что здѣсь къ метифическимъ испареніямъ почвеннымъ присоединились еще испаренія легкихъ, кожи и другихъ органическихъ секретовъ и экскретовъ и, вообще, отъ грязи и нечистоты темныхъ сырыхъ жилищъ и, вмѣстѣ съ ними, усилили міазму возвратной горячки до того, что эта послѣдняя перешла въ желчный тифъ⁴. Якуты не вымираютъ, но за то русскіе, сливаясь съ ними, опускаются до ихъ уровня и нерѣдко даже поголовно цѣлыми селеніями забываютъ родной языкъ, какъ, напр., въ слободѣ Амгѣ. Возьмемъ еще южнѣе, напр., родину Шапова, верхоленскій округъ иркутской губерніи. Русскія жилища здѣсь, по

свидѣтельству д-ра Шперка, несравненно хуже инородческихъ. Изба, какъ и вездѣ въ Сибири, строится на двѣ половины, на жилую и парадную, или горницу. Но въ послѣдней крестьяне не живутъ, а скучиваются въ первой, несмотря на всю тѣсноту ея. Въ зимнее время у крестьянъ въ избѣ держатся куры, коровы, телята, ягнята, поросята, собаки помѣщаются также въ жилой избѣ, въ которой нерѣдко живутъ два, три большихъ семейства; происходящiе отъ того нечистота, вонь, духота, полусвѣтъ, сырость, угарь, составляя необходимыя послѣдствiя подобнаго устройства жилищъ и образа жизни, суть спутники жизни каждаго крестьянина съ колыбели до могилы. Тѣснота жилищъ невообразимая, особенно у осѣдлыхъ инородцевъ. Въ улусѣ шантайскомъ, напр., при 170 дворахъ 728 жителей, въ бохалдайскомъ 8 дворовъ и 324 жителя, въ садайскомъ 182 двора и 982 жителя. Большая часть округа необработана и вслѣдствiе этого климатъ суровъ. Хлѣба собирается пудовъ по 18 на душу, а по распродажѣ его на винобуренные заводы, прииски и въ казну остается пудовъ по 11. Голодовки случаются очень часто и во время ихъ народъ питается *бурдукомъ*, пищей, приготовленной изъ сосновой коры. Обработка земли самая жалкая и крестьяне, не говоря уже о бурятахъ, пахутъ точно такъ-же, какъ пахали предки ихъ 200 лѣтъ назадъ. Пятая часть народонаселенiя, говоритъ д-ръ Шперкъ,—поражена хроническимъ катаромъ желудка. Среднимъ числомъ человекъ живетъ здѣсь всего 13 лѣтъ,—менѣе, чѣмъ въ средневѣковой Европѣ. Дѣтей въ первый годъ жизни умираетъ 50%, а въ первые пять лѣтъ—болѣе 65%. По свидѣтельству Щапова (въ „Извѣстiяхъ сиб. отд. геогр. общ.“), народонаселенiе здѣсь постепенно тупѣетъ и вырождается. Крестьяне верхоленскаго округа не только въ значительной степени смѣшались съ бурятами, но и приняли многое изъ ихъ образа жизни и вѣрованiй. Когда, напр., кто заболѣетъ въ семьѣ или что нибудь потеряется, они идутъ въ улусъ къ шаману ворожить по бараньей лопатѣ. Отецъ Щапова, пономарь, неоднократно рассказывалъ своимъ дѣтямъ, какую судьбу каждому изъ нихъ предсказалъ шаманъ и былъ увѣренъ, что это непременно сбудется. Многiя мѣстности поражены зобатостью и кретинизмомъ. Въ этихъ мѣстностяхъ въ 60-годахъ жителей обоего пола было 13,660 и изъ нихъ зобатыхъ и кретиновъ — 795 чел. Кретинизмъ посте-

ненно усиливается и въ другихъ округахъ. Въ киренскомъ, на-
примѣръ, въ XVIII в. зобъ былъ только по р. Киренгѣ, впа-
дающей въ Лену, черезъ 90 лѣтъ онъ распространился на нѣ-
сколько сотъ верстъ внизъ по Ленѣ отъ устья Киренги, а въ
1857 г. онъ встрѣчался по теченію Лены уже на пространствѣ
1,600 верстъ. Зобъ, соединенный обыкновенно съ тупоуміемъ,
распространяется постепенно также въ иркутскомъ и балаганскомъ
округахъ. „Мы убѣждены, говоритъ д-ръ Кашинъ, — что *суще-
ствующая здѣсь эндемія зоба будетъ имѣть непремѣннымъ
своимъ послѣдствіемъ перерожденіе туземнаго населенія и
прогрессивное увеличеніе числа кретиновъ, если только не об-
ратятъ должнаго вниманія на уничтоженіе вредныхъ мѣст-
ныхъ условій*“. Населеніе иркутской губерніи и забайкальской
области сильно обьинородилось въ матеріальномъ и въ умствен-
номъ отношеніи. „Забайкальскій казакъ, говоритъ д-ръ Шперкъ, —
это смѣсь русскаго выходца съ забайкальскимъ бурятомъ; бурят-
скій типъ даже значительно преобладаетъ; кровная помѣсь съ бу-
рятами имѣла вліяніе и на черты лица, и на все физическое
строеніе тѣла, и на самую психическую сферу забайкальскихъ ка-
заковъ. Въ результатѣ вышло, что казакъ сдѣлался болѣе звѣропро-
мышленникомъ и пастухомъ, чѣмъ домовитымъ человекомъ и хлѣбо-
пашцемъ“. Въ домашней утвари, въ пищѣ, въ одеждѣ, въ вѣровані-
яхъ русскіе иркутской губерніи и забайкальской области въ значи-
тельной степени обратились въ буряты. Даже близъ Иркутска, въ
Бултукѣ, Тунгѣ и т. д., русскіе держатъ на вышкахъ бурят-
скихъ идоловъ, шаманятъ тайкомъ; въ дорогѣ, подобно бурятамъ,
приносятъ небольшія жертвы мѣстнымъ духамъ, чтобы благопо-
лучно проѣхать и т. д. Въ нерчинскомъ округѣ русскіе лѣчатся
у шамановъ, ворожатъ у нихъ, носятъ вмѣстѣ съ крестомъ на
шеѣ бурятскій талисманъ. Многія мѣстности тобольской и томской
губерній тоже сильно обьинородились, а жители областей аymo-
линской и семипалатинской чрезвычайно сильно окиргизились.
Такъ идутъ дѣла въ старинныхъ округахъ, не лучше идутъ они и
въ новыхъ мѣстностяхъ. Какихъ, напр., благъ мы не ждали отъ Аму-
ра, отъ этой громадной рѣки, съ плодородными берегами, съ дикимъ
виноградомъ и т. д.! Киреспондентъ „Моск. Вѣд.“ 1876 г. пере-
даетъ ужасающій фактъ, что изъ корейцевъ, на которыхъ возложены
были всѣ надежды на колонизацію Амурскаго и Приморскаго

края в которыхъ число дошло до десяти тысячъ, осталось вълѣдствіе голода, болѣзней и другихъ бѣдствій только четыре тысячи. А между тѣмъ, только благодаря корейцамъ, этотъ край могъ-бы не остаться безлюднымъ и имѣлъ-бы трудолюбивое земледѣльческое населеніе. Всѣ другія попытки заселить эту прекрасную область въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ оказались несостоятельными. Китайцы могутъ являться только временными работниками, потому что приходятъ безъ женщинъ, да и неохотно идутъ въ эти мѣста. Манзовское населеніе во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были русскія военныя поселенія, уменьшилось, многіе ушли въ Китай. Около бухты экспедиціи китайцы жили прежде въ 33 пунктахъ, а теперь только въ 5. Манзовскій погромъ уничтожилъ и промышленныя артели китайцевъ. За опытъ переселенія финляндцевъ моремъ казна заплатила полумиліономъ рублей, уплаченнымъ за неудачную попытку удѣльному вѣдомству, не говоря уже о томъ, что доставлять людей изъ Россіи кругосвѣтнымъ путемъ можно только десятками, много сотнями. Привлекать населеніе сухимъ путемъ и по Амуру оказалось невозможнымъ, потому что обходится дорого да и охотниковъ мало. Крестьяне изъ русскихъ губерній одни, которыхъ можно еще увлечь незнаніемъ дѣла и положеніемъ края, двинувшись сначала на Амуръ, останавливаются на пути въ томской, даже тобольской губерніяхъ, и дальше не идутъ, потому что, пройдя и половину такого громаднаго пути, доходятъ до крайней нищеты и получаютъ разрѣшеніе селиться тамъ, гдѣ остановились. При настоящихъ условіяхъ могли-бы безъ вреда для себя доходить туда только жители Забайкалья, но ихъ ужъ не увлечешь теперь, они очень хорошо знаютъ положеніе дѣлъ и для нихъ слишкомъ памятна участь, постигшая ихъ односельцевъ, даже въ мѣстахъ болѣе близкихъ, чѣмъ берега Уссури. Новыхъ колоній не появляется, а старыя большею частію падаютъ, такъ-какъ жители ихъ не умѣютъ бороться съ мѣстною природой. Особенно достается несчастнымъ колоніямъ отъ такихъ ужасныхъ разливовъ Амура, какіе были, напр., въ 1872 и 1876 годахъ: послѣ весенней засухи пошли дожди и дожди. Многія станицы были затоплены, посѣвы и сѣно уничтожены. Даже овощи плохо родились и цѣна на нихъ повысилась противъ прежнихъ лѣтъ болѣе, чѣмъ въ полтора раза! По Уссури пали всѣ лошади. „Довольно часто

повторяющіяся здѣсь наводненія, говоритъ корреспондентъ „Сибиря“, — изображаютъ собою для жителей Амура сущее *memento mori*. Крестьяне приморской области окончательно разорились вслѣдствіе переселеній съ мѣста на мѣсто послѣ каждаго наводненія и вошли въ неоплатные долги у казны за ихъ прокормленіе“. Въ 1872 г. Благовѣщенскъ топило два раза, сначала съ Амура, а потомъ съ Зеи; съ тѣхъ поръ городъ имѣлъ полную возможность заблаговременно принять мѣры къ защитѣ, но втеченіи трехъ лѣтъ благовѣщенцы палець о палець не ударили: „авось больше не будетъ; въ двадцать лѣтъ при насъ впервые“, разсуждали они. Дожди лѣтомъ 1876 г. пошли страшные, вода съ каждымъ часомъ прибывала, а горожане все-таки бездѣйствовали и городъ былъ-бы затопленъ, еслибы губернаторъ не принялъ энергическихъ мѣръ. Впродолженіи пяти сутокъ, въ трехъ, болѣе низкихъ, мѣстахъ города устроены были плотины и воду сдержали; вода на шестыи сутки перестала прибывать. Эта распорядительность спасла городъ отъ потопа, но лишь только вода пошла на убыль, всѣ работы на укрѣпленіяхъ были прекращены и, по всей вѣроятности, не возобновятся до слѣдующаго наводненія. Крестьянскихъ поселеній очень мало, — въ цѣломъ уссурійскомъ краѣ, напр., крестьянъ менѣе 1,500 человекъ обоого пола. Преобладающіе жители — казаки и солдаты. „И теперь еще, говоритъ одинъ путешественникъ, — вы всюду здѣсь встрѣтите русскаго солдата: ѣдете вы на почтовой тройкѣ — васъ везетъ солдатъ, и притомъ не отставной, но состоящій на службѣ и приставленный къ ямщицкой должности; но вотъ сухопутный путь прекращается и вы садитесь въ лодку, — здѣсь опять тотъ-же солдатъ линейнаго баталіона, нахватавшись разныхъ морскихъ терминовъ и названій, управляетъ рулемъ и парусами; входите на телеграфную станцію — и здѣсь сторожитъ солдатъ; входите въ церковь — видите, что и здѣсь солдатъ, — и сторожъ и свѣчникъ, и дьячекъ, словомъ, всюду, на всѣхъ должностяхъ и при всѣхъ занятіяхъ стоитъ солдатъ, составляющій въ здѣшнемъ краѣ охрану его, основу колонизаціи и рабочую силу“. Но при такихъ порядкахъ ни казаки, ни солдаты, не могутъ считаться даже и достаточною охраною края, какъ это показалъ 1868 г., когда здѣсь свирѣпствовали шайки китайскихъ разбойниковъ и до-гла выжигали лучшія крестьянскія поселенія. Солдаты и казаки, особенно забайкальскіе, до сихъ поръ еще считаютъ себя

временными жителями Амура, не заботятся о хозяйствѣ, ѣдят казенный, привозный хлѣбъ и постоянно просятъ о выселеніи ихъ туда, откуда пришли они или отцы ихъ. Казачки обыкновенно живутъ проституціей, которою кормятся по мѣстамъ цѣлыя станицы, напр., лежащее около Николаевска село Новосергѣевское. Казаки сами отдають своихъ молоденькихъ дочерей, нерѣдко еще невинныхъ, на содержаніе за извѣстную плату. Эта продажа дѣвушекъ особенно сильно распространена въ уссурійскомъ баталіонѣ, потому что тамъ нужда сильнѣе. Умственной и общественной жизни въ городахъ — никакой. Грязь, карты, скандалы и пьянство. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ газетахъ писали, что, вслѣдствіе долгаго непріхода иностранныхъ кораблей съ винами, Николаевскъ остался безъ спирта, и граждане вышли весь одеколонъ и всѣ духи, какіе только можно было найти въ магазинахъ!..

Отсутствіе всякой общественной жизни и инициативы чувствуется особенно въ неустройствѣ городовъ, въ ихъ внутренней и внѣшней обстановкѣ. Ни въ одномъ изъ лучшихъ городовъ, даже въ Иркутскѣ, имѣющемъ болѣе 200,000 рублей дохода, нѣтъ мостовыхъ, а въ столицѣ западной Сибири, Омскѣ, нѣтъ даже тротуаровъ, и въ ненастье жители тонуть въ грязи. Въ городахъ и селахъ навозъ вмѣстѣ съ мусоромъ, передъ весеннимъ ледоходомъ вывозится на озера и рѣки, изъ которыхъ потомъ жители преспокойно пьютъ навозную настойку. Въ Иркутскѣ набережная Ушаковки въ продолженіи долгаго времени насыпалась на нѣсколько сажень въ вышину навозомъ и мусоромъ; точно также формировались набережныя Качи въ Красноярскѣ, Ушайки въ Томскѣ и т. д. Или вотъ: въ 1877 г. томскій корреспондентъ „Сибири“ сильно жаловался, что даже лѣтомъ жители Томска принуждены пить изъ Ушайки воду, пропитанную всякими нечистотами, благодаря стараніямъ какого-то „г. И., который выдумалъ нынѣшнее лѣто вверхъ по теченію р. Ушайки запруживать воду для мельницы разнаго рода нечистотами“. Этотъ корреспондентъ, видно, негодуетъ на купца И. только потому, что ему пришлось пить вмѣсто воды навозную настойку не въ положенное время, лѣтомъ, а не весной, когда всѣ сибиряки употребляютъ ее, если и не съ удовольствіемъ, то безъ особеннаго отвращенія. Или возьмите иркутскій базаръ съ его рыбнымъ рядомъ. Много нюхалъ я отечественной вони, — я помню вонь казанскую, петербургскую,

московскую, ростовскую, воронежскую, орловскую, архангельскую, самарскую, но все это ничто въ сравненіи съ вонью иркутскаго рыбнаго ряда, испускаемою бочками съ дурно-солеными, полугнилыми омулями. Солить рыбу въ Сибири вообще не умѣютъ; въ Камчаткѣ и Охотскомъ краѣ ее вовсе даже не солятъ, а, заготовляя впрокъ, просто сваливаютъ въ ямы, въ которыхъ она гніетъ и превращается въ вонючую кашу, употребляемую въ пищу; иркутяне солятъ своихъ омулей, но все-таки предпочитаютъ ѣсть ихъ полугнилыми, „съ душкомъ“. Вообще, матеріальная культура Сибири стоитъ на самой низкой ступени. Страна желѣза не имѣетъ желѣзнаго производства, и крестьяне ѣздятъ на некованныхъ телегахъ. Страна, имѣющая громадное множество скота, шерсти и сала, не производитъ ни одного аршина сукна, ни одной стеариновой свѣчки, ни одного куска порядочнаго мыла, не выдѣлываетъ ни одной кожи, годной на сколько-нибудь сносную обувь. На сибирскихъ поляхъ отлично родится свекловица, а Сибирь не выдѣлываетъ ни одной головы сахара. Всѣмъ снабжаютъ ее московскіе и ковровскіе фабриканты, надѣляя на нижегородской ярмаркѣ ея пьяныхъ купцовъ гнильемъ да бракомъ, получившими даже техническое названіе *навала*. Не знаю, какъ нынѣ, а дѣтъ 15 назадъ даже лучшіе сухари въ Иркутскѣ были привозные *московскіе*, а сквернѣйшая иркутская коврижка выписывалась, какъ лакомство, въ Кяхту! Низкій уровень матеріальной культуры то-и-дѣло даетъ себя знать неурожаями, наводненіями, пожарами, эпидеміями, и страницы „Сибири“ постоянно заняты корреспонденціями, вродѣ слѣдующей: „Кимильтой. Здѣсь страшный падежъ скота, мяса нельзя достать нигдѣ, довольствуемся пищей растительной. Крестьяне наши вывѣсили на „поскотинныхъ“ воротахъ куски холста: по ихъ повѣрью, холстъ, въ одинъ день вычесанный, вычищенный и вытканый, отгоняетъ заразу, когда вывѣсятъ его на воротахъ деревни“.

За неизмѣнимъ фабрикъ и заводовъ вся сумма налоговъ падаетъ на сельское населеніе, и оно съ трудомъ вноситъ на своихъ плечахъ всѣ платежи и повинности, которые до сихъ поръ взимаются въ Сибири съ дореформенною строгостью. Въ „Новомъ Времени“ 1876 г., напр., писали изъ Красноярска, что на уплату всѣхъ повинностей, исключая дорожной, крестьянинъ долженъ приготовить въ сроку сполна минимумъ 28 р. „За неплатежъ по-

датель его отдають въ обработку и подвергаютъ тѣлесному наказанію розгами. Послѣднія въ большомъ употребленіи... При составленіи одного крестьянскаго приговора о тѣлесномъ наказаніи находился мѣстный засѣдатель, вызвался исполнить приговоръ лично и вмѣсто 15 приговоренныхъ розогъ далъ одному крестьянину отъ 180 до 200“.

Въ Тобольской губ. недоимки дошли въ 1875 г. до 3,372,993 руб., а въ 1877 г., благодаря строжайшимъ взысканіямъ, уменьшились до 2,292,769 р. И въ то самое время, какъ министерство финансовъ предложило для недоимочныхъ мѣстностей составить болѣе справедливую раскладку платежей, мѣстное начальство рѣшилось взыскать недоимки во что-бы то ни стало. Недоимка эта накопилась вслѣдствіе злоупотребленій прежнихъ земскихъ властей, неурожаевъ въ предшествовавшіе годы и падежей скота. При этомъ взысканіе падаетъ на самыхъ несостоятельныхъ крестьянъ, которые едва-ли въ силахъ заплатить годовой окладъ. Принимаемая мѣра, поэтому, вызываютъ серьезныя опасенія за будущность платежныхъ средствъ губерніи“. Намъ передавали, что взятый за недоимки въ деревнѣ согренской скотъ оцѣнивался и продавался по самой низкой цѣнѣ; такъ — коровы отдавались за четыре, за пять рублей, лошади за 6 и за 7 р. И это въ краѣ, гдѣ крестьяннѣ имѣть на душу десятинъ 15 превосходной земли, гдѣ онъ не знаетъ ни выкупныхъ платежей помѣщику, ни разныхъ расходовъ на земство и т. д.! Еще болѣе, чѣмъ подати и недоимки, давать сибирскаго мужика и инородца натуральныя повинности, особенно дорожная. За Байкаломъ, напр., по словамъ корреспондентовъ, каждую осень сгоняются на дороги тысячи народа, чтобы приготовить щепень для весенняго исправленія дорогъ. У лошадей нѣтъ сѣна, у мужиковъ мало хлѣба. А тутъ безустанная тяжелая работа, выстойка на морозѣ, на вѣтру, безъ всякаго прикрытія. „Это только у Кольцова крестьяне осенью „бражку ковшечкомъ пьютъ“. У насъ если и пьютъ, то водку и до безчувствія, а главное — въ это время собираютъ подати и надо продать весь излишекъ хлѣба... а тутъ ступай гальгу возить. Въ 1873 году даже строили для храненія гальки особыя амбарчики по дорогѣ, но вслѣдствіи истребили эти придорожные памятники“ („Сибирь“, 1876 года). Главный сибирскій трактъ отъ Читы до томской губерніи устроенъ превосходно, но нужно

знать, чего онъ стоилъ народу! Независимо отъ дорожной повинности, самые разѣзды чиновъ были всегда крайне-тяжелы для народа. Воеводы, дѣти боярскія, стрѣльцы и казаки, ѣдучи въ Сибирь или изъ нея, возили съ собою цѣлыя обозы сукна, мяса, масла, сала, холстовъ, всю свою челядь, любовницъ, собакъ и т. д. При этомъ на станціяхъ часто устраивались попойки, дебоши, пирушки съ „блуднымъ воровствомъ“. Обѣзды по области охотскаго начальника Козлова-Угренна остались въ памяти народа подъ именемъ *собачьей* оспы. Въ Камчаткѣ, какъ извѣстно, ѣздятъ на собакахъ, запряженныхъ въ нарты — небольшія санки, дѣлаемая соразмѣрно съ величиною тропинокъ, слывущихъ въ Камчаткѣ подъ именемъ дорогъ. Козловъ-же ѣздилъ всегда въ возкѣ и не иначе, какъ съ двумя своими любовницами. Подъ тяжелый возокъ требовалось множество собакъ, и на пути Козлова обыкновенно вырубали лѣсъ и прочищали дорогу. Въ XVIII вѣкѣ даже ученныя экспедиціи въ Сибири путешествовали съ особеннымъ шикомъ. При нихъ былъ не только солдатскій конвой, но и барабанщики, трубачи и т. д. Повѣды этихъ экспедицій, по справедливому выраженію г. Миддендорфа, были равнозначительны нашествіямъ непріятельскихъ армій. Вотъ, напр., какъ путешествовалъ по якутской области академикъ Фишеръ. Онъ взялъ для себя съ писцомъ 52 лошади и 10 солдатъ, но проѣзновъ платилъ только половину. Онъ издалъ „манифестъ“, по которому ямщикъ, опрокинувшій въ первый разъ его сани, долженъ быть наказанъ батогами, во второй — заплатить штрафу 50 коп., а въ третій наказывался кнутомъ. По словамъ сопровождавшаго его солдата Ларихина, „какъ отъ Ярианги онъ, г. профессоръ, отправился, то верхомъ ѣхать на лошади не изволилъ, а велѣлъ сдѣлать колыбель, или качку, и на ней себя везти приказалъ, вромѣ проводниковъ, изъ служивыхъ по человѣку по сторонамъ идти пѣшкомъ и качку его держать, чтобы не качало, а трость свою съ костылемъ велѣлъ напередъ себя нести. А понеже, какъ извѣстно здѣсь всѣмъ, что оная дорога находится въ великихъ грязяхъ, не токмо, чтобъ качку держать, но насилу съ великою нуждою и сами пройти могутъ, и за то бьетъ палкою по чемъ ни попало, а выѣхавши изъ грязи, стегаетъ батожемъ немилосердно“. Фишеръ дорогою всѣмъ пользовался отъ обывателей, не платя денегъ на томъ основаніи, что онъ „государевъ чловѣкъ“.

Въ настоящее время, конечно, нравы смягчились, но все-таки чиновные поѣздки и постои въ Сибири обременительны для обывателей въ высшей степени. Вотъ что, напр., пишетъ въ „Сибири“ (№ 3) омскій корреспондентъ ея: „Одному уѣздному судѣ, во время проѣздовъ его по степи, выставляется на стаціяхъ (т. е. на мѣстахъ остановокъ) по восьми юртъ, причеиъ назначеніе каждой юрты таково: I для судьи; II для переводчика судьи; III для судейской кухни; IV для тарантаса г. судьи; V для тарантаса г. переводчика на случай дожда и, вообще, непогоды; VI для писца и почтарей; VII на случай арестованія кого-нибудь и VIII сортиръ (sic!). Выставка лошадей и юртъ для проѣзда чиновниковъ по степи, вообще, составляетъ одну изъ земскихъ повинностей; представьте-же себѣ, что стоитъ бѣднымъ киргизамъ проѣздъ блюстителя правосудія, когда постановка одной юрты, ея сборка и разборка стоитъ не менѣе трехъ рублей“.

Нигдѣ въ Россіи административныя злоупотребленія не достигали такихъ размѣровъ, какъ въ старинной Сибири, гдѣ слѣды этихъ злоупотребленій такъ глубоко врѣзались въ нравы сибиряковъ. Припомните, наприимѣръ, какими красками рисовалъ сибирское чиновничество бывшій генераль-губернаторъ восточной Сибири, Синельниковъ, въ своихъ циркулярахъ, печатавшихся въ „Иркутскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“. Припомните почти невѣроятное извѣстіе изъ Читы, сообщенное въ „Голосъ“ 1873 года, какъ полицейскій чиновникъ увелъ въ острогъ и повѣсилъ тамъ ресторанныя лакея за то, что тотъ, по приказанію хозяина, напомнилъ ему о деньгахъ за забраиные нмъ кушанья и напитки; несчастнаго лакея успѣлъ вынуть изъ петли живымъ прокуроръ, своевременно извѣщенный хозяиномъ ресторана. Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ 1876 г. сообщалось и другими газетами перепечатано, что въ енисейской губерніи удаленъ отъ службы горный исправникъ Сандараки за то, что онъ засѣкъ до смерти одного рабочаго въ южной тайгѣ, и корреспондентъ при этомъ прибавлялъ, что въ 1875 г. такой-же случай былъ въ сѣверной тайгѣ. Въ 1873 г. въ газетахъ рассказывалось, какъ въ верчинскомъ заводѣ какая-то мелкая сошка подвергла самымъ безчеловѣчнымъ истязаніямъ черезъ палача дѣвочку, несправедливо заподозрѣнную въ кражѣ. Произволь и самоуправство до того въѣлись во весь складъ сибирской жизни, что даже въ мѣст-

ныхъ газетахъ только и читаешь корреспонденціи въ такомъ родѣ: „Изъ города *Будущаго* (?) жалуются на большой наплывъ иноземцевъ и иноземокъ, разныхъ помпадуршъ, камелій и ихъ покровителей, составившихъ между собой прочный союзъ, съ цѣлью... съ такою цѣлью, съ которой Кортесы и Пизаро устремились въ новооткрытую Америку. Девизомъ союзниковъ служить страхъ. *Divide et impera*, говорили древніе. „Нагоняй страху“ — выдумали новѣйшіе горынычи. Благодаря спасительному страху, можно дѣлать все: можно орудовать и въ казенной мошнѣ, и въ частномъ карманѣ. Вездѣ приурочены союзники: и сверху, и снизу, одни — въ городѣ, другіе — въ селахъ. До чего можно смѣло хозяйничать у насъ, доказывается, напр., тѣмъ, что одинъ изъ союзниковъ, ни слова не понимая на одномъ языкѣ, состоялъ переводчикомъ этого языка. Спасительному страху поддались даже люди, для которыхъ, казалось-бы, долженъ былъ быть извѣстенъ только одинъ страхъ — божій („Сибирь“, 1876 г.). Или вотъ: „въ Кяхтѣ на телеграфной станціи недавно избили одного подателя депеши“ (id.). „Нерчинскъ. Здѣсь счастливый уголь для всякаго рода безобразій. Все проходитъ благополучно и нерчинцы, какъ говорится, за тычкомъ не гонятся. Недавно одинъ фельдшеръ въ зданіи больницы избилъ двухъ должностныхъ лицъ и выгналъ больного на улицу. Но вотъ и другой, не менѣе курьезный случай: одно лицо было насильно объявлено несостоятельнымъ должникомъ, посажено въ острогъ, но впоследствии признано: „такой-то къ объявленію несостоятельнымъ должникомъ не подлежалъ“. Между тѣмъ, это лицо высидѣло въ острогѣ 6 мѣсяцевъ!“ („Сибирь“, 1876, № 1). Или вотъ изъ иркутской хроники: „Одна особа заявляетъ о слѣдующемъ поступкѣ съ ней нѣкоего барина. По случаю недоразумѣній съ хозяиномъ квартиры, она приглашена была въ „извѣстное учрежденіе“, гдѣ и произошло мирное разбирательство дѣла. Въ это время баринъ, имѣвшій здѣсь значеніе, проходилъ мимо и приказалъ заявительницѣ явиться къ нему въ квартиру. Здѣсь произошла сцена, достойная вертепа разбойниковъ. Только находчивость и отчаянная храбрость помогли г-жѣ С. вырваться изъ вертепа“ (id., № 2). Даже самый послѣдній волостной писарь изъ *ссылныхъ*, и тотъ ведетъ себя въ Сибири, какъ какой-нибудь хивинскій ханъ. Вотъ что рассказываетъ, напр., иркутская хроника „Сибирь“ 1878 г.: „Мальчикъ лѣтъ 11,

служившій въ магазинѣ Б., былъ пойманъ въ кражѣ ботинокъ или штиблетъ. Хозяинъ жестоко высѣкъ его розгами, распаренными въ кипяткѣ. Мальчикъ сдѣлалъ попытку бѣжать, но былъ пойманъ и, послѣ двухкратной порки, посаженъ въ холодное подполье, гдѣ и просидѣлъ почти безъ пищи около двѣнадцати сутокъ, пока не былъ освобожденъ полиціей“. Даже покупатель можетъ пострадать отъ кулаковъ сибирскаго купца, если чѣмъ-нибудь не понравится ему, и та-же хроника передаетъ слѣдующій фактъ, положительный невозможный ни въ одномъ большомъ городѣ европейской Россіи: „Есть на Большой одинъ шикарный магазинъ съ роскошной обстановкой, но хозяинъ его изображаетъ изъ себя, въ нѣкоторомъ родѣ, мифологическаго Цербера. Заходитъ въ магазинъ одна госпожа по ошибкѣ вмѣсто магазина, находящагося рядомъ, и спрашиваетъ: „здѣсь магазинъ г. М.?“ Свирѣпый купецъ, въ отвѣтъ на это, подсказываетъ къ ней и, ничего не говоря, схватываетъ за шею сзади и тащитъ къ дверямъ магазина; бѣдная жевщина была выброшена свирѣпымъ церберомъ на тротуаръ съ такою силою, что растанулась на улицѣ пластомъ. Это уже не первый кулачный подвигъ купца-цербера“. Наглый произволъ, такимъ образомъ, заражаетъ собою всѣ слои сибирскаго общества, въ которомъ обидѣтъ, даже побить человѣка, повидимому, дѣло плевсе. и издѣвательства надъ человѣческой личностію составляютъ даже особый родъ общественныхъ удовольствій. Чрезвычайно интересна въ этомъ отношеніи слѣдующая корреспонденція „Сибири“ (1876) изъ Томска: „Томскіе приказчики, когда нѣтъ покупателей, забавляются возней другъ съ другомъ, иногда до порядочныхъ синяковъ и ссадинъ на физиономіи; но любимѣйшее ихъ развлеченіе — потѣхи разнаго рода надъ нищими и калѣками: то вымажутъ ихъ сажей или краской, то натолкаютъ за пазуху какихъ-нибудь гадостей, завернутыхъ въ бумагу, или заставятъ ѣсть что-нибудь противное на вкусъ и, вообще, стараются обезобразить и безъ того обиженныхъ природою и людьми: дергаютъ, дразнятъ, какъ собакъ, потѣшаясь потомъ надъ руганью озлобленной нищей братіи. Если есть между этими своего рода баши-бузуками люди съ человѣческими понятіями, то протесты ихъ ни къ чему-бы не повели, развѣ только къ увеличенію безобразій. Но самая любимая забава нашихъ рядскихъ — избить, елико возможно, изловленнаго ворышку. Мужчина или женщи-

на, старикъ или мальчикъ попадутся въ ихъ лапы, — это все равно; сами устанутъ, во дворъ затащатъ и науськають совочниковъ... и тутъ-то ужъ они вполне „отводятъ душу“. Бываютъ возмутительнѣйшія сцены... Вступить съ стороны не безопасно, потому что рядская публика, если не надасть тумачковъ защитнику, то область „за первый сортъ“. Въ октябрѣ мнѣ случилось быть очевидцемъ рядскаго самосуда. Одинъ бородачъ, приказчикъ изъ лавки Вт., прозѣвалъ конецъ дешевенькаго ситца; хватившись, онъ погнался съ товарищемъ за какой-то бабенкой; ситецъ нашли брошеннымъ подъ сани, саженьхъ въ двухстахъ отъ лавки; потащили бабу къ лавкѣ, на расправу. Пошелъ и я изъ любопытства. Здоровенный приказчикъ сперва смазалъ ее раза четыре ситцемъ, затѣмъ сорвалъ шаль и головную повязку и давай таскать за косы и бить ногами... Я подошелъ и спросилъ: „какое вы имѣете право такъ расправляться?“ — „А что-же на нее смотрѣть-то?“ отвѣчалъ приказчикъ. „Сведите въ полицію... она въ двухъ шагахъ отъ васъ...“ „Да вы что — за воровъ-то заступааетесь?“ И поднялись хоромъ... Баба кричитъ и оправдывается... Я посоветовалъ ей уходить отъ грѣха и самъ ушелъ. Нечаянный протестъ остановилъ расправу, но въ догонку я получилъ нелестное сравненіе, а бабѣ, когда та пошла, тотъ-же приказчикъ надавалъ-таки подзатыльниковъ... Публика осталась недовольна зрѣлищемъ... „Эхъ, толковали расходившіеся, „плохо“, „маловато!..“ Виноваты, конечно, въ этихъ безобразіяхъ приказчики, да виноваты, мнѣ кажется, и хозяева, по пословицѣ: „каковъ попъ, таковъ и приходъ“. Пощечины, получаемыя даже отъ молодыхъ хозяекъ 25-ти-лѣтними „молодцами“, не образуютъ мягкихъ и гуманныхъ людей (не очень давно г-жа Д., жена недавняго золотопромышленника, угостила такимъ манеромъ своего довѣреннаго приказчика). А прижѣры старшихъ тоже не поучительны: мужъ той-же воинственной особы далъ надняхъ старику-трапезнику двѣ пощечины въ самой церкви за то, что тотъ по оплошности оставилъ не запертою дверь съ улицы...

Старинная Сибирь славилась своими взяточниками и казнокрадами, съ которыми напрасно боролось правительство. Чтобы не распространяться много, мы приведемъ здѣсь лишь нѣсколько фактовъ изъ извѣстной книги г. Сидорова „Сѣверъ Россіи“. Во время управленія западною Сибирью ген.-губернатора Гасфорта мѣстное на-

чальство нашло, что Обдорекъ построенъ на инородческой землѣ, и распорядилось *сломать его*, чтобы „вытѣснить оттуда торговыхъ людей, ради своей пользы въ торговлѣ съ инородцами, т. е. ради иѣны на водку цѣнныхъ пушныхъ товаровъ“. Обыватели въ 1851 году отправили депутацію къ генералу Гасфорту, который, избавивъ ихъ городъ отъ сломки, такъ умилостивилъ ихъ своею справедливостію, что они соорудили ему памятникъ. Въ 1852 г. засѣдатель Кржиблоскскій „ограбилъ на Енисей купца Лапукова, отнявъ у него 23,000 р. и все имущество, даже ризы съ иѣонъ, остальное онъ отдалъ на разграбленіе бывшимъ съ нимъ казакамъ; самого же Лапукова, за его нахѣреніе подать жалобу, посадилъ въ тюрьму“ (стр. 99). Всеобщимъ взяточничествомъ (стр. 275) злоупотребленія далеко не ограничиваются. Въ губернскомъ городѣ Красноярскѣ въ 1863 г. приказъ общественнаго призрѣнія покупалъ пивки по 10 р. за штуку, въ то время, какъ пивки продавались по 1 к. штука; въ красноярской больницѣ деревянный ножикъ для растиранія пластыря на тряпкѣ, стоящій никакъ не болѣе 90 к., показанъ стоящимъ 90 рублей; жаровня рубля въ 2 показана по счету въ 43 р. 50 к., чугунная ступка, стоящая 6 р., показана по счету 136 р. и т. д. (стр. 335—336). О характерѣ здѣшней администраціи свидѣтельствуетъ, напр., енисейскій губернаторъ, который въ 1867 году отзывался, что „во всей губерніи онъ не нашелъ ни одного благонадежнаго чиновника“ (стр. 336). А между тѣмъ, на администрацію тратятся громадныя суммы. Въ два года одно только гражданское управленіе енисейской губерніи (не включая сюда ни горнаго, ни почтоваго, ни медицинскаго, ни учебныхъ заведеній, ни содержанія войскъ, ни экстраординарныхъ расходовъ) стоило 3,598,027 р. с., отчего въ два года и образовался дефицитъ въ 735,949 рублей (стр. 282). Периодически то въ восточной, то въ западной Сибири центральная администрація начинаетъ очищать край отъ недобросовѣстныхъ чиновниковъ, но послѣдніе, вслѣдствіе этого, только мѣняють одни теплыя мѣста на другія, и редакция „Сибири“ (1878, № 4) по этому поводу замѣчаетъ: „Извѣстно, что нѣкоторыя породы животныхъ совершаютъ по временамъ миграціи, оставляя на извѣстный періодъ времени одну мѣстность и переселяясь въ другую. Такъ здѣшнія козули, напуганныя особенно усиленными охотами, убѣгаютъ изъ старыхъ своихъ загоновъ,

иногда на нѣсколько лѣтъ. Такія-же миграціи совершаютъ чиновники, съ тою разницею, что о послѣднихъ совершенно извѣстно, куда они бѣгутъ и что они въ одно и то-же время большею частью изображаютъ и охотниковъ, и звѣря. Мѣстами ихъ миграціи обыкновенно бывають попеременно — восточная и западная Сибирь. Если чиновнику жутко становится въ одной или дѣянiя его становятся ужь очень громки, — онъ исчезаетъ изъ одной половины Сибири и устремляется въ другую. Лѣтъ тридцать назадъ сильный „гонъ“ былъ отсюда въ западную Сибирь, и много „звѣря“ перебралось туда: нѣкоторые даже дали свое названіе цѣлымъ областямъ. Нынѣ примѣчается обратное движеніе: изъ западной въ восточную Сибирь двигается орда „неуужныхъ“ тамъ личностей; много ихъ перебѣжало въ Красноярскъ, но начинаютъ они появляться и здѣсь“, т. е. въ Иркутскѣ...

Старинное взяточничество нельзя разсматривать, какъ явленіе исключительно служебнаго міра: чиновникъ, пріѣхавшій въ Сибирь, старался нажитья во что-бы то ни стало, но къ тому-же стремились и всѣ неслужилые люди, ѣхавшіе въ Сибирь, начиная съ какаго-нибудь откупщика и кончая крестьяниномъ, который того только и смотрѣлъ, какъ-бы нажитья насчетъ инородца. Но инородецъ могъ пригодиться болѣе сильному человѣку, чѣмъ мужикъ, и эта всеобщая борьба за наживу кончалась тѣмъ, что сильнѣйшіе обращали въ неволю массу слабѣйшихъ, какъ русскихъ, такъ и инородцевъ. Въ Сибири существовало рабство инородцевъ до 1828 г., но оно держалось только ради домашнихъ услугъ; и хотя даже въ началѣ настоящаго столѣтія можно было купить въ неволю мальчика за 15 к. ас., даже за лукошко муки, но рабство все-таки было тѣмъ невыгодно, что рабовъ приходилось кормить, одѣвать, обувать, давать имъ помѣщеніе, между тѣмъ, какъ кабала ничего этого не требовала и закабаленный бѣднякъ, питаясь своими трудами, давалъ постоянный доходъ кабалителю. Кабала водворялась въ Сибири одновременно съ ея покореніемъ и заселеніемъ. Во время походовъ военныхъ партій, ихъ сопровождали торговые и служилые люди, игравшіе роль маркитантовъ, снабжавшіе партію хлѣбомъ, водкою и т. д. Если походъ былъ неудаченъ, если партія начинала голодать, то эти маркитанты, пользуясь случаемъ, „брали себѣ кабалы“ на несчастныхъ голодающихъ. Такъ дѣлалъ, напр., первый завоеватель

Амура Поарковъ, который грабилъ своихъ подчиненныхъ и держалъ ихъ голодомъ, чтобы заставить ихъ покупать у него припасы и, такимъ образомъ, закабалать ихъ себѣ. „И служилые люди, не желая напрасною смертью помирать. поѣли многихъ иновещевъ и служилыхъ людей, которые съ голоду померли, приѣли человекъ съ 50. Служилые люди начали корень травный копать и тѣмъ кормиться, но Поарковъ велѣлъ своему человекъ выжечь луга, чтобы служилые люди покупали у него хлѣбъ дорогою цѣною и кабалались-бы ему“. Сибирь завоевана, главнымъ образомъ, промышленными партіями, предприниматели которыхъ экипировали и вооружали ихъ и брали себѣ за то половину добычи. Но если походъ не удавался, партія попадала въ кабалу къ предпринимателю. Вотъ, напр., балаганскіе служилые люди принуждены были отправиться въ погоню за бунтующими бурятами. Лошадей у нихъ не было, буряты всехъ отогнали, и они „покупали въ кабалы коней самою дорогою цѣною, поднимаясь въ погоню за тѣми измѣнниками“. „И мы въ той дальней службѣ (пишутъ они) были не хлѣбны и гораздо скудны, и голодны, и холодны. И пристигла насъ зимняя пора, и захватили морозы лютые, и бездорожица, и голодъ смертный, и наши купленные конишки въ той дорожной пристани подошли; и многія присталныя лошади по степямъ разметали, и барошняшки свои и животышки по дорогѣ разметали, и брали нужную дорогу пѣши, а съ голоду и съ нужи горькія не хотя умереть голодною смертью, ѣли по дорогѣ присталныхъ лошадей, постели и обутки и кашось (камышъ) ѣли; съ великою нужею въ Балаганскѣ едва живы приплелись, испушли и оцынжали и позябли; а въ походѣ того терпѣнія нашего было восемь недѣль... И обдолжали мы великими долгами и разорились до основанья, и отъ тѣхъ великихъ кабалныхъ долговъ стоимъ мы въ нижнемъ братскомъ острогѣ на правезѣ въ тѣхъ кабалахъ отъ енисейскаго сына боярскаго Тургенева и человекъ его Никитина“. Въ XVIII в. большая часть мужского населенія Сибири должна была нести военную не регулярную службу, ставить рекрутовъ, платить подушныя, отправлять бесплатно подводную гоньбу. Она разорялась, должна и попадала въ кабалу. Въ началѣ настоящаго вѣка по тракту между Енисейскомъ и Туруханскомъ (1000 в.) на каждой станціи было поселено для почтовой гоньбы отъ 2 до 5 человекъ. Для проѣздовъ казаковъ

и чиновниковъ оленей и собакъ вовсе не было, а на лошадахъ по тамошнимъ снѣгамъ ѣздить невозможно, и эти несчастные должны были возить проѣзжающихъ на себѣ версты по 80 и по 100. Они, впрочемъ, были въ такомъ несчастномъ положеніи, что едва ли кто рѣшился-бы взять ихъ даже въ кабалу къ себѣ, но большинство сибирскихъ крестьянъ и инородцевъ попадало непременно въ кабалу къ чиновникамъ или торговымъ людямъ, кормившимъ ихъ въ трудное время и ссужавшимъ ихъ деньгами. По свидѣтельству Радищева, въ концѣ XVIII в. „всѣ сибирскіе крестьяне развѣ 1 изъ 100 или 200 жили не въ долгъ, другіе— всѣ наемники и работали на задатки. Корыстолюбивые торговцы пользовались ихъ трудомъ и обогащались“. Эти „корыстолюбивые торговцы“ представляли изъ себя настоящихъ средневѣковыхъ бароновъ. Таковы, напр., были Новиковъ и Салтановъ, о которыхъ мы говорили въ предыдущей статьѣ. Подобныхъ кулаковъ можно встрѣтить въ Сибири на каждомъ шагу. Вотъ что, напр., говоритъ одинъ корреспондентъ: „Проѣзжая по одной мѣстности Сибири, я услышалъ объ одномъ такомъ-же помѣщикѣ, крестьянинѣ П. Спрашиваю у ямщика, какое онъ (т. е. ямщикъ то) хозяйство имѣеть; — говоритъ: половину избы, одну корову, пару коней и 400 р. долгу этому кулаку. — „Чѣмъ-же ты платишь долгъ?“ — „Да зачѣмъ я его платить буду? Тятка мнѣ отказалъ, а я дѣтямъ откажу. Колесо такое заведено. Денегъ-то съ почтовой гоньбы мы и въ рукахъ не держивали. Все къ „нему“, къ его степенству, идетъ. Ну, а надо что — къ нему-же иди. Не откажетъ. Вотъ коня-то видишь — 200 р. поставилъ (конь рублей 50 стоитъ). Сѣна надо — 15 р. возъ. Таеъ и было кругомъ да около дома“. Совершенно какъ при крѣпостномъ правѣ. Надо крѣпостному коня, надо корову, — иди къ барину, не откажетъ. Ибо отказать нельзя — плательщика лишится. Разница въ томъ, что тутъ денежные счета и расчеты введены. Этотъ П., очевидно, такой-же Новиковъ, хотя, вѣроятно, плетши своихъ сообщественниковъ и не деретъ. А можетъ быть, и деретъ, — кто его знаетъ („Сибирь“, 1878, № 5). Каждый инородческій улусъ, каждая деревня имѣеть своихъ кулаковъ, у которыхъ состоятъ въ кабалѣ, на которыхъ работаютъ остальные жители и которые ворочають общественными дѣлами, какъ хотятъ. Сельскіе корреспонденты „Сибири“ сообщаютъ о

о нихъ изумительныя вещи. Они примазываются ко всему, они эксплуатируютъ каждое дѣло. Начали, напр., открывать ссудо-сберегательныя товарищества, и вотъ во главѣ ихъ становятся тѣ-же кабалителѣ. Вотъ что разсказываетъ корреспондентъ изъ одной волости: раньше крестьяне все отказывались отъ учрежденія товариществъ, но вотъ въ концѣ прошлаго года, „въ лицѣ одного довѣреннаго О... участка, явился претендентъ къ образованію въ своемъ участкѣ ссудо-сберегательнаго т-ва, г. К..., человекъ очень любезный и оборотливый, имѣющій вѣсь у своихъ сообщественниковъ, потому что весь участокъ сидитъ у него въ карманѣ; онъ имѣетъ почетное значеніе, а еще болѣе кабаковъ, и затѣмъ громаду должниковъ“. Онъ пожелалъ завести товарищество, и оно явилось, между тѣмъ, этотъ воротило—настоящій разбойникъ. Его лавки и лавочки—чистый вертепъ; собственный его работникъ никогда наличными деньгами не получаетъ заслуженнаго жалованья, а въ счетъ его изъ лавки хозяинъ выдаетъ товаръ съ жидовскими процентами, который неминуемо попадаетъ въ питейную его-же К... за $\frac{1}{2}$ цѣны. Куплена рубаха за 5 руб., а пропита за рубль. Голый батракъ работникъ идетъ снова къ хозяину взять въ жалованье рубаху, и, къ удивленію, эта-же самая, заприщѣченная красная рубаха, бывшая въ кабацѣ, опять лѣзетъ на него, но уже какъ новенькая, не за 1 р., а за 5. Въ одной деревнѣ такого кулака, несмотря на его еврейскую вѣру, выбрали даже въ церковныя старосты; въ другой — деньги, собранныя на постройку церкви, сельское начальство отдало тоже кулаку-еврею, а онъ открылъ на нихъ кабацъ! („Сибирь“, 1877 и 78 г.) Конечно, устраивая ссудныя товарищества, эти пѣвки разсчитываютъ только на собственныя выгоды. Понятно, почему крестьяне открещиваются отъ подобныхъ благодѣтелей. Но какъ ни открещиваясь сибирскій мужикъ отъ кабалы, ему въ-вопцѣ-концовъ не уйти, и если онъ спасется отъ мелкихъ деревенскихъ кабалителѣ, то попадетъ къ крупнымъ, сравнительно съ которыми даже Салтановы и Новиковы—мелкія сошки. Сплонъ и рядомъ какой-нибудь торговый домъ раскидывалъ сѣти кабалы чуть не на цѣлую Сибирь и высасывалъ ея соки, пока не разорался самъ. Таковы были, напр., Поповы, въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Таковы-же были за Байкаломъ Бандинскіе. Муравьевъ-Амурскій нашель возможнымъ освободить населеніе отъ платежа

этихъ нооплатныхъ долговъ, но это, понятно, не помогло горю, и мѣсто Кандидскихъ заняли другіе люди. Съ развитіемъ золото-промышленности кабала страшно усилилась: десятки тысячъ присковскихъ рабочихъ—вѣчные кабальные должники золотопромышленниковъ и даже циркуляры ген.-губ. Синельникова вполне подтверждаютъ, что работы на частныхъ прискахъ тяжелѣе кааторжныхъ. Золотопромышленники и ихъ управляющіе не ограничиваются обыкновенными формами кабалы, а придумываютъ новыя, болѣе сложныя и выгодныя. Такъ, напр., енисейскій корреспондентъ „Камско-Волжской Газеты“ 1873 г. сообщаетъ интересные въ этомъ отношеніи факты о присковомъ управляющемъ, технологѣ Б. М. Полежаевѣ. Достопочтенный Полежаевъ нашелъ выгоднымъ нанимать на приски не ссыльныхъ, поставляемыхъ обыкновенно волостными писарями по 5 рублей за штуку, а артели изъ Россіи, артели работающих и честныхъ мужиковъ. За всякій прогулъ, просрочку, порчу инструментовъ и т. д. золотопромышленнику платитъ артель; пищу, одежду, обувь, сѣно для своихъ лошадей артель получаетъ отъ золотопромышленника, который беретъ съ нея на этихъ предметахъ до 600%⁰ барыша!!! Въ концѣ-концовъ артель не только даетъ хозяину промытое ею золото, но еще платитъ ему изъ своихъ денегъ за честь работать у него!.. И прежде, при откупѣ, и теперь многіе золотопромышленники торгуютъ водкою и посредствомъ своихъ кабаковъ возвращаютъ себѣ тѣ небольшія деньги, какія выданы рабочимъ изъ ихъ конторъ. Одинъ хозяинъ долженъ былъ заплатить рабочимъ около 100,000 р., но такъ-какъ у него въ кассѣ было всего только 10,000 р., то рабочимъ дали на руки только небольшую сумму, достаточную, чтобы дойти до перваго кабака. Этотъ и слѣдующіе кабаки были объявлены мѣстами расчета—и 10,000 остались у золотопромышленника!.. Впрочемъ, если кабаки принадлежатъ и не золотопромышленнику, рабочимъ не легче отъ этого. Винокурение процвѣтаетъ въ Сибири, какъ нигдѣ, особенно въ восточной Сибири, хотя и западная въ этомъ отношеніи не обижена и много облагодѣтельствована, особенно заводами, складами и кабаками Паклевскаго Козелло. Въ восточной-же Сибири, по свидѣтельству циркуляровъ Синельникова, заводчики и кабачники систематически спаиваютъ народъ, вовлекаютъ его въ кабальные долги, грабятъ пьяныхъ и выбрасываютъ

ихъ изъ кабаковъ въ безсознательномъ состояніи. На вопросы генераль-губернатора о множествѣ кабаковъ, крестьяне отвѣчали, „что къ заведенію оныхъ понуждаетъ земское начальство“ и угощаемые винопродавцами „волостные головы и старосты“, прибавляли почти единогласно, что „добра, вѣстимо, мало: до послѣдней копейки, жиды, обирають“. Спаиванью подвергаются въ особенности присковые рабочіе. Въ селеніи Витимѣ, на Ленѣ, на 124 крестьянскихъ дома содержатся четыре винныхъ склада купцовъ Исаева, Домбровскаго, Голдобина и Метлѣва, три ренскихъ погреба, *сорокъ кабаковъ*, — 15 явныхъ и 25 тайныхъ, и ни одной школы. Кромѣ того, по свидѣтельству генераль-губернатора, всѣ дома въ Витимѣ приспособлены къ тайной продажѣ вина и разгулу. Крестьяне хлѣбопашествомъ совершенно не занимаются. Въ селеніи проживаетъ 37 еврейскихъ семействъ, занимающихся приобрѣтеніемъ краденаго золота и обираемъ рабочихъ. Для возбужденія разгула на домахъ вывѣшиваются флаги и дѣлаются иллюминаціи. Въ небольшомъ городѣ Киренскѣ (тоже на Ленѣ) водочныхъ заводовъ 2, Домбровскаго и Голдобина, винныхъ складовъ ихъ-же—2, кабаковъ 16, ренскихъ погребовъ 10. Въ 1856 г. въ округахъ киренскомъ и олектинскомъ продано воды 20,019 ведеръ, а съ развитіемъ здѣсь золотопромышленности, въ 1870 г. — 91,703 ведра. За то въ 1856 г. уплачено за содержаніе почтъ, въ видѣ пособія населенію, 72,433 руб., а въ 1870 г. — 347,095 р., т. е. расходъ казны увеличился почти въ пять разъ, и все это пособіе пошло въ карманы виноторговцамъ. Самое народонаселеніе въ эти четырнадцать лѣтъ нисколько не увеличилось.

Впрочемъ, не одно простонародье Сибири отличается страшнымъ пьянствомъ, а также и „образованное общество“. Путешественники XVIII в., уже знакомые съ Россіей, тѣмъ не менѣе изумлялись сибирскому пьянству. Абатъ Шапшъ говоритъ о жестокостяхъ пьянствѣ въ нынѣшней тобольской губерніи. Палласъ замѣчаетъ о Томскѣ, что онъ еще не встрѣчалъ въ своей жизни такого мѣста, въ которомъ „было-бы такое всеобщее пьянство и въ столь высокой степени, какъ здѣсь“. Но путешествуя далѣе, онъ уже встрѣтилъ такія мѣста и въ Иркутскѣ, и въ Кяхтѣ. Даже сосѣди-азіатцы возмущались пьянствомъ сибиряковъ. Въ 1745 г., напр., калмыки жаловались, что сибирскіе купцы, за-

бравшись въ Джунгарію, пропивали и проигрывали свои товары, „пьянствовали и другія непотребныя дѣла чинили“. Около того же времени китайское правительство жаловалось на пьянство нашихъ купцовъ и однажды даже запретило имъ въѣздъ въ Китай „ради ихъ безвѣрнаго пьянства“. Китайцевъ въ XVIII в. также сильно беспокоило пьянство мисіонеровъ, наносившихъ имъ иногда жестокія обиды. Одинъ изъ нихъ, Филимоновъ, затесался однажды пьяный даже во дворецъ богдыхана и исколотил тамъ китайскихъ министровъ. Онъ былъ закованъ китайцами въ кандалы и высланъ въ Селенгинскъ при письмѣ, которое мы здѣсь приведемъ съ буквальною точностью: „Великаго Тайцынъ государства изъ посольскаго мунгальскаго приказа послано письмо въ российское государство, въ сенатъ, на житье вашего государства поповъ и школьниковъ подана на письмѣ нашего; попь именемъ Иванъ Антонія попа накололъ ножемъ, ваши попы и школьники прошежду себя не въ совѣтѣ супостатна, нивакъ въ одномъ мѣстѣ жить невозможно, назадъ выслать, такъ подано; затѣмъ попа Ивана въ ваше пограничному правителю отвезли, того ради послали проходное письмо“. Филимоновъ долго послѣ шатался по Иркутску подъ именемъ *странника хинскаго государства* и забавлялъ обывателей разсказами о своихъ пекинскихъ походе-ніяхъ. Правители Сибири жили обыкновенно на широкую ногу и постоянно задавали пиры и банкеты богатымъ обывателямъ, которые отвѣчали имъ тѣмъ-же. До какого безумія доходили иногда эти кутежи, показываетъ прихѣтъ правителя нерчинскихъ заводовъ Нарышкина, который смѣнялъ чиновниковъ, дѣлалъ чиновниками каторжныхъ, кутилъ съ послѣдними напропалую, задавалъ ежедневно пиры, причемъ происходила пальба изъ пушекъ и разбрасывались народу казенныя деньги. Когда денегъ въ казнѣ уже не оказалось, то онъ потребовалъ ихъ у купца Сибирякова и, окруживъ домъ его пушками, угрожалъ, въ случаѣ отказа, бомбардировкой. Сибиряковъ вынужденъ былъ вынести на серебряномъ подносѣ нѣсколько тысячъ рублей. Послѣ разгрома Сибирякова, Нарышкинъ отправился походомъ на иркутскаго губернатора Нѣмцова въ сопровожденіи толпы народа, съ даурскимъ краснымъ гусарскимъ полкомъ, который онъ сформировалъ изъ бурятъ; кромѣ того въ процесіи везли пушки и колокола. По дорогѣ въ деревняхъ звонили и стрѣляли; а чтобы увлечь еще болѣе народа, поили его ви-

номъ и разбрасывали въ толпу казенныя деньги. Въ степи, на отдыхахъ кипѣли огромныя котлы, въ которые сваливался пудами чай и сахаръ; вино выставлялось бочками. Все это забиралось съ встрѣчныхъ обозовъ. Нарышкинъ совершилъ, такимъ образомъ, шумный тысяча-верстный походъ до Верхнеудинска и только воевода этого города, Тевяшовъ, успѣлъ положить предѣлъ дѣяніямъ „шалуна“, какъ назвала его Екатерина...

Отъ начальства не отставало купечество и даже въ настоящее время, я увѣренъ, нигдѣ въ Россіи нѣтъ такого грубаго, непромыннаго пьянства, какъ въ чисто-купеческихъ Тюмени и Бяктѣ. Въ Красноярскѣ, Енисейскѣ, Иркутскѣ и Томскѣ прославились своими оргіями золотопромышленники. Въ настоящее время этихъ безумныхъ оргій уже нѣтъ, но если сравнить жизнь русскаго и сибирскаго городскихъ обществъ, то сибиряки рѣшительно пристыдятъ горожанъ Россіи виѣстимостью своихъ желудковъ и, такъ сказать, спиртоупорностью своихъ головъ. Вся городская жизнь Сибири въ трехъ словахъ: сплетня, пьянство и скандалъ. Вотъ, напр., „изъ Кузнецка пишутъ, что тамъ не такъ давно на одной свадьбѣ *вся мѣстная аристократія* раскутилась во всю ивановскую. Всѣ пировавшіе отправились, въ сопровожденіи музыкантовъ, кататься по городу и чуть не на каждомъ перекресткѣ поѣздъ торжественно останавливался, музыканты играли камаринскую, господа-же отдѣлывали трепака съ дробью съ такимъ ожесточеніемъ, что грязь летѣла по сторонамъ“ („Сибирь“, 1878 г., № 5). Пьяный скандалъ и безчинство, какъ ни свирѣпствуютъ они въ Россіи, до сихъ поръ держатся въ Сибири во всей своей прежней широтѣ. То пьяный купецъ на масляницѣ катается по улицамъ въ саняхъ, запряженныхъ тройкою публичныхъ женщинъ, какъ, наприм., въ Омскѣ; то въ клубѣ повальная драка стѣна на-стѣну; или головой длиноволосаго редактора мѣстной газеты полъ метуть, какъ это случилось въ Бяктѣ; то въ гостинницу, полную посѣтителей, является съ обнаженною саблею офицеръ, соорождаемый нѣсколькими вооруженными солдатами, которые по его приказанію занимаютъ всѣ входы и выходы и никого не пускаютъ, пока его благородіе пьетъ и закусываетъ, какъ это происходило лѣтъ 13 назадъ въ Иркутскѣ; то въ Благовѣщенскѣ ординаторъ вѣзжаетъ въ госпитальную палату верхомъ на конѣ.

Малочисленность женщинъ въ Сибири съ самаго начала ея ко-

лонизаціи вела въ страшному развитію разврата и распространенію сифилиса. Абатъ Шаппъ такъ изображаетъ семейную жизнь высшаго и средняго класса Сибири XVIII в. „Мужья большую часть дня проводятъ въ попойкахъ и возвращаются домой пьяными. Жены выѣзжаютъ рѣдко; живучи постоянно дома въ скукѣ и праздности, онѣ легко нарушаютъ свои супружескія обязанности“. Развратъ по городамъ много поддерживался недостаточнымъ разобщеніемъ половъ; въ торговыхъ баняхъ, напр., мылись вмѣстѣ мужчины и женщины (Это не рѣдкость въ Сибири и теперь). Палласъ писалъ въ своемъ дневникѣ, что онъ, кромѣ Томска, „ни одинаго мѣста не видывалъ такого, въ которомъ были-бы въ такой степени распространены развратъ и французская болѣзнь; на нихъ жалуются и во всѣхъ другихъ сибирскихъ городахъ и они, вмѣстѣ съ пьянствомъ, служатъ ужаснымъ бѣдствіемъ для народонаселенія этой страны“. Одинъ офицеръ XVIII в., жившій на сибирской линіи, пишетъ въ своей автобіографіи, что онъ „жены своей никуда не отпускалъ въ гости, ибо всѣ офицерскія жены распутны, о которыхъ я уже, будучи холостымъ, довольно по обращенію навѣдался“. В. Головинъ свидѣтельствуетъ, что во всей Камчаткѣ нѣтъ ни одной Лувреціи. „Дѣвки здѣсь, пишетъ онъ,—по большей части, ведутъ распутную жизнь“. Въ настоящее время самый грубый, самый возмутительный развратъ царитъ особенно на Амурѣ и Уссури, во всѣхъ золотопромышленныхъ мѣстностяхъ, въ ярмарочныхъ городахъ, Ишимѣ и Ирбяти, на сибирской казачьей линіи. Въ началѣ 60-хъ годовъ, напр., при просвѣщенномъ содѣйствіи нѣсколькихъ чиновъ въ Иркутскѣ былъ открытъ образцовый домъ, съ дѣвушками, одѣвавшимися въ однообразныя платья и т. д. А то начнутъ дѣйствовать, какъ въ Ишимѣ, гдѣ, по словамъ корреспондента „Сибирь“ (№ 4), „уже цѣлыхъ два года идетъ гоненіе на проститутку со стороны мѣстной администраціи, неожиданно проникнувшейся пуританскими взглядами. Прежде Ишимъ, въ особенности во время ярмарки, былъ покрытъ заведеніями извѣстнаго рода. Все это нынѣ воспрещено. Даже не дозволяется содержаніе въ ярмарочныхъ гостиницахъ арфистовъ... Тотъ-же ишимскій исправникъ Толмачевъ вздумалъ сдѣлать *перепись* женщинамъ легкаго поведенія, проживающимъ въ округѣ... По усмотрѣнію волостныхъ писарей стали стогнать въ волостныя правленія бѣдныхъ женщинъ

и дѣлать имъ допросы. При этомъ совершалось самое возмутительное явленіе-- оговоры вдовъ, сиротъ, нерѣдко честныхъ и скромныхъ... Много, говорятъ, было свесено трудового холста и другихъ сельскихъ надѣлій пыльнымъ, грязнымъ и до крайности безнравственнымъ деревенскимъ ваширамъ, попавшимъ въ стражи общественной непорочности... Другой примѣръ. Я проѣзжалъ по одной мѣстности. Ямщикъ, молодой парень, лихо пустилъ лошадей по улицѣ попавшейся на пути деревеньки. День былъ праздничный. На улицѣ много крестьянъ, женщинъ и дѣвушекъ; мой ямщикъ осмалъ послѣднихъ извѣстной, крайне оскорбительной для женщинъ, бранью. — „За что ты ихъ такъ обзываешь?“ — „Да онѣ всѣ“... — „Да ты какъ можешь это знать?“ — „*Кушера* рассказывала“. — „Акушерка... тебѣ!“ — „Недавно я возилъ ее съ какимъ-то баринномъ, такъ она ему говорила, что въ этой деревнѣ всего только двѣ дѣвки честныя, потому свидѣтельство было!“ Да, дѣйствительно, „перо валится изъ рукъ“, какъ выражается корреспондентъ. Понятно, что подобныя мѣры только развиваютъ тайную проституцію и сифилисъ, отъ котораго вымирають цѣлыя инородческія племена, которымъ проѣдена вся Сибирь отъ Урала до Восточнаго океана...

Старинная Сибирь отличалась сильною бродячестью своего населенія: кочевали инородцы, почти-что кочевала и масса русскихъ; служилые люди, крестьяне, даже горожане, — всѣ брели врознь, кто отыскивая новыя мѣста для поселенія, кто убѣгая отъ преслѣдованій администраціи, кто для торговли, звѣрованья и т. д. Даже монахи бросали монастыри и шли искать приключеній, какъ, напр., извѣстный въ свое время Федоръ Козыревскій, служившій сначала казакомъ въ Камчаткѣ. Въ 1711 г. взбунтовавшіеся камчатскіе казаки выбрали его своимъ атаманомъ и подъ его начальствомъ производили въ Камчаткѣ тѣ убійства и насилія, за которые Козыревскому, вмѣсто смертной казни, велѣно построить на свой счетъ суда и ядти для провѣдыванія Курильскихъ острововъ. Козыревскій вернулся съ острововъ съ ясакомъ и награбленною имъ добычею на нѣсколько тысячъ рублей; эту добычу отнялъ у него тогдашній начальникъ Камчатки Петриловскій, а самъ Козыревскій за ограбленіе курильцевъ былъ посаженъ въ тюрьму. Въ 1717 г. онъ принялъ монашество и основалъ въ Камчаткѣ Успенскій монастырь. Поживившись собранными имъ въ

Этомъ монастырѣ вкладами, онъ переѣхалъ въ Якутскъ, гдѣ взялъ на себя, между прочимъ, подрядъ на устройство желѣзнаго завода; но онъ только забралъ изъ казны деньги, а самаго подряда не выполнилъ. Въ 1724 г. Козыревскій былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму за разграбленіе Покровскаго якутскаго монастыря. Но „плутъ и воръ Козыревскій“ бѣжалъ изъ тюрьмы, какъ-то сошелся съ якутскимъ воеводою Полуэктовымъ и сдѣлался его домашнимъ секретаремъ. Наблудивши что-то и въ этой новой должности, онъ сдѣлалъ себѣ фальшивый паспортъ и хотѣлъ бѣжать въ Тобольскъ, но былъ въ-время схваченъ и закованъ въ кандалы; такъ-какъ онъ сказалъ *слово и дѣло* на якутскаго архимандрита, то его отправили въ Тобольскъ, гдѣ онъ объявилъ объ островахъ, будто-бы открытыхъ имъ противъ устьевъ Лены. Его освободили, и, присоединивъ къ партіи слѣдовавшаго тогда въ Якутскъ дворянина Шестакова, послали открывать эти острова. Острововъ онъ хотя и не открылъ, но за то въ Сибири и потомъ въ Москвѣ, снова началъ играть роль, удовлетворявшую вполне его жажду къ деньгамъ, его честолюбію и духъ авантюризма. Конечно, не всѣ сибирскіе монахи были такими „плутами и ворами“, какъ Козыревскій; но почти всѣ они были такими-же авантюристами, какъ онъ. Этотъ духъ бродячества сохранился даже до настоящаго столѣтія, и у меня, напр., находилась въ рукахъ огромная рукописная поэма „Жизнь и похождения іеродіакона Феодора Вригзгалова“, въ которой онъ описываетъ, какъ онъ цѣлую жизнь бродилъ по Сибири, подвергался нападеніямъ разбойниковъ, сходясь съ партіями звѣровщиковъ или рыбопромышленниковъ и работая съ ними, переходя изъ Тобольска въ Енисейскъ, изъ Енисейска въ Иркутскъ, изъ Иркутска въ Троицкій монастырь, отсюда въ Якутскъ, изъ Якутска снова въ Иркутскъ, изъ Иркутска въ Посольскъ, —

„Отсюда я пошелъ въ деревню Творогову,
Къ священнику Филипу Корнакову“ и т. д.

Въ настоящее время крестьяне, понятно, не бродятъ, какъ въ старину, но все-таки они значительно подвижнѣе и бываѣе крестьянъ великорусскихъ; но среди раскольниковъ по-прежнему продолжается бродячая жизнь. Минусинскій корреспондентъ „Нов. Вр.“ (№ 241) говоритъ даже, что въ послѣднее время въ Сибири особенно сильно распространяется секта „странниковъ“ или бѣгуновъ.

„Эта секта раскинулась по всей Сибири. Годъ отъ году странниковъ прибавляется и съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивается бродяжество въ Сибирѣ“. Странники держатся, между прочимъ, слѣдующихъ правилъ: 1) убить православнаго не грѣхъ, ибо онъ вѣнчается кровію, а душа его очищается въ горнеиъ Іерусалимѣ; 2) украсть жизненные припасы у православнаго не грѣхъ, ибо Богъ даетъ ихъ только для раскольниковъ, и 3) донести правительству о какомъ-либо преступленіи — великій грѣхъ, ибо значить уподобиться надо Іудѣ-предателю и служить антихристу. Они съ особенною настойчивостью порываются все въ мифическое Бѣловодье, какую-то обѣтованную страну, текущую молокомъ и медомъ, въ которой церковь существуетъ еще до Никона. У нихъ есть письменные путеводители въ это Бѣловодье, не разъ ходили они въ него, но найти не могли... Независимо отъ раскольниковъ, по Сибири бродятъ постоянно до 20,000 бродягъ, бѣглыхъ-ссыльныхъ и каторжниковъ. Ихъ кормить „Христа ради“ крестьянство, богатые мужики держатъ по временамъ въ работникахъ, но эти мирныя отношенія то и дѣло нарушаются: бродяги „пошаливаютъ“, крестьяне мстятъ имъ, убиваютъ, разрѣзаютъ на мелкіе куски, а забайкальскій бурятъ охотится на нихъ съ винтовкою, какъ на звѣрей. „Шалости“ бродягъ такъ часты и разнообразны, что корреспонденціи мѣстныхъ газетъ о нихъ преимущественно и говорятъ. Вотъ, напримѣръ, изъ нижеудинскаго округа пишутъ, что тамъ „вновь появился извѣстный бродяга и воръ Павлинъ, отосланный изъ Иркутска на Сахалинъ. Вслѣдъ затѣмъ слѣдуетъ корреспонденція изъ с. Тулуна: „30-го августа у насъ, по образцу Нижнеудинска, была иллюминація и балъ. Жалуются на отчаянную смѣлость воровъ, обкрадывающихъ какъ обозы, такъ и дворы жителей. Говорятъ, что даже украли что-то у мѣстнаго засѣдателя. Дворы, гдѣ останавливаются обозы, берутся чуть не приступомъ“. Затѣмъ опять изъ Нижнеудинска: „Нашъ городъ не можетъ похвалиться особенно радостными новостями, — природа нынѣ не преслѣдовала насъ ни потопомъ, ни особеннымъ обиліемъ мошекъ, но за то сами мы живемъ довольно немирно. Недавно ночью ломились въ одинъ домъ воры, хотѣли также подломить амбаръ въ концѣ города, но это еще все ничего въ сравненіи съ слѣдующими новостями. Потерялся безъ вѣсти кандидатъ по кимильтейскомъ волостномъ головѣ Ш., получившій

деньги для раздачи въ жалованье сторожамъ этаповъ. Чтобы онъ могъ воспользоваться этой, сравнительно ничтожной, суммой, никто и не предполагаетъ, такъ-какъ Ш. имѣетъ свое хозяйство и порядочное домообзаведеніе. Нѣсколько недѣль назадъ потерялась солдатка; полиція искала ея трупъ въ лѣсу, но ничего не нашла. Скоропостижно умеръ обозный татаринъ, избили жестоко работника на помочи, такъ что священникъ, призванный къ больному, могъ дать ему только такъ-называемую „глухую“ исповѣдь. Наконецъ, случилось страшное убійство: жена сидѣльца Яблонскаго, во время его отсутствія оставшия торговать виномъ съ 12-лѣтней дочерью, была убита ночью. Одновременно съ этимъ пишутъ изъ Якутска: „Августъ мѣсяць ознаменовался у насъ тремя убійствами, и т. д.“ Изъ маринскаго округа извѣщаютъ, что на принскахъ Оларовскаго одинъ рабочій убилъ приказчика Щербакова; при слѣдствіи онъ показалъ, что намѣревался убить фельдшера и что онъ совершаетъ уже не первое, а развѣ десятое убійство; онъ слѣдовалъ въ каторжную работу, но дорогою перемѣнился съ другимъ. Вообще, на разныхъ принскахъ маринскаго округа, нынѣшнимъ только лѣтомъ, убито рабочими-поселенцами до восемнадцати человѣкъ служащихъ“. Изъ Владивостока: Въ августѣ ограбленъ ночью и изрубленъ въ куски часовой и золотой мастеръ Мартино; одинъ мужъ покушался изъ ревности на жизнь молодого человѣка; охотники-китайцы сожгли живымъ за кражу русскаго солдата. Изъ Красноярска: зарѣзанъ ночью учитель гимназіи. Изъ Томска пишутъ, что тамъ явно существуетъ шайка вонокрадовъ, вообще не брезгающихъ и тѣмъ, что плохо лежитъ. Городской обыватель, всякій разъ, какъ у него случится проважа, обращается, къ кому слѣдуетъ: „ваше б—діе, сегодня у меня украли лошадь; не откажитесь приказать привести ее, что будетъ стоять—заплачу“. *Кто слѣдуетъ* посылаетъ узнать цѣну выкупа у атамана шайки и затѣмъ пострадавшему дается адресъ, по которому онъ можетъ получить свою лошадь“ („Сибирь“ 1879 г. № 2). Итакъ, номеръ за номеромъ идетъ эта страшная лѣтопись убійствъ, грабежей и т. д. и самыя свѣтлыя страницы ея гласятъ что-нибудь въ слѣдующемъ родѣ. Изъ Верхоленска пишутъ: „Здѣсь, какъ и во многихъ сибирскихъ городахъ, начали пошаливать. Собственно, не слышно ни о воровствѣ, ни о чемъ-нибудь болѣе важномъ. Но граждане лѣса, „вѣстовые

генерала Букушина“, осаждаютъ окружающіе В—скъ лѣса и нападаютъ на бабъ, отправляющихся за грибами и ягодами. Бабъ трѹсать, чтобы не ободрали“. Невозможно, конечно, сваливать всё эти преступленія на однихъ бродягъ и ссыльныхъ: не малая доля ихъ совершается самими сибиряками, изъ среды которыхъ выходили такіе знаменитые разбойники, какъ въ прошломъ вѣкѣ Селезневъ, а въ настоящемъ—братья Горкины. По большому тракту цѣлыя деревни живутъ воровствомъ чайныхъ мѣстъ и другихъ товаровъ съ проходящихъ зимою обозовъ. По дорогамъ, ведущимъ на пріиски, крестьяне охотятся на *горбачей*, пріисковыхъ рабочихъ, возвращающихся домой съ котомками за плечами и часто съ краденымъ золотомъ. Покупка краденаго золота съ пріисковъ и обмѣнъ его на водку создали цѣлый промыселъ *спиртоносовъ*, которые, по словамъ канскаго корреспондента („Сибирь“ 1876 г., № 46), наживаютъ отъ рабочихъ 500 на 100. „Вооруженные ружьями и револьверами, они никого не боятся и при нападеніи готовы биться на смерть, какъ контрабандисты западной границы“. Словомъ, сибирская какъ городская, такъ и сельская жизнь до сихъ поръ не дошла еще до той степени безопасности, на какой стоитъ она у насъ въ Россіи: грабежи, убійства, поджоги — явленія самыя обыкновенныя. Со времени какого-нибудь воеводы Ракитина, грабившаго на большой дорогѣ купеческіе караваны, даже со времени „со властію губернаторскою бригадирскаго ранга“ Нѣмцева и его *глухой команды*, сзирѣствовавшей въ Иркутскѣ по ночамъ, дѣла, конечно, поправились; отмѣнена ссылка и число преступленій вслѣдствіе этого уменьшилось-бы, но все таки и мѣстныхъ будетъ достаточно... Въ сибирскомъ обществѣ слишкомъ сильно развились хищническія наклонности. Все, что вѣхало въ Сибирь, вѣхало сюда съ цѣлью наживаться. Мужикъ обиралъ и закабалялъ инородца, купецъ мужика, подъячій купца, воевода всѣхъ. А гуманизирующихъ, благогородживающихъ вліяній до послѣдняго времени не было и впродолженіи трехъ вѣковъ поколѣнія рождались и вырастали въ узкихъ заботахъ о кускѣ хлѣба и въ привычкахъ хищничества, нѣсколь ко сдерживаемыхъ только страхомъ.

С. Шашковъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МУЖИКЪ ВЪ САЛОНАХЪ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕ- ТРИСТИКИ.

(По поводу романовъ, повѣстей и очерковъ изъ народнаго быта гг. Иванова, Златовратскаго, Вологодина и А. Потѣхина.)

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.)

I.

Салоны россійской беллетристики споконъ-вѣку, т. е. съ того самаго времени, когда начальство соблаговолило разрѣшить ихъ открытѣ, наполнялись по преимуществу людьми отборнаго и благороднаго сословія. Въ первое время люди „подлаго происхожденія“ совсѣмъ въ нихъ не допускались; даже на „бѣдныхъ дворянъ“, не говоря уже о разночинцахъ, смотрѣли косо, и если двери салоновъ не всегда захлопывались передъ самымъ ихъ носомъ, если иногда имъ и дозволяли садиться рядышкомъ съ титулованными, раздушенными и расфранченными призраками, долженствовавшими изображать собою представителей какого-то фантастическаго „большаго свѣта“, то дѣлалось это не столько изъ снисхожденія къ нимъ, сколько для вящаго посрамленія ихъ убожества и для болѣе яркаго освѣщенія прелестей и добродѣтелей великосвѣтскихъ героевъ и героинь. Впрочемъ, наши беллетристическіе салоны очень недолго могли сохранять этотъ призрачно-аристократическій характеръ: чуть только права и возможность упражняться въ писательствѣ перестали быть исключительной монополіей дѣйствительныхъ и просто статскихъ свѣтниковъ, князей и графовъ и, вообще, людей, умѣвшихъ соединить служеніе музамъ

съ достиженіемъ высокихъ ранговъ, чуть только до „литературныхъ дѣлъ“ допущено было все вообще благородное дворянство безъ исключенія титуловъ, чиновъ и количества душъ, аристократическій тонъ салоновъ началъ быстро понижаться: великосвѣтскіе призраки стали куда-то улечиваться; ихъ мѣсто заняли господа и госпожи, которые ни по своему происхожденію, ни по своему общественному положенію не могли имѣть никакихъ аристократическихъ притязаній.

Въ большинствѣ случаевъ, это были мелкопомѣстные дворяне, чиновники невысокаго полета, учителя, люди „вольныхъ профессій“ и т. п. Стали попадаться и купцы, и поповичи, и даже мѣщане; впустили и мужика, сперва, разумѣется, переодѣтаго, въ костюмъ идиллическаго пастушка, а потомъ и запросто: въ сѣромъ зипунѣ и лаптахъ, а то, и на босу ногу. Сначала, впрочемъ, мужика допускали въ беллетристическіе салоны съ тѣмъ-же расчетомъ, съ какимъ въ „оны дни“ пускали въ нихъ „бѣдныхъ дворянъ“, т. е. для вящаго посрамленія *золота* и для возвеличенія благороднаго сословія. Но вскорѣ къ этому мотиву прибавился и другой: господамъ помѣщикамъ изъ либераловъ понадобилось, отчасти въ интересахъ успокоенія своей совѣсти, отчасти въ другихъ, еще болѣе эгоистическихъ, интересахъ,—понадобилось публично рекламировать свои гуманныя, сантиментально-поэтическія чувства. Смѣшиваться съ завзятыми крѣпостниками было какъ-то неловко, да и не совсѣмъ безопасно, а отказаться отъ крѣпостническихъ привычекъ и привилегій черезчуръ накладно и совсѣмъ неблагоразумно. Несравненно выгоднѣе и несравненно благоразумнѣе было—оставаться „въ предѣлахъ власти“, самимъ закономъ установленной, пользоваться этою властью съ нѣкоторыми сантиментальными всхлипываніями и воздыханіями, напримѣръ, всыпая ослушному рабу положенное количество розогъ, бить себя въ грудь, рвать на себѣ волосы, натирать до слезъ глаза и громогласно восклицать: „Ахъ, какъ жаль, какъ жаль! Вѣдь, подумаешь, тоже человѣкъ! Да и какой еще человѣкъ: чувства какія нѣжныя, благородныя, совсѣмъ дворянскія! И природу какъ любить! Съ деревьями говоритъ, скотовъ безсловесныхъ понимаетъ, старшихъ уважаетъ; правда, забить, приваженъ, пугливъ, но сердце, сердце — чистый алмазъ! „Посторонніе наблюдатели, слыша такіе возгласы и причитанія помѣщика-беллетриста, и не посвященные, разумѣется, въ закулисныя тайны его дѣвичьихъ и задворковъ, приходили въ умиленіе и сами начинали плакать. „Вотъ такъ человѣкъ! Какая гуманность! Какія ангельскія чувства! Побольше-бы намъ такихъ благодѣтелей, какъ-бы тогда хорошо, весело и привольно жилось-бы бѣднымъ мужич-

камъ!“ Благородный дворянинъ возносился на пьедесталь, и за его благородно-возвышенныя чувствованія ему безъ торга отпускались всѣ его грѣшки въ дѣвичьихъ и на задворкахъ. Само собою разумѣется, что благородные дворяне-беллетристы, воспѣвая доблести мужицкаго сердца, съ особенною силою напирали на сыновнюю любовь и глубокую преданность ихъ отцамъ-помѣщикамъ, а также на ихъ дѣтскую покорность своей судьбѣ. Такимъ образомъ, сентиментальное опозитизированіе мужика не заключало въ себѣ рѣшительно ничего неблагонамѣреннаго; напротивъ, съ одной стороны, оно усугубляло увѣренность господъ въ томъ, что „все обстоитъ благополучно“, и что они, подобно известной пташкѣ, могутъ „ходить весело по тропинкѣ бѣдствій, не ожидая отъ этого никакихъ дурныхъ послѣдствій“; съ другой,—это пріятно щекотало ихъ самолюбіе, создавая имъ лестную репутацію людей въ высокой степени гуманныхъ и чувствительныхъ.

Однако, несмотря на этотъ вполне благонамѣренный характеръ сентиментальнаго или, лучше сказать, сентиментально-барскаго отношенія къ мужику, оно не могло продолжаться долго. Хорошо было сентиментальничать, когда дѣйствительно все обстояло благополучно, когда хожденіе „по тропинкѣ бѣдствій“ не сопровождалось никакими дурными послѣдствіями. Почему, въ самомъ дѣлѣ, какому-нибудь сельскому джентльмену, вроде г. Григоровича или Авдѣева, или Марко-Вовчка, и не поопозитизировать было надъ сердечными доблестями своихъ пейзазовъ,—пейзазовъ, которые были имъ отданы во власть „до конца дней живота своего“ и которымъ они и по закону, и по совѣсти могли, въ случаѣ надобности, напомнить и о житейской прозѣ въ своихъ конюшняхъ и на грязныхъ задворкахъ. Но разъ эта подвластность прекратилась, разъ прежняя формула отношеній крестьянина къ отцу-помѣщику замѣнилась иною формулою,—формулою отношеній батрака къ хозяину, барская сентиментальность утратила свой *raison d'être*. Въ глазахъ помѣщика, отрѣшеннаго отъ мужика, мужикъ мгновенно утратилъ всѣ свои сердечныя доблести: онъ пересталъ быть „покорнымъ, возлюбленнымъ дитятей“, преданнымъ, богобоязненнымъ холопомъ,—онъ внезапно превратился въ „безмысленнаго пьяницу“, „грубое, безсердечное животное“, въ „разбойника“, „мошенника“ и „непроходимѣйшаго дурака“. Отъ Антоновъ-горемыкъ, тургеневскихъ лѣсниковъ, Марусь, Глашекъ и Танекъ Марко-Вовчка начало отдавать какою-то фальшью, приторностью, неестественностью. И не только дворянамъ непокаявшимся стали казаться неестественными сентиментально-опозитизированные мужики, они стали казаться столько-же, если не больше, неестественными и дворянамъ покаявшимся, и той части публики,

которая по своему происхожденію и положенію всего ближе стояла къ дѣйствительному мужику. „Черезчуръ ужъ трогательно написано! Способны-ли пропойцы, скоты на такіа чувства?!" восклицали первые. „Черезчуръ приторно, барственно, ходульно!" съ пренебреженіемъ отзывались послѣдніе. „Довольно всякихъ сантиментовъ и идеализацій, подавайте намъ настоящаго, реальнаго мужика!" требовали и тѣ и другіе, причемъ, разумѣется, каждый разсчитывалъ, что настоящимъ, реальнымъ мужикомъ окажется именно такой мужикъ, каковаго ему хочется. Спросъ на реальнаго мужика, какъ и всякій рыночный спросъ, не могъ долго оставаться безъ предложенія. И въ первое время предложеніе пришлось какъ-разъ по вкусу непокаявшимся дворянамъ. Сантиментальный мужикъ былъ изгнанъ изъ белетристическаго салона, его мѣсто занялъ мужикъ-скоморохъ. Съ перваго взгляда этотъ мужикъ-скоморохъ походилъ какъ-будто болѣе на реальнаго мужика, чѣмъ мужикъ — сантиментальный. Многіе, обманутые его наивно-грубымъ жаргономъ, приняли его даже за подлиннаго, неподдѣльнаго, реальнаго мужика и пришли въ удивленіе. „Вотъ онъ, наконецъ-то, настоящій мужикъ!" съ восторгомъ привѣтствовали они его. „Да, да, это, дѣйствительно, настоящій мужикъ", подтвердили и пераскаившіеся дворяне, — тутъ уже нѣтъ никакой идеализаціи! Правда, немножко грубо, немножко грязно, но за то какъ вѣрно! Полюбуйтесь-же теперь, господа неблагонамѣренныя народолюбцы, на этого наивнаго скомороха! Посмотрите, какъ онъ непроходимо глупъ, какъ онъ одревенѣлъ и одичалъ! Ну, какъ надъ нимъ не посмѣяться, ну, какъ не поприжать такого дурака! Вѣдь безъ прижимки онъ совсѣмъ въ скота обратиться? И пераскаившіеся дворяне съ удовольствіемъ потирали себѣ руки и съ злораднымъ добродушіемъ хохотали надъ глупостью и простотсю мужика-скомороха. Но недолго имъ пришлось хохотать и радоваться: мужикъ-скоморохъ исчезъ изъ белетристическаго салона еще быстрѣе и еще незамѣтно, чѣмъ мужикъ сантиментальный. Люди, „близко стоявшіе къ народу", и наиболѣе разсудительные изъ покаившихся дворянъ, очень скоро замѣтили все неприличіе его поведенія и вѣжливымъ манеромъ вывели его вонъ. „Вы, сказали они непокаявшимся и все еще продолжавшимъ неистово смѣяться дворянамъ,—вы пришли въ восторгъ при видѣ только нѣкоторыхъ реальныхъ чертъ мужика, — хорошо: не угодно-ли-же вамъ будетъ ознакомиться съ реальнымъ мужикомъ нѣсколько поподробнѣе? Вы думаете, что онъ можетъ быть только забавнымъ, глупымъ или, въ крайнемъ случаѣ, жалкимъ? Поприглядитесь-ка къ нему поближе,—быть можетъ, онъ произведетъ тогда на васъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, и вы, при

всей вашей сметливости, не только не засмѣетесь, но даже и не улыбнетесь. Позвольте васъ познакомить...“ И въ беллетристическій салонъ одинъ за другимъ стали появляться мужики, нисколько непохожіе ни на скомороховъ, ни на идилическихъ пейзазовъ, ни на сантиментально-чувствительныхъ холоповъ... Салонъ переполнялся ими и безъ преувеличенія можно сказать, что въ настоящее время мужикъ не только завоевалъ себѣ право гражданства въ нашей беллетристикѣ, но и занялъ въ ней первенствующее мѣсто. Фактъ въ высокой степени знаменательный, несравненно болѣе знаменательный, чѣмъ всѣ тѣ, яко-бы знаменательные факты, о которыхъ ежедневно трубятъ наша пресса и которые всѣмъ намъ давнымъ-давно уже оскомину набили. И беллетристика не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія,—напротивъ, она только выражаетъ собою общее настроеніе. Спросъ на мужика—повсемѣстный; къ мужику устремляются всѣ теченія нашей общественной мысли: либеральные и нелиберальные органы печати—на перерывъ другъ передъ другомъ стараются бросить „новый свѣтъ“ на мужицкое житье-бытье, на мужицкое хозяйство; беллетристы изо всѣхъ силъ пытаются раскрыть передъ нами мужицкую душу; люди самыхъ противоположныхъ направленій возлагаютъ на мужика всѣ свои надежды и упованія, видятъ въ немъ якорь спасенія... Спасенія?—Отъ чего? Тутъ мнѣнія нѣсколько расходятся: одни, какъ поютъ „Московскія Вѣдомости“ и „Гражданинъ“, отъ зловредныхъ новыхъ идей, отъ всякихъ вообще, „превратныхъ толкованій“ и отъ гнилой интеллигенціи, съ которой, мимоходомъ сказать, такъ много общаго у этихъ почтенныхъ органовъ... Другіе, какъ напримѣръ, „Недѣля“, отъ заразы городской цивилизаціи, буржуазной раслѣнности, эгоизма, индивидуализма и т. п.; третьи отъ турокъ, англичанъ, нѣмцевъ и всякихъ, вообще европейскихъ супостатовъ; четвертые — отъ финансоваго раззоренія; пятые — отъ разныхъ физическихъ болѣзней, преимущественно анеміи и золотухи, одолавающихъ интеллигентное меньшинство (эти пятые пишутъ, между прочимъ, въ „Новомъ Времени“); шестые отъ какихъ-то ненавистныхъ и потому опасныхъ потребностей („Русская Правда“); седьмые—отъ проклятой нѣмецкой педагогики; восьмые... но всѣхъ и не перечтешь. Однимъ словомъ, каждый старается предъявить мужику какое-нибудь требованіе, возложить на него осуществленіе какой-нибудь изъ своихъ надеждъ, и каждый старается при этомъ подогнать его подъ уровень этихъ требованій и этихъ надеждъ. Одинъ рисуетъ себѣ идеаль мужика въ образѣ московскихъ мясниковъ и трактирныхъ половыхъ, разворачивающихъ, съ дозволенія мѣстныхъ подчастковъ, скулы мирнымъ обывателямъ. Другой—въ образѣ политикан-

ствующаго агитатора—à la Лассаль или даже à la Гамбетта, третій—въ образѣ шилеровскаго разбойника, четвертый—въ образѣ библейскаго Авраама и т. п. Для однихъ мужицкая жизнь представляетъ собою воплощеніе (если и не вполне, то отчасти, и во всякомъ случаѣ въ большей степени, чѣмъ жизнь немужицкая) идеаловъ чистѣйшей нравственности и наилучшаго и наисправедливѣйшаго общественнаго строя; для другихъ она является не болѣе, какъ „стихійною жизнью первобытнаго человѣка“ („Русская Правда“). Даже насчетъ мужицкаго организма и мужицкаго здоровья не могутъ придти ни къ какому общему мнѣнію. Съ точки зрѣнія однихъ, мужицкій организмъ — геркулесовскій организмъ, здоровье его—железное здоровье, оно все можетъ перетерпѣть и вынести, никакая вредная обстановка не въ состояніи его сокрушить,—мужикъ, однимъ словомъ, „хотя и дикое, но крѣпкое дитя природы“ („Новое Время“), и ему здорово даже то, отъ чего пѣмедь (т. е. вообще цивилизованный человѣкъ) неизбѣжно долженъ былъ-бы умереть. Напротивъ, съ точки зрѣнія другихъ, здоровье мужика, по сравненію съ здоровьемъ интеллигентныхъ классовъ, въ высшей степени неудовлетворительно: организмъ его надломленъ, искалѣченъ, въ корни попорченъ анти-гигіеническими условіями его жизни и т. п.

Нечего и говорить, что всѣ эти противоположныя воззрѣнія на мужика безъ всякаго труда могутъ быть устранены и примирены при помощи самаго поверхностнаго ознакомленія съ фактами народной жизни, народной исторіи, народнаго быта, народнаго хозяйства. Нечего и говорить также, что факты эти болѣе или менѣе общеизвѣстны и общедоступны; и если, несмотря на эту ихъ общеизвѣстность и общедоступность, quasi-интеллигентные люди упорно продолжаютъ высказывать о мужикѣ мнѣнія, не только взаимно другъ друга исключающія, но и явно несообразныя съ этими фактами, то происходитъ это, какъ мнѣ кажется, не столько отъ незнанія послѣднихъ, сколько отъ умышленнаго игнорированія этихъ фактовъ. Умышленное-же игнорированіе обуславливается въ свою очередь желаніемъ подтянуть мужика, во что-бы то ни стало, подъ свое, такъ-сказать, знамя, втиснуть его въ рамки своего направленія, оправдать и доказать мужикамъ, какъ бакою-нибудь логической посылкою, истинность и несомнѣнность своихъ умозаключеній и соображеній. Превративъ злополучнаго мужика въ логическую посылку своихъ теоретическихъ умствованій и практическихъ выводовъ, каждый, естественно, старается убѣдить и себя, и другихъ, что эта его логическая посылка вполне соотвѣтствуетъ его умствованіямъ и выводамъ.

Каждый хочетъ заполучить мужика и сдѣлать его своимъ.

„Мужикъ за насъ, — онъ нашъ!“ восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“. — „Нѣтъ, врете, отвѣчаетъ „Недѣля“, — онъ за насъ, — онъ нашъ“. — „Нѣтъ, онъ за насъ, — онъ нашъ“, кричитъ „Голосъ“. — „Неправда, — нашъ!“ развязно утверждаетъ „Новое Время“. — „Совсѣмъ нѣтъ, — онъ нашъ!“ пищитъ „Русская Правда“. — „Нашъ, нашъ! онъ всегда за насъ!“ дружнымъ хоромъ поютъ славянофилы. — „Онъ мой, онъ за меня!“ кричитъ Достоевскій. — „Мой!“ гнуситъ Вагнеръ изъ „Свѣта“.

„Мой, мой! нашъ, нашъ! слышится со всѣхъ сторонъ, и бѣднаго мужика рвутъ на клочки внезапно возлюбившіе его интеллигентные господа, еще такъ недавно смотрѣвшіе на него, какъ на простую оброчную статью.

II.

Откуда-же и почему появился этотъ повсемѣстный спросъ на мужика? Что онъ знаменуетъ собою? Есть-ли это шагъ впередъ или шагъ назадъ на пути нашего общественнаго развитія? Должны-ли мы ликовать и умиляться имъ или, напротивъ, сокрушаться и скорбѣть? Мнѣ извѣстно, что есть ликующіе и умиляющіеся, есть сокрушающіеся и скорбящіе: — кто-же изъ нихъ правъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно прежде всего выяснить существеннѣйшую причину, основной мотивъ указаннаго нами, если можно такъ выразиться, поднятія цѣнности мужика на нашемъ общественномъ и литературномъ рынкѣ. Почему мужикъ сдѣлался съ нѣкотораго времени послѣднимъ словомъ всѣхъ нашихъ общественно-литературныхъ споровъ, толковъ и пререканій? Почему литература и общество стали вдругъ, какъ говоритъ г. Ивановъ въ своемъ послѣднемъ отрывкѣ изъ „Деревенскаго дневника“ („Отч. Зап.“, ноябрь, стр. 247), — „строить народу глаза?“

Я знаю, что многіе раньше меня упражнялись надъ разрѣшеніемъ этого вопроса; но упражненія эти приводили ихъ, въ-концѣ-концовъ, къ отвѣтамъ крайне прогиворѣчивымъ. Такъ, по мнѣнію однихъ, поднятіе цѣнности мужика и деревни на литературномъ рынкѣ обуславливается, главнымъ образомъ, возрастаніемъ спроса на патріотическое славянофильство и столь-же патріотическое европофобство; по мнѣнію другихъ — разумнымъ пониманіемъ язвъ и сквернъ буржуазной цивилизаціи Запада и патріотическимъ желаніемъ спасти свое отечество отъ зараженія этими язвами и сквернами; по мнѣнію третьихъ, — пагубнымъ вліяніемъ зловердныхъ ученій и превратныхъ толкованій гнилой Европы. По мнѣнію чет-

вертыхъ,—вторженіемъ въ литературу и на арену общественной дѣятельности неблагородныхъ, „недворянскихъ“ элементовъ, разночинцевъ, поповичей, мѣщанъ и, вообще, людей „безъ роду и племени“; по мнѣнію пятыхъ,—нашимъ смиренномудріемъ; по мнѣнію шестыхъ,—потерею вѣры въ себя, сознаниемъ своей драблоти, испорченности, негодности и т. п.

Послѣднее мнѣніе, едва-ли не болѣе распространенное, если и не среди всей, то, по крайней мѣрѣ, среди наиболѣе свѣжей и молодой части интеллигенци, дѣлающей „глазки народу“, а потому на немъ стоитъ остановиться.

Формулируется и варьируется оно, обыкновенно, на разные лады, но сущность во всѣхъ этихъ вариантахъ всегда остается одна и та-же; — слѣдовательно, для васъ, читатель, должно быть совершенно безразлично, какой изъ нихъ мы не возьмемъ. Возьмемъ, для примѣра хоть вариантъ, представленный г. Ивановымъ въ только-что упомянутомъ нами „последнемъ отрывкѣ“ его „Деревенскаго дневника“. Вариантъ этотъ довольно обстоятельный и не лишень нѣкотораго интереса.

По мнѣнію г. Иванова, литература и общество стали строить глазки народу въ силу слѣдующихъ обстоятельствъ: „утомленная сознаниемъ трудности переживаемой минуты, общество и печать (кто раньше, кто позже,—судить не берусь) пожелаали облегчить свое положеніе, какъ-бы сговорившись „не думать“ объ этомъ положеніи, думать о другомъ... (т. е. о мужикѣ?) Такое намѣреніе дѣлается совершенно понятнымъ и основательнымъ, если только представить себѣ, въ какомъ, въ самомъ дѣлѣ, ужасномъ положеніи находилась недавно душа русскаго человѣка, какъ-бы случайно, на живую нитку пристегнутаго къ европейскимъ порядкамъ. Русскій человѣкъ неожиданно узнаетъ, что эта живая нитка — не нитка, а канатъ, и узналъ силу этого каната именно въ ту минуту, когда только-что сталъ приходить въ себя, строить планы, думать, жить. Русская душа оживала, начинала ощущать присутствіе совѣсти; русская мысль, впервые попробовавшая расправить крылья, понеслась-было, какъ птица, въ высь, понеслась, смѣло фантазируя, не стѣсняясь и все норовя устроить по-новому... (Но, когда-же, однако, это было? Не фантазируете-ли вы немножко сами, г. Ивановъ? Впрочемъ, вы не историкъ, а беллетристъ, а потому вамъ это простительно). И вотъ, именно въ эту-то торжественную минуту пробужденія русскій человѣкъ съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ уже жилъ, что онъ не юноша, что онъ уже поврежденъ и не можетъ дать хода своимъ новымъ побужденіямъ. Смѣлость мысли, возникавшая въ немъ, парализировалась привычною трусостью; раскаяніе въ прошлыхъ неправдахъ набивалось

непобѣдимую потребностью держать ухо востро и т. д., и т. д. (Все это, можетъ быть, отчасти и правда; но причежь-же тутъ „европейскіе порядки, къ которымъ русскій человѣкъ былъ не пристегнуть на живую нитку, а привязанъ крѣпкимъ канатомъ?“ Неужели г. Ивановъ хочетъ этимъ сказать, что будь русскій человѣкъ не привязанъ канатомъ къ европейскимъ порядкамъ, а пристегнуть къ нимъ на живую нитку, то онъ „въ торжественную минуту пробужденія“ не оказался-бы ни трусливымъ, ни малодушнымъ, ни попорченнымъ? Значить, во всѣхъ этихъ качествахъ, во всей „порчѣ“ русскаго человѣка виноваты „европейскіе порядки?“ Не свяжись онъ съ ними „толстымъ канатомъ“, онъ былъ-бы непорочень, смѣлъ, неустрашимъ и, вообще, обладалъ-бы „великою душою?“ Что-же это вы, г. Ивановъ, славянофильское мракобѣсіе начинаете проповѣдывать? Нѣтъ, очевидно, вы немножко промахнулись, но, конечно, безъ злого умысла. Опять повторю, — какъ беллетристу, вамъ это простительно, только старайтесь все-таки на будущее время избѣгать подобныхъ промаховъ). И вотъ съ этой-то минуты началась для рус. человѣка не жизнь, а каторга. Какъ бѣлка въ колесѣ, сталъ вертѣться онъ въ кругу противорѣчій, созданныхъ для него его раздвоеніемъ; отъ мысли передѣлать весь свѣтъ онъ перескакивалъ къ мысли набить свой карманъ; набивая карманъ, каялся, пугался и думалъ только о собственномъ спасеніи. Въ такомъ положеніи онъ стрѣлялся, выбрасывался изъ оконъ, принималъ ядъ и, разумѣется, переставалъ страдать; но тотъ, кто не принималъ яда, не бросался изъ четвертаго этажа на мостовую, тотъ изнывалъ, томясь тѣмъ нравственнымъ нулемъ, который образовался изъ этихъ иллюзій и минусовъ, побивавшихъ одинъ другой въ самой глубинѣ души...

„Въ такомъ состояніи измученному обществу пришла мысль остановить маховое колесо европейскихъ порядковъ, увлекавшее насъ на ненавистный путь всяческой неправды (?), — насъ, которые не хотятъ ея, которые хотятъ по чести, по совѣсти и все такое... Но колесо продолжало размахивать, выковыривая тѣ, большею частью, бумажныя препятствія, которыми его хотѣли остановить...

Сербская война, говоритъ г. Ивановъ, — „была опытомъ на дѣлѣ доказать“, что всѣ обвиненія, взводимыя на русскаго и интеллигентнаго человѣка, неправда. Но — увы! — опытъ этотъ доказалъ какъ-разъ обратное: „несмотря на то, что было поднято на ноги все, что есть въ наличности самаго сокровеннаго, вышло... что вышло? Положа руку на сердце, можно сказать, что вышло — невѣсть что! Въ-концѣ-концовъ оказалось, что кто-то нажидся, „зацапалъ въ зарманы“, — вотъ и все! Послѣ этого что-же такое происходило? И

почему, въ-концѣ-концовъ, только и слышишь: „виновать!“ Виновать тотъ, виновать другой, виноваты сербы... Въ чемъ виноваты? Развѣ тутъ что-нибудь худое случилось?.. Дѣйствительно, случилось очень худое. Оказалось, что западно-европейскихъ язвъ въ русскомъ человѣкѣ такъ-же много (или почти такъ-же), какъ и въ его подлинникѣ, да вдобавокъ и неевропейскія-то черты русскаго человѣка также оказались съ язвами...”

„Между тѣмъ, попавъ вмѣстѣ съ обществомъ, быть-можетъ, по повѣденію (ну, ужъ на этотъ счетъ будьте благонадежны!) на ложную дорогу самовосхваленія, самопрославленія, литература не могла, какъ не могло и общество, сразу отдаться еще горьшему, чѣмъ прежде, разочарованію. Послѣ этихъ торжествъ сказать себѣ: „будетъ“ и приняться за трудную работу надъ самимъ собою, за безпристрастное изученіе обнаружившихся язвъ, дѣло не легкое; какъ общество, такъ и литература не могли сдѣлать этого вдругъ. Проклявъ интеллигенцію, которая залезаетъ въ сундуки, страдаетъ раздвоенностью и мелкодушіемъ и т. д., они все сочувствіе сосредоточили на народѣ... („Отеч. Зап.“, „Древ. дневникъ“, стр. 244—246).

Такимъ образомъ, по объясненію г. Иванова, выходитъ, будто литература потому, главнымъ образомъ, сосредоточила все сочувствіе на народѣ, потому стала „стронть глазки“ ему, что, во-первыхъ, „въ торжественную минуту пробужденья“ русскій интеллигентный человѣкъ оказался человѣкомъ „попорченнымъ“, „малодушнымъ“ и „трусливымъ“; во-вторыхъ, что, не смотря на всѣ его усилія, онъ не могъ остановить „махового колеса европейскихъ порядковъ“, увлекавшаго его на ненавистный ему путь неправды; наконецъ, въ-третьихъ, сербская война окончательно и, такъ-сказать, наглядно убѣдила его въ его совершеннѣйшей непригодности, мелочности и порочности; она показала ему, что ему не только не чужды всѣ европейскія язвы, но что и его „неевропейскія черты тоже съ язвами“. При чемъ тутъ собственно сербская война,— это понять довольно трудно. Г. Ивановъ не могъ-же забыть, что „дѣланіе глазокъ“ мужику началось и въ обществѣ, и въ литературѣ гораздо раньше сербской войны. Точно также совершенно непонятно, и даже неправдоподобно то объясненіе, которое даетъ г. Ивановъ попыткамъ нѣкоторыхъ „патріотовъ своего отечества“ остановить „маховое колесо европейскихъ порядковъ“, подсовывая „въ его спицы огромное количество печатныхъ листовъ бумаги“ съ разсужденіями насчетъ „славянской расы, славянской идеи, нашихъ неисчерпаемыхъ богатствъ и отсутствія пролетаріата“ и т. п. Изъ его словъ выходитъ, какъ-будто эти „патріоты своего отечества“ дѣйствовали и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ разочарованія въ собственныхъ си-

лахъ, подъ вліяніемъ сознанія своей мелочности, трусливости, раздвоенности, гнусности и порочности. Дѣло въ томъ, что тѣ изъ интеллигентныхъ людей, которые пришли въ такому сознанію, вовсе никогда не думали и не думаютъ становиться въ отрицательное отношеніе къ западной цивилизаціи; съ другой стороны, вы, господа, которые пытались и пытаются остановить „маховое колесо“ этой цивилизаціи, подсовывая подъ его спицы разныя славянскія идеи, славянскія расы и т. п.,—эти господа не страдаютъ ни малѣйшею раздвоенностью, нисколько не разочарованы, а, напротивъ, влюблены въ себя, твердо вѣруютъ въ свою мощь и непогрѣшимость, не сознають въ себѣ никакихъ язвъ и глубоко убѣждены, что они цѣльныя, здоровыя русскія натуры, самимъ провидѣніемъ назначенныя „утереть Европѣ носъ“ и обновить свою животворящей силою ея гнилой, испорченный организмъ. Въ нихъ нѣтъ ни на волосъ гамлетовщины, хотя ихъ нельзя упрекнуть и въ дон-кихотствѣ. Это просто недоучившіеся „россійскіе дурни“, помѣшавшіеся на идеѣ самовозвеличенія и съ нахальнымъ самодовольствомъ оплевывающіе все, что выходитъ за тѣсныя рамки ихъ скуднаго знанія, ихъ убогаго пониманія, ихъ дамашняго курятника. Спросите-ка у всѣхъ этихъ гг. Миллеровъ, Ламанскихъ. Даннлевскихъ, Навроцкихъ и ихъ московскихъ наставниковъ и сподвижниковъ, болѣла-ли когда-нибудь ихъ душа сознаніемъ своей испорченности и мелочности, научили-ли ее когда-нибудь горькія сомнѣнія и „проклятые вопросы“, стремилась-ли она куда-нибудь „въ высъ“, за предѣлы „дозволеннаго“ и „предусмотрѣннаго?“ Являлось-ли у нихъ когда-нибудь желаніе хоть на минуту усумниться въ своемъ величій? Они расхохочутся вамъ въ лицо. Еще-бы! Всѣ эти „сомнѣнія“, „проклятые вопросы“ — все это народженіе гнилой западной цивилизаціи; а имъ „плевать на нее“ — они „патріоты своего отечества“, воплощители „національнаго духа“, въ чемъ-бы этотъ духъ ни выражался, хотя-бы въ свернодушіи червоннаго валета; что-же касается всего прочаго, то имъ нѣтъ до того ни малѣйшаго дѣла. На ихъ лбахъ отчеканенъ ихъ девизъ: „ни о чемъ, никогда не сумняшася“. И народились-то эти мѣднолобые господа совсѣмъ не послѣ и не во время „торжественной минуты пробужденья“. Они существовали и даже процвѣтали еще и въ до-реформенную эпоху; ихъ нельзя считать знаменіемъ переживаемаго нами „труднаго“ времени, — напротивъ, это какой-то заплесневѣлый остатокъ архивнаго, мхомъ забвенія поросшаго прошлаго; а потому между ними и „вающимися“, сомнѣвающимися, извѣрившимися въ свои силы, проклинающими свои немощи и язвы, бросающимися изъ оконъ, пускающими себѣ пули въ лобъ русскими интеллигентными людьми.

ми нѣтъ, и никогда не можетъ быть, ничего общаго. Если и тѣ, и другіе „строить глазки“ мужику, если тѣ и другіе апеллируютъ въ-концѣ-концовъ, къ народу, то, очевидно, они руководствуются при этомъ совершенно различными субъективными мотивами: допуская, что одни влекутся къ мужику подъ вліяніемъ разочарованія, мы должны допустить, что другіе—влекутся къ нему подъ вліяніемъ самоочарованія.

Но вѣдь рядомъ съ этими разочарованными и самоочарованными людьми, существуетъ многое множество другихъ интеллигентныхъ людей, которые тоже строятъ „глазки народу“, но которыхъ уже никоимъ образомъ невозможно упрекнуть ни въ разочарованіи, ни еще менѣе въ желаніи „остановить маховое колесо европейскихъ порядковъ“! Ну, возьмите, напр., хоть г. Каткова. Нельзя сказать, чтобы онъ извѣрился, вообще, въ доблести и добродѣтели интеллигентнаго человѣка, особенно человѣка, удостоившагося получить аттестатъ зрѣлости въ его классическомъ лицейѣ, и, слѣдовательно, чуждаго всякимъ „превратнымъ толкованіямъ“ и стоящаго, такъ-сказать, на высотѣ уровня „идей“ гг. Чичеринныхъ, Цитовичей, Леонтьевыхъ, Бай-Бороды и иныхъ столповъ своего отечества. Такого интеллигентнаго человѣка онъ очень уважаетъ, вѣруетъ въ его силу и твердо надѣется (какъ онъ самъ объ этомъ недавно заявилъ) съ его помощью одолѣть всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ Россіи. Ясно, что по отношенію къ интеллигенціи (хотя и интелегенціи *sui generis*) онъ отнюдь не разочарованъ. Точно также онъ неодолимъ и самоочарованіемъ „россійскихъ дурней“. Онъ совсѣмъ не желаетъ останавливать или задерживать маховое колесо „европейскихъ порядковъ“. Напротивъ, ему очень хочется, чтобы оно вертѣлось какъ можно скорѣе, чтобы какъ можно скорѣе оно искрошило въ куски сельскую общину, обратило крестьянина-землевладѣльца въ безземельнаго батрака, наплодило бы у насъ побольше англійскихъ ландъ-лордовъ, установило-бы на все и за все крупный цензъ и т. д. И однако, этотъ-же самый Катковъ тоже „начинаетъ строить глазки народу“, принимая, впрочемъ, за народъ мясниковъ изъ охотскаго ряда и половыхъ изъ „Славянскаго Базара“. Почему-же это? Очевидно, разочарованіе и боязнь Европы тутъ не при чемъ. Вы сошлетесь, быть-можетъ, на излишекъ патріотизма и полицейской ревности московскаго публициста. Но и эта ссылка ничего не объясняетъ. Патріотизмъ и полицейская ревность—штуки старыя; онѣ существовали споконвѣка, и въ нихъ не чувствовалось недостатка ни въ одинъ изъ періодовъ російской исторіи. И однакожь, прежде онѣ не только не обязывали, но, напротивъ, возбраняли „сынамъ отечества“ строить глазки мужику. Смиренномудріе тутъ тоже, конечно, не можетъ

играть никакой роли. Кто-же, въ самомъ дѣлѣ, рѣшится заподозрить Каткова въ смиренномудріи?

Возьмемъ теперь другой примѣръ.

На шестисотверстномъ разстояніи отъ московскаго публициста (а можетъ быть, даже и ближе, — „зло“ такъ заразительно!) существуютъ люди, придерживающіеся міросозерцанія совершенно противоположнаго міросозерцанію Каткова; этихъ умственныхъ антиподовъ его еще менѣе, чѣмъ его самого, можно заподозрить въ европофобствѣ, въ недовѣрїи къ собственнымъ силамъ, въ той „неждановщинѣ“ *), о которой такъ скорбитъ и которую такъ мастерски воспроизводитъ г. Ивановъ; и однакожь, они тоже „строятъ глазки народу“, хотя и не отсждествляютъ съ нимъ мясниковъ изъ охотскаго ряда и половыхъ изъ „Славянскаго Базара“. И подобно тому, какъ Катковъ ссылается на мужика для посрамленія своихъ зловредныхъ антиподовъ, такъ точно и зловредные антиподы ссылаются на того-же мужика для посрамленія Каткова и всѣхъ его „присныхъ“. Положимъ, Катковъ и его „присные“ объясняютъ эту ссылку своихъ антиподовъ на мужика пагубнымъ вліяніемъ зловредныхъ идей и „превратныхъ толкованій“. Но почему-же катковскіе антиподы подчинились этому пагубному вліянію вышеозначенныхъ ученій и толкованій. Да при томъ-же, можно-ли съ увѣренностью утверждать, будто, съ точки зрѣнія этихъ ученій и толкованій, идеализація деревни и нравственно-общественнаго быта мужика является чѣмъ-то существенно-неизбѣжнымъ и общеобязательнымъ? Миѣ кажется, утверждать это—настолько-же рискованно, насколько рискованно и сдѣланное вами. читатель, выше предположеніе насчетъ вліянія излишн. го патріотизма и полицейской ревности на идеализацію московскихъ мясниковъ и трактирныхъ половыхъ.

Но мало того: между Катковымъ и его антиподами стоитъ нѣсколько посредствующихъ группъ интеллигентныхъ людей, о которыхъ можно сказать, что они отъ однихъ отстали, къ другимъ не пристали. Эти посредствующія звѣнья тоже „строятъ народу глазки“ (да еще какіе!), а, между тѣмъ, къ нимъ-то менѣе, чѣмъ къ кому-нибудь можетъ быть примѣнима приведенная мною выше ивановская характеристика „русскаго интеллигентнаго чловѣка“, „строющаго народу глазки“. Въ ихъ жизни и въ ихъ дѣятельности, собственно говоря, нѣтъ никакихъ „противорѣчій“. „Отъ мысли передѣлать весь свѣтъ они никогда не перескакиваютъ къ

---

*) Слово это произведено не отъ отрицательной частички *не* в глагола *ждать*, какъ можетъ подумать читатель, не читавшій тургеневской „Нови“, а отъ фамиліи славнаго героя этого романа—Нежданова.

мысли набить себѣ кармапы, и не перескакиваютъ по той простой причинѣ, что первая мысль никогда не закрадывается и не закрадывалась въ ихъ головы, а со второй они никогда не расстаются. Дѣйствуя всегда сообразно съ внушеніями послѣдней, имъ, разумѣется, никогда и ни въ чемъ не приходится „раскаиваться“, за исключеніемъ развѣ тѣхъ рѣдкихъ случаетъ, когда нелегкая угодить ихъ попасть на скамью подсудимыхъ, подвергнуться административному взысканію и т. п. Но такъ-какъ, вообще, дѣла ихъ идутъ весьма удовлетворительно и общественная Немезида относится къ нимъ довольно благосклонно, то имъ совершенно почти незнакомы чувства унынія, разочарованія, недовольства собою, — напротивъ, они отличаются самоувѣренностью, самонадѣянностью и самымъ розовымъ оптимизмомъ, смотрятъ на жизнь бодро и весело, изъ оконъ не выбрасываются, изъ револьверовъ не стрѣляются, кинжалами не закалываются, ядомъ не отравляются. Европейскую цивилизацію они не отрицаютъ, — напротивъ, очень се любятъ и цѣнятъ... за „ея плоды“, и въ спицѣ „махового колеса“ пикакихъ неподходящихъ вещей не засовываютъ. Въ то-же время, они совершенно чисты и безукоризненны по части благонамѣренности. Никому, разумѣется, и въ голову не придетъ заподозрить, ну, хоть г. Гирса въ превратныхъ толкованіяхъ, или гг. Стасюлевича, Полетику, Краевского, Комарова, Суворина въ распространеніи вредныхъ ученій.

Что-же ихъ-то заставляетъ кокетничать съ народомъ? Вы скажете, какія-нибудь карманныя соображенія. Ну, конечно, карманныя, — какія-же другія? Но вотъ въ этомъ-то и вопросъ: почему и карманныя соображенія, и зловредныя ученія, и разочарованіе, и самоочарованіе, и гордыня, и смиренномудріе, и боязнь Европы, и славянофильство приводятъ, въ-концѣ-концовъ, всѣ разнообразныя теченія и направленія нашей мысли къ одному и тому-же общему пункту — къ мужику, къ народу *)?

*) Читатель „органа общечеловѣческаго развитія“, именующагося „Свѣтомъ“ (если только у „Свѣта“ и у „Дѣла“ есть общіе читатели), можетъ, пожалуй, замѣтить мнѣ на это, что я нѣсколько преувеличиваю. „Вы, скажете овъ мнѣ, — говорите, будто всѣ направленія нашей современной общественной мысли стараются, въ-концѣ-концовъ, ухватиться за мужика, какъ за какой-то безапелляціонный мотивъ. Но это не правда. „Свѣтъ“ утверждаетъ, будто у насъ существуетъ нѣкоторая группа интеллигентныхъ людей и группа, среди которой мелькаютъ рядомъ и радикальныя (?), и канцелярскія фізіономіи, — группа, отличающаяся самымъ презрительнымъ отношеніемъ къ народу, настолько презрительнымъ, что „она не замѣчаетъ въ немъ даже образа и подобія человѣческаго“. „Мы, продолжаетъ редакція „Свѣта“, — не будемъ указывать на органы, въ которыхъ ютятся эти господа (жаль! почему такая стыдливость?); чаще всего въ этихъ органахъ о народѣ даже не упоминается (но какъ-же вы тогда знаете ихъ отношенія къ народу, — спиритическіе духи сообщали вамъ, что-ли? О, г. Ваг-

III.

Я готовъ признать, что каждое изъ теченій нашей общественной мысли, каждая изъ „группъ“ нашихъ интеллигентныхъ людей имѣтъ свои спеціальныя мотивы, свои чисто-индивидуальныя, субъективныя, частныя побужденія, заставляющія ее видѣть въ мужикѣ свой основной и безапелляціонный мотивъ. Но такъ какъ подобное отношеніе къ мужику обще всѣмъ или почти всѣмъ группамъ нашей интеллигенціи, всѣмъ или почти всѣмъ теченіямъ нашей общественной мысли, то, очевидно, за этими частными,

верь, какъ вы ни отрещиваетесь въ своемъ журналѣ отъ спиритизма, а онъ все-таки даетъ себя чувствовать чуть не на каждой страницѣ вашего журнала) — такъ онъ, видите-ли, плохъ, что и разговаривать о немъ нестоитъ. (Бѣдные спириты, неужели вы думаете, что не можетъ существовать никакихъ другихъ причинъ, заставляющихъ нѣкоторые органы печати „валогать печать молчанія на уста свои“ каждый разъ, когда имъ приходится касаться народа?) То, что ему нужно, эти органы нашей прессы знаютъ сами, прочтя о немъ на стѣнкахъ своихъ кабинетовъ и на потолкахъ (!?). Однимъ, двумя почерками пера можно дать народу какое-угодно счастье, устроить его вполне, дайте только этимъ господамъ возможность „всесильно расчеркиваться“. Вся бѣда народа въ томъ, что не умѣютъ, дескать, писать для него хорошихъ предписаній, отношеній, рапортовъ и проч. Пустите насъ, молю, мы напишемъ такіе, что сразу излечатся и золотуха, и пьянство, и невѣжество, и зѣвство, и бѣдность, и... ну, да, однимъ словомъ. все!“ („Свѣтъ“, № 1, 1879, стр. 39).

Да, дѣйствительно все это напечатано въ „Свѣтѣ“. Но все это такъ неопредѣленно, такъ загадочно-таинственно, такъ сильно отзывается спиритизмомъ, что едва-ли заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы „Свѣтъ“ имѣлъ въ виду однихъ лишь „канцелярскія фізіономіи“, то объ открытой имъ группѣ людей, „презрительно относящихся къ народу“, и говорить-бы не стоило. Кто-же не знаетъ, что „канцелярскія фізіономіи“, къ какой-бы націи и къ какому-бы времени онѣ ни принадлежали, подъ какими-бы долготами и широтами онѣ ни жили, всегда относятся, всегда относились и всегда будутъ относиться къ народу исключительно съ точки зрѣнія своихъ мудреныхъ обязанностей и канцелярскихъ соображеній. Потому само собою понятно, что когда говорится объ отношеніи интеллигентнаго общества къ народу, то въ эти отношенія нивогда не включаются отношенія къ послѣднему „канцелярскихъ фізіономій“. Но „Свѣтъ“ рядомъ съ канцелярскими фізіономіями ставитъ еще какихъ-то радикаловъ, „ютящихся“ къ какихъ-то органахъ прессы, — органахъ прессы, которые онъ стыдится назвать, — неумѣстная стыдливость, или, выражаясь правильнѣе, безстыдная ложь! Гдѣ видѣли вы, гг. Вагнеры и иные редакторы „Свѣта“, радикаловъ, воображающихъ, будто „можно устроить счастье народа однимъ или двумя почерками пера“, и непризнающихъ въ народѣ «ни образа, ни подобія человѣческаго»? Въ какомъ органѣ россійской прессы и какіе-такіе радикалы высказывали подобныя неглупости? Сколько-бы вы ни совѣтовались съ духами (хотя-бы то были духи самыхъ знаменитыхъ европейскихъ и русскихъ мыслителей), вы не въ состояніи будете указать ни на одинъ такой органъ, ни на одного такого радикала. Къ чему-же эти бессмысленныя нисинуаціи, и кому хотите вы оказать ими услугу?

субъективными, индивидуальными мотивами и побужденіями должна скрываться какая-нибудь общая причина, независящая ни отъ какихъ субъективныхъ пристрастій и личныхъ соображеній. Въ чемъ-же заключается эта общая причина и гдѣ мы должны искать ее?

Давно уже выяснено учеными „гнилого Запада“ и, какъ мнѣ кажется, давно уже вошло въ обиходъ русской мысли то несомнѣнное положеніе, что всѣ наиболѣе общія, наиболѣе характеристическія явленія общественной, политической, юридической, а слѣдовательно, умственной и нравственной жизни народовъ, опредѣляются и обусловливаются основными факторами ихъ жизни экономической. Отсюда самъ собою слѣдуетъ такой выводъ: если мы замѣчаемъ какое-нибудь общее явленіе въ умственной или нравственной жизни давняго общества и если мы желаемъ уяснить его себѣ, найти его *raison d'être*, то мы должны прежде всего обратиться къ анализу экономической структуры, т. е. хозяйственныхъ отношеній этого общества. Всякій старецъ, слушавшій „въ оны дни“ Горлова или Бабста, всякій юноша, когда-нибудь перелистывавшій хоть какую-нибудь экономическую книжку, очень хорошо знаетъ, что экономическій строй общества опредѣляется взаимными отношеніями трехъ главныхъ факторовъ производства: труда, капитала недвижимаго и капитала движимаго или, — воплощая эти экономическія понятія въ лицахъ, — мужика, помѣщика и ростовщика (купца, банкира и, вообще, денежнаго капиталиста). Отношенія эти, подъ влияніемъ тѣхъ или другихъ условій (о которыхъ, конечно, здѣсь не мѣсто распространяться), различнымъ образомъ измѣняются, разнообразятся, осложняются, и въ этихъ-то измѣненіяхъ и осложненіяхъ и коренится основная причина такъ-называемаго общественнаго прогресса, ими опредѣляется теченіе исторической жизни народовъ. По мнѣнію всѣхъ патенторанныхъ и благомыслящихъ историковъ, философовъ и политико-экономистовъ, „теченіе исторической жизни народовъ“, эра общественнаго прогресса начинается обыкновенно съ того момента, когда указанные нами экономическіе факторы производства начинаютъ обособляться, или, выражаясь языкомъ Спенсера, интегрироваться и дифференцироваться. До этого момента они находятся въ слитномъ состояніи: мужикъ, помѣщикъ, капиталистъ воплощаются въ одномъ лицѣ производителя, составляютъ одну нераздѣльную экономическую единицу. Такое слитное состояніе факторовъ производства признается благомыслящими историками и политико-экономистами за состояніе дикаго варварства первобытной, до-исторической культуры; они относятся къ ней съ презрѣніемъ и почти не считаютъ пущнымъ обращать на нее свое

высокое вниманіе. Человѣчество начинаетъ ихъ интересовать только тогда, когда изъ мужика выдѣляется помѣщикъ. Это раздвоеніе первоначальной экономической единицы на мужика и помѣщика признается ими, обыкновенно, за первый, основной фазисъ общественной цивилизаціи. Характеристическою чертою этого фазиса является абсолютное, безусловное господство владѣльческаго элемента надъ элементомъ невладеѣльческимъ, собственника земли надъ производителемъ, владеѣвающимъ и обрабатывающимъ эту землю. Собственникъ и производитель обособляются, но это обособленіе далеко еще не полное; строго говоря, его нельзя даже назвать обособленіемъ въ точномъ смыслѣ слова. Производитель (мужикъ) не получаетъ никакого самостоятельнаго значенія: онъ разсматривается только какъ нѣкоторая часть, нѣкоторая необходимая принадлежность собственника. Безъ собственника, безъ помѣщика онъ не можетъ ни жить, ни дышать: онъ его атрибутъ, — и ничего болѣе. Существованіе его такъ тѣсно связано съ существованіемъ „барина“, что является совершенно невозможнымъ представить себѣ какъ барина безъ мужика, такъ и мужика безъ барина. Само собою понятно, что въ этотъ первичный фазисъ цивилизаціи баринъ, помѣщикъ является главнымъ центромъ, вокругъ котораго вращается вся общественная жизнь. Онъ устраиваетъ, направляетъ ее по своему благоусмотрѣнію: онъ опредѣляетъ ея политическія, юридическія, умственные и нравственные отношенія, отъ него все исходитъ и къ нему-же все возвращается; однимъ словомъ, онъ представляетъ собою высшій регуляторъ всѣхъ условій окружающей его жизни. Эта форма общественной, какъ-бы она ни называлась — рабовладѣніе, феодализмъ, крѣпостное право и т. п., — достигнувъ извѣстной степени развитія, неизбежно должна пасть и разложиться въ силу присущихъ ей внутреннихъ противорѣчій. Разложеніе это происходитъ, или, лучше сказать, можетъ происходить двоякимъ образомъ: или помѣщикъ оказывается экономически-несостоятельнымъ вести свое хозяйство при помощи крѣпостного труда, — крѣпостной трудъ разоряетъ его, и онъ видитъ себя въ необходимости замѣнить его трудомъ вольнонаемнымъ; иными словами, волею-неволею ему приходится отдѣлать отъ себя раба, признать его за самостоятельную экономическую единицу, или-же еще ранѣе этого неизбежнаго отдѣленія крѣпостнаго отъ своего владѣльца изъ первоначальной феодально-крѣпостной экономической ячейки возникаетъ и развивается новый, самостоятельный факторъ производства — факторъ движимаго капитала, олицетворяемый въ купцѣ и банкирѣ. Разъ рядомъ съ факторомъ недвижимаго капи-

тала (помѣщикомъ) возникаетъ какъ отдѣльная, обособленная хозяйственная единица—факторъ капитала движимаго (купецъ, сротовщикъ), процессъ разложенія феодально-крѣпостныхъ формъ общественнаго быта начинаетъ совершаться съ неудержимою быстротою и очень скоро приводитъ къ обособленію и къ окончательному выдѣленію мужика и отъ помѣщика, и отъ капиталиста. Съ установленіемъ полного „дифференцированія и интегрированія“ трехъ экономическихъ факторовъ производства, (или какъ-бы выразился правотѣрный политико-экономъ) съ установленіемъ трехчленной системы хозяйства въ области политическихъ, юридическихъ, умственныхъ и нравственныхъ отношеній общества начинаетъ постепенно утрачиваться та стройность, то единство, которымъ они отличались въ періодъ первобытной, „до-исторической“ общественной культуры. Своеобразные интересы каждаго изъ обособившихся экономическихъ факторовъ мало-по-малу развиваются до взаимной противоположности, и эта противоположность даетъ себѣ чувствовать во всѣхъ сферахъ общественно-интеллектуальной жизни. Во всѣхъ этихъ сферахъ, по образцу и по подобію сферы чисто-экономической, образуются три противоположныя направленія, три различныхъ лагеря, или, если хотите, партіи. Каждая партія является представительницею одного изъ факторовъ экономического производства, предъявляетъ свои требованія, свою програму, свои идеалы, свое міросозерцаніе, наиболѣе соотвѣтствующее требованіямъ и интересамъ представляемаго ею фактора. Правда, съ теченіемъ времени, т. е. съ развитіемъ экономического прогресса, съ поглощеніемъ капитала недвижимаго капиталомъ движимымъ, одинъ изъ этихъ лагерей (представляющій интересъ капитала недвижимаго) уничтожается или, правильнѣе сказать, сливается, отождествляется съ другимъ лагеремъ, воплощающимъ интересы капитала движимаго, и, такимъ образомъ, снова устанавливается та двойственность общественно-интеллектуальной жизни, которая предшествовала обособленію мужика отъ дворянина и буржуа. Впрочемъ, въ настоящее время даже въ странахъ, достигшихъ, по общему мнѣнію, кульминаціонной точки экономического прогресса, напр., въ Англіи, во Франціи, эта двойственность, т. е. это слитіе партіи капитала недвижимаго съ партіею капитала движимаго далеко еще не осуществилось во всей своей полнотѣ, оно только еще предчувствуется. Въ дѣйствительности-же мы видимъ, что и въ этихъ странахъ, какъ и въ странахъ стоящихъ на болѣе низшихъ ступеняхъ экономического прогресса (напр., Германія или Италія) общественно-интеллектуальная жизнь продолжаетъ развиваться по тремъ противоположнымъ направленіямъ. Около каждаго

изъ этихъ направленій группируется извѣстная часть интеллигенціи, имѣющая своихъ представителей и своихъ сторонниковъ въ журналистикѣ, литературѣ, наукѣ, въ администраціи, судѣ, государственномъ управленіи, школѣ и т. п. Каждое изъ трехъ направлений имѣетъ свое особое міросозерцаніе, свою особую програму, свой особый политическій, экономическій, юридическій, литературный, научный, нравственный и эстетическій критерій; и эти критеріи, по своимъ отправнымъ пунктамъ, по своимъ основнымъ посылкамъ и по своимъ конечнымъ выводамъ, такъ-же рѣзко разнятся одинъ отъ другого, какъ рѣзко разнятся тѣ противоположные экономическіе интересы, которые они собою воплощаютъ. Какъ невозможно смѣшивать, стоя на чисто-экономической почвѣ, противорѣчивыя требованія этихъ интересовъ, такъ точно невозможно смѣшивать и ихъ защитниковъ и представителей, въ какой-бы сферѣ ни проявлялась ихъ дѣятельность: въ сферѣ-ли общественно-политической или чисто-литературной, отвлеченно-научной. Гдѣ-бы вы съ ними ни встрѣтились,—въ ученой аудиторіи, въ печати, въ судѣ, въ администраціи, въ банкирской конторѣ, на фабрикѣ, въ лавкѣ, на биржѣ,—вы сейчасъ-же ихъ узнаете по ихъ приемамъ, по ихъ аргументаціи и, въ особенности, по ихъ отношенію къ „народу“, къ сѣрому мужику. Ни представители и сторонники дворянско-клерикальныхъ интересовъ, ни представители и сторонники интересовъ движимаго капитала никогда не станутъ апеллировать къ мужику, какъ къ послѣднему высшему критерію своихъ теорій, своей политики, своихъ экономическихъ, общественныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ воззрѣній *). Нѣтъ, подобная апелляція обазалась-бы въ прямомъ и для всѣхъ очевидномъ противорѣчьи съ основными догматами ихъ credo. Да имъ и незачѣмъ прибѣгать къ ней: ихъ сила не въ народѣ, за ними стоятъ другія экономическія силы,—силы не мнимыя, фиктивные, а вполне реальныя, и на нихъ-то они опираются, въ нихъ-то они ищутъ и находятъ оправданіе своему міросозерцанію, отправной пунктъ своей теоретической и практической дѣятельности.

Итакъ, историческій опытъ западной Европы показываетъ намъ, что, подъ вліяніемъ прогрессивнаго расчлененія, прогрессивнаго дифференцированія и интегрированія факторовъ экономического производства, общественное сознаніе, общественная мысль (во всѣхъ сферахъ ея проявленія) тоже расчленяется, тоже дифференцируется

---

*) Я не говорю здѣсь, разумѣется, о сознательныхъ лицемѣрахъ-шарлатанахъ, дѣйствующихъ исключительно лишь въ своемъ узко-эгоистическомъ, индивидуальномъ интересѣ.

и интегрируется на два или на три своеобразныхъ направленія, причѣмъ каждое направленіе всегда опирается лишь на тотъ экономическій факторъ, интересы котораго оно въ себѣ воплощаетъ.

Никто не станетъ отрицать, кромѣ развѣ такихъ мудрецовъ, какъ гг. Ламанскіе, Оресты Миллеры, Градовскіе или такихъ „патріотовъ не по разуму“, какъ Суворины и ихъ московскіе и петербургскіе учителя,—никто, говорю, не станетъ отрицать, что и у насъ въ общественномъ сознаніи, въ общественной мысли существуетъ нѣкоторое расчлененіе, существуютъ нѣкоторыя, болѣе или менѣе своеобразныя, направленія, раздѣляющія нашу интеллигенцію въ широкомъ значеніи этого слова—на нѣкоторыя болѣе или менѣе противоположныя, болѣе или менѣе отличающіеся другъ отъ друга, лагери, партіи. Никто не станетъ также отрицать, что партіи эти имѣютъ не только отвлеченно-теоретическое, но и общественно-практическое значеніе, что это, однимъ словомъ, партіи не только литературныя, но и общественныя. Однако, не отрицая существованія у насъ литературно-общественныхъ партій, нельзя въ то-же время не признать, что партіи эти находятся въ какомъ-то хаотическомъ состояніи; у нихъ нѣтъ ни отдѣльныхъ программъ, ни опредѣленнаго, послѣдовательнаго міросозерцанія, ни девиза, ни знамени; довольно трудно, даже и для проникательнаго человѣка, провести между ними рѣзкую, ясно очерченную пограничную линію; они стоятъ, повидимому, на той ступени эмбриологическаго развитія, когда нельзя еще съ точностью опредѣлить, какая именно органическая форма выработается изъ зародыша: выйдетъ-ли изъ него собака, свинья, осель или человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о нашей общественно-практической дѣятельности,—дѣятельности, поражающей своею безпринципностью, безсвязностью и нелогичностью, представляющей полнѣйшее отсутствіе какого бы то ни было выдержаннаго направленія,—возьмите хоть нашу литературу, нашу журналистику, т. е. отвлеченную, теоретическую сферу нашей дѣятельности. Въ ней, какъ извѣстно, принимаетъ участіе лишь ничтожное меньшинство нашей интеллигенціи, и притомъ меньшинство наиболѣе склонное къ умственнымъ упражненіямъ, т. е. наиболѣе теоретически-развитое. Обыкновенно, въ нѣдрахъ этого теоретически наиболѣе развитаго меньшинства и начинается прежде всего и быстрѣе всего процессъ дифференцированія и интегрированія интеллигентныхъ партій. Потому по литературѣ даннаго общества легче всего судить о степени обособленія общественныхъ партій—оно всегда прямо пропорціонально степени обособленія литературныхъ партій, литературныхъ направ-

вленій. Посмотрите-же теперь, насколько обособлены наши литературныя партіи, наши литературныя направленія?

Года, кажется, три тому назадъ одна биржевая газетка устами одного изъ своихъ сотрудниковъ публично заявила, будто, „говоря по совѣсти и правдѣ“, всѣ наши журналы и газеты, всѣ наши органы печати — суть ничто иное, какъ ночлежные притоны, страннопріемные дома, въ которые каждый прохожій, нуждающійся во временномъ пріютѣ, можетъ свободно заходить и свободно располагаться, гдѣ и какъ хочетъ. До его мнѣній, до его направленія его сосѣдямъ по ночлегу не можетъ и не должно быть никакого дѣла; точно также и онъ, въ свою очередь, не можетъ и не долженъ смущаться взглядами своихъ соночлежниковъ. Каждый имѣетъ право говорить все, что ему вздумается и какъ ему вздумается, каждый отвѣчаетъ самъ за себя, и пока постояльцы ведутъ себя прилично (т. е. не навлекаютъ на себя милостиваго вниманія бдительныхъ стражей „общественной тишины и спокойствія“), до тѣхъ поръ хозяину пріюта, редактору журнала или газеты, нѣтъ никакой надобности вмѣшиваться въ ихъ личныя мнѣнія, споры и пререканія. Такимъ образомъ, по мнѣнію биржевого ночлежнаго дома, всѣ органы нашей печати являются не выразителями того или другого, болѣе или менѣе опредѣленнаго, направленія, того или другого, болѣе или менѣе цѣлостнаго, стройнаго, послѣдовательнаго міросозерцанія, а просто какими-то случайными сборниками случайныхъ статей, случайныхъ сотрудниковъ, — сотрудниковъ, несвязанныхъ между собою никакими общими идеями, никакою нравственною солидарностью.

Казалось-бы, что подобный взглядъ на російскую прессу долженъ былъ возмутить ее до глубины души (если таковая у нея имѣется) и вызвать въ ней горячій и единодушный протестъ. И что-же? Она нисколько не возмутилась и не протестовала; напротивъ, другой сотрудникъ одного толстаго журнала не только вполне одобрилъ и поддержалъ своего „соночлежника“, но даже и перещеголялъ его, уподобивъ редакціи нашихъ журналовъ и газетъ уже не ночлежнымъ домамъ, а просто... „собачьимъ конурамъ“.

Эти откровенныя признанія, эта отвратительная литературная халатность, даже несознающая своего полнѣйшаго самооплеванія, нечувствительныя въ прессѣ ни опроверженія, ни отпора, не служатьли онѣ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на поставленный нами выше вопросъ о степени обособленности нашихъ литературныхъ партій и направленій?

Конечно, было-бы большою ошибкою и большою несправедливостью утверждать, будто во всей нашей литературѣ, вообще, не существуетъ никакихъ болѣе или менѣе обособленныхъ направлений, будто всѣ наши органы печати представляютъ собою ночлежные притоны, страннопріемные дома и собачьи конуры для всякаго сорта людей, для всякаго сорта мнѣній и направлений. И самъ тотъ толстый журналъ, сотрудники котораго смотрять на всѣ наши журналы, какъ на ночлежные притоны и собачьи конуры,—самъ этотъ журналъ служить живымъ и нагляднымъ опроверженіемъ подобнаго взгляда. Вообще, наши толстые журналы, не исключая даже и „Вѣстника Европы“, такъ сильно ополчавшагося въ своей программѣ противъ направленія, несомнѣнно его имѣютъ и несомнѣнно стараются проводить его во всѣхъ своихъ отдѣлахъ, даже не сознавая того. Правда, опредѣлить ихъ направленіе во всѣхъ деталяхъ довольно трудно, но ихъ общій характеръ понятенъ и вразумителенъ для каждаго, хоть сколько-нибудь проникательнаго, читателя. Никто, напримѣръ, не смѣшаетъ направленія „Русскаго Вѣстника“ съ направлениемъ „Слова“ или „Отечественныхъ Записокъ“, точно такъ-же, какъ для всякаго очевидно, что между направлениемъ двухъ послѣднихъ журналовъ и направлениемъ „Вѣстника Европы“ существуетъ довольно значительная разница. У каждаго толстаго журнала есть свой специальный кругъ читателей и почитателей, свой постоянный кружокъ сотрудниковъ. Нельзя, конечно, сказать, что они воплощаютъ собою интересы какихъ-нибудь строго-опредѣлившихся партій, но во всякомъ случаѣ они являются выразителями наиболѣе общихъ тенденцій и стремленій того или другого изъ обособившихся экономическихъ факторовъ нашей общественной жизни. Въ этомъ отношеніи они рѣзко отличаются отъ всѣхъ остальныхъ органовъ нашей печати, отъ нашихъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ газетъ и журналовъ. Возьмите любую или любой изъ послѣднихъ, прочтите нѣсколько №№ подрядъ и притомъ отъ столбца до столбца, и вы придете въ тупикъ не отъ той массы пошлости, грязи и бездарности, которою они напичканы (это еще куда ни шло!), нѣтъ, вы придете въ тупикъ съ ихъ абсолютной безпринципности, полнѣйшаго отсутствія слѣдовъ какого-бы то ни было, хоть сколько-нибудь опредѣленнаго, міросозерцанія, какого-бы то ни было, хоть сколько-нибудь выдержаннаго, направленія. Что они защищаютъ, на что они нападаютъ, какіе общественные интересы они собою представляютъ, какому богу они поклоняются, чего они хотятъ, что они проповѣдуютъ? Я убѣжденъ, что ни одинъ изъ ихъ читателей не отвѣтитъ ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ; да и сами они не

дадутъ на нихъ никакого отвѣта. Не говоря уже о томъ, что ихъ мнѣнія постоянно мѣняются сообразно съ измѣненіемъ направленія вѣтровъ, что сегодня они съ такимъ-же апломбомъ будутъ доказывать, будто дважды-два — пять, съ какимъ вчера увѣрили, будто дважды-два—стеариновая свѣчка (никогда, разумѣется, даже по ошибкѣ, они не скажутъ, что дважды-два—четыре), не говоря уже объ этой неустойчивости ихъ мнѣній „во времени“, — даже на ограниченномъ пространствѣ одного и того-же №-ра вы на каждомъ шагу встрѣчаетесь съ хаосомъ самыхъ противорѣчивыхъ воззрѣній, съ безсвязными обрывками другъ друга взаимно исключającychъ міросозерцаній и направлений *). Повидимому, головы ихъ официальныхъ и неофициальныхъ дирижеровъ представляютъ собою нѣчто въ родѣ механическихъ аппаратовъ. Они ко всему относятся съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ, и если существуетъ на свѣтѣ какой-нибудь интересъ, который они, дѣйствительно, близко принимаютъ къ сердцу, то это только интересъ подписки. Во имя этого интереса они ни передъ чѣмъ не отступаютъ и ничего не стыдятся. Всѣ ихъ усилія, всѣ ихъ заботы исключительно направлены лишь къ тому, чтобы, съ одной стороны, не навлекать на себя слишкомъ часто бдительнаго вниманія начальства, а съ другой—постоянно возбуждать къ себѣ вниманіе публики (какой публики—для нихъ это безразлично). Ради достиженія первой цѣли, они вѣчно виляютъ и ежедневно мѣняютъ свои мнѣнія сообразно

*) Я полагаю, что констатируемый мною фактъ не нуждается ни въ какихъ ссылкахъ и узаваніяхъ. Онъ очевиденъ для всякаго. Ничѣмъ не рискуя, можно назначить какую угодно денежную премію тому провицательному читателю, который въ состояніи будетъ опредѣлить общественное міросозерцаніе своей газеты, какъ-бы эта газета ни называлась и какую-бы репутаціею она ни пользовалась. Возьмите, напримѣръ, изъ газетъ, ну, хоть „Московскія Вѣдомостя“, скажите, представителями интересовъ какаго экономического фактора, какой общественной партіи можно ихъ назвать? Интересовъ дворянства, интересовъ крупнаго землевладѣнія? Ничуть. Вспомните ихъ статьи по поводу экономическихъ мѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ предпринимавшихся въ западномъ краѣ,—вспомните ихъ недавнюю апологію московскимъ мясникамъ и трактирнымъ половымъ. То-же самое, и едва-ли не съ большимъ правомъ, можно сказать и о газетахъ съ такъ-называемымъ либеральнымъ направленіемъ. Взгляните, для примѣра, хоть на списокъ сотрудниковъ „Молвы“, преемницы „Биржевыхъ Вѣдомостей“: рядомъ съ именами сотрудниковъ изъ „Отечественныхъ Записокъ“ вы встрѣчаете имена Колюпанова, Фирсова и, съ позволенія сказать, какой-то Буквы. Сравните нѣкоторые изъ фельетоновъ „Русской Правды“ съ передовицами той-же газеты, и вы согласитесь, что голова ея редактора, дѣйствительно, пустопороднее мѣсто. Нелучшее заключеніе вы составите и о головѣ редактора „Недѣли“, съ его умѣренно-казеннымъ либерализмомъ, а о „Новомъ Времени“, этомъ самомъ яркомъ воплощеніи всей осаждающей насъ пошлости, и говорить нечего.

съ обстоятельствами дня, ради достиженія второй цѣли, они стараются придать своимъ „органамъ“ разнообразіе винигрета, въ надеждѣ угодить, такимъ образомъ, на всѣ вкусы, удовлетворить всѣмъ требованіямъ...

Само собою понятно, что подобная безпринципная, ко всему (кромѣ подписки) индифферентная пресса, — пресса, не представляющая собою никакого серьезнаго общественнаго интереса, не выражающая требованій ни одного изъ данныхъ экономическихъ факторовъ, была-бы абсолютно невысказима и невозможна въ странѣ съ обособившимися общественными партіями, съ установившимся и опредѣленнымъ общественнымъ сознаніемъ. Но мы видѣли уже выше, что дифференцированіе общественнаго сознанія всегда бываетъ прямо пропорціонально дифференцированію факторовъ экономическаго производства. Слѣдовательно, судя по нашей прессѣ, не имѣемъ-ли мы права заключить, что у насъ экономическіе факторы производства до сихъ поръ еще находятся въ состояніи хаотическомъ, нераздѣльномъ?

Нѣкоторые „патріоты своего отечества“, а также и господа славянофилы, дѣйствительно, дѣлаютъ подобное заключеніе. Въ противность всякой очевидности, они утверждаютъ, будто несословность составляетъ характеристическую особенность нашего быта, будто въ сферѣ экономическихъ отношеній у насъ царитъ ненарушимый миръ, „тишь, гладь, да божья благодать“, будто только враги отечества могутъ усматривать среди этой тишины и благодати какую-то неурядицу какихъ-то противоположныхъ интересовъ, какое-то „забданіе чужого клѣба“, какой-то антагонизмъ, какихъ-то кулаковъ, какую-то эксплуатацію и всякія другія несообразности. Эти „несообразности“, по мнѣнію „патріотовъ своего отечества“, существуютъ только тамъ... въ гниломъ Западѣ, у насъ-же ничего подобнаго и въ помышленіяхъ нѣтъ, у насъ все „по-божески“: наши экономическія отношенія насквозь пропитаны патріархально-нравственными началами, недопускающими ни антагонизма интересовъ, ни взаимнаго поѣданія другъ друга, ни сословной вражды, и ничего такого... Мы всѣ пылаемъ другъ къ другу самою нѣжною, братскою любовью, и, „сидя подъ своими смоковницами“, каждый изъ насъ тихо, мирно, безбоязненно и богобоязненно наслаждается плодами трудовъ своихъ.

Я не думаю, чтобы „патріоты отечества“, рисуя намъ эти идиллическія картины, серьезно вѣрили въ ихъ реальность. Нѣтъ—это было-бы чрезчуръ наивно, а они люди совсѣмъ не наивные; при томъ-же они большіе любители старины, а, слѣдовательно, и исторіи. Исторія-же рисуеть намъ совершенно не буколическія картины.

Она констатируетъ фактъ существованія борьбы экономическихъ интересовъ, экономического антагонизма, со всѣми его послѣдствіями, задолго еще до возникновенія крѣпостного права. Крѣпостное право не только не примирило соціально-разошедшихся сторонъ, не только не слило во-едино двухъ расчленившихся факторовъ экономического производства, но, напротивъ, воздвигло между ними китайскую стѣну, провело рѣзкую разграничительную черту, содѣйствовало ихъ окончательному дифференцированію и интегрированію. Вотъ почему благонамѣренные историки и правовѣрные экономисты и считаютъ это шагомъ впередъ на пути экономического прогресса нашего отечества. Было-ли оно, дѣйствительно, шагомъ впередъ или шагомъ назадъ, дѣло не въ томъ. Несомнѣнно только одно, что этотъ „шагъ“ оказалъ весьма плохую услугу тому именно экономическому фактору, во имя и въ интересахъ котораго онъ былъ сдѣланъ. Отбросивъ всякую самостоятельность, отодвинувъ за кулисы исторической жизни „сѣраго мужика“, представителя экономического фактора труда, оно въ тоже время поставило и представителя фактора недвижимаго капитала въ такія экономическія и общественныя условія, которыя неминуемо должны были привести ихъ къ несостоятельности и раззоренію. И дѣйствительно, ко времени упраздненія крѣпостного права доходность недвижимаго капитала до такой степени сократилась, что, по крайней мѣрѣ, $\frac{2}{3}$ его представителей не могли уже существовать рентою и жили почти исключительно насчетъ государственнаго бюджета и государственнаго кредита. Такимъ образомъ, крѣпостное право, отнявъ юридическую самостоятельность у одного фактора производства, отняло самостоятельность экономическую и у другого. Потерявъ свою экономическую самостоятельность, представители недвижимаго капитала неизбѣжно должны были потерять и свое прежнее общественное значеніе, свою прежнюю общественную силу. Приобрѣсти снова это значеніе и эту силу они могутъ лишь тогда, когда снова возвратятъ себѣ свою экономическую независимость, т. е. стануть на собственныя ноги и эмансипируются отъ посторонней помощи и посторонняго покровительства. Случится-ли это когда нибудь? Осуществятся-ли когда нибудь экономическія утопіи гг. Катковыхъ, Фадѣевыхъ, Бланковъ и иныхъ фантазеровъ, мечтающихъ превратить російскаго раззореннаго землевладѣльца въ англійскаго джетри и ландъ-лорда — это вопросъ будущаго. Предрѣшать его заранѣе слишкомъ рискованно. Однако, какъ-бы онъ ни рѣшился въ будущемъ, во всякомъ случаѣ остается вполне несомнѣннымъ и безспорнымъ тотъ фактъ, что въ настоящемъ изъ трехъ факторовъ экономиче-

скаго производства, одинъ факторъ недвижимаго капитала оказывается экономически-безсильнымъ и несамостоятельнымъ. Но если этотъ факторъ безсильнъ и несамостоятеленъ, то можетъ-ли быть сильнъ и самостоятеленъ другой, выдѣлившійся изъ него факторъ, — факторъ движимаго капитала? Больные, слабосильные родители могутъ-ли родить сильныхъ и здоровыхъ дѣтей?

Выдѣленіе движимаго капитала, какъ самостоятельной экономической единицы, изъ капитала недвижимаго, начавшееся у насъ еще до крѣпостного права, было если и не совсѣмъ остановлено послѣднимъ, то все-таки значительно затруднено и задержано. Но задерживая, съ одной стороны, метаморфозу части недвижимаго капитала въ капиталъ движимый, крѣпостное право, съ другой стороны, само-же ее подготовило, само сдѣлало ее неизбежной. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе подъ ея вліяніемъ сокращалась доходность недвижимаго капитала, тѣмъ сильнѣе чувствовалась потребность обратить послѣдній въ капиталъ движимый. И едва только съ упраздненіемъ крѣпостного права явилась возможность удовлетворить этой потребности, какъ сейчасъ-же и начался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ размѣнъ земли и прикрѣпленныхъ къ ней душъ на выкупные, залоговые и всякія иные свидѣтельства, билеты, акціи и т. п. Такимъ образомъ, часть недвижимаго капитала преобразилась въ капиталъ движимый. Но часть не можетъ быть ни больше, ни сильнѣе своего цѣлаго; если представители недвижимаго капитала не могли въ послѣднее время жить на собственные ресурсы, если они вынуждены были искать помощи и поддержки въ государственномъ бюджетѣ, то само собою понятно, что и представители капитала движимаго должны были очутиться не въ лучшемъ положеніи, по крайней мѣрѣ, на первые дни своего самостоятельнаго существованія. Эти первые дни продолжаются, какъ всякій знаетъ, и по сіе время: и по сіе время онъ не въ состояніи питаться на собственные ресурсы и живетъ, главнымъ образомъ, насчетъ государственнаго бюджета. Слѣдовательно, онъ находится въ такомъ-же зависимомъ и подчиненномъ положеніи, какъ и его старшій братецъ — капиталъ недвижимый. Ни тотъ, ни другой не представляютъ собою никакой самостоятельной экономической силы. Единственною самостоятельною экономическою силою оказывается, такимъ образомъ, одинъ только третій факторъ экономическаго производства, тотъ факторъ, представителемъ котораго является „сѣрый мужикъ“. Только онъ одинъ дурно или хорошо, но живетъ на собственный счетъ, стоитъ на собственныхъ ногахъ, и не только не черпаетъ никакихъ ресурсовъ изъ государственнаго бюд-

жета, но, напротивъ, самъ доставляетъ ему ресурсы, необходимыя для оказанія помощи и поддержки остальнымъ факторамъ экономическаго производства.

Вотъ почему, несмотря на дифференцированіе этихъ факторовъ, различныя теченія и направленія нашей общественной мысли, даже тѣ, въ которыхъ болѣе или менѣе воплощаются интересы и потребности движимаго и недвижимаго капитала, по необходимости, волею-неволею должны тяготѣть къ „сѣрому мужику“, какъ къ единственному представителю реальной экономической силы.

Въ этомъ преобладаніи экономической силы сѣраго мужика надъ экономической силою (или, вѣрнѣе, экономическимъ безсиліемъ) представителей другихъ факторовъ производства нѣкоторые „патріоты своего отечества“ усматриваютъ рѣшительное преимущество отечественной цивилизаціи передъ цивилизаціею гнилого Запада. Но при этомъ патріоты забываютъ, что было время, когда и гнилой Западъ пользовался этимъ преимуществомъ и, однакожь, оно не спасло его отъ „гниенія“. Почему? Потому, отвѣтять патріоты, — что онъ не сумѣлъ удержать этого преимущества. Но почему не сумѣлъ? И если онъ не сумѣлъ, то сумѣемъ-ли мы?

Вотъ вопросъ, который не можетъ не интересовать, не мучить, не тревожить каждаго мыслящаго человѣка, будь онъ патріотомъ или врагомъ „своего отечества“. „На зарѣ цивилизаціи“ сѣрый мужикъ тоже представлялъ изъ себя единственную реальную экономическую силу. И, однакожь, это обстоятельство насколько не помѣшало ему выдѣлиться изъ этой силы и въ ущербъ этой силѣ и другимъ силамъ, враждебнымъ ей. А если оно не помѣшало выдѣлиться имъ, то какъ только они выдѣлились—можетъ ли оно помѣшать имъ разрастаться и укрѣпляться насчетъ породившей ихъ силы?

Очевидно, элементы для развитія этихъ силъ лежатъ въ самомъ сѣромъ мужикѣ, въ условіяхъ его жизни, какъ экономической, такъ нравственной, и умственной. Въ чемъ-же заключаются эти элементы? Какимъ образомъ можетъ быть ослаблено или утилизировано ихъ вліяніе? Рѣшеніе этихъ вопросовъ, безъ сомнѣнія, одинаково существенно, одинаково важно какъ для тѣхъ, которые желаютъ утилизировать ихъ во вредъ, такъ и для тѣхъ, которые желаютъ воспользоваться ими въ пользу интересовъ народа. Но чтобы умѣть ими пользоваться, нужно прежде всего ихъ знать. Общество наше начинаетъ это понимать, — вотъ почему оно такъ живо и заинтересовалось теперь „сѣрымъ мужикомъ“, его бытовою обстановкою, его внутреннимъ міромъ, вотъ почему въ послѣднее время со всѣхъ сторонъ начинаютъ пред-

приниматься экскурсіи въ народъ съ научными, нравственно-просвѣтительными и даже чисто-эстетическими цѣлями. Разумѣется, только экскурсіи послѣдняго рода должны подлежать анализу литературной критики. Литературная критика должна прежде всего разъяснить ихъ реальныя экономическія причины, ихъ общественное значеніе. Это я и пытался сдѣлать въ настоящей статьѣ. Затѣмъ она должна опредѣлить характеръ этихъ экскурсій, зависящій, главнымъ образомъ, отъ таланта, наблюдательности, точки зрѣнія и направленія господъ экскурсіонистовъ. Но однимъ этимъ еще не исчерпывается ея задача. Она должна, сопоставивъ и сравнивъ сырой матеріалъ, собранный беллетристами, опредѣлить степень его достовѣрности и сдѣлать изъ него всѣ необходимыя, логически вытекающіе выводы и обобщенія.

Я и займусь этимъ въ слѣдующихъ статьяхъ.

П. Викентій.

ДѢТСКОЕ БЕЗВРЕМЯ.

„Дѣтское чтеніе“, годъ десятый, томъ XIX и XX. СПБ. 1878 г.—Педагогическій листокъ (для родителей и воспитателей). Приложение къ журналу „Дѣтское чтеніе“. СПБ. 1878 г.

I.

Ровно за десять лѣтъ въ „Дѣлѣ“ былъ напечатанъ разборъ „Дѣтскаго чтенія“. Оно тогда только-что появилось. Прошло десять лѣтъ, и мы надняхъ получили экземпляръ журнала за прошлый годъ, юбилейную книжку „Педагогическаго Листва“ съ отчетомъ за десятилѣтіе, съ просьбою редакціи разобрать ея изданіе.

Да, много утекло воды за эти десять лѣтъ. И это-бы ничего—вода и должна течь, но куда она течетъ? Что она уносить и что приносить? Иногда она уносить то, чему лучше-бы остаться, и приносить то, чему лучше-бы не быть. За то, что я высказалъ эту мысль журнальный обозрѣватель „Молвы“ („Бирживыя Вѣдомости“) назвалъ меня солянымъ столбомъ. Ему показалось, что я, какъ старая дѣва, вздыхаю по исчезнувшемъ женихѣ и не вижу новой жизни. Ну, а вы ее видите? Если видите, покажите, въ чемъ она. Обозрѣватель „Молвы“ увѣряетъ, что умственно мы ушли очень далеко, потому-что въ переводѣ явился Марксъ. Но вѣдь умственное приобрѣтеніе не заключается только въ книжкахъ, которыя стоятъ на полкахъ книжныхъ магазиновъ. Обозрѣватель могъ-бы прибавить, что въ книжныхъ магазинахъ явился первый томъ Ласала, что явилось много и другихъ книгъ, которыхъ не было въ шестидесятихъ годахъ. Но еслибы вся европейская литература была

переведена на русскій языкъ, неужели этимъ что-нибудь доказы-
вается? Въ чемъ, скажите, заключается умственная жизнь настоя-
щаго времени, въ чемъ ея интересы, въ чемъ стремленія, кто и
куда направляется, какой цвѣтъ и характеръ умственного существо-
ванія интеллигентнаго общества, въ чемъ общественное содержи-
мое нашей частной и журнальной печати, какіе интересы она воз-
буждаетъ, какіе вопросы разрѣшаетъ, на что общество находитъ
отвѣтъ, живетъ-ли ему лучше, поднялся-ли общій умственный
уровень или упалъ? Поднялась-ли общественная нравственность
или стала ниже, стала-ли впечатлительнѣе общественная совѣсть
или загрубѣла? Шопенгауеръ говоритъ, что человѣкъ, перестав-
шій возмущаться, потерялъ разумъ. Докажите, что мы не потеря-
ли разума. Докажите, что васъ, обозрѣватель, и окружающихъ васъ
людей волнуютъ и возмущаютъ факты, о которыхъ вы можете
прочесть хотя-бы только во вчерашнихъ нумерахъ „Голоса“ и
„Молвы“.

Я знаю, что вы согласитесь вотъ съ чѣмъ: вся современная
журналистика и газетная печать утратили чувство восторженности
и сердечной впечатлительности и отдались холодному резонерству
и головной рефлексіи, обличающей только черствость чувства и
бесиліе ума. Мы, такъ сказать, горячимся хладнокровно; внутрен-
ніе вопросы не только для насъ вымерли, они точно набили намъ
оскомину, и есть газеты, которыя даже нисколько не стѣсняются
высказывать это и ставить внѣшнюю политику выше внутренней.
Вѣдь это значитъ совсѣмъ одурѣть, нѣтъ, хуже этого, — совсѣмъ
опошлѣть. Конечно, безъ внѣшней политики жить нельзя, ее не
только нужно знать, но и принимать въ ней участіе; но всякая внѣш-
няя политика имѣетъ настолько смысла и значенія, насколько она
помогаетъ внутренней: она одно изъ внѣшнихъ средствъ для внут-
ренняго развитія и, понимаемая иначе, теряетъ всякій смыслъ. Меж-
ду тѣмъ, съ послѣдней сербской войны, когда мы ловили журавля въ
небѣ, мы совсѣмъ забыли о своей домашней синицѣ, и до сихъ
поръ еще не можемъ взять въ толкъ, зачѣмъ мы собственно гна-
лись и поймали-ли что-нибудь, кромѣ мыльнаго пузыря?

Укоряющему меня собрату я и въ этомъ случаѣ могъ-бы ука-
зать на шестидесятые года, когда журналистика гораздо лучше
понимала отношенія между внутренней и внѣшней политикой.
Изъ внѣшней политики не дѣлали тогда журавля въ небѣ, а ви-
дѣли въ ней средство для развитія общественныхъ и государ-
ственныхъ понятій. Въ этомъ была руководящая идея, а слѣдо-
вательно, и настоящій умственный ростъ. Теперь этого ничего
нѣтъ. Возьмите наши наиболѣе распространенныя большія газе-

ты и скажите, неужели это политическіе органы въ томъ смыслѣ, какъ понимается политическая печать въ Европѣ. Ужь не говоря объ отсутствіи какихъ-бы то ни было политическихъ убѣжденій, не говоря о сумбурѣ писаній съ плеча, что Богъ положить на душу, объ отрещиваніи на-завтра отъ того, что говорилось вчера,—скажите, какую точную, воспитательную, формирующую общественное мнѣніе цѣль преслѣдуетъ хоть одинъ изъ этихъ органовъ? Вы находите или повиннистскій задоръ, неизвѣстно для кого и для чего, задоръ, путающій понятія, или какой-то холодильникъ безстрастнаго благоразумія. Читатель, просвѣщающійся подобнымъ органомъ, еслибы его спросить, чего онъ хочетъ, какія цѣли и идеи онъ преслѣдуетъ, какой программы держится въ той внутренней и внѣшней политикѣ, которую онъ исповѣдуетъ, читая свой органъ, былъ-бы совершенно поставленъ въ тупикъ. Онъ впервые услышалъ-бы, что у политики могутъ быть задачи и цѣли общаго развитія. Значить-ли это идти впередъ, значить-ли это воспитывать общество, значить-ли это создавать въ немъ ясныя и зрѣлыя представленія о томъ, чѣмъ оно должно быть дома и что дѣлать, и чѣмъ оно должно быть въ международныхъ отношеніяхъ и тоже что дѣлать, чтобы между его домашней, внутренней дѣятельностью и дѣятельностью внѣ-домашней установилась гармонія, придающая единство и силу его стремленіямъ? Если этого нѣтъ, если попытки шестидесятыхъ годовъ положить начало политическому образованію нашего общества привели къ современному разброду политическихъ понятій и представленій, то мы имѣемъ право говорить, что тогда мы были развитѣе; точно также, какъ до освобожденія крестьянъ мы были образованнѣе, чѣмъ въ семидесятыхъ годахъ, ибо тогда у насъ было довольно знаній, чтобы управляться съ окружающими обстоятельствами, а теперь обстоятельства управляютъ нами.

Надняхъ разсматривалось дѣло Логинова. Юридически оно, можетъ быть, не представляетъ продолженія дѣла Гулакь-Артемовской, но логически, какъ одинъ изъ фактовъ того-же порядка явленій, оно связано съ нимъ тѣсно.

На судѣ прошла цѣлая вереница лицъ изъ всѣхъ слоевъ общества. Тутъ были и темныя личности безъ имени, безъ званія и положенія, были женщины и мужчины, молодые и старые, образованные и необразованные, были лица даже высокопоставленные. Это дѣло, въ которомъ лганье, вранье, взаимная эксплуатація и всякое надувательство дошли до геркулесовыхъ столбовъ. Тутъ обманывалось все и вся. Обманывался законъ, обманывались люди, обманывался судъ, и все это дѣлалось открыто, среди бѣлаго дня.

Люди безъ стыда, безъ совѣсти,—люди, лишены всякаго нравственнаго чувства, составили цѣлый заговоръ, чтобы воспользо-ваться довѣріемъ, безпутствомъ и безсиліемъ и обобрать, съ одной стороны, беспомощнаго старика, съ другой—еще болѣе беспомощнаго юношу. И въ людяхъ не только не было ни малѣйшаго представленія о томъ, что честно, что безчестно, что добро, что зло,—въ нихъ не было даже и тѣни человѣческаго инстинкта, тѣни того чувства, которое можно найти въ разбойникѣ на большой дорогѣ. И это дѣло не одно. За эти пять лѣтъ русскіе окружные суды видѣли нѣсколько дѣлъ, когда пользовались слабостью и глупостью, когда развращали намѣренно жертву и высасывали изъ нея ея послѣдній грошъ. Въ червонныхъ валетахъ бывали эпизоды, подобные дѣлу Логинова. То дѣло надѣлало много шума, но, въ сущности, оно никого не возмутило, никого не сдѣлало умнѣе, никого не образумило, никого не предупредило и не побудило общество создать себѣ какія-либо гарантіи, чтобы подобныя дѣла не повторялись. Понятія наши остались прежними, отношенія прежними, случайности прежними, а, слѣдовательно, будутъ повторяться и прежнія послѣдствія и съ ними мы будемъ знакомиться лишь изъ приговора суда, отъ котораго, конечно, не зависить уничтожать зло, когда источникъ его остается неприкосновеннымъ.

Логиновъ надѣлалъ болѣе 960,000 долговъ, а въ его руки попала, можетъ быть, только сотая часть; все остальное расхитили разныхъ видовъ хищники, которые, точно вороны, слетались на добычу и вырывали другъ у друга изо рта куски чужого мяса. Въ этомъ лабиринтѣ путаницы многіе не знали, какой кусокъ они тянутъ, чей онъ; всякій старался лишь тащить, что казалось ему лежить плохо. Любовникъ тащилъ отъ любовницы, сынъ отъ отца, мужъ отъ жены. Въ этой игрѣ въ темную до того, наконецъ, всѣ перепутались, до того у всѣхъ закружились головы, что никто даже не понималъ, что онъ и для чего дѣлалъ. На судѣ фигурировали, разныя письма, исковыя прошенія, передачи векселей, бланковыя надписи и оказывалось сплошь и рядомъ, что даже неизвѣстно, кѣмъ все это писалось, кому передавалось, какъ попало въ руки тѣхъ, у кого было найдено.

Логиновъ на судѣ совершенно искренно передалъ свою печальную одиссею. По выходѣ изъ горнаго института онъ поступилъ на Олоненскіе заводы, гдѣ не было рѣшительно никакихъ развлеченій, кромѣ игры въ карты и пьянства. Подобные Олоненскіе заводы можно найти въ каждой географической точкѣ нашего отечества. Наша провинціальная жизнь, да, пожалуй, и петербургская, не даетъ

ничего, кромѣ той-же игры въ карты, кромѣ той-же трактирной жизни, ничего, кромѣ такъ называемыхъ развлеченій—баловъ, танцевъ, маскарардовъ. Не знаемъ, насколько другія развлеченія сохранили-бы Логинова, но на Олоненскихъ заводахъ онъ не только научился жить, но даже пристрастился къ вину. Одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году Логиновъ бывалъ приличнѣйшимъ изъ приличныхъ людей, но потомъ, когда запьетъ, былъ готовъ подписать свой смертный приговоръ. Пробывъ на Олоненскихъ заводахъ годъ и семь мѣсяцевъ, Логиновъ перебрался въ Петербургъ и попалъ въ компанію, въ которой были постоянные кутежи. Хотя отецъ и давалъ ему деньги, но ихъ не хватало, и Логиновъ писалъ или векселя, или заемныя письма. Затѣмъ, въ 1868 году онъ попалъ въ науку къ г-жѣ Серженской и госпожа эта устроила такъ, что въ полтора года у него явилось долгу 40,000 р., тогда какъ раньше было не болѣе пяти тысячъ. Прекрасная дама, въ рукахъ которой очутился г. Логиновъ, принадлежала къ той-же школѣ, къ какой принадлежала и г-жа Гулакъ-Артемовская, и устроила его дѣла такъ, что изъ 40,000 долгу онъ не получилъ ничего. Векселя его брались для дисконта, денегъ ему выдавалось немного, а иногда рѣшительно ничего. Наконецъ Логиновъ попадаетъ въ долговое отдѣленіе. Высидѣвъ свой срокъ и очутившись на свободѣ, онъ снова попалъ въ прежній омутъ, въ міръ тѣхъ-же людей и снова пошелъ писать векселя. И друзья, подпавая его и высасывая изъ него деньги, очень хорошо знали, что деньги эти не его. Тутъ ужъ нечего говорить о совѣсти или о какихъ-нибудь человѣческихъ чувствахъ; даже не знаешь, мошенничество это или полнѣйшая атрофія всего того, что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Кажется, у палачей больше жалости, инквизиторы даже съ меньшимъ равнодушіемъ мучили и убивали свои жертвы. Здѣсь-же какое-то полное отсутствіе всякаго чувства, всякой мысли, даже всякаго смысла. Просто разводишь руками и становишься въ тупикъ, не умѣя представить, что можетъ происходить въ душѣ подобныхъ людей.

„Придешь, бывало, показывалъ Логиновъ,—и тебя съ самого утра начинаютъ напаивать, а потомъ скажутъ: подпиши вексель,—ну и подпишешь. Когда со всѣхъ сторонъ стали меня тѣснить, я рѣшился объявить себя должникомъ несостоятельнымъ и положительно не подозрѣвалъ существованія цѣлой массы моихъ векселей. Скажу еще, что за какихъ-нибудь двадцать, пятьдесятъ рублей вы давались векселя на нѣсколько десятковъ тысячъ!“ Гутцайтъ, этотъ искушенный хищникъ, игравшій однако въ благородство и даже на судѣ увѣрявшій, что онъ честный и благородный человѣкъ,

выманивалъ отъ Логинова постоянно деньги, а для этого приглашалъ къ себѣ его обѣдать, угощалъ, поилъ и заставлялъ или добывать деньги отъ отца, или подписывать векселя. Онъ требовалъ отъ Логинова денегъ даже за то, чтобы объявить его должникомъ неосторожнымъ или несчастнымъ. Честный г. Гутцайтъ виновнымъ себя, конечно, не призналъ, а виноватымъ, по его мнѣнію, остался, конечно, Логиновъ. „Если считать все, что я раньше уплатилъ за все время, когда занималъ деньги, сказалъ Логиновъ, — то выйдетъ, что я получилъ изъ 960,000 тысячъ до 10,000, да отецъ уплатилъ 5,000 рублей“. Вотъ она, лѣтопись честныхъ людей!

И противно во всѣхъ этихъ исторіяхъ не то, что люди мошенничаютъ, — противно, что всѣ эти Гутцайты, Хаймовичи, Юханцевы, Полявскіе — всѣ они считаютъ себя честными и благородными людьми, всѣ они увѣряютъ, что никого не обирали, никого не рѣзали, не душили, никого не обворовали, никого не пустили по міру. Они зачастую плачутъ на судѣ, изображая изъ себя жертвы общественнаго темперамента, доказываютъ свою невинность и, отправляясь въ хладныя мѣста, принимаютъ видъ угнетенныхъ невинностей.

Хаймовичи и Гутцайты всегда бывали и отъ нихъ не спасешься. Но они никогда не играли такой роли, ихъ никогда не бывало такъ много, какъ нынче. Да и въ этомъ-то еще не большая бѣда: бѣда въ томъ, что въ обществѣ нѣтъ чувства негодованія къ нимъ, что всѣ мы приглядѣлись къ подобнымъ явленіямъ и людямъ, и оправдай судъ Гутцайта, а обвини онъ Логинова, публика разошлась-бы изъ суда совершенно равнодушно, не выразивъ ни своего одобренія, ни своего негодованія. А между тѣмъ, та-же публика, когда на судѣ являются жертвы „общественнаго темперамента“, когда на судѣ фигурируетъ „жестокій мужъ“ и „несчастливая жена“, однако, не настолько несчастная, чтобы не найти себѣ какого-нибудь „счастливаго“ выхода, и когда судъ выноситъ великодушный приговоръ, публика всегда приходитъ въ неистовый восторгъ. Мы не говоримъ ничего противъ этихъ рѣшеній, мы очень сочувствуемъ и страдающимъ женамъ, и дѣвушкамъ-матерямъ, доводимымъ обстоятельствами до дѣтоубійства, но мы не понимаемъ одного — отчего во всѣхъ вопросахъ „семейныхъ драмъ“ мы бываемъ такъ великодушны, такъ близко и живо чувствуемъ страданія страдающаго и такъ возмущаемся всякой грубостью насилія и держимъ сторону слабыхъ, а въ дѣлахъ общественнаго характера, когда передъ нами не два человѣка и является картина не личной драмы, а драмы общественной, глубоко развѣтвленной, когда страдающимъ является не отдѣльное, а коллективное лицо, когда вмѣсто отдѣльныхъ личныхъ отношеній является цѣлая ихъ сѣть,

когда передъ нашими глазами гибнетъ чуть не цѣлое поколѣніе отъ массы условій, которыя его убиваютъ нравственно, умственно и физически, когда противъ этой погибающей молодости стоитъ цѣлая губящая и хищная среда, увлекающая ее по хладнокровно составленному разсчету, — насъ не только не трогаетъ и не шевелитъ это ненормальное положеніе людей и ненормальность всѣхъ условій, ихъ создающихъ, но мы точно игнорируемъ все это и поступаемъ хуже всякаго Пилата. Тотъ, хотя и поздно, а все-таки спросилъ, что такое истина, а мы умываемъ руки, даже и не спрашивая ни о чемъ. Я не говорю, что все вымерло, что пропали люди, что нѣтъ живого человѣка; я говорю только, что въ томъ слѣб, который считаетъ себя вліятельнымъ, руководящимъ, интеллигентнымъ, нѣтъ тѣхъ общественныхъ чувствъ и понятій, а слѣдовательно, нѣтъ того нравственнаго вліянія, которое-бы обезпечивало за нимъ значеніе руководящей прогрессивной силы. А если подобной силы нѣтъ въ руководящемъ слѣб, идетъ-ли общество впередъ или назадъ?

Вы говорите, что семидесятыя года вышли изъ шестидесятыхъ, — отчего-же молодежь, ищущая отвѣтовъ на свои вопросы, читаетъ журналы шестидесятыхъ, а не семидесятыхъ годовъ? Вы слѣдите движеніе тогдашней мысли и скажите, въ чемъ тогдашнее воспитательное передовое движеніе нашло свое продолженіе въ семидесятыхъ годахъ? Кто повелъ его дальше, какой журналъ, какая часть общества, чѣмъ стали тогдашніе отцы, чѣмъ стали тогдашніи дѣти? И сороковыя года перешли въ пятидесятыя, но скажете-ли вы, что они продолжали ихъ? Даровитыхъ публицистовъ и общественныхъ мыслителей сороковыхъ годовъ смѣнилъ въ пятидесятыхъ Авдѣевъ съ его проповѣдью свободной любви, а Бѣлинскаго — Аполонъ Григорьевъ. Неужели это продолженіе, неужели это вторая часть того-же сочиненія? А развѣ не тоже самое случилось и теперь? Вы говорите: кто оглядывается на шестидесятыя года, тѣ — соляные столбы; но Содомъ не тутъ, — Содомъ тамъ, гдѣ пошло повальное воровство, повальный обманъ, гдѣ наступилъ праздникъ на улицѣ червонныхъ валетовъ.

Взгляните на Францію, посмотрите на Германію — тамъ живые и думающіе люди, у нихъ есть чувство общественнаго интереса. Въ каждой изъ этихъ странъ вы найдете группу прогрессивныхъ людей, — группу, которая можетъ считать въ себѣ не десятки людей, а миліоны, и эти миліоны знаютъ, чего имъ нужно, совершенно вѣрно понимаютъ интересы своей страны и постепенно, шагъ за шагомъ, идутъ неуклонно къ достиженію цѣли общаго блага. Они знаютъ, чего они хотятъ, и потому, что они знаютъ, они идутъ впередъ. Энергію даетъ имъ страстность; но у кого

изъ насъ найдется эта искра божія? Мы вѣдь чистые китайцы—разсудочные, рефлексивные, думающіе каждый о себѣ, безъ связи съ кѣмъ-бы то ни было, точно каждый изъ насъ — одинокій Робинзонъ на необитаемомъ островѣ. Конечно, не безъ того, чтобы въ двадцать лѣтъ не народилось новыхъ людей; но вѣдь не всякая переменѣна къ лучшему. Новый слой интеллигентныхъ представителей выставилъ и свои новые интересы, которые въ политикѣ привели къ шовинизму, а во всемъ остальномъ — къ самому глубокому индивидуализму, вытѣснившему общественное мышленіе. Конечно, у этого явленія есть свои причины, но вѣдь мало-ли у чего есть свои причины! Мы говоримъ о томъ, насколько полезны или вредны для общества слѣдствія этихъ причинъ, мы говоримъ о томъ общемъ движеніи мысли, при которомъ общество стало отворачиваться отъ всего, что называется идеей, отъ всего, что должно быть возведено въ обобщеніе, и ушло въ мелкую работу.

Говорятъ, что наша разсудочность есть народная черта. Это неправда. Народъ деревни—не тотъ народъ, что мы; деревня не рефлектируетъ; у нея, можетъ быть, очень мало мыслей и немного желаній, но ея желанія и мысли составляютъ одно цѣлое, образуютъ что-то стихійное, а вмѣстѣ съ тѣмъ страстное и сильное. Поэтому, только въ деревнѣ вы найдете людей съ характеромъ и такихъ-же цѣльныхъ людей, какихъ составляетъ Европа и какихъ вы не найдете въ нашей интеллигенціи. Кому случалось ѣздить по желѣзной дорогѣ за границей и у насъ, того, конечно, поражала разница между европейскимъ и русскимъ человѣкомъ; тамъ вы видите свободаго, смѣлаго, говорящаго и мыслящаго человѣка; тамъ у людей, въ первый разъ въ жизни встрѣтившихся въ вагонѣ, сейчасъ-же начинается одушевленный разговоръ; видно, что у людей есть общія мысли, общія желанія и общіе интересы, а у насъ точно сидишь себѣ среди живыхъ мертвецовъ. Въ этомъ отношеніи семидесятые года ушли не впередъ, а назадъ. Десять лѣтъ раньше мы были общезителнѣе и смѣлѣе, теперь мы стали молчаливѣе и осторожнѣе. Мужикъ не боится быть откровеннымъ съ мужикомъ, и въ третьемъ классѣ вы всегда найдете довольно смѣлыхъ людей, которые не побоятся говорить вамъ прямо о своихъ дѣлахъ. Мы-же, интеллигенты-руководители, молчимъ только потому, что знаемъ, что продаемъ другъ друга. Мы даже не замѣчаемъ, насколько отъ подобныхъ отношеній портится у насъ личный характеръ; искренность, откровенность и прямота, плѣнительная въ иностранцахъ, особенно въ нѣмцахъ и французахъ, давно насъ оставила; каждый изолируется все больше и больше, каждый живетъ внутри себя, каждый развиваетъ въ себѣ недовѣ-

ріе къ ближнему, убиваетъ общительность, и открытыя, свѣтлыя характеры становятся у насъ рѣдкостью, почти исключеніемъ. вмѣсто симпатическихъ чувствъ развиваются чувства эгоистическія, вмѣсто общенія является разбродъ. Затѣмъ мы плачемся на свою славянскую рознь и удивляемся, что каждый сидитъ въ своемъ особнякѣ, скрывая свои мысли даже отъ своей жены.

Общество въ цѣломъ, какъ извѣстная нравственная фізіономія, положительно упало и упадаетъ больше; оно упало въ тѣхъ идеяхъ, къ которымъ стремится, и въ требованіяхъ, которыя заявляетъ, и въ знаніяхъ, которыми владѣеть. Всѣ эти Гутцайты, всѣ эти хищники и ихъ жертвы составляютъ яркій фонъ картины нашей общественной и частной жизни. Вѣдь это роковое положеніе, его нужно сознать, о немъ надо говорить много и часто, а вы увѣряете, что тѣ, кто говоритъ о немъ, соляные столбы.

Мы утѣшаемся тѣмъ, что образованіе стало шире,—есть чѣмъ утѣшаться! У „Недѣли“, какъ говорятъ, не было прежде и двухъ съ половиною тысячъ подписчиковъ, а когда она въ видѣ приложенія стала давать романы и повѣсти, явилось сразу восемь тысячъ. Въ журналахъ читаютъ теперь только романы, а въ газетахъ—лишь фельетоны. Конечно, число грамотныхъ и читающихъ людей стало больше, но вѣдь рѣчь не о числѣ грамотныхъ, а о томъ, что грамотные читаютъ; рѣчь о томъ, какія понятія приобщаются этимъ чтеніемъ, какія идеи входятъ въ каждую отдѣльную семью, какой внутренній умственный міръ онѣ создаютъ, какъ этотъ умственный міръ дѣйствуетъ на тѣхъ, кто въ немъ живетъ, растетъ и вырастаетъ. Какой-же выходъ? Для выхода у насъ всегда находились панацеи, и такой панацеей являлось уже не разъ образованіе. Восемнадцатый вѣкъ, вообще склонный къ радикальнымъ средствамъ, сдѣлалъ грандіозную попытку — путемъ образованія создать новыхъ людей. Подъ вліяніемъ философскихъ идей, исходившихъ изъ Франціи, подъ вліяніемъ всеобщаго стремленія къ обновленію, когда лучшіе люди утратили всякую вѣру въ общество и видѣли невозможность достигнуть чего-либо съ тѣми людьми, изъ которыхъ оно состояло, у нихъ явилась отважная мысль создать новое поколѣніе людей совершенно внѣ этого мертваго и безнадежнаго общества. Императрица Екатерина, по докладу Бецкаго, учредила закрытыя воспитательныя заведенія, въ которыхъ предполагалось воспитывать дѣтей внѣ ихъ родной семьи, внѣ вліянія ихъ невѣжественныхъ родителей и среды, въ которой они жили. Изъ этой идеи явился впоследствии цѣлый рядъ закрытыхъ заведеній. Но опытъ убѣдилъ, что эти заведенія достигли совсѣмъ не той цѣли, какую имѣли въ виду. Особенно печальный результатъ дали закрытыя женскія учебныя заведенія.

Въ шестидесятыхъ годахъ, когда всѣ вопросы разбирались и провѣрялись вновь и шла вообще весьма энергическая критическая работа, между другими вопросами былъ поднятъ вопросъ и о воспитаніи. Изолированное общественное воспитаніе было тогда признано не только не достигающимъ цѣли, но даже вреднымъ, и закрытыя заведенія были открыты. Вопросъ о воспитаніи считался въ это время одной изъ панацей и педагогика привлекла къ себѣ массу новыхъ свѣжихъ, честныхъ и искренно отдавшихъ этому дѣлу дѣятелей. Съ этого времени необыкновенно расширилась вся сфера воспитательной дѣятельности, явились специальные издатели дѣтскихъ книгъ, масса новыхъ дѣтскихъ журналовъ и, вообще, на воспитаніе, на созданіе новаго, лучшаго поколѣнія были обращены взоры упованія. Идея Екатерины II—путемъ воспитанія новыхъ поколѣвій создать новое общество нашла себѣ подражателей, хотя и въ иной формѣ.

II.

Императрица Екатерина одна изъ первыхъ начала писать для дѣтей и положила основаніе дѣтской литературѣ. Ею написана сказка „О царевичѣ Фивѣ“, „О царевичѣ Хлорѣ“, „Выборныя русскія пословицы“, „Записки, содержащія въ себѣ рассказы и разговоры“ и др. При Екатеринѣ-же извѣстный Новиковъ основалъ первый дѣтскій журналъ „Дѣтское Чтеніе“. Новиковъ въ предисловіи писалъ, что причина, побудившая его взяться за изданіе—та, что на русскомъ языкѣ не было ничего, что-бы служило собственно для дѣтскаго чтенія. „Всякому, кто любитъ свое отечество, писалъ Новиковъ, обращаясь къ дѣтямъ,—весьма прискорбно видѣть многихъ изъ васъ, которыя лучше знаютъ по-французски, чѣмъ по-русски и которыя въ мѣсто того, чтобы, какъ говорится, съ матернымъ млекою всасывать въ себя любовь къ отечеству, всасываютъ, питаются, возвращаютъ и укореняютъ въ себѣ различныя предубѣжденія противъ всего, что токмо отечественнымъ называется“. Главныхъ предметовъ „сихъ листовъ“, какъ выразился Новиковъ,—„будетъ польза ваша, но притомъ постараемся дѣлать вамъ ихъ приятными“. Въ заключеніе своего обращенія издатель говоритъ: „можетъ быть, захочется вамъ, любезныя дѣти, узнать издателя сихъ листовъ, мы скажемъ вамъ о себѣ столько, сколько нужно для удовольствованія вашего правильнаго любопытства. Именъ нашихъ знать вамъ нѣтъ нужды, а чиновъ и состояній еще меньше: ни то, ни другое не сдѣлаетъ листовъ нашихъ ни лучше, ни пріятнѣе. Довольно того, что мы почти всѣ

россияне, ваши собратья, любящие свое отечество и васъ, какъ будущую свою podporу“.

Журналъ Новикова издавался съ 1774 по 1799 г., т. е. пять лѣтъ и имѣлъ такой успѣхъ, что перепечатывался нѣсколько разъ; его читали не только дѣти, но и взрослые.

„Дѣтское Чтеніе“ Новикова не было сборникомъ случайныхъ статей; напротивъ, это былъ журналъ съ ясно обдуманномъ направленіемъ, съ точной тенденціей, опредѣленнымъ міросозерцаніемъ и съ вполне выработанной воспитательной программой. Онъ дѣйствовалъ противъ сословныхъ понятій, и очень обыкновенныя мысли для настоящаго времени тогда являлись точно яркая молнія, освѣщающая непроходимую тьму. Напримѣръ: „безразсудно было бы презирать слугъ за то, что они лишены такой выгоды, которую приобрѣсти не могли по своей волѣ“; или: „благородныя чувства, развитый разумъ, хорошее воспитаніе и образованіе равняютъ между собою людей всѣхъ сословій“; или: „знайте, что люди счастливы бываютъ для того только, чтобы сдѣлать счастливыми другихъ, которые терпятъ страданія и нужду“; или: „тяжело быть несчастнымъ, а еще труднѣе быть счастливымъ“. Нѣкоторыя изъ сказокъ не потеряли интереса своего даже и теперь. „Голодный нищій зашелъ въ обсерваторію къ астроному и просилъ у него Христа-ради хлѣба; астрономъ до того прилежно слѣдилъ за спутникомъ Сатурна, что ничего не видалъ и не слышалъ. Тогда нищій потянулъ ученаго мужа за рукавъ; астрономъ разсердился и сталъ бранить дерзкаго бродягу, заставляющаго его спуститься съ небесъ“. „Государь мой, отвѣтилъ нищій, — дерзость-ли то, когда несчастный просить у своего богатаго брата хлѣба, чтобы не умереть съ голоду... Чего вы смотрите на небо? Несчастные на землѣ живутъ“... Во всѣхъ разсказахъ, остротахъ, шуткахъ сказывалось гуманное направленіе Новикова, его стремленіе развивать въ юношахъ чувство справедливости, состраданія, сочувствія къ несчастнымъ и, вообще, лучшія стороны человѣческой натуры. Содержаніе новиковскаго „Дѣтскаго Чтенія“ было полно жизни, свѣжести, разнообразія и интереса. Даже теперь, черезъ сто лѣтъ, это изданіе, проникнутое благороднѣйшими стремленіями своего времени, представляетъ въ исторіи дѣтской литературы и журналистики самое свѣтлое явленіе.

„Дѣтское Чтеніе“ Новикова прекратилось въ 1779 г., а въ 1800 г. на смѣну ему явились два дѣтскихъ журнала — „Сокращенная Библіотека“ и „Утренняя Заря“. Въ дѣтской журналистикѣ, какъ въ журналистикѣ для взрослыхъ, отражалось всегда направленіе и вѣяніе времени, частію по причинамъ, независѣвшимъ отъ редакцій, а частію отъ того, кто стоялъ во главѣ из-

данія. Новиковы составляли вообще очень рѣдкое явленіе и потому понятно, что не каждое дѣтское изданіе могло имѣть своего Новикова. „Библіотека“ и „Утренняя Заря“ были изданіями сюрре сословными. Напр., „Библіотека“ посвящалась цесаревичу в. к. Константину Павловичу и въ посвященіи говорилось, „что многія избранныя мѣста сей книги изъ лучшихъ авторовъ могутъ служить для воспитанниковъ и образцами штиля. Другія-же піесы, будучи болѣе относительны къ ихъ званію, тѣмъ болѣе могутъ быть полезны для нихъ“. „Утренняя Заря“, издававшаяся съ 1800 по 1808 г., составлялась изъ трудовъ воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона. Въ предисловіи говорилось, что воспитанники, для усовершенствованія себя въ отечественномъ языкѣ, собирались разъ въ недѣлю читать и исправлять свои сочиненія и переводы, и упражненій ихъ накопилось столько, что воспитанники рѣшились издать въ свѣтъ лучшія изъ нихъ подъ именемъ „Утренней Зари“. Какъ упражненія ради усовершенствованія себя въ отечественномъ языкѣ, статьи „Утренней Зари“ хотя и принадлежали людямъ даровитымъ, впоследствии сдѣлавшимся писателями, но тѣмъ не менѣе „Утренняя Заря“ не была дѣтскимъ журналомъ, какъ понималъ это Новиковъ. Между статьями „Утренней Зари“ попадались, напр., такія: „Піснь на открытіе синагоги“, „Оды на кончину М.“ и др. „Къ портретамъ ихъ превосходительства, гг. кураторовъ университета“, „Экспромтъ на случай пожалованія въ тайные совѣтники его превосходительства императорскаго московскаго университета директора и кавалера П. Тургенева“. Наполеоновскія войны, повліявъ на наше воинственное настроеніе, придали подобный-же отгѣнокъ и статьямъ „Утренней Зари“ и подъему духа, обнаруживавшійся въ обществѣ, передался и дѣтской литературѣ того времени. Въ статьѣ о „Злобѣ и коварствѣ“ доставалось порядочно Наполеону; въ стихахъ слышался уже боевой кличъ:

Клянусь отцевъ моихъ стремиться по слѣдамъ;

Клянусь отечеству быть вѣрнымъ гражданиномъ,

И жить и умереть его достойнымъ сыномъ!“

Наконецъ, произносились рѣчи о любви къ отечеству. „Отечество! говорилось въ послѣдней книжкѣ „Зари“, ты можешь ожидать отъ россовъ всего величія, блага и славы“.

Сантиментальное направленіе Карамзина, Дмитріева, Нелединскаго, Мелетскаго, Мерзлякова и Жуковскаго, конечно, точно также отразилось на дѣтской литературѣ, и въ „Веселомъ и забавномъ другѣ дѣтей“ Смирнова является желаніе не только просвѣщать умы, но украшать всѣхъ добродѣтелями. Ради этого проводились такія назидательныя изрѣченія: „предразсудокъ—участъ ума чело-

вѣческаго“, „женщина—пріятный цвѣтокъ для зрѣнія“. Этого, конечно, дѣтямъ говорить-бы и не слѣдовало. Воспѣвались буколическія прелести деревни и съ особеннымъ презрѣніемъ осмѣивались „блестящіе гордые грады“, въ которыхъ „сердцу нѣтъ прямой отрады“, ибо въ нихъ только лесть, притворство и суета. „Веселый“ училъ даже, что „учтивство — взаимная ложь, самый учтивый человѣкъ почти всегда самый вѣроломный“. Наконецъ, онъ увѣрялъ, что человѣкъ есть „неблагодарное животное“.

Въ 1807 году явился „Другъ Юношества“, издателемъ котораго былъ Невзоровъ, ученикъ и сподвижникъ новиковскаго кружка и одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Слѣдуя Новикову, Невзоровъ своимъ „Другомъ Юношества“ явился подражателемъ „Дѣтскаго Чтенія“, но истинный духъ Новикова, духъ той гуманности, правды, искренности и задушевности, наконецъ, той любви къ дѣтямъ, которыми отличалось „Дѣтское Чтеніе“ отъ „Друга Юношества“—отлетѣлъ. Въ статьяхъ, въ которыхъ говорилось о политической и естественной исторіи, физикѣ, географіи, статистикѣ и гигиенѣ, ошибка невѣрнаго отношенія къ дѣтямъ и не могла явиться, но когда Невзоровъ брался за воспитаніе нравственное, онъ впадалъ въ сухую мораль и передъ читателемъ являлся сухой, строгій педагогъ, воспитывавшій назиданіями и выговорами. Въ одной изъ подобныхъ статей говорится, напр., что Августъ и Людовикъ XIV прославились, какъ великіе государи, но безъ короны они были бы обыкновенными людьми и не прославили-бы себя. Въ видѣ характеристики Марка Аврелія разсказывается, что когда Кассій былъ убитъ, сенатъ настаивалъ, чтобы Аврелій наказалъ главныхъ виновниковъ возстанія; императоръ-же всѣ бумаги, касавшіяся этого дѣла сжегъ собственноручно, не читавши ихъ, и сказалъ сенаторамъ: „заклинаю васъ—не пейте крови! Пусть никто не погибаетъ, пусть сосланные возвратятся къ своимъ семействамъ, изгнанникамъ будетъ отдано ихъ имущество; никто не долженъ знать страха тамъ, гдѣ царствуетъ Маркъ Аврелій!“ Понятно, что подобныя характеристики должны были обнаруживать полезное вліяніе на дѣтей. Къ послѣднимъ годамъ своего существованія „Другъ Юношества“ поубавилъ свои правоученія и сталъ давать статьи научнаго содержанія. Отъ того-ли, что журналъ сталъ серьезнѣе и расширилъ свою програму, но съ 1815 года изданіе его прекратилось.

„Журналъ для дѣтей, или пріятное и полезное чтеніе для образованія ума и сердца“, начавшійся въ 1813 г., хотя и былъ разнообразенъ по содержанію, но Наполеонъ I совѣмъ сбиль его съ толку. Журналъ говорилъ о немъ съ дѣтьми такимъ образомъ, какъ говорить вовсе не слѣдовало. Въ статьѣ о честолюбіи увѣ-

ряли дѣтей, что Геростратъ „несравненно честнѣе Наполеона“, что Наполеонъ „сожегши Москву, отпирается отъ своего злодѣянія и клевететь на самихъ россянъ“. Вольтера, Даламбера и Дидро „журналъ“ сравнивалъ съ сатаной. О первой французской революціи говорилось: „сѣумасшедшіе французы дѣлали все глупости, приличныя народу вѣтреному, слабоумному... Вся Франція походила тогда на дикій лѣсъ, въ которомъ только одни лютые звѣри обитали“... И все это говорилось тому обществу, передовые люди котораго тридцать лѣтъ ранѣе воспитывались на Вольтерѣ, Даламберѣ и Дидро, послѣ того, когда оцѣнка революціи была уже сдѣлана историками, когда Новиковъ положилъ основаніе гуманному и разсудительному направленію дѣтской журналистики, которое оставалось только продолжать. Но это былъ періодъ, когда истинно прогрессивные и передовые люди уже утратили въ обществѣ свой кредитъ, и общество пошло назадъ, какъ оно это дѣлаетъ и нынче.

Въ 1821—22 г. Глинка выпустилъ шесть частей „Новаго Дѣтскаго Чтенія“. Конечно, Глинка былъ человѣкъ безкорыстный и искренній патріотъ; но патріотизмъ его отзывался такимъ старообрядчествомъ, а даровитости и знаній, а слѣдовательно, и способности относиться правильно къ явленіямъ историческимъ и общественнымъ, было у Глинки такъ мало, что „Новое Дѣтское Чтеніе“ грозило еще больше портить дѣтей, чѣмъ портили предъидущіе журналы. Человѣкъ благочестивый, онъ придавалъ большое значеніе религіозному воспитанію и чуть-ли не половину „Новаго Дѣтскаго Чтенія“ превратилъ въ уроки изъ акафистовъ. Вообще, Глинка старался очень усердно насаждать всякихъ видовъ добродѣтель, покорность и какую-то слѣпую вѣру во все, что выходило за черту рутиннаго поведенія. Въ „Плутархѣ въ пользу воспитанія“ Глинка увѣряетъ, что еслибы исчадія французскаго мятежа, издѣвавшіяся надъ вѣрою и благочестіемъ, вникли-бы въ творенія языческихъ благонамѣренныхъ писателей, они убѣдились-бы, что Наполеонъ Бонапартъ былъ призванъ не для славы Франціи, а для наказанія изверговъ и сообщниковъ ихъ, низвергавшихъ престолы. Въ XVIII вѣкѣ, говоритъ онъ, свершилось гибельное превращеніе всѣхъ понятій человѣческихъ и произошло такое низверженіе обществъ и державъ, что покушались даже защищать и оправдывать силу. Увлекаемый своимъ рвеніемъ, Глинка нападаетъ даже на „президента Монтескье, сочинителя „О разумѣ законовъ“. Хорошія-же понятія получали дѣти и умное поколѣніе воспитывалъ Глинка.

О воспитательномъ вліяніи Греча и Булгарина, предпринимаемыхъ въ 1826 изданіе „Дѣтскаго Собесѣдника“, распространяться

едва-ли и нужно. Направленіе этихъ писателей извѣстно всякому, и если они вносили мракъ и одурѣніе въ журналистику и печать для взрослыхъ, то, конечно, тотъ-же мракъ и то-же одурѣніе вносились ими въ журналистику для дѣтей. Вообще, въ эту печальную эпоху застоя и извращенія русской мысли, когда талантливые, гуманные и умные писатели не особенно поощрялись для дѣтской журналистики, когда они молчали, посредственность и наглость стояла на сценѣ.

При всемъ томъ, „Журналъ для чтенія воспитанникамъ военнаго учебнаго заведенія“, появившійся въ 1836 г., оказалъ, противъ ожиданія, довольно живымъ и разнообразнымъ, благодаря тому, что въ немъ появлялись стихи Жуковского, Пушкина, Дмитриева, Кольцова, Бенедиктова, Розентейма, Муравьева, Ершова, беллетристическія и драматическія произведенія Полеваго, Кукольника, Загоскина и Ложечникова. Въ журналѣ печатались даже „Письма изъ Испаніи“, Боткина, но чѣмъ дальше, тѣмъ журналъ для военно-учебныхъ заведеній все болѣе и болѣе суживалъ свою програму и принималъ специальный военный характеръ. Въ отдѣлѣ наукъ и художествъ помѣщались описанія войнъ, движенія арміи, описанія авангардныхъ стычекъ, свѣденія о лагеряхъ. Въ „Смѣси“ печатались анекдоты, „показывающіе благородство души и возвышенныя чувствованія, любовь къ правдѣ и справедливости, преданность государю, мужество въ опасностяхъ“. Въ 1850 году въ журналѣ, очевидно, уже окончательно измелъчавшемъ, печатались, напр., такія статьи: „описаніе празднествъ лейбъ-гвардіи Измаиловскаго полка“, стихотвореніе „чувства наканунѣ сраженія“, принадлежавшее воспитаннику школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, „размышленія по поводу разводовъ“. Въ статьѣ по поводу развода 2-го апрѣля говорится: „кто изъ присутствовавшихъ вспомнить безъ особаго чувства разводъ въ 1830 г., когда государь объявилъ измѣну Польши и походъ противъ мятежниковъ... Мы не можемъ забыть въ 1848 г. первый разводъ весною послѣ полученія извѣстій изъ Франціи о низверженіи Людовика Филиппа. Павловскіе гренадеры проходили на руку — это былъ торжественный отзывъ нашъ на западныя смуты“. Въ воспоминаніяхъ австрійскаго офицера о Венгерской войнѣ разсказывается, какъ этотъ офицеръ разстрѣливалъ раненыхъ, полуживыхъ венгерцевъ, разбрасывалъ ихъ трупы въ добычу хищнымъ птицамъ и волкамъ“ и затѣмъ тотчасъ-же „со своимъ адъютантомъ Ганкой открывалъ балъ при свѣтѣ луны въ то время, когда пламя пожаровъ, возженныхъ бѣгущимъ Кошутомъ, озаряло горизонтъ...“ Это было направленіе уже совсѣмъ противоположное Новиковскому. Журналъ для военно-учебныхъ заведеній былъ

распространенъ и не между одними воспитанниками этихъ заведеній.

• Почти въ одно время съ журналомъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній Ишимова издавала свою „Звѣздочку“, посвященную „благороднымъ воспитанницамъ институтовъ“. Г-жѣ Ишимовой принадлежить честь перваго чтенія для „младшаго“ и для „старшаго возраста“. Вообще, „Звѣздочка“ была кислосладкимъ изданіемъ, въ которомъ очень ясно проглядывало желаніе угодить благороднымъ родителямъ благородныхъ воспитанницъ, назидательность котораго и нравоучительный тонъ поражали больше всего своею фальшью. Нельзя сказать, чтобы „Звѣздочка“ не давала ровно ничего; ея этнографическія статьи были, дѣйствительно, недурны; но когда г-жа Ишимова впадала въ назидательный тонъ и желала быть руководительницей нравственности, то получались такіе рассказы: Лиденька какъ-то однажды на балѣ, не спросившись у маменьки, неосторожно наѣлась мороженого, заболѣла и едва не умерла. Нравоученіе: важное дѣло—осторожность!

Вмѣстѣ съ „Звѣздочкой“ издавался еще одинъ журналъ для дѣвицъ—„Лучи“. Журналъ этотъ былъ снабженъ выкройками, узорами и поучалъ своихъ читательницъ, какъ дѣлать вышивки, прошивки, колье, не забывая при этомъ предупреждать ихъ, какіе кушаки въ модѣ. Конечно, это былъ не журналъ для чтенія, а журналъ выкроекъ и моды, но ужъ одна мысль завести подобное изданіе для „дѣвицъ“ указываетъ на воспитательныя требованія общества и на воспитательныя понятія тѣхъ, кому могла войти въ голову мысль о „Лучахъ“.

Въ 1847 году Рѣдкинъ издавалъ „Новую бібліотеку для воспитанія“. Это былъ журналъ съ серьезнымъ научнымъ характеромъ, помѣщавшій переводы новѣйшихъ иностранныхъ писателей и классиковъ. Слишкомъ научный, предназначенный по серьезности своего содержанія скорѣе для взрослыхъ, чѣмъ для молодыхъ читателей, журналъ Рѣдкина скоро прекратился.

Затѣмъ выступаетъ г. Чистяковъ съ „Журналомъ для дѣтей“. Послѣ всякихъ „Звѣздочекъ“, „Лучей“ и „Библіотекъ“, журналъ Чистякова явился изданіемъ, заслуживавшимъ полнаго вниманія. Въ гимназическихъ и въ школьныхъ бібліотекахъ онъ никогда не залеживался и книжки его брали на расхватъ. Выборъ-ли статей былъ тому причиной или отсутствіе лучшаго чтенія, но журналъ г. Чистякова, не смотря на существованіе другихъ дѣтскихъ изданій, пользовался наибольшимъ кругомъ читателей.

Вообще, начиная съ пятидесятихъ годовъ, дѣтская журналистика очень оживилась, и въ моментъ освобожденія крестьянъ,

когда къ услугамъ общества явилось столько новыхъ прогрессивныхъ и умственныхъ силъ, возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ дѣтскихъ журналовъ: въ 1857 — „Часъ Досуга“ и „Подсѣжникъ“, въ 1859 — „Калейдоскопъ“ и „Разсвѣтъ“, но ни одному изъ нихъ не было суждено особенно выдѣлиться и привлечь къ себѣ исключительное вниманіе подрастающихъ читателей.

Тонъ дѣтской жизни, конечно, даютъ взрослые, потому-что въ рукахъ взрослыхъ ихъ свобода. Насколько взрослые позволяютъ дѣтямъ развиваться, насколько разрѣшаютъ имъ то или другое, настолько разовьются въ дѣтяхъ ихъ стремленія и наклонности. Отъ этого въ алеутскомъ обществѣ дѣти будутъ алеутами, а въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ будутъ расти и воспитываться американцы. Такіе счастливые моменты въ жизни народовъ, когда въ обществѣ прорывается свѣжее теченіе наперекоръ всѣмъ его традиціямъ и даже является нѣчто въ родѣ умственного террора, когда небольшая кучка свѣтлыхъ передовыхъ умовъ забираетъ въ руки его движеніе и придаетъ ему свѣтлый характеръ,—такіе моменты въ жизни народовъ очень рѣдкия исключенія. У насъ бывали подобныя умственныя пробужденія, хотя и не съ такою яркостью, какъ они являлись въ Европѣ. Къ числу такихъ моментовъ принадлежитъ Новиковская эпоха съ просвѣтительнымъ вліяніемъ правительства того времени, начало царствованія императора Александра I и затѣмъ время крестьянской реформы.

На дѣтской журналистикѣ и литературѣ отразилась только екатерининская эпоха и отразилась она, можетъ быть, потому сильнѣе всего, что воспитательный вопросъ былъ главнымъ, основнымъ, существеннымъ въ мѣропріятіяхъ того времени. Предполагалось перевоспитать цѣлое общество, создать новыхъ людей для новой жизни и новыхъ понятій, людей, которыхъ предъидущая Россія никогда не видѣла и не имѣла. Понятно, почему вопросъ о дѣтскомъ воспитаніи явился капитальнымъ вопросомъ. Въ послѣдующія эпохи „обновленія“ воспитательный вопросъ уже не игралъ такой роли и воспитательныя цѣли, въ смыслѣ педагогическомъ, отодвигались на второй планъ. Это были эпохи преобразованій, эпохи перемѣнъ въ учрежденіяхъ, эпохи, когда передѣлки поколѣній и нравственное перевоспитаніе ихъ считались вопросомъ второстепеннымъ и подчиненнымъ. Все вниманіе обращалось на „общество“, разрабатывались общіе соціальныя и экономическіе вопросы и они, собственно, и привлекали къ себѣ лучшихъ дѣятелей. Обществомъ предполагалось перевоспитать школу, а не школой общество.

Въ промежуткѣ между этими свѣтлыми моментами дѣтская журналистика и литература находились въ рукахъ ремесленниковъ

и спекуляторовъ, или-же, подъ давленіемъ настроенія минуты и понятныхъ стремленій, она попадала въ руки такихъ людей, какъ Федоръ Глинка или такихъ мыслителей, какъ г-жа Ишимова. Ясно, что всѣ сочиненія, выходяшія изъ-подъ пера подобныхъ писателей, должны были отличаться фальшью и односторонней тенденціозностью, пропитанной ложью, фарисействомъ и иезуитскимъ лицемѣріемъ. Что-же удивительнаго, что, при взаимодѣйствіи фальши домашняго воспитанія съ фальшью литературныхъ просвѣтителей юности, оно прежде всего училось лгать.

Такъ-какъ на дѣтской литературѣ и журналистикѣ отражалось вліяніе времени, лучшіе-же представители общества, въ родѣ Новикова, въ дѣтской литературѣ и журналистикѣ не принимали участія, то она являлась какимъ-то паразитомъ, никогда не жившимъ своею жизнью.

III.

Дѣтская журналистика существуетъ у насъ болѣе ста лѣтъ, а между тѣмъ не было выяснено до сихъ поръ, чѣмъ она должна быть и что она должна давать дѣтямъ. Конечно, и Глинка зналъ, что онъ давалъ, зналъ это и Борисъ Федоровъ, знала это и Ишимова, зналъ это и г. Майковъ; но каждый изъ нихъ зналъ это по-своему, лично, и каждый изъ нихъ старался вылѣпить дѣтей въ свою собственную умственную и нравственную форму. Для оцѣнки того, что мы сдѣлали въ сто лѣтъ, исторія „Дѣтскаго чтенія“ во многихъ отношеніяхъ весьма поучительна. Прежде всего, редакция его не имѣла въ своемъ распоряженіи достаточно литературныхъ силъ, не имѣла связи въ литературныхъ кружкахъ и начала дѣло однѣми собственными силами; да и нужны-ли связи, нужны-ли сильные литературные люди? Писатель, пишущій для взрослыхъ, можетъ писать дурно для дѣтей; не рѣдко являются произведенія по содержанію и по духу вполне дѣтскія, но далеко не дѣтскія по изложенію. Съ другой стороны, между воспитателями и воспитательницами есть не мало такихъ, которые отлично знаютъ дѣтей, горячо ихъ любятъ, умѣютъ говорить съ ними и вовсе не обладаютъ художественной жилкой, а между тѣмъ дѣти жадно ихъ читаютъ. Какъ тутъ поступить? Если держаться мнѣнія, что дѣтскіе рассказы должны быть безукоризненно художественны, то дѣтямъ въ настоящее время, пожалуй, нечего будетъ читать, да и всегда-ли литературная даровитость составляетъ главное? Указываютъ на примѣръ дѣтскихъ сборниковъ, написанныхъ даровитыми литераторами, которые не имѣли, однако, успѣха между дѣтьми.

Потомъ, что давать дѣтямъ — оригинальное или переводное? Художественныя вещи для дѣтей обыкновенно не пишутъ. Остаются, значить, произведенія для взрослыхъ. Давать ихъ въ такомъ видѣ, какъ они пишутся, нельзя, значить—нужно прибѣгать къ передѣлкамъ. Въ литературномъ отношеніи передѣлки эти, конечно, вредятъ, отнимая отъ сочиненія своеобразный колоритъ. Съ другой стороны, въ произведеніяхъ иностранныхъ писателей дается всегда и жизнь иностранная, слѣдовательно, у ребенка передъ глазами не тотъ міръ, который его окружаетъ, а другой, отдаленный, въ которомъ ему жить не придется. Конечно, есть общечеловѣческія черты, независимыя отъ національности, но тѣмъ не менѣе, если отъ дѣтской литературы какъ-бы отстраняются лучшія литературныя силы, то положеніе ея будетъ всегда плачевное.

Далѣе, что должно составлять содержимое сочиненій, предназначенныхъ для дѣтей? Должна-ли дѣтская журналистика имѣть воспитательное или образовательное значеніе? Даже и въ этомъ отношеніи вопросъ у насъ не выяснился вполне, а не выяснился онъ потому, что недостаточно разграничились эти двѣ части одного и того-же цѣлаго. Школа должна давать знаніе, семья даетъ воспитаніе, но всегда-ли школа даетъ знаніе, не нужно-ли еще со стороны идти къ ней на помощь? Изъ того, что въ дѣтской журналистикѣ, съ тѣхъ поръ, какъ она у насъ существуетъ, всегда бывали два отдѣла — одинъ, поучавшій добродѣтели, другой, сообщавшій знанія, нужно заключить, что молодые читатели неудовлетворялись-бы исключительно воспитательнымъ содержимымъ, а что нужно было давать имъ и то, и другое.

А идеализмъ, который слѣдуетъ сообщить настроенію дѣтской души? Въ настоящее время вы услышите повсюдную жалобу, что въ жизни исчезли идеалы. Это совершенно вѣрно. Но что-же дѣлать для подъема и возбужденія идеализма? Если давать дѣтямъ исключительно героевъ Шекспира, давать біографіи Вильгельмъ-Теллей, Вашингтоновъ, Шарлотъ-Кордэ, Іоаннъ-д'Аркъ, сообщать душевныя страданія людей высшей благородной страсти, это згачить увлечь дѣтей изъ міра дѣйствительности и поднять ихъ на облака. Мы совершенно согласны съ редакціей „Дѣтскаго чтенія“, что, кромѣ страдающихъ королей Лировъ, есть страдающіе Степаны, Иваны и Матрены, и что нельзя воспитывать въ дѣтяхъ олимпійскаго величія Гёте, находившаго неудобнымъ останавливаться передъ каждымъ болѣющимъ мизинцемъ.

Въ этомъ смыслѣ реальность, требуемая отъ дѣтскихъ писателей, представляетъ большую неясность. И дѣйствительно, ни что у насъ такъ неясно, какъ пониманіе сущности реального

мышления. Въ нашемъ обществѣ оно почти не существуетъ, и для многихъ реализмъ заключается въ противопоставленіи чего-то ослабаемаго всему духовному и отвлеченному. Если разсуждать объ общественной совѣсти, объ общественной нравственности, то извѣстнаго рода реалистамъ это покажется идеализмомъ. Но сущность реализма заключается въ мышленіи на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ, а не вымышленныхъ, фантастическихъ и мечтательныхъ; она заключается въ тѣхъ правильныхъ жизненныхъ выводахъ, которые должны имѣть перевѣсъ во всѣхъ общественныхъ и личныхъ отношеніяхъ. Въ этомъ смыслѣ правоучительное мышленіе Глинки было не реальнымъ. Ни Ишимова, ни г. Майковъ, ни г. Федоровъ, ни масса другихъ авторовъ и издателей дѣтскихъ журналовъ и сочиненій не были мыслителями реальными, но имъ былъ неоспоримо Новиковъ. И потому, то, что въ немъ называлось тенденціей или направленіемъ, сохранило свою жизненную правду до сихъ поръ, а тенденціи остальныхъ господъ не удержались и считаются ошибочными. Этотъ реализмъ, въ основѣ котораго лежитъ точное знаніе, вообще, бывалъ чуждъ не только дѣтской литературы и журналистики, но литературы и журналистики взрослыхъ. Реализмъ долженъ заключаться не только въ содержаніи или въ сущности идеи, но и въ самомъ способѣ воздѣйствія на дѣтей. Мораль, какъ выводъ, не должна навязываться дѣтямъ скучными поученіями, а, напротивъ, дѣйствовать непосредственно, вытекая какъ-бы сама собой изъ тѣхъ фактовъ и идей, которые сообщаются дѣтямъ. Несмотря на то, что истина эта сдѣлалась почти банальной, но въ настоящее время попадаетъ масса книгъ и даже журналовъ, авторамъ и редакторамъ которыхъ она неизвѣстна.

Не выяснилось еще между дѣтскими писателями, насколько исторія должна служить предметомъ дѣтскаго чтенія. Съ одной стороны, многіе факты политической жизни, религіозныя и народныя движенія требуютъ для своего пониманія большей зрѣлости, чѣмъ какою владѣютъ дѣти; съ другой, есть множество историческихъ фактовъ, способныхъ возбуждать дѣтское воображеніе и представляющихъ для дѣтей большой интересъ, сообщать которые не безопасно, потому что они дѣйствуютъ на дурныя инстинкты, напр. войны. Вообще, историческій матеріалъ требуетъ очень деликатнаго обращенія и въ изложеніи его особенной талантливости. То же самое можно сказать и о біографіяхъ. Какія изъ нихъ давать дѣтямъ? Очень часто высказывалось мнѣніе, что для развитія русскихъ дѣтей нужно давать біографіи русскихъ дѣятелей; но, во-первыхъ, ими не богата русская земля, а во-вторыхъ, еще спорный вопросъ, насколько дѣтямъ доступны біографіи. Г. Острогоръ

скій совершенно справедливо замѣчаетъ, что у дѣтей того возраста, которому назначается „Дѣтское чтеніе“, почти не существуетъ интереса къ біографическимъ подробностямъ. Интересъ этотъ является уже тогда, когда въ чловѣкѣ пробуждается наклонность къ психологическому разбору, желаніе понять душу чловѣка, поразившаго его глубиною мысли и т. д. Наконецъ, насколько знакомство съ народной жизнью по сочиненіямъ извѣстныхъ авторовъ замѣняетъ біографіи и помогаетъ знакомству съ родной страной. Развѣ, говоритъ г. Острогорскій „Мертвыя души“ не біографія русскаго чловѣка, развѣ чтеніе „Ревизора“ не столь-же полезно въ смыслѣ изученія русскаго жизни, какъ и чтеніе біографіи Крылова, Кольцова и т. д.? Конечно, противъ этого мнѣнія можно возражать и возражать, именно, потому, что воздѣйствіе художественнаго типа не отличается тою жизненною реальностью, какая заключается въ описаніи дѣйствительнаго чловѣка.

Неустойчивость мнѣній относительно того, что должно даваться дѣтямъ, въ такой формѣ, какой требуетъ періодичность, выразилось, наконецъ, въ сомнѣніи, слѣдуетъ-ли существовать, вообще, періодической дѣтской журналистикѣ. Противникамъ казалась неудобной сама уже періодичность, требующая непременно выпуска книжекъ въ извѣстные сроки. Они думали, что обязательство точности можетъ вынудить помѣщать иногда такіа статьи, которыя безъ условія срочности напечатаны-бы не были. Они-же думали, что главный интересъ всякаго дѣтскаго чтенія должна быть новизна. Но противъ этого мнѣнія существуютъ не менѣе рѣзкія возраженія, изъ которыхъ оказывается, что главные хлопоты редакціи дѣтскихъ журналовъ заключаются вовсе не въ томъ, чтобы въ редакціонномъ портфельѣ находилось достаточное число статей; что-же касается до новизны, или до того, чтобы давать дѣтямъ исключительно новыя произведенія, то, во-первыхъ, читатели дѣтскихъ журналовъ каждые три, четыре года совершенно обновляются и ужъ по этому одному многое даже неизбѣжно повторять; во-вторыхъ, если искать исключительно новыхъ и замѣчательныхъ произведеній, то, конечно, пришлось-бы прекратить всякое издательство новыхъ книгъ, ибо кромѣ Робинзона Крузе нѣтъ другой равной ей дѣтской книги, и когда напишется такая-же—неизвѣстно.

. Наконецъ, не установился даже критерій для оцѣнки произведеній дѣтской литературы. „До сихъ поръ, говоритъ А. Н. Острогорскій,—многіе признаютъ слабымъ то, что другіе считаютъ удовлетворительнымъ и даже хорошимъ. Въ приговорѣ о любой книгѣ вы всегда увидите, за отсутствіемъ прочныхъ солидныхъ оснований, на которыхъ строится отзывъ, значительную дозу личнаго „Дѣло“, № 3, 1879 г.

миѣнія". Исключеніе составляетъ тотъ-же „Робинзонъ Крузе“, на которомъ сходятся всѣ миѣнія; „о другихъ книгахъ, которыми мы зачитывались въ дѣтствѣ, вѣдь можно еще поспорить и тутъ опять окажется, замѣчаетъ г. Острогорскій, что одни будутъ рекомендовать одно, а другіе будутъ содрогаться при одной мысли, что такія книги попадутъ въ руки дѣтей“.

Мы не отрицаемъ, что и въ литературѣ для взрослыхъ существуетъ сумбуръ понятій, но, при всемъ томъ, въ журналистикѣ для взрослыхъ выработано болѣе точное представленіе о требованіяхъ и нуждахъ читателей. Редакторы и издатели являются всегда представителями миѣній извѣстной группы людей; въ этомъ представительствѣ чувствуется распаденіе на партіи, каждая партія всегда знаетъ, что ей нужно, и каждая редакція, работающая для своей партіи, тоже хорошо знаетъ, какое она даетъ ей чтеніе и какія мысли и стремленія она пропагандируетъ. Относительно дѣтей ничего этого не выяснено; одно для всѣхъ ясно, что нужно сообщать дѣтямъ благородныя мысли, возбуждать въ нихъ благородныя чувства, возбуждать подъемъ духа, создавать гражданъ и истинныхъ патріотовъ, — и всѣ эти красивыя слова понимаются всѣми различно. Глинка былъ патріотъ и добродѣтельный человѣкъ, былъ имъ и Новиковъ. Каждый изъ нынѣшнихъ дѣтскихъ писателей, каждый изъ сотрудниковъ современнаго дѣтскаго журнала—а журналовъ у насъ расплодилось много—всѣ одинаково желаютъ возбуждать въ дѣтяхъ благородныя чувства и честныя мысли, но какъ только возникаетъ вопросъ о томъ, что нужно считать честнымъ и благороднымъ, немедленно является разнорѣчіе и нѣчто въ родѣ вавилонскаго столпотворенія. Такимъ образомъ, вопросъ о дѣтской литературѣ и журналистикѣ оказывается неразрѣшеннымъ даже теоретически.

IX.

„Дѣтское чтеніе“ — журналъ безусловно лучший изъ нынѣшнихъ повременныхъ дѣтскихъ изданій,—лучшій онъ не только по выбору, разнообразію и содержанію статей, но и потому еще, что редакція его, въ десять лѣтъ своего существованія, относилась вполнѣ добросовѣстно къ своему дѣлу. Добросовѣстность ея заключалась въ томъ, что изъ тѣхъ противорѣчій, какія существуютъ въ воззрѣніяхъ на дѣтскую журналистику, она стремилась создать извѣстныя твердыя формы и установить извѣстный типъ для дѣтской журналистики. Эту работу редакція продолжаетъ еще до сихъ поръ. Если ей не удалось стать во главѣ

мнѣній и овладѣть противорѣчiami, то обстоятельство это не можетъ быть поставлено въ вину недостаточной искренности редакціи или недостатку въ ней добросовѣстности. „Дѣтское чтеніе“ производитъ вообще впечатлѣніе чистоты и совѣстливости, а въ наше время это большая рѣдкость. Что-же касается степени распространенія „Дѣтскаго чтенія“, то прежде, чѣмъ говорить о немъ, мы приведемъ слѣдующій любопытный фактъ. Въ Новгородѣ, имѣющемъ 17,000 жителей, существуетъ четыре года дѣтская бібліотека; подписная цѣна на книги 25 коп. въ мѣсяць, залога не требуется и всѣ отношенія основаны на взаимномъ довѣріи. Вотъ результаты ея четырехлѣтняго существованія: зачитано 250 книгъ. Изъ сочиненій Пушкина остался, напр. одинъ томъ; остальные не возвращены, кто зачиталъ — неизвѣстно и никакихъ концовъ найти нельзя. По записи въ расходной книгѣ, положимъ, значитъ, что книга дана „такому-то“; „такой-то“ является съ просьбой о новой книгѣ; ему замѣчаютъ, что онъ не возвратилъ еще прежней. „Я ее принесъ, отвѣчаетъ онъ бібліотекарю,—но васъ не было дома и я положилъ ее на столъ“. Бібліотекаръ возражаетъ, что никакой книги онъ не получалъ, читатель стоитъ на своемъ, и книга оказывается исчезнувшей. Въ настоящее время подписчиковъ въ бібліотекѣ только четыре человѣка, да даровыхъ подписчиковъ — десять. Кромѣ бѣдныхъ, даровыхъ подписчиковъ есть очень состоятельные родители, напр. семейство одного генераль-лейтенанта, которые постоянно присылаютъ за книгами, но за пользованіе ими ничего не платятъ. Вообще практикуется такой порядокъ: книга, взятая подписчикомъ, даровымъ и денежнымъ, передается изъ однихъ рукъ въ другія и уходитъ иногда въ такую даль, что совершенно пропадаетъ изъ виду. Въ этомъ, какъ кажется, и заключается причина, почему книги зачитываются. Больше всего изъ книгъ бібліотеки спрашиваются Майнъ-Ридъ и Жюль-Вернъ, охотно читаются историческія сочиненія, рѣдко журналы. Если этотъ фактъ можно обобщить, то окажется, что между дѣтскими города, о которомъ мы говоримъ, не особенно развита охота къ чтенію, а если въ другихъ городахъ повторяется то-же явленіе, то становится совершенно понятнымъ, почему дѣтскія книги и дѣтскіе журналы у насъ не въ особенномъ почетѣ. Да и вообще, что такое наша педагогическая литература, какъ не чужеродное растеніе? Кому она нужна? Многія-ли матери возьмутъ въ руки книгу о воспитаніи? Многіе-ли изъ отцовъ интересуются воспитаніемъ своихъ дѣтей, выходящимъ изъ круга обыденной пошлости? Повидимому, и отцы, и матери заботятся о воспитаніи своихъ дѣтей, о томъ, чтобы приготовить имъ лучшее будущее. Но всѣ эти заботы, собственно, устремлены не на воспитаніе, а на карьеру,

которая предназначается для ребенка; воспитывается не просто человекъ, а будущій дѣлецъ и мундирный карьеристъ. Причемъ же тутъ педагогическая литература?

Изъ статистики „Дѣтскаго чтенія“ можно сдѣлать тотъ-же выводъ: всѣхъ подписчиковъ у него было въ 1878 году 1,610 и въ томъ числѣ 59 бесплатныхъ. Самое большое количество подписчиковъ было въ губерніи пермской, гдѣ на 2,199,000 жителей выписывалось 114 экземпляровъ. Изъ губернскихъ городовъ выписывали: Витебскъ—одинъ экземпляръ, Вологда — три, Житомиръ — одинъ, Калуга—два, Курскъ—три, Могилевъ, Минскъ, Орель, Ставрополь, Новгородъ по два экземпляра. Предполагая население этихъ городовъ въ 8,157,462, а дѣтей въ возрастѣ читаемости (отъ 6 до 16 лѣтъ)—366,750, окажется, что одинъ экземпляръ „Дѣтскаго чтенія“ приходится на 228 читателей. Выводъ о дѣтской грамотности получится, конечно, не особенно утѣшительный. Окажется, что потребность чтенія въ нашихъ дѣтяхъ не особенно развита, а слѣдовательно, и воспитательное значеніе дѣтской литературы не должно быть у насъ велико.

И въ самомъ дѣлѣ, едва-ли дѣтская литература въ состояніи выполнить ту задачу, за которую она бралась такъ самоувѣренно. Главнымъ воспитательнымъ агентомъ останется все-таки сама жизнь — жизнь школьная и жизнь въ семьѣ. Между школою и семьей существуетъ взаимодѣйствіе, и вліаніе родителей и первыхъ годовъ воспитанія дома останутся навсегда роковыми. Воспитываетъ общій тонъ, царящій въ жизни и зависящій отъ тѣхъ общественныхъ условій и общественныхъ возможностей, которыя создаютъ въ каждой странѣ извѣстные типы и группы людей, обнаруживающіе свое воздѣйствіе на все подростящее и растущее. Мы переживаемъ теперь не такое время, чтобы требовались люди исключительныхъ способностей, передовые мыслители и замѣчательные критическіе умы. Напротивъ того, люди выдающихся способностей представляются теперь какой-то безпокойной силой, нарушающей тишь и гладь нашего умственного застоя. Поэтому мы думаемъ, что дѣтская журналистика и дѣтская литература, которыя вздумали-бы подражать Новикову, оказались-бы совершенно невозможными: Вообще, стремленіе передѣлать общество путемъ дѣтскаго воспитанія должно-бы, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время быть отнесено къ области увлеченій. Реализмъ теперешняго времени заключается въ томъ, чтобы создавать для общества практическихъ дѣятелей—техниковъ, механиковъ, машинистовъ, счетчиковъ, вообще, людей, пригодныхъ для непосредственнаго дѣла, а не для какихъ-то высшихъ теоретическихъ стремленій. Теперь всякое желаніе обобщить текущіе факты какой-нибудь общей идеей

не только на вызываетъ сочувствія, но нерѣдко даже осмѣивается. Въ подтвержденіе этого мы могли-бы привести много фактовъ изъ дѣятельности нашихъ земствъ. А если ближайшее практическое направленіе взяло всюду такой перевѣсъ и погоня за наживой составляетъ общественную черту нашего времени, то можно-ли и должно-ли удивляться, что въ нашихъ уголовныхъ судахъ слѣдуетъ одно за другимъ дѣла Струсберга, Ковальчуковой, Гулакъ-Артемьевской, Сіони, Юханцева, Гутцайта и т. п?

Н. Шелгуновъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Желѣзнодорожныя трущобы. К. А. Лебедева. Спб., 1878.

Лукавый врагъ человѣческаго рода, вѣчно ищущій „кого поглотити“, до такой степени попуталь г. Лебедева, что я боюсь, что его бѣдное твореніе испытаетъ самую печальную участь: оно останется неизвѣстнымъ именно для тѣхъ читателей, которымъ могло бы доставить истинное наслажденіе, и попадетъ въ руки по большей части такихъ людей, которые отнесутся къ нему не иначе, какъ съ глубокимъ пренебреженіемъ. Дѣло въ томъ, что самую судьбою книжка г. Лебедева предназначалась для тѣхъ веселыхъ „малыхъ“, „сидѣльцевъ“ и разнообразныхъ „служителей“, которые улаживаютъ часы своихъ досуговъ чтеніемъ „Смѣхотворовъ“, „Зубоскаловъ“ и передразниваніемъ жидовъ П. евреевъ-Вейнбергомъ. Среди этого темнаго мірка она несомнѣнно имѣла-бы громадный успѣхъ уже по одному тому, что на самомъ дѣлѣ есть ничто иное, какъ „Зубоскаль“, приправленный „миліономъ забавныхъ анекдотовъ“. Чуть-ли не на каждой страницѣ этой веселой книжки находится по разсказу о неизбѣжномъ жидѣ, о нѣмцѣ, о мазурикѣ; каждая строчка ея блеститъ драгоцѣннѣйшими перлами самаго общедоступнаго остроловія; почти всѣ дѣйствующія лица ея носятъ преуморительныя имена: Горлодеры, Мордобоевы, Ашкины, Шельмы Соломоновичи, Магдалины Канальски-Пушистыя,—и, вслѣдствіе всего этого, успѣхъ произведенія г. Лебедева былъ-бы, повторяю, громаденъ, еслибы... еслибы лукавый не попуталь автора. Въмѣсто того, чтобы дать своей книжкѣ соотвѣтствующее бьющее прямо въ носъ названіе, вродѣ, напримеръ, „Берегись, уморю со смѣху“, г. Лебедевъ неизвѣстно съ какой стати озаглавливаетъ ее совершенно неподходящими и безцвѣт-

ными словами: „Желѣзнодорожныя Трущобы“. Въмѣсто того, чтобы распространить ее для продажи по табачнымъ лавкамъ и по букинистамъ,—онъ устраиваетъ ея складъ въ большомъ книжномъ магазинѣ, куда „малые“ почти никогда не заглядываютъ. Въмѣсто того, наконецъ, чтобы развѣсить картонныя объявленія о ней въ вагонахъ конно-желѣзныхъ дорогъ и на ларяхъ букинистовъ, этотъ пренаивнѣйшій авторъ расходуетъ, по всей вѣроятности, немалыя деньги, усердно публикуя въ большихъ газетахъ, „что вышла новая книга К. А. Лебедева „Желѣзнодорожныя Трущобы“, съ рисункомъ г. Каразина“... Такимъ образомъ, онъ самъ роетъ вѣрную могилу своему дѣтищу. „Малые“, которые одни только и могли-бы поддержать эту книгу, я полагаю, нисколько не заинтересуются ни ея названіемъ, ни рисункомъ г. Каразина въ частности, ни даже ни его именемъ, ужъ *слишкомъ* вездѣсущимъ и публичнымъ... А что касается тѣхъ читателей, которые приобрѣтутъ произведеніе г. Лебедева, рассчитывая найти въ немъ дѣйствительно описаніе нашего желѣзнодорожнаго мірка, то я воображаю себѣ, какое великое недоумѣніе отразится на лицахъ этихъ горько-обманутыхъ людей, когда они начнутъ углубляться въ „Трущобы“ все дальше и дальше! Сначала они вычитаютъ изъ этихъ „Трущобъ“ довольно пространныя свѣденія о томъ, что у г. Лебедева скончалась тетушка и оставила ему „кой-какія крохи“. Потомъ выступаютъ на сцену безконечныя описанія сбора пожертвованій въ пользу братьевъ-славянъ,—дама съ глазами серны, дама съ глазами крокодила, дама вопрошающая: „ке-се-ри-се-ля баши-бузукъ?“—кони, „возившіе покойнаго Донъ-Кихота“ и брички, „въ которыхъ Адамъ и Ева ѣздили на охоту“... Далѣе словоохотливый авторъ бесѣдуетъ и о жидяхъ, и о баронѣ-нѣмцѣ, и о лакеѣ этого барона, и о г-жѣ Олениной, торгующей газетами на желѣзныхъ дорогахъ, и о какомъ-то Д—вѣ, поставлявшемъ негодные сухари для кавказской арміи, и о Томасѣ, изобрѣтателѣ адской машины для взрывація мирныхъ пароходовъ, и о музеѣ Гаснера, и о жидѣ-мясникѣ, торговавшемъ гнилыми продуктами... Еще далѣе, — опять жиды съ ихъ гвалтомъ и ихъ намѣреніями кушить Палестину, мировой судья Трехручкинъ съ его безсудіемъ, адвокатъ Верхоглядовъ съ его рѣчью въ защиту матереубійцы, Струсбергъ, Юлій Цезарь, Ландау, доктора, фельдшера, чудесное излѣченіе глухо-нѣмого, еще болѣе чудесное излѣченіе человѣка, объѣвшашагося блинами до того, что у него „изъ праваго уха выглядывалъ блинъ съ икрою; изо рта торчалъ блинъ съ семгой“, и проч., и проч. Наконецъ, ошеломленный читатель, начинающій чувствовать себя до послѣдней степени неловко и скверно отъ истинно-трущобнаго остроумія г. Лебедева, натывается на три звѣз-

дочки, отдѣляющія первую часть „Трущобъ“ отъ второй, и утѣшаетъ себя слабою надеждою, что, можетъ быть, теперь-то и начнется дѣйствительное описаніе желѣзнодорожнаго міра. Увы, совсѣмъ нѣтъ! Поговоривъ мимоходомъ о крющикахъ, неосторожно обошедшихся съ однимъ фортепяно и чуть не оторвавшихъ хвостъ у одной коровы, авторъ начинаетъ длинную-предлинную исторію о походе нѣхъ извозчика Іегуділа, его кумъ Агафонъ Никитичъ, какой-то Акулькѣ и ея другъ, пожарномъ солдатъ. Потомъ выдѣляется описаніе наружности одной несчастной дамы, которая, по мнѣнію г. Лебедева, вполне заслуживала-бы состраданія, еслибы носъ ея не имѣлъ сходства „не то съ рулемъ или съ оглоблей, не то съ водосточной трубой“, а ея шея не была тонка и жилиста, притомъ „съ какимъ-то желвакомъ по серединѣ, напоминавшимъ ручку контръ-баса“. Далѣе слѣдуетъ юмористическій разговоръ двухъ нѣмцевъ; еще далѣе на сцену выводятся буфетчикъ Жюль-Фавръ, маіоръ Брехло, рассказывающій, какъ онъ сражался съ молніей,— старенькій Антимоничъ, продающій воробьевъ за соловьевъ,— институтки, отставной генераль, солдаты и... наконецъ, авторъ, найдя, что онъ рассказалъ совершенно достаточно для перваго знакомства съ читателемъ, — ставитъ точку и подписываетъ свою фамилію: К. А. Лебедевъ. Вѣдняя, онъ, должно быть, слышалъ кое-что, между прочимъ, и о храмѣ славы и вообразилъ, что какъ только читателямъ сдѣлается извѣстна его фамилія, то они сейчасъ-же и отведутъ его въ это зданіе... вмѣсто психиатрической клиники...

Правда, среди всего этого хлама и сора, усердно переворачиваемаго г. Лебедевымъ, есть кое-что и о желѣзнодорожныхъ порядкахъ: о взяткахъ, которыя беруся съ отправителей товара, о ревизорахъ и еще о чемъ-то... Но, во-первыхъ, и это кое-что, какъ все, о чемъ только ни берется рассказывать авторъ „Трущобъ“, производитъ впечатлѣніе скорѣе забавныхъ анекдотовъ, чѣмъ неприглядныхъ фактовъ, взятыхъ изъ нашей сѣрой дѣйствительности: во-вторыхъ-же, оно, это крошечное кое-что, до такой степени теряется въ массѣ анекдотовъ и рассказовъ, неимѣющихъ ничего общаго съ „Желѣзнодорожными трущобами“, что, право, его трудно даже отыскать, еслибы случилась надобность въ этомъ. Поэтому г. Лебедевъ поступитъ чрезвычайно хорошо, если перепечатаетъ обложку своего произведенія, дастъ ему другое, болѣе подходящее, названіе, хотя-бы, на примѣръ, то, которое я уже имѣлъ честь рекомендовать ему, и, вообще, постарается возратить „малымъ“ то, что несомнѣнно принадлежитъ имъ...

Красный фонарь. Разсказъ для дѣтей. Н. Р. Вучетича. Слб., 1879 г.

Третій червонецъ. Сказка для дѣтей. А. Г. Лакидэ. Слб., 1879 г.

Сказка о пчелѣ-мохнаткѣ. Разсказъ для дѣтей. В. П. Авенариуса. Слб., 1879 г.

Какъ видно, въ нашемъ обширномъ отечествѣ почти совсѣмъ нѣтъ людей, умѣющихъ писать для дѣтей, потому что всѣ эти книжечки „удостоены“ преміи петербургскаго фребелевскаго общества, а между тѣмъ, только одна изъ нихъ, именно „Сказка о пчелѣ-мохнаткѣ“, дѣйствительно хорошо написана, тогда-какъ остальные двѣ плоховаты... и даже совсѣмъ плохи, если не брать въ расчетъ добрыхъ намѣреній, съ которыми г. Вучетичъ и Лакидэ составляли свои разсказы.

Автору „Краснаго фонаря“ пришла въ голову мысль познакомиться своихъ маленькихъ читателей съ жизнію одного изъ тѣхъ тружениковъ, которые на официальномъ языкѣ желѣзнодорожной службы называются „линейными сторожами“. Замыселъ несомнѣнно достойный всякаго уваженія. Жизнь людей, которые получаютъ по шести, по восьми рублей жалованья въ мѣсяцъ, должны чуть-ли не безостановочно находиться въ ходѣбѣ, если хотятъ хоть кое-какъ осмотрѣть свой участокъ передъ проходомъ каждаго поѣзда, и при этихъ невозможныхъ условіяхъ постоянно несутъ на своей совѣсти нравственную отвѣтственность за жизнь цѣлыхъ десятковъ своихъ ближнихъ, — такая жизнь, безъ сомнѣнія, представляетъ бездну самаго богатаго и благодарнаго матеріала для писателя. Къ сожалѣнію, у г. Вучетича только и было, что доброе намѣреніе, и затѣмъ уже ровно ничего. Ни съ однимъ изъ „линейныхъ сторожей“ онъ, очевидно, не имѣлъ удовольствія быть знакомымъ короче, чѣмъ можно познакомиться съ ними изъ окна вагона, идущаго полнымъ ходомъ, и поэтому, вмѣсто того, чтобы обрисовать своего героя, по возможности, яркими красками, вмѣсто того, чтобы заставить дѣтей, такъ-сказать, видѣть и слышать его, вмѣсто того, наконецъ, чтобы сосредоточить все ихъ вниманіе на немъ и на его дѣятельности, г. Вучетичъ начинаетъ жевать какую-то жвачку и толковать Богъ знаетъ о чемъ... о Васѣ и Петѣ, о зимѣ и о томъ, что зимою холодно, — о лѣтѣ и о томъ, что лѣтомъ жарко, — о ласточкахъ и воронахъ, о пискунчикахъ и дудочкахъ, — о томъ, что ночью ничего не видать и о томъ, что въ бурю деревья скрипятъ и качаются...

Эта жвачка, скверная жвачка, — когда человекъ не знаетъ, что говорить и однакожь все-таки говорить, — просто возмутительна: „только гуль идетъ“ и черезъ нѣсколько строчекъ опять „только гуль по сторонамъ разносится“; „вьюга воетъ, стонетъ“ и сейчасъ-же еще разъ „воетъ, ноетъ“ буря; „грибы и ягоды собирать“ и черезъ четыре строчки снова „наберутъ они грибовъ, ягодъ“; „денекъ выдался жаркій, душный“, а черезъ двѣ строки опять за то же „весь день простоялъ ясный, жаркій“... „Да ну-же, ну! невольно хочется, наконецъ, крикнуть автору „Краснаго фонаря“: или рассказывайте поскорѣе конецъ, или замолчите!“

Можно заподозрить, что и г. Лакидэ писалъ свой „Третій червонецъ“ не безъ добрыхъ намѣреній, но въ чемъ именно они заключались и что подлинно хотѣлъ онъ вдохнуть въ сердца дѣтей, для которыхъ предназначалъ свою сказку, — врядъ-ли извѣстно достоверно и ему самому. Добрыя намѣренія чувствуются при чтеніи его книжки, но невидимы; они, такъ-сказать, носятся вокругъ и около страницъ „Третьяго червонца“, но не спускаются на нихъ и ни на одну секунду не воплощаются въ какомъ-бы то ни было опредѣленномъ образѣ. Рассказываетъ г. Лакидэ о какомъ-то таинственномъ незнакомцѣ, которому стоитъ только дунуть на больную, лежавшую двадцать лѣтъ въ постели, чтобы эта больная встала и пошла и сдѣлалась совершенно здоровою и веселою, — но этотъ чудодѣй не производитъ рѣшительно никакого впечатлѣнія, кромѣ развѣ нѣкотораго удивленія: къ чему это онъ продѣлываетъ всѣ свои хитрыя чудеса... Еще рассказываетъ г. Лакидэ объ одномъ скверномъ портномъ, который и пьянствовалъ-то, и ссорился съ своими сосѣдями, и небрежно шилъ заказываемые ему сюртуки и брюки, и утаивалъ часть матеріала, и уморилъ жену, и лгалъ, и до денегъ былъ жаденъ, — но и этотъ несомнѣнно дрянной человекъ скорѣе поражаетъ читателей твердостью своего характера, чѣмъ своими пороками. Одинъ разъ этого швеца было уже повѣсили, въ другой разъ онъ окончательно готовъ былъ утонуть и въ обоихъ случаяхъ ему стоило только сказать одно слово, сознаться въ кражѣ „третьяго червонца“, чтобы избѣгнуть смерти, — однакожь непоколебимый портной готовился повиснуть на веревкѣ и молчалъ, шелъ камнемъ ко дну — и тоже молчалъ... Рассказываетъ, наконецъ, г. Лакидэ, что этотъ порочный ремесленникъ, познакомившись съ вышеупомянутымъ таинственнымъ незнакомцемъ, почти навѣрное приобрѣлъ-бы цѣлую кучу золота, еслибы въ рѣшительную минуту не своровалъ частичку этого сокровища, — но сейчасъ-же оказывается, что все это былъ одинъ только сонъ: и таинственный незнакомецъ, и золото, и висѣлицы, и испѣленіе больныхъ — все сонъ... Что за чушь? — ничего не разберешь! Съ одной

стороны кажется, что авторъ „Третьяго червонца“ желалъ сообщить своимъ юнымъ читателямъ ту мысль, будто людямъ лживымъ и жаднымъ до денегъ невозможно разбогатѣть... Съ другой стороны, представляется, будто онъ стремился внушить дѣтямъ, что стоитъ только говорить всегда правду—и тогда мѣшки съ червонцами сами будутъ попадать въ карманы... Съ третьей-же стороны, невольно думается, что и то, и другое слишкомъ ужь... странно, и не можетъ-же быть, чтобы у человѣка не было какихъ-нибудь другихъ, лучшихъ намѣреній, которыя, къ сожалѣнію, остаются во мракѣ неизвѣстности.

Я не особенный охотникъ до разсказовъ о собачкахъ, лошадакахъ, коровкахъ, птичкахъ или трудолюбивыхъ пчелкахъ, потому что всѣ эти невинныя темы до послѣдней степени затасканы и засушены остроумными російскими „сочинителями для дѣтей“, однакожь разсказъ г. Авенаріуса прочиталъ я съ истиннымъ удовольствіемъ, несмотря на это предубѣжденіе. Во-первыхъ, онъ разсказываетъ не о „пчелкѣ“, а о простой пчелѣ. Во-вторыхъ, онъ не поетъ, не жуеетъ, не тужится и не потѣетъ, подобно гг. Вучетичу и Лакидѣ, а говоритъ обыкновеннымъ человѣческимъ голосомъ,—сжато, образно, весело и мѣстами съ неподдѣльнымъ юморомъ. Въ-третьихъ, выйдя изъ мрака, наполняющаго „Красный фонарь“ и „Третій червонецъ“, приятно увидѣть чистое голубое небо, лѣтнее солнце, садъ, сѣнокосный лугъ, покрытый цвѣтами, а это все есть въ „Пчелѣ-мохнаткѣ“. Наконецъ, въ-четвертыхъ, описываемыя г. Авенаріусомъ пчелы-плотники, пчелы-няньки, пчелы-сборщицы, царицы, трутни и медвѣдъ несравненно жизненнѣе, характернѣе и поэтому симпатичнѣе, чѣмъ тѣ блѣдныя фигурки, которыя гг. Лавидѣ и Вучетичъ выдаютъ въ своихъ разсказахъ за людей. Чѣмъ, напримѣръ, не люди вотъ хоть эти трутни: „Не прошли онѣ, однако, и пяти шаговъ, какъ попалась имъ на-встрѣчу кучка трутней, длиннокрылыхъ, толстопузыхъ, и одинъ пресердито, густымъ басомъ, напустился на нихъ:—„Вы куда! чего вамъ здѣсь нужно?“

Не только Мохнатка, даже пчела-няня какъ-будто слегка обрѣбла.

— Да мы только такъ, сказала она.—Нельзя-ли намъ, сударь, хоть глазкомъ однимъ на матушку-царицу взглянуть?

— Нельзя! рѣшительно и строго прожужжалъ трутень.

— Сдѣлайте, ваше сіятельство, такую милость...

— Сказано: нельзя! Царица-матка теперь дѣломъ занята: яйца кладетъ. Шутка сказать: тысячи двѣ яицъ въ день! Чего стоите? Ну, пошли вонъ!

Няня вздохнула и дернула мохнатку за крыло.

— Нечего дѣлать, сказала она, — пойдемъ!* (Стр. 11.)

Въ концѣ разсказа г. Авенаріусъ описываетъ смерть своей „Мохнатки“, и я не сомнѣваюсь, что эта смерть, такъ просто и сжато изображенная, произведетъ на маленькихъ читателей въ тысячу разъ сильнѣйшее и лучшее впечатлѣніе, чѣмъ подвижъ сторожа въ „Красномъ фонарѣ“, несмотря на то, что въ заключительныхъ страницахъ своей книжечки г. Вучетичъ лѣзетъ вонъ изъ кожи и громоздитъ эффектъ на эффектъ: и гроза у него, и ударъ молніи, и пожаръ, и приближеніе поѣзда къ опасному мѣсту, и плачь, и крикъ...

„Въ одно утро мохнатка, возвращаясь домой, еще издали услышала что-то небывалое, рассказываетъ Авенаріусъ: — весь пчельникъ гудѣлъ и жужжалъ, будто взбунтовался, а съвозъ пчелиный гулъ раздавалось страшное звѣриное рычанье. Подлетѣла ближе, и на лету остановилась. Изъ всѣхъ ульевъ пчелы повисыпали сотнями, тысячами, и не то въ страхъ, не то въ злобѣ смертной метались надъ пчельникомъ взадъ да впередъ. Отъ крику, рева ихъ въ воздухѣ стонъ стоялъ. Одно только и можно было разобрать: „Мишка-медвѣдь! Мишка-медвѣдь!“ А самъ Мишка, громадный, косматый, ворча и рыча, шагаль межъ ульевъ на заднихъ лапахъ, передними насилу отбиваясь отъ пчелъ. Вдругъ, точно опомнясь, онъ круто повернулъ къ ближнему улью, а улей-то былъ какъ разъ родной улей мохнатки, и повалилъ его на землю. Крышка съ улья скатилась и пчелы, оставшіяся еще тамъ, цѣлой тучей взвилась оттуда. Медвѣдь-же, закрывшись отъ пчелъ одной лапой, другою полѣзъ прямо въ улей, въ медовую кладовую, да хапнулъ самый сочный, золотистый сотъ. Мохнатка отъ обиды свѣта не увидѣла, не могла уже стерпѣть.

— Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ! вскрикнула она и бросилась на страшнаго звѣря, да ужалила его больно-пребольно въ самый глазъ. Медвѣдь такъ и завылъ и побѣжалъ вонъ безъ оглядки. Подоспѣвшій въ это время пчелякъ поднялъ опять съ земли улей и поставилъ его на мѣсто.

Но бѣдная мохнатка! Она вонзила въ глазъ медвѣдья жало такъ глубоко, что оно тамъ и засѣло. Бѣдняжка вдругъ обезсилила, свалилась на землю, забилась въ траву, да незамѣтно на-вѣкъ и заснула. Но, умирая, не жалѣла-ли она о томъ, что для спасенія улья себя погубила? Нѣтъ, не жалѣла: она еще въ послѣдній разъ чуть слышно прожужжала: „всѣ за одного, одинъ за всѣхъ“...

Неунывающіе россіяне. Разказы и картинки съ натуры.
Н. А. Лейкина. Спб., 1879 г.

Не могу сказать достовѣрно, кого именно изъ своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ героевъ г. Лейкинъ считаетъ неунывающими, но что самъ онъ долженъ быть поставленъ чуть-ли не во главѣ всѣхъ неунывающихъ россіянь — это несомнѣнно.

Я не имѣю удовольствія знать лично г. Лейкина, но смѣю думать, что онъ такой-же живой, мыслящій, чувствующій человекъ, какъ большая часть людей. И однакожь, когда я прочитываю его произведенія, въ особенности нѣсколько подрядъ, одно за другимъ, — мнѣ чрезвычайно трудно отдѣлаться отъ ни съ чѣмъ несообразной мысли, что онъ совсѣмъ не писатель, и даже не человекъ, а просто аппаратъ, чрезвычайно остроумно устроенный и съ точностью записывающій лица, жесты, костюмы и преимущественно слова тѣхъ людей, которые случайно пройдутъ мимо него. Кто пройдетъ — это для аппарата все равно. Что скажетъ случайный прохожій — для аппарата и это совершенно безразлично. Кто бы тамъ ни шелъ мимо и какіе-бы пустяки ни говорились проходящими, — аппаратъ пишетъ, пишетъ, пишетъ и акуратно заноситъ на бумагу всякую тряпочку, всякое слово, даже всякое чиханье... Бѣдный аппаратъ, на всякое чиханье не наздравствуешься! Миръ божій великъ; людей въ немъ бродитъ много; всякихъ словъ, и преимущественно глупыхъ, они выпускаютъ на воздухъ больше, чѣмъ лежитъ песку на берегахъ морскихъ... гдѣ-же все это переписать и перечитать?! Однакожь, г. Лейкинъ не унываетъ и храбро записываетъ, записываетъ и записываетъ, воображая, вѣроятно, что когда-нибудь онъ все перепишетъ...

Въ самомъ дѣлѣ, — услышитъ-ли сей истинный представитель неунывающихъ россіянь повѣствованіе мастерового о томъ, какъ его племянникъ три года пропадалъ безъ вѣсти, ибо „подъ прикрытіемъ въ анафемахъ находился“ и рассказывалъ потомъ, что харчи въ этихъ анафемахъ „очень плохіе, банъ нѣтъ, а работа такая, чтобъ воду на гору таскать, и ни воскресенья, ни праздника не полагается; водки вволю, но водка сухая такая и пить ее невозможно“, — онъ, г. Лейкинъ, и это запишетъ. Услышитъ-ли онъ вслѣдъ за этимъ совершенно личное мнѣніе купца о музыкантахъ с.-петербургской пожарной команды, что у нихъ „замѣсто трубъ пожарныя кишки. Въ нихъ они и дуютъ. И что

угодно выходить. Всякая Травіата выходить“, — онъ и это записываетъ. Случится-ли ему подсмотрѣть, какъ какихъ-нибудь дачниковъ, переѣзжающихъ въ городъ, провожаютъ дворники, дворничихи, ихъ дѣти, караульщики, и всѣ выпрашиваютъ на водку, — онъ обстоятельно пересказываетъ читающему міру и эту сцену, неотомимо высчитывая всѣ двугривенные, гривенники, „мелкія монеты“, полотенца, ситцы и старыя платья, вытянутыя попросайками у дачниковъ. Подслушаетъ-ли г. Лейкинъ хотя-бы самыя обыкновенныя пересуды праздныхъ людей, толпою собравшихся передъ церковью, въ которой должно происходить чье-нибудь вѣнчанье, — онъ считаетъ нелишнимъ приподнести читателямъ и эти папертные толки. Наткнется-ли онъ въ бібліотекѣ на такого рода сцену, что какой-нибудь дуракъ, читающій „Стрекозу“, неожиданно фыркаетъ отъ ея непомѣрнаго остроумія, а другой господинъ принимаетъ это фырганье на свой счетъ и оскорбляется, — онъ, г. Лейкинъ, спѣшитъ повѣдать публикѣ и объ этомъ происшествіи.

Ахъ, г. Лейкинъ, еслибы вы какимъ-нибудь способомъ научились хоть немножко различать существенное отъ несущественнаго и имѣющее нѣкоторую цѣнность отъ ничего не стоящей дряни и пошлости! Міръ божій великъ, повторяю я вамъ; людей въ немъ толкается бездна; всякихъ глупыхъ словъ они каждодневно выпускаютъ на воздухъ неимоверно много, такъ-что вамъ не записать всѣ эти глупости, хотя-бы вы прожили на бѣломъ свѣтѣ и еще тысячу лѣтъ, чего я вамъ отъ души и желаю...

Положимъ, что даже и научившись дѣлать строгій выборъ между житейскими явленіями, представляющимися вашему зору, вы, по всей вѣроятности, не создадите ничего „замѣчательнаго“ уже по одному тому, что вашъ талантъ — чисто-внѣшній талантъ или, по крайней мѣрѣ, былъ таковымъ до настоящей минуты. Передать рѣчь человѣка со всѣми ея характеристическими особенностями—это вы можете. Описать его наружность, костюмъ, движенія—это тоже въ вашихъ силахъ. Но какъ скоро описываемый вами человѣкъ уходитъ въ себя и вся его жизнь сосредоточивается въ его сердцѣ и мысли,—вы останавливаетесь передъ этимъ внутреннимъ міромъ, какъ передъ дверью, запертою для васъ на семь замковъ, и не можете себѣ составить даже приблизительнаго понятія о томъ, что дѣлается тамъ, за этой дверью. Въ повѣсти „Двѣ неволи“, гдѣ вы намѣреваетесь изобразить судьбу женщины, бывшей сначала крѣпостною у развратнаго помѣщика, а потомъ попавшей въ кабалу къ мужу, за котораго ее выдали насильно, — вамъ приходилось имѣть дѣло именно съ внутреннимъ міромъ этой вѣчной рабыни, — и что-же вышло? Вышло то, что втеченіи всего хода вашей повѣсти вы толкались взадъ и впередъ около запертой две-

ри, за которую происходило настоящее дѣйствіе, и толковали со-всѣмъ о пустыняхъ, — о щехахъ, о ватрушкахъ, о „куполѣ, про-плывшемъ на камнѣ“, о „казачьей масти“, о нечищенныхъ голе-ницахъ и проч., и проч. Вышло то, въ-концѣ-концовъ, что хоро-шая, хотя и не новая идея вышла изъ вашихъ рукъ на свѣтъ божій въ образѣ скелета безъ плоти и крови, безъ одежды и жи-зни, мертвою и поэтому немогущею произвести почти ровно ника-кого впечатлѣнія.

Положимъ, говорю я, вы, по всей вѣроятности, никогда не со-здадите ничего выдающагося, но при болѣе строгомъ отношеніи къ явленіямъ жизни, проходящимъ передъ вашими глазами, вы могли-бы выбирать изъ нихъ такія, въ которыхъ человѣкъ или лю-ди высказываются настолько полно, что вамъ оставалось-бы только описать съ вашею стенографическою точностью, и въ вашемъ опи-саніи выйдутъ не одни только слова и слова, а люди живые, чув-ствующіе, съ душою и сердцемъ. Я не знаю, напримѣръ, какъ смотрите вы на вашъ рассказъ „Коновалъ“, — довольны-ли вы имъ или онъ вамъ не нравится... Очень можетъ быть, что и не нра-вится, потому что въ немъ почти совсѣмъ нѣтъ ни смѣшныхъ словъ, никакихъ смѣшныхъ положеній, до которыхъ вы большой охотникъ, но, знаете-ли, это такой простой, теплый, хороший раз-сказъ, въ немъ отражается такая правда нашей будничной жизни съ ея грязью и золотомъ, мракомъ и проблесками свѣта, съ темными и добрыми сторонами человѣческаго сердца, что, право, дѣлается даже грустно, когда дочитываешь послѣднюю страницу этого очерка... Становится грустно за вашъ талантъ, который вы, если и не зарываете въ землю, то тратите на услажденіе досу-говъ трактирныхъ посѣтителей, рассказывая имъ о какомъ-нибудь кушчѣ, бравшемъ Плевну, воплощенную въ образѣ четвертой бу-тыли, или о чемъ-нибудь подобномъ.

Впрочемъ, *неумывающій* авторъ, не унывайте и продолжайте, пока на вашей улицѣ праздникъ. А что праздникъ на вашей ули-цѣ, — это вы знаете и сами. Прежде, какъ вы помните, отъ писа-теля требовалась мысль, извѣстная нравственная опрятность, та-лантъ и честное отношеніе къ своему дѣлу; но съ тѣхъ поръ, какъ кабатчики и червонные валеты воспылали хотѣніемъ изда-вать газеты, а безграмотные писаря и юнкера затесались въ среду литераторовъ, — можно писать все, о чемъ угодно и сколько угодно, писать и день, и ночь, не думая и ничего не читая, однимъ сло-вомъ, пѣть, какъ птица поетъ. Вы еще одинъ изъ лучшихъ въ этомъ разношерстномъ квартетѣ.

Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи. Вл. Михневича. Спб., 1879.

Говорятъ, что въ тѣ отдаленныя времена, когда „люди жили, какъ боги, вдали отъ трудовъ и бѣды“, музыка имѣла до такой степени неотразимое вліяніе на всѣхъ и на все, что не только смягчала людскіе сердца и нравы, но даже укрощала дикихъ звѣрей, одушевляла камни, останавливала рѣки въ ихъ теченіи и заставляла плясать самихъ боговъ. Какъ извѣстно, подъ игру на звончатыхъ гусяхъ Садко, новгородскаго „гостя богатаго“, самъ царь морской

...Зачалъ скакать, зачалъ плясать
И того Садко, гостя богатаго,
Напоилъ питьями разными.

Все это, конечно, очень возможно, но происходило невообразимо давно. Когда-же просматриваешь исторію музыки за времена, болѣе близкія къ намъ и поэтому болѣе извѣстныя, то становится просто грустно за ту жалкую роль, которую приходится играть „сладкимъ звукамъ“ въ суровой и горькой общественной жизни. Люди давнымъ-давно перестали жить, какъ боги; прозаическіе труды и бѣды, усложняясь съ теченіемъ времени, поглощаютъ все ихъ вниманіе и вслѣдствіе этого вліяніе музыки становится все меньше и меньше... Нравы уже не только не подчиняются ей, но, напротивъ, сами повелѣваютъ ея; звѣри упрямо остаются звѣрями; камни не одушевляются, а рѣка общественной жизни течетъ себѣ безостановочно, подчиняясь въ своемъ ходѣ силамъ, неизмѣримо болѣе могущественнымъ, чѣмъ сила „сладкихъ звуковъ“.

Въ исторіи музыки въ Россіи довольно отчетливо выдѣляются два періода: одинъ—древній, когда музыка создавалась самимъ народомъ, а другой, сравнительно новѣйшій, когда она стала выписываться изъ заграницы „пожиточными“ людьми и сдѣлалась ихъ аристократической привилегіей. Въ первомъ періодѣ, оказывается, музыкѣ жилось довольно недурно среди русскаго народа. Музыкальныхъ инструментовъ было обиліе: гусли, долера, псалтирь, лира или реля, гудокъ, волынка, ложки, балалайка, бандура, смычки, цимбалы, сурна, свирѣль, варганъ, накры или бубны... Русскіе люди, по сказанію преподобнаго Нестора, заурядъ сходились „между селы“ на „плясанье и на вся бѣсовскія игрища“. „Видимъ бо, говоритъ онъ,—игрища утолченна и людій много-множество, яко ушкати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла“ съ „трубами и скоморохы, гуслями и ру-

салии“. „Весь градъ возмнется, пишетъ преподобный Памфиль по поводу чествованія народомъ праздника идола Купалы,—и въ селѣхъ возбѣяется въ бубны и сопѣли, и чудѣніемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сатанинскими“... По всей русской землѣ бродили различныя „умѣльцы“ и скоморохи, часто соединявшіеся въ довольно большія труппы,— „ватагами многими, по шестидесять и по семидесять человекъ, и по сту“, какъ свидѣтельствуеъ Стоглавъ. Одни изъ этихъ „умѣльцевъ“ плясали, другіе пѣли или играли, третьи представляли различныя „дѣйства“, то-есть сцены и фарсы, которые нерѣдко дышали очень ядовитою насмѣшкою надъ современными порядками.

„Въ XVII вѣкѣ былъ очень популяренъ слѣдующій, напримеръ, фарсъ, рассказываетъ г. Михневичъ. — На сцену выходилъ бояринъ въ карикатурѣ: на головѣ у него была горлатная шапка изъ дубовой коры, самъ онъ былъ надутый, чванливый, съ оттопыренной губой. Къ нему шли челобитчики и несли посулы въ лукошкахъ—кучи щебня, песку, свертокъ изъ лопуха и т. п. Челобитчики земно кланяются, просятъ правды и милости; но бояринъ ругаетъ ихъ и гонитъ прочь.

— Ой, бояринъ, ой, воевода! любо было тебѣ надъ нами издѣваться,—вези-же насъ теперь самъ на расправу надъ самимъ собой! говорятъ челобитчики и начинаютъ тузить боярина, грозятъ его утопить.

Тутъ-же является купецъ и начинаетъ считать камешки, изображающіе деньги. Лохмотники бросаются на него и тормозать.

— Дѣлись съ нами! кричатъ ему. — Награбилъ, дескать, съ народа-то за гнилой товаръ...

Отобравъ деньги и расправившись съ бояриномъ и купцомъ, добрые молодцы отправляются какъ-бы „во царевъ кабакъ“, пьютъ по чаркѣ зелена вина и поютъ:

„Ребятюшки! праздникъ, праздникъ!

У батюшки праздникъ, праздникъ!

На матушкѣ-Волгѣ праздникъ!

Сходися, голытьба, на праздникъ!

Готовьтесь, бояре, на праздникъ!“ (Стр. 81.)

Очевидно, это были зачатки народнаго театра, окрѣпшіе и глубоко пустившіе корни въ русскую землю. Въ это-же самое время, и какъ-бы на помощь къ нарождавшемуся „театру“, уже ѣхали въ Московію европейскіе музыканты, пѣвцы, актеры, везшіе съ собою несравненно большую опытность во всевозможныхъ „дѣйствахъ“, техническія познанія и новыя, болѣе выработанныя, формы. Такимъ образомъ, все шло, повидимому, къ тому, что дѣтищу безшабашныхъ „умѣльцевъ“ и скомороховъ можно было-бы

предсказать самую блестящую будущность; однакожь, увы! ему не только не удалось развиться дальше, но даже не пришлось удержаться и на достигнутой имъ высотѣ. Среди прозаическихъ „трудовъ и бѣды“ вниманіе народа все болѣе и болѣе отвлекалось отъ „звуковъ сладкихъ“ и веселыхъ скоморошескихъ „дѣйствъ“.

Второй „пожиточный“ періодъ исторіи музыки въ Россіи начался еще чуть-ли не при Іоаннѣ III, когда, въ 1490 году, въ Москву былъ вызванъ, въ числѣ разныхъ нѣмецкихъ художниковъ и „органный игрецъ—каптанъ бѣлыхъ чернецовъ Августинова закона“. Федору Іоанновичу англійскій посоль Гортсей привезъ въ подарокъ отъ своего государя органы и клавикорды, а съ ними и музыкантовъ. Въ 1630 году были выписаны въ Москву „органнаго дѣла мастера Ансъ Лупъ да Мелхартъ Лупъ“, которыхъ Михаилъ Федоровичъ обязалъ выучить этому „дѣлу“ и русскихъ учениковъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ въ той-же Москвѣ появилась странствующая труппа нѣмецкихъ актеровъ, и ея представленія до такой степени понравились царю и всѣмъ его окружающимъ, что для нея была нарочно построена „комедійная хранина“. Наконецъ, на престолъ вступилъ Петръ и черезъ настѣжь растворенныя имъ двери въ Европу повалили къ намъ цѣлыми толпами вербованные и не вербованные, законтракованные и свободные „комедійные мастера“, которые не только сами подвизались на „театрумѣ“, но кромѣ того обязаны были „съ добрымъ радѣніемъ и всякимъ откровеніемъ обучать и русскихъ учениковъ театральному искусству, танцамъ и музыкѣ“. Эти ученики назначались „по наряду“ изъ приказныхъ подъячихъ. Такъ, напримѣръ, въ ученіе къ нѣкому Куншту наряжено было семнадцать человекъ изъ разныхъ приказовъ: изъ ратуши—десять, изъ сибирскаго приказа—три, изъ монастырскаго—два, изъ поморной—одинъ, „да изъ посадскихъ, да былъ въ истопникахъ“—одинъ... Кромѣ того:

„Если у генерала, рассказываетъ Веберъ,—остался какой-нибудь молодой парень или уже и пожилой, котораго нужно обучить полковой музыкѣ, то такого, хотя-бы онъ никогда не слыживалъ никакой музыки и не имѣлъ къ ней ни малѣйшей способности, отдають на извѣстное время къ учителю для обученія церковному пѣнію, менуэтамъ и проч. Если-же учащійся въ это время ничего не успѣлъ, то его бьютъ батогами, ради исправленія, до тѣхъ поръ и такъ часто, пока онъ не научится и не станетъ играть“ (стр. 117).

Такимъ образомъ, музыка все больше и больше распространилась среди тогдашнихъ „пожиточныхъ людей“. „Почти у всѣхъ, оперившихся подъ царскимъ теплымъ крыломъ, птенцовъ Петровыхъ, завелись свои оркестры и хоры, говорить г. Михневичъ. —

Такъ, сохранились извѣстія, что въ то время имѣли свою домашнюю музыку: кн. Меньшиковъ (у котораго была, кромѣ того, своя прекрасная пѣвческая капелла), канцлеръ Головкинъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ, кн. Голицынъ, графъ Апраксинъ, княгиня Черкасская и др.“.

При Аннѣ Ивановнѣ „итальянская опера была выписана, и спектакли начались“... Сама „императрица выбирала въ фрейлины дѣвицъ преимущественно съ хорошими голосами“. (Стр. 147.)

Около 1736 года, въ Петербургъ выписывается нѣмецкая драматическая труппа. Съ конца сороковыхъ годовъ того-же столѣтія начали появляться театры частныя, театры домашніе; народились даже такіе меценаты, „что не скупились нанимать и содержать на свой счетъ цѣлую итальянскую оперную труппу“. Обѣдали въ это время „при играніи итальянской вокальной музыки“, ужинали тоже, — какъ видно, напримѣръ, изъ описанія свадьбы Головкина, когда на вечернемъ „трактаментѣ“ „на хорахъ играли итальянцы и кастратъ пѣлъ“... Однакожь, несмотря на все это, настоящее царство музыки было еще впереди и наступило въ „золотой“ вѣкъ Екатерины, который „знаменитый Новиковъ, всего за нѣсколько лѣтъ до своего заточенія въ шлисельбургскую крѣпость на шестнадцать лѣтъ“, за вольнодумство, привѣтствовалъ восторженными словами: „О, благополучная Россія! О, счастливое отечество! наступили дни золотыя, цвѣтутъ науки и искусства: появляются россійскіе Орфеи, Архимеды, Птоломеи, Плиніи, Ливіи, Апеллесы и Праксители“... Сама императрица не особенно любила музыку и была до такой степени лишена художественнаго чутья, что, по разсказамъ современниковъ, она, если желала „по заслугамъ“ поощрить своимъ одобреніемъ оперныхъ артистовъ или эрмитажныхъ концертантовъ, то „поручала кому-нибудь изъ приближенныхъ меломановъ подавать ей знакъ къ рукоплесканіямъ“. Но... „народъ, который поетъ и пляшетъ, зла не думаетъ“, говорила она, и вслѣдствіе этого усердно угощала обѣ столицы „славными, какъ повѣствуетъ Державинъ, — позорищами, учрежденными сколько для увеселенія, столько и для славы народа“... Шли одни за другими:

„Рыцарскія карусели, гдѣ „дамы на колесницахъ, а кавалеры на прекрасныхъ коняхъ, въ блистательныхъ уборахъ показывали народу свое проворство метаніемъ дротиковъ и стрѣльбою въ цѣль“; „преузорочные кампенты“ и маневры; народныя пиры, гдѣ для черни и солдатъ выставлялись цѣликомъ зажаренные быки, начиненные дичью, и цѣлое море вина, бившаго изъ фонтановъ; невиданныя маскарадныя процесіи (вродѣ данной въ Москвѣ въ 1763 г. подъ титуломъ: „Торжествующая

Минерва“), въ которыхъ представлялось по нѣсколько тысячъ роскошно костюмированныхъ масокъ, сотни фантастическихъ колесницъ, движущіяся живыя картины изъ мифологіи и т. п., на которыхъ, между прочимъ, „россійскій Расинъ“—Сумароковъ декламировалъ нарочно сочиненныя имъ для этого случая хвалебныя оды... Вообще, всё состоявшее на государственныхъ хлѣбахъ поэты, композиторы, балетмейстеры и всякіе артисты рады были случаю заискать благоволеніе у новой государыни. Все и всюду съ неудержимымъ пыломъ пустилось изъявлять, по выраженію одного историка, „напыщенную лесть, съ облаковъ и на землѣ, въ стихахъ и прозѣ, въ музыкѣ и механикѣ, голосомъ и погами“... „Похвалы гремѣли ей даже въ представляемыхъ балетахъ на театрѣ“, говоритъ другой лѣтописецъ. (Стр. 184.)

Почти каждый вельможа этого времени былъ меценатомъ и чуть-ли не у каждаго изъ нихъ имѣлись „своя картинная галерея, свой театръ, свой оркестръ музыки, свои кантартисты, поэты, танцовщицы... большею частью изъ крѣпостныхъ холоповъ“... „Потемкинъ, въ своихъ военныхъ походахъ по новороссійскимъ степямъ возилъ съ собою чуть не цѣлую итальянскую оперу, имѣлъ походнаго композитора—европейскую знаменитость Сарти, великолѣпный оркестръ и огромную капеллу церковныхъ пѣвчихъ“. „Самыя высокопоставленныя особы не брезгали пилить смычками, дуть въ флейты, фигурировать на сценѣ“... Нѣкоторые-же изъ этихъ покровителей музыки доходили въ своей любви къ ней почти до помѣшательства, что случилось, на примѣръ, съ графомъ Скарвонскимъ, который додумался, наконецъ, до очень оригинальной идеи: приказывать „...прислугѣ не иначе разговаривать съ нимъ и между собою, какъ речитативомъ. Выѣздной лакей, приготовившись по нотамъ, сочиненнымъ его господиномъ, докладывалъ пріятнымъ сопрано, что карета его сіятельства подана. Метръ-д'отель докладывалъ барину и гостямъ торжественнымъ напѣвомъ, что кушать готово. Кучеръ объяснялся съ графомъ густыми октавами протодьяконовскаго basso profundo. Во время парадныхъ обѣдовъ и баловъ графскіе слуги составляли дуэты, тріо и хоры, такъ-что гостямъ казалось, будто они пьютъ и ѣдятъ... въ оперной залѣ. Вдобавокъ, самъ его сіятельство отдавалъ приказанія слугамъ тоже въ музыкальной формѣ, а гости, желая угодить ему, вели съ нимъ разговоры въ видѣ вокальных импровизаций.“ (Стр. 267.)

Въ царствованіе Екатерины было написано и поставлено на сцену болѣе шестидесяти оригинальныхъ русскихъ оперъ, въ сочиненіи которыхъ „подвизалось до 25 литераторовъ и болѣе десяти композиторовъ“. Выходила цѣлая масса „театральныхъ“, „драматическихъ“ и „музыкальныхъ“ журналовъ, между которыми

нерѣдко встрѣчались изданія, совершенно немыслимыя для нашего времени, вродѣ, на примѣръ, „Журнала с.-петербургаго итальянскаго театра“, „Гитарнаго журнала“ или „Журнала для фортепяно, содержащаго въ себѣ русскія пѣсни съ варіаціями“... Печатались безчисленные пѣсенники, издававшіеся преимущественно для „пожиточныхъ людей“ и поэтому отличавшіеся даже нѣкоторою роскошью. Появлялись даже научные трактаты, посвященные изслѣдованію характера и мелодіи народныхъ пѣсень. Музыка преподавалась въ институтахъ, въ корпусахъ, въ воспитательномъ домѣ... Однимъ словомъ, втеченіи этого „золотаго вѣка“ музыки было цѣлое море...

Прошло еще немного лѣтъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія музы появились уже и въ провинціи, въ усадьбахъ богатыхъ помѣщиковъ, которые ставили на своихъ домашнихъ театрахъ и драмы, и балеты, и оперы, исполняемые крѣпостными артистами. Нѣкій Кологривовъ, помѣщикъ-театраль, „...каждую зиму наѣзжая въ Петербургъ, привозилъ съ собою изъ деревни свою музыку, свою театральную труппу вмѣстѣ съ царней. Въ общественные театры овъ никогда не являлся и по весьма основательной причинѣ:

— „У меня на сценѣ, говорилъ овъ, когда я приду, всѣ актеры раскланиваются; къ вамъ-же когда придешь въ театръ, никто тебя не замѣтитъ, никто не поклонится“... (Стр. 345.)

Въ Орлѣ былъ театръ у графа Каменскаго, не особенно отличавшагося изящнымъ вкусомъ, но за то не жалѣвшаго никакихъ денегъ на новые костюмы, великолѣпнѣйшія декорации и на покушку новыхъ актеровъ. Такъ, на примѣръ, въ „Калифѣ Багдадскомъ“ шелку, бархату, вышитаго золотомъ, ковровъ, страусовыхъ перьевъ и турецкихъ шалей было у него болѣе, чѣмъ на тридцать тысячъ рублей“, а за плохонькихъ пѣвцовъ „мужа и жену Кравченковыхъ, съ шестилѣтнею дочерью, которая мастерски танцевала качучу и тампетъ, графъ уступилъ Офросимову цѣлую деревню въ 250 душъ“. У графа Ильинскаго, въ его селѣ Романовѣ, Рома пова тожь (близь Житомира), кромѣ его собственныхъ крѣпостныхъ артистовъ, были еще итальянскіе пѣвцы и балетмейстеръ. Нѣкій Есиповъ, казанскій помѣщикъ, содержалъ „преобладающій“ деревянный театръ въ Казани и, кромѣ того, имѣлъ еще другой — у себя въ деревнѣ, артистками котораго, крѣпостными Фенями и Матрешами, овъ за ужиномъ „подчивалъ по-своему“ пріѣзжавшихъ къ нему гостей...

Слѣдовательно, храмы искусства воздвигались почти по всему лицу русской земли. Само по себѣ это искусство, стѣздивъ, такъ-сказать, за море и поучившись у итальянцевъ в француз-

зовъ, у нѣмцевъ, возвратилось, наконецъ, къ себѣ домой. Оно обратило вниманіе на созданіе народнаго музыкальнаго генія и, къ великому своему удивленію, усмотрѣло въ нихъ и глубокую самобытность, и бездну задушевнаго чувства, и неисчерпаемое богатство мелодій... Такимъ образомъ, старая истинная дорога русскаго искусства была найдена, оставалось только неуклонно идти по ней и, вообще, повидимому, все оканчивалась благополучно... но... оказалось нѣчто до послѣдней степени странное: не было на лицо ни слушателей, ни зрителей... Среди народа, у котораго еще не особенно давно было такое изобиліе разнообразныхъ музыкальныхъ инструментовъ, не осталось почти ничего, кромѣ балабайки. „Многія ватаги“ скомороховъ и „умѣльцевъ“, бродившихъ по всей „московской землѣ“ съ своими гудками, волынками, „смычками“, „харями“, то-есть, масками и сатирическими „дѣйствами“ исчезли чуть-ли не безслѣдно. Народу было, очевидно, ни до „дѣйствъ“ и ни до „сладкихъ звуковъ“, а что касается до „пожиточныхъ“ людей, то для нихъ театральныя зрѣлища были не больше, какъ дѣломъ моды и средствомъ убить время въ тѣхъ случаяхъ, когда не представлялось возможности провести его болѣе веселымъ образомъ.

Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ приходилось иногда разсылать ѣздовыхъ къ приближеннымъ къ ней вельможамъ съ грознымъ вопросомъ: „почему-де они не изволили прибыть“ на придворный спектакль? Когда-же и эти гнѣвные напоминанія оказались безсильными помочь дѣлу, то „въ 1754 г. былъ изданъ приказъ къ свѣденію значительныхъ лицъ, что если они станутъ и впредь отлынивать отъ созерцанія придворныхъ спектаклей, то за каждый непріѣздъ полиція будетъ взыскивать съ нихъ по 50 рублей штрафу“.

Въ „златые дни“ „Орфеевъ, Апеллесовъ и Праксителей“, въ царствованіе Екатерины, храмы искусства представляли во время спектаклей тоже далеко непривлекательное зрѣлище.

„Мнѣ случилось быть въ театрѣ, когда русскаго „Баверлея“ представляли, рассказываетъ одна дама. Истинно, съ крайнею прискорбною слышала: во-первыхъ, что не умолкали говорить; многія дамы, для прохлажденія, межу изъ караульни посылали спросить; другія кашляли, хохотали, на что, конечно, другой причины тѣмъ забавнымъ людямъ не было, какъ только названіе комедіи.. Молчаніе и тихость не прежде возстановились, когда, въ самомъ дѣлѣ, только глазами, а не слухомъ, вниманіе имѣть должно, то-есть въ балетѣ. Размышляя о семъ, мнѣ пришла на умъ и та неутѣшная мысль, что намъ передъ чужестранцами и тѣмъ извиниться не можно, что публика у насъ престонародная,

потому что въ императорскій театръ, кромѣ благородныхъ, положено не впускать, почему *титулованныя особы суть одни въ немъ зрители*... Эти „титулованныя особы“ простирали иногда неприличіе своего поведенія на спектакляхъ до палочной расправы съ своей прислугой. „Представленіе въ пущемъ жарѣ“, рассказываетъ Сумароковъ, „а тутъ вдругъ „титулованные“ зрители принимаются пороть на мѣстѣ преступленія поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ своихъ“... (стр. 209).

Наконецъ, уже незадолго до 1812 года, „когда въ Москвѣ былъ построенъ большой театръ и публика почему-то крайне неохотно стала посѣщать его, Растопчинъ какъ-то сказалъ:

— Театръ построили — это хорошо, но недостаточно: нужно еще купить 2,000 душъ, прописать ихъ къ театру и обязать подушной повинностью высылать по очереди каждый вечеръ народъ въ театральную залу: на одну публику надѣяться нельзя“... (Стр. 344).

Изъ этого видно, что для дальнѣйшаго процвѣтанія русскаго народнаго искусства не доставало и не достааетъ по настоящее время только одного, сущаго пустяка: народа, который интересовался-бы этимъ искусствомъ, посылалъ-бы ему на служеніе свои лучшія силы, любилъ-бы его, видѣлъ-бы въ немъ отраженіе своихъ лучшихъ мыслей, чувствъ, надеждъ и мечтаній, дорожилъ-бы имъ, какъ частью своей души... Этого пустяка покуда еще нѣтъ у русскаго искусства; все-же прочее имѣется у него, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней, чисто-казенной стороны.

Книга г. Михневича богата интересными фактами относительно судьбы музыки въ Россіи, но, къ сожалѣнію, представляетъ собою сборникъ сырыхъ матеріаловъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ и неосвѣщенныхъ руководящею мыслью. Читается она довольно легко.

Черногорія и ея война съ турками въ 1877 — 78 годахъ. Изъ воспоминаній д-ра А. В. Щербака. Спб., 1879. (Выпускъ первый).

Книга г. Щербака должна произвести довольно тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ тѣхъ добрыхъ людей, которые привыкли видѣть въ Черногоріи ничто иное, какъ „орлиное гнѣздо“ или „геройское княжество“, „самоотверженно поднявшееся для защиты угнетенныхъ братьевъ-герцеговинцевъ“. „Геройство“, „самоотверженіе“, „братская любовь“, — какія все это прекрасныя слова, уносящія мысль чело-

вѣческую высоко, высоко... и вдругъ, изъ этой заоблачной выси приходится возвратиться на темную, грѣшную, глубоко прозаическую землю! Оказывается, что въ „орлиномъ гнѣздѣ“ находится изрядное количество простыхъ воронъ, которымъ, несмотря на всю ихъ вульгарность, предстоитъ довольно видная роль въ ближайшемъ будущемъ ихъ гнѣзда. Оказывается, что геройскій народъ—прежде всего совершенно дикій народъ, правда, очень храбрый,—но и только, что, какъ извѣстно, еще не особенно много, потому что и мы сами храбры, и французы храбры, и зулусы храбры, и быкъ—несомнѣнно храброе животное. А что касается до „самоотверженія“ и до братскихъ чувствъ къ угнетеннымъ ближнимъ, то, увы! отношенія черногорцевъ къ ихъ раззореннымъ братьямъ-герцеговинцамъ производятъ самое тягостное и возмущающее впечатлѣнiе при чтенiи воспоминанiй г. Щербака. Бѣдный Иванъ „Руссь!“ Должно быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ еще чрезвычайно молодъ, если ему безпрестанно приходится очаровываться и разочаровываться, увлекаться и немедленно раскаяваться въ своихъ увлеченiяхъ!

Дикарь прежде всего живетъ особнякомъ и знаетъ только себя, своихъ родственниковъ и, самое большое, свое племя. Точно также и черногорецъ: „онъ любитъ только самого себя и свое, понимая это слово въ самомъ узкомъ смыслѣ“, говоритъ г. Щербакъ въ заключенiе своего разсказа о томъ, что русскiй консулъ I—нъ, до мани влюбленный въ черногорцевъ, пользовался между ними нѣкоторымъ влiянiемъ единственно потому только, что, по мнѣнiю этихъ дѣтей природы, „I—нъ имѣетъ большую силу; если не захочетъ, Черногорiя не получитъ изъ Россiи ни одного гроша“. Почти у всѣхъ дикарей женщина—не больше, какъ вьючное животное; точно такую-же роль она играетъ и на Черной Горѣ. Вожди дикарей чрезвычайно любятъ говорить о самихъ себѣ, что они „великiе воины“ и, какъ на смѣхъ, Машо Врбица, черногорскiй министръ иностранныхъ дѣлъ, путей сообщенiя и вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ штаба, объявилъ однажды г. Щербаку: „Дѣло мы проиграемъ. Вукотича нельзя уломать. Правое крыло слабо, а напоръ будетъ прямо на него. Сейчасъ узналъ я это отъ лазутчика. Скоро вспомнишь мои слова и скажешь: Машо—великiй военный человѣкъ“. Невозможно читать безъ улыбки, какъ этотъ „великiй военный человѣкъ“ и хитроумный министръ является истиннымъ дипломатомъ, когда онъ, соблазнившись шоколадомъ, перехватываетъ себѣ корзинку съ провизiей, присланную для санитарнаго отряда, и, такъ-сказать, накрытый на мѣстѣ преступленiя г. Щербакомъ, „предупредительнѣйшимъ образомъ“ объявляетъ ему: „только-что сейчасъ хотѣлъ извѣстить тебя, — это, кажется,

прислалъ мнѣ князь пополамъ съ тобою; впрочемъ, я, право, не знаю кто. Принесшіи безтолковъ и вернулся уже обратно...”

Къ сожалѣнію, черногорцы являются дикарями не столько забавными, сколько черство-эгоистичными и свирѣпыми. Когда, напримѣръ, послѣ нѣсколькихъ жестокихъ сраженій, для раненыхъ не хватаетъ мѣста въ домахъ, а на дворѣ льетъ дождь, черногорскіе „великіе воины“ захватываютъ для себя всѣ свободныя помѣщенія и не соглашаются уступить ихъ, несмотря ни на какія просьбы. Производя какую-нибудь, хотя-бы самую ничтожную, операцію раненымъ черногорцамъ, докторъ далеко не всегда можетъ быть увѣренъ въ томъ, что кому-либо изъ родственниковъ оперируемаго не придетъ въ голову гуманная и остроумная мысль внезапно прострѣлить врача, дабы избавить своего родича отъ „новой боли“. Г. Щербакъ рассказываетъ, что подобные случаи бывали не одинъ разъ. Однакожь, и это все сущіе пустяки, невинныя шалости, сравнительно съ тѣмъ, что повѣствуетъ онъ о такъ-называемомъ „посѣканіи главъ“, то-есть, объ отрѣзываніи непріятельскихъ носовъ и губъ, которое производится черногорцами ради того, что за извѣстное число турецкихъ „посѣченныхъ главъ“ полагается медаль. „А медаль для себялюбиваго черногорца если не все, то очень многое, — это его гордость, слава, почетъ“ — и вслѣдствіе этого „великіе воины“, чтобы добыть недостающую имъ „главу“, не задумываются иногда „посѣчь“ кого угодно, чуть-ли не перваго встрѣчнаго...

„Трое герцеговинцевъ обвиняли одного черногорца въ томъ, что онъ убилъ ихъ товарища, тоже герцеговинца, и отрѣзалъ у него носъ, рассказываетъ г. Щербакъ. — Отрѣзанный носъ, съ шрамомъ, полученнымъ убитымъ въ прежнихъ сраженіяхъ, былъ на лицо у обличеннаго. Кромѣ того, двое изъ обвинителей видѣли издали, какъ этотъ черногорецъ добивалъ раненаго собрата. Когда-же они погнались за нимъ, убійца успѣлъ скрыться и попался здѣсь. Герцеговинцы схватились уже за ятаганы, черногорцы тоже... Дѣло могло-бы окончиться кровавой развязкой, если-бы не энергическое вмѣшательство стоявшихъ кругомъ и, главнымъ образомъ, Деко, игравшаго роль официального лица. Порѣшили довести обо всемъ до свѣденія князя“.

„На мой вопросъ, часто-ли это случается между герцеговинцами и черногорцами, Деко отвѣчалъ категорической фразой.

— „Ей-Богу, я еще ни разу не отрѣзалъ носа герцеговинцу“...

„Мнѣ приходилось не разъ слышать въ откровенныхъ бесѣдахъ съ герцеговинцами, что вотъ такой-то имѣлъ медаль за столько-то носовъ, и врядъ-ли половина ихъ дѣйствительна, то-есть, съ турокъ, а не съ убитыхъ собратьевъ или того хуже. Въ

вышеприведенномъ случаѣ, какъ оказалось вскорѣ по рассказамъ, у черногольца не доставало только одного носа для полученія медали; вотъ онъ, недолго думая, и рѣзнулъ"... (Стр. 120, 121).

Уже и этотъ „случай“ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на взаимныя отношенія „братъевъ“,—черногольцевъ и герцеговинцевъ, но въ книгѣ г. Щербака есть не мало и другихъ краснорѣчивыхъ фактовъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что денежныя субсидіи, присылавшіяся изъ Россіи голодающимъ герцеговинцамъ, шли на ремонтровку зданій, на военныя приготовленія черногорскаго штаба и тому подобныя нужды, „врядъ-ли входившія въ расчетъ жертвователей“. Въ другомъ, — онъ описываетъ свою встрѣчу съ однимъ изъ герцеговинскихъ юнаковъ, выльзшимъ изъ расщелины скалы полунагимъ, голоднымъ, истомленнымъ, покрытымъ грязью и кровью.

— „Чуешь ты, господине, началъ онъ опять, понижая голосъ и оглядываясь по сторонамъ. Всѣ герцеговинцы хорошо знаютъ, сколько сотъ тысячъ денегъ пришло для насъ изъ Россіи, но мы еще ни одного гроша не выдали. Черногорцы все забрали... Ой, братья, братья! обратился онъ съ злою насмѣшкою неопредѣленно въ сторону“. (Стр. 106.)

Черезъ три страницы новая вопіющая исторія. Черногорскій „попъ Матіасъ, схвативъ за воротъ сѣдого, дряхлаго герцеговинскаго священника, грозилъ задушить его, если онъ не отдастъ пропавшихъ церковныхъ денегъ изъ ризницы монастыря, когда выносили оттуда всѣ цѣнныя вещи. Священникъ этотъ помогалъ въ то время выносить мощи св. Василія. Не успѣвъ догнать старческими ногами ушедшихъ, онъ припелся сюда только сегодня. Деньги пропали изъ сундука, вдѣланнаго въ стѣну, ключъ отъ котораго находился у попа Матіаса. Сундукъ былъ отворенъ, но не взломанъ. Ключъ у Матіаса пропалъ въ день кражи, какъ онъ самъ объяснилъ. Избравъ воровъ бездомнаго герцеговинца, некоторомъ въ данную минуту кромѣ порванной гуниши на голомъ тѣлѣ, разодранныхъ опанокъ и маленькаго мѣшка съ хлѣбомъ, ничего не было, Матіасъ имѣлъ благовидный предлогъ объяснить пропажу денегъ, вѣроятно, имъ-же самимъ утаенныхъ, какъ объясняли впоследствии многіе черногорцы.

Когда мучитель оставилъ на время свою жертву, тогда старикъ, протянувъ костлявую руку къ небу, со слезами на глазахъ, произнесъ:

— Одинъ Богъ видитъ, какъ тяжело даются намъ ваши братскія отношенія... Черногорецъ—братъ герцеговинцу?! Нѣтъ, мы—для васъ хуже собакъ... Ты богатъ, тебѣ нужны деньги, а бѣденъ. Ты-же бралъ въ карманъ украшенія съ иконъ.

При послѣднихъ словахъ глаза Матіаса налились кровью, и онъ, схватившись за пистолетъ, клялся, что убьетъ его.

Старикъ, спокойно взглянувъ на него, сказалъ тихимъ голосомъ: „Еслибы ты былъ юнакъ, ты не былъ-бы здѣсь, а поберегъ-бы пулю для врага... Я дряхль, убивай!“ Стоявшіе вокругъ черногорцы, главнымъ образомъ изъ княжеской свиты, все время издѣвались надъ нимъ, называя его кто воромъ, кто собакою и т. д.

Старикъ молча поводилъ кругомъ потухшими взорами. Сверкнетъ порой внизъ дикій блескъ, но сейчасъ-же и потухнетъ.

Это была отвратительная сцена травли человѣка человѣкообразными звѣрами.

Я видѣлъ всю нравственную пытку, которую переносилъ Д. Но рѣчь его была не причемъ. Вѣдь онъ тоже былъ герцеговинецъ.

Надо было какъ-нибудь покончить возмущающую душу сцену. Отозвавъ старика, мы предложили ему раздѣлить нашъ хлѣбъ-соль. Матіасъ замолкъ, свирѣпо взглянувъ въ нашу сторону. Съ тѣхъ поръ при встрѣчѣ онъ уже не замѣчалъ меня“ (стр. 109, 110, 111).

Нѣтъ, дѣти Черной горы! Можетъ статься, вы дѣйствительно и орлы, и „соколы“, и великіе воины, но... говорятъ, что быкъ — тоже храброе животное, и невыносимо-тяжело долженъ чувствовать себя среди васъ тотъ человѣкъ, у котораго есть сердце, разумъ и развитіе... „Вы не повѣрите, какъ трудно ужиться съ нашею аристократіею, говорилъ г. Щербаку черногорецъ-студентъ московскаго университета. — Князь, узнавъ, что я въ войскахъ, пожелалъ оставить меня при себѣ. Я вѣдь его стипендіялъ. Ну, ужъ былъ-же мнѣ сдѣланъ приемъ въ его штабъ! Поминутныя остроты, оскорбительныя насмѣшки надъ моимъ староватымъ костюмомъ, со всѣхъ сторонъ злые упреки въ какомъ-то руссофильствѣ; просто бѣги, куда глаза глядятъ. Я вѣдь люблю Черногорию и черногорцевъ, — это моя родина. За чѣмъ-же я пріѣхалъ, какъ не за тѣмъ, чтобы умереть за свободную и лучшую жизнь своихъ собратьевъ. Но я ненавижу этихъ себялюбивыхъ льстецовъ, этихъ живыхъ лицемѣровъ, говорилъ онъ съ яростью и желчью“ (стр. 38).

Эта черногорская аристократія — возмутительна. Простой черногорскій „войникъ“, по крайней мѣрѣ, хоть храбръ и любитъ свою родину; — за представителями-же черногорской интеллигенціи нѣтъ даже и этого. Трусливые во время опасности, хвастливые, какъ Фальстафъ, когда она прошла мимо, исполненные презрѣнія ко всѣмъ тѣмъ, кто не принадлежитъ къ ихъ кругу, вывезшіе изъ Парижа, гдѣ воспитывались, только одно плохое знакомство

съ французскимъ языкомъ и стремленіе къ внѣшнему аляповатому блеску, — они являются тою темною тучкою, которая общаетъ очень мало хорошаго дальнѣйшему развитію Черной Горы.

Бездарные и упрямые вожди, стоящіе во главѣ арміи единственно въ силу своихъ родственныхъ и другихъ связей, министры финансовъ, которые, по словамъ самихъ черногорцевъ, „при одной головѣ обладаютъ цѣлыми сотнями лапъ“, интендантскіе труженики, трудолюбиво перемѣшивающіе муку съ землей и питающіе народъ гнилыми сухарями, наконецъ, журналистъ, помышляющій только о томъ, чтобы предугадать малѣйшую волю своего начальника, — таковы главнѣйшіе черногорскіе дѣятели, дополняющіе своими темными силуэтами картину общественной жизни „орлиного гнѣзда“...

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Циркуляръ министра народ. проsv. къ попечителямъ округовъ о помощи бѣднымъ ученикамъ. — Отчего усиливается наплывъ въ учебныя заведенія и отчего число бѣдныхъ учениковъ увеличивается? — Шаткость и неопредѣленность спроса и предложенія на интелектуальныя силы. — Можно-ли обойтись безъ благотворительности при настоящемъ экономическомъ положеніи? — Дѣятельность обществъ вспомошествованія и недостаточность ихъ помощи. — Невозможность разсчета на правильную ихъ организацію. — Какъ организовать ее въ новомъ видѣ—въ формѣ общежительствъ съ обязательнымъ налогомъ.

Въ январѣ нынѣшняго года къ попечителямъ учебныхъ округовъ адресованъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, содержаніе котораго заключается въ слѣдующемъ: министръ говорить, что въ отчетахъ о состояніи военно-учебныхъ заведеній въ числѣ причинъ, объясняющихъ пропуски учениками уроковъ и проистекающую изъ этого малоуспѣшность ихъ, чаще всего встрѣчается указаніе на бѣдность учащихся; и что пропуски уроковъ, а именно по причинѣ бѣдности, становятся очень часты, особенно за послѣдніе годы. Министръ думаетъ, что причиной такого явленія—чрезмѣрное увеличеніе учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ за послѣднее время и между ними преимущественно дѣтей такихъ лицъ, которыя принадлежать къ менѣе состоятельнымъ классамъ.

Наблюденіе за правильнымъ посѣщеніемъ уроковъ, конечно, не достигнетъ ожидаемыхъ результатовъ, пока не будутъ приняты мѣры противъ дѣйствующей причины, говорить циркуляръ. Принятіе-же мѣръ представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что бѣдность среди учащихся достигла почти крайняго предѣла. Въ циркулярѣ указывается между прочимъ, что ученики не посѣщаютъ уроковъ за неимѣніемъ теплой или приличной форменной одежды, часто не готовятъ уроковъ потому, что не имѣютъ свѣчей или

оставляютъ учебное заведеніе за невозможностью внести установленную плату. Эти и подобные имъ факты составляютъ, по словамъ циркуляра, чуть-ли не обычное явленіе почти каждаго заведенія.

Затѣмъ циркуляръ перечисляетъ, какія со стороны правительства были приняты въ разное время мѣры помощи учащимся. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, пансіонахъ учреждены стипендіи. Бѣдные ученики, достойные по успѣхамъ и поведенію, освобождаются отъ платы; изъ специальныхъ средствъ учебныхъ заведеній выдаются временныя денежныя вспоможенія; бѣднымъ ученикамъ старшихъ классовъ разрѣшается давать уроки за плату мало успѣвающимъ ученикамъ, а также наблюдать за ученическими квартирами, тоже за извѣстное вознагражденіе; наконецъ, по уставу реальныхъ училищъ учреждаются при нихъ попечительства, обязанныя заботиться о пособіи лучшимъ ученикамъ.

Всѣ эти мѣры хотя и доставляютъ значительную помощь, но, по мнѣнію циркуляра, не достигаютъ вполне своей цѣли, такъ-какъ въ педагогическіе совѣты поступаетъ такое число прошеній объ освобожденіи отъ платы за ученіе и о выдачѣ пособій, что нѣтъ никакой возможности удовлетворить ихъ изъ средствъ заведеній. Поэтому министръ признаетъ необходимымъ озаботиться пріисканіемъ другихъ способовъ къ облегченію положенія бѣдныхъ учениковъ и считаетъ вполне справедливымъ обратиться къ частной благотворительности, такъ-какъ въ дѣлѣ образованія по преимуществу заинтересовано само-же общество. Министръ думаетъ, что наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ могли-бы оказаться „общества вспомошествованія бѣднымъ учащимся“. Число такихъ обществъ въ настоящее время достигаетъ до двадцати и организація ихъ очень проста. Общества состоятъ изъ членовъ почетныхъ и дѣйствительныхъ; первые дѣлаютъ единовременныя взносы, болѣе или менѣе значительныя, а послѣдніе вносятъ ежегодно по три—пяти рублей. Часть этихъ взносовъ отдѣляется на образованіе запаснаго капитала, а остальное идетъ на помощь бѣднымъ ученикамъ въ видѣ одежды, пищи, учебныхъ пособій, платы за квартиру, за обученіе и тому подобное.

Предполагая, что подобныя общества могутъ оказать самую главную поддержку, министръ проситъ попечителей учебныхъ округовъ предложить директорамъ гимназій и реальныхъ училищъ и директорамъ и инспекторамъ прогимназій увеличить, гдѣ это окажется возможнымъ, выдачи пособій бѣднымъ ученикамъ изъ специальныхъ средствъ заведеній и озаботиться учрежденіемъ общества вспомошествованія бѣднымъ учащимся. Министръ думаетъ,

что директора гимназій могутъ своимъ авторитетомъ повліять на родителей и родственниковъ воспитывающагося юношества, и отъ энергии и отеческой попечительности, съ которой директоры гимназій отнесутся къ дѣлу, будетъ вполне зависѣть успѣшное развитіе обществъ вспомошествованія:

Циркуляръ этотъ, какъ офиціальныи документъ, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Извѣстно, что въ нынѣшній семестръ наплывъ учениковъ во всѣ учебныя заведенія былъ громадный. Напр., въ петербургскія военныя гимназіи явилась такая масса желающихъ, принятіе которыхъ оказывалось положительно невозможнымъ, просто, по недостатку мѣстъ, что было сдѣлано распоряженіе не принимать прошеній позже 1-го августа. Число желающихъ поступить въ петербургскія реальныя училища оказалось настолько значительнымъ, что едва-ли четвертая часть кандидатовъ была принята. Изъ Саратова писали въ „Голосъ“, что число желающихъ поступить въ городскія училища было такъ велико, что за недостаткомъ мѣстъ многіе остались непринятыми. Тоже самое повторилось почти повсюду: вездѣ страшный наплывъ желающихъ и вездѣ одна и та-же бѣда—невозможность пристроиться въ учебныя заведенія. Въ Кіевѣ число желающихъ посѣщать высшіе женскіе курсы дошло въ короткое время до 450, въ Петербургъ ихъ явилось болѣе 800.

Очевидно, что потребность учиться растетъ изъ года въ годъ въ сильно-возрастающей прогрессіи и превышаетъ существующія возможности для ея удовлетворенія. Министръ народнаго просвѣщенія полагаетъ, что преимущественно въ послѣднѣе время явился усиленный наплывъ дѣтей бѣдныхъ родителей. Почему-же это такъ?

Всѣ наши высшія и среднія учебныя заведенія готовятъ, по преимуществу, интеллектуальныхъ работниковъ, и если смотрѣть на сословный составъ наплыва, то становится совершенно ясно, почему онъ имѣетъ именно этотъ, а не другой характеръ. Высшія и среднія учебныя заведенія снабжаются главнѣйше учениками изъ дворянскаго или чиновничьяго слоя, изъ земледѣльцевъ и капиталистовъ, т. е. изъ той группы русскаго населенія, которое занимаетъ общественное поприще, составляетъ правящее сословіе и готовитъ дѣтей для того-же дѣла. Всѣ дѣти и юноши, являющіеся въ среднія и высшія учебныя заведенія, — это будущіе судьи, будущіе прокуроры и защитники, будущіе исполнительные органы для министерствъ, для службы въ столицѣ и въ провинціи, для департаментовъ, палатъ, канцелярій или для военнаго поприща. Однимъ словомъ, главный контингентъ принадлежитъ тому слою, который въ состояніи только жить жалованьемъ и честолюбію котораго открыта лишь служебная и правительственная карьера. Рядомъ съ

ними являются люди, готовящіеся для болѣе независимыхъ профессій: будущіе профессора, учителя, будущіе медики, люди, готовящіе себя для комерціи и промышленности. Всѣхъ этихъ алчущихъ и жаждущихъ образованія въ 1875 г. во всѣхъ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ въ Россіи было 56,776 чел. Какъ они распредѣлялись по роду занятій, къ какимъ себя готовили профессіямъ и къ чему стремились въ будущемъ—не указываетъ ни одна статистика. Но если въ 1855 году въ тѣхъ-же заведеніяхъ было 22,142 чел. и въ двадцать лѣтъ число ихъ выросло болѣе, чѣмъ на 50%, или ежегодно болѣе, чѣмъ на $2\frac{1}{2}\%$, и если въ этой прогрессіи пойдетъ постоянное увеличеніе, то наконецъ все то, что такъ или иначе осталось вѣтвѣ твердой почвы, все, неприрученное къ экономической ослѣдлости, превратится въ интеллектуальныхъ работниковъ. Наше общество не обнаруживало еще никогда такой лхорадочной погои за интеллектуальными профессіями, какъ нынче, а что все это должно было такъ и случиться, подтверждается фактомъ того, что оно случилось.

Потребность въ образованіи не есть одна погоня за пріобрѣтеніемъ высшихъ умственныхъ благъ, но и заключаетъ въ себѣ очень реальную сущность: образованіе должно дать средства для существованія и матеріальнаго обезпеченія. Для исключительнаго большинства образованіе не имѣетъ другого значенія и представляетъ экономическій вопросъ. А такъ-какъ онъ экономическій вопросъ, то на немъ и должно было отразиться дѣйствіе тѣхъ-же экономическихъ законовъ, которые управляютъ и остальными человѣческими отношеніями. Освобожденіе крестьянъ и послѣдующія затѣмъ реформы освободили, вообще, лицо, а не одинъ деревенскій людъ, слѣдовательно, онѣ создали новыя отношенія и между дворянами, земледѣльцами, купцами, разночинцами и людьми свободныхъ профессій. Надъ крестьянами кончилась опека помещиковъ, а надъ всѣми остальными кончилась опека государства. Лицо стало свободнѣе, стало свободнымъ и образованіе и прекратились прежнія казенныя заведенія, готовившія на казенный счетъ людей для казеннаго дѣла. Рядомъ съ этимъ расширилась, такъ-сказать, и экономическая инициатива каждаго отдѣльнаго лица и явился небывалый просторъ для частной предпріимчивости, вызвавшей массу частныхъ предпріятій, какъ, напр. желѣзныя дороги. Общее промышленное развитіе сдѣлало въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ тоже усиленный шагъ впередъ; явилась масса капиталовъ, новыхъ предпріятій, а съ ними вмѣстѣ и потребность въ людяхъ, которые были-бы пригодны для этихъ предпріятій. Понятно, что долженъ былъ возникнуть небывалый запросъ на интеллектуальныхъ работниковъ на желѣзныхъ дорогахъ, въ кон-

торахъ, въ банкахъ, въ земствѣ, въ массѣ новыхъ и небывалыхъ прежде школъ и учебныхъ заведеній. Всѣ эти новыя, небывалыя дѣла потребовали, можетъ быть, десятковъ тысячъ людей, на которыхъ прежде не было спроса.

Но рядомъ съ этимъ наблюдается еще одно явленіе, находящееся съ нимъ въ связи. Мы не думаемъ, что скажемъ что-нибудь новое, если сопьемся на фактъ для всѣхъ несомнѣнный: въ послѣднее время только и слышны жалобы, что на дороговизну. Проще говоря, это значитъ, что наше экономическое благосостояніе не поднимается, а падаетъ; если жизнь стала дороже, то ясно, что средства для удовлетворенія потребностей уменьшились и возможности для приобрѣтенія ихъ оказываются слабѣе. Но если, съ одной стороны, образованіе даетъ возможности для приобрѣтенія средствъ существованія, а съ другой — приобрѣтеніе средствъ существованія стало труднѣе, то ясно, что все это должно отразиться на наплывѣ желающихъ учиться и число ихъ изъ года въ годъ должно увеличиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ средѣ жаждущихъ должна замѣчаться бѣднота и бѣднота. Бѣднота, какъ общее явленіе въ томъ вопросѣ, о которомъ мы говоримъ, отражается, конечно, не на жителяхъ деревень, а на всемъ интеллектуальномъ слоѣ, на всей образованной массѣ, которая поставляетъ интеллектуальныхъ работниковъ и которая ищетъ спасенія исключительно въ интеллектуальномъ трудѣ.

Но тутъ опять является новое усложненіе. Запросъ на людей, очевидно, очень большой, но сколько ихъ нужно и куда именно, кто-же это знаетъ, — и вотъ явилась подавляющая конкуренція: конкуренція рѣшаетъ все — и поступленіе въ школу, и выходъ изъ нея, и мѣсто, дающее кусокъ хлѣба. Воспитаніе стало какъ-бы однимъ изъ видовъ экономическаго производства, на него налегъ промышленный духъ и оно, какъ промышленность, стало подчиняться тѣмъ-же случайностямъ и тѣмъ-же законамъ. И прежде воспитаніе давалось не ради отвлеченныхъ цѣлей, а теперь оно прежде всего бьетъ въ глаза своимъ промышленнымъ характеромъ и отличается всѣми случайностями господствующаго индустриальнаго направленія. Современная промышленность, подъ давленіемъ конкуренціи и спекуляціи, готовитъ издѣлія, не имѣя передъ глазами потребителя и не зная, на какомъ рынкѣ она ихъ продастъ: не то рынокъ найдется въ Москвѣ, не то въ Казани, не то въ Нижнемъ на ярмаркѣ. Регулятора для промышленныхъ силъ не существуетъ и въ промышленности царитъ случайность, рискъ, авось. Совершенно то-же начало случайностей положило свою печать на стремленіе общества къ воспитанію; каждый чувствуетъ, что нужно учить не только сыновей, но и дочерей, что безъ зна-

ній нельзя прожить и безъ свѣденій, которыя-бы дали человѣку хлѣбъ, онъ умретъ съ голоду. Но чему учить, къ какому поприщу готовить? Для всѣхъ ясно лишь одно, что хлѣбъ человѣка не въ землѣ, а въ головѣ и что умственное развитіе есть лучшій кусокъ хлѣба. Еслибы у всей той массы людей, которая образуетъ теперешній безземельный интеллектуальный элементъ, были-бы капиталы, земли, однимъ словомъ, имущества, то вопросъ не представлялъ-бы никакой трудности; но именно этого-то и нѣтъ, и потому понятно, что по мѣрѣ увеличенія числа неимущественныхъ людей является сильная погоня за интеллектуальностью, т. е. за такимъ знаніемъ, которое, повидимому, застраховываетъ чело-вѣка отъ всѣхъ напастей и даетъ ему возможность овладѣвать всякими житейскими случайностями. Но что такое интеллектуальность? Это такого рода знанія, съ которыми можно быть вездѣ и нигдѣ. У него нѣтъ опредѣленной сущности и потому вашъ сынъ можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ претендовать на цѣлую массу поприщъ, на которыхъ онъ будетъ одинаково пригоденъ, напр., для службъ на станціи желѣзной дороги, конторщикомъ, писцомъ, бухгалтеромъ, чиновникомъ всевозможныхъ вѣдомствъ, палатъ, канцелярій, секретаремъ, земцемъ. Однимъ словомъ, вы готовите сына для какого-то водоворота, въ которомъ онъ, какъ пѣявка, можетъ присосаться къ тысячамъ точекъ. Но каждая изъ нихъ — вполнѣ случайная и настолько неопредѣленная, что сегодня онъ можетъ удержаться за одну, завтра за другую, переходить съ мѣста на мѣсто и бродить цѣлый свой вѣкъ. И несмотря на эту неопредѣленность, интеллектуальныя професіи привлекаютъ къ себѣ наибольшую массу людей, хотя въ то-же время никто впередъ не знаетъ, сколько нужно этихъ людей, для какихъ дѣлъ, для какихъ поприщъ. Число мѣстъ, для которыхъ требуются интеллектуальные работники, не только неизвѣстно, но и опредѣлить ихъ впередъ нельзя. Для примѣра возьмемъ хотя желѣзныя дороги. Сѣтъ ихъ у насъ постоянно увеличивается; можетъ быть, и есть законъ, управляющій этимъ увеличеніемъ, но кто-же его знаетъ? Кто знаетъ, сколько явится желѣзныхъ дорогъ черезъ пять, черезъ десять лѣтъ и сколько потребуется для нихъ новыхъ интеллектуальныхъ работниковъ? Число шкѣль увеличивается тоже ежегодно, увеличивается число реальныхъ и классическихъ гимназій но опять — кто-же знаетъ, насколько увеличивается ихъ число и сколько каждый годъ требуется новыхъ учителей, профессоровъ, наблюдателей, наставниковъ? Тоже самое повторяется рѣшительно на всѣхъ поприщахъ. Жизнь растетъ, расширяется; съ расширеніемъ ея является запросъ на новыхъ людей, но насколько расширяется жизнь и сколько для нея требуется ежегодно новыхъ

работниковъ — этого никто не знаетъ. Мы на своихъ интеллектуальныхъ фабрикахъ изготовляемъ интеллектуальный товаръ, не зная, на какомъ рынкѣ его продадимъ, и выходитъ какая-то интеллектуальная спекуляція, въ которой все рассчитано на рискъ и на конкуренцію. Если общество замѣчаетъ, что явилось требованіе на инженеровъ желѣзныхъ дорогъ или на медиковъ, то каждый предусмотрительный, чадолюбивый отецъ старается сдѣлать изъ своего сына медика или инженера. Потребуются-ли они къ тому времени, когда сынъ его кончитъ ученье—чадолюбивый отецъ не соображаетъ. Онъ готовитъ товаръ по запросу минуты, не зная, будетъ-ли этотъ запросъ существовать черезъ пять-шесть лѣтъ. Понятно, что запросъ становится дѣломъ умственной конкуренціи, и только тотъ товаръ будетъ находить себѣ сбытъ, который отличается высшими интеллектуальными качествами. Вы скажете, что это хорошо. Можетъ быть, не только хорошо, но даже очень хорошо, что однимъ высшимъ способностямъ и слѣдуетъ отдавать предпочтеніе, ибо въ нихъ всего болѣе нуждается страна, отставшая отъ образованныхъ странъ. Но въ такомъ случаѣ, что дѣлать съ способностями низшими, какое найти имъ дѣло и чѣмъ эти низшія способности виноваты, что онѣ, готовясь для чего-то высшаго, остались не при чемъ, и должны затѣмъ искать себѣ помѣщенія или не тамъ, куда они готовились, или даже вовсе нигдѣ. Мы констатируемъ только фактъ, констатируемъ его, какъ явленіе ненормальное, у котораго должна быть масса ненормальныхъ экономическихъ и нравственныхъ послѣдствій. Какого рода эти послѣдствія — мы теперь пока не опредѣляемъ; но въ томъ явленіи и въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ фигурировали червонные валеты, г-жа Гулакъ-Артемовская и Богдановъ, это приготовленіе людей исключительно для интеллектуальныхъ занятій должно играть существенную роль. Если это явленіе будетъ продолжаться въ такомъ-же видѣ, и если случайность, конкуренція и авось будутъ играть такую-же роль, то весьма вѣроятно, что интеллектуальное образованіе принесетъ плоды еще болѣе горькіе. Какая-же сила должна явиться регуляторомъ? Силы этой мы не видимъ и не знаемъ. Мы знаемъ только то, что прежде, при остановившемся и застывшемъ русскомъ бытѣ, когда въ немъ не было ничего лихорадочнаго, когда во всемъ царилъ тишь да гладь, ничего подобнаго не было. Теперь-же, по мѣрѣ экономического развитія Россіи и по мѣрѣ развитія ея гражданственности растутъ не по днямъ, а по часамъ безмѣстный интеллектуальный элементъ, привлекающій къ себѣ все большее и большее число работниковъ и разныхъ скитальцевъ интеллектуального труда, изображающихъ

собою какую-то бродячую силу, необезпеченную въ своемъ экономическомъ существованіи своими интеллектуальными знаніями.

Умственные движенія и потребность въ образованіи, которыя явились у насъ, составляютъ въ настоящее время, можетъ быть, одно изъ важнѣйшихъ общественныхъ явленій. Экономическій вопросъ, конечно, самый важный изъ всѣхъ вопросовъ, и воспитаніе должно-бы отвѣчать по преимуществу ему; если-же воспитаніе должно отвѣчать запросу жизни, то, конечно, оно должно готовить такихъ людей, какіе нужны жизни. А такъ-какъ жизнь идетъ не сверху внизъ, а снизу вверхъ, то и нужно отвѣчать тому, что требуется внизу. И вотъ тутъ-то начинается непроглядный хаосъ, въ которомъ все неясно, темно, смутно и случайно. Земство говорить, что для народнаго здравія требуется усиленное развитіе земской медицины, приготовленіе врачей-женщинъ и мужчинъ, фельдшерницъ и говивальныхъ бабушекъ. Но гдѣ-же у насъ школы для ихъ образованія, и столько-ли ихъ, сколько нужно? Да и кто знаетъ, сколько ихъ нужно? Несмотря на кажущійся наплывъ студентовъ-медиковъ и слушательницъ медицинскихъ курсовъ, когда началась послѣдняя война, медиковъ оказалось такъ мало, что и послѣдніе-то ушли изъ земства за Балканы. Когда-же вся надежда оставалась на женщинъ-медиковъ, медицинскій департаментъ запретилъ имъ лѣчить. Если стремленіе къ образованію такое-же экономическое явленіе, какъ и всякое матеріальное производство, но только въ области интеллектуальной, почему-же оно не подчиняется закону спроса и предложенія? Кому нужны работники мысли и интеллектуальнаго труда? Кому нужны конторщики, бахгалтеры, начальники станцій и весь правящій желѣзнодорожный персоналъ? Кому нужны телеграфисты, медики, повивальныя бабки, учителя, профессора? Конечно, обществу. Но что-же мы дѣлаемъ для ихъ привлеченія и для удовлетворенія спроса на нихъ? Насколько мы предусмотрительны, чтобы знать въ точности, сколько намъ нужно и будетъ нужно работниковъ этого рода и насколько мы создаемъ ихъ въ томъ количествѣ, которое теперь требуется? До освобожденія крестьянъ мы не изображали изъ себя общества, и у насъ не было никакихъ общественныхъ учрежденій въ томъ смыслѣ, чтобы въ нихъ выражался коллективный, частный починъ и частная самонадѣянность. Тогда были извѣстны только казенныя учрежденія, казенныя надобности, казенное обученіе и казенная служба. Всѣ работники интеллектуальнаго труда приготовлялись исключительно казеннымъ путемъ,—и гармонія между спросомъ и предложеніемъ устанавливалась сама собой. Теперь казенныя надобности отступили на второй планъ и ихъ какъ-будто даже незамѣтно. Земская служба, желѣзныя дороги,

развитіе пароходства, промышленности, торговля поглощаютъ массу людей, и такъ-называемая общественная или частная служба совершенно заслонила казенную службу. Но что-же дѣлаемъ мы—общество, для удовлетворенія своихъ общественныхъ нуждъ въ работникахъ, въ которыхъ мы нуждаемся? Нуждаясь въ громадной массѣ людей съ техническимъ и общимъ образованіемъ, мы, наперекоръ всѣмъ законамъ спроса и предложенія, не оказываемъ никакого содѣйствія ихъ образованію, а затѣмъ вводимъ еще и моральное требованіе. Мы говоримъ, что наука должна приобрѣтаться съ сознаніемъ ея высокаго значенія, что наука—не забава, не штука, не подарокъ, а извѣстнаго рода богатство. Но если она богатство и если къ ней примѣнимъ законъ челоуѣческаго труда, то, повидимому, совершенно достаточно одного труда для ея приобрѣтенія, какъ приобрѣтается всякое другое богатство. За что-же платить деньги? Развѣ общество, которое давало-бы средство для увеличенія своего собственнаго умственнаго богатства, не получить въ людяхъ, приготовленныхъ для интеллектуальнаго труда, то высшее богатство, безъ котораго не мыслимо ни умственное, ни моральное благосостояніе?

Въ нынѣшнемъ году, напр. послѣдовало повышеніе платы въ женскихъ институтахъ и въ большинствѣ институтовъ годовой размѣръ ея будетъ простираться до 350 руб. Въ трехъ она доведена даже до 400 руб. Въмѣстѣ съ тѣмъ возвышена плата въ московской, петербургской и царскосельской гимназіяхъ. Какъ-же подобная плата можетъ отразиться на всемъ нашемъ умственномъ хозяйствѣ? Во-первыхъ, въ женскія гимназіи и институты поступаютъ дочери не однихъ только графовъ, князей и крупныхъ землевладѣльцевъ, но и дочери мелкихъ дворянъ и бѣдныхъ чиновниковъ. Еслибы воспитаніе женщинъ было такою-же роскошью, какъ брусельскія кружева, то можно-бы еще понять причину высокой на него пошлины. Но даже и предметы матеріальной роскоши не находятъ нынче удобнымъ облагать пошлиной, потому что она почти ни насколько не увеличиваетъ доходовъ фиска; но къ чему-же это давленіе, когда образованіе составляетъ предметъ самой насущной необходимости, когда погоня за нимъ такъ велика, что является трудность удовлетворить всѣмъ требованіямъ.

Наши школы не могли-бы существовать, еслибы въ нихъ доставлялся контингентъ одними крупными землевладѣльцами да прирожденной аристократіей. Эти лица составляютъ только единицы. Ясно, что школа можетъ разсчитывать на всю остальную массу дворянства, на среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, на среднее и мелкое чиновничество. Они главные поставщики работниковъ интеллектуальнаго труда, и если прекратится предложеніе

съ ихъ стороны, то всѣ наши желѣзныя дороги, конторы, палаты, присутственныя мѣста, земская служба, однимъ словомъ, весь общественный механизмъ долженъ будетъ остановиться. Еслибы для приготовленія знающихъ людей у насъ существовали только частныя учебныя заведенія, нисколько не было-бы непослѣдовательнымъ, что и плата за воспитаніе или обученіе взималась-бы въ нихъ въ такихъ размѣрахъ, которые нужны не только для покрытія всѣхъ расходовъ, но должны дать еще барышъ предпринимателю. Но у насъ частныхъ заведеній почти нѣтъ; мало того, что ихъ нѣтъ,—со времени петровской реформы и вплоть до освобожденія крестьянъ, т. е. болѣе полутора вѣка, наше общество стояло на той точкѣ зрѣнія, что само государство заботится объ его нуждахъ, объ его просвѣщеніи и о снабженіи его людьми, подготовленными хотя и для его надобностей, но въ такихъ интересахъ и цѣляхъ правительства, при которыхъ оно не желаетъ вѣрять дѣла образованія самому обществу. Конечно, учебныя заведенія требуютъ для своего содержанія извѣстнаго налога и противъ подобнаго налога возражать ничего нельзя. Но вопросъ въ томъ, на кого собственно долженъ падать этотъ налогъ? На тѣхъ-ли именно лицъ, которые получаютъ образованіе или-же на всѣхъ? Вопросъ въ такомъ видѣ нѣсколько усложняется. Но это усложненіе не столько дѣйствительное, сколько кажущееся. Если налогъ долженъ падать только на тѣхъ, кто получаетъ образованіе, то, въ смыслѣ податной справедливости, налогъ не можетъ давить однихъ сильнѣе, а другихъ слабѣе. Значить, ясно, что онъ будетъ налогомъ пропорціональнымъ. А когда мы допустимъ это начало, то и плата за обученіе получитъ тенденцію къ понижающейся прогрессіи, т. е. будетъ стремиться къ постоянному уменьшенію. Но тутъ является еще одно затрудненіе, неразлучное съ пропорціональнымъ налогомъ. Трудность будетъ заключаться въ уравнительности и справедливости его распредѣленія, и всѣ уклоненія вызовутъ весьма сильное недовольство. Предположите, что всѣ сословія платятъ прямой или подоходный налогъ. Этого пока еще у насъ нѣтъ, но будетъ. Предположите, что каждый платитъ косвенные налоги. Это у насъ давно практикуется и въ весьма неуравнительной степени. А если прямыми и косвенными налогами удовлетворяются всѣ потребности государства, то ясно, что даются ему средства и на расходы по образованію.

Что это начало нуждается въ смягченіи и что необходимость этого смягченія чувствуется все больше и больше, служить доказательствомъ общества для вспоможенія нуждающимся ученикамъ и самопомощь учениковъ и студентовъ, практикуемая ими гласно и негласно. Въ петербургской духовной ака-

деміи учреждено братство для вспомошествованія бѣднымъ студентамъ академіи, а нынѣшней осенью и московская духовная академія порѣшила учредить братство для той-же цѣли. Кореспондентъ „Голоса“ пишетъ, что нужда въ помощи студентамъ стала ощущаться съ начала семидесятыхъ годовъ, когда въ академію стекалось такое число слушателей, которое значительно превышало число казенныхъ стипендій. Иначе сказать, нужда стала замѣтна съ тѣхъ поръ, когда академія перестала давать даровое образованіе всѣмъ въ нее поступающимъ, а давала его только избранныкамъ и счастливымъ. И вотъ, всѣ званые, но неизбранные очутились въ такомъ положеніи, что для нихъ потребовалась общественная благотворительность. Въ нынѣшнемъ году въ академію поступило пятьдесятъ человѣкъ, и корреспондентъ замѣчаетъ, что значительная часть ихъ, за неимѣніемъ казенной стипендіи и собственныхъ средствъ, принуждена пребывать изодня въ день и съ большимъ трудомъ. Къ этой значительной части и явилось на помощь общественное человѣколюбіе.

Насколько не только не установился, но даже не выяснился принципъ денежнаго обученія, подтверждаетъ еще слѣдующій фактъ. Въ прошломъ году вышла „Хроника учреждений вѣдомства императрицы Маріи“; это громадный томъ въ 860 страницъ, составленный по случаю пятидесятилѣтняго юбилея IV отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи. Всѣхъ учреждений въ вѣдомствѣ IV отдѣленія состояло въ 1877 году 573. Благотворительныя учрежденія эти располагаютъ громадными капиталами. Такъ петербургскій воспитательный домъ имѣлъ въ истекшемъ году капиталъ 10,360,000 руб. и расходовалъ 1,000,000 руб., московскій — 17,000,000 руб., расходовалъ — 1,378,000 руб., родовспомогательное заведеніе петербургское расходовало 67,000 руб., московское — 65,200 р. Изъ двѣнадцати петербургскихъ больницъ капиталы показаны только въ четырехъ: маринской — до 1,870,000 руб., въ больницѣ всѣхъ скорбящихъ — 1,347,000 руб. Обѣ эти больницы расходуютъ болѣе ста тысячъ. Обуховская больница расходуетъ 204,000 р., пять московскихъ больницъ расходуютъ 300,000 р. Расходы по управленію дѣтскими пріютами доходятъ до 748,000 р. Шесть обществъ благотворительности тратятъ на добрыя дѣла до 50,000 р. Гатчинскій институтъ расходуетъ 253,000 р. Изъ десяти женскихъ образовательныхъ училищъ воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ тратитъ 203,000 р. свыше 100,000 р. расходуютъ: александровское училище, павловскій институтъ и екатериненскія училища въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Изъ шестнадцати губернскихъ институтовъ тратятъ: варшавскій до 100,000 р., одесскій — 92,000 р.,

закавказскій—87,000 р., харьковскій—79,000 р., кіевскій—78,000 р., полтавскій—73,000 р., остальные менѣе 70,000 р. и оренбургскій—37,000 р. Въ десяти петербургскихъ гимназіяхъ цифра расхода колеблется между 42,000 р. (маринская) и 9,000 р. (гачинская). Въ пяти московскихъ гимназіяхъ расходъ колеблется между 38,000 р. и 15,000 р., а въ пятнадцати губернскихъ гимназіяхъ между 26,000 и 5,000 р. Всѣ школы женскаго патріотическаго общества расходуютъ 129,000 р. Сиротопитательный домъ Медвѣдниковой въ Иркутскѣ расходуетъ 179,000 р., комерческое училище—214,000 р., московское техническое—241,000 р., петербургскій николаевскій сиротскій институтъ—252,000 р., московскій—223,000 р., училище глухонѣмыхъ—72,000 р.

Какія-же благотворительныя услуги оказаны этими громадными расходами? Въ „Хроникѣ“ вѣтъ общихъ выводовъ, и „Голосъ“ приводитъ только главнѣйшія цифры. Въ двухъ воспитательныхъ домахъ, петербургскомъ и московскомъ, принято въ 1877 году до 74,000 питомцевъ, въ петербургскомъ родовспомогательномъ заведеніи въ послѣдніе 42 года принято 55,479 роженницъ, въ московскомъ—103,902; изъ больницъ: въ маринской въ 1871 году пользовалось болѣе 33,000, въ николаевской дѣтской до 28,000, въ дѣтской принца Ольденбургскаго до 47,000, въ глазной лечебницѣ—18,000. Въ вдовьемъ домѣ число призрѣваемыхъ во всѣ пятьдесятъ лѣтъ было 15,041, въ городскихъ богадѣльняхъ до 13,000 и столько-же въ симферопольскомъ страннопріимномъ домѣ Таранова-Бѣлозерскаго. Въ петербургскихъ дѣтскихъ пріютахъ со времени основанія ихъ было болѣе 142,000 дѣтей, въ московскихъ—31,000, въ губернскихъ болѣе 122,000. Изъ обществъ благотворительности всего болѣе лицъ пользовалось благотвореніемъ въ общинѣ сестеръ милосердія княгини Барятинской, гдѣ со времени основанія получили помощь 233,622 лица.

Изъ общеобразовательныхъ мужскихъ заведеній александровскій лицей выпустилъ со дня основанія 923 воспитанника; изъ женскихъ: смоленскій монастырь 2,873 дѣвицы, екатериненскій институтъ—3,948, александровское училище—2,289, александровскій сиротскій домъ—1,541, московское и екатериненское училища—2,056; изъ губернскихъ институтовъ болѣе всего вышло воспитанницъ изъ харьковскаго—1,243 и полтавскаго—1,040. Изъ семи петербургскихъ гимназій (въ другихъ выпусковъ еще не было) вышло со времени ихъ основанія 2,358 дѣвицъ, изъ четырехъ московскихъ—658, изъ 13-ти губернскихъ—2,645. Сельскія школы воспитательнаго дома выпустили въ послѣднее пятидесятилѣтіе 4,000 ученицъ, четырнадцать школъ попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ—20,470 воспитанницъ. Комерческое училище 1,552 ученика,

московское техническое — 812. Здѣшній николаевскій сиротскій институтъ 1,008, московскій — 2,010, училище глухо-нѣмыхъ — 730 обоого пола.

Теперь предположите, что этой благотворительности вовсе не существовало-бы; тогда оказалось-бы вотъ что: если только въ одномъ 1877 году петербургскій и московскій воспитательные дома приняли 74,000 питомцевъ и если предположить среднюю цифру приема даже только въ 30,000, то окажется, что воспитательные дома втеченіи 100 лѣтъ своего существованія пріютили 3,000,000 дѣтей, которыя иначе остались-бы на улицѣ; остались-бы на улицѣ 158,000 роженицъ; остались-бы на улицѣ и сотни тысячъ больныхъ взрослыхъ и дѣтей, которыхъ лѣчили больницы дѣтскія, глазныя и для взрослыхъ; остались-бы на улицѣ 28,000 старухъ и стариковъ, которыхъ пріютили богадѣльни; остались-бы безъ всякаго надзора 200,000 дѣтей, которыхъ призрѣли пріюты; остались-бы безъ денежной помощи 233,000 разныхъ лицъ, которымъ была оказана она княгиней Барятинской; не получили-бы воспитанія 923 человекъ, которымъ далъ его александровскій лицей, не получили-бы воспитанія болѣе 25,000 дѣвушекъ, которымъ дано было оно институтомъ и гимназіями; остались-бы неграмотными 25,000 дѣвушекъ изъ мѣщанъ и крестьянъ; не получили-бы никакого образованія 3,000 сиротъ и 730 глухо-нѣмыхъ.

Если сравнить, что дѣлалось у насъ для воспитанія и обученія путемъ благотворительнымъ и тѣмъ неблаготворительнымъ путемъ, которымъ обучаютъ нынче, то, по всей вѣроятности, оказалось-бы, что благотворительнымъ путемъ дѣлается гораздо больше.

Впрочемъ, въ томъ широкомъ видѣ, въ какомъ практикуется благотворительность въ учрежденіяхъ императрицы Маріи, она утрачиваетъ свой благотворительный характеръ, а становится какъ-бы дѣломъ чисто-общественнымъ. Учрежденія императрицы Маріи существуютъ на свои капиталы и образуютъ нѣчто организованное съ такой правильностью, что являются какъ-бы учрежденіями чисто-государственными, вродѣ правительственныхъ образовательныхъ заведеній и казенныхъ или общественныхъ больницъ, на которыя никто не смотритъ, какъ на филантропическія заведенія и пользованія ихъ не считаетъ благотворительностью.

Настоящихъ благотворительныхъ обществъ, какъ видно изъ циркуляра министра народнаго просвѣщенія, существуетъ уже около двадцати, а въ какой степени они достигаютъ своей цѣли, можно видѣть изъ отчета общества для пособія студентамъ петербургскаго и московскаго университетовъ.

Петербургское общество существовало первоначально негласно, безъ устава, но въ послѣдніе четыре года ему разрѣшено офи-

ціальное существованіе, и за это время общество роздало 52,000 р. Профессоръ Миллеръ говоритъ, что эти 52,000, или по тринадцать тысячъ въ годъ, при вошющей нуждѣ учащейся молодежи толькo капля въ морѣ. Тотъ-же профессоръ рассказываетъ слѣдующія подробности объ обществѣ. Число членовъ его не дошло еще до восьмисотъ человѣкъ и эти восьмисотъ человѣкъ далеко не всѣ изъ бывшихъ студентовъ того-же университета, около трети — представители общества въ широкомъ смыслѣ слова, того общества, которое постоянно оказываетъ помощь учащейся молодежи единовременными пожертвованіями, а въ большинствѣ случаевъ посѣщеніями спектаклей, баловъ и лекцій въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Еслибы расчетъ общества основывался только на членскихъ взносахъ, а они составляютъ всего по пяти рублей въ годъ, то, по словамъ профессора, университетской молодежи пришлось-бы голодать, потому что членскіе взносы поступаютъ далеко не акуратно, даже и отъ бывшихъ студентовъ". Напр., за прошлый годъ не уплатила своихъ взносовъ, по крайней мѣрѣ, половина членовъ. Дѣло вовсе не въ недостаткѣ общественной благотворительности, по отношенію къ учащейся молодежи, говоритъ профессоръ Миллеръ, а въ томъ, что люди, когда-то сами принадлежавшіе къ ней, не хотятъ или не умѣютъ ее оградить отъ необходимости прибѣгать къ такъ-называемой благотворительности". Подобное общество, думаетъ профессоръ, могло и должно-бы обходиться безъ всякихъ спектаклей, концертовъ, баловъ и тому подобныхъ средствъ выпрашивать деньги у публики. Оно могло-бы *довольтъ самому себѣ*, даже вовсе не нуждаясь въ членахъ не изъ бывшихъ студентовъ. Не надобно забывать, что общество выдаетъ только ссуды безпроцентныя и, по большей части, долгосрочныя,—но все-же ссуды. Оно рассчитано прежде всего на добросовѣстность въ уплатѣ долга—уплатѣ немедленно по полученіи общественнаго положенія по окончаніи курса въ университетѣ. Общество думало, что ему не понадобится никакая посторонняя благотворительность и достаточно будетъ лицъ, окончившихъ курсъ. Этихъ лицъ петербургскій университетъ можетъ считать не менѣе 5,000 и, слѣдовательно, ежегодный взносъ могъ-бы равняться, по крайней мѣрѣ, 25,000 р. Но это теоретическое предположеніе не оправдывалось и оказалось, что обществу меньше всего приходится рассчитывать на тѣхъ, на кого оно рассчитывало; что лица, окончившія курсъ въ университетѣ, самыя ненадежныя, что ихъ не только меньше всего въ обществѣ, но что они оказываются самыя неакуратными плательщиками; что еслибы общество не прибѣгало къ баламъ, спектаклямъ, то оно должно-бы было закрыться. Далѣе, общество нисколько не увѣрено въ томъ, что даже ссуды будутъ возвращаться. Хотя профессоръ Миллеръ

не утверждаетъ этого прямо, но въ его словахъ не видно также и увѣренности, что расчетъ учредителей на возвращеніе ссудъ окажется вѣрнымъ. Тѣ-же учредители думали, что каждый, получившій ссуду, окончивъ курсъ и достигнувъ обезпеченнаго положенія, поступитъ затѣмъ въ члены общества. Но и этотъ расчетъ до сихъ поръ не оправдался. Вообще, изъ словъ профессора видно, что общество для пособія студентамъ влечитъ печальные дни и очень близко къ разочарованію въ своихъ надеждахъ и расчетахъ. Учредители рассчитывали на нравственный долгъ, но, увы! — онъ не оказался настолько дѣятельнымъ побужденіемъ, чтобы служить рычагомъ. Профессоръ думаетъ, что каждый изъ бывшихъ питомцевъ университета, „казалось-бы, долженъ былъ“ и вышло иллюзіей. Наконецъ, профессоръ думаетъ, что чувство нравственнаго долга не укоренилось достаточно въ студентахъ, и бывшихъ, и настоящихъ, и что можно достигнуть этого укорененія болѣе частымъ напоминаніемъ въ печати о дѣйствіяхъ общества. Можетъ быть, это средство и въ состояніи помочь, а можетъ быть и пѣтъ; во всякомъ случаѣ, несомнѣнный фактъ, что сами бывшіе студенты университета моньше всего расположены поддерживать студентовъ, что солидарность, которая должна-бы утвердиться, если она существовала, пока они были въ стѣнахъ университета, совершенно исчезаетъ, когда они окончатъ курсъ и нужда, какъ своя, такъ и чужая, забывается. А насколько нужда эта забывается и какъ вѣрнопъ нравственный долгъ, на который рассчитывали учредители, видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ данныхъ: за послѣдніе три года существованія общества комитетомъ выдано ссудъ на 32,459 р. 830 студентамъ, изъ которыхъ только 69 студентовъ уплатили вполнѣ свой долгъ, и членскіе взносы вносились только половиной числа.

Дѣла московскаго общества для пособія нуждающимся студентамъ идутъ, кажется, еще печальнѣе. Изъ отчета комитета за 1877 годъ видно, что дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ общества было въ этомъ году 431. Приходъ равнялся 9,694 р. 74 к.; въ 1878 году приходъ былъ на тысячу рублей меньше. Въ долгу въ 1877 году считалось 32,415 р. Комитетъ, заботясь о возвращеніи ссудъ, которыя, однако, поступали очень туго, напомнилъ черезъ газеты должникамъ, что, не возвращая долговъ, они этимъ ставятъ нуждающихся студентовъ въ положеніе весьма тягостное, ибо часто приходится отказывать въ справедливыхъ пособіяхъ единственно по недостатку наличныхъ средствъ общества“. При этомъ комитетъ пригрозилъ, что опубликуетъ имена должниковъ въ газетахъ; угроза, должно быть, нѣсколько подѣйствовала,

потому что изъ 32 тысячъ слишкомъ было возвращено 485 р., тогда какъ въ предшествовавшемъ году было возвращено 97 р.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ свѣденіями о средствахъ, существующихъ у насъ другихъ обществъ для вспоможенія учащимся и потому не можемъ опредѣлить болѣе или менѣе близко законъ дѣятельности нашей благотворительности. Тѣ отчеты, которые печатаются нѣкоторыми обществами, совершенно неудовлетворительны и ровно ничего не говорятъ. Напр., въ 59 № „Голоса“ за нынѣшній годъ напечатано извлеченіе изъ отчета общества вспоможенія ученикамъ пятой гимназіи за 1877 годъ. Общество это существуетъ пять лѣтъ. Цѣль его такая, какъ и всѣхъ подобныхъ обществъ, т. е. оказывать матеріальную помощь въ видѣ платы за ученіе, снабжать учебными пособиями, пищу и одежду тѣхъ учениковъ, которые не имѣютъ средствъ, но подають надежду на успѣшное продолженіе ученія. Незначительный членскій взносъ (три рубля) привлекаетъ, по словамъ отчета, многихъ въ общество, но въ немъ много и такихъ лицъ, которыя жертвуютъ гораздо болѣе этой суммы. Напр., скончавшійся въ прошломъ году членъ Менде пожертвовалъ 1,500 р. Общій приходъ прошлаго года простирался до 2,966 р., расходъ же составлялъ 2,043 р. Къ 1879 г. капиталъ общества съ присоединеніемъ къ нему остатка отъ прежнихъ лѣтъ доходилъ до 8,606 р. Число членовъ почетныхъ, внесенныхъ единовременно не менѣе 50 р.—41, членовъ благотворителей—184. Чтобы судить правильно, насколько дѣла общества идутъ блистательно и насколько оно достигаетъ своей цѣли, нужно бы знать прежде всего, насколько велика нужда гимназистовъ пятой гимназіи и насколько общество въ дѣйствительности имъ помогаетъ. Что ученики пятой гимназіи очень нуждаются въ помощи, видно изъ собственныхъ словъ отчета, что въ мѣстности, гдѣ открыта пятая гимназія, скучивается бѣднѣйшая часть столичнаго населенія и потому помощь тамъ особенно необходима. Если же мы допустимъ, что условія благотворительности въ Россіи болѣе или менѣе вездѣ одинаковы и что мѣстность, въ которой лежить пятая гимназія, не отличается такими особенностями, которыя бы позволяли считать ее исключеніемъ, въ такомъ случаѣ можно предположить, что дѣятельная благотворительность общества пятой гимназіи не отличается многимъ отъ дѣятельности обществъ для пособія петербургскимъ и московскимъ университетамъ. А слѣдовательно, окажется, что размѣръ благотворительности далеко не достигаетъ потребности въ ней, да и самая организація благотворительности не настолько удовлетворительна, чтобы пособія являлись всегда тамъ, гдѣ они нужны и въ такомъ количествѣ, въ какомъ требуются.

О неудовлетворительности общества вспомошествованія студентамъ петербургскаго университета говорилось и писалось такъ много и причины неудовлетворительности были разъяснены настолько, что мы не станемъ повторять всѣмъ извѣстное, а приведемъ лишь слова профессора Миллера, который говоритъ, что если ужасно положеніе „толкущихся въ дверь“, то не легко и положеніе тѣхъ, къ кому толкутся. Изъ словъ-же циркуляра министра народнаго просвѣщенія слѣдуетъ заключить, что это явленіе вовсе не частное, а общее; что не только въ петербургскомъ и московскомъ университетахъ, но и въ казанскомъ и въ харьковскомъ, наконецъ, въ каждой гимназіи есть масса учениковъ, нуждающихся настолько, что у нѣкоторыхъ недостаетъ даже свѣчей, чтобы готовить уроки. Если-бы подобная нужда не была признана официально—не явилось-бы и официальное обращеніе черезъ попечителей учебныхъ округовъ къ директорамъ гимназій вліять своимъ авторитетомъ на повсюдное образованіе обществъ для пособія нуждающимся ученикамъ. Такимъ образомъ, потребность благотворительности оказывается всеобщей, но въ то-же время мы видѣли, что организація подобной благотворительности не удалась еще нигдѣ, что толкущихся въ дверь гораздо больше, чѣмъ средствъ имъ помочь, что членскіе взносы еще ни разу не удовлетворяли размѣру нужды и что постоянно повсюду и вездѣ приходилось рассчитывать не на взносы и ихъ акуратность, а на постороннія средства, которыя привлекались спектаклями, концертами и публичными лекціями. Рука дающая у насъ всегда очень скоро оскудѣвала и членскія обязательства никогда и нигдѣ до сихъ поръ не выполнялись у насъ безнедоимочно. Мы не видимъ никакихъ новыхъ причинъ, которыя-бы могли измѣнить этотъ порядокъ отношеній и не думаемъ, чтобы нравственные средства, предлагаемыя профессоромъ Миллеромъ, чувство нравственнаго долга, которое онъ хочетъ возбудить, солидарность, какую онъ хочетъ создать, оказались-бы настолько дѣятельными, чтобы внезапно явился порывъ къ благотворительности, чтобы взносы потекли обильно со всѣхъ концовъ, чтобы платежи оказывались исправными, чтобы раздача помощи была справедливой и чтобы нужды учащихся были удовлетворены.

Трудность разрѣшенія этого вопроса становится еще больше, если возвести благотворительность въ общее начало и организовать ее, какъ помощь для всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній Россіи. Если и теперешнихъ двадцать обществъ только влчатъ свое существованіе и достигаютъ результатовъ, которымъ удовлетворяютъ меньше, чѣмъ на-половину, то требованіе, чтобы по числу всѣхъ нашихъ гимназій явилось 167 подобныхъ обществъ,

въ такой-же степени только усилить неудовлетворительность оказываемой ими помощи. Люди, наиболее склонные къ благотворительности и сердобольные, конечно, явились уже съ своими членскими взносами; тѣмъ больше будетъ впередъ требованіе на взносы, тѣмъ, ясно, явится меньшее число людей, склонныхъ къ благотворительности. Если въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ и Москва, членскіе взносы удовлетворяютъ не въ состояніи, не даютъ достаточныхъ средствъ концерты, спектакли, лекціи, то всѣ подобныя расчеты въ городахъ губернскихъ окажутся ничтожными. Мы могли-бы привести массу фактовъ, когда даже въ Петербургѣ благотворительныя концерты, а тѣмъ болѣе въ пользу учащейся молодежи, съ трудомъ привлекаютъ публику, въ губернскихъ-же городахъ, а тѣмъ болѣе въ уѣздныхъ, расчеты оказываются еще меньше. Изъ всѣхъ извѣстныхъ фактовъ есть возможность сдѣлать только одинъ выводъ, что благотворительность въ томъ видѣ, какъ она практикуется, будетъ всегда ниже потребности и нужды учащихся.

И теперешняя нужда учащихся оказывалась-бы гораздо больше, еслибы число учащихся оставалось тѣмъ-же, какимъ оно оказывалось по наплыву. Обыкновенно-же во время прохожденія курса въ гимназіяхъ, большинство учениковъ оставляетъ заведеніе. Такъ, въ 1873 году, по свѣденіямъ государственнаго контроля, изъ 41,712 воспитанниковъ въ 123 гимназіяхъ и 44 прогимназіяхъ кончило курсъ только 1,229 человѣкъ, тогда какъ было выключено не кончившихъ курса 10,792 человѣкъ или кончило курсъ 2, 4% а 25,8% вышли изъ заведенія втеченіи года. Въ 1874 году дошли до испытанія въ зрѣлости только 1,090 человѣка, а выдержали его 773 человѣка; въ 1875 году изъ 44,183 учениковъ гимназій выдержали испытаніе зрѣлости только 918 человѣкъ, т. е. два процента, а были выключены и уволены до окончанія курса 9,162 человѣка. Въ 1877 году вышло изъ однихъ только классическихъ гимназій и прогимназій 8,293 человѣка, или около семнадцати процентовъ, а кончило курсъ только 1,166 человѣкъ или 2,1 процента. Реальныя училища стоятъ въ этомъ отношеніи лучше, но и тамъ процентъ исключаемыхъ составляетъ 13,6, а процентъ кончающихъ курсъ — 3,1. По поводу поднятаго въ печати вопроса объ исключеніяхъ и увольненіяхъ въ гимназіяхъ, явилось опроверженіе учебнаго вѣдомства, въ которомъ картина прохожденія учениковъ гимназическаго курса изображается не особенно мрачными красками, но тѣмъ не менѣе основной фактъ остается въ своемъ прежнемъ видѣ, т. е., что число оставляющихъ гимназій неизмѣримо превышаетъ число оканчивающихъ курсъ. Предполагая даже, что послѣдніе три года должны были оставить

гимназію не тридцать тысячъ, а тысячъ пятнадцать или двадцать и основываясь, между прочимъ, на официальной цифрѣ учебнаго вѣдомства, что въ 1876 году изъ 2,476 человекъ 1,182 ученика, т. е. почти половина, были уволены за невзносъ платы за слушаніе лекцій, мы едва-ли сдѣлаемъ ошибку, если предположимъ, что изъ пятнадцати или двадцати тысячъ учениковъ, оставившихъ гимназіи въ три года, а въ годъ отъ пяти до семи тысячъ, по меньшей мѣрѣ половина изображаетъ изъ себя крайне-нуждающихся учениковъ, которымъ безъ благотворительности оказалось-бы совершенно невозможнымъ учиться. Слѣдовательно очевидно, что масса учениковъ увольняемыхъ хотя и замаскировываетъ общую нужду, но нужда тѣмъ не менѣе существуетъ и увольненіе подобныхъ учениковъ изъ учебныхъ заведеній только переноситъ бѣдность изъ одного мѣста въ другое. Еслибы благотворительность взяла на себя точное изслѣдованіе причинъ, по которымъ масса увольняемыхъ оказалась не въ силахъ обнаруживать соотвѣтственные успѣхи, то, вѣроятно, въ числѣ причинъ оказалось-бы, что ученики не могутъ заниматься, потому что живутъ въ условіяхъ страшной бѣдности. Не будетъ преувеличеніемъ, если мы допустимъ, что бѣдность должна играть главную роль въ причинѣ общихъ неуспѣховъ, и этому выводу должно дать тѣмъ большее вѣроятіе, что о страшной бѣдности учениковъ говоритъ самъ министръ народнаго просвѣщенія. Если къ тому числу нуждающихся, которое находится въ гимназіяхъ и бѣдствуетъ отъ нищеты, присоединить еще массу неудачниковъ, которымъ оказалось невозможнымъ только по бѣдности заниматься успѣшно, то получилась-бы такая масса бѣдняковъ, помочь которымъ наличная благотворительность была-бы не въ состояніи. Если уже теперь къ благотворительности сдѣлано официальное обращеніе, то какихъ-бы средствъ потребовалось отъ нея, чтобы поддерживать всю ту массу нуждающихся, которой пришлось оставить гимназіи исключительно по бѣдности.

А между тѣмъ, стремленіе къ образованію все растетъ и растетъ и, какъ видно изъ свѣденій г. Карачунскаго, усиливается въ прогресіи очень большой. Такъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1855 году училось семнадцать тысячъ человекъ, а въ 1875 году уже пятьдесятъ одна тысяча, т. е. увеличилось число учащихся втрое. Если въ такой-же прогресіи пойдетъ постоянное увеличеніе желающихъ учиться, то соотвѣтственно ему должна возрастать и дѣятельность благотворительности. А что именно благотворительность должна будетъ служить главнымъ источникомъ поддержанія нашего образованія, слѣдуетъ заключить изъ тѣхъ-же цифръ г. Карачунскаго. Наплывъ въ высшія учебныя заведенія вовсе не такъ

великъ, какъ въ ниспїя; такъ въ 1855 году въ нашихъ университетахъ было 4,325 студентовъ, а въ 1875 году, т. е. черезъ двадцать лѣтъ, число ихъ дошло до 5,679, или увеличеніе только на одну четверть, тогда какъ въ среднихъ заведенїяхъ оно возросло втрое. Ясно, что наплывъ въ заведенїя совершается не изъ высшихъ слоевъ общества и гонится за образованіемъ не та масса людей, которая можетъ разсчитывать на высшее общественное положеніе, а какая-то другая, средняя, масса, которая, можетъ быть, никогда не увидитъ университета, потому—что и не мечтаетъ о немъ. Какая-же это масса? Конечно, это все то небогатое, среднее, мелкопомѣстное и измельчавшее, что до освобожденїя крестьянъ изображало изъ себя благородное сословіе. Къ нимъ присоединились разные виды разночинства: купечество, мѣщанство и даже разбогатѣвшее крестьянство, которое тоже погналось за грамотой и за наукой. Если къ этой массѣ присоединить все то, что ежегодно оставляетъ средне-учебныя заведенїя по невозможности кончать курсъ по разнымъ причинамъ, то окажется, что этотъ средній слой, обучающійся для конторъ, для службы на желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ, для занятій въ народныхъ школахъ, для службы на низшихъ мѣстахъ правительственныхъ и земскихъ учрежденїй, образуетъ такую громадную массу людей, что стремленіе ея къ образованію и прїисканію себѣ хлѣбныхъ дѣлъ путемъ „интеллектуальнаго“ образованїя должно возбудить очень серьезную заботу не только въ правительствѣ, но и въ обществѣ.

Что-же, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать, если эта новая нарастающая лавина людей, стремящихся къ знанію, будетъ все расти и расти; наплывъ ея въ учебныя заведенїя будетъ увеличиваться, не смотря на строгія требованїя высшихъ успѣховъ, а рядомъ съ этимъ будетъ обваруживаться все большая нужда учениковъ, а, слѣдовательно, потребность благотворительности? Въ томъ видѣ, какъ практикуется до сихъ поръ помощь, очевидно, что она нисколько не достигаетъ своей цѣли; а между тѣмъ, помощь необходима, ибо безъ нея положительно немислимо существованіе нашихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведенїй въ томъ видѣ, какъ они существуютъ. Откуда-же взять эту помощь и какими средствами ее создать? Въ прошломъ году ректоръ харьковскаго университета, исходя изъ той-же мысли, что существующая благотворительность не достигаетъ цѣли и не можетъ ея достигнуть, думалъ, что лучшимъ средствомъ для поддержанїя учащейся молодежи будутъ общежитїя. Онъ предлагалъ ихъ для студентовъ. Мысль была повторена еще разъ въ печати. И дѣйствительно, и теперешній студентъ, и теперешній гимназистъ, если онъ долженъ переколачиваться на урокахъ, да про-

тягивать руку къ благотворительной кассѣ, не имѣть возможности ни заниматься, какъ слѣдуетъ, ни учиться, а лишь отбываетъ науку, какъ повинность. для диплома и сопровождающаго его права на кусокъ хлѣба.

Мы предполагаемъ, что мысль объ общежитіяхъ найдетъ себѣ сочувствіе въ обществѣ и даже будетъ предпринята дѣятельная ея пропаганда. Какія-же средства потребовались-бы для ея осуществленія, чтобы повсюду въ Россіи для всѣхъ нуждающихся— а они есть во всѣхъ университетахъ, а не въ одномъ петербургскомъ, и во всѣхъ гимназіяхъ, а не въ одной петербургской пятой или шестой,—были-бы устроены общежитія? Прежде всего, конечно, нужно знать число нуждающихся учениковъ и процентъ ихъ возрастанія при естественномъ увеличеніи наплыва, и въ этой прогрессіи, конечно, долженъ расти и размѣръ общежитій. Изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о бѣдныхъ студентахъ не одного петербургскаго университета, но и медицинской академіи и технологическаго института, видно, что въ нѣкоторые года просьбъ, поступавшихъ о выдачѣ пособій и помощи, было болѣе, чѣмъ отъ половины студентовъ. Мы готовы уменьшить эту цифру и примемъ, что только четверть учащихся будетъ нуждаться въ общежитіи; въ такомъ случаѣ, общее число нуждающихся составитъ для всей Россіи, считая студентовъ и гимназистовъ, не меньше пятнадцати тысячъ человѣкъ. Разсчитывая на содержаніе каждаго въ годъ двѣсти рублей, получимъ сумму въ 3,000,000 р., которая должна быть собрана путемъ благотворительности или составлять процентъ съ благотворительнаго капитала. Капитализируя эту сумму изъ четырехъ процентовъ, получится 75 миліоновъ. Спрашивается, можно-ли путемъ частной благотворительности собрать капиталъ въ 75,000,000 или тѣмъ-же путемъ получать правильно ежегодно, безъ недоимокъ, 3,000,000 руб.? Мы не думаемъ, чтобы надо было представлять какія-нибудь особенныя доказательства неосуществимости подобныхъ ожиданій, когда и нынче, при сравнительно ничтожныхъ затратахъ обществъ для вспомошествованія, собираются ими ничтожныя крохи, а члены настолько туго исполняютъ свои обязанности, что оказывается необходимымъ прибѣгать къ публикаціи именъ неплательщиковъ. Если къ нашему разсчету мы присоединимъ еще плату за помѣщенія для пятнадцати тысячъ или расходъ на сооруженіе особыхъ для того зданій, то практическая неосуществимость идеи путемъ благотворительности окажется вполне очевидной.

Была-бы еще одна возможность разсчитывать на вѣроятность и прочность поступленія благотворительныхъ приношеній, еслибы прямо они имѣли форму обязательствъ или форму налога; но въ

такимъ случаѣ эти взносы перестали-бы быть благотворительными и превратились-бы изъ добровольныхъ въ обязательныя, и въ обязательныя для всего, платящаго прямыя и косвенныя повинности, населенія. Но этимъ путемъ общежительства перестали-бы быть учрежденіемъ благотворительнымъ, а превратились-бы въ общественныя и находились-бы въ непосредственномъ завѣдываніи управленія государствомъ. Вопросъ, слѣдовательно, принимаетъ уже совсѣмъ иное направленіе. Если безъ помощи извнѣ существованіе учениковъ и студентовъ невозможно и по мѣрѣ увеличенія числа учащихся будетъ расти ихъ нужда; если частная благотворительность совершенно невозможна не только въ томъ размѣрѣ, какъ мы предполагаемъ, но даже и въ ея теперешнемъ; если трехмиліонныя годовыя взносы путемъ благотворительности не могутъ быть ничѣмъ обезпечены; если единственная вѣроятность обезпеченнаго ихъ поступленія заключается въ обязательности,—то, конечно, и единственное разрѣшеніе вопроса заключается въ приблизительной постановкѣ его такъ, какъ мы его поставили. Это, конечно, желательно, ибо кромѣ матеріальнаго выигрыша получится и нравственный.

Теперь, какъ извѣстно, корпоративный духъ въ нашихъ заведеніяхъ исчезъ, товарищество очень слабо, общность интересовъ почти не существуетъ и это отражается во многихъ отношеніяхъ на нравственности не только гимназистовъ, но даже и студентовъ. Извѣстно также, что погоня за уроками, служащими единственнымъ средствомъ существованія для многихъ студентовъ и гимназистовъ, мѣшаетъ ихъ занятіямъ и не содѣйствуетъ приобрѣтенію знаній. Но нужда имѣетъ еще другое, болѣе развращающее вліяніе: крайняя бѣдность, сопровождающая ученика втеченіи двѣнадцати лѣтъ, съ перваго класса гимназіи и до послѣдняго курса университета, сосредоточиваетъ всѣ мысли переколачивающагося бѣдняка вѣчно на одной точкѣ, на заботѣ о кускѣ хлѣба и о деньгахъ—это его первая забота. Нужда плохой воспитатель, — кто этого не знаетъ; она вырабатываетъ денежное міровоззрѣніе, чувство зависти, создаетъ, съ одной стороны, приниженность и безцеремонность въ отысканіи средствъ, съ другой — рождаетъ достоинство и порождаетъ озлобленіе. Все это не такіе факторы, которые-бы формировали честныя и стойкіе характеры и создавали-бы въ людяхъ гуманныя и великодушныя чувства. Если мы предположимъ, что вся масса нуждающихся учениковъ, для которыхъ единственнымъ средствомъ оказывается общежительство, воспитывается, по неимѣнію ихъ, въ тѣхъ чувствахъ, о которыхъ мы говорили, то въ тридцать лѣтъ, или въ періодъ жизни поколѣнія, создадутся сотни тысячъ людей самой ненадежной, а можетъ быть,

и жалкой нравственности. И въ какомъ-же слоѣ общества воспитывается такое поколѣніе? Оно воспитывается въ томъ среднемъ слоѣ, который образуется изъ обанкротившагося былого барства да изъ того мѣщанскаго и крестьянскаго населенія, которое даетъ контингентъ людей на среднія и низшія должности, не требующія техническихъ и специальныхъ знаній. Что-же удивительнаго, что цѣлое поколѣніе, воспитанное въ подобной нуждѣ, внесетъ деморализацію и въ семью, которую оно создастъ, и въ частныя и общественныя отношенія, въ которыхъ оно будетъ дѣйствовать. Говорятъ, что нравственность нашего общества упала, что растраты суммъ дѣлаются не только въ банкахъ и земствахъ, но воровство дошло и до волостныхъ сундуковъ. Средній недоучившійся людъ изъ неокончившихъ курса въ гимназіяхъ и семинаріяхъ, выдающъ направо и налѣво и занимая должности въ крестьянскомъ самоуправленіи, едва-ли вноситъ въ него то начало нравственности и справедливости, которое въ этой темной средѣ можетъ быть нужнѣе, чѣмъ гдѣ либо.

Но кромѣ нравственности, матеріальное обезпеченіе учениковъ создаетъ въ нихъ еще и нравственность физическую. Какое можетъ вырасти поколѣніе изъ дѣтей, которыя постоянно ѣдятъ впроголодь и должны переносить крайне-непосильное напряженіе мысли? И вотъ вырастаетъ поколѣніе слабогрудыхъ, малокровныхъ и слабосильныхъ людей, сломленныхъ нравственно и физически. Ужь если, по изслѣдованію професора Лесгафта, оказывается, что даже въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ никогда не замѣчалось такой бѣдности, какъ въ гимназіяхъ и университетахъ, начиная съ четвертаго класса замѣчается особенно сильное сердцебіеніе, происходящее частію отъ малокровія и недостаточнаго питанія или отъ неправильнаго развитія легкихъ, то что-бы могло оказаться при изслѣдованіи бѣдняковъ, посѣщающихъ гимназіи! Наконецъ, нужда, заставляющая работать до истощенія силъ, потому что ихъ и такъ-то было мало, настолько возбуждаетъ постоянно головную дѣятельность, что положительно нарушается правильное, гармоническое развитіе, и поколѣніе, кромѣ физически слабого, вырастаетъ еще и умственно слабымъ. Оно просто надрывается, надрывается до того, что, окончивъ ученіе, начинаетъ чувствовать отвращеніе къ умственному труду. Что-же удивительнаго, что современное русское общество не выставило до сихъ поръ новыхъ даровитыхъ дѣятелей ни въ литературѣ, ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ, ни на общественномъ поприщѣ. Единственный выходъ изъ этого—организація или общежительства, или такого матеріальнаго обезпеченія, которое могло-бы имѣть корпоративный характеръ. Такъ-какъ на необязательную благотворительность раз-

считывать невозможно, то очевидно, что единственный выход представляется въ организациі этого дѣла самимъ государствомъ или учрежденіемъ, завѣдывающимъ просвѣщеніемъ. Еслибы обязательнымъ взносомъ новой повинности на общее образованіе потребовались-бы излишніе три миліона въ годъ, то и они едва-ли-бы отразились особенно замѣтно на приращеніи нашего бюджета, который на 1879 годъ дошелъ до 619,216,000. Не специализируя этого вопроса, мы думаемъ, что три миліона могли-бы получиться изъ сокращеній нѣкоторыхъ статей бюджета, и что если на устройство сельской полиціи асигнованы $2\frac{2}{3}$ миліона, то едва-ли образованіе цѣлаго поколѣнія заслуживаетъ меньшаго вниманія, чѣмъ сельскіе урядники.

Краткій выводъ, который можно сдѣлать изъ всего того, что мы говорили, будетъ заключаться вотъ въ чемъ. Въ русскомъ обществѣ явилась небывалая потребность къ образованію, экономическія условія, т. е. освобожденіе крестьянъ, освобожденіе бывшихъ помѣщиковъ отъ ихъ крестьянъ, развитіе промышленности, разныя формы явившагося вновь самоуправленія, развитіе желѣзныхъ дорогъ и вообще развитіе всей внутренней жизни создали цѣлую массу людей, которые въ образованіи и въ интеллектуальномъ развитіи ищутъ средствъ для существованія. Запросъ на людей этого труда тоже растетъ, но сколько нужно интеллектуальныхъ работниковъ и какимъ регуляторомъ установитъ равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ — неизвѣстно. Очевидно только одно, что повсюду чувствуется наплывъ жаждущихъ знанія, а между тѣмъ существующія воспитательныя средства едва-ли удовлетворяютъ запросу. Но какъ въ то-же время гоняется за наукой преимущественно все необезпеченное, голодающее, ищущее хлѣба, принужденное переколачиваться изо дня въ день, то ясно, что эта бѣгущая изъ бѣдности въ науку масса учащихся умерла-бы съ голоду, еслибы на помощь ей не явилась благотворительность. Понятно, что благотворительность должна практиковаться въ обширныхъ размѣрахъ, но такъ-какъ существующая благотворительность не удовлетворяетъ потребности въ ней, то министръ народнаго просвѣщенія считаетъ необходимымъ ее усилить и для этого предлагаетъ учредить повсюду, гдѣ нужно, общества для вспоможенія. Спрашивается, насколько учрежденіе подобныхъ обществъ можетъ быть успѣшно, насколько помощь ихъ окажется дѣйствительной, наконецъ, насколько можно считать прочнымъ ручательствомъ за существованіе этихъ обществъ добротные взносы благотворителей? Изъ исторіи подобныхъ обществъ, существующихъ въ Москвѣ и Петербургѣ для помощи студентамъ, извѣстно, что взносы платятся на половину, а изъ долговъ посту-

пасть, можетъ быть, десятая часть. Всѣ мѣры, предпринимаемыя учредителями и исполнителями для пополненія средствъ общества, не ведутъ ни къ чему. И если такія непреодолимыя трудности являются для того ничтожнаго числа обществъ, которое существуетъ и въ центрахъ, повидимому, наиболѣе удобныхъ для добродотныхъ сборовъ, то очевидно, что мѣра эта, получивъ всеобщій характеръ, оказалась-бы еще менѣе успѣшной. Но такъ-какъ воспитаніе поколѣній нельзя поставить въ зависимость отъ случайностей, то ясно, что сборы на воспитаніе должны быть обязательными, что помощь должна утратить свой благотворительный характеръ и сдѣлаться мѣрой государственной. Общежителство, предложенное ректоромъ харьковскаго университета, и мысль о немъ, поддержанная петербургской печатью, должны быть признаны лучшимъ средствомъ организаціи помощи учащимся. Что-же касается средствъ для нихъ, то единственная форма обезпеченнаго ихъ поступленія была-бы налоговая, обязательная. Три миліона, которые мы намѣтили, составляютъ цифру ничтожную сравнительно съ нравственными и государственными цѣлями, которыхъ затратой ихъ можно достигнуть. Все дѣло лишь въ томъ, что вопросъ о воспитаніи еще недостаточно назрѣлъ и не представляется нашему обществу настолько важнымъ, чтобы оно могло сосредоточить на немъ свое исключительное вниманіе.

Н. Ш.

ОЧЕРКИ НОВОЙ ИРЛАНДИИ *).

(New Ireland by A. M. Sullivan, 2 v., Lond. 1878.)

I.

„Исторія Ирландіи со времени завоеванія ея Англійей, говорятъ Брайтъ, есть исторія непрерывнаго насилія и преступленій съ одной стороны, постоянныхъ возстаній и протестовъ съ другой. Это исторія нескончаемаго уголовного процесса, въ которомъ болѣе сильный признается правымъ, только благодаря своей силѣ, и слабый обвиняется только потому, что онъ слабъ и беззащитенъ.“ (Ireland and England, стр. 43.) Желѣзная рука завоевателя рѣдко давала себя такъ подавляюще чувствовать завоеванному, какъ въ Ирландіи, и потому всѣ силы ея въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій были направлены на борьбу съ англичанами, и несчастный ирландскій народъ, угнетенный и ограбленный, лишенный земель и преслѣдуемый варварскими уголовными законѣми за свою религію, жилъ только чувствомъ мести и мечтами о будущей независимости своего „зеленаго Эрина“. Его интеллигенціей было духовенство, невѣжественное, фанатическое, но любимое народомъ, страданія котораго оно дѣлило, руководя національными движеніями его. Такую-же роль играла туземная ирландская аристократія, полудикая, вплоть до новѣйшаго времени почти вовсе неотличавшаяся по своей культурѣ отъ народной массы. Будущее Ирландіи рисовалось ея патриотамъ въ ореолѣ прошедшаго, когда зеленый Эринъ былъ „островомъ святыхъ“ и принадлежалъ полудикимъ патриархальнымъ королямъ. По мѣстамъ древняя жизнь во всей ея неприкосновенности сохранилась вплоть до нашего времени, какъ, напр. на островѣ Торри, населенномъ общиной рыбаковъ душъ въ 400, ко-

---

*) Исторія Ирландіи и экономическое состояніе ея рассмотрѣны мною въ статьяхъ „Судьбы Ирландіи“, „Дѣло“, 1873 г.

торыми еще недавно управлялъ выборный „король“. Не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, эта община не платила никакихъ налоговъ и когда сборщикъ податей въ первый разъ потребовалъ уплаты, то ему, какъ Вильгельму Завоевателю, пришлось снаряжать противъ острова цѣлую флотилію. Дѣло, впрочемъ, не дошло до „завоеванія“ и кончилось компромисомъ. Крупныхъ преступленій на этомъ островѣ вовсе не бываетъ, и даже первый незаконный ребенокъ родился двадцать лѣтъ назадъ, произведя большой переполохъ среди патріархальнаго населенія. Родила одна дѣвушка, вернувшаяся съ материка, гдѣ она жила служанкой. Для суда надъ нею собралась вся община подъ предсѣдательствомъ короля и единогласно рѣшила изгнать родильницу навсегда въ Ирландію. Когда она съ ребенкомъ садилась на судно, чтобы переплыть черезъ проливъ, сосѣди пришли проводить ее и помогли, кто чѣмъ могъ, но вернуться на родину она не смѣла вплоть до самой смерти. При такой патріархальности въ странѣ царило страшное невѣжество. Въ большей части сельскихъ приходоу, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, человекъ, умѣвшій читать газету и написать письмо былъ важною особою. Онъ писалъ и читалъ письма всѣмъ прихожанамъ, а въ воскресенье послѣ обѣдни, если священникъ имѣлъ средства для выписки газеты, тотъ-же ученый мужъ читалъ вслухъ новости за недѣлю, — рѣчи О’Коннеля и т. п. По мѣстамъ, такому писцу и чтецу приходъ платилъ постоянное жалованье, какъ это случается и въ Италіи даже въ настоящее время. Въ этой безграмотности виновато исключительно англійское правительство, которое вплоть до настоящаго столѣтія преслѣдовало, какъ уголовныхъ преступниковъ, школьныхъ учителей изъ ирландскихъ католиковъ и не дозволяло существованія ирландско-католическихъ училищъ. Эти гоненія прекратились только въ 1830 году и съ тѣхъ поръ число народныхъ школъ въ Ирландіи начало быстро увеличиваться, хотя ихъ развитіе и до сихъ поръ сильно задерживается религіознымъ соперничествомъ католиковъ съ протестантами. Школа сдѣлалась средствомъ не умственнаго развитія, а церковной пропаганды. Правительство хотѣло, чтобы школы были мірскими, но впродолженіи многихъ лѣтъ онѣ были исключительно церковными: протестанты не пускали въ свои училища ни одного католика, а католики ни одного протестанта, или-же и тѣ, и другіе старались совращать въ свое исповѣданіе иновѣрныхъ дѣтей и укрѣплять въ дѣтскихъ сердцахъ духъ сектантской нетерпимости. Скулливанъ рассказываетъ, какъ въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Дублина ревностные протестанты открыли свою школу по казенной программѣ и съ пособіемъ отъ казны. Въ преподаваніи закона божія они строго держались тѣхъ правилъ, которыми правительство хо-

тѣло избавить народную школу отъ эксплуатаціи ея фанатизмомъ секты, но въ часы, назначенные для закона божія, распорядители раздавали завтракъ и тѣмъ привлекали массу голодныхъ дѣтей католическаго населенія. Узнавъ объ этомъ, католическія монахи ни открыли для противодѣйствія свою школу противъ протестантской, тоже по правительственной программѣ и съ казеннымъ пособіемъ. Когда Сьюливанъ посѣтилъ эту школу, то изумился ея церковной обстановкѣ, не дозволенной училищнымъ уставомъ: тутъ была цѣлая католическая часовня, украшенная цвѣтами и коврами, а ученики пѣли хоромъ священные гимны. „Какъ это училищный совѣтъ дозволяетъ вамъ держать часовню?“ спросилъ Сьюливанъ. — „А вотъ, подождите немного“, отвѣчала учительница-монахиня, и вдругъ, по звуку колокольчика, двери, которыхъ я раньше не замѣтилъ, закрылись и заслонили собою часовню, ступеньки исчезли и на мѣстѣ часовни осталось одно учительское кресло“. Завернувъ послѣ этого въ упомянутую протестантскую школу, Сьюливанъ долженъ былъ выслушивать здѣсь горькія жалобы ея распорядителей на ихъ католическихъ соперницъ. „Хуже всего то, говорили они, что молодые каналы ходятъ къ намъ по утрамъ только ради завтрака, а потомъ отправляются черезъ улицу къ монахинямъ“. Но въ послѣдніе годы эта эксплуатація народной школы сектами значительно ослабѣла и распространеніе грамотности даетъ ирландскому народу возможность хоть какого-нибудь умственнаго развитія. Старинная патріархальность исчезаетъ и народъ мало-по-малу преобразуется къ лучшему, чему не мало способствовало сближеніе ирландцевъ съ сѣверной Америкой посредствомъ эмиграціи. Крестьянинъ, побывавшій въ Америкѣ и вернувшійся домой, приноситъ съ собой новыя понятія и привычки, усвоенныя имъ въ странѣ свободы, и мало-по-малу распространяетъ ихъ въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ. Соединенные Штаты дѣлаются идеаломъ свободолюбиваго ирландца и въ значительной степени подрываютъ прежнее обаяніе Рима, бывшаго такъ долго Меккою для правовѣрныхъ сыновъ зеленаго Эрина. Народъ постепенно освобождается изъ-подъ исключительной власти своего духовенства, и въ этомъ отношеніи въ началѣ настоящаго вѣка имѣли особенно большое значеніе агитація О'Коннеля и проповѣдь Матью.

О'Коннель представлялъ собою эпоху перехода отъ древне-католической Ирландіи къ современной. Идолъ большинства націи, онъ, однакожь, былъ пугаломъ для всѣхъ ирландскихъ протестантовъ. Когда въ 1844 году шелъ судебный процессъ О'Коннеля, въ одномъ замкѣ умиралъ старый ирландецъ-тори, Фолліотъ. „Возлагаете-ли вы всѣ свои надежды на Искупителя, мистеръ Фол-

ліотъ“, спросилъ его духовникъ. — „Да“, отвѣчала умирающій. — „Устремлены-ли въ настоящую минуту всё ваши мысли къ небесному Іерусалиму, мистеръ Фолліотъ?“ — „Да, именно“. — „Прощаете-ли вы враговъ и чувствуете-ли себя примирившимся со всѣми?“ — „Со всѣми“. Послѣдовала молитва, послѣ которой Фолліотъ спросилъ патера: „пришла-ли дублинская почта?“ — „Около часа тому назадъ“. Умирающій мгновенно приподнялся. „Ну, что судъ? Осуждены-ли О’Коннелъ?“ — „Признанъ виновнымъ, сэръ“. — „Благодареніе Богу“, набожно прошептала умирающій. О’Коннелъ не былъ ни фанатикомъ, ни клерикаломъ, и былъ-бы не прочь вести свою агитацію расторженія союза съ Англійей въ союзѣ съ протестантскою аристократіей Ирландіи; онъ желалъ не только восстановленія стариннаго ирландскаго парламента, но и политическихъ реформъ въ духѣ своего времени. Однакожь, „освободитель Ирландіи“ никакъ не могъ сойтись съ ирландскими протестантами, потому что онъ опирался, главнымъ образомъ, на католическую народную массу и руководилъ ею при помощи патеровъ. При этомъ высшее католическое духовенство и большинство католической аристократіи ненавидѣли агитатора такъ-же сильно, какъ протестанты; они считали его „демагогомъ“, ужасались его „крайнихъ“ идей, и изъ боязни, чтобы правительство не лишило ихъ только-что данной религіозной свободы и не восстановила направленные противъ католиковъ уголовные законы, заигрывали съ правительствомъ. За О’Коннелемъ шли часть католическаго дворянства, почти всё католики среднихъ классовъ, многіе изъ приходскаго духовенства и вся народная масса, которою онъ съ такимъ искусствомъ управлялъ посредствомъ преданныхъ ему патеровъ. Несчастный народъ возбуждалъ нѣкоторое состраданіе въ лучшихъ представителяхъ аристократіи и католической, и протестантской; но это состраданіе было совершенно платоническое, и ирландскій землевладѣлецъ сочувствовалъ мужику не больше, чѣмъ рабу изъ негровъ, изнывавшему въ египетской работѣ на американскихъ плантаціяхъ. Между ландлордомъ и мужикомъ былъ экономическій антагонизмъ и ни малѣйшей нравственной связи; замокъ былъ враждебенъ деревнѣ, а деревня ненавидѣла замокъ и не вѣрила, чтобы кто-нибудь изъ его жителей готовъ былъ жить и умереть за нее. Между тѣмъ, такіе люди, такіе друзья были и у деревни. Въ каждомъ приходѣ былъ человѣкъ не только грамотный, но и сравнительно образованный, находившійся въ ежедневномъ обращеніи съ поселянами, ихъ пастырь, учитель, совѣтникъ, законодатель, адвокатъ и защитникъ передъ сильными міра. Патеръ былъ единственнымъ человѣкомъ, которому вполне могъ довѣряться простой и невѣжественный крестьянинъ, и онъ тѣмъ охотнѣе довѣрялся ему,

что священникъ, хотя-бы то и во имя однихъ своихъ личныхъ интересовъ, ради поддержки и усиленія своего авторитета, употреблялъ всѣ усилія, чтобы, по возможности, лучше устроить не только небесныя, но и земныя дѣла своей паствы. О'Коннель воспользовался патерами, раскинувъ при ихъ помощи по всей странѣ сѣти своей агитаціи. Патеры получали отъ него приказы, они думали за свою паству, они говорили и дѣйствовали за нее, указывали ей, что дѣлать, какъ и за что подавать голоса, кого считать другомъ и кого врагомъ. Авторитетъ патеровъ сдѣлался безграничнымъ и хотя они нерѣдко злоупотребили имъ, но ихъ вліяніе основывалось все-таки главнымъ образомъ на служеніи нуждамъ невѣжественнаго и неразвитаго народа; оно было неизбежно при данныхъ условіяхъ народной жизни и должно было продолжаться до тѣхъ поръ, пока не начали измѣняться эти условія. О'Коннель хорошо понималъ это и, превративъ патеровъ въ своихъ агентовъ, продолженіи почти сорока лѣтъ держалъ всю страну въ постоянномъ возбужденіи, съ геніальной ловкостью удерживая народъ на той чертѣ, которая отдѣляетъ законность отъ революціи. О'Коннель только пугалъ Англію революціей, и Англія боялась, но онъ хотѣлъ мирнымъ путемъ добиться расторженія союза съ Англіей и полнаго самоуправленія для своей родины. Онъ не достигъ своихъ цѣлей, но онъ пробудилъ народъ къ политической жизни, онъ поднялъ духъ его, онъ далъ ему сильный толчекъ и заставилъ идти по новой дорогѣ, по пути развитія. Съ 1846 года приходскіе патеры уже начали терять свой безграничный авторитетъ, всюду чувствовалось вліяніе школъ и газетъ, и О'Коннель увидѣлъ, что на смѣну ему идетъ новое поколѣніе людей, которые не могли уже слѣдовать его принципу „слѣпое повиновеніе“. О'Коннель ужаснулся новаго движенія, его вѣра въ свое призваніе была разбита, ему казалось, что „молодая Ирландія“ погубитъ отечество, и старый агитаторъ сошелъ въ могилу, повторяя съ отчаяніемъ: „О, Боже, погибъ твой вѣрный народъ!“ Ему казалось смертью то, что было началомъ новой жизни, въ пробужденіи которой онъ самъ принималъ такое горячее участіе.

Одновременно съ „освободителемъ“ дѣйствовалъ въ Ирландіи „апостоль воздержанія“ Теобальдъ Матью. Матью родился въ 1790 году и въ 1814 году вступилъ въ орденъ капуциновъ. Онъ посвятилъ всего себя служенію бѣднѣйшему классу коркского населенія, заводя школы, помогая бѣднымъ, участвуя во всѣхъ филантропическихъ обществахъ, ухаживая за больными и возбуждая къ себѣ всеобщія симпатіи не только католиковъ, но и протестантовъ. Въ это время, около половины тридцатыхъ годовъ, въ Коркѣ составилось общество трезвости, имѣвшее цѣлью полное воз-

держаніе отъ спиртныхъ напитковъ и состоявшее преимущественно изъ протестантовъ и квакеровъ. Любящіе выпить ирландцы смѣялись надъ членами этого общества, какъ надъ помѣшанными, вообразившими, что человѣкъ можетъ жить, не употребляя ни портера, ни водки. Глава этого общества, квакеръ Мартинъ, отличавшійся такою-же благотворительностью, какъ и Матью, посѣщая однажды вмѣстѣ съ нимъ бѣднѣйшіе кварталы города, вдругъ остановился и воскликнулъ: „Ахъ, Теобальдъ Матью, Теобальдъ Матью, что могъ-бы сдѣлать ты, еслибы только захотѣлъ вооружиться противъ врага, опустошающаго дома твоего народа!“ Молодой патеръ былъ пораженъ этими словами. Вернувшись домой, онъ не могъ уснуть цѣлую ночь и ему все слышалось: „ахъ, Теобальдъ Матью, что могъ-бы сдѣлать ты, еслибы только взялся за это дѣло!“ Онъ размышлялъ объ этомъ нѣсколько дней и однажды утромъ, послѣ горячей молитвы, поднялся съ колѣнъ со словами: „гряду во имя Господне“. „Другъ Уильямъ, сказалъ онъ, входя къ Мартину, — я принесъ вамъ новость: сегодня я присоединяюсь къ вашему обществу трезвости“. Честный квакеръ бросился цѣловать католическаго монаха и, сжимая его въ своихъ объятіяхъ, восклицалъ: „слава Богу, слава Богу!“ Слухъ объ обращеніи Матью скоро облетѣлъ весь городъ, и народъ толпами бросился слушать, что скажетъ его любимецъ о такой странной штукѣ, какъ безусловная трезвость. Черезъ нѣсколько недѣль списки обращенныхъ патеромъ новыхъ членовъ общества трезвости составили огромный томъ и все управленіе этимъ оригинальнымъ движеніемъ сосредоточилось въ рукахъ Матью. Съ каждымъ днемъ къ нему присоединялись новые послѣдователи, и каждая улица, каждый переулокъ, каждый большой домъ были свидѣтелями чудныхъ переменъ, совершавшихся во всей жизни людей послѣ ихъ „присоединенія къ Матью“. Рабочая масса болѣе и болѣе отставала отъ пьянства, воодушевлялась энтузіазмомъ трезвости и каждый обращенный пьяница дѣлался, въ свою очередь, ревностнымъ апостоломъ воздержанія. Изъ Корка движеніе распространилось по всей странѣ и съ 1839 по 1845 года охватило всю Ирландію, по которой путешествовалъ Матью, проповѣдая новый крестовый походъ противъ водки, увлекая толпу своимъ любвеобильнымъ словомъ, своею сердечною симпатіей къ ея горю и страданіямъ. Когда онъ посѣщалъ какой-нибудь городъ или деревню, то все населеніе окрестностей на нѣсколько миль въ окружности поголовно спѣшило слушать его проповѣдь. Въ Лимерикѣ стеченіе народа было такое, что драгунскій полкъ не могъ пробраться черезъ толпу. Желѣзныхъ дорогъ въ то время было еще мало, и о. Матью ѣздилъ въ почтовомъ дилижансѣ; придорожные

жители, услышавъ о его проѣздѣ, останавливали „дилижансъ его величества“ и дозволяли ему продолжать путь не прежде, чѣмъ услышатъ проповѣдь знаменитаго монаха. Несмотря на то, что политическая агитація О'Коннеля была въ это время въ самомъ разгарѣ и вражда партій доходила до крайности, пропагандѣ Матью одинаково сочувствовали и католики, и протестанты, и виги, и тори, и послѣдователи О'Коннеля. Въ 1845 году онъ поѣхалъ въ Англiю, проповѣдуя въ Манчестерѣ, Лидсѣ, Йоркѣ, Лондонѣ. Кабатчики готовы были-бы убить его; они поднимали противъ него чернь и осыпали проповѣдника оскорбленiями, но „апостоль“ не унывалъ, тѣмъ болѣе, что его готовы были слушать цѣлыя десятки тысячъ народа и онъ встрѣчалъ самый радушный приемъ во всѣхъ классахъ общества, начиная съ пролетарiевъ и кончая протестантскими епископами и перами, которыхъ онъ, впрочемъ, нѣсколько стѣснялъ своимъ демократизмомъ. Однажды за обѣдомъ у одного лондонскаго аристократа въ числѣ прислуги онъ увидѣлъ лакея, котораго зналъ въ Коркѣ, какъ члена общества трезвости. Съ неподдѣльною радостью онъ бросился обнимать его и разспрашивать, какъ поживаетъ, приводя тѣмъ въ немалое замѣшательство обѣдавшихъ высокорожденныхъ особъ. О силѣ движенiя, вызваннаго о. Матью, можно судить потому, что водочная продажа на время почти вовсе прекратилась въ Ирландiи, въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстечкахъ она не возобновлялась съ тѣхъ поръ вплоть до настоящаго времени, и тысячи ирландцевъ до сихъ поръ вѣрно хранятъ обѣтъ, данный ими незабвенному пастору. Въ большей части Ирландiи, правда, виноторговля и пьянство возобновились, коль скоро остылъ первый энтузиазмъ трезвости, но все-таки движенiе, вызванное Матью, не прошло безслѣдно; народъ почувствовалъ стремленiе и силы къ самоусовершенствованiю, въ немъ пробудилось сознание человѣческаго достоинства и своего жалкаго положенiя. Вмѣстѣ съ агитаціей О'Коннеля проповѣдь Матью была началомъ новой эпохи въ народной жизни бѣднаго острова.

II.

Ни О'Коннель, ни тѣмъ менѣе о. Матью не были провозвѣстниками переворота и васильственныхъ мѣръ; одинъ хотѣлъ расторгнуть союзъ Ирландiи съ Англiей посредствомъ легальной агитаціи, другой хлопоталъ о нравственномъ воспитанiи народной массы. Но все прошлое Ирландiи неизбѣжно вело за собой кровавыя смуты и отчаянную борьбу обезземленнаго народа съ на-

сажденною англичанами поземельной аристократіей, и еще съ конца XVIII вѣка аграрныя и политическія преступленія сдѣлались въ Ирландіи обыденными явленіями. Съ 1820—1870 годы всю страну держали въ страхѣ многочисленныя тайныя общества „оборванцевъ“ (*gibbon confederacy*), разбѣянные по всему острову, но составлявшія изъ себя одну организованную конфедерацію. „Оборванцы“ въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разное время преслѣдовали не одинаковыя цѣли. Въ Ульстерѣ они дѣйствовали главнымъ образомъ противъ протестантовъ; въ Мюнстерѣ противъ десятиннаго налога; въ Коннотѣ противъ притѣсненій ландлордовъ; въ Лейнстерѣ они заправляли стачками рабочихъ и т. д. Въ составъ этой организациіи входили исключительно мелкіе фермеры, мелкіе торговцы и рабочіе. Всѣ извѣстные документы этихъ обществъ свидѣтельствуютъ о необразованности ихъ членовъ, хотя, съ другой стороны, дѣло ихъ было организовано и велось съ энергіей, честностью и замѣчательной ловкостью. Несмотря на то, что эти общества состояли исключительно изъ католиковъ, духовенство чуждалось ихъ и даже отлучало отъ церкви ихъ членовъ, вслѣдствіе тѣхъ насилій, которыя постоянно совершали оборванцы. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что кровавая репутація оборванцевъ сильно преувеличена ихъ врагами, доходившими до сочиненія подложныхъ документовъ, набрасывавшихъ на конфедерацію самую мрачную тѣнь. Въ мартѣ 1871 г., напр. депутатъ Монкъ прочелъ въ палатѣ общинъ слѣдующую „присягу“ оборванца: „Клянусь содѣйствовать и помогать всѣми силами ума и тѣла всякому избіенію протестантовъ, истребленію еретиковъ, сожженію христіанскихъ церквей, уничтоженію протестантскихъ королей, принцевъ и всѣхъ, непринадлежащихъ къ римской церкви и ея системѣ. Вѣрую, что ни папа римскій, ни какая другая власть нашей церкви не можетъ разрѣшить меня отъ сей клятвы“. Подложность этой присяги внѣ всякаго сомнѣнія уже по одному тому, что ни одинъ католикъ, — а всѣ оборванцы — католики, — не назоветъ папу *римскимъ папою*, а католичество — *римской церковью*. Страхъ и отвращеніе, возбуждаемые въ англичанахъ этою тайною организацией, были тѣмъ сильнѣе, что цѣлые двадцать лѣтъ судамъ не удавалось открыть покровы, скрывавшіе ея тайны, и только въ 1840 году, во время судебного процесса одного агента оборванцевъ, Джонса, правительству достались важныя документы таинственной конфедераціи. Мелкій чиновникъ Джонсъ былъ генеральнымъ секретаремъ и главнымъ руководителемъ этихъ обществъ, которыя онъ направлялъ къ „освобоженію отечества и объединенію всѣхъ католиковъ“. „Соединяйтесь и освобождайте свою родину“, постоянно твердилъ онъ ирландцамъ и словесно, и

письменно. „Насталаъ часъ опасности для Англіи, писалъ онъ въ 1838 году, — и русскій медвѣдь приближается къ ней со стороны Индіи“. Такимъ образомъ, въ это время вожаки оборванцевъ имѣли въ виду чисто-политическія цѣли, между тѣмъ, какъ англійскіе чиновники приписывали имъ невозможные вздорные планы, вродѣ намѣренія воцарить О'Коннела, и относили на ихъ счетъ всѣ преступленія, виновники которыхъ не были открыты. Но въ донесеніяхъ этихъ чиновниковъ была и значительная доля истины. Оказывалось, что оборванцы хотѣли отдѣлить Ирландію отъ „британской имперіи“ и отнять всѣ земли, захваченныя англичанами. Общество распространялось по всему острову и управлялось центральною ложей, состоявшей изъ представителей мѣстныхъ обществъ. Въ каждомъ приходѣ былъ свой „совѣтъ двѣнадцати“ и свой „приходскій мастеръ“. Всѣмъ распоряженіямъ общества члены повиновались подѣ страхомъ смерти, узнавали-же они другъ друга, какъ масоны, посредствомъ особыхъ знаковъ, паролей и лозунговъ. Что-же касается убійствъ, поджоговъ и другихъ уголовныхъ преступленій, то значительную часть ихъ совершенно напрасно приписывали оборванцамъ и тѣмъ только усиливали страшную репутацію этого общества. Оборванцы и убивали, и поджигали, но это не было ихъ постоянной системой, и всѣ подобныя преступленія ихъ обуславливались не столько внутренними цѣлями ихъ организаціи, сколько внѣшними обстоятельствами. Сорокъ лѣтъ назадъ католическое населеніе графства Лангфордъ, напр., было страшно взволновано слухами о предположенномъ будто-бы истребленіи всѣхъ католиковъ. Слухи были порождены тѣмъ, что мѣстный лордъ Лортонъ безжалостно прогонялъ съ своихъ земель католическихъ арендаторовъ и замѣнялъ ихъ протестантскими колонистами. Ирландцы взволновались и принялись мстить тѣмъ, которымъ ланлордъ отдавалъ земли ихъ изгнанныхъ земляковъ. Вотъ что рассказываетъ самъ лордъ о страшной судьбѣ принятыхъ имъ арендаторовъ-протестантовъ: „Что случилось съ Брокомъ?—Вскорѣ послѣ поселенія на фермѣ онъ убитъ подлѣ своего дома, въ 6 часовъ вечера.—На Діамонда сдѣлано было нападеніе и онъ остался калѣжкой.—У Александра Мурхеда въ январѣ перерѣзали весь скоть.—Коль во время поѣздки на рынокъ былъ остановленъ, избитъ самымъ звѣрскимъ образомъ и чуть не умеръ.—Въ Каткарта стрѣляли четыре раза и наконецъ убили подлѣ его собственнаго жилища.—Роллинъ и Діамондъ-младшій жили вмѣстѣ. У нихъ угнали все стадо, перебили его, содрали кожи, а трупы бросили.—Гуга Мурхеда застрѣлили тогда, когда онъ сидѣлъ у камина среди своей семьи.—Моррисона убила вооруженная шайка въ одномъ домѣ въ Друмлишѣ“. Но лордъ, раз-

сказывая объ этихъ ужасныхъ злодѣйствахъ, умалчиваетъ о предшествовавшихъ имъ собственныхъ подвигахъ, вродѣ слѣдующаго приказа: „Если въ извѣстной части имѣнія будетъ совершено убійство или другое уголовное преступленіе и преступники не будутъ осуждены на ближайшихъ асизахъ, то всѣ арендаторы, сроки которыхъ кончаются, должны быть изгнаны“. Онъ изгналъ всѣхъ жителей Боллинамюка и безъ остатка истребилъ самую деревню. Все это возбуждало месть, равно какъ и многія дѣйствія коронныхъ чиновниковъ и землевладѣльческихъ агентовъ. Таковъ былъ, напр., жестокой сборщикъ податей и вмѣстѣ судебный приставъ Мадденъ. Онъ зналъ, что ненавидимъ всѣми, но презиралъ опасность и не обращалъ вниманія на смерть, которая угрожала ему на каждомъ шагѣ. Крестьяне долго подстерегали его, но все напрасно; наконецъ, тридцать шесть человѣкъ, раздѣлившись на четыре партіи, сдѣлали засады на каждой дорогѣ, по которой Мадденъ могъ возвратиться съ базара домой. Его убили и закопали на пашнѣ. Полиція сбилась съ ногъ, отыскивая его трупъ и убійцъ, но всѣ поиски были тщетны, и только дочь убитаго совершенно случайно открыла его полусгнившее тѣло. Подобныя кровавыя дѣла особенно часты были съ 1835 до 1855 года; но въ послѣднее время, съ усиленіемъ эмиграціи въ Америку и Англію, организація оборванцевъ постепенно ослабѣвала и въ настоящее время отъ нея остаются только слабые слѣды. Этому не мало содѣйствовало общее смягченіе ирландскихъ нравовъ, распространеніе образованія, развитіе свободной журналистики и политической жизни. Преступленія оборванцевъ были порождаемы отчаяніемъ, безправіемъ, произволомъ и они уменьшились, какъ скоро измѣнились возбуждавшія ихъ обстоятельства.

Въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, на судьбы Ирландіи имѣли громадное вліяніе бѣдствія 1847 года. Къ этому времени народонаселеніе Ирландіи увеличилось до 9,000,000 человѣкъ. Масса жила трудомъ рукъ своихъ, въ полной зависимости отъ урожая и произвола землевладѣльцевъ, но никто не предчувствовалъ страшной бѣды, такъ-какъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ урожай картофеля были превосходны, а агитація О Коннеля и Матью значительно подняла духъ народа и онъ довѣрчивѣе прежняго смотрѣлъ на будущее. Особенно хорошъ былъ урожай 1845 года и обѣщалъ такой сборъ, который могъ обезлечить земледѣльца на нѣсколько лѣтъ. Но въ одинъ мѣсяць, а во многихъ мѣстахъ въ одну недѣлю, даже въ одну ночь, картофель погибъ и началъ гнить, распространяя въ атмосферѣ ужасное зловоніе. Страна заволновалась, но пока еще не доходила до отчаянія, надѣясь на слѣдующій посѣвъ. Зимой-же оказалось, что и сѣять нечего:

оставленный на сѣмена картофель проросъ и испортился, — но и тутъ крестьяне не опустили рукъ, а напрягли всѣ свои силы, чтобы достать средства для посѣва; они работали день и ночь, они лишали себя даже необходимаго, они занимали деньги въ самыхъ тяжкихъ условіяхъ. Всѣ ихъ труды и хлопоты пропали даромъ, и втеченіи одной іюльской ночи весь картофель, обѣщавшій превосходный урожай, погибъ безъ остатка. Надъ всей страной пронесся голодъ, и народъ въ отчаяніи палъ духомъ. Еще осенью 1845 года правительство предостерегало относительно угрожающей катастрофы, но оно не обращало на это вниманія и даже когда начался поголовный голодъ, оно все еще воображало, что размѣры бѣдствія сильно преувеличиваются. Такъ-какъ въ это время шла ожесточенная борьба за хлѣбные законы, то протекціонисты и ихъ пресса оспаривали дѣйствительность ирландскаго голода, который для противниковъ ихъ служилъ сильнѣйшимъ аргументомъ въ пользу безпошлиннаго ввоза иностраннаго хлѣба. Только въ 1847 году, когда въ Ирландіи умерло съ голода уже не менѣе 1,000,000, англійское правительство начало помогать несчастной странѣ; но и тутъ одни твердили, что такая помощь „деморализируетъ народъ“, другіе находили, что она „противорѣчитъ ученію Адама Смита“ и т. д. По всей странѣ открыты были общественныя кухни, около которыхъ, какъ голодные собаки, тѣснились и дрались толпы исхудавшаго, большого и голодающаго народа. До 1846 года предназначенные для заключенія бѣдняковъ рабочіе дома въ Ирландіи стояли почти пустыми, и народъ ненавидѣлъ эту безчеловѣчную систему, каравшую бѣдняка, какъ преступника, и разрушавшую всѣ семейныя связи. Но голодъ поставилъ дѣло иначе. Ирландцы начали ломаться въ рабочіе дома, отцы разлучались съ дѣтьми, мужья съ женами и лѣзли въ эти тюрьмы часто для того только, чтобы тотчасъ-же умереть. Эти убѣжища были, наконецъ, переполнены и только смерть очищала мѣста для новыхъ кандидатовъ. Все сельское населеніе кормилось милостынею и казенными работами по устройству дорогъ, предпринятыми по случаю голода правительствомъ. На этихъ работахъ истощенные голодомъ поселяне умирали, какъ мухи, и работы, предпринятыя съ тою цѣлью, чтобы не деморализовать народъ даровою помощью, лишали несчастныхъ крестьянъ уже не нравственности, а жизни. Смертность была повсюду такъ велика, что вовсе исчезли похороны, на обстановку которыхъ даже нищій ирландецъ тратитъ послѣдніе гроши, и хоронили не только безъ всякихъ обрядовъ, но даже безъ гробовъ; случалось, что отецъ, который самъ уже былъ наканунѣ смерти, волокъ по землѣ за ноги трупъ дочери или сына. Трупы валялись по ули-

цамъ и дорогамъ, голодные умирали на папертяхъ церквей и на подъездахъ домовъ. За голодомъ явился тифъ, одинаково поражавшій бѣдныхъ и богатыхъ, голодныхъ и сытыхъ; вымирали цѣлыя семейства безъ всякаго ухода, безъ всякой помощи.

Голодъ, тифъ и чрезвычайно усилившаяся вслѣдствіе ихъ эмиграція совершенно преобразили страну и на-вѣки похоронили старую Ирландію. „Подъ вліяніемъ голода, говоритъ Скулливанъ, — бѣдняки шныряли около ригъ и амбаровъ, воруя хлѣбъ, картофель, капусту, рѣпу,—все, что можно было съѣсть. Дошло до того, что наши пришлось караулить съ ружьями въ рукахъ, въ противномъ случаѣ, колосья вырывались и зерно съѣдалось въ сыромъ видѣ. Такое положеніе вещей нанесло роковой ударъ многимъ прекраснымъ обычаямъ ирландской сельской жизни. Оно разрушило патріархальную довѣрчивость, которая вовсе не запирала дверей, оно уничтожило навсегда господствовавшій по всему острову обычай гостепримства, въ силу котораго каждому приходящему давался радушный пріютъ на ночь; боязнь „горячки“, если даже не опасались грабежа, заперла всѣ двери, и онѣ уже болѣе не отпирались, какъ, прежде. Исчезло множество прекрасныхъ обычаевъ и дружески-сосѣдскихъ отношеній. Когда въ продолженіи трехъ лѣтъ страшнаго бѣдствія и общей паники надъ стравою звучали слова: „спасайся, кто можетъ“, человѣческая природа огрубѣла въ своихъ симпатіяхъ и „каждый для себя“ надолго сдѣлалось правиломъ жизни и поведенія. Веселья, общительныя привычки сельскаго населенія видимо измѣнились. Сельскія забавы всюду исчезли и во многихъ мѣстностяхъ никогда уже болѣе не возобновлялись. Уличныя игры и деревенскія вечеринки прекратились“. Народъ сдѣлался осмотрительнѣе и бережливѣе. Вслѣдствіе голода и усиленной эмиграціи число жителей Ирландіи уменьшилось на 3,000,000 и за океаномъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, возникла новая Ирландія, на которую съ надеждою и гордостью смотрятъ всѣ жители старой. „Вы помните, говорилъ однажды въ парламентѣ Брайтъ, что когда древнееврейскій пророкъ молился въ своемъ заточеніи, онъ молился съ открытымъ окномъ, обращеннымъ въ сторону Иерусалима. Вамъ извѣстно, что поклонники Магомета во время молитвы обращаются лицомъ къ Меккѣ. Такъ ирландскій крестьянинъ, проси себѣ пищи, свободы и благоденствія, устремляетъ свои взоры къ заходящему солнцу; страстные порывы его души перелетаютъ черезъ широкій океанъ и весь онъ принадлежитъ мыслью великой республикѣ Запада“.

Ш.

Голодь и эмиграція сильно „очистили“ Ирландію, но нисколько не улучшили отчаяннаго положенія безземельнаго земледѣльца, который работаетъ на чужой землѣ, какъ воля и съ трудомъ добываетъ себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Аграрный вопросъ по-прежнему остался тучей, которая не перестаетъ угрожать странѣ ужасными потрясеніями, не умерли также и стремленія ирландцевъ къ политической свободѣ и независимости. Изъ партіи О'Коннеля выдѣлилась „молодая Ирландія“, которая стремилась къ тому-же расторженію союза съ Англіей, какъ и „освободитель“, но вносила много совершенно новыхъ элементовъ въ ирландскую политику. Молодая Ирландія отвергала обычные интриги и злоупотребленія при выборахъ, отрицала неограниченный деспотизмъ политическихъ вожаковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, энергически хлопотала о возбужденіи народа къ самостоятельности, пользуясь для этого школами и газетами и провозглашая при всякомъ удобномъ случаѣ свой девизъ: „развивайтесь, чтобы сдѣлаться свободными“. „Сорокъ лѣтъ назадъ, говоритъ Соливанъ, — ирландскій депутатъ былъ еще въ значительной степени самохваломъ, лошадинымъ охотникомъ, дуэлистомъ, кутилой, словомъ, образцомъ патріота, нарисованнаго перомъ Чарльза Левра. Не настало еще время, когда личная честность и безупречность частной жизни принимаются во вниманіе при оцѣнкѣ правъ человека на общественное довѣріе и уваженіе. „Популярный депутатъ“ того времени выѣзжалъ на патріотическомъ энтузіазмѣ и религиозномъ настроеніи съ добавленіемъ подкупа и застращиванья. Раздача денегъ и водки, съ одной стороны, и сворачиванье скулъ съ другой — довершали побѣду народа“. Съ агитаціей О'Коннеля, съ развитіемъ школъ и прессы эти порядки измѣнились; новое поколѣніе выросло при другихъ условіяхъ и выступало на сцену подъ именемъ „Молодой Ирландіи“. Лѣтнимъ вечеромъ 1842 года въ паркѣ Фениксъ, въ Дублинѣ, сидѣло трое молодыхъ людей Дэффи, Девисъ и Дилонъ; они толковали объ О'Коннелѣ, о расторженіи, о необходимости политическаго воспитанія народа, о неудовлетворительности газетной прессы, и рѣшили, наконецъ, издавать новую газету „Нація“, которая сдѣлалась политической воспитательницею народа, а ея редакція — центромъ ирландской интеллигенціи и средоточіемъ всѣхъ дѣлъ страны политическихъ, литературныхъ, промышленныхъ и художественныхъ. Стихи и проза, повѣсти и научныя статьи „Націи“ — все было направлено къ одной цѣли — къ развитію ирландской народности. Газета имѣла

огромный успѣхъ, равно какъ и другое дешевое ежемѣсячное изданіе Дѣффи „Ирландская Библіотека“. Издатели пропагандировали религіозную терпимость, стремились сблизить католиковъ съ протестантами и собрать все классы общества подъ одно національное знамя; они горячо вооружались противъ упомянутыхъ уже нами злоупотребленій при выборахъ и, питая глубокое уваженіе къ О'Коннелю, не хотѣли имѣть ничего общаго со многими изъ его послѣдователей сомнительной нравственности. Первые члены „Молодой Ирландіи“, Дѣффи, Макъ-Ги, Дилонъ, Мегиръ, О'Бриенъ были все люди несомнѣнно честные и способные, и многие изъ нихъ играли потомъ немаловажныя роли въ общественной жизни Америки и Австраліи. Были и женщины-поэты: Мери Келли и миссъ Эльджи, которая въ 1845 году играла въ Ирландіи роль мадамъ Роландъ. Главою этой партіи былъ Смитъ О'Бриенъ, который въ 1826 — 43 году, въ качествѣ члена парламента, держался болѣе консервативной партіи и хлопоталъ только о матеріальныхъ интересахъ Ирландіи, но, убѣдившись въ бесплодности этой системы, сдѣлался рѣшительнымъ сторонникомъ отторженія страны отъ Англіи, хотя въ то-же время высказывалъ положительное отвращеніе отъ всякихъ революціонныхъ попытокъ. „Невозможно было и представить себѣ, говорить Сюзливанъ, — что онъ впоследствии сдѣлается вождемъ „Новой Ирландіи“. Въ первый разъ я встрѣтился съ нимъ въ іюль 1848 года, за три недѣли до катастрофы, подвергшей его участи измѣнника. Онъ объѣзжалъ юго-западные и южныя графства, желая, очевидно, познакомиться съ состояніемъ общественнаго мнѣнія и съ матеріальными ресурсами національной партіи. Онъ пріѣхалъ въ Гленгарифъ. Жители нашихъ береговъ и горъ устроили ему королевскій пріемъ. Суда всѣхъ рыбаковъ за нѣсколько миль въ окружности сопровождали по всему заливу яхту, на которой онъ плылъ“. Его популярность равнялась популярности О'Коннеля и его называли „вторымъ человекомъ въ Ирландіи“. Но общему ихъ дѣлу много повредили разногласія между „старой“ и „новой Ирландіей“. Обѣ партіи стремились къ національной независимости, но послѣдователи О'Коннеля были ревностные католики, а послѣдователи Бриена желали вѣротерпимости, полнаго слиянія протестантовъ съ католиками въ одномъ національномъ дѣлѣ. Споры переходили во вражду; „старые“ ирландцы проклинали „молодыхъ“, какъ еретиковъ, а молодые ругали старыхъ — ханжами и пустосвятами. Дѣло кончилось полнымъ разрывомъ съ партіей О'Коннеля, что сильно повредило популярности Молодой Ирландіи, которая долго была чрезвычайно подозрительна католической массѣ своею вѣротерпимостію и своими заботами о распространеніи образованія.

Послѣ упомянутого разрыва въ странѣ очутились двѣ организаци; во главѣ одной стоялъ сынъ О'Коннеля, во главѣ другой — молодые ирландцы. Обѣ партіи держались легальной почвы, обѣ высказывались противъ революціи, но въ средѣ Молодой Ирландіи скоро видѣлилась крайняя фракція наиболее пылкихъ и нетерпѣливыхъ дѣятелей, къ голосу которыхъ многіе начали сочувственно прислушиваться, особенно во время бѣдствій 46 и 47 годовъ, когда эти агитаторы проповѣдывали, что народу лучше было бы погибать съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ отъ голода. Въ концѣ 1847 г. вопросъ еще болѣе обострился, и Джонъ Мичель, одинъ изъ издателей „Націи“, объявилъ, что время призвать ирландскій народъ къ вооруженной борьбѣ. Это предложеніе возбудило продолжительные и страстные споры, въ которыхъ рѣшительными противниками революціи выступили О'Бриенъ, Деффи, Дилонъ, Мегиръ, Догени, Макъ-Ги — люди, которые черезъ вѣскольکو мѣсяцевъ были осуждены за участіе въ ирландскомъ мятежѣ. Джонъ Мичель, по убѣжденію республиканецъ и революціонеръ, со времени голода не упускалъ ни малѣйшаго случая, чтобы проповѣдывать о войнѣ за независимость. Онъ снова провозгласилъ програму старинной партіи сепаратистовъ, о которой не слышно было уже съ 1803 г., такъ-какъ съ тѣхъ поръ всѣ политическія движенія въ Ирландіи совершались на конституціонной почвѣ и даже самые рьяные сторонники національной независимости и расторженія союза съ Англіей не думали добиваться ихъ путемъ мятежа и войны. Мичель воскресилъ идеи сепаратизма; ему казалось, что конституціонная легальность деморализуетъ страну, которая можетъ спастись только „желѣзомъ и кровью“. Всѣ эти идеи возбуждали ужасъ въ О'Бриенѣ и другихъ вождяхъ конфедераци и послужили предметомъ дебатовъ на двухдневномъ митингѣ, въ февралѣ 1848 года, послѣ чего Мичель вышелъ изъ состава Молодой Ирландіи и во вновь основанной имъ газетѣ „Соединенный Ирландецъ“ началъ открыто проповѣдывать инсurreкцію. И молодые, и старые ирландцы считали его сьумасшедшимъ, потѣшаясь надъ нелѣпостью его агитаторскихъ затѣй. Но послѣ выхода третьяго № газеты начали ежедневно приходиться съ континента вѣсти о февральской революціи въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, и подъ вліяніемъ настроенія, возбужденнаго ими въ Ирландіи, не только „Соединенный Ирландецъ“ пошелъ въ ходъ, но даже О'Бриенъ и друзья его увлеклись мыслью о томъ, что при такихъ обстоятельствахъ имъ нетрудно будетъ добиться отъ Англіи согласія на расторженіе союза. По всей странѣ открывались конфедератскіе клубы, а Мичель своей газетой раздувалъ загоравшееся пламя, печаталъ письма къ ирландскому вице-королю, лорду Кла-

рендону, „ея величества генераль-палачу и генераль-живодеру Ирландіи“; разсуждалъ объ уличной войнѣ, о „берлинской системѣ“ и т. д. Члены конфедераціи надѣялись, что въ виду столь тревожныхъ событій правительство уступить имъ и дѣло обойдется мирно, но Мичель не шелъ ни на какіе компромиссы. Онъ жаждалъ возстанія и ругалъ конфедератовъ идіотами, между тѣмъ, какъ третья партія, предводимая сыномъ О’Коннеля, всячески противодѣйствовала планамъ и Мичелю, и О’Бриена, и хотя она не блистала въ это время талантами, но ее поддерживало столь вліятельное въ странѣ католическое духовенство. Лордъ Кларендонъ, зная слабость Молодой Ирландіи, но желая предупредить мелкія вспышки, 21 марта распорядился арестовать и предать суду О’Бриена, Мегира и Мичеля; но первые двое были оправданы, а Мичель приговоренъ къ ссылкѣ на 14 лѣтъ. Выслушавъ свой приговоръ въ залѣ суда, наполненной его единомышленниками, Мичель сказалъ: „лорды, я знаю, что я рисковалъ своею жизнію. Дѣло только-что начинается. Римлянинъ, который сжегъ передъ тираномъ свою руку, обѣщаль, что за нимъ послѣдуетъ 300 такихъ-же героевъ. А развѣ я не могу поручиться за 100, за 200 и за многія сотни?“ При этихъ словахъ онъ указалъ на Мартина, Рейльи, Мегира и другихъ своихъ друзей. Судъ огласился громкими криками: „Ручайся и за меня, Мичель! И за меня!“ Друзья окружили его и полиціи съ трудомъ удалось отвести его обратно въ тюрьму. Городъ былъ въ волненіи, а когда вѣсть о приговорѣ и о состоявшейся уже отправкѣ Мичеля въ ссылку разошлась по странѣ, то заволновалась вся Ирландія; даже О’Бриенъ и друзья его были увлечены общимъ движеніемъ. Они объѣзжали всю страну, собирая митинги, инспектируя организацію клубовъ, увѣщевая народъ запасаться оружіемъ и готовиться къ борьбѣ. Правительство тоже не дремало, усиливало гарнизоны, размѣщало войска; наконецъ, парламентъ отмѣнилъ дѣйствіе *habeas corpus* и въ тотъ-же день вышелъ приказъ объ арестѣ вождей конфедераціи. О’Бриенъ былъ въ Килкенни, окруженный нѣсколькими тысячами крестьянъ, готовыхъ защищать его. Онъ рѣшился драться, но въ самый рѣшительный моментъ на сцену выступило католическое духовенство и, вмѣшавшись въ толпу инсургентовъ, начало увѣщадать ихъ успокоиться. „Гдѣ у васъ оружіе, говорили крестьянамъ патеры, — гдѣ у васъ комисаріатъ, артилерія, кавалерія? Гдѣ ваши предводители, генералы, офицеры? О’Бриенъ и Дилонъ, конечно, благородные люди, но они не военные. Вы идете на вѣрную гибель“. Эти увѣщанія вполнѣ достигли своей цѣли; большинство крестьянъ разошлось по домамъ, и у О’Бриена осталась только небольшая толпа,

большую часть, невооруженных мужиковъ, съ которою онъ выдержалъ стычку съ полицейскимъ отрядомъ и затѣмъ бѣжалъ въ горы.

Издатель „Націи“ Деффи былъ арестованъ, газета прекращена, аресты производились всюду сотнями, о сопротивленіи не было и рѣчи; затѣмъ начались судебные процессы, ссылки, побѣги заочно осужденныхъ за-границу. О'Бріенъ и нѣсколько его сообщниковъ были схвачены и приговорены къ смертной казни, но адвокатъ съумѣлъ избавить ихъ отъ висѣлицы, возбудивъ обвиненіе въ измѣнѣ противъ генерала Непира и перваго министра лорда Джона Росселя. Были обнародованы письма, доказавшія, что во время агитаціи 1831 — 32 г. министры, и въ томъ числѣ Россель, затѣвали тоже самое, что О'Бріенъ, хотѣли поднять народъ, чтобы принудить правительство къ уступкамъ. Эти письма спасли жизнь осужденнымъ и казнь замѣнилась пожизненною ссылкой.

Часть Молодыхъ Ирландцевъ была сослана, другая разбѣжалась въ разныя стороны, рискуя на каждомъ шагѣ своею жизнію и подвергаясь самымъ романическимъ приключеніямъ. Въ числѣ раневыхъ во время упомянутой схватки съ полиціей сподвижниковъ О'Бріена былъ молодой инженерный студентъ Джемсъ Стефенсъ, будущій глава феніевъ. Онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ поэтомъ Догени. Цѣлыхъ два мѣсяца бродили они въ горахъ и болотахъ, скрываясь въ кустарникахъ и камышахъ, и изрѣдка ночуя въ крестьянскихъ хижинахъ. Имъ хотѣлось добраться до какой-нибудь гавани и сѣсть на корабль. Однажды они забрели въ монастырь траппистовъ. „Было воскресенье; холодъ и дождь, бывшіе наканунѣ, смѣнились тихою, ясною погодою и мы скоро шли впередъ. Главная трудность состояла въ переходѣ черезъ глубокіе овраги. Подъемы и спуски были обыкновенно покрыты кустарникомъ и терномъ, а внизу катились быстро горные потоки, черезъ которые мы переходили не раздвываясь. Особенно утомительно было пробираться сквозь колючій кустарникъ. Около 3 часовъ вечера мы подошли къ живописному абатству, сдѣлавъ по горамъ 30 миль безъ пищи. Извѣстное гостепріимство траппистовъ было большимъ искушеніемъ для насъ, измученныхъ и голодныхъ; но мы боялись скомпрометировать абата и монаховъ, и рѣшили не говорить имъ, кто мы“. Подкрѣпивъ свои силы, бѣглецы продолжали путь. Замѣчательно, что ни они и никто изъ остальныхъ многочисленныхъ бѣглецовъ не были выданы жителями, хотя за поимку ихъ назначено было по 300 фунтовъ за cadaго. Крестьяне, у которыхъ часто останавливались они, обыкновенно страшно бѣдствовали, голодъ въ странѣ все еще продолжался, всѣ они

знали, кому даютъ пріютъ, и тѣмъ не менѣе никто не рѣшился на доносъ. Стефенсъ и Догени благополучно добрались до Лондона, а оттуда переѣхали въ Парижъ. Стефенсъ впоследствии сталъ во главѣ феніевъ, а два сына Догени, бывшіе дѣтьми во время его бѣгства, до сихъ поръ еще въ тюрьмѣ за участіе въ заговорѣ феніевъ.

IV.

Бѣдствія 1846 — 48 г. разорили многихъ ирландскихъ землевладѣльцевъ, но большинство ландлордовъ воспользовалось ими для поправленія своихъ хозяйствъ. Англійская пресса твердила, что ирландскій голодъ—благодѣяніе, ниспосланное провидѣніемъ ради спасенія страны отъ массы нищихъ, у которыхъ не было ни капитала для развитія земледѣлія, ни знаній для веденія рациональнаго хозяйства. Пусть, говорили газеты, — выселяются эти жалкіе нищіе, пусть эмигрируютъ, — ихъ мѣста займутъ зажиточные фермеры изъ Англии и Шотландіи, страна процвѣтетъ, успокоится и окончательно сольется съ Англіей. Эти планы соблазнили и ирландскихъ ландлордовъ: вѣдь англійскіе фермеры платятъ болѣе высокія ренты, чѣмъ ирландцы, и платятъ исправно; они поднимутъ хозяйство, а главное, съ приходомъ ихъ прекратятся всякія аграрныя преступленія и изъ страны исчезнутъ послѣдніе слѣды „оборванцевъ“ и всякихъ агитаторовъ. Голодъ, казалось, окончательно разрѣшилъ ирландскій вопросъ и сама судьба подготовила превращеніе мятежнаго острова въ англійскую провинцію. И вотъ, въ то время, какъ гонимыя голодомъ тысячи ирландцевъ ежедневно отправлялись въ Америку, ландлорды начали усиленно „очищать“ свои помѣстья отъ арендаторовъ, для которыхъ эти изгнанія были равносильны нашествію орды какихъ-нибудь баши-бузуковъ. Ирландскій арендаторъ страстно привязанъ къ своему родному очагу, къ своей фермѣ, въ ней жили его предки, въ ней онъ родился и женился, каждое дерево, каждый клочекъ земли имѣли какое-нибудь значеніе въ его жизни, все здѣсь создано его трудомъ, все дорого для него, — и вдругъ его изгоняютъ! „Эти изгнанія, говоритъ Сьюливанъ, — потрясли самыхъ суровыхъ натур. Я зналъ шерифовъ и ихъ помощниковъ, которые признавались, что какъ ни тяжело имъ присутствовать по служебной обязанности при совершеніи смертной казни, но это все-таки не такъ потрясало ихъ, какъ „очищеніе“ помѣстій и разрушеніе фермъ. Никакія обстоятельства не давали права на малѣйшую отсрочку. Въ бурю, въ грозу, въ

снѣгъ и дождь арендаторы изгонялись немедленно. Слабосильные старики, колыбельныя дѣти, больные и умирающіе—всѣ должны были убираться и, за неимѣніемъ другого крова, проводить ночь подъ открытымъ небомъ. Это не фантазія, а вѣрное, вполне точное изображеніе дѣйствительности, свидѣтельницаю которой была вся Ирландія въ продолженіи десяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за голодомъ. Я приведу здѣсь слова очевидца, описывающаго одну изъ этихъ сценъ. „Семьсотъ человѣкъ, говоритъ епископъ митскій, были выгнаны сегодня изъ своихъ жилищъ, хотя, кромѣ одного человѣка, никто изъ нихъ не долженъ былъ ландлорду ни одного шиллинга. Помощники шерифа, назначенные для разрушенія жилищъ этихъ честныхъ, трудолюбивыхъ людей, были заняты своей страшной работой вплоть до вечера. Наконецъ, они въ ужасѣ остановились передъ двумя фермами, осужденными на сломку вмѣстѣ съ прочими. Они только-что узнали, что въ этихъ домахъ свирѣпствуетъ тифъ, уже погубившій нѣкоторыхъ изъ ихъ обитателей. Они умоляли земледѣльческаго агента пощадить эти дома, но онъ былъ неумолимъ и требовалъ, чтобы ихъ разнесли тотчасъ-же. Онъ велѣлъ покрыть находившихся въ бреду больныхъ широкой простыней и снять съ домовъ крыши. На-завтра я напутствовалъ четырехъ изъ этихъ больныхъ, лежавшихъ подъ простыней, сверхъ которой ихъ покрывало только небо. Сценъ этого изгнанія мнѣ не забыть до смерти. Рыданія женщинъ, визгъ испуганныхъ дѣтей, молчаливое отчаяніе мужчинъ извлекали слезы у всѣхъ, кто видѣлъ и слышалъ ихъ. На моихъ глазахъ чиновники и полисмены, присутствовавшіе при этомъ, рыдали, какъ дѣти. Проливной дождь холодными потоками лился цѣлую ночь и съ перваго-же шага бездомныхъ страдальцевъ показалъ имъ весь ужасъ ихъ положенія. Я пошелъ къ нимъ на слѣдующее утро, чтобы помочь и утѣшить на-сколько могъ. Поземельные собственники на нѣсколько миль въ окружности запретили своимъ фермерамъ давать имъ пріютъ даже на одну ночь. Многие изъ этихъ бѣдняковъ не могли даже эмигрировать и послѣ напрасной борьбы съ нищетой и тифомъ, они переходили изъ рабочаго дома въ могилу“. Фермы очищали такъ поспѣшно, что ручная работа оказывалась слишкомъ медленною и одинъ почтенный землевладѣлецъ изобрѣлъ для разрушенія домовъ особую машину, которою пользовались всѣ его сосѣди ландлорды, и съ помощію ея живо разносили цѣлыя деревни. Изгнанные фермеры уходили обыкновенно не сразу, а долго ютились среди развалинъ или по краямъ дорогъ, прикрываясь какой-нибудь одеждою и травою. Одинъ изъ друзей Скулливана видѣлъ въ 1849 г. множество такихъ лагерей по дорогамъ графства Клэръ: сотни мужчинъ, женщинъ и дѣтей жили подъ открытымъ

небомъ. Тоже самое было въ графствѣ Мэйо. Тѣ изъ этихъ несчастныхъ, которые могли выселиться, эмигрировали въ Австралію, въ Америку, въ Англію, а у которыхъ не было никакихъ средствъ на дорогу, тѣ тащились въ ближайшій городъ, сначала работали здѣсь въ качествѣ поденщиковъ, потомъ нищенствовали и попадали въ рабочій домъ. Отъѣздъ эмигрантскихъ партій сопровождался тоже самыми потрясающими сценами. На платформѣ станціи раздавался стонъ и плачь: то эмигранты прощались съ родными и знакомыми, рыдали, обнимались, и когда поѣздъ уже шелъ, его сопровождали бѣгомъ сотни плачущаго народа, только что простившагося съ дорогими ему изгнанниками. Многіе ландлорды поддерживали эту эмиграцію и давали немущимъ средства къ выселенію, чтобы только побольше „очистить“ страну, ни мало не задумываясь о томъ, что станетъ съ этими нищими-эмигрантами на улицахъ Лондона или Нью-Йорка. Они погибали тысячами еще въ пути, такъ-какъ по пятамъ за ними гнался голодный тифъ и американскія газеты ежедневно извѣщали о карабляхъ, пришедшихъ съ тифомъ и холерой. Въ 1847 г. изъ 106,000 эмигрантовъ, отправлявшихся въ Канаду и новый Брунсуикъ, 6,100 человекъ умерло въ пути, 4,100—по прибытіи на мѣсто, 5,200 въ госпиталяхъ и 1,900 въ городахъ, въ которыхъ они остановились. Изъ оставшихся-же живыми эмигрантовъ образовалась масса страстныхъ враговъ Англіи, одинаково ненавидящихъ ее, одинаково готовыхъ вредить ей, въ какой-бы странѣ свѣта они ни жили.

Очистивъ Ирландію отъ мелкихъ фермеровъ, англичане затѣяли очистить ее и отъ ирландскихъ ландлордовъ, замѣнивъ ихъ англичанами и шотландцами. Въ силу изданнаго парламентомъ закона (*encumbered estates-act*) обремененныя долгами ирландскія помѣстья были пущены въ продажу, — цѣны на нихъ страшно пали, землевладѣльцы были разорены, но цѣль этой очистки далеко не достигнута. Съ конца 1849 года по августъ 1857 г. проданныя помѣстья купили 7,849 человекъ, изъ которыхъ 7,180 были ирландцы и только 309 англичанъ, шотландцы и иностранцы; изъ 20,475,000 фунтовъ ст., заплаченныхъ за нихъ, 17,639,000 было ирландскихъ денегъ. Новые землевладѣльцы были преимущественно изъ разжившихся торгашей, привыкшихъ извлекать возможную пользу изъ каждаго гроша, и съ ихъ водвореніемъ положеніе нищаго мелкаго фермера значительно ухудшилось. Аграрныя преступленія, убійства изъ-за угла, поджоги, мелкіе мятежи противъ мѣстныхъ властей продолжались по-прежнему; кровавое уголовное возмездіе только разжигало страсти, и эта тревожная, полная опасностей жизнь вырабатывала крайне оригинальные характеры и понятія.

V.

Утромъ 1 марта 1848 года должны были казнить трехъ убійцъ передъ воротами клонмельской тюрьмы. Около эшафота тѣснились густыя толпы народа, горожанъ и крестьянъ, мужчинъ и женщинъ; всѣ смотрѣли на три приготовленныя висѣлицы, силуэты которыхъ рѣзко выдѣлялись на свѣтломъ фонѣ утренняго неба. Въ защиту осужденныхъ не раздавалось ни одного голоса, и только нѣкоторые жалѣли ихъ молодость, тѣмъ не менѣе, начальство не довѣряло этой толпѣ и, не полагаясь на полицію, окружило эшафотъ двумя пѣхотными ротами и взводомъ драгунъ. Вотъ по толпѣ пронесся смутный говоръ: вышелъ палачъ; онъ хладнокровно ошупалъ висѣличныя веревки и понюхалъ каждую изъ нихъ, чтобы узнать, просмолены-ли онѣ. Народъ спокойно смотрѣлъ на всѣ эти приготовления, но когда палачъ, вынувъ изъ кармана кусокъ сала, началъ смазывать имъ веревки, толпа заволновалась, зашумѣла, и исполнитель правосудія поспѣшилъ скрыться въ тюремныя двери, осыпаясь ругательствами. Вскорѣ раздался погребальный звонъ тюремнаго колокола, и толпа упала на колѣни; въ дверяхъ, ведшихъ изъ тюрьмы на эшафотъ, показалась высокая фигура палача Повера въ ризѣ; его голосъ, читавшій похоронныя молитвы, былъ слышенъ даже въ самыхъ отдаленныхъ рядахъ толпившагося народа. Затѣмъ вывели преступниковъ. Двое изъ нихъ были братья, всѣ трое были очень молоды и красивы и невольно возбуждали состраданіе въ присутствовавшихъ при этомъ женщинахъ. Братья Генри и Филиппъ Коди были осуждены за убійство Маддена, а Лонергамъ, „сынъ вдовы“, какъ называли его свидѣтели, за то, что застрѣлилъ нѣкоего Рэ; оба преступленія имѣли аграрный характеръ. Палачъ прежде всего надѣлъ петлю на шею Лонергама, который, обратившись къ народу, просилъ его молиться за него. Генри Коди, смотрѣвшій на эту сцену, вскричалъ: „Господи Іисусе, помилуй насъ!“ Палачъ подошелъ къ младшему Коди и, нагнувъ ему на глаза колпакъ, началъ закидывать петлю; при этомъ онъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе, услышанное старшимъ братомъ. При звукѣ его голоса, Генри внезапно пересталъ молиться и задрожалъ: онъ узналъ въ палачѣ свидѣтеля, показанія котораго стоили жизни ему и брату. Хотя, кажется, онъ ошибся и палачъ только очень походилъ на этого свидѣтеля. Генри бросился на палача, какъ звѣрь, и своими скованными руками началъ наносить ему удары; потомъ схватилъ его и сился сбросить съ эшафота. Палачъ боролся и кричалъ о помощи. Младшій братъ слышалъ шумъ борьбы, но сквозь надвину-

ТѢЙ колпакъ онъ не могъ видѣть, что происходило, а патеръ старался отвлечь его вниманіе, усиленно нашептывая ему молитвы и утѣшенія. Но, услышавъ голосъ брата, Филиппъ сорвалъ колпакъ и увидѣлъ страшную борьбу Генри съ палачемъ; онъ хотѣлъ броситься на помощь брату, но патеръ удержалъ его, и юноша, склонивъ голову на плечо духовника зарыдалъ, восклицая: „Генри, Генри, братъ мой! О, Боже!“ Патеръ просилъ шерифа отложить казнь; преступниковъ отвели въ тюрьму; женщины въ толпѣ плакали, многіе мужчины молились, народъ вообразилъ, что казнь отиѣнена. Но осужденныхъ вывели снова и на площади поднялись крики негодованія, но по одному знаку патера народъ умолкъ и сталъ на колѣни: убійцы были повѣшены.

Подобныя сцены очень часты въ Ирландіи и особенно часто онѣ повторялись въ концѣ сороковыхъ годовъ, напр. въ Типперари, гдѣ аграрныя убійства случались почти ежедневно. Каждую ночь толпы крестьянъ рыскали по странѣ, забирая и отнимая силою оружіе, какое только имъ попадалось подъ руку; потомъ начались нападенія на жилища ландлордовъ и ихъ агентовъ, грабили почты, охотились на сборщиковъ налоговъ. Нравы страшно загрубѣли, но рядомъ съ этою грубостью самыя отчаянныя „оборванцы“ сохраняли вполнѣ симпатичныя черты. Не разъ случалось, напр., что слуга помѣщика, принимавшій самое дѣятельное участіе въ нападеніяхъ на другихъ ландлордовъ, защищалъ своего хозяина отъ своихъ-же сподвижниковъ. Вотъ, напр. одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ аграрныхъ преступниковъ, Кьютъ Кинланъ. Онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ арендовалъ небольшую ферму у нѣкоего Блэка. Рядомъ съ ними жили четыре брата Генесси, изъ которыхъ одинъ служилъ у ландлорда приказчикомъ. Блэкъ прогналъ Кинлановъ; они заподозрили, что онъ сдѣлалъ это по наущенію Генесси, и Кьютъ рѣшилъ перебить всѣхъ ихъ. Черезъ три мѣсяца приказчикъ былъ застрѣленъ, а братъ его убитъ на большой дорогѣ. Всѣ были убѣждены, что это дѣло Кьюта, но уликъ противъ него никакихъ не было. Третій Генесси, Девисъ, испугался и бѣжалъ въ Америку, но Кьютъ отправился вслѣдъ за нимъ, убилъ его и, вернувшись домой, началъ играть роль какого-то общаго мстителя судебнымъ приставамъ, полиціи, ландлордамъ и ихъ агентамъ. У одной вдовы крестьянки была описана за недомку послѣдняя утварь; три пристава, назначенные для отобранія этихъ вещей, почевали въ ея жилищѣ; въ полночь окно отворилось и Кьютъ появился въ комнатѣ. Пристава бросились бѣжать, но Кьютъ одного изъ нихъ застрѣлилъ немедленно; другой залѣзъ въ каминную трубу, Кьютъ вытащилъ его за ноги и пистолетнымъ выстрѣломъ разможилъ ему голову; третій высочилъ

въ окно, но убійца нагналъ и застрѣлилъ. Свидѣтелей и уликъ я на этотъ разъ не было, но Кьютъ замѣтилъ, что населеніе начинаетъ относиться къ нему враждебно, и онъ нанялся въ солдаты въ Индію. Прошли годы. Кьютъ служилъ примѣрно, отличался въ битвахъ храбростью, былъ лучшимъ солдатомъ въ полку. Потому онъ вернулся въ Типперари, и прошелъ слухъ, что онъ принялся за прежніе подвиги. Однажды приходскій патеръ, встрѣтившись съ нимъ, началъ увѣщевать его придти къ нему на исповѣдь. Кьютъ согласился. „Но когда, спросилъ патеръ, — въ слѣдующую субботу?“ — „Ахъ, нѣтъ, это очень ужъ скоро, я не могу“. — „Почему же?“ — „Да видите-ли, ваше преподобіе, тутъ есть шотландцы, корыхъ я...“ — „Какъ, вы рѣшились сказать мнѣ, что замышляете новое убійство?“ — „Ахъ, нѣтъ, ваше преподобіе, — я хочу только сказать, что не могу простить этимъ чертямъ-шотландцамъ, которые приходятъ сюда и отнимаютъ десятки фермъ у честныхъ людей. Нѣтъ, я не могу идти на исповѣдь, я рѣшился подстрѣлить шотландца!“ Патеръ началъ снова уговаривать его придти на исповѣдь и, наконецъ, добился его согласія; но Кьютъ, нѣсколько разъ приходившій въ церковь и о чемъ-то горячо молившійся, на исповѣдь все-таки не шелъ. Встрѣтившись съ нимъ недѣли черезъ двѣ, патеръ сказалъ: „я не буду больше спрашивать васъ; идите своей преступной дорогой, я сдѣлалъ все, что могъ и предаю васъ Богу. Вы трусъ и лжець“. — „Нѣтъ, воскликнулъ Кьютъ, я не трусъ, и не лжець, но я знаю, что на исповѣди я долженъ отказываться отъ истребленія другихъ ланлордовъ, а этого я никогда не сдѣлаю. Прощайте“. Вскорѣ Кьютъ былъ пойманъ на покушеніи совершить убійство и преданъ суду. Онъ написалъ своему бывшему командиру письмо, умоляя его дать въ судѣ показаніе въ его пользу. Командиръ явился и горячо говорилъ о честности и безавѣтной храбрости Кьюта. „Онъ долго служилъ мнѣ, показывалъ капитанъ, — и я не знавалъ солдата вѣрнѣе его. Я обязанъ жизнію его геройству и вѣрности. Однажды, когда пули сыпались, какъ градъ, и я упалъ раненымъ, когда никто изъ обыкновенныхъ храбрецовъ не смѣлъ идти навстрѣчу этому урагану смерти, этотъ молодець, не щадя своей жизни, бросился впередъ, отыскалъ меня и вынесъ на рукахъ съ поля битвы. Благодарю Бога, что и я сегодня могу спасти жизнь его. Онъ неспособенъ на преступленіе, въ которомъ его обвиняютъ“. Но виновность Кьюта не подлежала сомнѣнію и онъ былъ приговоренъ къ пожизненной ссылкѣ. Подобныхъ личностей въ Ирландіи множество, и они возбуждаютъ вообще сочувствіе къ себѣ въ средѣ сельскаго населенія. Аграрныя преступленія дѣйствуютъ, можно сказать, эпидемически. Извѣстный округъ живетъ мирно, ланлордъ и фер-

меры терпят другъ друга, но достаточно какой-нибудь безтактной выходки управляющаго помѣстьемъ, повышения ренты и т. д., чтобы возбудить злобу и мщеніе фермеровъ. Ландлорды стараются выказать твердость своего характера, не идутъ на уступки, по-своему мстятъ, и преступления усиливаются, распространяя въ одной изъ враждующихъ сторонъ ужасъ, въ другой — злорадство. Сюзливанъ описываетъ слѣдующую сцену въ одномъ магазинѣ графства Мэйо. Въ базарный день магазинъ былъ наполненъ крестьянами. Вдругъ они одинъ за другимъ начали снимать шляпы, креститься и шептать: „слава Богу!“ — „Что такое случилось, спросила одного изъ нихъ хозяйка магазина“. — „Ахъ, мадамъ, благодареніе Богу, да развѣ вы не слышали? Сегодня утромъ застрѣлили величайшаго тирана въ графствѣ Мэйо“ „Но, говоритъ Сюзливанъ,—нѣтъ предмета въ Ирландіи, о которомъ-бы искреннее, вѣрное и независимое мнѣніе было такъ рѣдко, какъ объ аграрныхъ преступленіяхъ. Эти преступления во многихъ случаяхъ столь ужасны, что никто не смѣетъ и заикнуться о причинахъ ихъ, не навлекая на себя обвиненія въ сочувствіи имъ. Съ другой стороны, причины, вызывающія эти преступления, столь чудовищны, что если кто прокликаетъ преступниковъ, какъ они того заслуживаютъ, то предполагается, что онъ непросительно равнодушенъ къ жадности, скряжничеству и бездушію ландлордовъ, наталкивающихъ людей на злодѣянія. Такимъ образомъ, тридцать или даже двадцать лѣтъ тому назадъ всѣ мы стояли, раздѣленные на два враждебныхъ лагеря: съ одной стороны ландлорды и всѣ сочувствующіе безчеловѣчной „очисткѣ“ имѣній, съ другой — фермеры, явно симпатизирующіе забрызганнымъ кровью убійцамъ“.

С. Ш.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

(Литературныя и общественныя замѣтки.)

Что называется „внутренними вопросами“ и стоить-ли говорить о такихъ пустякахъ?—Наглядный отвѣтъ на это въ образѣ ветлянской гостьи.—„Черная смерть“ или левантійская чума?—Лучше поздно, чѣмъ никогда.—Еще два слова объ астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ. Просаливаніе и уваживаніе рыбы.—Купцы и сифилисъ.—Санитарное усердіе городскихъ думъ.—Саратовскій пиръ во время чумы.—Московскіе женихи изъ ножевой линии.—Рѣчь гласнаго Ланна въ Москвѣ.—Первопрестольная столица, задыхающаяся отъ міазмовъ.—Ученая экспедиція на мѣстѣ заразы.—Поиски за самоотверженными докторами и недостатокъ таковыхъ въ Москвѣ.—Чувствительная переписка московскаго городского головы съ профессоромъ Минхомъ.—Дезинфекція Петербурга.—Можно-ли все свалывать на петербургскій климатъ?—Историческіе бубоны Наума Прокофьева.—Полемическая чума, обуявшая нашу прессу.—Полемическіе чирья и струны.—Проектъ литературнаго намордника на необузданныхъ ругателей.—Невѣрливность у насъ литературнаго „суда чести“.—Отсутствіе принциповъ, какъ причина безцѣльной и бессмысленной ругани.—Мнѣніе Хомякова о нѣкоторыхъ моментахъ въ исторіи литературнаго развитія.

Наконецъ-то, наша кровавая тяжба съ Турціей изъ-за „угнетенныхъ“ братьевъ-славянъ окончилась къ общей радости всѣхъ интеллигентныхъ русскихъ людей, не понимавшихъ необходимости жертвовать послѣднимъ достояніемъ своего народа для достиженія хотя-бы самыхъ возвышенныхъ цѣлей внѣшней политики. Мирный договоръ съ обанкрутившимся падишахомъ уже подписанъ, и русская армія, долго стоявшая живою угрозою подъ стѣнами Константинополя, въ скоромъ времени вернется во-свояси. Въ самомъ Константинополѣ ей не удалось побывать; торжественный молебень въ храмѣ св. Софіи, о которомъ такъ хлопотали гг. Суворинъ, Достоевскій, Мордовцевъ и К^о, пришлось отложить на неопредѣленное время; но повторяемъ, никто изъ здравомысля-

щихъ людей не огорченъ тѣмъ, что мы не заплатили еще одного миллиарда за удовольствіе пропѣть этотъ молебень. Г. Суворинъ — тотъ огорченъ; но и то не столько отсутствіемъ молебна, сколько отсутствіемъ подписки на свою газету, изболтавшуюся на тему о нашей „освободительной миссиі“ и всѣмъ уже набившую оскомину. Недолго думая, г. Суворинъ объявилъ даже, въ передовой статьѣ, что всѣ эти журналисты, упрекающіе его за воинственный пафосъ, „руководятся, конечно, не идеей добра, а мелкой карманной завистью“. *Идеей добра*, конечно, проникнуть насквозь только одинъ Суворинъ; да и кому-же, какъ не ему болѣть этой идеей? „Недобросовѣстность въ печати вообще, справедливо говорить г. Суворинъ, — не замѣчая, что онъ забрасываетъ петлю на свою собственную грѣшную шею — есть *квалифицированный видъ нечестности*, но недобросовѣстность прессы, служащей молодому, еще не вполне сформировавшемуся обществу, *едва-ли не самый ужасный видъ безчестнаго дѣла*“. Что справедливо, то справедливо, г. Суворинъ: умныя рѣчи хорошо и послушать!! Но бѣда въ томъ, что этой ужасной, квалифицированной нечестностью всѣхъ болѣе отличались вы въ русской прессѣ и, чтобы смыть съ себя это пятно а la лэди Макбетъ, вамъ слѣдовало-бы смиренно покаяться въ вашей безцеремонности, въ вашемъ невѣжествѣ, въ вашемъ непониманіи элементарнѣйшихъ политическихъ понятій, а не брыкаться направо и налево, призывая на свою защиту и какой-то, вами сочиненный, „историческій фатумъ“, и „роковые камни на пути нашей исторіи“, и „враждебный Западъ“, и тому подобную полу-славянофильскую, полу-кадетскую дребедень, которая валится отъ перваго щелчка критики. Историческій фатумъ, по вашему миѣнію, требуетъ, чтобы за Балканы всегда текли „ручьи русскаго золота и рѣки русскихъ асигнацій“ (о рѣкахъ русской крови вы, по скромности, по остатку чувства стыда, умалчиваете); „роковые камни на пути нашей исторіи“ могутъ быть разбиты только нашими собственными лбами, и глупо было-бы устранять ихъ другими средствами; съ враждебнымъ Западомъ намъ и до конца дней не слѣдуетъ мириться, хотя-бы мы сами подавали поводы къ этой враждѣ нѣкоторыми особенностями нашего внутренняго устройства, нѣкоторыми безтактными выходками шовинистской прессы. Таковы извороты и подтасовки, къ которымъ прибѣгаетъ г. Суворинъ, чтобы оправдать свои воинственныя завыванія, свой журнальный лозунгъ: „въ Константинополь! въ Константинополь!“ Мало того: съ наступленіемъ весны онъ сулитъ „новые, никѣмъ изъ насъ неустрашимые расходы кровью и деньгами“. Всякіе тамъ внутренніе вопросы нисколько не смущаютъ его, нисколько не заставляютъ отступить предъ этими, якобы пред-

писавными судьбою, кровавыми потоками Подобно щедринско-герою, онъ восклицаетъ: нѣтъ денегъ передъ деньгами, нѣтъ флотовъ передъ флотами! Да и что такое „внутренніе вопросы?“ иронически вопрошаетъ г. Суворинъ. Если они возникли вчера, то они уже относятся къ области прошедшаго, а не настоящаго; если назрѣютъ завтра, то переступаютъ въ сферу будущаго. Стало-быть, настоящихъ-то внутреннихъ вопросовъ, о которыхъ подобаетъ говорить русскому публицисту, *вовсе и нѣтъ* въ обращеніи или, по крайней мѣрѣ, они не просиживаютъ далѣе текущаго дня, т. е. попадаютъ цѣликомъ въ „Полицейскія Вѣдомости“—въ дневникъ приключеній. Книгиня Ласова разбилась въ пухъ, потому что ее „жокей не поддержалъ“: вотъ внутренній вопросъ для полковника Скалозуба да и то лишь до вечера у Фамусова; вотъ событіе дня, о которомъ пристойно бесѣдовать русскому журналисту; но перейдя за грань минувшаго дня, и это событіе становится достояніемъ „Русской Старины“. Бѣдный русскій журналистъ! какъ хорошо понимаетъ онъ свои общественныя обязанности, какъ безцеремонно морочить онъ своихъ читателей!

А между тѣмъ, внутренніе вопросы не исчезаютъ, не обра-щаются въ дымъ предъ мановеніемъ волшебнаго жезла г. Суворина, но съ непреклоннымъ, желѣзнымъ упорствомъ заявляютъ о своемъ существованіи, и только совершенно законопаченныя уши не слышатъ ихъ громкаго, предостерегающаго голоса. Покуда гг. русскіе публицисты препирались о томъ, водится-ли на свѣтѣ дикій звѣрь, называемый внутреннимъ вопросомъ, одинъ изъ этихъ дикихъ звѣрей подерался къ станицѣ Ветлянкѣ, въ астраханской губерніи, и, опустошивъ ее, подавивъ ее, ринулся далѣе, распространяя панику вокругъ себя. Утвердивъ за ветлянскою болѣзнью названіе чумы, профессоръ Боткинъ еще болѣе обрадовалъ россиянь, присовокупивъ, что изъ всѣхъ видовъ чумы этотъ видъ—наиболѣе острый, убійственный и совсѣмъ недоступный, по своей скоротечности, клиническому лѣченію, а именно, что это—индійская чума или, такъ-называемая *черная смерть*. Сюрпризъ неожиданный, бьющій, какъ обухомъ по лбу. Правда, что докторъ Эйхвальдъ, самолично отправившійся „на мѣсто чумы“ и изслѣдовавшій ее вмѣстѣ съ иностранными врачами-делегатами, заявилъ, что это была не черная смерть, а левантійская чума. Мы не знаемъ, какой изъ этихъ видовъ эпидеміи хуже, но положительно знаемъ, что одинаково скверно умирать и отъ того, и отъ другого и что ни тотъ, ни другой неизслѣдованы подробно нашими медицинскими авторитетами...

О чумѣ говорилось уже въ февральской книжкѣ нашего журнала, но за послѣдній мѣсяцъ обнаружилось нѣсколько новыхъ

фактовъ, да и старыя освѣтились иначе; поэтому мы не считаемъ лишнимъ бросить ретроспективный взглядъ на всю эту трагикомическую исторію.

Оказалось, что одинъ изъ казачьихъ полковъ, вернувшись въ свою станицу изъ Малой Азіи, принесъ съ собою, въ видѣ турецкой контрибуціи, элементы чумной заразы, которые, въ *подходящій для нихъ санитарной средѣ астраханской губерніи* и, въ особенности, станицъ, занимающихся рыбной промышленностью, скоро акклиматизировались и принесли обильный плодъ. Зерно упало на благодарную почву, удобренную всякою гнилью и насыщенную миазмами. Распорядительность мѣстныхъ властей прибавила еще одно благоприятное условіе для распространенія заразы. По словамъ корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“ (источника, вполне благонадежнаго по части уваженія къ существующимъ порядкамъ) зараза появилась двумя мѣсяцами раньше, чѣмъ мы узнали о ней что-нибудь; мѣстныя власти мирно почивали въ блаженномъ невѣденіи, а зараза тѣмъ временемъ не дремала. Первый случай заболѣванія произошелъ 10 октября прошлаго года: заболѣлъ и умеръ одинъ пожилой казакъ, и затѣмъ случаи эти все повторялись да повторялись. Въ концѣ октября возвратились въ Ветлянку бывшіе въ Турціи казаки, и послѣ 15 ноября повторенія смертныхъ случаевъ участились. Съ увеличеніемъ смертности въ концѣ ноября, перепуганные жители наложили на себя строгій постъ, тоже не мало способствовавшій ухудшенію гигиеническихъ условій, и постановили отправлять ежедневныя богослуженія. Въ небольшой станичной церкви собиралось почти все населеніе по нѣскольку разъ въ день, и такъ-какъ въ ней-же стояли гробы съ жертвами болѣзни, то зараза, естественно, стала еще сильнѣе. (Это очень близкое повтореніе той исторіи, которая, сто лѣтъ назадъ, разыгрывалась въ Москвѣ, въ часовнѣ Иверской Божіей матери.)

Только въ концѣ ноября, т. е. полтора мѣсяца спустя послѣ обнаруженія болѣзни, былъ „откомандированъ“ въ Ветлянку докторъ Кохъ, но, по странной забывчивости, *безъ всякихъ врачебныхъ средствъ*. Первымъ узналъ объ этой болѣзни въ Астрахани тамошній комерсантъ г. Платоновъ, получившій увѣдомленіе отъ своего повѣреннаго изъ Ветлянки. Онъ немедленно отправился къ казачьему атаману, который, какъ оказалось, не получалъ еще свѣденій объ этомъ предметѣ. Атаманъ распорядился послать старшаго врача казачьяго войска, и тотъ, выѣхавъ изъ Астрахани, вскорѣ заявилъ, что неизвѣстная болѣзнь — ничто иное, какъ возвратная горячка, — хотя эта горячка не влечетъ за собою ни гангренозныхъ пятенъ, ни опухолей желѣзъ въ пахахъ и на гру-

ди, что было уже замѣчено въ Ветлянкѣ. Однако, извѣстiя, вслѣдъ затѣмъ полученныя изъ того-же мѣста, не оставляли никакого сомнѣнiя, что заключенiе врача ошибочно. Оказалось, что загадочная болѣзнь обладаетъ тѣми-же самыми симптомами, какъ и болѣзнь, свирѣпствовавшая въ прошломъ году въ Персiи, въ Рештѣ; что въ станицѣ, раздѣленной пополамъ площадью, мрутъ люди, живущiе по одну сторону площади, тогда какъ живущiе по другую сторону остаются невредимы; что, наконецъ, смерть похищаетъ цѣлыя семейства. Тогда дѣло приняло серьезный оборотъ: стали поговаривать, что въ Ветлянкѣ гнѣздится не горячка, а подлинная чума. Снова былъ командированъ, все отъ того-же военного начальства, тотъ-же казачiй врачъ, который, благоразумно самъ оставшись въ резервѣ, выслалъ въ злополучную станицу фельдшеровъ для ученой экспертизы. Но вотъ пронесся слухъ, что двое изъ командированныхъ фельдшеровъ заболѣли и умерли. Казачiй докторъ рѣшилъ, наконецъ, что вокругъ станицы необходимо установить карантинъ; но рѣшенiе это, какъ говорить „Русская Правда“, пролежало отъ 11 часовъ вечера до 11 часовъ утра, пока было утверждено, къѣмъ слѣдуетъ. Впродолженiи всей этой исторiи, по словамъ той-же газеты, мѣстное гражданское вѣдомство хотя и могло предвидѣть опасность, угрожающую отъ страшной болѣзни не только Астрахани, но и всей Россiи, — не рѣшалось, однако, принимать какiя-либо мѣры, опасаясь переступить предѣлы своей компетентности и войти въ „пререканiя“ съ военнымъ начальствомъ. Только послѣ установленiя карантина, гражданское вѣдомство, уже игнорируя вопросъ о томъ, подвѣдомствененъ-ли ему это дѣло или нѣтъ, послало въ Ветлянку врача Пфунта; но, не дождавшись его прибытiя, командировало туда самого инспектора врачебной управы, который опредѣлилъ, что загадочная болѣзнь, дѣйствительно, — чума. Такимъ образомъ, принципъ раздѣленiя властей въ астраханской губернiи, изъ которыхъ ни одна не знаетъ, какъ взяться за дѣло въ критическую минуту, — этотъ принципъ оказался всего болѣе на-руку „ветлянской эпидемiи“. Но кромѣ раздѣленiя властей обнаружались еще и другiя причины, о которыхъ наши газетчики, занятые юварствомъ Биконсфильда и непочтительностью Гамбеты, узнали только тогда, когда бѣда уже стрясалась надъ головою...

Съ той минуты, какъ фактъ заразы въ астраханской губернiи сдѣлался официально-признаннымъ фактомъ, Царицынъ сталъ центральнымъ пунктомъ, въ которомъ сосредоточились всѣ „мѣропрятiя“ по поводу чумы и куда направились живые свидѣтели болѣзни изъ наиболее опасныхъ мѣстъ. Какъ только районъ наблюдений расширился, изъ Царицына полетѣли въ Петербургъ

чрезвычайно интересныя извѣстія объ условіяхъ, способствовавшихъ развитію болѣзни. Санитарная обстановка нашихъ провинцій, быть нашего рабочаго въ рукахъ промышленныхъ кулаковъ— все это выступило на свѣтъ божій въ самыхъ рельефныхъ краскахъ, способныхъ привести въ ужасъ самаго невзыскательнаго и апатичнаго человѣка. Врачи, работающіе въ зараженныхъ мѣстностяхъ, задались вопросами: откуда взялась чума? Почему она проявилась въ Ветлянкѣ? Не проявлялась-ли она прежде въ уѣздахъ астраханской губерніи? Отвѣты получились самые неутѣшительные для нашего „просвѣтительнаго призванія“ на Востока, такъ что нѣкоторые наблюдатели пришли даже къ убѣжденію, что чуму не зачѣмъ было и заносить изъ Турціи, что она *могла самостоятельно зародиться* въ предѣлахъ нашего отечества. „Все, что я до сихъ поръ наблюдалъ и слышалъ, пишетъ одинъ изъ врачей, — приводитъ меня къ убѣжденію, что астраханская губернія представляетъ собою, если можно такъ выразиться, конгломератъ заразы. Нигдѣ еще я не видѣлъ такого бѣдственнаго положенія рабочихъ, какъ въ астраханской губерніи. Здѣсь они мрутъ повально, цѣлыми партіями,—и это не останавливаетъ на себѣ ничего вниманія, не возбуждаетъ хотя-бы и простого любопытства. Нигдѣ также я не видѣлъ такихъ грубыхъ, невѣжественныхъ хозяевъ, какъ въ этой губерніи. Они положительно не въ состояніи возвыситься до уваженія въ рабочемъ человѣка. Рабочіе ѣдятъ негодные отброски, употребляютъ въ пищу вонючую, грязную, отвратительную соль, кристаллизующуюся изъ раскола при соленіи рыбы; они помѣщаются въ такихъ ужасныхъ конурахъ, хуже которыхъ не найти ни въ какихъ русскихъ трущобахъ“.

Во всемъ Поволжьѣ астраханской губерніи основной промыселъ—рыбный. Рыбные склады, заведенія для сушенія, вяленія, соленія и копченія рыбы представляютъ собою такія вонючія клоаки, въ которыхъ немислимой кажется никакая органическая жизнь, кромѣ тѣхъ злобачественныхъ грибовъ, которымъ обязано человѣчество всевозможными заразительными болѣзнями. А между тѣмъ, исключительно въ этихъ именно помѣщеніяхъ и живутъ рабочіе. Неудивительно, поэтому, что на тѣхъ самыхъ нарахъ, гдѣ складывается соленая, копченая или вяленая рыба, умираютъ въ одну ночь нѣсколько рабочихъ. И это проходитъ безнаказанно, безслѣдно.

Другой корреспондентъ описываетъ самый процессъ соленія рыбы съ такими изумительными подробностями, что если дать ихъ прочесть какому-нибудь гастроному передъ закуской, то у него навѣрное отшибетъ сразу вкусъ ко всемъ продуктамъ астраханской

рыбной промышленности. Соленая рыбка, въ особенности „съ душкомъ“, положительно не полѣзетъ теперь въ ротъ брезгливому человеку.

Ветлянка представляетъ собою одинъ изъ самыхъ крупныхъ торговыхъ центровъ того края. Самое зажиточное населеніе здѣсь — элементъ пришлый, торговый, главнымъ образомъ, рыбопромышленники. Вонючесть ларей для соленія рыбы, негодность помѣщенія для рабочихъ превосходитъ здѣсь всякое вѣроятіе. А говорятъ еще, что самые негодные лари уничтожены! Все, что удалось собрать на мѣстѣ относительно смертности рабочихъ въ Ветлянкѣ, доказываетъ, что смертность была очень велика и за послѣдніе годы чувствительно повышалась, сообразно тому, какъ превращались въ одну сплошную, миазматическую массу и лари для соленія рыбы, и помѣщенія для рабочихъ. Повышеніе смертности сдѣлалось особенно замѣтнымъ еще лѣтомъ 1878 г., когда война поистощила силы мѣстнаго казачьяго населенія. Вообще, все, что удалось узнать врачамъ и корреспондентамъ касательно болѣзненности и смертности въ астраханской губерніи, требуетъ немедленнаго, тщательнаго изслѣдованія этой губерніи въ санитарномъ отношеніи. Заѣзжимъ людямъ неоднократно приходилось слышать о *поголовномъ почти вымираніи цѣлыхъ селеній* изъ разряда бѣднѣйшихъ. Такъ, на примѣръ, одинъ старикъ священникъ рассказывалъ, что, на его памяти, въ енотаевскомъ уѣздѣ было три случая поголовнаго вымиранія небольшихъ поселковъ („Новыя мѣста“); если остался кто-нибудь въ живыхъ, то только изъ тѣхъ, которые успѣли убѣжать. Послѣдній случай вымиранія одного изъ такихъ поселковъ былъ, по словамъ священника, лѣтъ семь-восемь назадъ. Особенно печальною является на нижнемъ поволожѣ судьба той части рабочихъ, которая слыветъ тамъ подъ именемъ „золотой роты“, т. е. безпаспортные, гулящіе люди, лишеныя всякаго покровительства закона. Это лучшіе работники на всемъ понизовѣ Волги. Одного такого гулящаго человека купецъ-рыбникъ не промѣняетъ на двухъ паспортниковъ; только съ этимъ человекомъ можно продѣлывать какія угодно штуки, и самая жизнь его, по прихоти кулака, можетъ быть оборвана, во всякую минуту, какъ посконная нитка.

Въ составъ этой золотой роты попадаютъ часто вовсе не преступники, и вообще паспортная система, о преобразованіи которой уже давно идетъ рѣчь, представила такія наглядныя доказательства своей стѣснительности, что пора-бы хоть теперь серьезно заняться ея пересмотромъ. Ни фискальная, ни полицейская цѣли, очевидно, не достигаются ею, но дешевѣетъ только народный трудъ, къ выгодѣ промышленниковъ, которые и безъ того не несутъ

убытковъ отъ своихъ операций и никакого поощренія въ этомъ смыслѣ не требуютъ.

Разоблаченіе всѣхъ тайствъ астраханскаго рыбнаго промысла, конечно, пришлось не по вкусу тамошнимъ кулакамъ-промышленникамъ, и они, естественно, взволновались и разлютовались, — до такой даже степени, что готовы были призвать къ суду всѣхъ газетныхъ корреспондентовъ за диффамацию... бѣлуги и осетровой икры. Надо думать, что эти воинствующие комерсанты были глубоко обрадованы заявленіемъ г. Каткова, что никакой тамъ чумы нѣтъ и не было, и что ее выдумали петербургскіе нигилисты и измѣнники, съ г. Боткинымъ во главѣ. Это былъ чистый елей на зияющія раны ихъ купеческаго сердца и кармана! Благодаря этому неожиданному открытію, всякіе карантинныя становились излишними, очистка „ларей“ и „ватагъ“ — вздорною прихотью, забота о несчастномъ положеніи рабочаго люда—посагательствомъ на священные интересы російской торговли. Правда, что выходка московскаго полицей-публициста дала основательный поводъ усомниться въ благополучномъ состояніи его умственныхъ способностей; но все же и такой союзникъ, за неимѣніемъ другихъ, былъ настоящимъ вкладомъ для купцовъ, торгующихъ протухлою рыбою. Нѣсколько расхрабренныхъ комерсантовъ пригласили даже г. Молчанова (корреспондента „Новаго Времени“) прокатиться на ихъ коштъ къ астраханскимъ ларямъ и ватагамъ, дабы лично убѣдиться, что пахнутъ эти лари не человѣческими экспериментами и воплю загнившей рыбы (какъ легкомысленно увѣрялъ корреспондентъ), но что они, напротивъ, отдаютъ благоуханнѣйшимъ запахомъ fleur d'orange и bouquet de l'impératrice... Но прежде, чѣмъ г. Молчановъ забрался въ гости къ тароватымъ купцамъ, комисія, учрежденная гр. Лорисъ-Меликовымъ, успѣла добраться до этихъ самыхъ ларей и ватагъ, истребила тамъ гнилую рыбу и негодный къ употребленію рассоль (тузлукъ), а также постановила нѣкоторыя правила, обезпечивающія, хоть сколько-нибудь, человѣческое помѣщеніе и продовольствіе рабочихъ, невымиравшихъ массою каждый годъ только потому, что это было-бы невыгодно для ихъ патроновъ. Требования комисіи таковы: 1) Чтобы казармы для рабочихъ были вездѣ устроены съ полами, а въ случаѣ неимѣнія ихъ—приобрѣтены кибитки или камышевыя шалаши, причемъ полъ какъ въ кибиткахъ, такъ и въ шалашахъ былъ-бы устланъ камышемъ. 2) Помѣщенія для женщинъ и мужчинъ должны быть совершенно отдѣльными. 3) Нары въ два и болѣе ярусовъ дѣлать воспрещается. 4) На каждого человѣка въ казармахъ полагается на нарахъ пространство въ два шага, считая на каждые двадцать шаговъ десять человѣкъ. 5) Обязательно устройство бань для рабочихъ.

6) Рабочіе обязаны ежедневно, возвращаясь съ работы, на ночь переодѣваться въ сухое платье. 7) Втеченіи поста имъ должны быть отпускаемы въ достаточномъ количествѣ лукъ и чеснокъ, а въ скоромные дни, по желанію рабочихъ, не менѣе 2 разъ въ недѣлю мясо. Сверхъ того, предположено для заболѣвающихъ рабочихъ устроить нѣсколько лечебницъ и фельдшерскихъ пунктовъ насчетъ правительства, съ тѣмъ, чтобы эти издержки были возмѣщены, по разверсткѣ, на всѣхъ рыбопромышленниковъ. Если понадобилось установить всѣ эти обязательныя правила, то ясно, какіе порядки господствовали до сихъ поръ у астраханскихъ патроновъ. Очевидно, стало быть, что на этихъ ватагахъ рабочіе жили впроголодь, спали въ мокромъ платьѣ на двухъэтажныхъ нарахъ, задыхаясь отъ тѣсноты и испорченнаго воздуха, или просто на голой и сырой землѣ; что женщины не отдѣлялись отъ мужчинъ и что заболѣвшему рабочему оставалось только, не ропща, мирно отходить къ праотцамъ. Некстати вздумали протестовать противъ изобличеній, „господа купечество“!!

Какое пошъ, такое и приходъ. Не мудрено, что такой порядокъ завелся на Волгѣ, когда главнымъ дѣятелемъ въ этой организаціи труда и промышленности является всеѣмъ намъ хорошо знакомый *рассейскій* купецъ того типа, который увѣковѣченъ комедіями Островскаго, или, что еще хуже, купеческій привазчикъ. Этотъ типъ существуетъ здѣсь въ трехъ видахъ: въ качествѣ степного торговца, землевладѣльца и рыбопромышленника. Какъ степные торговцы, „господа купечество“ ведутъ себя слѣдующимъ образомъ. Закладывается парой телѣга, набитая до верху всякимъ мануфактурнымъ отребьемъ, и на ней купецъ отправляется въ степь. Готовый всегда „претерпѣть“, простодушный дикарь-калмыкъ платитъ все, что съ него спрашиваютъ, и кротко переноситъ идущіе въ придачу къ товару побои купца, какъ нѣчто предписанное свыше. Но этимъ барышемъ купецъ не довольствуется. Онъ отправляется въ глубину степей за настоящимъ кладомъ. Вотъ до его чуткаго носа долетаетъ по вѣтру запахъ труповъ, и на этотъ „душокъ“ купецъ скачетъ, сломя голову. Онъ видитъ передъ собой раздолье — покинутыя кибитки и кругомъ ихъ мертвыя тѣла. Когда-то и чѣмъ-то заболѣла здѣсь калмыцкая семья; орда тотчасъ покинула ее и въ страхѣ откочевала далеко. Не теряя золотого времени, купецъ обдираетъ трупы, грузитъ въ свою телѣгу весь зараженный скарбъ изъ кибитки и везетъ его... прямехонько въ Ветлянку, — въ нее путь изъ степи наилучшій. Отъ какихъ болѣстей умерла калмыцкая семья, отчего передохъ скоть — нашему санитару и дѣла мало, лишь-бы сбыть во-время и по хорошей цѣнѣ счастливую находку.

Покровительствуя мужскому труду и награждая заразой лежащія вокруг калмыцкой степи селенія, „господа купечество“ не забываютъ и женскаго труда, тѣмъ болѣе, что онъ соединенъ для нихъ съ особыми удовольствіями. Поэтому женскій трудъ здѣсь въ большой модѣ. Деревенскія женщины и дѣвушки не только могутъ, полютъ и исполняютъ другія сравнительно-легкія работы, но даже пахутъ, сѣютъ и переносятъ тяжести, — словомъ, вторгаются въ область спеціального мужскаго труда, надрывая свои силы, что отражается прямо и на судьбѣ будущаго поколѣнія. Купцы и ихъ приващійи всегда норовятъ набрать къ себѣ въ работу какъ можно больше „прекраснаго пола“ и поменьше мужчинъ. Это и дешево, и приятно. Во время работы нанявшіяся женщины обязываются безпрекословно исполнять не только всѣ приказанія, но и служить всѣмъ похотямъ купца. День проводятъ онѣ въ полѣ, на берегу, а ночью превращаются въ одалисокъ какъ самого купца, такъ и его купческаго штаба. О такой службѣ, конечно, не договариваются, но она подразумевается по обычаю. „Спросите о нравственности здѣшнихъ станицъ (разсказываетъ г. Молчановъ). О, народъ строгій! они у купцовъ не работаютъ, отвѣтятъ вамъ про одну станицу. Въ-концѣ-концовъ, села и станицы, живущія заработками у купческаго кармана, превращаются въ оазисы сифилиса, до которыхъ дотронуться страшно. Къ числу таковыхъ принадлежала Ветлянка, и когда въ ней люди умирали, край говорилъ: да какъ-же имъ не умирать-то, прогнали они до костей. Болѣе дальновидные люди прибавляли: охъ, что-то ужъ шибко пошла торговать наша Ветлянка и рыбой, и мясомъ— не сдобровать ей. Эти пророчества раздавались съ особеннымъ удареніемъ втеченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, съ проведеніемъ желѣзной дороги въ Царицынъ. Такія думы, конечно, нѣсколько подготовили сосѣдей Ветлянки къ появленію въ ней мора. Сразу никто изъ знавшихъ ее не повѣрилъ заносу эпидеміи. „Не чужая, своя собственная у нихъ болѣзнь приключилась“, утверждали всѣ. Когда-же заносъ болѣзни былъ якобы подтвержденъ названіемъ ея чумой, то, естественно, не повѣрили также, что эпидемія — чума. „Если чума не могла родиться въ Ветлянкѣ, такъ и не чума это“, заговорилъ народъ. Этотъ скептицизмъ живетъ въ низовьяхъ до сихъ поръ, и возможно-ли отнять у него нѣкоторую логичность основаній?“

Что касается характеристическаго признака болѣзни—распуханія железъ, то и его объясняютъ на мѣстѣ все тѣмъ-же распространеніемъ сифилиса. Народъ разсказываетъ, что у сифилитиковъ и ихъ золотушныхъ потомковъ всегда такъ бываетъ: чуть собрался помирать человѣкъ, у него ужъ и вскочилъ желвакъ, а

коли на выздоровленіе пойдетъ, такъ съ желвака нарывъ подѣляется, лопнетъ, потечетъ, и сейчасъ легче станетъ. Если вѣрять этимъ разсказамъ, то оказывается, что вспуханіе железъ, при сильномъ жарѣ горячки или тифа, было постояннымъ тутъ издавна.

Ясно, что какъ для блага астраханской губерніи, такъ и для безопасности всей остальной Россіи, необходимо пообчистить, какъ слѣдуетъ, всѣ углы и закоулки этой дореформенной губерніи и призвать ее къ жизни на новыхъ основаніяхъ. Сжечь Ветлянку и другія зачумленныя мѣстности — мѣра очень нехитрая; но этимъ однимъ не достигнешь той серьезной цѣли, которая должна быть поставлена на виду у всѣхъ. Что толку истреблять огнемъ эти селенія, когда завтра-же на ихъ мѣстѣ возникнутъ точно такія-же, когда, наконецъ, рядомъ съ этими пепелищами останутся нетронутыми другіе источники и расадники заразы, когда тѣ-же рыбопромышленники будутъ эксплуатировать рабочее населеніе, образуя на всѣхъ путяхъ своихъ міазматическія и сифилитическія гнѣзда? Положимъ, что въ настоящее время чума затихла или даже совсѣмъ прекратилась, но что-то еще будетъ съ наступленіемъ весны? Этотъ вопросъ для насъ равняется теперь гамлетовскому: „быть или не быть“, особенно въ виду тѣхъ предосторожностей, которыя принимаются противъ насъ западною Европой.

Нѣтъ худа безъ добра, и ветлянская гостья оказала намъ не малую услугу, задавъ хорошую остротку нашимъ безлечнымъ обывателямъ, привыкшимъ лежать въ навозѣ и задыхаться всяческими міазмами и зловоніями. Городскія думы внезапно встрепенулись, повинуюсь русской пословицѣ: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится. Въ Саратовѣ, въ этой „столицѣ Поволжья“, отличающейся далеко не столичною грязью и разными санитарными безобразіями, тоже взялись за умъ и начали внимательно осматривать и обнюхивать всю ту мерзость, отъ которой привычные носы перестали даже и отворачиваться. Недавно санитарные блюстители забрели тамъ въ какую-то колбасную лавку и наткнулись на такое громадное количество протухлаго мяса, приготовленнаго для вкушенія въ видѣ сосисекъ и колбасъ, что этого одного было-бы совершенно достаточно для отравленія нѣсколькихъ сотъ мирныхъ гражданъ. И есть надежда, что такихъ колбасныхъ лавокъ въ Саратовѣ отыщется не одна, да не менѣе счастливыя находки предстоятъ, можетъ быть, при осмотрѣ другихъ лавокъ и трактировъ. Со вскрытіемъ Волги, ветлянкой гостьѣ не трудно будетъ пожаловать въ столицу Поволжья—себя показать и людей посмотреть,—и саратовскому муниципалитету нужно держать ухо востро.

Впрочемъ, саратовцы—народъ храбрый и, отпраздновавъ тру-

су, вскорѣ почувствовали себя настолько „свободно“, что могли даже устроить *пиръ во время чумы*. Страннымъ образомъ, мѣсто для этого пира пашлось въ городскомъ избирательномъ собраніи 28 и 29 декабря. Въ первый день явилось 297 избирателей, которые имѣли за себя и по довѣренности 349 голосовъ. Большинство этихъ избирателей (220) состояли изъ *винооторовцевъ*, приведшихъ съ собою въ собраніе цѣлую фалангу кабатчиковъ и цѣловальниковъ, которые во что-бы то ни стало должны были вытянуть въ гласные своихъ патроновъ-виночерпиевъ, побитыхъ наповаль на двухъ предшествовавшихъ выборахъ. Столь дружное нашествіе винныхъ воротилъ на избирательное собраніе не могло, конечно, остаться безъ послѣдствій, и они успѣли одержать побѣду: въ этотъ день ими проведено въ гласные 11 человекъ почти исключительно изъ винооторговцевъ. По своему характеру, это собраніе напоминало скорѣе сельскую сходку съ магарычами, чѣмъ собраніе городскихъ представителей. Разнокалиберная толпа сабутыльниковъ, по свидѣтельству корреспондента, вела себя слишкомъ непринужденно, чтобы не сказать болѣе. Нѣкоторые изъ городскихъ депутатовъ цѣлый день провели въ буфетѣ, обильно снабжавшемъ ихъ не только чаемъ, но и „русскимъ добромъ“, и только вечеромъ къ выборамъ явились въ залу собранія. Слѣды развязности, внушенной буфетными возліаніями, отражались у этихъ почтенныхъ муниципаловъ какъ на ихъ лицахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ. Для болѣе скорости выборовъ, въ залѣ поставлено было 7 избирательныхъ урнъ. Послѣ каждой балотировки эти урны наполнялись, кромѣ шаровъ, пробками, окурками, мѣдными монетами и т. д. Были даже такіе случаи, что въ урны попадали лишніе шары. Это послѣднее обстоятельство, въ соединеніи съ нѣкоторыми другими, и послужило поводомъ къ протестамъ противъ произведенныхъ выборовъ. Ну, не веселый-ли человекъ саратовскій обыватель? Порылся онъ слегка, для очистки совѣсти, въ колбасныхъ потрохахъ, свалилъ въ ямы кое-какую съѣстную дрянь, а затѣмъ, уже свободный отъ упрека, съ яснымъ челомъ и сознаниемъ исполненнаго гражданскаго долга, принялся за истребленіе... „русскаго добра“.

Чума ему грозитъ

И въ гробъ упрятать хочетъ,

А онъ-то все хохочетъ:

„Да ну ихъ!“ говоритъ;

„Да ну ихъ! вотъ потѣха,

Ей-ей умру!

Вѣ-ей умру!

Ей-ей умру отъ смѣха.

Въ столицѣ говорить,
 Что водка не помѣха;
 Саратовецъ и радъ:
 „Да ну ихъ! вотъ потѣха!
 Давай стаканъ вина!
 Чуму опрыснемъ жонкой, —
 И убѣжить она
 Скорѣй отъ насъ сторовкой!“

Встрепенулись и въ Москвѣ, какъ ни тяжела на подъемъ наша бѣлокаменная... Москва, донныѣ равнодушно взиравшая на азіятскую грязь и вонь не только глухихъ закоулковъ, но и главныхъ своихъ улицъ и площадей, донныѣ убаюкивавшая себя сладкими пѣснями объ историческомъ величїи царь-колокола, царь-пушки и оружейной палаты, — вдругъ вспомнила, что ея санитарныя условія остались почти неизмѣнными со временъ отлитїя царь-колокола, и что при такихъ условїяхъ никакая царь-пушка не отгонитъ чумы отъ священныхъ кремлевскихъ стѣнъ. Въ московской думѣ раздались необычные голоса о замѣнѣ ничего недѣлающей комисіи народнаго здравїя санитарной исполнительнoй комисіей, на которую возложена была бы обязанность привести въ приличный видъ задвѣ дворы, помойныя ямы и ретирадные мѣста, дезинфектировать всѣ эти пристанища заразы, принудить фабрикантовъ позаботиться о достаточномъ количествѣ воздуха въ жилищахъ рабочихъ и пр., и пр. Московскіе думцы заговорили о немедленномъ открытїи бесплатныхъ ночлежныхъ домовъ на 2,000 человекъ, о бесплатномъ же снабженїи ночлежниковъ горячею пищею, о запрещенїи отдавать внаймы гнилые подвалы для человѣческаго жилья, о принятїи эвергическихъ мѣръ, гарантирующихъ прекращенїе доступа людей и привоза товаровъ изъ зараженныхъ мѣстностей. Поднялся, наконецъ, снова и вопросъ о перестройкѣ городскихъ рядовъ, извѣстныхъ каждому подъ названїемъ *ножевой линїи*, — вопросъ, который такъ долго и такъ успѣшно умѣли заминать московскіе „женихи изъ ножевой линїи“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ „ряды“ пришли уже въ такое положенїе, что московскій генераль-губернаторъ нашелся вынужденнымъ обратить благосклонное вниманїе думы на эту сокрушительную и вонючую клоаку. Дума выбрала изъ своей среды комисію для разсмотрѣнїя проекта перестройки, представленнаго извѣстнымъ прожекторомъ Пороховщиковымъ; но въ то-же время владѣльцы лавокъ задумали сами устроить свою комисію и, устроивъ ее, черезъ два года заявили думѣ о томъ, что перестройка рядовъ, пожалуй, дѣйствительно необходима. Дума передала это заявленїе жениховъ

изъ ножевой линіи въ свою думскую комисію, которая разсматривала его *полтора года*, да еще *полтора года* ушло на то, чтобы заявленіе торговцевъ, разсмотрѣнное комисією, было внесено въ общее собраніе думы. Наконецъ, черезъ *пять лѣтъ* послѣдовала резолюція думы, признающая неудовлетворительность свѣденій по новой постройкѣ, и комисіи владѣльцевъ лавокъ предоставлено было собрать болѣе удовлетворительныя данныя. На это опять-таки потребовалось *три года*, а между тѣмъ ряды стали разваливаться и во многихъ мѣстахъ сдѣлались опасными для торговли. Генераль-губернаторъ, терпѣливо ожидавшій *восемь лѣтъ* рѣшенія думы, долженъ былъ выѣзжаться энергически и угрожалъ запрещеніемъ торговли въ линіяхъ съ опустившимися крышами и покачнувшимися стѣнами. Предложеніе генераль-губернатора черезъ *4 мѣсяца* поступило на обсужденіе думы, планъ постройки оказался неудобнымъ, владѣльцамъ лавокъ предписано было представить новый, и на это данъ мѣсяць срока. Этотъ *одинъ мѣсяць* растянулся на *восемь мѣсяцевъ*; но дѣло нисколько не подвинулось впередъ: предсѣдатель комисіи, г. Карцевъ, все кормилъ „завтраками“, но ничего не представилъ кромѣ письма, въ которомъ выразилъ, что онъ, по мѣрѣ силъ, старается. но что будущее находится въ рукахъ божіей. Дума опять обратилась къ комисіи съ просьбой—хотя къ веснѣ окончить порученное ей дѣло. Г. Карцевъ опять отвѣчалъ, что за будущее отвѣчать невозможно и что надо въ этомъ случаѣ уповать на Господа, — чѣмъ и заставилъ-таки гласнаго Самарина выступить съ энергическимъ протестомъ противъ „естественнаго“ хода дѣлъ, потребовавшего 9 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ только на то, чтобы дума узнала, что ея дѣятели ни на вершокъ не подвинулись къ рѣшенію заданнаго имъ вопроса. И вотъ съ такими-то прецедентами, съ такими образчиками городского самоуправленія, московской думѣ пришлось встрѣчать стараго врага, уже знакомаго москвичамъ со временъ Еропкина и Григорія Орлова. Понятно, что страхъ-страхомъ, а московскимъ комерсантамъ, хозяйничающимъ въ управѣ и въ думѣ подъ главнымъ владычествомъ „полотнянщика“ Третьякова, все-таки не хотѣлось-бы очень много истратиться даже на спасеніе своей собственной жизни, и они продолжаютъ кричать караулъ, когда кто-нибудь требуетъ отъ нихъ слишкомъ большихъ жертвъ. Чума—чумой, думаютъ про себя почтенные комерсанты, а все-же попробуемъ обойтись мелочишкою, не затрогивая крупныхъ безобразій и не нанося себѣ чувствительныхъ убытковъ. Съ такою затаенною думою и смѣясь себѣ въ бороды, слушали московскіе купцы горячую рѣчь гласнаго Ланина, который, не довольствуясь вывозомъ нечистотъ, накопившихся въ Москвѣ еще со временъ Тохтамыша, —

попробоваль коснуться (по выраженію другого гласнаго Щепкина) одного изъ „величайшихъ вопросовъ“, волнующихъ человѣчество, а именно необходимости поднять благосостояніе бѣдныхъ классовъ, которые, живя въ отвратительной санитарной обстановкѣ, поневолѣ становятся распространителями эпидемическихъ болѣзней. По мнѣнію гласнаго Щепкина, эти величайшіе вопросы существуютъ только для того, чтобы обсуждать ихъ болѣе или менѣе остроумно въ ученыхъ собраніяхъ, въ книгахъ и рефератахъ, но отнюдь не для того, чтобы ставить ихъ когда-нибудь на очередь для практическаго разрѣшенія. „Побойтесь Бога! замахалъ руками г. Щепкинъ, — когда-жъ тутъ улучшать экономическое положеніе бѣдныхъ классовъ? У насъ въ распоряженіи только два съ половиною мѣсяца до весны, а эта задача разрѣшается вѣками, а не мѣсяцами?“. Возраженія г. Щепкина, конечно, пришлись по душѣ московскимъ комерсантамъ, и „затѣя“ г. Ланина провалилась, не дойдя даже до балотировки. А между тѣмъ, затѣя эта была вовсе не пустая и ужъ никакъ не заслуживала такого пренебрежительнаго отношенія, какое выказали товарищи г. Ланина. „Я стою, говорилъ этотъ enfant terrible московской думы—за учрежденіе комисіи объ улучшеніи благосостоянія бѣдныхъ классовъ населенія и прошу васъ, г. городской голова, поставить мое предложеніе на балотировку. Въ этихъ бѣдныхъ лачугахъ, въ этихъ смрадныхъ подвалахъ, гдѣ нѣтъ ни свѣта, ни воздуха, гдѣ огромная семья ютится на пространствѣ двухъ, трехъ квадратныхъ сажень, гдѣ голодно и холодно, гдѣ во всемъ недостатокъ, гдѣ часто нѣтъ куска хлѣба—вотъ гдѣ „обѣтованная земля“ для всякой эпидеміи, повальной болѣзни, для всякой заразы. Очистите эти гнѣзда нищеты, выведите этихъ людей изъ ихъ ужасающей обстановки, дайте имъ воздуха, свѣта, дайте имъ человѣческое жилье, здоровую пищу, вмѣсто гнили, одежду, прикрывающую ихъ наготу, вмѣсто рубища—и *вы разрѣшите вопросъ, васъ справедливо заботящій, потому что вы уничтожите дѣйствительныя гнѣзда заразы.* И это ваша обязанность: вы тратите сотни тысячъ на мавзолеи, на гранитныя набережныя— *испратьте сотни тысячъ на людскую нужду, на очищеніе тѣхъ смрадныхъ вертеповъ, въ которыхъ она скрывается отъ вашихъ глазъ,—и вы очистите Москву отъ гнѣздилищъ человѣческой заразы.* Я повторяю еще разъ, я высказываю настойчиво мое мнѣніе, я ставлю его прямо, какъ честный гражданинъ, я требую балотировки вопроса объ учрежденіи комисіи для изысканія мѣръ къ улучшенію экономическаго быта бѣднаго класса городского населенія“.

Смѣшного въ этомъ предложеніи ничего не было, а между тѣмъ московскіе гласные улыбались, слушая это заявленіе, и въ-концѣ-

концовъ, порѣшили ограничиться одною лишь дезинфекціей во-
нющихъ мѣстъ, согласно мнѣнію г. Щепкина. Конечно, можно ска-
зать, что изъ комисіи, проектировавшаго г. Ланинымъ, все равно
ничего-бы не вышло, какъ изъ всѣхъ подобнаго рода комисій, и
благосостояніе бѣдныхъ классовъ едва-ли поднялось-бы вслѣдствіе
краснорѣчивыхъ дебатовъ этого ареопага; но во всякомъ случаѣ
дезинфекцію жилищъ могла-бы съ успѣхомъ произвести и ланин-
ская комисія, по крайней мѣрѣ, съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ
комисія щепкинская.

Спрашивается только: на долго-ли будетъ дѣйствительна эта
дезинфекція, когда экономическія условія рабочаго быта останутся
безъ всякаго измѣненія къ лучшему, когда московская дума при-
знала самый вопросъ этотъ за какой-то *bête noire*, которому не
слѣдъ и появиться въ купеческой говорильнѣ?! Вѣдь очищенные
мѣста, черезъ два, три мѣсяца, вновь завоняютъ; въ жилыхъ под-
валахъ и даже въ кабинетахъ гласныхъ вновь накопятся гниль и
міазмы; протухлая провизія снова появится на рынкѣ—и развѣ что
новая эпидемія заставитъ опять подумать объ этихъ докучныхъ
матеріяхъ!

Чичиковъ говорилъ, что онъ „благоговѣтъ передъ закономъ“.
Московская дума, не уступая въ благонамѣренности гоголевскому
герою, тоже можетъ сказать, что она „благоговѣтъ передъ наукой“.
Похохотавъ вдоволь надъ „несвоевременнымъ“ и „непрактичнымъ“
предложеніемъ г. Ланина, московская дума надумалась снарядить
на свой счетъ ученую экспедицію въ зараженную мѣстность, для
точного и всесторонняго изслѣдованія свирѣпствующей эпидеміи.
Ученая экспедиція—дѣло безвредное, тѣмъ болѣе, что ея экспер-
тиза будетъ производиться далеко отъ Москвы, а выводы, къ ко-
торымъ она можетъ привести, задѣнутъ интересы не московскихъ,
но астраханскихъ промышленниковъ. Ну, а Москва, какъ извѣстно,
чужимъ слезамъ не потакаетъ!

Но вотъ бѣда: для ученой экспедиціи въ зараженный край
надо имѣть значительную дозу самоотверженности и дѣйстви-
тельной любви къ наукѣ, а эти качества довольно трудно отыскать
въ нашъ практический вѣкъ, и еще труднѣе найти ихъ въ такомъ
центрѣ практичности, какъ нашъ первопрестольный градъ. Толкну-
лась-было дума въ двери московскаго медицинскаго факультета,
но ученые медики въ отвѣтъ на официальное обращеніе къ нимъ
городскаго голсы съ просьбою, отъ имени города, указать лицо,
которое могло-бы принять на себя руководство ученою экспеди-
ціею для изслѣдованія эпидеміи, — откровенно заявили, что они
не только не находятъ въ своей средѣ такого человѣка, но отка-
зываются даже принять на себя трудъ поискать его внѣ москов-

скаго университета и совѣтуютъ думѣ попробовать вызвать охотника черезъ публикацію, подобно тому, какъ это дѣлается со всякаго рода подрядами. Совѣтъ очень разсудительный и, главное, вполне безопасный для дающихъ его... „Моя хата, молъ, съ краю — ничего не знаю!“ Получивъ такой отпоръ отъ своего университета, московская дума обратилась къ кievскому профессору Минху, — лицу, хорошо извѣстному въ нашемъ медицинскомъ мiрѣ, — который и пристыдилъ своимъ отвѣтомъ всю московскую ученую корпорацію. Во-первыхъ, г. Минхъ немедленно изъявилъ согласіе отправиться въ зачумленный край; во-вторыхъ, отказался отъ солиднаго денежнаго вознагражденія, лично ему предложеннаго, а въ-третьихъ, и сумму въ 10,000 руб., асигнованную Москвою на экспедицію, предложилъ, по приѣздѣ на мѣсто, передать въ ближайшую земскую управу съ тѣмъ, чтобы оттуда получать нужныя средства по мѣрѣ дѣйствительной надобности. Благородная рѣшимость профессора Минха вывела московскую думу изъ тяжелаго затрудненія—разыскивать по всей Москвѣ „человѣка“ съ діогеновымъ фонаремъ въ рукахъ и съ приманкою нѣсколькихъ тысячъ кредитныхъ рублей. Получивъ согласіе профессора Минха, московскій городской голова, конечно, несказанно обрадовался, что съ думскихъ плечъ свалилась тяжелая обуза отысканія человѣка и въ благодарственномъ письмѣ къ ученому профессору излилъ цѣлый потокъ чисто-цицероноваго краснорѣчія. Въ этомъ письмѣ упоминаются и „невольный страхъ, охватившій не только Москву, но и всю Европу“, и „призваніе московской думы—стоять на стражѣ благосостоянія городского населенія“ (мы видѣли выше, насколько серьезно относится московская дума къ вопросамъ городского благосостоянія), и „невозможность вступить въ борьбу съ врагомъ, когда не извѣданы его силы“. Все это клонится къ тому, чтобы доказать, что Москва исполнила свой патриотическій долгъ, задумавъ ученую экспедицію для изслѣдованія свойствъ болѣзни и ея проявленій. „Но какъ исполнить это предпріятіе? патетически восклицаетъ г. Третьяковъ,—гдѣ искать доблестнаго служителя науки, который рѣшился-бы принять на себя исполненіе этого тяжелаго дѣла? Вотъ вопросъ, передъ которымъ остановилось на минуту въ глубокомъ раздумьѣ московское городское управленіе. Но лишь только было произнесено ваше славное ученое имя, какъ рушились сами собою всѣ трудности, страхъ и опасенія за счастливый исходъ предпріятія“.

Быть можетъ, г. Третьяковъ слишкомъ смѣло поручился за счастливый исходъ предпріятія, руководимаго профессоромъ Минхомъ, но будущій историкъ чумы отмѣтитъ съ грустью тотъ фактъ, что подобное предпріятіе, каковы-бы ни были его результаты

могло быть приведено въ исполненіе только благодаря тому, что не всѣ „служители науки“ послѣдовали примѣру московскихъ ученыхъ медиковъ.

Санитарное движеніе, охватившее теперь всю Россію, дошло наконецъ, и до нашей невской столицы, которая съ давнихъ поръ сохраняетъ за собою привилегію морить людей, ссылаясь на дурной климатъ и болотистую мѣстность. Что здѣшній климатъ дуренъ, противъ этого едва-ли кто станетъ спорить, но что болотистую мѣстность возможно осушить и что это обстоятельство отразилось-бы на улучшеніи климата, — съ этимъ также слѣдуетъ согласиться, а потому, значить, и вѣчныя ссылки на климатическія условія, какъ на что-то, радикально препятствующее оздоровленію города, должны приниматься съ нѣкоторою осторожностью. Кромѣ того, дурной воздухъ зависитъ не отъ одной лишь болотистой почвы, но въ значительной мѣрѣ отъ соблюденія различныхъ санитарныхъ требованій, которыя систематически пренебрегаются въ Петербургѣ. Въ настоящее время, во всемъ городѣ нѣтъ ни одного клочка земли, производящаго миазмовъ... Да оно и не можетъ быть иначе при существующихъ у насъ способахъ удаленія нечистотъ. Съ самаго основанія города нечистоты, непопадавшія въ Неву, накоплялись въ ямахъ. Когда въ городѣ было еще довольно просторно, эти ямы не очищались вовсе. Теперь въ центрѣ города выгребныя ямы кое-какъ очищаются, хотя при очисткѣ ихъ зловоніе распространяется на двѣ-три версты кругомъ; по окраинамъ-же столицы эти ямы не очищаются и донныя, а обыкновенно, когда одна яма наполнится, домохозяинъ роетъ новую. Въ густо-населенныхъ частяхъ города, гдѣ тѣснота дворовъ не позволяетъ рыть новыхъ ямъ, тамъ производится ихъ очистка, но какая?! Во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, экономные домохозяева только отпояняютъ ямы, чтобы нечистоты не разливались по двору; полной-же очистки никогда не бываетъ, о дезинфекціи нѣтъ и помину. „Если къ этимъ фактамъ, говорить въ своемъ докладѣ городская управа,—присоединить еще то обстоятельство, что выгребныя ямы не изолированы отъ почвы непроницаемыми стѣнками, и что свободное сообщеніе почвенной воды и подпочвы съ нечистотами продолжается непрерывно, то всѣмъ и каждому будетъ понятно, что *вся почва подъ Петербургомъ, а слѣдовательно, и фундаменты зданій насквозь пропитаны нечистотами*“.

Откуда-же тутъ взяться чистому воздуху и зачѣмъ-же сваливать всю бѣду на климатъ? Уже и теперь, замѣчаетъ управа, — вентиляция въ домахъ потеряла всякое значеніе, такъ-какъ обновленіе испорченнаго комнатнаго воздуха вонючей атмосферой дворовъ и улицъ не приноситъ никакого облегченія злосчастнымъ обы-

вателямъ. Переходя отъ воздуха къ водѣ, слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ отношеніи Петербургъ всегда былъ поставленъ въ очень благоприятныя условія, имѣя подъ рукой громадный бассейнъ невской воды. Но петербуржцы съумѣли до того запакоистить Неву, что эта, нѣкогда замѣчательная по чистотѣ воды рѣка становится уже одною изъ главныхъ причинъ болѣзненности Петербурга, благодаря тому, что въ нее спускается вся городская нечистота изъ выгребныхъ и помойныхъ ямъ, съ фабрикъ, барокъ, съ портомоенъ, изъ рыбныхъ садковъ и т. д., что въ нее бросается дохлый скотъ, собаки и всякая дрянь. Что-же касается до городскихъ каналовъ, то они всѣ до одного давно обратились въ клоаки нечистоты и въ резервуары холеры, тифозныхъ болѣзней и проч. Кроме того, Петербургъ принадлежитъ къ числу городовъ съ наиболѣе сгущеннымъ населеніемъ, и, по среднему разсчету, на каждый домъ здѣсь приходится 75 жителей (т. е. больше, чѣмъ въ Лондонѣ и Парижѣ), а это обстоятельство отражается очень чувствительно на процентѣ смертности. Но эта тѣснота средняя; въ отдѣльныхъ-же случаяхъ она бываетъ настолько велика, что въ жилыхъ помѣщеніяхъ воздухъ содержитъ отъ 30 до 50% углекислоты. Разрѣдить эту массу жителей, обезпечить каждому изъ нихъ опредѣленное количество воздуха положительно необходимо для уменьшенія процента смертности. Въ углекислотѣ не могутъ существовать живые организмы, и домохозяевъ нужно обязать, чтобы они не напихивали въ свои дома такое количество жильцовъ, изъ котораго цѣлая половина должна задохнуться въ зараженной атмосферѣ.

Въ виду всего этого нельзя не отнестись сочувственно къ энергіи новаго городского головы, барона П. Л. Корфа, внесшаго недавно на разсмотрѣніе думы весьма обстоятельно составленный проектъ оздоровленія Петербурга. Въ этомъ проектѣ говорилось о необходимости принять рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы гг. домовладѣльцы соблюдали санитарныя требованія, для чего предполагалось учредить особую постоянную санитарную комиссію съ предоставленіемъ ей довольно широкихъ правъ по наблюденію за выполненіемъ этихъ требованій. Но гг. домовладѣльцы, какъ и слѣдовало ожидать, дружно ошетинились противъ этого проекта, и послѣ долгихъ дебатовъ, въ которыхъ высказывались самыя невѣжественныя взгляды на значеніе санитарныхъ условій, предложенная постоянная комиссія превратилась во временную исполнительную комиссію, во главѣ которой сталъ такой крупный медицинскій авторитетъ, какъ... г. Лихачевъ, бывший издатель „Новаго Времени“. Нѣкоторые газетчики признали даже за благо поднать на смѣхъ и самого барона Корфа, и представленный имъ

проектъ, полагая, вѣроятно, что санитарные законы не для рос-
сіянь писаны и что наши выносливые организмы могутъ свободно,
безъ вреда для себя, насыщаться воздухомъ выгребныхъ и помой-
ныхъ ямъ. И откуда только взялась у нашихъ газетныхъ сани-
таровъ такая нѣжная симпатія къ выгребнымъ ямамъ? Не зна-
менуетъ-ли это нѣкотораго, такъ сказать, „средства духа“? Или
это просто „обостренное“ невѣжество, для котораго не суще-
ствуетъ ни науки, ни опыта цивилизованныхъ странъ?

Какъ далеки еще мы, однако, отъ того разумнаго взгляда, ко-
торый высказанъ Спенсеромъ, о значеніи и важности физическихъ
условій жизни! „Позидимому, немногіе сознаютъ, говорить англій-
скій мыслитель, — что существуетъ *физическая нравственность*.
Обычныя слова и дѣйствія людей подразумеваютъ понятіе, что
они вольны обходиться съ своими тѣлами, какъ заблагоразсудится.
Разстройства, происходящія отъ неповиновенія предписаніямъ при-
роды, они разсматриваютъ просто, какъ несчастія, а не какъ слѣд-
ствія своего нелѣпаго поведенія. Несмотря на то, что бѣдствен-
ныя послѣдствія, навлекаемыя на ихъ потомковъ и на дальнѣй-
шія поколѣнія, бывають часто даже значительны, какъ и послѣд-
ствія преступленія, эти люди никогда не считаютъ себя преступ-
никами. Правда, что въ дѣлѣ пьянства нарушеніе физическихъ
законовъ признается преступнымъ; но, повидимому, никто не вы-
водитъ заключенія, что если нарушеніе порочно въ этомъ случаѣ,
то оно таково-же во всѣхъ другихъ случаяхъ. Дѣло въ томъ, что
всѣ нарушенія законовъ здоровья — *физическіе грѣхи*“. Не мѣшало-
бы нашимъ газетчикамъ зарубить себѣ на носу этотъ трезвый
взглядъ серьезнаго писателя и построже относиться къ ежечас-
нымъ нарушеніямъ „физической нравственности“, которыя и дол-
жны отразиться на судьбѣ будущихъ поколѣній.

А число этихъ „грѣховъ“ все растетъ да растетъ, и петербург-
ская почва настолько уже подготовлена къ воспринятію всякихъ
заразныхъ болѣзней, что никто особенно не удивился, когда про-
фессоръ Боткинъ припугнулъ насъ чумою въ образѣ прославлен-
наго отнынѣ дворника Наума Прокофьева. Извѣстіе это произ-
вело, однако, сенсацію, и мнѣніе г. Боткина, — сначала повлек-
шее за собою учрежденіе строгаго карантина какъ надъ самимъ
дворникомъ Прокофьевымъ, такъ и надъ всѣми его сожителями
по подвалу михайловскаго артилерійскаго училища, — было потомъ
официально опровергнуто медицинскими властями; но изслѣдованіе
того подвала, въ которомъ проживалъ Прокофьевъ, повело къ от-
крытіямъ, по истинѣ изумительнымъ. Ординаторъ клиники профе-
сора Боткина, докторъ Бубновъ, осматривалъ подвальное помѣще-
ніе, гдѣ жили дворники и прислуга артилерійскаго училища, и

вотъ какимъ образомъ повѣствовалъ о представившемся ему зрѣлищѣ: „Не бывъ тамъ, нельзя себѣ и представить той ужасной атмосферы, сырости и гнетущаго вліянія на душу человѣка, какія представляютъ эти темные, низкіе подвалы, — настоящіе пещеры. Я поднялъ одну доску въ полу — и прямо подъ ней оказалась вода, даже не вода, а какая-то въ высшей степени смрадная, зловонная жижа.“ — У васъ всегда такъ? спрашиваетъ докторъ окружающихъ. „Ну, это еще благодать: весной и осенью, когда настаеъ распутье, у насъ всегда здѣсь стоитъ вода, иногда чуть не по колѣно“. — И вы ходите съ мокрыми ногами? вопрошаетъ снова недоумѣвающій ординаторъ. — „Всѣ бываемъ мокры, особенно дѣти“, отнѣчаютъ подвальные жильцы. Какая тѣснота и грязь господствовали въ этихъ подземельяхъ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: въ одномъ подвалѣ, вмѣщающемъ въ себѣ 15 куб. саж. воздуха, живетъ 21 человѣкъ, въ другой канурѣ, въ 3 куб. саж., жили двое взрослыхъ и 5 дѣтей. Большинство подваловъ такъ темно, что въ нихъ и днемъ горятъ ночники. Болѣзненность среди обитателей этихъ трупобъ была развита значительно; недавно былъ тамъ случай оспы. По осмотрѣ больного Прокофьева, у котораго оказались опухоли железъ и кожные пятна, при общемъ лихорадочномъ состояніи, профессоръ Боткинъ нашель, что этотъ субъектъ страдаетъ тою формою болѣзни, которую д-ръ Деннеръ наблюдалъ въ Астрахани въ 1877 г. При этомъ профессоръ высказалъ свое личное убѣжденіе, что данный случай заболѣванія хотя и чумнаго характера, но не представляетъ той заразительности, которая наблюдается при чумѣ во время ея эпидемическаго развитія, какъ, на примѣръ, въ Ветлянкѣ. Передъ эпидеміей, когда въ атмосферу заносится чумный ядъ, всегда начинаютъ появляться отдѣльные спорадическіе случаи заболѣванія чумой, отличающіеся полной незаразительностію. И въ 1877 году, передъ появленіемъ ветлянской эпидеміи, въ Астрахани встрѣчались и наблюдались врачами отдѣльные случаи чумы; только они, обыкновенно, декретировались, какъ различныя лихорадочныя формы, съ осложненіями въ видѣ бубоновъ и т. д., и, повидимому, не носили въ себѣ характера заразительности. Коснувшись, затѣмъ, появленія одной изъ чумныхъ формъ въ Петербургѣ, профессоръ заявилъ, что этотъ случай нисколько не поразилъ его. Онъ вытекалъ логически изъ тѣхъ осложненій, которыя уже проявлялись здѣсь въ различныхъ видоизмѣненіяхъ тифа, соединенныхъ съ припуханіемъ лимфатическихъ железъ, съ мелкой кожной сыпью и проч. Затѣмъ онъ прибавилъ, что тѣ печальныя условія, при которыхъ жилъ больной, объясняютъ вполне удовлетворительно, почему именно чумной ядъ локализовался въ

данномъ мѣстѣ... Какъ бы то ни было, но какой-то ядъ носится въ воздухѣ и окружаетъ насъ. И если ветлянская зараза пронесется мимо насъ, то никто не поручится, чтобы рано или поздно она не разразилась надъ нами божьей грозой. Благодаря этому грозному предостереженію, авось наша дума и надумается сдѣлать что-нибудь путное въ пользу петербургскихъ „мизераблей“, о которыхъ вспоминають лишь во время повальныхъ болѣзней; авось-либо у здѣшнихъ домовладѣльцевъ отнимется, наконецъ, право—безнаказанно плодить въ столицѣ „заразныя гнѣзда“. Вопросъ заключается вовсе не въ названіи болѣзней, а въ раскрытіи и устраненіи условій, при которыхъ онѣ плодятся. Въ 1770—1772 гг. доктора также немало спорили о томъ: „моровая язва“ или „гнилая лихорадка“ посѣтила Москву, но смертность нисколько не убавлялась отъ этихъ споровъ, и правыми, въ-концѣ-концовъ, оказались именно тѣ, которые совѣтовали принять противъ страшной болѣзни самыя энергическія мѣры и не убоились назвать ее тѣмъ именемъ, котораго другіе избѣгали по ложнымъ соображеніямъ или, просто, по незнанію дѣла. Такой-же споръ, такая-же разногласица происходитъ и теперь въ нашемъ медицинскомъ мірѣ, гдѣ, въдобавокъ, къ различію мнѣній, примѣшалась еще и старинная вражда между „нѣмецкой“ и „русской“ партіями, гдѣ, напр. Боткинъ не можетъ слышать имени Эйхвальда, а Эйхвальдъ — Боткина. Эту разногласицу „Кладерадачь“ воспроизводитъ въ слѣдующемъ забавномъ монологѣ, переведенномъ стихами въ „Молвъ“:

Два славныхъ доктора между собою споръ
 Вели насчетъ чумы.— „Чума есть лихорадка!“
 Кричалъ одинъ. „Неправда, вздоръ!
 Доказывалъ другой:— малѣйшаго припадка
 Болѣзни этой нѣтъ въ чумѣ!“
 — „А я вамъ говорю, что это несомнѣнно!
 Ужъ нѣ-ль не знать!..“ — „Вы не въ своемъ умѣ!..
 — „Невѣжда!“ „Враль!“—И такъ ожесточенно
 Ихъ прѣнье шло, что чрезъ полчаса
 Вцѣпилися они другъ другу въ волоса...
 И быстро тѣмъ впередъ науку подвигали...
 А люди, между тѣмъ, въ Ветлянкѣ умирали...

Вотъ эти-то умиряющіе люди и говорятъ всего краснорѣчивѣе о суетѣ медицинской терминологіи, которую досужіе люди могутъ измѣнять и коверкать сообразно своему вкусу и разнымъ практическимъ видамъ. Но никакая смягченная терминологія не спасла насъ отъ карантина, устроеннаго сосѣдями на нашей западной границѣ, и теперь, чтобы попасть изъ Россіи въ Берлинъ, не подвергаясь карантинному искусу, путешественникъ долженъ

представить на прусской таможи официальное удостоверение в томъ, что не находился впродолженіи послѣднихъ 20 дней передъ выѣздомъ въ зачумленныхъ мѣстностяхъ. Иначе ему придется поскучать въ прусскомъ карантинѣ, поминая царя Давида и всю кротость его. Кромѣ личныхъ неприятностей, доставляемыхъ путешественникамъ, учрежденіе карантина отразилось очень невыгодно на нашей вывозной торговлѣ. Астраханская икра и всякіе „рыбные товары“, по этому случаю, сильно упали въ цѣнѣ, и хотя „Кладерадачъ“ совѣтуетъ, ради предосторожности, дезинфицировать икру, подливая въ нее немножко керосину, но берлинскіе гастрономы отказались слѣдовать доброму совѣту и просто-на-просто не вкушаютъ получаемыхъ изъ Россіи рыбныхъ продуктовъ. Впрочемъ, астраханская икра какъ сквозь землю провалилась, и во всѣхъ петербургскихъ „рыбныхъ торговыхъ“ замянена внезапно икрою уральскою, донскою и даже... двинскою. Одинъ поэтъ сказалъ, что „имя—звукъ пустой“. Очевидно, онъ былъ не правъ: астраханскую икру, претворенную сметливыми торгашами въ двинскую, петербуржцы исправно уписывали съ блинами да похваливали, а назови-ка имъ эту икру подлиннымъ именемъ, другой, пожалуй, поперхнулся-бы или даже закричалъ-бы карауль. То-ли дѣло назвать ее чужой кличкою и угощать легковѣрную „публику!“

Съ души, какъ бремя, сбросится

Соннѣные далеко...

И блинъ въ желудокъ просится,

И такъ легко, легко!

Также точно и съ чумою: сказать это слово — страхъ береть, а подмѣнишь его „чумовиднымъ тифомъ“ или „пневмотифомъ“ — на сердцѣ какъ-будто и отлегнетъ...

Одновременно съ астраханскою чумою, въ нашей журналистикѣ начала свирѣпствовать особаго рода полемиическая чума, или, если хотите, „чумовидная полемика“. Чумные струпя, чирья и бубоны покрываютъ теперь почти сплошь газетные листы. Но какъ астраханская чума сосредоточилась преимущественно въ Ветлянкѣ, такъ и полемиическая чума свила себѣ главное заразное гнѣздо въ „Новомъ Времени“. Ругателей въ „Новомъ Времени“ было всегда въ изобиліи, но въ послѣднее время къ нимъ присоединилось еще нѣсколько новыхъ огорченныхъ сочинителей, вродѣ, на примѣръ, саратовскаго стракулиста, Мордовцева, вознегодовавшаго на неласковый пріемъ, оказанный почти вездѣ его историческимъ романамъ. Возражая своимъ критикамъ, отнесшимся, надо правду

сказать, отнюдь не рѣзко къ твореніямъ этого безпаспортнаго автора, проживающаго во всѣхъ печатныхъ органахъ, начиная отъ Гатцуга и до Суворина, г. Мордовцевъ расходился ужасно и ужь чего-чего не наговорилъ гг. Михайловскому и Шашкову. Перваго изъ нихъ онъ обозвалъ „безтолковой птицей“, „попугаемъ“ „полиціантомъ“ и т. п.; г. Шашкова выругалъ „гончей собакой“, „сикофантомъ“, „вороной“, „доносчикомъ“ и проч., словомъ, показавъ такую виртуозность въ брани, что могъ-бы сконфузить самоѣ слесаршу Пошлепкину.

По слѣдамъ г. Мордовцева пошелъ и нѣкій г. С. Миропольскій, тоже огорченный пренебрежительнымъ отношеніемъ къ его великимъ педагогическимъ трудамъ. Тѣ самыя любезности, которыя г. Мордовцевъ расточалъ примѣнительно къ гг. Михайловскому и Шашкову, новоявленный славянофилъ, г. С. Миропольскій, обобщилъ и адресовалъ ко всей петербургской журналистикѣ, неумѣвшей оцѣнить его, Миропольскаго, хотя и цѣнить-то тутъ было нечего, такъ-какъ у этого господина, какъ у тургеневской Лизы, „своихъ словъ“ нѣтъ, а всѣ слова взяты напрокатъ у Амоса Каменскаго. Вдохновитель „Новаго Времени“, г. Суворинъ, конечно, не уступаетъ своимъ причетникамъ, но старается, насколько возможно, превзойти ихъ. Такъ, напримѣръ, недавно, разъискивая своихъ враговъ въ „Русской Правдѣ“, г. Суворинъ началъ перебирать поименно всѣхъ литераторовъ, въ которыхъ только могъ подозрѣвать сотрудниковъ этой газеты, сопровождая ихъ имена всевозможными бранными эпитетами, вродѣ „жида“, „холопа“ и т. д. Но этого показалось ему мало, и онъ, какъ-то съ боку зацѣпилъ и тѣхъ историческихъ дѣятелей, о которыхъ эти литераторы писали. Если-бы у подозрѣваемыхъ сотрудниковъ были извѣстныя г. Суворину тетки, то онъ, навѣрно, помянулъ-бы и ихъ *добрымъ* словомъ. Признаюсь, на моемъ, довольно долгомъ, журнальномъ вѣку, я не помню, чтобы полемическое сквернословіе доходило до такихъ грандіозныхъ размѣровъ, и утонченность этого сквернословія принадлежитъ безспорно г. Суворину.

Другія газеты, съ которыми сцѣпляется „Новое Время“, тоже не остаются у него въ долгу, и полемическіе чирья вскакиваютъ то тамъ, то сямъ въ русской прессѣ отъ неосторожнаго соприкосновенія съ органомъ г. Суворина. „Русскій Міръ“, въ своей послѣдней схваткѣ съ „Новымъ Временемъ“, атестовалъ г. Буренина „злочащественнымъ прыщомъ, ходячимъ карбункуломъ, невѣжественнымъ газромъ, скоморохомъ“ и т. д. Видно, что суворинскіе лавры соблазнили и г. Раппа.

Безшабашная ругань, разливающаяся такимъ широкимъ потокомъ въ нашей печати, вызвала мысль объ устройствѣ особаго

литературнаго суда чести, который-бы вѣдалъ полемическія дѣла и творилъ по нимъ судъ правый, скорый и.. немплотивый. Проектъ такого суда,—состоящаго изъ литературныхъ посредниковъ, избираемыхъ тѣми редакціями, которыя пожелаютъ примкнуть къ этому дѣлу,—обсуждался уже нѣсколько разъ въ частныхъ литературныхъ собраніяхъ; но изъ всѣхъ этихъ обсужденій покуда ровно ничего не вышло, такъ-какъ каждая изъ заинтересованныхъ сторонъ задавала себѣ мысленно вопросъ Чацкаго: „а судьи кто?“ Можно смѣло предсказать, что это неудачное измышленіе литературнаго канцеляризма такъ и останется въ портфель редакціи, выработавшей его, не вызвавъ соглашенія между гг. полемизаторами. Оно и въ самомъ дѣлѣ странно. Литературный судъ чести, по самой идеи своей, предполагаетъ извѣстную солидарность, извѣстное единство между гг. литераторами, — если не единство убѣжденій (чего ни въ какой журналистикѣ не бываетъ и быть не должно), то, по крайней мѣрѣ, единство понятій объ обязанностяхъ честнаго и убѣжденнаго публициста. А существуетъ-ли подобное единство въ томъ сбродѣ людей, изъ которыхъ чуть-ли не большинство попало въ прессу совершенно случайно и составляетъ для нея тяжелое ядро на ногахъ? На основаніи какихъ-такихъ принциповъ, убѣжденій и понятій будутъ эти люди судить другъ друга? И кто поручится, что *самъ* г. Суворинъ съ своими коллегами не попадетъ въ избранный цехъ литературныхъ посредниковъ и не станетъ судить и рядить по своему полемическому кодексу? Вѣдь это уже будетъ не шемякинъ судъ, а что-то омерзительнѣе его.

Теперешняя полемика, дѣйствительно, гнусна и отвратительна, но она гнусна не столько своею рѣзкою формою, сколько полнѣйшею безпринципностью, отсутствіемъ всякихъ серьезныхъ убѣжденій, которое характеризуетъ собою всю прошлую и настоящую дѣятельность этихъ ругателей, мѣнявшихъ свои „направленія“ гораздо чаще, чѣмъ перчатки. И эти-то господа, у которыхъ нѣтъ даже элементарныхъ понятій о чести, вдругъ заговорили о судѣ чести. Кто такіе и откуда напозли въ русскую прессу всѣ эти Нотовичи, Гатцуги, Василевскіе, Трубниковы, Худяковы, Раппы и всѣ ихъ присные? Ругаются Вильмесаны, ругаются люди, у которыхъ кромѣ мелкаго самолюбѣшка да грошеваго разчета никогда и ничего не водилось за душою, ругаются да еще имѣютъ дерзость оправдываться примѣрами Вольтера, Прудона, Гейне и Берне, которые тоже, молъ, крѣпко бранились съ своими противниками. Вольтеръ и слесарша Пошлепкина, Гейне и Булгаринъ, Прудонъ и г. Трубниковъ!! Чего больше въ этомъ сопоставленіи—кощунства или глупости? Люди, пишущіе сажей, во-

дой изъ сточныхъ трубъ или, по выраженію Пушкина, слюною бѣшеной собаки, сравниваютъ себя съ могучими титанами мысли, писавшими кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ. Но, господа, *quod licet Jovi, non licet bovi*, и то, что звучитъ воплемъ растерзанной души, въ чемъ слышатся величественные акорды небесной грозы, очищающей воздухъ, — то отнюдь не похоже на кваканье лягушекъ и на визжанье дворняжки, облитой кипяткомъ изъ того окна, откуда она ожидала подачки.

Причины безцѣльной ругани, личныхъ перебранокъ, а также и всей, вообще, безпринципности нашей прессы (преимущественно газетной) лежать глубже, чѣмъ это думаютъ авторы помянутаго проекта „литературныхъ намордниковъ“. Ихъ не искоренишь постановленіями суда чести; онѣ исчезнутъ вмѣстѣ съ переменю нѣкоторыхъ общихъ условий нашей жизни, послѣ серьезной дезинфекціи нашей общественной атмосферы. Какъ всѣ заразныя болѣзни, полемическая чума развивается только въ зараженномъ воздухѣ, около выгребныхъ и помойныхъ ямъ. „Когда вся словесность, говорилъ нѣкогда Хомяковъ, — бываетъ наводнена выраженіями низкой лести и явнаго лицемерія, честное слово молчить, чтобы не мѣшаться въ этотъ отвратительный хоръ, или не сдѣлаться предметомъ подозрѣнія по своей прямодушной рѣзкости; *лучшіе дѣятели отходятъ отъ дѣла, все поле дѣйствія предоставляется продажнымъ и низкимъ душамъ*; душевный развратъ, явный или кое-какъ прикрытый, проникаетъ во всѣ произведенія словесности; умственная жизнь изсякаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ, и мало-по-малу въ обществѣ растетъ то *равнодушіе къ правдѣ и нравственному добру*, котораго достаточно, чтобы отравить цѣлое поколѣніе и погубить многія, за нимъ слѣдующія. Такіе примѣры бывали въ исторіи, и ихъ должно избѣгать“.

Такую-то фазу историческаго развитія переживаетъ и наша пресса со всѣми своими болячками и чумными пятнами...

Н. Мизантроповъ.

ЧУМА.

(Статья вторая.)

IV.

Во время перерыва нашей бесѣды существованіе чумы признано не только въ Ветляпкѣ, но и въ Петербургѣ, а потому мы и будемъ продолжать нашу рѣчь о чумѣ.

Что такое чума? Въ чемъ выражаются признаки этой болѣзни? Какія измѣненія производитъ эта болѣзнь въ организмѣ? Какъ протекаетъ эта болѣзнь?

Къ сожалѣнію, на всѣ эти вопросы можно отвѣчать только приблизительно, только съ большою или меньшею вѣроятностью, иногда только гадательно, по аналогіи.

Причина такого крайне-недостаточнаго знакомства нашего съ чумою заключается въ слѣдующемъ:

Чума въ нынѣшнемъ столѣтіи въ Европѣ появлялась только на южныхъ окраинахъ и то на короткое время. Послѣднія и самыя подробныя свѣденія о чумѣ мы находимъ въ описаніи египетской эпидеміи 1844 года. Но наблюденія эти слишкомъ мало соотвѣтствуютъ современному уровню развитія научной медицины. Потому-то, по словамъ Вирхова, ни въ одной области медицинской литературы не существуетъ столько противорѣчій, неясностей, какъ въ чумной литературѣ. Изъ компетентныхъ представителей современной медицинской школы въ Европѣ,—чумы никто не наблюдалъ; потому-то и свѣденія наши о чумѣ неполны, неясны, сбивчивы и мало-научны.

Съ сущностью болѣзни мы такъ мало знакомы, что въ одной медицинской нѣмецкой газетѣ не безъ основанія было сказано недавно, что до сихъ поръ остается не вполне яснымъ: какую бо-

лѣзнь слѣдуетъ теперь называть чумою? Такъ или иначе, но въ настоящее время сложилось мнѣніе, что подѣ чумою слѣдуетъ понимать острую, весьма быстро протекающую заразную болѣзнь, которая рядомъ съ весьма тяжелыми тифозными явленіями (сильный жаръ, бредъ, безсознательное состояніе и пр.) выражается поражениемъ поверхностныхъ лимфатическихъ железъ, особенно въ пахахъ, отчего и называютъ ее также *бубонною* чумой.

Смертность при этой болѣзни получается наибольшая изъ всѣхъ заразныхъ болѣзней. Въ *началѣ* эпидеміи не рѣдко умираютъ почти всѣ заболѣвшіе и часто втеченіи долгаго времени умираетъ отъ 70 до 90%. Болѣзнь иногда убиваетъ втеченіи первыхъ сутокъ послѣ заболѣванія. Такимъ образомъ, поражение лимфатическихъ железъ, образованіе карбункуловъ (рѣже пораженія железъ) рядомъ съ быстротою теченія и громадною смертною составляеть отличительный признакъ чумы отъ нашихъ домашнихъ тифовъ.

Но... но тутъ слѣдуетъ цѣлая масса исключеній, значительно уменьшающихъ значеніе только-что представленной характеристики.

Оказывается, что существуютъ слабыя, легкія формы (какъ и при всѣхъ другихъ заразныхъ болѣзняхъ), встрѣчающіяся преимущественно въ *концѣ* эпидеміи. Есть чума безъ бубоновъ и карбункуловъ съ небольшою лихорадкой; есть чума съ бубонами и карбункулами, но совершенно или почти безъ лихорадки и съ продолжительнымъ течениемъ; есть много и другихъ отклоненій.

Къ какой заразной болѣзни ближе всего стоитъ чума?

Принимая во вниманіе, что пораженіе лимфатическихъ железъ составляетъ наиболѣе выдающійся припадокъ чумы, послѣдняя должна-бы имѣть самое близкое родство съ брюшнымъ тифомъ; но чтобы признать такое родство, для этого, по мнѣнію Вирхова, не достаеть весьма существенныхъ изслѣдованій надъ свойствами и характеромъ заболѣванія лимфатическихъ железъ при чумѣ. Брюшной тифъ немислимъ безъ пораженія лимфатическихъ железъ (преимущественно внутреннихъ), но такъ-ли это при чумѣ, или существуетъ чума безъ пораженія железъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, остается совершенно невыясненнымъ. А между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, на основаніи *только* опухолей железъ желаютъ декретировать чуму въ Петербургѣ, какъ декретировали ее въ Ветлянкѣ.

Заразительна-ли чума, т. е. можетъ-ли здоровый человекъ отъ соприкосновенія съ больнымъ получить ту-же болѣзнь?

И на этотъ вопросъ одни отвѣчаютъ—*да*, другіе—*нѣтъ*. И тѣ, и другіе имѣютъ за себя много фактовъ.

Если современные врачи никогда не наблюдали чумы, если литература этой болѣзни такъ бѣдна положительными данными и запутана всевозможными противорѣчіями, то какимъ-же образомъ могло случиться, что чума въ *Ветлянкѣ* такъ легко была узнана въ *Петербурѣ*, откуда и послѣдовало немедленное приказаніе за № такимъ-то считать ветлянскую эпидемію чумою? Фактъ декретирования чумы въ *Ветлянкѣ* изъ *Петербурга* представляется настолько характернымъ, что стоитъ остановиться на немъ подробнѣе.

V.

Первый случай смерти отъ сомнительной болѣзни, какъ описываетъ корреспондентъ „Нов. Врем.“ въ *Ветлянкѣ*, былъ 17 октября; одиночные случаи смерти отъ той-же сомнительной болѣзни продолжались до 5-го ноября. Первое официальное донесеніе за № такимъ-то состоялось около 9 ноября отъ станичнаго атамана. Результатомъ официального № былъ пріѣздъ двухъ врачей 10 и 11 ноября. Болѣзнь обоими врачами была признана за *простудную лихорадку* и врачи, донося, конечно, кому слѣдуетъ, 12 и 13 ноября, уѣхали изъ *Ветлянки*. Но съ 27 ноября простудная лихорадка начинаетъ значительно усиливаться, и 3 декабря было уже 14 покойниковъ. Вслѣдствіе этого снова пошли отношенія, донесенія, рапорты и т. д., и въ концѣ ноября опять въ *Ветлянку* является врачъ и признаетъ болѣзнь за *крупозное воспаленіе легкихъ*. Но болѣзнь и смертность все увеличивались, пропорціонально этому увеличивалось, конечно, и число отношеній и донесеній, и 5 декабря въ *Ветлянку* пріѣхалъ второй врачъ и нашелъ, что свирѣпствовавшая болѣзнь *не только простудная, но и злокачественная лихорадка*; въ этомъ смыслѣ и составленъ былъ протоколъ. Съ этимъ протоколомъ былъ несогласенъ только *смотритель временно-устроенныхъ въ Ветлянкѣ больницъ*. По его мнѣнію, болѣзнь была не злокачественная лихорадка, а чума! Когда составляли протоколъ о злокачественной лихорадкѣ,—умирало: 11-го декабря 25 человекъ, 12—30, 13—30, а 14-го врачъ уѣзжаетъ, *не сдѣлавъ ни одного вскрытія умершихъ и ни одного клиническаго наблюденія надъ заболѣвшими*. 15 декабря оставшійся второй врачъ умираетъ, также не сдѣлавъ ни одного вскрытія и ни одного наблюденія надъ больными, и *Ветлянка* остается съ 3 фельдшерами и смотрителемъ больницъ, *первымъ, признавшимъ ветлянскую болѣзнь за чуму*. А смертность все продолжалась: 14 декабря умерло 22 чел., 15—19, 16—27, 17—5, 18—4 и по четыре до пяти человекъ вплоть до 1 января. Въ *Ветлянку* пріѣзжалъ, кромѣ врачей *Депнера* и *Коха*,

инспекторъ врачебной губернской астраханской управы Цвигманъ. Что онъ дѣлалъ въ Ветлянкѣ и сколько времени тамъ пробылъ, неизвѣстно, но вскрытій и наблюдений не производилъ, и 18 декабря въ Енотаевскѣ вмѣстѣ съ Деннеромъ составилъ актъ, что въ Ветлянкѣ—чума. Чѣмъ руководились эти два эскулапа, составляя подобный актъ? Мнѣніемъ больничнаго смотрителя? Неизвѣстно. Данныхъ какихъ-нибудь для отвѣта на этотъ интересный вопросъ пока нѣтъ; но въ тотъ самый день, какъ составленъ былъ протоколъ о чумѣ въ Ветлянкѣ, т. е. съ 18 декабря болѣзнь быстро начинаетъ уменьшаться, какъ показываютъ вышеприведенныя цифры. 22 декабря около Ветлянки устроены карантинъ.

Отъ 1-го до 11-го января умерло 16 человекъ, и 11-го января ветлянская чума закончилась смертью сестры милосердія Добрыниной.

Что-же дѣлалъ за все это время нашъ Петербургъ?

Я не могу, конечно, знать, сколько было №№ входящихъ и исходящихъ по поводу ветлянской эпидеміи, но официальная медицинская дѣятельность Петербурга выразилась засѣданіемъ медицинскаго совѣта, этого высшаго медицинскаго учрежденія Россіи, и результатомъ этого засѣданія было то, что *большинство* медицинскаго совѣта болѣзнь, господствовавшую въ Ветлянкѣ, призвало за *чуму*. Этотъ приговоръ большинства медицинскаго совѣта и рѣшилъ участь Ветлянки и всего края, осудивъ его на карантинныя муки.

Теперь спрашивается, чѣмъ руководилось большинство медицинскаго совѣта, декретируя чуму въ Ветлянкѣ? Для меня было бы совершенно понятно, еслибы медицинскій совѣтъ собрался въ концѣ ноября и, признавъ, что болѣзнь въ той или другой степени не укладывается въ рамки хорошо намъ извѣстныхъ болѣзненныхъ формъ, порѣшилъ-бы *для опредѣленія болѣзни* немедленно командировать въ Ветлянку одного изъ своихъ членовъ. Дождавшись обстоятельныхъ свѣдѣній отъ своего члена, на компетентность котораго могло-бы сложиться не только русское, но и европейское научное медицинское общество, тогда-бы и высказывалъ свое мнѣніе.

Только тогда-бы мнѣніе это и могло имѣть значеніе. Но медицинскій совѣтъ и позже, когда для всей читающей публики сдѣлалось совершенно яснымъ, что ветлянскіе врачи не могутъ отдать себѣ ни малѣйшаго отчета въ свойствахъ и характерѣ эпидеміи, что они не умѣютъ даже приступить къ изслѣдованію ея,—медицинскій совѣтъ и тогда предпочелъ оставаться въ своихъ уютныхъ кабинетахъ, перелистывая отъ нечего дѣлать старыя фоліанты съ описаніемъ чумы прежнихъ вѣковъ; онъ не нашелъ даже

нужнымъ предложить какому-нибудь другому авторитетному въ научномъ отношеніи лицу отправиться на мѣсто эпидеміи.

Протоколь того засѣданія медицинскаго совѣта, на которомъ большинство декретировало чуму, не опубликованъ, и потому невозможно судить, на какихъ данныхъ построено было признаніе чумы. Одно можно, кажется, утверждать, что совѣтъ имѣлъ данныхъ не болѣе, чѣмъ Деннеръ и Цвигманъ, — даже менѣе; тѣ крайней мѣрѣ, были въ Ветлянкѣ и заручились мнѣніемъ большаго зрителя.

А кто создавалъ чуму въ другихъ селахъ Поволжья? Данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ пока нѣтъ; только относительно села Никольскаго корреспондентъ „Нов. Врем.“ пишетъ, что тамъ у двухъ старушекъ чуму опредѣлялъ урядникъ, онъ-же счелъ себя обязаннымъ и лечитъ ихъ по всѣмъ правиламъ науки. Онъ ихъ изолировалъ... въ оврагъ, гдѣ, раздѣвъ, окачивалъ водою, потому, вѣроятно, что вода, по мнѣнію нѣкоторыхъ новѣйшихъ авторовъ, никогда невидавшихъ чумы, составляетъ одно изъ „самовѣрнѣйшихъ“ средствъ для излеченія чумы.

А въ то-же самое время, казанскій университетъ съ медицинскимъ факультетомъ въ двухъ шагахъ отъ мѣста эпидеміи; недалеко и Харьковъ съ своимъ медицинскимъ факультетомъ; не за горами Москва и Петербургъ. Ветлянская эпидемія подняла на ноги не только Россію, но и всю Европу; намъ, какъ говорятъ, карантинныя мѣры въ Европѣ наносятъ миліоны убытковъ, а между тѣмъ свойства и характеръ этой эпидеміи опредѣляютъ больничные смотрители и урядники!

Въ петербургской медико-хирургической академіи является больной, котораго профессоръ клиники принимаетъ за чумнаго. Немедленно устраиваютъ въ клиникѣ карантинъ, а для провѣрки профессора обращаются не къ факультету, а къ Майделю, Мамонову и Баталину. Кто такой Майдель? Право, не знаю. Только по поводу этой исторіи слышалъ, что онъ имѣетъ крупный чинъ, состоитъ какимъ-то чиновникомъ по медицинской части, и потому надобно полагать, что онъ врачъ, хотя ни о какихъ врачебныхъ подвигахъ его, хотя-бы административныхъ, никогда не слышалъ. До этой исторіи я считалъ его аптекаремъ, потому что онъ командированъ былъ въ Парижъ на гигиеническій конгрессъ вмѣстѣ съ г. Пелемъ, о которомъ я навѣрно знаю, что онъ аптекарь. Ну, а разъ изъ посланныхъ одинъ — аптекарь, отчего-же, думалось мнѣ, не быть аптекаремъ и другому? А Мамоновъ, Баталинъ? Послѣдній — полицейскій врачъ, а Мамоновъ тоже, вѣроятно, врачъ, такъ-какъ онъ признаетъ безрецидивный сифилисъ. И вотъ Майдели ѣдутъ въ Парижъ на казенный счетъ, а профессора гигиены въ нашихъ уни-

верситетах сидятъ дома; такіе-то люди имѣютъ развязность являться для провѣрки профессора, а факультетъ игнорируется. Что же такое профессора, зачѣмъ и для чего они существуютъ? Неужели они *только говорильная машина*? Неужели полагаютъ, что если въ академіи Эйхвальда, напр., замѣнить Майделемъ, Боткина — Мамоновымъ, Сорокина — Баталинымъ, то все пойдетъ по-прежнему, а можетъ даже и лучше?

По поводу ветлянской эпидеміи нельзя не согласиться съ условною справедливостью слѣдующихъ словъ Вирхова: „Я дѣлаю поэтому *) большой упрекъ русскому правительству (читай: медицинскому совѣту), которое имѣло полную возможность послать для изслѣдованія эпидеміи лучшихъ людей. Казанскій университетъ почти весь занятъ людьми, имѣющими въ современной медицинской школѣ выдающееся значеніе. Въ Харьковѣ также есть прекрасные ученые. Изъ обоихъ мѣстъ могли-бы быть посланы люди вполне опытные и вполне владѣющіе всѣми современными методами изслѣдованія“...

Но, быть-можетъ, спросить, отчего профессора сами, не дожидаясь приказаній, не отправились на мѣсто эпидеміи? Не слѣдуетъ забывать, что въ Россіи соваться туда, куда не пригласили отношеніемъ за № такимъ-то, — не совсѣмъ удобно. Отправляться *безъ командировки* въ захолустье значить по той или другой причинѣ рисковать просидѣть въ какомъ-нибудь клоповникѣ, въ качествѣ добровольнаго арестанта.

А впрочемъ, когда эпидемія *совершенно окончилась*, вспомнили почему-то и о профессорахъ.

Мысль воспользоваться услугами компетентныхъ наблюдателей впервые была поставлена на очередь все-таки въ *частномъ* уче-

*) Въ лекціи, читанной въ берлинскомъ медицинскомъ обществѣ, Вирховъ говорить о томъ, какъ незначительны и противорѣчивы настоящія наши свѣденія о чумѣ и что, по его мнѣнію, европейскія правительства обязаны были-бы при случаѣ послать для изслѣдованія чумы (въ Рещъ, Месопотамію) врачей, дѣйствительно владѣющихъ клиническими и анатомическими методами изслѣдованія. Слѣдующую за тѣмъ фразу, относящуюся къ Россіи, привожу дословно.

„Ich leute daraus zugleich einen grossen Vorwurf gegen die russische Regierung ab. Sie wäre in der Lage gewesen, aus der Nähe die besten Leute zu entsenden. Die Universität Kasan ist fast ganz mit Männern besetzt, die in unserer Schule gross geworden sind. In Charkow sind sehr tüchtige Gelehrte. Von beiden Orten aus hätten erfahrene und in modernen Beobachtung geschulte Männer entsendet werden können, wenn die Regierung es nicht vorgezogen hätte, Dunkelmänner zu hören...“

номъ обществѣ—именно въ обществѣ русскихъ врачей въ Петербургѣ, хотя и это почтенное общество слишкомъ запоздало съ своими благими намѣреніями.

По странной случайности общество русскихъ врачей собралось для взаимнаго ознакомленія своихъ членовъ съ *литературою чумы*, собралось „въ виду общей опасности получше познакомиться съ этой формой болѣзни и изучить ее, чтобы, заручившись знаніемъ, дѣйствовать противъ врага дружно и энергично“, собралось именно въ тотъ день, когда въ Ветлянкѣ былъ *послѣдній случай* смерти отъ чумы, т. е. 11 января. Какъ-будто кто по телеграфу увѣдомилъ чуму въ Ветлянкѣ: берегись, дескать, сегодня въ обществѣ русскихъ врачей будутъ изучать твой послужной списокъ, а изучивши, собираются дружно ударить на тебя. Чума испугалась, бросила Ветлянку и обратно перебралась въ Азію. Такъ или иначе, но день публичнаго знакомства съ литературою чумы совпадаетъ съ днемъ полнаго ея прекращенія въ Ветлянкѣ.

Знакомству съ литературою чумы предшествовала вступительная рѣчь предсѣдателя общества. Изъ этой рѣчи мы впервые узнаемъ о тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ болѣзнь, господствовавшая въ Ветлянкѣ, признана за чуму.

Данные эти состоятъ въ слѣдующемъ:

- 1) Въ Ветлянкѣ *очень много* мретъ народу.
- 2) Всѣ умершіе при жизни болѣютъ *очень недомо*.
- 3) Болѣзнь протекаетъ съ сильной *михорадкой и опухолью железъ* въ пахахъ (*бубоны*).
- 4) Болѣзнь заразительна и одновременно появилась въ нѣсколькихъ мѣстахъ. (?)

Вотъ и всѣ данныя!

Откуда добыты эти данныя?

Въ рѣчи предсѣдателя на это имѣется слѣдующій, чрезвычайно интересный отвѣтъ:

„Мнѣ *кажется*, что тѣ факты, которые до сихъ поръ *сообщались въ газетахъ*, совершенно достаточны для того, чтобы не сомнѣваться въ томъ, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло“ (т. е. съ чумою). А мы знаемъ, что въ газетахъ сообщались факты, добытые и отъ больничнаго смотрителя, и отъ николевскаго урядника, и отъ бѣгущаго изъ Ветлянки тузлучника, и отъ шутника туриста и пр., и пр., и пр.; не имѣлось только пустяка.—свѣденій отъ маломальски свѣдущаго врача!

Но вотъ наконецъ потянулся цѣлый караванъ не только свѣдущихъ, но вполне компетентныхъ специалистовъ-врачей по всѣмъ отраслямъ медицины—русскихъ и иностранныхъ. Всѣ наши университеты имѣютъ тамъ теперъ своихъ представителей, а боль-

ныхъ нигдѣ ни одного нѣтъ, такъ-что дѣтельность всѣхъ этихъ ученыхъ относительно изученія характера и свойствъ бывшей въ Ветлянкѣ эпидеміи вполне опредѣляется извѣстной фразой: „пришли, повюхали и ушли“. Само собою разумѣется, не ученые въ этомъ виноваты!

Что-же наконецъ, чума была въ Ветлянкѣ — или нѣтъ?

Ни на тотъ, ни на другой вопросъ въ настоящую минуту, по моему мнѣнію, нельзя отвѣчать ни—да, ни—нѣтъ. Если это была чума, то откуда занесена она? Въ Петербургѣ порѣшили, что чума изъ Решта пришла въ Астрахань, а оттуда прямо шагнула въ Ветлянку. Изъ Ветлянки-же пишутъ, что чума занесена съ Кавказа, гдѣ о чумѣ до сихъ поръ не было ни слуху, ни духу.

Если это была чума, то почему она ограничилась почти только одною Ветлянкой, гдѣ изъ 1,800 душъ населенія заболѣло 415 и умерло 350? Вѣдь нельзя-же допустить, что въ Астрахани и другихъ тузлучныхъ притонахъ для распространенія чумы не нашлось удобной почвы.

Насъ поражаетъ въ Ветлянкѣ громадная смертность и скоротечность болѣзни; общество русскихъ врачей полагаетъ, что прежде въ Ветлянкѣ такой болѣзни никогда не было. Откуда это ему извѣстно? Я, по крайней мѣрѣ, нигдѣ не отыскалъ данныхъ относительно смертности и свойства эпидеміи, прежде господствовавшихъ въ Ветлянкѣ и вообще въ тамошнемъ краю. И вообще, развѣ мы много знаемъ о причинахъ частаго вымиранія цѣлыхъ семей въ нашемъ народѣ?

Я нисколько не придаю только-что приведеннымъ возраженіямъ значенія неоспоримыхъ доказательствъ противъ существованія чумы въ Ветлянкѣ. Я хочу только сказать, что всѣ эти вопросы возникаютъ невольно, и что свойства ветлянской эпидеміи остаются темными и совершенно невыясненными, благодаря отсутствію компетентнаго врача на мѣстѣ эпидеміи, во время эпидеміи; я хочу только сказать, что, благодаря нашему обычаю все дѣлать только для виду, благодаря обычаю всякую дѣтельность измѣрять количествомъ входящихъ и исходящихъ NN отношеній, предписаній, рапортовъ, предложеній, сообщеній, увѣдомленій, извѣщеній и проч., — ветлянская эпидемія осталась совершенно неизслѣдованною.

Когда караванъ специалистовъ вернется изъ Ветлянки, то, можетъ быть, онъ и привезетъ какіе-нибудь факты, могущіе хотя

сколько-нибудь разъяснить массу вопросов, невольно возникающих по поводу характера и свойств ветлянской эпидемии.

В настоящую-же минуту, при имѣющихся на лицо данныхъ, фактъ развитія чумы въ Ветлянкѣ едва-ли можно считать *столью* научно-доказаннымъ.

Очень небольшой кружокъ врачей, сгруппировавшихся около предсѣдателя Общ. Р. Врачей, съ настойчивостію поддерживаетъ мнѣніе, что въ Петербургѣ въ послѣднее время встрѣчаются случаи чумы, въ ея легкой формѣ. Самымъ существеннымъ основаніемъ для такого мнѣнія служить тотъ фактъ, что въ настоящее время тифозныя заболѣванія сопровождаются припуханіемъ поверхностно лежащихъ лимфатическихъ железъ (въ пахахъ, подъ мышками, на шеѣ), чего прежде будто-бы не наблюдалось. Къ такому мнѣнію или, вѣрнѣе, къ такому объясненію припуханія железъ значительное большинство петербургскихъ врачей относится крайне-скептически. Скептицизмъ этотъ основывается на слѣдующихъ данныхъ:

1) Диагностика *легкихъ формъ* такой болѣзни, которая не была наблюдаема въ своей типической, вполне развитой формѣ, вообще нѣсколько рискована. Такъ, напримѣръ, передъ эпидеміей возвратной горячки, развившейся въ Петербургѣ въ 1865 году, легкія формы этой болѣзни, несомнѣнно предшествовавшія эпидеміи (какъ въ этомъ я лично убѣдился тогда въ клиникѣ профессора Захарьина въ Москвѣ) остались неузнанными.

2. Въ Петербургѣ вообще инфекціонныя болѣзни отличаются непостоянствомъ припадковъ. Въ нынѣшнемъ академическомъ году нѣкоторыя инфекціонныя болѣзни (напр., рожа, инфекціонныя—не заразительныя сыпи) отличаются такими осложнениями или проявляются въ такихъ формахъ, которыхъ мнѣ почти не приходилось наблюдать ни въ моей клиникѣ, ни въ городѣ въ предшествовавшіе 6 лѣтъ. Если и при тифахъ въ нынѣшнемъ году несравненно чаще наблюдается припуханіе железъ,—то неужели это такъ-таки вотъ и должно неизменно указывать на дѣйствіе чумной заразы? Вирховъ, напр., говоритъ, что въ 1877 г. въ Берлинѣ и при брюшномъ тифѣ наблюдалось иногда даже *наименее паховыхъ железъ* (т. е. гноящихся бубоновъ). Почему-же въ Петербургѣ встрѣчающееся *иногда припуханіе* (даже не нагноеніе) железъ должно выражать собою чуму? Подобно Петербургу, припуханіе железъ наблюдалось въ Казани и Одессѣ, значить—и тамъ чума? При этомъ невольно приходитъ на умъ замѣчаніе Либермейстера: „Не

слѣдуетъ забывать, что во время чумы наблюдатели часто склонны считать за чуму и другія формы болѣзней!“ Не явились-ли и у насъ легкія формы чумы подъ вліяніемъ *предполагаемой* чумы въ Ветлянкѣ?

3. Но допустивъ, что въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи наблюдаются въ настоящее время легкія формы чумы, то разъ и навсегда слѣдуетъ *откровенно* поставить вопросъ объ источникахъ заноса чумной заразы. Такимъ источникомъ могутъ быть въ данномъ случаѣ только наши арміи. Отчего-же общество русскихъ врачей, *отступающее* и отстаивающее легкія формы чумы, не поставить этого вопроса на обсужденіе? Если разъ будетъ доказано, что въ обѣихъ нашихъ арміяхъ была чума,—тогда скептицизмъ по отношенію къ легкимъ формамъ чумы долженъ будетъ совершенно измѣниться, тогда и санитарныя мѣры должны быть совершенно другія, чѣмъ приписываемыя теперь при возвращеніи нашихъ войскъ изъ Турціи. Я полагаю, что обсужденіе этого вопроса въ ученomъ обществѣ было-бы поважнѣе и болѣе-бы соотвѣтствовало общественнымъ интересамъ, чѣмъ бесплодное полосканье Наума Прокoфьева.

VI.

Въ числѣ предохранительныхъ мѣръ противъ чумы первое мѣсто занимаютъ *карантины*.

Но и относительно значенія карантинновъ существуетъ такая-же разногласица, какъ и относительно всѣхъ другихъ вопросовъ, касающихся чумы. Одни отрицаютъ всякое значеніе карантинновъ, другіе въ нихъ только и видятъ единственное спасеніе. Никто, конечно, не сомнѣвается въ томъ, что *полное изолированіе* зачумленнаго дома, деревни, города, края, цѣлой страны отъ смежныхъ мѣстностей, гдѣ болѣзнь еще не появилась, составить радикальную мѣру противъ распространенія заразы; но весь вопросъ въ томъ, какъ такую мѣру привести въ исполненіе?

Какъ образецъ карантина, вполне соотвѣтствующаго своему назначенію, приводятъ описаніе карантина, устроеннаго около маленькаго городка Ножа въ нижней Италіи, въ которомъ въ 1815 году появилась чума.

Городокъ былъ окруженъ двумя глубокими рвами, на разстояніи 30 сажень одинъ отъ другого. Рвы прерывались небольшою перемычкой противъ городскихъ воротъ, что было необходимо для доставленія въ городъ съѣстныхъ припасовъ. Рвы были заняты часовыми, разставленными другъ отъ друга на такомъ

разстояніи, что могли между собою переключаться. Въ 10 миляхъ разстояніи отъ города поставленъ былъ второй кордонъ и, наконецъ, третій кордонъ около всей провинціи Бари, гдѣ находилась Нойя. Противъ воротъ города были поставлены пушки. Солдатамъ перваго кордона отдано было приказаніе стрѣлять въ каждого, кто только покусится пройти чрезъ кордонъ. Такое приказаніе не было простою угрозою. Чумной больнои, въ бреду убѣжавшій изъ госпиталя и пытавшійся прорваться сквозь кордонъ, двумя выстрѣлами былъ положенъ на мѣстѣ. Одинъ изъ жителей Нойи перебросилъ солдату колоду картъ: и гражданинъ, бросившій карты, и солдатъ, поднявшій ихъ, по приговору военнаго суда были разстрѣляны. Изъ города принимались только письма, предварительно опущенныя въ укусу.

Мыслимо-ли устройство такого карантинна въ настоящее время и притомъ на такомъ протяженіи, какъ, на примѣръ, вся астраханская губернія? Вообще, карантинное оцѣпленіе цѣлыхъ губерній слѣдуетъ считать совершенно бесполезнымъ, если не безусловно вреднымъ въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Такъ, на примѣръ, относительно мѣръ, принятыхъ прусскимъ правительствомъ, Вирховъ говоритъ, что мѣры эти послужили только къ тому, чтобы *безпокоить* населеніе, а не *успокоить* его. Если мы изъ Европы получаемъ дружескіе совѣты устроить карантинъ по-строже и по-шире, то къ совѣтамъ этимъ слѣдуетъ относиться съ крайнею осторожностію. По нѣкоторымъ заявленіямъ, сдѣланнымъ въ Англіи и Германіи, можно съ положительностію утверждать, что тамъ устройство *внутреннихъ* карантинныхъ, по крайней мѣрѣ, на большомъ протяженіи, встрѣтило-бы со стороны образованнаго общества энергической отпоръ. Вирховъ въ своей лекціи на этотъ счетъ выражается вполне откровенно. „Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, говоритъ онъ, что на Россію слѣдуетъ употребить всевозможное давленіе, чтобы заставить ее зараженныя мѣстности окружить карантинномъ. Но еслибы, по несчастію, чума появилась у насъ, то мы не стали-бы стѣснять сношеній и постарались-бы какъ можно скорѣе отдѣлать заболѣвшихъ отъ здоровыхъ въ больницы“.

Сообразно тѣмъ отвратительнымъ гигиеническимъ условіямъ, въ которыхъ пребываютъ всѣ города и веси російской имперіи, карантинное оцѣпленіе отдѣльныхъ селъ, быть можетъ, даже маленкихъ городковъ, слѣдовало-бы считать безусловно необходимымъ. Къ сожалѣнію, нынѣшняя ветлянская эпидемія и въ этомъ отношеніи не позволяетъ сдѣлать никакихъ выводовъ. Ветлянка, какъ выше было сказано, подверглась карантину съ 22-го декабря (съ того дня, когда смертность съ 39 душъ въ день дошла до 4);

случаевъ заноса болѣзни изъ Ветлянки въ другія мѣста какъ до карантина, такъ и *послѣ* карантинна до сихъ поръ опубликовано не было *), и потому трудно судить, вышелъ-ли какой-нибудь толкъ изъ ветлянскаго карантинна или нѣтъ.

Случаи изъ прежнихъ эпидемій (въ Москвѣ, Египтѣ) показываютъ, что въ мѣстахъ, пораженныхъ чумою, отдѣльные дома остаются совершенно свободными отъ заразы, если обитатели этихъ домовъ прекращали всякія сношенія съ другими жителями того же города или села.

У насъ въ зачумленномъ краѣ также принимались мѣры къ полному отдѣленію зараженныхъ домовъ въ селахъ; интересно будетъ знать, какой получился при этомъ результатъ.

Такъ-какъ при нынѣшнихъ условіяхъ общественной жизни рассчитывать на карантинное изолированіе большихъ мѣстностей не представляется возможнымъ, то для предупрежденія распространенія заразы наилучшимъ средствомъ слѣдуетъ считать *улучшеніе гигиенической обстановки* населенія, т. е. изобиліе чистой воды и здоровой пищи, сообразныя съ временемъ года одежду и обувь; просторное помѣщеніе, больше свѣта, больше воздуха; какъ можно меньше всевозможной грязи; отсутствіе непосильнаго, изнурительнаго труда и пр., и пр.,—все это въ совокупности и составляетъ улучшеніе гигиеническаго быта населенія. Подобные совѣты сыпались дождемъ на наше общество, когда слышали о чумѣ на Волгѣ. Да, легко давать подобные совѣты и легко доказать пользу такихъ мѣръ. Впрочемъ, едва-ли кто и нуждается въ томъ, чтобы ему доказывали, что быть сытымъ гораздо лучше, чѣмъ голоднымъ; что зимою носить теплые сапоги и полушубки несравненно лучше, чѣмъ быть босымъ и въ одномъ кафтанишкѣ. Но вопросъ въ томъ, какъ провести въ жизнь эти гигиеническія улучшенія, т. е. какъ измѣнить тотъ ненормальный социальный бытъ, въ которомъ находится масса русскаго народа?

Здѣсь, читатель, медицина незамѣтно переходитъ на почву, мало ей знакомую и потому я предоставляю рѣшеніе этого вопроса другимъ. Для меня, какъ врача, достаточно указать, что самымъ лучшимъ, самымъ вѣрнымъ средствомъ предохранить населеніе отъ чумы, равно какъ отъ всякой другой заразной эпидемической болѣзни (не только физической, но и нравственной)—это улучшеніе гигиеническихъ условій, въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Рядомъ съ улучшеніемъ матеріальнаго быта народа, поднятіе

*) Писалось о заносѣ въ пронскій уѣздъ, но и тамъ случай былъ единичный, съ невольнѣ опредѣлившимся характеромъ.

умственного и нравственного уровня его развитія составляет такое-же необходимое условіе въ дѣлѣ борьбы съ эпидеміями. Въ прошлой статьѣ было уже сказано, что *нищета и невежество* составляютъ самую удобную почву для развитія всякаго рода эпидемій. Дѣйствительно, у насъ есть цѣлый классъ, несуществующій въ Европѣ, который, несмотря на обладаніе капиталами, живетъ въ такой грязи, которую крестьянинъ выносить только по необходимости. Я говорю о большинствѣ нашего купечества и богатаго мѣщанства.

Какъ сдѣлать, чтобы крестьяне не жгли публично живыхъ людей, не продавали въ кабакахъ своихъ женъ за 4 рубля; чтобы купцы и мѣщане, обладающіе десятками тысячъ капитала, не жили въ свиныхъ логовищахъ и пр.—опять-таки рѣшать не дѣло медицины; она обязана только поставить на видъ этотъ вопросъ, а рѣшеніе его предоставить другимъ.

Ну, а чѣмъ-же лѣчить чуму, спросить, быть можетъ, читатель?— На радикальное леченіе указано выше; леченіе послѣ заболѣванія должно состоять въ немедленномъ отдѣленіи заболѣвшихъ отъ здоровыхъ въ спеціальныя больницы, гдѣ гигиеническое лѣченіе будетъ играть главную, если не единственную роль; при чемъ всѣ вещи, бывшія при больныхъ слѣдуетъ непременно сжигать. Что же касается аптечнаго лѣченія, то... то пошлите за докторомъ и онъ навѣрно пропишетъ вамъ микстуру, капельки или порошки, хотя то, и другое, и третье едва-ли поможетъ вамъ.

18 марта 1879 г.

А. Полотебновъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ МАРОДЕРСТВО.

Признаемся, мы давно, очень давно не брали въ руки „Собранія иностранныхъ романовъ“, — не брали именно съ тѣхъ поръ, какъ у этого органа явились болѣе сильные конкуренты и начали возбуждать, шекотать и увеселять російскую публику на всевозможные лады. Какъ ни пикантенъ репертуаръ „Собранія иностр. романовъ“, съ его *Убийствами, Тайнственными происшествіями, Огненными женщинами, Сигналами бѣдствія, Тайнами дома, Съ тысячью одной супружеской ночью* и т. п. чепухой, фабрикуемой въ переводной мастерской г-жи Ахматовой; но все-же она не умѣетъ такъ увеселять и развлекать купеческихъ дочекъ, скучающихъ за щелканіемъ орѣшковъ, и купеческихъ сынковъ, зѣвающихъ за прилавками своихъ магазиновъ, какъ, напр., гг. Львовъ, Гатцугъ, Корнфельдъ и т. под. журнальные гаеры. Куда ей до нихъ! Вѣроятно, мы и теперь не заговорили-бы о журналѣ г-жи Ахматовой, если-бы не напомнилъ намъ одинъ изъ читателей „Дѣла“. Вотъ что, между прочимъ, онъ пишетъ намъ:

„Недавно я пробѣжалъ въ журналъ г-жи Ахматовой романъ, подъ названіемъ *Мас-Горка* — Густава Эмара, и сталъ припоминать, что романъ этотъ былъ мною уже читанъ; тоже содержаніе, тѣ-же дѣйствующія лица, та-же сцена дѣйствія. Справившись, я убѣдился, что романъ этотъ, въ переводѣ съ испанскаго языка, былъ напечатанъ въ „Дѣлѣ“ 1868 г., подъ заглавіемъ „Друзья—хуже враговъ“, и авторъ его названъ *Хозе Мармоль*, а у Ахматовой—*Густавъ Эмаръ*. Кому-же онъ, дѣйствительно, принадлежитъ—испанскому писателю Мармоль или французскому Эмару? Кто мистифируетъ своихъ читателей—журналъ „Дѣло“ или журналъ г-жи Ахматовой?“ Такъ или почти такъ поставленъ вопросъ однимъ изъ нашихъ читателей, на который мы обязаны отвѣтить хотя-бы ради того, чтобы показать, что душою Юханцевыхъ и Гулакъ-Артемовскихъ — вездѣсущъ; онъ проникъ не только во всѣ кассы

и карманы, но даже въ наши увеселительные литературные органы.

Что романъ „Друзья—хуже враговъ“, напечатанный въ „Дѣлѣ“ и переведенный покойнымъ г. Петровымъ, принадлежитъ испанскому писателю Хозе Мармола—въ этомъ убѣдиться не трудно. Въ каждомъ иностранномъ каталогѣ, въ отдѣлѣ испанской литературы, стоитъ имя Хозе Мармола и его романъ изъ жизни аргентинской республики, пользовавшійся нѣкогда громаднымъ успѣхомъ въ Испаніи. Слѣдовательно, достаточно сравнить оригиналъ съ нашимъ переводомъ, чтобы убѣдиться: кто мистифируетъ своихъ читателей—мы или г-жа Ахматова?

Но, вѣроятно, немногіе захотятъ справляться и сравнивать, а еще гораздо больше такихъ, которые, не зная испанскаго языка, не въ состояніи этого сдѣлать, и потому мы должны познакомить ихъ съ самымъ процессомъ литературнаго мародерства, совершеннаго г-жей Ахматовой. Возьмемъ на выдержку нѣсколько строкъ нашего перевода и сопоставимъ его съ переводомъ г-жи Ахматовой:

Переводъ журнала „Дѣло“: Переводъ „Собранія Иностраннаго Романа“:

„Четвертаго мая 1840 года ночью, около половины одиннадцатаго, шесть чело-
вѣкъ проходили черезъ дворъ небольшого домика, въ улицѣ Бельграно въ городѣ Буэносъ-Айресѣ. Возлѣ стѣны, погруженныхъ въ ночную темноту, одинъ изъ спутниковъ остав-
навливается и говоритъ другимъ:

— Еще одна предосторожность.

(„Дѣло“, янв. 1868 г. стр. 217.)

4-го мая 1840 года, въ половинѣ
одиннадцатаго вечеромъ, шесть чело-
вѣкъ шли тихими шагами, безпре-
станно бросая воокругъ тревожные
взгляды, по двору дома скромной
наружности въ улицѣ Бельграно въ
Буэносъ-Айресѣ. У выходной двери
одинъ изъ нихъ остановился и ска-
залъ своимъ товарищамъ:

— Еще одна предосторожность.

(Собр. Иност. ром. ноябрь 1878 г.
стр. 1.)

Перевернемъ нѣсколько страницъ, и будемъ читать дальше.

Первое мѣненіе.

Когда Даниель уложилъ Эдуардо на диванѣ, Амалія бѣгомъ поспѣшила въ уютный смежный съ залой кабинетъ, отдѣленный отъ нея стеклян-
ной дверью. Здѣсь со стола изъ чернаго мрамора Амалія взяла маленькую алебастровую лампу, при свѣтѣ которой читала *Meditations* (размышленія) Ламартина, когда Даниель постукался въ окно и, возвратясь въ залу, поставила лампу на круглый столъ изъ краснаго дерева, покрытый книгами и цвѣточными вазами“.

(„Дѣло“, стр. 237.)

Гостепріимство.

Пока *дон-Мигуэль* влялъ *дон-Луиса* на диванъ, *донья Гермоза* — такъ звали молодую кузину *дон-Мигуэля*—побѣжала въ кабинетъ, смежный съ гостиной, отъ которой былъ отдѣленъ зеркальнымъ стекломъ и вляла на черномъ маленькомъ столѣкъ небольшую алебастровую лампу, при свѣтѣ которой читала *Созерцанія Виктора Гюго*, когда ея кузень постукался въ окно и, вернувшись тотчасъ въ гостиную, поставила лампу на столѣкъ краснаго дерева, покрытый книгами и цвѣтами“.

(Собр. Иностр. ром. стр. 23.)

Чтобы замаскировать крайне неуклюжую передѣлку чужого

труда, г-жа Ахматова перелицовываетъ нѣкоторыя фразы по-своему, даже присочиняетъ отъ себя, превращаетъ Даніеля въ донъ-Мигуэла, Амалію въ какую-то донью-Гермозу и навязываетъ В. Гюго изобрѣтенныя ея собственной худосочной фантазіей какія-то *Созерманія*, которыхъ онъ никогда не писалъ. Это уже не просто присвоеніе чужой собственности, а присвоеніе, такъ-сказать, со взломомъ... Мы могли бы изъ страницы въ страницу сопоставить весь романъ Хозе Мармоля съ искаженіями и поддѣлками его въ журналѣ г-жи Ахматовой, еслибъ не боялись совершенно напрасно утомлять вниманіе читателя. Очевидно, Мас-Горка сфабрикованъ, по всѣмъ правиламъ виноторговцевъ, выдающихъ отвратительную смѣсь можжевеловой настойки за чистый хересъ; но что можно дѣлать въ темныхъ подвалахъ, при сальномъ огаркѣ, того, казалось-бы, нельзя было фабриковать въ печати, при полномъ дневномъ свѣтѣ. Что особенно возмутительно со стороны г-жи Ахматовой—это вторгаться такъ безцеремонно въ авторское право, приписывать чужое произведеніе другому автору, причемъ она, конечно, воспользовалась тѣмъ, что ни Хозе Мармоль, ни Густавъ Эмаръ—какъ иностранные писатели, которые, конечно, и не слыхивали, что на свѣтѣ существуетъ какое-то „Собраніе иностранныхъ романовъ“,—никогда не узнаютъ о циническомъ маскарадѣ, въ которомъ ихъ выводитъ г-жа Ахматова. Воображаемъ, какъ-бы довольны были и какое-бы лестное мнѣніе составили о нашихъ литературныхъ нравахъ и Хозе Мармоль, и Густавъ Эмаръ, еслибы узнали, какъ ихъ выдаютъ въ русской журналистикѣ за самозванцевъ. Одно, конечно, смягчающее обстоятельство можетъ представить въ свое оправданіе г-жа Ахматова: она можетъ сказать, —отчего-же и мнѣ не помистифицировать публику, когда ее мистифицируетъ каждый и какъ ему угодно, когда поддѣлываются векселя, чеки, имена, репутаціи, когда гг. Суворины и Комаровы, Полетяны и Трубниковы выдаютъ себя за руководителей общественнаго мнѣнія, —однимъ словомъ, когда литература обращается въ сплошной подлогъ. Что-же удивительнаго, если и г-жѣ Ахматовой захотѣлось превратить Хозе Мармоля въ Густава Эмара и „Друзья—хуже враговъ“ передѣлать въ Мас-Горку? И, въ самомъ дѣлѣ, что тутъ удивительнаго, когда насъ уже ничѣмъ не удивишь?

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАРОДНАЯ ШКОЛА

въ 1879 году (годъ XI)

Журналъ одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ.

Вступивъ уже во второе десятилѣтіе своего существованія, журналъ „Народная Школа“ будетъ издаваться на прѣжнихъ основаніяхъ, по прѣжней програмѣ и при участіи всѣхъ прѣжнихъ сотрудниковъ.

Въ програму журнала входитъ обсужденіе всѣхъ вопросовъ, касающихся народнаго образованія, а также обученія и воспитанія. Въ „приложеніяхъ“ помѣщаются: политическія извѣстія въ формѣ связнаго разсказа, чтенія для народа и разныя статьи научнаго содержанія. Въ 1878 г. въ журналѣ были напечатаны статьи гг. Весина, Водовозова, Гербача, Гуревича, Иверсена, бар. Корфа (о Парижской всемірной выставкѣ), Михайловскаго, Павловича, Рейнбота, Д. Семенова, Ав. Соколова, Тихомирова, Фармаковскаго и др. Въ вышедшихъ трехъ книжкахъ за 1879 г. помѣщены статьи: Асонова, Земническаго (объ объяснительномъ чтеніи), Каптерева (о Спенсерѣ), Карновича (разказы изъ русской исторіи), Вс. Миропольскаго (историч. очеркъ народнаго просвѣщенія въ Сѣв. Америкѣ), Пятновскаго (педагогич. хроника), Фесенко и др.

„Народная Школа“ выходитъ въ 1879 г., по прѣжнему, ежемѣсячными книжками, отъ 4 до 6 печатныхъ листовъ. Годовая цѣна четыре руб. пятьдесятъ коп. съ пересылкою и доставкою. Иногородные адресуются исключительно въ главную контору „Народной Школы“, Спб., Васильевск. островъ, 6 линія, № 25. По тому-же адресу и по той-же цѣнѣ можно выписывать оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры журнала за 1878 г. (нов. редакціи) и за всѣ прѣжніе годы изданія, кромѣ 1870 и 1875.

Редакторы-Издатели { В. Егупшевскій.
А. Пятковскій.

Рѣчь гласнаго Ланина въ Москвѣ.—Перводрестольная столица, задыхающаяся отъ миазмовъ. — Ученая экспедиція на мѣстѣ заразы. — Поиски за самоотверженными докторами и недостатокъ таковыхъ въ Москвѣ. — Чувствительная переписка московскаго городского головы съ профессоромъ Минхомъ.—Дезинфекція Петербурга.—Можно-ли все сваливать на петербургскій климатъ? — Историческіе бубоны Наума Прокофьева. — Полемиическая чума, обуявшая нашу прессу. — Полемиическіе чирья и стружья.—Проектъ литературнаго намордника на необузданныхъ ругателей.—Неприятѣнность у насъ литературнаго „суда чести“.—Отсутствіе принциповъ, какъ причина безцѣльной и безсмысленной ругани. — Мнѣніе Хомякова о нѣкоторыхъ моментахъ въ исторіи литературнаго развитія.

17. ЧУМА. (Окончаніе). . . . . Д-РА А. ПОЛОТЪВОВА.

18. ЛИТЕРАТУРНОЕ МАРОДЕРСТВО.

19. ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“
ВЪ 1879 ГОДУ.

Продолженіе романа Е. Л. Маркова „БЕРЕГЪ МОРЯ“,
а также „КАРТИНОКЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ“ —
отложено до слѣдующей книги „ДѢЛА“.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

четвертое изданіе книги:

ПОПУЛЯРНАЯ ГИГИЕНА,

Настольная книга для сохранения здоровья и рабочей силы въ
средѣ народа.

Соч. КАРЛА РЕКЛАМА (профессора медицины въ Лейпцигѣ)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ВОЕННОЙ ГИГИЕНЫ

Соч. Д-ра ВЕЙМАНА.

(Швейцарскаго гигиениста.)

Изданіе редакціи журнала „Дѣло“. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

При этомъ № помѣщены объявленія: 1) объ изданіи журнала „Дѣло“ въ 1879 г.; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“; 3) о подпискѣ на журналъ „Народная Школа“.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1879 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39.)

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, ко-
торые подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „Дѣло“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	15 „ 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „
„ за-границу	19 „

Для слушащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручи-
тельствомъ г. назначеивъ.

Издатель Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ. Редакторъ Н. ШУЛЬГИНЪ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 444